ACADEMIA

В. М. Гаршин
Этюд И. Е. Репина 1883—1884 г.

В. М. ГАРШИН

ПИСЬМА

ACADEMIA
1934

Переплет и суперобложка
по рисункам А. Н. Лео

ОТ РЕДАКТОРА

Письма В. М. Гаршина, объединенные в настоящем издании, в своей основной части впервые входят не только в массовый читательский, но и в специальный научно-исследовательский оборот.

Из 508 печатаемых нами писем до сих пор известно было 96, т. е. примерно одна пятая часть, рассеянная к тому же по малодоступным ныне изданиям и обезображенная тройною цензурой: царской — во-первых, либерально-народнической — во-вторых, родных и близких писателя — в-третьих. Само собой разумеется, что все традиционные схемы жизненного и литературного пути В. М. Гаршина, основанные на этих случайных, скудных и зачастую тенденциозно обескровленных материалах, после выхода настоящего издания в свет должны быть от начала и до конца перестроены.

Письма В. М. Гаршина, включенные в настоящее издание, печатаются нами по автографам, находящимся ныне в восьми государственных архивохранилищах (Пушкинский Дом Академии Наук СССР, Государственная публичная библиотека имени В. И. Ленина в Москве, Ленинградская государственная публичная библиотека, Ленинградское отделение Центрархива РСФСР, Государственный исторический музей в Москве, Театральный музей имени Бахрушина, Государственный институт книговедения, Литературный музей союза Советских Писателей) и в пяти частных собраниях (Н. М. Гаршиной, М. Г. Успенской, А. Е. Бурцева, А. П. Оксман и В. Г. Черткова). Текст прежних публикаций тех или иных писем тщательно учитывался лишь при отсутствии автографов. Так, например, перепечатаны нами даже все цитаты из утраченных писем Гаршина, включенные в сводку Я. В. Абрамова «Материалы для биографии В. М. Гаршина» или в воспоминания о последнем В. А. Фаусека, М. Н. Кулешова, А. П. Налимова и др.

Детские и отроческие письма Гаршина, необходимые для уяснения начальных страниц биографии писателя, но интересные все же лишь для небольшого круга специалистов, печатаются *в приложениях* к настоящему изданию.

Все письма, как беловые, так и черновые, воспроизводятся нами в их последних редакциях, причем из зачеркнутых самим автором слов отмечаются в прямых скобках ([ ]) лишь те, которые имеют известную тематическую значимость. По возможности сохраняя при переводе текста писем на новую орфографию характерные для Гаршина фонетические или этимологические особенности начертания тех или иных слов, мы не сочли

нужным в настоящем издании буквально следовать пунктуации автографов, поскольку в последних отсутствуют нередко даже самые необходимые знаки раздела предложений.

Все явные описки нами исправлены без оговорок; пропущенные же в подлиннике слова восстанавливаются в редакторских угловых скобках (〈 〉).

Письма, самим Гаршиным не датированные, приурочены в настоящем издании (за редкими исключениями) к определенным годам, месяцам и даже дням, на основании тщательнейшего учета всех связей их с другими материалами переписки, путем детального разбора содержащихся в них данных о тех или иных эпизодах литературно-общественной и политической жизни 70—80-х годов или о конкретных фактах личной биографии писателя и, наконец, при помощи некоторых чисто палеографических признаков (формат и качество бумаги, цвет чернил и проч.). В некоторых случаях облегчали точную датировку отметки адресатов о времени получения ими писем. (Особенно ценны в этом отношении записи Е. С. и Н. М. Гаршиных). Все установленные таким образом даты печатаются в угловых скобках, причем особо сложные или спорные датировки специально мотивируются в примечаниях к соответствующим письмам.

Все сведения о нынешнем местонахождении и прежних публикациях писем Гаршина выделены нами в особый отдел примечаний — «Алфавитный указатель адресатов и архивно-библиографические справки о письмах Гаршина». Все справки биографического порядка о лицах, фамилии, имена и прозвища которых встречаются в тексте писем Гаршина, даны в аннотированном именном указателе к изданию. В приложениях к последнему печатаются пояснительные заметки и воспоминания Н. М. Гаршиной, предоставленные нам для использования в «Полном собрании сочинений и писем В. М. Гаршина».

Принося глубокую благодарность всем учреждениям и лицам, оказавшим нам содействие в многолетней работе над настоящим изданием, считаем необходимым особо отметить участие в последнем вдовы писателя, Надежды Михайловны Гаршиной. За ценные справки, связанные с розысками, сверкой и комментированием писем Гаршина, признательны мы еще В. М. Латкину, Е. М. Гаршину, Е. В. Базилевской, Т. Г. Зенгер, Н. Ф. Бельчикову, Н. И. Мордовченко, М. Г. Успенской, С. Н. Дурылину, Н. К. Пиксанову, Н. К. Гудзию, С. А. Рейсеру и И. В. Сергиевскому. В подборе редкого иконографического материала, в основной своей части воспроизводимого нами впервые (портреты и фотографии Гаршина, группы его родных и друзей, рисунки писателя и пр.), ближайшее участие принимал Д. С. Бабкин.

Сообщая все необходимые фактические пояснения к самому тексту писем в примечаниях к настоящему тому, мы характеристику мировоззрения Гаршина дадим в связи с анализом его творчества в общей вступительной статье к I тому выпускаемого собрания сочинений.

Ю. Г. Оксман

АВТОБИОГРАФИЯ В. М. ГАРШИНА[1]

Род Гаршиных — старый дворянский род. По семейному преданию, наш родоначальник мурза Горша или Гарша вышел из Золотой Орды при Иване III и крестился; ему или его потомкам были даны земли в нынешней Воронежской губернии, где Гаршины благополучно дожили до нынешних времен и даже остались помещиками в лице моих двоюродных братьев, из которых я видел только одного, да и то в детстве. О Гаршиных много сказать не могу. Дед мой Егор Архипович был человек крутой, жестокий и властный: порол мужиков, пользовался правом [primae noctis и *выливал кипятком* фруктовые деревья непокорных однодворцев. Он судился всю жизнь с соседями из-за каких-то подтопов мельниц и к концу жизни сильно расстроил свое крупное состояние, так что отцу моему, одному из четверых сыновей и одиннадцати или двенадцати детей, досталось только семьдесят душ в Старобельском уезде. Странным образом, отец мой был совершенною противуположностью деду: служа в кирасирах (в Глуховском полку) в николаевское время, он никогда не бил солдат; разве уж когда очень рассердится, то ударит фуражкой. Он кончил курс в 1 Московской гимназии и пробыл года два в Моск. университете на юридическом факультете, но потом, как он сам говорил, «увлекся военной службой» и поступил в кирасирскую дивизию. Квартируя с полком на Донце и ездя с офицерами по помещикам, он познакомился с моею матерью, Е⟨катериной⟩ С⟨тепановной⟩, тогда еще Акимовою, и в 48 г. женился.

Ее отец, помещик Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, отставной морской офицер, был человек очень образованный и редко хороший. Отношения его к своим крестьянам были так необыкновенны в то время, что окрестные помещики прославили его опасным вольнодумцем, а потом и помешанным. Помешательство его состояло, между прочим, в том, что в голод 1843 года, когда в тех местах чуть не полнаселения вымерло

от голодного тифа и цынги, он заложил имение, занял денег и сам привез «из России» большое количество хлеба, которое и роздал даром голодавшим мужикам, своим и чужим. К сожалению, он умер очень рано, оставив пятерых детей; старшая, моя мать, была еще девочкой, но его заботы о воспитании ее принесли плоды — и после его смерти попрежнему выписывались учителя и книги, так что ко времени выхода замуж моя мать сделалась хорошо образованной девушкой по тогдашнему времени, а для глухих мест Екатеринославской губ. даже редко образованной.

Я родился третьим (в имении бабушки, в Бахмутском уезде), 2 февраля 1855 г., за две недели до смерти Николая Павловича. Как сквозь сон помню полковую обстановку, огромных рыжих коней и огромных людей в латах, белых с голубым колетах и волосатых касках. Вместе с полком мы часто переезжали с места на место; много смутных воспоминаний сохранилось в моей памяти из этого времени, но рассказать я ничего не могу, боясь ошибиться в фактах. В 1858 г. отец, получив наследство от умершего деда, вышел в отставку, купил дом в Старобельске, в 12 в. от которого было наше именье, и мы стали жить там. Во время освобождения крестьян отец участвовал в харьковском комитете, членом от Староб. уезда. [2] Я в это время выучился читать; выучил меня по старой книжке «Современника» (статьи не помню) наш домашний учитель П. В. Завадский, впоследствии сосланный за беспорядки в Харьк. унив. в Петрозаводск и теперь уже давно умерший.

Пятый год моей жизни был очень бурный. Меня возили из С. в Харьков, из Х. в Одессу, оттуда в Х. и назад в С. (все это на почтовых, зимою, летом и осенью); некоторые сцены оставили во мне неизгладимое воспоминание и б. м. следы на характере. Преобладающее на моей физиономии печальное выражение, вероятно, получило свое начало в эту эпоху.[3]

Старших братьев отправили в Петербург; матушка поехала с ними, а я остался с отцом. Жили мы с ним то в деревне, в степи, то в городе, то у одного из моих дядей в С‹таробельском› же уезде. Никогда, кажется, я не перечитал такой массы книг, как в три года жизни с отцом, от пяти до восьмилетнего возраста. Кроме разных детских книг (из которых особенно

памятен мне превосходный «Мир божий» Разина), я перечитал все, что мог едва понимать из «Современника», «Времени» и других журналов за несколько лет. Сильно на меня подействовала Бичер-Стоу («Хижина д⟨яди⟩ Тома» и «Жизнь негров»). До какой степени свободен был я в чтении, может показать факт, что я прочел «Собор Парижской Богоматери» Гюго в семь лет (и перечитав его в 25, не нашел ничего нового), а «Что делать» читал по книжкам в то самое *время, когда Чернышевский сидел в крепости.* Это раннее чтение было без сомнения очень вредно. Тогда же я читал Пушкина, Лермонтова («Герой нашего времени» остался совершенно непонятым, кроме Бэлы, об которой я горько плакал), Гоголя и Жуковского. В 1863 г. матушка приехала за мною из Петербурга и увезла с собою. 15 августа мы въехали в него после путешествия из Старобельска до Москвы на перекладных и от М. по жел. дороге; помню, что Нева привела меня в неописанный восторг (мы жили на В. О.), и я начал даже с извощика сочинять к ней стихи, с рифмами «широка» и «глубока».

С тех пор я петербургский житель, хотя часто уезжал в разные места. Два лета провел у П. В. Завадского в Петрозаводске; потом одно на даче около Петербурга; потом жил в Сольце Псковской губ. около полугода; несколько лет живал по летам в Старобельске, в Николаеве, в Харькове, в Орловской губернии, на Шексне (в Кирилловском уезде). Последний мой отъезд из Петербурга был очень продолжителен: я прожил около $1^1/_2$ лет в деревне у одного из своих дядей, В. С. Акимова, в Херсонском уезде, на берегу Бугского лимана.

В 1864 г. меня отдали в 7 Спб. гимназию в 12 л. В. О. Учился я вообще довольно плохо, хотя не отличался особою леностью: много времени уходило на постороннее чтение. Во время курса я два раза болел и раз остался в классе по лености, так что семилетний курс для меня превратился в десятилетний, что, впрочем, не составило для меня большой беды, т. к. я поступил в гимназию 9 лет. Хорошие отметки я получал только за русские «сочинения» и по естественным наукам, к которым чувствовал сильную любовь, не умершую и до сих пор, но не нашедшую себе приложения. Математику искренно ненавидел, хотя трудна она мне не была, и старался по возможности избе-

гать занятий ею. Наша гимназия в 1866 г. была преобразована в реальную гимназию и долго служила образцовым заведением для всей России. (Теперь она — 1 реальное училище). Мне редко случалось видеть воспитанников, которые сохраняли бы добрую память о своем учебном заведении; что касается до седьмой гимназии, то она оставила во мне самые дружелюбные воспоминания. К В. Ф. Эвальду (директор в мое время, директор и теперь) я навсегда, кажется, сохраню хорошие чувства. Из учителей я с благодарностью вспоминаю В. П. Геннинга (словесность) и М. М. Федорова (ест. истор.); последний был превосходный человек и превосходный учитель, к сожалению погубленный рюмочкой. Он умер несколько лет тому назад.

Начиная с 4 класса я начал принимать участие (количественно, впрочем, весьма слабое) в гимназической литературе, которая одно время у нас пышно цвела. Одно из изданий «Вечерняя Газета» выходило еженедельно, аккуратно в течение целого года. Сколько помню, фельетоны мои (за подписью «Агасфер») пользовались успехом. Тогда же под влиянием «Илиады» я сочинил поэму (гекзаметром) в несколько сот стихов, в которой описывался наш гимназический быт, преимущественно драки.

Будучи гимназистом, я только первые три года жил в своей семье. Затем мы с старшими братьями жили на отдельной квартире (им тогда было 16 и 17 лет); следующий год прожил у своих дальних родственников; потом был пансионером в гимназии; два года жил в семье знакомых петербургских чиновников и наконец был принят на казенный счет.[4]

Перед концом курса я выдержал тяжелую болезнь, от которой едва спасся после полугодового леченья. В это же время застрелился мой второй брат...

Не имея возможности поступить в университет, я думал сделаться доктором. Многие из моих товарищей (предыдущих выпусков) попали в Медицинскую академию и теперь доктора. Но как раз ко времени моего окончания курса Делянов подал записку покойному государю, что вот, мол, реалисты поступают в Мед. акад., а потом проникают из академии и в университет. Тогда было приказано реалистов в доктора не пускать. Пришлось выбирать какое-нибудь из технических заведений: я выбрал то, где поменьше математики, Горный институт. Я поступил в него

в 1874 году. В 1876 хотел уйти в Сербию, но, к счастью, меня не пустили, т. к. я был призывного возраста. 12 апреля 77 г. я с товарищем (Афанасьевым) готовился к экзамену из химии; принесли манифест о войне. Наши записки так и остались открытыми: мы подали прошение об увольнении из института и уехали в Кишинев. В кампании я был до 11 августа, когда был ранен. В это время, в походе, я написал свою первую, напечатанную в «О⟨течественных⟩ З⟨аписках⟩» вещь, «Четыре дня». Поводом к этому послужил действительный случай с одним из солдат нашего полка (скажу кстати, что сам я ничего подобного никогда не испытал, так как после раны был сейчас же вынесен из огня).[5]

Вернувшись с войны, я был произведен в офицеры, с большим трудом вышел в отставку (теперь меня зачислили в запас).[6] Некоторое время ($^1/_2$ г.) слушал лекции в Университете (по историко-филологич. факультету). В 1880 заболел и по этому-то случаю и прожил долго в деревне у дяди. В 1882 г. вернулся в Петербург; в 1883 женился на Н. М. Золотиловой, в том же году поступил на службу секретарем в железнодорожный съезд.

23 августа 1884 г.
Спб.

В. Гаршин

выбрать какое-нибудь из технических заведений: я выбрал то, где меньше математики, — Горный институт. Я поступил в него в 1874 году. В 1876 хотел идти в Сербию, но меня не пустили, т. к. я был призывного возраста. 12 апреля 77 г. я с товарищем (Афанасьевым) готовился к экзамену из химии; принесли манифест о войне. Наши записки так и остались открытыми. Мы подали прошение об увольнении из института и уехали в Кишинев. В полку я был до 11 августа, когда был ранен. Во время похода я написал свою первую, напечатанную в „О. З.“ вещь „Четыре дня“. Поводом к этому послужил действительный случай с одним из солдат нашего полка. (Сознаюсь, что я ничего подобного никогда не испытывал, так как после раны был сейчас же вынесен из огня) (Это не для печати). Вернувшись с войны, я был произведен в офицеры, с большим трудом вышел в отставку (теперь офицер запаса армии). Некоторое время (я) слушал лекции в университете (на историко-филологическом факультете). В 1880 г. заболел и по этому в сущности прожил долго в деревне у дяди. В 1882 г. вернулся в Петербург, в 1883 женился на Н. М. Золотиловой (только для Вас, С. А., по секрету), которая на выходу высших и скоро будет доктором; в этом же году поступил на службу секретарем в Общий съезд представителей русских железных дорог.

В. Гаршин

23 августа 1884 г.
СПб.

Автобиография В. М. Гаршина. Последний лист

Собрание С. А. Венгерова

ПИСЬМА

1874

1. *Е. С. Гаршиной*

9 ноября 1874.
Петербург

Дорогая мама!

Печальные, очень печальные вещи сообщу вам в этом длинном письме.[1]

Надо вам сказать сначала, что с самой осени во всех учебных заведениях беспорядки. Сначала поднялись медики, потом университет, технологи, мы, Лесной институт. Киевский, Московский, Казанский университеты закрыты (чего, конечно, нет в газетах; они умолчали даже и о петербургских беспорядках). Говорят, что в Париже и Вене тоже кутерьма.

В субботу, 2 ноября 1874 года, наш «суб», Цытович, обратился к одному из исключенных за невзнос денег (все, не внесшие их, до 10 чел., исключены) с такой фразой: «вы, г. Далалов, не наш и не имеете права посещать лекции. У нас и своих много, да и вещи казенные стали пропадать!!» Студенты услышали это свинство, поднялся шум, и т. к. были причины быть недовольными, то сейчас же составилась в буфете сходка, на которой решено просить начальство, чтобы оно распорядилось:

1) Открыть для студентов казенную библиотеку, в которую нас не пускают.

2) Открыть для них музей Г⟨орного И⟨нститута⟩, в который также не пускают.

3) Отсрочить взнос денег до 1 янв. и принять исключенных за невзнос.

4) Дать возможность студентам следить за раздачею стипендий, которых у нас 64 и которые часто даются людям, имеющим 100, 75, 50 р. в месяц.

5) Обезопасить от хватанья, тащенья и непущанья тех из нас, которые будут вести переговоры с начальством.

Как видите, желанья очень скромные.

В ту самую минуту, когда были готовы эти 5 пунктов, приезжает Валуев, наш министр, *благодарить нас за спокойствие и хорошее поведение.*

Скандал.

*

В⟨алуев⟩ требует, чтобы студенты послали к нему депутатов по 3—4 с курса. Студенты депутатов послать боятся, опасаясь, что их посадят в кутузку. Хотят итти сами *все* или просят пожаловать к себе г. министра. Министр уезжает напротив в метеорологическую обсерваторию, осматривать ее, и говорит Кокшарову (директору): «если через полчаса беспорядки не прекратятся, гоните всех и запечатайте здание. Кокшаров обещал ему, что все кончится миром, пришел к нам, говорил с час, просьб, разумеется, не исполнил.

Несмотря на обещание Кокшарова Валуеву, в понедельник 4-го повторяется та же история; Бену (инспектору) и Цытовичу кричат «вон». С окончанием лекции все расходятся. До сих пор была комедия, теперь начинается драма.

С 4 на 5 Володя ночевал не дома, а у матери; не зная этого, я захожу к нему на квартиру. Немка-хозяйка встречает меня испуганная, говорит· «вы где, В. М.? за ним «они» два раза ночью приходили». Что же оказывается? 2-е отд. 1 курса (я в первом отд.), II к., III к. в числе двухсот слишком человек (всего у нас 384) исключаются (и В. тоже, разумеется) безвозвратно. Те из них, которые не имеют здесь отца или матери, подлежат (все) высылке на родину с жандармами.

Что и исполнено!

Выслали всех: больных, здоровых, виноватых, невинованых. Были такие, что не были в институте ни в субботу, ни в понедельник, след. не могли принимать участия ни в чем. И они высланы. Всего схвачено и отправлено по этапу до 180 ч.

Я не могу больше писать. Когда я говорю об этом, я не могу удержаться от злобных, судорожных рыданий.

10 ноября

Они сделали еще подлость. У них сила, но они и подлостью не брезгуют. В среду они объявили, что те из студентов, которые в особом прошении изъявят покорность, будут оставлены без наказания. Вот безграмотная форма этого прошения:

«Не будучи согласен с мнениями, вследствие которых был закрыт Г. И. (я думаю, что он был закрыт вследствие мнений Валуева), честь имею просить В. П⟨ревосходительс⟩тво, ходатайствовать о *поступлении моем* вновь в число студентов вверенного Вам заведения».

И они не исполнили обещания, когда 150 ч. подали эти прошения. *Это* им нужно было только для того, чтобы выделить самых рьяных, которые, конечно, не подадут прошений.

В Горном институте оставаться мне теперь решительно невозможно. Введут матрикулы, и за все, что покажется Трепову и К° предосудительным, нас перехватают и уж не пошлют

домой, а прямо засадят в шлиссельбургские, петропавловские и кронштадтские казематы. Остеречься невозможно; я писал вам, что *даже не знавшие* о демонстрации забраны и в жандармских полушубках посланы кто в Томск, кто в Одессу, кто в Темир-Хан-Шуру.

П. П. Кон⟨чаловский⟩ приехал, через него я передам вам все, чего не могу написать. Скажу вам только, что я почти болен. До свиданья. Крепко целую вас, Женю и всех.

В. Гаршин

Володя поступает вольноопределяющимся, отбудет свой срок (6 м.) в военной службе и едет к немцам. Герд говорит, что 25 р. в месяц совершенно довольно, чтобы жить там.

2. *Е. С. Гаршиной*

17 ноября 1874.

Дорогая мама!

Пока у нас все благополучно, если не считать двухсот с лишком человек исключенных и полутораста высланных по этапу. На незакрытых курсах лекции продолжаются, я хожу попрежнему каждый день. На этой неделе репетиция из химии для желающих; я буду ее сдавать.

Вчера вечером умер Назар Николаевич Афанасьев. Он бедный уже семь месяцев лежал разбитый параличом. Во вторник пойду на похороны.

Володя остался в СПБ., единственно благодаря своей матушке, которая была раз пять у Трепова и выхлопотала ему позволение остаться. Все прочие высланы.

Кончаловский уехал. Н. С. ⟨Акимов⟩ здесь. Какой противный, дурной человек. Как он бранит Сережу; говорит — ни способностей, ни прилежания, ни доброты. Кто виноват?

Ольга Орестовна что-то заскучала. Ей скверно-таки живется. Женя совсем больна, глаза почти погибли.

Был я на балу в Морском училище с «Пузиновыми» во фраке и белых перчатках. Скука была смертная.

Поздравляю вас с днем ангела; теперь ничего не могу подарить вам, но скоро пришлю свой портрет масляными красками. Пишет его моя хозяйка — художница Гергейст — мне в подарок. Очень похоже выходит. В театре бываю довольно часто с Володей. Стал посещать Александринку, по случаю новой артистки Савиной; просто прелесть что такое. Английский язык не забываю; простенькие рассказы уже могу понимать. Вообще работы много; и по воскресеньям час один занят: даю урок своему жиду Щершевскому. Жаль только, что до сих пор все еще только один раз в неделю.

Деньги у меня подходят к концу, да не беда, хватит. Тяжело мне брать от вас так много, милая мама. С декабря поселяюсь один. Миша отделяется; вдвоем тесно стало, потому что ему писать негде. Я буду платить за ту же комнату 8 р. в месяц.

До свиданья, дорогая мама, крепко целую вас. Женю тоже. Всем поклон.

Вас любящий *Всеволод Гаршин*

3. *Е. С. Гаршиной*

26 ноября 1874 г.
Петербург

Дорогая мама!

Завтра у нас откроются лекции на опальных курсах. Стало быть, все обошлось «благополучно», только десять человек исключены безвозвратно...

Напрасно вы так беспокоитесь обо мне (я говорю о вашем письме к Мише). Вы, должно быть, не получили моего второго после истории письма, где я пишу совершенно хладнокровно. Я очень берегу свое здоровье, мама, и даже уж слишком стараюсь быть спокойным.

Ваше письмо сначала навело меня на грустные мысли о том, как может человек s'aigrir, как вы пишете; но потом, раздумав, я предположил, что ваш усиленно ругательный (против молодежи) тон есть только средство меня успокоить. Вы пишете «дурачье»; дураки, действительно, п. ч. не поняли, что *ни какая* просьба, как бы невинна и логична она ни была, не будет исполнена. Многие понимали это, я в том числе, бывший против демонстраций и кричавший против них. Но раз дело сделано, раз за это ничтожное, выеденного яйца нестоющее дело двести человек виновных и невиновных, все равно, хватают ночью, как преступников, как воров, сажают в пересылочную тюрьму, к утру рассылают по всей земле русской «от финских вод до пламенной Колхиды» по этапу и наконец бросают на произвол судьбы человек по 50 в незнакомом городе (как это было в Вильне и Нижнем), выдав на брата 15 к. с.; тут забудешь и слово «дурачье». Глупость молодежи бледнеет перед колоссальной глупостью и подлостью старцев, убеленных сединами, перед буржуазною подлостью общества, которое говорит: «что ж, сами виноваты! За 30 р. в год слушают лучших профессоров, им благодеяние делают, а они еще «бунтуют». Таково мнение Петербурга о последних историях.

Что бы они сказали, если бы 200 (из всех заведений 400) высланных по этапу были не студенты, а так себе, «обыватели»? Какие бы громкие разговоры были о хватании и ссылке без суда (ужасно!) и следствия (где же законы!!?). Но для студен-

тов, детей этого же общества, законы не писаны. Если бы нас стали вешать, то и тогда бы сказали: «сами виноваты».

С одной стороны власть, хватающая и ссылающая, смотрящая на тебя как на скотину, а не на человека, с другой — общество, занятое своими делами, относящееся с презрением, почти с ненавистью... Куда итти, что делать? Подлые ходят на задних лапах, глупые лезут гурьбой в нечаевцы и т. д. до Сибири, умные молчат и мучаются. Им хуже всех. Страданья извне и изнутри.

Скверно, дорогая моя мама, на душе.

Завтра получу ваше письмо с деньгами и кончу свое. До завтра.

27 ноября

Благодарю вас за деньги, дорогая мама; если бы вы знали, как мне больно отрывать из ваших маленьких средств так много, да делать нечего! Работы нет, как нет.

Платье себе буду шить непременно, п. ч. обносился совсем: к Пузино показаться стыдно, а не ходить туда мне скучно да и уж неловко. Я писал уже вам, что Миша отделяется от нашей комуны (из 2 граждан), и я буду жить один в той же комнате. Пусть Жорж едет прямо ко мне, не останавливаясь в гостинице, теперь мы и вдвоем поместимся.

В Институте все идет своим чередом; репетиций из химии еще не было; они будут на будущей неделе; я буду репетироваться, конечно.

До свиданья, дорогая мама, крепко целую вас и Женю. Жоржу кланяйтесь; жду с нетерпением. Бабушке и Гл. Вас. поклон.

Доверенности, кажется, до весны доставить вам не могу. Впрочем, похожу еще по нотариусам; может быть, кто-нибудь из них и согласится.

Вас любящий *В. Гаршин*

Кланяйтесь знакомым. Володя вам кланяется.

4. *Е. С. Гаршиной*

4 декабря 1874.

Дорогая мама!

Вот уже декабрь; как время скоро идет. Теперь самые темные дни; вообще я заметил, что я чувствую себя гораздо лучше начиная с половины декабря, т. е. когда дни начинают прибывать.

Вчера Миша переехал на другую квартиру, недалеко. Вот я и один; в первый раз в жизни приходится быть в этом

положении. Я очень доволен тем, что Миша удалился; вдвоем тесно, да и скверно не иметь возможности быть одному.

Вчера мы с Володей были «в четвертаках» в «Буффе». Как французы играют! Боже мой! Нельзя не умереть со смеху. Давали знаменитую «La Pericbole». Были там Герд и Латкин.

Преемник А. Я. ⟨Герда⟩ по колонии — Равинский, господин в 21 год бывший профессором философии в Казани. Прелесть что за господин; весь свет объездил; был в Америке, в Китае, во всей Сибири. Так что наша дорога в колонию не западет песком.[2]

Платье я себе заказал дорогое, потому что все не советовали покупать или заказывать плохого. Заказал у портного, который шьет Гердам и Латкиным, черное за 40 р. 25 уже отдал, 15 отсрочены; Прасковья Андреевна поручилась за меня.

Бедного Алекс. Павловича Налимова забрали в солдаты, несмотря на все его болести. Вот-то уж бедный Макар!

Письмо будет коротенькое; писать нечего; простите, милая мама.

До свиданья, дорогая, милая мама. Целых 6 месяцев, впрочем, еще осталось. Крепко целую вас и Женю. Прочим поклон. Жоржу скажите, что жду я его с нетерпением, пусть он поточнее определит время приезда.

Вас любящий *В. Гаршин*

5. *Е. С. Гаршиной*

12 декабря 1874 г.
СПБ.

Дорогая мама!

Пишу к вам утром, перед лекциями, и поэтому тороплюсь. В Институте всё обстоит благополучно, и я решился закрыть глаза и уши на все и только работать.

Морозы стоят у нас сильные, да еще с ветром и мятелью; просто беда. Думаю перебраться поближе к Институту; далеко ходить, минимум $^3/_4$ часа. Да, кроме того, я весь в вас; прожил на этой квартире 4 месяца (завтра, 13 декабря, будет ровно 4), и она надоела мне паче горькой редьки. А тут еще есть некоторый прожект; мы с В. Афан⟨асьевым⟩ имеем в виду и можем надеяться, что нам дадут на выучку (с содержанием) двух пентюхов; за одного будут платить рублей 50—60 в месяц, за другого поменьше, но все-таки довольно. Правда, это все относится еще к области несуществующего, но если устроится, что очень вероятно, то после праздников мы с В. поселимся вкупе.

Посылаю вам Володину карточку, или, вернее, фотографию Володиных сапог, с приложением прочих частей одежды и тела. Впрочем, он ужасно похож.

Почитываю понемногу; вчера кончил том в 800 стр. Тайлора, Первобытная культура. Читал два месяца. Теперь надо за Спенсера приняться. Это, в своем роде, тоже чудище озорно и лаяй: разве к маслянице одолею.

Вы писали мне, что вышлете рубашку (хохлацкую); вот был бы благодарен. А старое вооружение по милости Володи всё осталось у презренных хозяек в 10 линии, — и штаны и пояс. Завтра Нина Мих. Герд и Мих. Мих. Латкин отправляются в тундру, в Усть-Сысольск. Через месяц Н. М. вернется, и тогда Герды с дочкой отправятся за границу.

Герду предлагали здесь место директора в Технической школе (новая, под покровительством Александра Алексан⟨дровича⟩ и Дагмарши). Жалованье 4000 и казенная квартира. Его преемник, Равинский, ведет пока дело отлично. Что за милый господин.

Внушили бы вы, хоть через бабушку, Ник. Степ. некоторую идею. А именно: привезти Сережу в Питер и поселить со мною за приличное вознаграждение. А я буду его готовить в военную гимназию что ли, как хочет Н. С., или в Морское уч., на что Н. С. не смеет и надеяться и куда я Сережу наверно приготовлю.

Крепко целую вас и Женю. Кланяйтесь Жоржу с супругой и бабушке. Пусть Егор М. едет скорее.

Ваш сын *Вс. Гаршин*

6. *Е. С. Гаршиной*

20 декабря 1874 г.

Вот и пол-учебного года прошло, Рождество на носу, дорогая мама. Для меня это время пролетело совершенно незаметно.

Сообщу вам новые «приятные» вести. Составлена комиссия, состоящая из всех министров и Потапова (шефа жандармов и нач. III отделения) для пересмотра и обобщения уставов высших учебн. заведений. Комиссия эта пришла к такому заключению, что все студенческие беспорядки происходят:

во-первых, потому, что у студентов чересчур много свободного времени;

во-вторых, потому, что переход от жизни в средн. уч. зав. к жизни студенческой слишком резок. Они и хотят теперь отнять у студентов излишек свободного времени, т. е. для большинства средства существования, и смягчить резкий переход. А так как гимназиям никакой charta libertatum, никакой конституции не дадут, конечно, то вся тяжесть пересмотра падет на нас.[3]

А впрочем, ну их!..

Платье мне сшили отличное, нехорошо только, что взяли расписку в 15 р., которую следует уплатить к 15 января.

Занимаюсь с микроскопом; каждую среду занимаюсь под руководством Баталина (проф. ботаники). Если увидите П. П., ска-

жите ему, что я очень благодарю его за ссуженный мне микроскоп; микроскоп прекрасный.

Алекс. Григорьевна ⟨Маркелова⟩ в большом горе: «Пет. Вед.» перех⟨одят⟩ в непосредственное ведомство своего министерства (Н. П.). Редактором будет Сальяс, что Пугача описал.[4] Мой зловредный жид прекратил уроки две недели тому назад до Нового года. Я подозреваю, что они не возобновятся, что весьма и весьма скверно. Впрочем, кажется, наше дело с Васей Аф. устроится.

Определитель А. Я. ⟨Герда⟩ не удался, потому что в то время, когда мы начали работу, Милиоранский (вы его знаете) уже кончил ее же.[5] К весне его определитель выйдет; для российского юношества, не питающего особенной любви к естественным наукам, хотя и восторгающегося Писаревым, рекомендующим их особенно, совершенно достаточно будет и одного определителя.

Неужели Е. М. не приедет? Мне ужасно хотелось бы его видеть. Дядя Митя приедет сюда 24 или 25 искать места. Он писал ко мне об этом, прося справиться в Адр⟨есном⟩ ст⟨оле⟩ о некоторых власть имущих, что я с полнейшею готовностью исполнил.

А Николай Степанович! Вот сплетница-то! Он рассказывал О. Ор. о несчастной жизни Ж⟨оржа⟩ и Гл. В. и при этом рассказал такую историю: сейчас же после свадьбы молодых поместили во флигеле (!!??) (и флигеля-то не было), но Жорж, по злобному и недостойному самодурству своему, вопреки желанию жены и матери *через неделю же* (!) потребовал перехода в дом, где нахально занял лучшую комнату, к крайнему неудобству всей семьи.

Зачем изобретать? Если бы у Н. С. была крупица сознания... впрочем, что мечтать о невозможном. Больше всего бесит меня расположение к нему О. Ор. А впрочем, и она дура!

Крепко целую вас.

7. *Е. С. Гаршиной*

26 декабря 74.

Дорогая мама!

В первый день вечером приехал Жорж; я встречал его на ж. д. Поместился он со мною, и мы регулярно посещаем Мариинский театр. Мои товарищи и хозяева ему очень понравились. Завтра начинается хождение в Адресный стол и пр. и пр.

Жорж очень рад, что хоть на время вырвался из сладких уз супружества. Всё, что вы мне рассказывали о Гл. В⟨асильевне⟩, он подтверждает. Господи, неужели же нет средств избавиться от сего сокровища.

Деньги ваши я еще не получил, ибо дворник дебоширствует, будучи в пьяном, по случаю праздников, виде, и не может засвидетельствовать повестки.

Пятнадцать рублей портному я все еще состою должным. Пожалуйста, мамаша, вышлите, если можно, их и следующие три месяца высылайте по 20 р. Уроки мои у Шершевской возобновятся после нового года, и я бедствовать не буду. Декабрь у меня был неудачен: в конце очутился совсем без денег.

У Пузино скука. О. О. злобствует и недовольна судьбою. Какая она дурная барыня!

Когда Жорж начинает рассказывать Мише, Ив. Фед. и пр. горькую правду про Старобельск, никто верить не хочет. Жорж уже теперь начинает страшиться отъезда.

Дмитрий Степанович еще не явился.

До свиданья, дорогая мама! Крепко целую вас. Писать, право, больше нечего. Когда получу ваше письмо с деньгами, сейчас же отвечу. Поцелуйте Женю.

Вас любящий *В. Гаршин*

1875

8. *Е. С. Гаршиной*

5 января 1875 г.
Петербург

Дорогая мама!

Вчера получили мы с Ж. повестку на часы. Сейчас пойду в Институт: свидетельствовать ее, оттуда в Почтамт. Жорж благополучен во всех отношениях; не пьет совершенно и потому совершенно здоров. В театре, конечно, угощает. Очень подружился с Володей и Малышевым (который на-днях разом продал четыре картинки, стоявшие на выставке целый год).

Дм. Степ. сдурел, что ли? Пишет: по независящим, мол, обстоятельствам теперь не могу приехать, но «в течение января или начале февраля я приеду *с женой*» (подчеркнуто в подлиннике).

Праздники я провел поистине безумно: много танцовал, бывал в театре, даже на тройке ездил в Александровское с Малышевыми.

Кубики Александровым непременно куплю. Кланяйтесь Марье Николаевне и Раисе.

Мама, странно мне было читать ваше письмо относительно Гл. В⟨асильевны⟩ в примирительном тоне. Не говоря уже о том, что (не взирая на ваши слова) вы *никогда* не примиритесь с мыслью быть с нею связанною, и Жорж только и думает о том, как бы избавиться от нее. Возможен только разрыв, и все дело в том, чтобы его учинить. Ж. хочет устроить так, чтобы она во время его приезда была у своих. Как он изменился тотчас же, как приехал сюда! Я убедился, что все болезни его — просто пьяное состояние и что особого стремленья к водке в нем решительно не существует. Разумеется, когда дома с супругою — ад, так уйдешь в клуб, а в Старобельском клубе и я бы нализывался до положения риз.

Лучше всего было бы найти здесь в Питере (это мое мнение) место, хотя и не особенное, но на коронной службе.

До свиданья, дорогая мама, крепко целую вас и Женю. Поклон бабушке.

С новым годом!

Желаю вам на этот год и счастья.

Вс. Гаршин

9. *Е. С. Гаршиной*

15 января 1875 г.
СПБ.

Вчера я нанял себе квартиру, дорогая мама, и сегодня уже ночевал на ней. Место — бесподобное, в том доме, где Тихонова кондитерская, против Николаевского моста *(6 линия, д. № 1, кв. 25)*. Комнату нанял за 9 р., десятый прислуге. Небольшая, но [очень] чистая. В пятом этаже, 87 ступеней. Впрочем, это для моциона даже хорошо.

У Пузино всё благополучно; Костя не только не умер, но даже поправляется. Дети все здоровы; у них бонна-швейцарка, с которою и я намерен разговаривать французские разговоры. Уроки с К. П. — в неизвестности, п. ч. она праздники пролежала в кори и м. б. уедет поправляться в деревню, чего требует мать, но чего не хочет она сама. Если останется здесь, что вероятнее, то уроки за мною. Лиза, потеряв надежду поступить в М⟨едицинскую⟩ А⟨кадемию⟩, решила итти на педагогические курсы, давно бы пора. В июне ей уже двадцать лет.

Сегодня наладил я себе на стену «доску» из клеенки, чтобы писать мелом. При моей привычке — заниматься стоя и ходя — вещь очень удобная и к тому же дешевая; всего обошлась в 50 к.

В Институт буду ходить, кроме четвергов, ежедневно, благо близко и Пузино на дороге. Сегодня не был и занимался целое утро. Нашел такой стих — надо пользоваться. Если бы этот стих у меня был постоянен. На эту тему «если бы он был постоянен» у меня было написано (пять лет тому назад) некоторое стихотворенье, которое я случайно увидел в прошлом году переписанное вашей рукой. Признаюсь кстати, что «музы от меня лица не отвратили» и что я до недавнего времени писал стихи, иногда очень удачные, б. ч. скверные. Теперь бросил.

Бросив «поэзию», не брошу «прозы». Мою писульку, как говорит Володя, снесу непременно в следующий четверг к Вольскому.[6]

Так как дело дошло до признаний, то, прошу вас, напишите, можно ли надеяться, что мое следующее письмо не будет прочитано *никем* кроме вас и будет по прочтении разорвано или удалено в совершенно безопасное место? Если прийдет Шиманов, то передайте ему мой адрес и скажите, что его поручение я исполнил; был у его знакомого, и так как он сказал мне, что написал уже Ш—ву, то я и не справлялся по лечебницам, к своему вящшему удовольствию.

Зилоти написал длинную и глупую корреспонденцию в «Г-⟨оло⟩с», где говорит, что «Гриша ворок» ⟨?⟩ человек почтенный и испытанной честности. [7] Впрочем, чорт с ними! Если поместят мою

первую писульку, так я войду в наступательный союз с Ег. Мих. и буду просить его доставить мне поболее С(таробельс)ких безобразий.

Тогда и он и я будем ликовать.

Пишите поскорее, дорогая мама! Я в эти три недели так много перечувствовал за вас, что не могу забыть обстановки, в которой вы живете и мучаетесь с Женей. Пишите.

Вчера Володя утащил меня в «Буфф», в четвертаки. Жюжо вышел с синей бородой (давали «Barbe bleu»). Ру кричал невесте — Буффах—во время венчания: «aux genoux sur cette podouschka!» но, несмотря на всё это, была такая скука, что мы не досидели до конца.

В театре не был и итти не имею в виду.

Вероятно я буду готовить на пед. курсы и Лизу.

До свиданья, дорогая мама. Поздно уже, первый час ночи. Целую вас и Женю. Дяде и бабушке поклон. Раисе Всеволодовне & C также. До свиданья.

Вас любящий *Всеволод Гаршин*

Адрес. Васильевский О-в, 6 линия, д. № 1, кв. № 25, студенту Г. И. В. М. Г.

P. S. А. Я. Герд тоже уезжает на выставку, только не в Америку, а в Англию в Кенсингтонский дворец, где будет педагогический съезд с выставкой. А. Я. будет от России.

10. *Е. С. Гаршиной*

20 января 1875 г.

Дорогая мама!

Целые три недели я не писал к вам ни строчки, простите меня. Не писал я потому, что было неприятно приняться за письмо, в котором нужно говорить о тяжелых вещах. Положение Жоржа ужасно, безвыходно. Вы станете, быть может, винить его, но ведь что делать! Обвиненьями дела не улучшишь, а исправить его характер — дело невозможное. Раз он втемяшил себе в голову, что он ненавидит Гл. В. (а он это втемяшил) — все кончено. Даже если Гл. В. превратится в идеал достойной жены — так и тогда он, может быть, уже из упрямства, будет портить жизнь и ей, и себе, и всем ближним. Будь на месте Жоржа человек хоть немного более нравственно развитый, он бы понял, что семнадцатилетняя женщина не может быть окончательною, закоснелою мерзостью (относительно Гл. В. я всегда вам говорил и теперь говорю, что не вижу в ней присущих, прирожденных, неисправимых пороков, какие бывают только у чорта, да у старых баб, вроде ее матушки) и отнесся бы к ней снисходительно, как более сильный человек. Будь у него больше характера, он бы исполнил

свое намерение разойтись, не боясь никакого скандала и приговора Старобельского «общественного» мнения, мнения «секлетарш» и прочих.*

У Жоржа нет ни того, ни другого. Ни крошки любви (не любви к Гл. В., а любви вообще), ни крошки характера. И потому-то я ужасаюсь дальнейшей судьбы нашей несчастной четы. Бедный он, как мне его жалко, дорогая мама. Прощаясь с нами, он бросился на шею к Ив. Фед. (моему хозяину) и разрыдался. Действительно, не на радость уезжает. Странно видеть, как умный человек видит, что будет делать нелепости и не в состоянии их отвратить. Как будто бы мы — шахматы, которыми играют какие-то злые духи. Обнимаю его заочно. Если у Жени есть свободное время, пусть читает Мери Соммерсет, там много интересного. Хотя дареного не дарят, но все-таки прошу его принять эту книгу в подарок от меня. Портрет мой не готов; Эм. Хр. пишет его очень редко, у нее мало свободного времени, и я, по всей вероятности, привезу его сам. Теперь вечера еще совсем темные, а до обеда я в Институте, так что и писать-то его (портрет) нельзя.

За занятия я принялся усердно, читаю Менделеева (химия), Петрушевского (физика), Сакса (ботаника). На практических работах с микроскопом у Баталина (наш проректор) заслужил даже несколько похвал. Петра П-ча микроскоп отличный.

Благодарю вас за деньги: не платить мне было очень стыдно. На О. О. надежда очень плоха: у нее нет никогда денег. До свиданья, дорогая мама, и крепко целую вас, Женю и Жоржа. Напишите мне, как он встретился с женой. Кланяйтесь ей и бабушке.

Вас любящий *В. Гаршин*

Кажется, я перепутал белье свое и Жоржа, когда укладывал его чемодан. Если да, извините, метки «Г» приводили в недоумение.

11. *Е. С. Гаршиной*

1 февраля ⟨1875⟩

Дорогая мама!

Справлялся я в Институте, возможно ли держать экзамен раньше Пасхи: к крайнему моему прискорбию должен сообщить вам, что это решительно невозможно. По порядкам в уч. заведении для этого нужно было бы приостановить все курсы, т. к. всякий экзамен требует особенной комиссии.

* А он его боится!

Посылаю карточку (пробную) брата. Не сердитесь на меня за долгое молчание; теперь опять буду писать часто. Деньги 20 р. я получил сегодня. Как не стыдно, мама, еще извиняться, что мало высылаете: я знаю, что вам еще горше моего приходится. Как-нибудь перебьюсь, не привыкать-стать. Да к тому же и месяц коротенький, 28 дней. Обещали мне уроки, да всё за нос водят. Непрактичный я у вас вышел, дорогая мама.

Герды еще не уехали; уезжают в мае. Нина Михайловна вернулась из Усть-Сысольска, куда ездила видеться с отцом, братом и Лизав. Ивановной, которая уже намерена произвести на свет нового Латкина. Н. М. говорит, что она выросла (!!! в двадцать два года-то)!

Относительно продажи именья ничего не могу вам сказать, п. ч. вовсе не знаю положения наших дел. Знаю только, что они очень плохи.

Разве за долги Жоржа отвечает *все* имение? 30 января был на бале в пользу медиц. студенток, которых теперь уже до 300. Бал был в худож. клубе, и (sic transit tempus) все ученые барышни немилосердно отплясывали. Тени Макуловой (прежней) и Долгорукой, трепещите во гробах от ужаса! Было ужасно весело, народу бездна. Все время я думал: «что если бы все сие, и живые картины, и прекрасный зал, и фонтан в зелени, и разноцветное электрическое освещение танцующих показать в Старобельске!»

Маркелова выдержала характер и ушла от Сальяса! Представьте, у него корреспондент из Парижа — Бонапартист. [8] Впрочем, я думаю вы читаете эту мерзость. Крепко целую вас и Женю.

В. Гаршин

Дядя М. уехал. Кажется, он-таки женится.

12. *Е. С. Гаршиной*

8 февраля 1875 г.

Дорогая мама!

Пишу к вам наскоро, п. ч. боюсь опоздать в И—т. Письмо относительно Бергарда я получил и могу вас уведомить, что к 20 февраля, если он не умрет или что-нибудь подобное, он будет в Старобельске.

Принялся я наконец серьезно за работу: до сих пор почти ничего не делал. Сравнительно с другими, впрочем, занимался, но вообще-то очень мало. Теперь втянулся в занятия окончательно. Герды еще здесь, едут в мае. Герд решительно вошел в славу: ему (между нами) поручили огромную работу. Дело в том, что хотят окончательно изменить тюремную систему и важную роль в этом изменении будут играть б. колонии.

Итак, Жорж и Гл. Вас. умиротворены. На долго ли? Дай, господи, побольше спокойствия их мятежному духу. Не знаете ли чего-нибудь о дяде Дм. Ст.? Действительно ли он получил место в 2710 р., или это ошибка телеграфа?

Володя работает как вол, т. ч. мне на него даже смотреть стыдно. У него маленькая лаборатория, и он целый день варит, выпаривает и воняет так, что хоть святых выноси. Впрочем, во всем этом я с своей стороны оказываю ему не малое содействие.

Писал ли я вам, что Ор. Пол. ⟨Пузино⟩, по всей вероятности, уезжает на Амур? Его хотят сделать начальником эскадры Восточного океана. Жалованье будет получать огромное. Семья останется здесь или переедет в Новгород, если Лиза не выдержит осенью экзамена на педагогические курсы. Впрочем, по всей вероятности, она выдержит.

Катерина Орестовна изощряется в музыке и достигла весьма важных успехов. Вот Гл. Вас. посмотрела бы, как люди читают ноты. Она так читает их, что я книгу не могу прочесть так безошибочно.

Посылаю вам еще одного Егора.[9] Скажите ему, что теперь решительно некогда писать, в следующий раз непременно напишу ему.

До свиданья, дорогая мама. Крепко целую вас и Женю. Прочим кланяйтесь.

Вас всегда любящий *В. Гаршин*

13. *Е. С. Гаршиной*

19 февраля 1875.

Дорогая мама!

Вот уже девятнадцатое число, а Бергард не собирается ехать к вам. Его дура-мать натолковала ему, что «что, мол, ты, Сашенька, едешь в чужедальную сторону» и т. п. и обещала достать *здесь* место непременно. Он и раскис. Когда она достанет, неизвестно, покуда же Б. перебивается изо дня в день.

Итак, у нас дома хоть по внешности благополучно. Слава Господу! К Пузино приехали недели две назад две барышни, кузины, дочери Поликарпа Поликарповича. Девицы очень некрасивые, но старшая предобродушная и неглупая. На первой неделе вновь удаляются в Новгородские пустыни. У Пузино все благополучно. Ор. П., кажется, назначают начальником эскадры Тихого океана (с огромным жалованьем, конечно). Ш. Сам. стареет, Ольга Орестовна расплывается и злится, при чем мне постоянно приходится быть ее конфидентом.

Катер. Орестовна что-то нездорова; впрочем, музыка идет успешно. Лиза готовится к экзамену на педагогич. курсы, только

вряд ли выдержит: ленива очень. Она очень похорошела, почти хорошенькая. Дети здравствуют, даже и Женя.

Сегодня 19 февраля, достопамятный день, показавший всю истину слов Лассаля, что конституции не делаются только на бумаге.

Бумажное освобождение!

У меня самый мрачный взгляд на современное положение дел; мы, мне кажется, живем в ужаснейшее время. Карлос, Франция, Бисмарк, католицизм, решительно поднявший голову, побиение стачек рабочих в Англии, неизбежная, висящая, как гроза в воздухе, война, и какая война!

Лекции в И—те будут только до шестой недели, после Пасхи сейчас же начнутся экзамены. Первый будет из химии, 23 апреля, самый трудный. До свиданья, дорогая мама, кланяйтесь бабушке, Жоржу, Гл. Вас. Женю и вас крепко цалую.

Ваш *В. Гаршин*

Дорогая мама, если можно, пришлите следующий месяц 25 руб., а не 20. А то уж чересчур жутко приходится. Простите, что прошу; не было бы нужно до зарезу этих лишних 5, не просил бы.

14. *Е. С. Гаршиной*

1 марта 1875 г.
СПБ.

Вчера получил от вас деньги, дорогая мама, и прескверное известие о Жене. Что за скоты этакие! Хороши и товарищи. Совершенное отражение большого Старобельска.

Вот уже и первое марта; через девять дней весна. У нас теперь (7 ч. утра) —12°! Впрочем, это только ночью и утром, к полдню начнет таять.

В Институте все идет благополучно. Мишу Малышева перевели на-днях в натурный (старший) класс, и он торжествует. С будущей недели будет давать уроки Юле и Вере у Пузино (рисования).

У них все по-старому: О. О. все собирается писать к бабушке да теперь уж и боится.

Герды живут в Эртелевом переулке до мая: в мае А. Я. едет за границу по порученью тюремного комитета. С ним сыграли преподлую штуку. В прошлом году он читал лекции по естествознанию в Соляном городке; в этом — хотел продолжать, по той же утвержденной министерством программе; уже все было готово, и день назначен, и билеты выдавались, как вдруг в комиссию Сол. гор. запрос: «кто позволил?» Лекции отложили и до сих пор еще не позволяют, да кажется, и не позволят.

Что поделывает Жорж с супругой? Завтра иду в Мариинский театр в концерт, на верхи, конечно. Концерт преинтересный.

Вот уже и март; правда, что я еще не скоро с вами увижусь, да долго пробуду у вас; по крайней мере до 10 октября. У нас лекции начинаются около этого времени. Экзамены у нас кончаются 23—24 мая; потом недели три-четыре работы по съемке.

Издатель «СПБ. В.» Баймаков платил Сальясу в год 10 000 р., но когда газета потеряла 2000 подписчиков, он, приписывая это неумелости С—са и основываясь на контракте, вздумал переменить редактора. Маркевич (камергер и автор «Марины из Алого Рога»), который по злобе к Коршу и К. устроил передачу «СПБ. В⟨едомостей⟩», кинулся к Толстому. Толстой говорит, что по *контракту* же Б—в не имеет права менять редактора, не спросясь его, Толстого, который, конечно, пришел в бешенство. Оказывается, что Маркевич дал читать Т—му только черновую контракта, действительно с таким пунктом, а потом выпустил его для Б—ва, который, говорят, уплатил ему за это 30 000 р. М—ча административным порядком, в 24 часа, вон. Камергерства лишили. А Сальяс все-таки слетит.[10]

До свиданья, дорогая мама! Крепко целую вас и Женю. Пусть потерпит немного: так или иначе, все же в С—ке не оставаться ему на будущий год. Жоржу, Гл. В., бабушке поклон.

Крепко вас целую.

Ваш *В. Гаршин*

15. *Е. С. Гаршиной*

6 марта 1875.
Петербург

Дорогая мама!

Вчера получил ваше письмо о печальном положении Староб. прогимназии. Вот сволочь-то! Я не ошибусь, сказав, что не будь прогимназии, было бы лучше. Отсылали бы попрежнему детей в Харьков и пр., а то и вовсе бы не учили; теперь ведь тоже, кроме «Голоса», никто ничего не знает.

Экзамены у нас начнутся тотчас же после Пасхи, 21—23 апреля, и кончатся 28 мая. Когда составим распределение экзаменов, вышлю вам, по примеру прежних лет, чтобы вы знали минуты, когда я нахожусь в опасности. Экзамены будут не легкие: перейдет меньше половины. Впрочем, я не робею нисколько. Разве только из математики переэкзаменовку дадут, да и то навряд ли случится.

Таким образом 1 июля я буду у вас, дорогая мама. Позднее прежних годов на 10 дней; зато я и останусь гораздо дольше.

В воскресенье 1 недели был в концерте в Мар. театре, в пользу Морозова (режиссера). Скажите Жоржу, что Каменская

пела «Зашумело сине море» из «Рогнеды»; и как пела! Васильев — «Бороду-бородушку», Мельников — знаменитое «Abendsterne» из Тангейзера, Косоцкая — Grace, Грузинскую песню (Помазанского) и «Оделась туманами Сьерра Невада» (Даргомыжского). Все это он знает. Я пришел в самый неистовый восторг; махал двумя платками для выражения признательности Мельникову и С°.

Двоюродных сестер Пузино я провожал на железную дорогу третьего дня. Поехали опять в деревню. О. Ор. так давно не писала к бабушке, что теперь боится и написать.

Что поделывает дядя Дмитрий Степанович? Будете писать, поклонитесь от меня.

У нас было совсем весна началась, да вчера навалило снегу на пол-аршина, а сегодня — 13°! И это за три дня до 9 марта!

Открылась четвертая передвижная выставка в Академии. Есть прелестные вещи. «Степь» Куинджи — просто чудо что такое. Впрочем, те, кто не видел наших степей, ничего не могут понять в этой картине. Море травы, цветов и света!

Другая степь Куинджи — весна или осень — грязь невылазная, дождь, дорога, мокрые волы и не менее мокрые хохлы, мокрый пес, усердно воющий у дороги о дурной погоде. Все это как-то щемит за сердце.

Ге написал «Пушкин в Михайловском» читает Пущину (декабристу) «Горе от ума». Три фигуры: поэт, Пущин и няня знаменитая; впрочем, у меня есть фотография с картины и я привезу.

Шишкин выставил три прекрасных леса: «Первый снег», «Сумерки» и «Родник».

Но есть много и естественнейшей дряни.

Миша преуспевает решительно, и я убежден, что у него солидный талант. Написал он Дарью. Знаете:

> А Дарья стояла и стыла
> В своем заколдованном сне...

Вот эту самую штуку и изобразил. И как хорошо! Некрасова понял до тонкости. В будущем году ни за что не останусь жить у Гергейстов; во-первых, натуре моей противно целый год жить на одном и том же месте, а во-вторых, они надоели мне хуже горькой редьки: он своими разговорами, где слова «а читали ли вы, В. М.?» повторяются 60 раз в час, а она своею абсолютной глупостью.

Портрет мой начал двигаться, только все-таки будет плоховат.

Налимов, как вы знаете, в Финляндском полку. Пребравый вышел солдат. Даже похудел немного. Вообще усиленные физические упражнения принесут ему больше пользы, чем вреда.

Летом и я запишусь в Старобельский призывной участок.

До свиданья, дорогая мама. Иду в Институт на французский язык. И то я большое письмо написал.

В будущем году, даю вам слово, у меня будут уроки. В этом году я не употребил самого верного средства достать их (потому что был убежден в его бесполезности) — не публиковался в газетах. А между тем, все, кто публикуется, находят. Мне просто стыдно за этот год, дорогая мама, уж очень я у вас на шее висел. Теперь-то уж не до уроков — через $1^1/_2$ месяца экзамены. Крепко целую вас с Женей. Кланяйтесь всем.

Вас любящий *В. Гаршин*

Посылаю вам еще одного Егора; уж это, кажется, четвертый.[11]

16. *Е. С. Гаршиной*

⟨15 марта 1875⟩

Дорогая мама!

Сегодня 15 марта, уже весна наступила, а утром, когда я встал, было —12°. Это ни на что не похоже! Я совсем было расположился к теплу, а тут вдруг морозы. Да еще кашель вдобавок явился.

Меня мучит некоторый вопрос: писал ли я к вам от 6 марта, или нет. Если не писал, так извините, но я был до сегодня в полной уверенности противного.

До экзаменов остался месяц, который весь придется просидеть на месте. Работаю я сильно, но все-таки надо будет еще больше заниматься на экзаменах, чтоб перейти. Впрочем, не бойтесь за меня, мама, мне лениться теперь нельзя.

Вчера получил от П. П. ⟨Кончаловского?⟩ письмо; просит выслать программу Лесного института. В апреле он будет здесь, и я хочу просить его доставить мне работу на будущий год; у него много знакомых типографий, хоть Котомина напр. Тем более, что в первую половину года времени свободного очень много.

Итак, Женя не «посрамил земли русской!»

Летом непременно напишу наиподробнейшую корреспонденцию из Староб. об гимназии и Ренчицком. Что за скоты! Достаточно экзаменов (вступительных) прошлого года, чтобы их весьма оконфузить.[12]

Сальяс как-то усидел. Да чорт с ним! Скоро его никто читать не будет. Паршивеет с каждым нумером.[13]

Относительно контракта я не знаю что и делать. Я приеду в последних числах *июня*; не поздно ли это? Как вы думаете, не написать ли нашим арендаторам письмо успокоительное

от себя? И даже не через вас? Напишите мне их имена, а я изображу послание, тем более, что оно будет совершенно искренно.

Волны «нашей» супружеской жизни идут безостановочно. Увы! Вы опять пишете о Ж⟨орже⟩ и Гл. В. неутешительные, чтоб не сказать более, вещи. Хоть бы какое-нибудь «Deus ex machina», что ли, явилось. Не будет этого обстоятельства, разве то было бы... Что бы мешало тогда жить спокойно? Впрочем, не это, так другое; от судьбы не уйдешь. Нашей семье нужен «меч Дамоклесов, висяй над главой», как воздух. И всегда он был. И всегда будет, и никогда мы не убежим от него, потому что создаем такое положение собственноручно, хотя и не самовольно. Даже досадно смотреть на других, дорогая мама! Герды, хорошие люди, совершенно счастливы. Малышев Ив. Егорович тоже, да вдобавок и богат. У Пузино в семье только б. или м. мелкие неприятности: Даже А⟨фанасьевы⟩м под гнетом дядюшки, легче, чем нам.

Зачем я все это пишу?

Приехала в Петербург M-me Judique, играет в «Буффе», получая по 300 р. разовых. Питер прет (пост, других спектаклей нет) туда страшно, да и стоит послушать. Я был два раза, наверху, конечно, за 30 коп., слышал «Timbal d'argent» и «Madame d'Archiduc». Действительно стоит ходить: с половины восьмого до половины двенадцатого хохочешь; и притом ничего решительно грязного или сального.

Жюдик — знаменитость даже и в Париже. Теперь она там считается преемницей Шнейдерши. Впрочем, этот genre изменился к лучшему, так что я скорее запретил бы гимназистам ходить в Александринку, чем в Opera-Bouffe.

Хохочешь четыре часа, ну и позабудешься как-то. Помните, В. Гюго о Гуинпленовой деятельности что говорит? [14]

Жоржу скажите, что я дал его карточки Мише, Латкину, Василию Корнеевичу, Ив. Федоровичу, кажется О. О., себе одну оставил. Осталось еще две, из которых одну при сем прилагаю.

«Анна Каренина» Толстого такая же прелесть, как и все. Впрочем, вы, должно быть, уже читали «Р⟨усский⟩ В ⟨естник⟩», I, II, ибо в С—⟨таробельс⟩ке он дозволен даже Воскресенским.

Господи! Этот Воскресенский в Питере посмешище: при произнесении его имени все, кто его знают, невольно улыбаются.

И он — властитель образованья десятимиллионного населения!

Прощайте, дорогая мама! До свиданья! Ведь до конца июня всего 3 месяца осталось. Крепко целую вас и Женю. Прочим кланяйтесь.

N.B. В «СПб. Вед.» напечатано, что Староб—ское земство ассигновало 1000 р. в год на 5 и 6 классы гимназии. Стало быть, делу дан ход? Напишите мне об этом.

17. *Е. С. Гаршиной*

24 марта 1875 года.

Дорогая мама!

Письмо мое будет очень коротко, потому что писать вовсе нечего. Впрочем, вот новость: Орест Поликарпович назначен начальником эскадры В. океана и 15 апреля уезжает (через Одессу, Александрию и канал) на целые три года. Остающиеся же здесь препираются: О. Ор. и Катер. Ор. желают ехать жить в Новгороде (лучше быть первым в деревне и пр. и пр.), а Лиза объявила, что в Н. не поедет. Ш. С. ни туда ни сюда.

Миша Малышев учит Олю и Веру рисованию. Володя всю прошлую неделю был болен лихорадкой; теперь оправился.

Каррик снял меня, даром конечно, и очень удачно, лучше, кажется, не было моего портрета. Не знаю только, как выслать вам, потому что очень большие карточки — кабинетн. портреты.

Вот еще что, мама. Если очень нужно домой, я мог бы приехать до работ, отложив их до будущего лета. Только этого мне очень не хотелось бы: во-первых, теперь у нас знакомая партия (работа производится партиями, человек по 10). Латкин, я, Афанасьев, Павлов и пр., большинство из Р. Уч., а в будущем году придется ехать с незнакомыми, да может быть еще и с поляками, что вовсе неприятно; во-вторых, для этого надо просить и хлопотать у начальства. Впрочем, все-таки, если нужно, я явлюсь домой к началу июня.

Здесь много говорят об Овсянниковском деле, должно быть знаете из газет. [15]

Концертов в этом году столько, сколько никогда не было: каждый день по нескольку. И все полно.

До свиданья, дорогая мама. Крепко целую вас и Женю. Кланяйтесь всем.

Вас любящий горячо *В. Гаршин*

18. *Е. С. Гаршиной*

4 апреля 1875 г.

Извините за долгое молчание; я, кажется, не писал вам с 24 марта.

Вчера был на втором (и последнем) концерте Лавровской (на первом тоже был). Ах, мама, она еще лучше петь стала. В зале от крику только стон стоял. Я пролез на самую эстраду, где она пела, и сидел от нее не более как в двух саженях. Очень изменилась, растолстела, постарела, немного, но голос, если не лучше, так такой же. После конца, студентов человек 60 устроили еще

неистовство в подъезде и посадили ее в карету, при чем все орали: «Лизав. Андреевна, оставайтесь у нас!»

Пишу все это потому, что никогда пение не производило на меня такого впечатления. Когда она пела «Erlkönig» Шуберта, я расплакался.

Экзамены у нас будут в следующие дни:

Вторник 22 апреля — высший анализ (матем.).
Понедельник 28 апреля — химия.
Четверг 1 мая — языки, черчение.
Понедельник 5 — геодезия.
Среда 7 мая — богословие.
Понед. 12 мая — ботаника.
Пятница 16 мая — кристаллография.
Пятница 23 мая — физика.
Понедельник 26 мая — начерт. геометрия.

Некоторую опасность представляет для меня только первый экзамен.

У нас все еще холодно, больше +3 не бывает. Нева стоит прочно.

Итак, во всяком случае, удастся ли мне уйти от работ, или нет, мы увидимся скоро. Если даже и не удастся, то все-таки остается только 3 месяца из 11.

До свиданья, дорогая мама, писать решительно больше нечего. Скоро буду писать большое письмо.

Ор. Пол. ⟨Пузино⟩ уезжает на В⟨осток⟩ около 2 мая.

Крепко цалую вас и Женю.

В. Гаршин

19. *Е. С. Гаршиной*

11 апреля 1875 г.
Петербург

Дорогая мама!

Уже две недели я не получал от вас писем; не знаю, что об этом подумать. Экзамены на носу, от сего дня 11 дней осталось до экз. из математики. Завтра начинаю готовиться, сегодня кончаю химию.

Работы много, впрочем не робею. Писал ли я вам, что мы с Володей живем вместе: его хозяйка уехала в провинцию, и он, чтобы не искать квартиры, переехал ко мне. Друг другу учиться мы не мешаем. У них экзамены начинаются 23 (химия). Ор. Пол. уезжает 2 мая. Семья решила ехать в Новгород в конце мая и поселиться там на эти три года. Бедная Лиза, всякие мечты об ученьи развеялись прахом.

Росписание наших экзаменов я, кажется, прислал вам. У Жени тоже скоро, должно быть, начнутся; как его дела идут? Сегодня, 11 апреля, у нас мороз, вчера снегу на четверть навалило. Вьюга, метель. Нева стоит прочно. Когда же наконец весна-то!?

Говеть я в этом году не буду; благо, не требуется. Может быть, скуки ради, поговею летом у о. Павла. Как поживают Приходьковы? Скоро, впрочем, увижусь с Старобельском.

Простите за коротенькое письмо; [писать], право больше, нечего писать. Крепко целую вас, дорогая, милая мама. Целую Женю. Кланяюсь всем.

Вас любящий *В. Гаршин*

Достаньте апрельскую книжку «Вестн. Европы» и прочтите «письмо к редактору» Вагнера, в конце книги.[16] Прочтите непременно. Я по сему случаю нахожусь в большой злобе.

20. *Е. С. Гаршиной*

22 апреля 1875 г.

Дорогая мама!

Я должен сообщить вам неприятную вещь: мне назначили переэкзаменовку из математики. Впрочем, этого нужно было ожидать: в году я ею почти не занимался, а теперь, несмотря на то, что всю Пасху с места не сходил, было уже поздно. На экзамен вышел измученный тремя бессонными ночами и рассудил отказаться отвечать. Если бы отвечал, выдержал бы, по всем вероятиям, но дело было бы хуже, п. ч. теперь придется обязательно заниматься летом, а тогда бы летом, конечно, математикой не занимался бы. А не зная ее, на втором курсе буду весьма страдать.

Пишу к вам вечером, в 10 ч., придя от Пузино. Этот день, конечно, отдыхал, завтра опять за работу, за химию.

Ор. Поликарп. собирается; в доме у них все какие-то пришибленные, прощаться, видно, очень горько. Мне и самому его ужасно жалко, такой он добрый и славный старик.

Володя учится сегодня; будет сидеть, вероятно, часов до трех: завтра экзамен из химии. Вот он так не должен бояться ничего: работает много, — а все-таки боится.

Пятьдесят рублей я получил уже давно, о чем писал уже вам, посылая портрет. Получили ли вы его? Если нет, так нового не стоит посылать: на работы я не поеду, так что месяца через полтора буду уже с вами. Экзамены, как я уже писал, кончаются 26 мая. Вообще я очень недоволен этой зимой: как будто бы и занимался, а на поверку выходит, что в голове мало осталось. Володя мне это пророчил, говоря, что это общее правило для первокурсников.

Не сердитесь за неудачу, дорогая мама, если я виноват чем, то только самонадеянностью: думал, что одолею наш курс (самый ничтожный, впрочем) в две недели. Одолеть-то одолел, да только не принял в расчет, что морить себя бессонницей мне опаснее, чем кому-нибудь. Ну и очумел совсем на экзамене.

Сегодня после экзамена заснул немного, но теперь все-таки в голове кузница.

Нева вчера вскрылась; наконец и у нас тепло, сравнительно, конечно — 5°. У вас, я думаю, уже жары стали.

26 мая кончаются экзамены, след. к 1 июня буду с вами. Переэкзаменовки у нас будут в начале сентября. До свиданья, дорогая мама. Если бы вы знали, как мне перед вами стыдно! Женю поцалуйте, Жоржу кланяйтесь.

Сон с ног валит.

Всегда вас любящий *В. Гаршин*

P. S. Замечательно, что все студ. I курса Г. И., кончившие в Р. Уч., порезались на математике.

21. *Е. С. Гаршиной*

29 апреля 1875.

Дорогая мама!

Тяжело писать вам о моем горе; подробностей не сообщаю, скажу только, что экзаменов я не продолжаю: Фрей запретил. На этот раз, проученный горьким опытом, как только появились у меня признаки болезни, тоска и пр. гадость — сейчас же обратился к нему, и он положительно посоветовал бросить умственную работу.

Мне дозволили держать *все* экзамены в сентябре. Год я работал так, что даже при небольших занятиях летом я не потеряю года даром и перейду на II курс. Конечно, если буду здоров.

Теперь мне лучше. А. Я. ⟨Фрей⟩ говорит, что, по всей вероятности, больше *никогда* не повторится.

Герд говорит, что лучше мне лето отдохнуть, хорошенько и остаться на 2-й год: работы, мол, будет достаточно и еще на год. Это, положим, правда, да откладывать еще на пять лет время, когда мы перестанем нуждаться, мне не хочется.

Жду только ваших денег на май, и тотчас же выезжаю. Поэтому вы можете рассчитать, когда буду в Старобельске.

О. П. уезжает в пятницу. Семья в Новгород *не переселяется*, что меня несказанно радует.

До скорого свиданья, дорогая, милая мама.

Крепко цалую вас.

В. Гаршин

22. *А. Я. Герду*

(Отрывок)

⟨Лето 1875 г. Старобельск⟩

... Делаю довольно мало; это касается институтских занятий; вообще же я сижу за столом целое утро и исписываю весьма

значительное количество бумаги. То, что я пишу, очень интересует меня, и, будучи близко моему сердцу, доставляет хорошие минуты... Мои литературные замыслы очень широки, и я часто сомневаюсь в том, смогу ли исполнить поставленную задачу.[17] То, что написано, по-моему, удачно; само собою разумеется, что я не могу не быть пристрастным, несмотря на самое строгое и недоверчивое отношение к своим силам... Но если я буду иметь успех?!. Дело в том (это я чувствую), что только на этом поприще я буду работать изо всех сил, стало быть успех — вопрос в моих способностях и вопрос, имеющий для меня значение вопроса жизни и смерти. Вернуться уже я не могу. Как вечному жиду голос какой-то говорит: «Иди, иди», так и мне что-то сует перо в руки и говорит: «Пиши и пиши». Не подумайте, что это заставит меня бросить ученье. Нет, я очень хорошо знаю, что будь я семи пядей во лбу, курс даже и Горного института мне необходим: ведь я совершеннейший еще невежда...

23. *Е. С. Гаршиной*

11 авг. 1875.
Старобельск

Дорогая мама!

На другой день после вашего отъезда послал вам письмо в Тихоновскую гостиницу; не зная, получили ли вы его, пишу в этом то же с прибавлением приятных вестей.

Шт. тотчас же по отъезде (вчера, 10-го А.) послал за мной, накричал, наплевал и объявил, что из кандидатов на оставшуюся стипендию (Гаршин, Никольский и Сушильников) он выбирает Гаршина. Вместе с ним просит меня взять на себя доставку 8 гимназистов (4 — наших и еще Гартов., Куликов, Васильковский, Хмелевский) до Харькова. Вместе с нами едет еще Смирницкая. Всего *десять* душ — в одной повозке. К вам будем вечером 15 августа. Цена за провоз — 5 р. 50 к. с души.

Жорж послал докладную зап. Я к Филипповым не поехал; мне показалось опасным уезжать: действительно вчера уехали Жорж и Г. В. и вчера же Шт. приехал. Супругов наших еще нет (я пишу в 12 ч. д.).

Прощайте, дорогая мама. Крепко целую вас. Раиса и все Александровы вам кланяются.

В. Гаршин

Скоро увидимся.
Жене поклон.
Знаете ли вы, что П. Антонович тоже переводится?

24. *Е. С. Гаршиной*

27 авг. ⟨1875⟩
⟨Старобельск⟩

Дорогая мама!

Посылаю вам 100 р., несмотря на то, что вы не хотели пересылки. Иначе сделать нельзя, п. ч. мужики обещают додать 100 р. (они дали 800 за вычетом 18 р. за контракт) в воскресенье вечером, так что раньше как в понедельник утром выехать не могу. А деньги вам необходимы. Собрание уже началось. Раиса Всев. ⟨Александрова⟩ едет около 10 октября с М. Н. ⟨*неразб.*⟩

Тороплюсь, чтобы не опоздать на почту.

Целую вас.

В. Г.

25. *Е. С. Гаршиной*

8 октября 1875 г.
СПБ.

Вчера приехал на девятичасовом поезде, дорогая мама, направился к Мише, где и заночевал. Сегодня обегал весь город и поэтому пишу только вечером, и письмо опоздает на один день. Простите за беспокойство.

Под Мценском поезд, шедший впереди нашего, остановился в степи от снежного заноса в $2^1/_2$ аршина высоты и простоял 8 ч. в поле, отчего и мы опоздали на $2^1/_2$ ч. Все прочее обошлось благополучно. Салаев деньги отдал, но за подлый багаж еще на Никол. ж. д. пришлось приплачивать > 2 р., так что дорога обошлась почти в 20.

У Пузино был и тотчас же получил приглашение учить Колю читать и писать за стол, чему я очень рад. Квартиры еще не нашел. Если есть что писать, пишите до моего следующего письма (напишу скоро и обо всем) по след. адресу: Б. Садовая, у Екатерингофск. пр., д. Яковлева, меблированные комнаты Крачковского, М. Е. Малышеву, для передачи В. Г.

До следующего письма, дорогая, милая мама. Крепко целую вас и Женю. Если Раиса Вс. приехала, передайте ей мой искренний привет.

До свиданья.

В. Гаршин

Варенье довез благополучно.

26. *Е. С. Гаршиной*

18 11/X 75.
СПБ.

Дорогая мама!

Пишу к вам уже с своей собственной квартиры. Комната отличная, чистая, удобная, за 11 р. с прислугой. Адрес мой: Офицерская, д. № 46, кв. № 16, как раз против Демидова сада. До Института ходьбы всего 20 минут, через перевоз, а зимою по льду.

Обзавелся всем необходимым, так что даже в комнате заметен некоторый комфорт. Обедом обеспечен, я писал уже вам, что учу Колю Пузино за стол. Пузино живут там же, только обстановка изменилась; все новое и хорошее; видно, что денег много. Владимир Ор. женился на пресловутой Марье Петровне.

Володя живет недалеко от меня, тоже на Офицерской. Работает он много, да и я как-то очень спокоен и настроение самое подходящее для работы. Комната хорошая, так что сидеть дома не неприятно, как в прошлом году у Гергейстов. Вообще как-то хорошо, не знаю отчего.

В Институте перемен нет. Можете себе представить, я целый прошлый год по ошибке покойного делопроизводителя Шибанова считался вольнослушателем! Узнал я об этом только когда брал свид. на право слушания лекций и сейчас же достиг исправления ошибки.

В Институт на первый курс собралась целая куча моих старых товарищей из всевозможных заведений. Из наших перешел в этом году только *Павлов;* все прочие застряли на I курсе.

У меня еще до вас просьба, дорогая мама. Не вышлете ли вы мне серый воротник, что на Жоржевой шубке. Тогда мое пальто было бы совсем приличное. Впрочем, полагаюсь вполне на ваше усмотрение, если вы найдете, что лучше подождать до будущего года, так и так ладно будет.

Варенье спасено от расхищения и почти все еще цело; только Пузино снес три маленькие баночки.

О работе у Рени еще ничего не мог сообразить, потому что его не видел ни разу. Он теперь редко бывает у Пузино. Слово даю вам, дорогая мама, что всё, что только могу, сделаю, чтоб достать эту работу.

Что Женя? Что поделывает дорогая Р. В., если приехала? Я становлюсь решительно *особой*. К. Ор., желая брать уроки музыки, просила у меня рекомендации, как вы думаете — к кому? К Балакиреву, которого я могу достичь через Вячеслава Латкина (Володин двоюродный брат), его любимейшего ученика.

Колю учить очень удобно. Несмотря на то, что его учили решительно все, от Лизы до Ш. С., никто ничего не мог с ним сделать, не хотел учиться да и только. Меня ждет не дождется каждый день.

Что еще сказать вам? Покуда нечего больше. Со всеми моими прочими знакомыми или ничего особенного не случилось, или я у них не был. У Ал. Гр. ⟨Маркеловой⟩ еще не был. Все больше сижу дома, за английским яз., химией или Дарвиным. Видите, какой ученый муж. Вчера однако был в театре, шел «Фауст». Маргарита новая — Скальковская, Зибель тоже дебютантка, Гонецкая. «Фауст» шел так, как никогда, просто прелесть. Фауст — Орлов.

До свидания, дорогая мама. Крепко целую вас. Жене поклон.

В. Гаршин.

27. *Е. С. Гаршиной*

18 15/X 75
СПБ.

Дорогая мама!

Сегодня 15 число, и я должен был бы получить от вас ответ на мое первое письмо, но его еще нет. Устроился я окончательно на квартире (адрес писал, но вот еще на всякий случай: Офицерская 46, 16) и большею частью сижу дома.

У Пузино бываю каждый день, потому что, как вы знаете, учу Колю. К великому моему сожалению, я еще ни разу не видел Рени; в воскресенье он будет наверно, и тогда я предприму военные действия. Недавно был с Володей у его двоюродного брата, Вячеслава Латкина, любимого ученика Балакирева. Вот играет-то! Мы пришли к нему часов в восемь, и он до половины первого не отходил от рояля; сыграл нам всего «Руслана», кроме увертюры, «Фауста» больше половины да еще концерт Листа. Он будет учить, кажется, Катерину Орестовну.

В Институте новые порядки: дают правила и заставляют подписываться в исполнении их. Мне, впрочем, отчего-то не дали, так что я человек свободный. 7 § правил гласит: «всякое корпоративное движение студентов безусловно воспрещено». Покуда все тихо и смирно, да кажется, так и останется.

Вот в Акад. художеств, так там «корпоративные движения» поощряются, да не в прок. Я говорю о кассе. Данилевский из 500 р., которые дали ему товарищи, истратил около 480 р., т. е. явным образом обворовал их. И они, как бараны, молчат, только потому, что Д. шпион и ябедник у начальства. Просто досадно смотреть.

Какие вести имеете из Старобельска? Приехала ли Р. В., что она поделывает? Если она будет сниматься, напомните ей об обещанной карточке и дайте мой адрес.

Володя живет в двух шагах от меня. Занимается он сильно. Вася Афанасьев вчера объявил мне, что бросает И—т, скатертью

дорога. При помощи дядюшки он наверно «достигнет». Желаю ему всякого успеха.

Вчера Пр. Андр. Латкина была именинница и мне пришлось попереться туда обедать. Там видел знаменитую пару гг. Сидорова и Латкина. Важны, черти, необыкновенно. К Алекс. Григ. заходил недавно; лежит больная: слегла в день моего прихода к ней. На стене у нее висит группа, два ряда; в первом, по порядку: Буренин, Маркелов, Ватсон, Корш, Суворин, Кюи и Кавелин; во втором — прочие члены бывшей редакции «СПБ. Вед.».[18] Теперь почти все это (и Незнакомец) переперло в «Биржевые Вед.».

Каррик ездил на Волгу, привез множество видов и типов.

До свиданья, дорогая мама. Меньше чем через три месяца я увижу всех вас. Целую вас и Женю, прочим поклон. Павлу Мих. ⟨Новикову⟩ и Р. В. особеннейший. Пишите, бога ради.

Вас любящий *Всеволод Гаршин*.

Завтра иду в «Листок».

28. *Е. С. Гаршиной*

18 19/X 75.
СПБ.

Дорогая мама!

Получил я ваше письмо с известием о приезде Александровых и отъезде Любови & C⁰; и не могу вам сказать ничего утешительного относительно переводов. Дело в том, что О. Ор. решительно не советует иметь дело с Рени: он никогда не платит за работу. О. О—вне случилось раз прочесть письмо от одной барыни к Р. Егор., в котором она умоляет его дать ей хоть десять руб. из денег, заработанных ею в четыре месяца. «Гонят с квартиры, есть нечего, войдите в мое положение».

Он при мне приезжал просить у Ш. Самойловны денег в долг, да не застал ее дома.

Я очень прошу вас исполнить мою след. просьбу; так как у меня обед обеспечен, о чем я вам уже писал, то высылайте мне по 20 р. вместо 25. Мне от этого никакого стеснения не будет: ведь жил же я на 25 р. в месяц в прошлом году, платя около 7 р. за скверный обед. Да к тому, работа в «Пет. Листке» наверно в моих руках, я справлялся. Начал писать «Очерки»; № 1 — «Земское собрание», конечно, большею частью с натуры, хотя личности перепутаны.[19] Пошлю в Ст.⟨аробельск⟩ десять номеров. Если будет напечатано, так в первых №№ ноября.

Тогда, может быть, вовсе не буду брать у вас денег.

Пузино благополучны, Лиза только все болеет, что с нею не знаю, но на рецептах изображено Kali jodati, kali bromati, Tinct.

digitalis, aq. lauroc. и прочие неуспокоительные лекарства. Катерина Ор. благодушествует; завтра начинает брать уроки по моей рекомендации у Вячеслава Латкина. Девочки здоровы, мой ученик, Коля, так себе, ничего; только его уже учили Ш. С. и сестры так: бе-а-ба ве-а-ва и поэтому учить сначала трудно, впрочем, понемногу двигаемся. О. Ор. попрежнему, можете себе представить, mon cher oncle N. a écrit encore une lettre où il prie O. O. ne raconter *à moi* à propos de sa proposition (должно быть наврал, совсем забываю фр. яз.). Потому-де, что это может ему повредить в Н.

В театре другой раз не был да и вообще в этом году буду реже ходить.

Занимаюсь больше сидением дома. Вчера целый вечер были у меня Налимов и Володя, и мы ожесточенно спорили. Оригинальный человек Алек. Павлович. Показать бы его П. Мих. ⟨Новикову⟩. Определеннейшие воззрения в 22 года и твердая их защита. Поклонник Миртова и Михайловского, хотя последнего не понимает.

На нашей Офицерской улице живет бездна горных студентов. Место отличное; до театров четыре минуты ходьбы, оттуда куда хотите не так уже далеко. До Института через перевоз — 20, зимой — 17 минут. Скоро по Офицерской начнет ходить конно-железная дорога; ходит уже по Пескам, Литейной и Загородному. С Вознесенской ул. до Технолог. инстит. — всего 5 и 3 коп. Вагоны прехорошенькие, темного цвета, с винтовыми лестницами, так что дамам можно лазить наверх.

Карпов окончательно прилепился к этим дорогам: он теперь перешел в И. П. С. и вместе с тем состоит техником при Общ. Кон. жел. сети с жалованьем по 75 р. в месяц. Да еще, кажется, перейдет скоро к Струве, на Литейный мост.

Цалую вас. Р. В. и Жене поклон.

Ваш *Всеволод Гаршин*

29. *Е. С. Гаршиной*

18 23/X 75

Дорогая мама!

Письмо мое будет очень коротенькое, потому что писать нечего, и я решил писать вам непременно через четыре дня; даже наметил на почтовой бумаге знаки (*) вперед на месяц.

Нового ничего нет: у Пузино все благополучно. У Латкиных опять Ив. Михайлович приехал. Место в Москве бросил, мрачен черезмерно; нам с В. руки за что-то не дает.

А. Я. ⟨Герд⟩ попрежнему работает как вол, но места все еще не берет, хотя многие представляются. Впрочем, вероятно (пока это еще секрет), уедет в провинцию.

Иван Ег. Малышев выкинул штуку, которая еще более утвердила меня в уважении к нему. Он получал в Ц⟨арско⟩-С⟨ельском⟩ Банке 9 000 жалованья, кроме дивиденда; в банке этом две партии: русская и жидовская. Зак (директ.), жид, предложил двум русским доверенным, товарищам Ив. Ег., такие условия, что они ушли из Банка. Вслед за ними ушел и Ив. Ег., несмотря на то, что ему предлагали 15 000 жалованья. Теперь он без места, хотя дослуживает еще в банке этот год; впрочем, место ему уже предлагают. Разве не молодец?

Хозяева у меня хорошие; впрочем, случилось весьма печальное обстоятельство: в соседней со мной комнате поселилась сегодня одна из лицедеек «Орфеума». Если она будет неистовствовать, уйду.

Передайте бабушке мой поклон, скажите ей, что О. О. постоянно расспрашивает, что об ней думает она, бабушка? Что ваша команда? Разве Жене выдали уже ведомость, что вы пишете о его баллах.

В театре больше не был. Зато теперь полная возможность слушать хорошую фортепианную музыку; посещаю Вячеслава Латкина по субботам. В прошлый раз замучил меня «Ратклифом». Если бы была возможность где-нибудь пользоваться инструментом, стал бы у него учиться: он ничего бы с меня не взял.

У Пузино он окончательно дает уроки два раза в неделю по 3 р. за урок. Видите как!

В И-те бываю каждый день: слушать теперь только скучновато: все-таки всё то же. Стал недавно химию по запискам читать и бросил, потому что еще раз прослушав то, что учил в прошлом году, всё забытое вспомнил.

Математикой же сегодня начал заниматься, хоть и не очень-то приятная вещь.

Вы пишете, что надо вам сообразить, когда высылать деньги. Долгов я роздал 15 р. и их почти не осталось, но все-таки лампа, сахарница, словарь английский, записки новые; все это принуждает меня просить вас выслать деньги к 5 ноября. Платить за комнату мне надо 9.

До свиданья. Крепко целую вас. Кланяйтесь всем; Раисе Всев. тоже, конечно.

Вас любящий *В. Гаршин*

P. S. Павлу Михеичу⟨Новикову⟩и Василию Лукичу⟨Спаскому⟩ нижайшие поклоны. На той неделе пойду в Библиотеку узнавать о сочинениях последнего.

30. *Е. С. Гаршиной*

18 30/X 75.
СПБ.

Дорогая мама!

Извините меня за то, что я на первых же порах не исполнил своего обещания писать через четыре дня. На это, собственно говоря, не было никаких причин: главное же, что было нечего писать.

У нас все обстоит вполне благополучно: только недавно мы с Володей учинили неистовство. Были мы на «Руслане», в ложе (9 человек) и оттуда мы (я и В.) с Вячеславом Латкиным направились к последнему на Пески, где до 6 ч. ночи он нам играл того же «Руслана». Встав на другой день в 10 ч., мы продолжали слушать, а он играть до 2 ч. дня. Благо день был в И-те пустой.

На меня никогда так не действовала музыка; просто какое-то нервное расстройство.

Ив. Ег. Малышев уже получил новое место в Варшавском банке. Миша недавно оскандалился с эскизом на экзамене (третном); получил 21 №. Вася Аф⟨анасьев⟩ опять не выходит из И-та. Что это за чудище! Опять влюбился в какую-то девицу или даму.

У Пузиных все попрежнему. О. О. толстеет и злится. Коля музыке учится, Лиза болеет. Если бы вы знали, что они все делали с этой несчастной девочкой в прошлом году! Доходило напр. до таких сцен: Ор. П-ч летит в Лизину комнату — швыряет в лицо 50 р., говоря, что если она желает поступать на безнравственные медицинские курсы, так пусть убирается: «ты мне более не дочь».

А О. О. выражает, что хотя она, т. е. О. О. и «отрезанный ломоть», но в то же время не может не высказать своего мнения о сестре, что ее нигилизм и пр. и пр.

Ученик мой преуспевает.

Теперь я не один, со мной поселился некий Шрамко (на одну неделю), бывший товарищ, через неделю поступающий вольноопределяющимся; покуда ему некуда деваться.

До свиданья, дорогая мама! Скоро увидимся, Меньше двух месяцев осталось. Извините, что письмо коротенькое. Право, писать нечего. Бабушке поклон. Целую вас и Женю.

Вас любящий *Всеволод Гаршин*

Р. В. поклон. Что она поделывает? Впрочем, если она будет столь любезна, что ответит на мое письмо, так скоро и сам узнаю.

31. *Р. В. Александровой* [20]

Петербург, 30 октября 1875 г.

Дорогая Р⟨аиса⟩В⟨севолодовна⟩!

Простите мне мою дерзость: я решился писать к вам. Хотя вообще подобные переписки принадлежат к числу вещей, на которые окружающие смотрят косо и подозрительно, но я не думаю, чтобы это могло служить непреодолимым препятствием к получению от вас нескольких строчек. Тем более, что вы уж написали мне одно письмо из Старобельска.

После этого краткого предисловия выражаю вам мой телячий восторг по случаю вашего поступления в М⟨узыкальное⟩ О⟨бщество⟩. Наконец-то вы если не на ногах, так на одной ноге! Только зачем вы предпочли барыню С—ну; последний человек очень известный и серьезный музыкант. Напишите мне, что вы играли на пробу и какое впечатление произвели; матушка пишет, что все были в восторге, только я хотел бы знать это от вас самих: тогда я был бы более уверен, потому что вы себя никогда не хвалите.

Живу я однообразно, довольно скучно, но в полном душевном спокойствии. Видеть вокруг себя опять *всё* человеческие лица, слушать вещи, не приводящие каждую минуту в раздражение, не подвергаться опасности быть поставленным в положение, когда не остается ничего более делать, как воткнуть вилку в чье-нибудь толстое брюхо, — согласитесь, все это имеет свои приятности. Работаю много: утром Институт, потом у П⟨узино⟩ учу мальчишку 7 л. грамоте, потом, в виде вознаграждения, обедаю у них же, потом домой, до 8 занятия; в 8 ч. приходит Володя Л⟨аткин⟩ с «Историческими письмами», и мы читаем их вместе. [21] Одному читать ни мне, ни ему невозможно: не хватит терпения, а книжку прочесть непременно нужно. В 11 ч. письма уносятся, и я остаюсь один. Говорила ли вам матушка, что я, вероятно, буду сотрудничать в «Пет. Листке»? По случаю этого обстоятельства после 11 ч. я сижу еще часа по два-три и пишу. Задался мыслью изобразить, хотя отчасти, уездную жизнь в маленьких очерках; один уже готов («Земское Собрание») и на этой неделе понесется в редакцию.

Само собою, что матерьял беру отчасти из жизни нашего милого С⟨таробельска⟩. Не говорите о моей работе покуда никому, даже мамаше и Жене.

Все бы было хорошо, если бы можно было хоть раз в неделю посмотреть на матушку с Женей, да (зачем скрываться?) на вас. Дороже у меня нет никого на свете.

Когда я виделся с вами последние дни в С⟨таробельске⟩, как тошно мне, как скучно было толковать о неизбежном Е⟨горе⟩ М⟨ихайловиче⟩и не менее неизбежной Г. В., о Л., Р. и прочей

братье. Мне было вовсе не до них, мне хотелось просто молчать и смотреть на вас; мне казалось отчего-то, что вы не вырветесь из С. и засядете на неопределенный срок в трясине, из которой одно замужество вырывает уездных барышен. Да и как большею частью вырывает? Вырывает, чтобы бросить в еще более грязную глубокую яму, из которой уже нет спасения. Я не говорю об исключениях; впрочем, в С. я их не видел. Для тех, кто утратил в себе всякое внутреннее подобие божие, конечно, замужество идеал... Р. В., неужели вы вырвались на год из С., чтобы снова попасть в него? И когда попасть! Когда хоть немного попробуете другого, свежего воздуха, когда легкие уже не перенесут удушливых миазмов, именуемых в нашем милом отечественном городе, неизвестно по какой причине, — жизнью.

Дорогая моя, пишите, бога ради! Если вам что-нибудь не нравится в моем письме, скажите. Я посокращусь. А то, в самом деле, не слишком ли я разоткровенничался с вами; впрочем, что же мне и скрывать-то от вас?

Если снесетесь, пришлите карточку. Своей обещать скоро не могу. Мы на-днях будем сниматься втроем: А. Я. Герд, Володя и ваш покорнейший слуга и снимем только три группы — для себя. Дело в том, что А. Я., вероятно, покинет нас в Питере и уедет куда-нибудь в провинцию. Этого провинция не съест! Выдержит!

Будете писать домой, кланяйтесь всем, А. К. особо. Скажите ей, что пари я не совсем еще проиграл. До свиданья.

Всегда ваш друг *Всеволод Гаршин*

Пишите. Напишите, можно ли мне писать к вам прямо по вашему адресу в квартиру Н.? Я ведь ничего не знаю об их отношениях к вам.

32. *Е. С. Гаршиной*

18 6/XI 75
СПБ.

Дорогая мама!

Сегодня получил деньги от вас; воротник уже давно у меня, только я забыл написать вам.

Вы пишете мне о Жорже и предлагаете написать к нему; что из этого будет? Если писать к нему в духе миролюбивом — никакого действия не произойдет, если в ругательном — только обозлится. Ведь вы его знаете.

Все-таки вы, может быть, знаете что-нибудь о Старобельске. Что там поделывают? Мой первый маленький очерк я кончил; надо только переписать. Он так превзошел мои и некоторых немногих ожидания, что я решительно не хочу тащить его в

«Листок»; понесу на суд к А. С. Суворину.[22] Страшно, мама, очень страшно! Кто знает, что из этого выйдет!

Уроки у Пузино идут благополучно, т. е. относительно успехов Коли; относительно же вознаграждения имею причины быть недовольным. Не то чтоб обед был дурен: мне ли разбирать! А простой расчет: обед стоит maximum 15 р., след. за час приходится 50 к. Пузино могли бы без ущерба давать больше, принимая во внимание, что К. О. дает Вячеславу Латкину 3 р. за час и что на-днях ей купили новый рояль. А самое главное — это то, что времени идет бездна: приходишь к ним в час или два (после И-та), а уходишь не раньше шести, т. к. обед кончается в 6. Я скорее бы согласился брать 15 р. в месяц. Вчера и сегодня немилосердно приставала ко мне, чтоб я ехал на морской бал (сегодня 6 ноября) с нею и Лизой. Даже достала мне откуда-то фрак и перчатки. Но, встретив мой упорный отказ, надулась. Совестно, видите ли, «одной» быть.

Вместо бала посетил В. П. Медведева. Он здесь, поступил в присяжные поверенные, но, повидимому, остался хорошим человеком. Жена у него преприятная особа, только очень больная. У нее огромные знакомства, и В. П. сейчас же, без всякой моей просьбы обещал мне добыть уроки. Впрочем, что обещания? — Тлен!

Бедная, бедная Раичка! Не вырвалась она, а из огня в полымя попала. Вся беда, что она уж чересчур мягкого нрава, всему поддается; внутренний протест ей нисколько не помогает в жизни, а только мучает. Поклонитесь ей от меня.

Работы много, репетиция из химии скоро; буду сдавать. Скучно иногда бывает. Владимир Мих. весь засел в работу и все недоволен. Этакий чорт! Вот начальство VII гимназии в ком блистательно ошиблось; такой вышел усердный студент. Впрочем, он все такой же хороший, даже еще лучше.

До свиданья, дорогая мама, право, писать больше нечего. Кланяйтесь бабушке и Жене. Крепко целую вас.

Вас любящий *Всеволод Гаршин*

P. S. Вы, должно быть, уже разобрали книги; нет ли между ними моей английской грамматики «Нурока»? Если есть — вышлите, пожалуйста. Я не помню, брал ли я ее в С-к.

33. *Е. С. Гаршиной*

18 13/XI 75.
СПБ.

Дорогая мама!

Пишу к вам потому только, что надо писать: писать решительно нечего, за исключением разве того, что я добыл себе уроки на 12 р. в месяц. Поблагодетельствовал мне А. М. Мар-

тьянов, спасибо ему. Учу девицу 17 лет, весьма миловидной наружности, арифметике и геометрии для экзамена на домашнюю учительницу. 3 раза в неделю по рублю.

Из этого следует, что вы должны прислать мне следующий месяц не более 15 р.

В И-те все благополучно. Нева стала уже давно, но прескверным образом: во всю длину реки от Дворцового моста и до устья тянется широкая полынья. Так что ни перехода, ни перевоза, и приходится таскаться на Николаевский мост.

В театр мы ходим каждую неделю. Говорю *мы*, потому что всегда собирается компания, где я и Володя первые члены, и берется ложа, вмещающая от себя 7, 8, 9 и даже 13 (литерная) человек. Ходим только в оперу.

Вообще довольно скучно. Занимаешься не столько, сколько бы хотел, а больше времени не хватает, да и спячка какая-то: сплю не меньше девяти часов в сутки, а если пересилю сон, так голова болит.

У Пузиных всякие болезни: Коля был болен на-днях и очень опасно, у Жени скарлатина. Юля поэтому не может ходить в школу к m-lle Латышевой, где она учится. За болезнью моего настоящего ученика, я взялся заниматься с Юлей. Пошли мы с нею к Латышевой узнать, что нам делать, и на дороге встретили Влад. Федоровича ⟨Эвальда⟩. Я его сперва не узнал (он бородой оброс, и борода седая), но он сам закричал: «А, сколько лет, сколько зим!» И весьма приветливо стал расспрашивать меня о моем здоровье. «А это, должно быть, сестрица?» — Да, двоюродная. — «Пожалуйте, говорит, ручку, двоюродная сестрица».

Кстати, напишите мне, были ли у меня корь и скарлатина. Я никогда не берегусь, да и не верю, впрочем, в прилипчивость этих болезней.

Злодей Тернер, наш англичанин, решительно не хочет ходить на лекции. А между тем я, надеясь заниматься у него, бросил своего Фукса и уже начал забывать, что прошел. Кажется, придется опять взяться самому за книжку; на Тернера надежда плоха: он является в И-т только 20 числа за получением жалованья.

Александр Яковлевич начинает 23 ноября новые лекции в Соляном городке: «Неорганический мир».

Что делается у вас? Что Сережа поделывает и какие у него отметки? Поклонитесь ему и скажите, что я очень бы желал получить от него несколько строчек. И Женище никогда не напишет. Я бы им ответил обоим с особенным удовольствием. До свиданья. Целую вас и Женю. Бабушке и всем поклон.

Вас любящий *В. Гаршин*

Кончаловского встретил (писал, кажется, уже) — к Ал. Гр. он носу не кажет.

34. *Е. С. Гаршиной*

18 21/XI 75.

Дорогая мама!

Целую неделю не писал я вам, дорогая мама; казалось, теперь должно было бы быть что писать, однако писать вовсе нечего. Жизнь идет так однообразно, так скучно. С нетерпением жду Рождества.

Выехать я могу отсюда не раньше 20 декабря. Да и еще вопрос: на какие деньги ехать? У вас ведь обстоятельства не слишком блистательные.

Сегодня голова болит ужасно, а надо долбить записки: завтра репетиция из химии. Вообще у меня часто стала болеть голова.

Что вам еще написать? О. О. поступила со мною по-свински. Дело вот в чем: заболели Коля и Женя. Женя — скарлатиною, и Юле поэтому нельзя стало ходить в школу. О. О. просит меня заниматься вместо Коли с Женей, чтобы она не отстала от курса. Я, конечно, согласился. Теперь Коля выздоровел и я ежедневно занимаюсь с обоими «за стол» (!!!). Это только мы с вами можем претерпевать подобное. Ведь они по 600 р. в месяц проживают. До Рождества дотяну, а там откажусь, хоть и жалко Коли, я его очень полюбил.

Не знаю, чем объяснить подобный образ действий. Должно быть, просто не соображают.

То, что писал я вам о Лизе, немного не верно. Ор. П. хотел ей *ежемесячно* давать по 50 р. и чтоб она шла, куда хочет. Она и раскисла. Жаль стало этой египетской тьмы, должно быть. Тоже барышня! Дура.

Получил я от Р. В. письмо; на своих родных она не жалуется, даже говорит, что они *добрые*. Не верю я этому.

Простите, дорогая мама, что пишу так мало. Нечего больше. К Суворину не ходил: произведение моего пера еще не переписано, за долблением химии. Да и боюсь я ужасно.

Кланяйтесь бабушке, Жене и всем.

Цалую вас. *В. Гаршин*

35. *Р. В. Александровой*

1875. 27. XI.
СПБ.

Дорогая Р. В.!

Много я виноват перед вами своим долгим молчанием в ответ на ваше письмо. На это были причины, о которых умолчу. Спасибо вам за то, что не оставили без ответа мое послание; на второе хоть и не отвечайте, потому что скоро увидимся. Около 20 дек. я поеду отсюда в Харьков.

Получил от матушки печальное известие о брате; в чем оно состоит, вы уж, конечно, знаете. Матушка прислала мне его письмо; с отчаяньем пишет человек, читать страшно. Скверно кончится дело.

Я живу попрежнему, так себе, потихоньку да полегоньку. Достал себе уроки: готовлю некоторую молоденькую и весьма миловидную девицу на экзамен домашней учительницы из Арифметики и Геометрии. Связываться с «Петерб. Листком» я не решился, а сегодня снес свое маленькое произведение к А. С. Суворину (Незнакомец). Принял он меня так хорошо и тепло, что я от него в восторге; мой очерк оставил для прочтения. [23] Во вторник пойду на страшный суд. Что-то он скажет? Я не думаю покуда нигде печататься; с меня будет довольно только Суворинского одобрения; писать начать всегда успеешь; был бы талант.

Страшно! Письмо это к вам дойдет, должно быть, раньше вторника, и в этот день прошу вас прочесть акафист св. Всеволоду, князю Псковскому. Все-таки лучше заручиться. Если будете мне писать до Рождества (а карточка?), то напишите о С., что знаете. А больше всего пишите о себе!

Весьма рад, что наконец вы с Глинкой познакомились; жаль только, что «Руслана» не играете. Это еще лучше «Ж. за. ц.». Мы, т. е. наша компания, состоящая из восьми-девяти человек, ходим в театр еженедельно, с примерной аккуратностью. Я здесь семь недель, и был в опере тоже семь раз: «Фауст», «Жизнь за ц.», «Руслан», «Гугеноты», «Тангейзер», «Фауст», «Русалка». Последнюю оперу видел в первый раз, и она мне очень понравилась. Был раз на репетиции симфонического собрания и слушал симфонию Листа — Divina Comedia, т. е. Божественная комедия. Впечатление страшное! Первые аккорды, действительно, переносят вас прямо в ад. Ах, милейшая музыкантша, зачем вы не слышите настоящего хорошего оркестра! Что бы вы сказали! Никакой рояль, даже если и вы на нем играете, не может мне заменить несравненного Направника со аггелами его.

У П⟨узино⟩ уроки мои идут успешно: ученик мой уже начал читать. Только неудобно, — ужасно времени идет много на урок и на обед. Поэтому после Рождества брошу П. Довольно того, что читать выучил.

Сегодня четверг; до вторника осталось пять дней. Как только получу благоприятный ответ — сейчас же извещу вас и матушку. Ну, а если вдруг неблагоприятный?..

Не скрою от вас, что он был бы для меня жестоким ударом.

Совсем забыл! Во вторник был в художественном клубе вечер медицинских барышен; я, конечно, там присутствовал и встретил С. М. Л. Она действительно учится медицине, только не в Академии, а на курсах при Калинкинской больнице. Это первый

земляк, которого я встречаю в Петербурге за несколько лет. Был еще — К., да тот, как вы, я думаю, знаете, застрелился.

Не устроит ли ваше «Отделение» концерта в пользу герцоговинцев? Вы бы выписали из С—ка Г. В. и сыграли бы с нею увертюру «Отелло» в четыре руки. Успех был бы огромный; на Г. В. все бы взяли билеты. До свиданья, дорогая моя! Скоро увидимся, меньше чем через месяц.

Ваш друг *Всеволод Гаршин*

36. *Е. С. Гаршиной*

〈28 ноября 1875 г.〉

Дорогая мама!

Вы, быть может, встревожились, прочитав мое предпоследнее кислое письмо; я был, когда писал его, действительно в кислом настроении духа. В такие минуты лучше не писать писем.

Николай Степ.〈Акимов〉 выкинул гениальную штуку. Получаю я письмо, конечно, заказное, распечатываю — письмо ко мне и к О. О. Так как в письме ко мне дозволялось прочесть и другое, то я прочел. Можете себе представить: он собирается просить у казны пособия из эмеритальной кассы,[24] что ли, и просит О. Ор. замолвить словечко за него у адм. Беренса! А меня умоляет замолвить словечко О. Ор—вне, чтобы она приняла участие в его деле! Вот уж именно человек-стерва.

Нахальство, доведенное до границ. На какие же суммы он рассчитывал весно́ю, когда делал О. О. предложение?!

Она обещала сказать Беренсу, но, конечно, находится в ярости и, кажется, напишет к нему ругательное письмо.

Что вы знаете о Жорже? Господи, вот уж «мертвая петля»-то!

О себе скажу, что вчера, наконец, был у Суворина и оставил у него свою работу. Принял он меня так ласково и тепло, что я еще больше полюбил его. Какие он пишет фельетоны в «Бирж. Вед.»! Пусть Женя непременно прочтет в библиотеке все (их кажется 4 или 5).

Во вторник пойду за решением участи. Сердце и теперь бьется. Латкин очень хвалит мое писанье, а он никогда не хвалит ничего.

Ходим в театр еженедельно; подробности о сем предмете пишу к Р. В.

Деньги на поездку займу у Пузино; я никогда не брал у них в долг ни копейки, и у них нисколько не совестно взять; у них есть.

А. Я. 〈Герд〉 начал вновь свои лекции в С〈оляном〉городке, читает великолепно.

У Медведева давно не был; никак времени не выберешь. А надо пойти.

Я перечитал письмо и поразился отрывочными фразами о самых разнокалиберных предметах. Иногда я пишу из рук вон плохо. Впрочем, то, что я снес к Суворину, относительно слога не страдает, в этом-то я уверен. Суворин говорит: «отчего вы полагаетесь на мое субъективное мнение?» Очень он хороший человек, простой, нисколько не генерал.

Известите Вас. Лукича, что я нашел его произведение в Публичной библиотеке.[25] Пусть возрадуется духом.

До свиданья, дорогая мама. Во вторник напишу непременно, что мне сказал Суворин.

Вас любящий *В. Гаршин*

Целую Женю. Поклон бабушке и всем. Раисе Всев. и Павлу Михеевичу особенный.

37. *Е. С. Гаршиной*

<9 декабря 1875>

Дорогая мама!

Много виноват я перед вами своим долгим молчанием: сначала все как-то откладывал, а последние три дня у меня не было ни копейки, так что даже не мог приобрести марки. У Володи тоже не было. Теперь получил от вас 20 р.

Был я у Суворина. Начинания мои он похвалил, сказал, что написано «литературно», живо и интересно. Советует снести в «Неделю»; там, мол, наверно напечатают.[26] Теперь я думаю: нести или нет?

Двадцатого числа, в субботу, я выезжаю наверно, так что во вторник буду у вас. А может быть, и раньше выеду.

Занимать мне придется немного, ибо 15-го я получу за уроки 12 р. Барышню свою на праздники передам Васе Афанасьеву, чтобы она ничего не потеряла от моего отсутствия.

После праздников предстоит мне довольно выгодный урок: Катерина Поликарповна Пузино будет поступать в Медиц. Акад., так нужно ее вразумлять по физике и математике, а может быть, и еще по чему-нибудь.

Скоро, скоро увижусь с вами. Писать ничего не хочется, лучше расскажу все, что есть рассказывать, на словах.

Целую вас и Женю.

Вс. Гаршин

P. S. Совсем было забыл! О. Ор. опасно больна: у нее повреждение спинного хребта.

1876

38. *Е. С. Гаршиной*

23 января 1876.
СПБ.

Дорогая мама!

До сих пор не получил я от вас ни строчки, не знаю, что бы это значило. Пишите скорее; на всякий случай еще раз посылаю вам свой адрес: 6 линия, д. № 1 (первый), кв. 25.

«Неделя» приостановлена на три месяца.

В И-те у нас все благополучно. Экзамены начнутся 11 апреля так что приходится накинуть еще времени для занятий. Пузино теперь мне не мешают, потому что к ним недалеко ходить.

Денег им я еще не отдавал.

Был ли у вас Жорж, и что он привез нового о себе и о Старобельске? Если мое письмо застанет еще его у вас, кланяйтесь ему и передайте поклон от Ивана Федоровича и Василия Корнеевича.

Вчера мы с Гердом (т. е. я, Володя и Г.) снимались втроем у Каррика группою, но так как вышло неудачно, то Вильям Андр. просил прийти еще. Группа довольно большого формата.[27]

Алекс. Григ. ⟨Маркелова⟩ лежит больная. Был я у Василия Прокофьевича, видел Симоновича, который ушел из Порхова искать себе места в Петербурге. Не вынес и он провинции, а уж какое терпенье. У Мартьяновых умерла сестра, Усть-Рецкая; Александр Миронович очень убит и поседел.

Ольга Ор. лечится электричеством. Бабище в шесть пудов и, как кажется, вовсе не больная.

Ах, да, забыл сообщить нечто интересное. Таскался я в думу, (все по приписке; уже три раза толкался, ничего не могу поделать) и, возвращаясь домой по Неве, встретил Егора Ив. с таким же каким-то старым холостяком. Е. И. меня узнал, но не подал виду, и только побагровел, должно быть, от страха, чтобы я не подошел. Но я избавил его от испытания. Его спутник объяснял ему, что «Петербург для холостого человека — лучший город в мире; здесь вы можете найти всё...» дальше я не расслышал.

Старые черти!

Были мы в театре, слушали «Рогнеду». Очень понравилась; только либретто ерундливое.

Пишите поскорее, дорогая мама; мне вообще-то очень скучно. Принялся за аналитику, противно, а сидишь и тянешь.

Если бы не мои лихие болести, был бы я теперь вместе с Володей, и никакая аналитика не смущала бы меня.

До свиданья. Крепко целую вас, кланяйтесь Жене, дяде, Жоржу, бабушке и всем прочим.

Вас любящий *В. Гаршин*

Р. В. поклон.

Я простудился и кашляю немного.

39. *Р. В. Александровой*

23 января 1876 г. СПБ.

Дорогая Р. В.!

Насилу собрался написать вам. Собирался я так долго по очень простой причине: не было материала для письма. Теперь хотя писать, по правде сказать, тоже нечего, все-таки пишу, потому что надеюсь получить от вас ответ.

Поселился я на Васильевском острове, в 6 линии. Комната порядочная, только высоко очень — 84 ступени. Недалеко от Института и П⟨узино⟩, — мест моего постоянного посещения. Жаль, только, что от Л⟨аткиных⟩ далеко; теперь мы видимся не каждый день, что заметили товарищи и знакомые и уже посмеиваются.

11 апреля у нас начнутся экзамены; как видите, времени осталось немного: приходится засесть за работу. Впрочем, я рад тому, т. к. экзамены и кончатся раньше, в 20-х числах мая.

В среду я был у Латкиных и произвел большой скандал. К ним собрались гости: были Г., С., миллионерша, жена северного промышленника; С., супруга одного из присяжных поверенных; все, как видите, люди почтенные. Стали заниматься спиритизмом, столик вертеть. Между нами были люди совсем неверующие в эту ерунду, как например, Праск. Андреевна Л. Вдруг, ко всеобщему изумлению, столик начинает ходить, подниматься на одной ножке, стучать, давать стуком ответы и пр. и пр. «Явления» эти продолжались часа 2 с половиною, потом столик бросили. Начались разговоры о спиритизме, о сущности спиритических явлений, все даже неверующие уже уверовали, как вдруг я объявляю, что все движения столика были произведены моими руками.

Половина стала на мою сторону и благодарила меня за то, что я «разубедил», а другая обиделась. Липочка Л⟨аткина⟩ объявила даже, что это «подвость» (она не произносит «л»). Заметьте

еще, что все в то время, как мы вертели столик, сначала подозревали меня в мошенничестве и смотрели на мои руки; я все-таки ухитрился надуть. Из этого можете вывести, как легко ловкому фокуснику производить все эти «явления».

Вчера мы с Володей и Гердом снимались втроем у Каррика, но неудачно; пригласил пересняться. Группу эту мы затеяли по той причине, что Алекс. Яковл. уезжает на полгода в Англию. Там, в Кенсингтонском дворце, будет педагогическая выставка и съезд, в котором примут участие английские ученые и представители других стран. От России поедет А. Я.

Другого Герда, брата его, посылает военное министерство в Америку, на Филадельфийскую выставку, тоже в качестве уполномоченного. Счастливые люди! А ты сиди здесь и кисни. Когда-то, наконец, удовлетворится моя жажда шатанья по белу свету?

В ту самую минуту, как я пишу эти строчки, ваше лицо посмотрело на меня из рамки (ваша карточка у меня на столе) и точно будто бы засмеялось. Впрочем, немудрено, что мне мерещится; уже час ночи, и я так долго сидел за аналитикой, что в голове точно мутовкой помешано.

Завтра кончу письмо. Сегодня перо валится из рук. Покойной ночи.

Ваш *В. Гаршин*

24 января.

Сегодня воскресенье. Я встал в скверном расположении духа, и жалею, что нужно кончить вам письмо. ⟨*Строка зачеркнута*⟩... Впрочем, кончать не буду, а просто попрощаюсь и попрошу передать поклон П. Н. и З. Т.

Ах, дорогая моя, когда я вас увижу! Хоть бы на минутку поглядеть на вас. Пишите пожалуйста. Если нечего писать, так хоть размышления о погоде и бренности человеческой жизни, а все-таки пишите.

Вам горячо преданный *В. Гаршин*

P. S. Был у меня Е. П. К., но не застал дома. Его назначили в лейб-гусары, в Царское Село.

Сегодня 24, я уехал из Х. 10-го, и до сих пор от матушки не получал ни строчки, хотя сам пишу аккуратно. Что это значит?

40. *Е. С. Гаршиной*

28 января 1876.
СПБ.

Дорогая мама!

Я решительно не знаю, что думать о вашем молчаньи. Восемнадцать дней я не имею никаких известий о вас с Женей; вы прежде были всегда так аккуратны в письмах, что теперь я бог

знает, чего не придумываю. Пишите, ради бога, а то у меня голова кругом идет. Может быть, адрес мой пропал на почте: вот он еще раз, третий: В. О., 6 лин., д. № 1, кв. 25. Я посылаю вам третье письмо из Петерб., с дороги послал два: одно из Курска, другое из Клина. Писать сегодня больше ничего не буду, потому что мучусь страхом и беспокойством. Дорогая мама, если у вас все благополучно, как вам не грешно так долго молчать! Пожалуйста пишите поскорее.

До свиданья. Крепко целую вас и Женю.

В. Гаршин

Если получу от вас письмо скоро, то мое следующее вы получите 9 февраля, в понедельник.

2-го, в понед., мне 21 год!

Может быть, ваши письма ко мне не носят; пишите в И-т. Туда наверно доходят.

41. *Е. С. Гаршиной*

Петербург, февр. 1876.

Дорогая мама!

Письмо ваше от 14, и с ним все размышления о Жорже, пропало на почте; вот причина моего беспокойства и жалоб последних писем к вам и Р. В. Я получил от нее письмо со вложением карточки ее и Зин. Ив. Какая хорошенькая вышла парочка!

У нас опять морозы, хотя не сильные; впрочем, третьего дня было около 20 град. Впрочем, это уже последние; скоро весна. Один из наших студентов, Николаи, постоянно поет на мотив из «Гугенотов»: «на землю спустился экзамен». Действительно, скоро уже. Уроки с «той», как вы говорите, барышней уже кончились; при мне Вася дал только 2 урока. Теперь она держит экзамен. Со вчерашнего дня я начал уроки с Катер. Поликарп. Пузино тоже математики, четыре раза в неделю.

Коля на поприще чтения и письма подвигается, но математические способности заставляют желать многого.

Получил я от этого чучелы опять письмо, полное правоучений для О. О., дескать, как она смела так поступить, «плюнуть в лицо человеку ей ничего не стоит» и пр. и пр. «А впрочем, милый Всеволод, поблагодари ее за участье».

Мы с Гердом и Вол⟨одей⟩ сняли, наконец, группу у Каррика. Первая дурно вышла, завтра будем пересниматься.

Эту неделю занятия шли до крайности вяло; скука одолевает, да и мороз; он на меня всегда действует подавляющим образом.

Вчера очень хорошо провел вечер: Саша Ефимов уговорил еще осенью некоторых наших товарищей по выпуску собираться

по четвергам вместе для ознакомления с новыми сочинениями. Дошло это до моего сведения, потащился к ним и я и попал как раз на «доклад» Ефимова о новом произведении Геккеля «Histoire naturelle de la création».* Отличную выдумали они штуку, Геккеля хватит на этот год, а на будущий я предложил Милля, на что все изъявили согласие.

Что вам еще сказать? У Пузино мракобесие какое-то. Мошенник Рени ездит очень часто, привозит Ш. С. по воскресеньям конфеты от Berrin и вообще «втирается», по всей вероятности имея в виду какую-нибудь каверзу. О. Ор. страдает воспалением оболочки спинного мозга, лечится электричеством и в то же время по маскарадам шатается, глупая баба! И замечательный тип безнравственности, не в известном смысле, конечно, а безнравственности ташкентской,

Математика моя двигается, хотя и довольно туго. Похож я с нею на цаплю в болоте, которая «хвост вытащит — нос увязнет, нос вытащит — хвост увязнет» и т. д. А, впрочем, уповаю на бога и на силу своих зубрительных способностей.

В воскресенье были мы все на бенефисе Мельникова, слушали «Анджело». Опера, хотя и с «новою» музыкою, но мне очень понравилась. Кюи вызывали многое-множество раз.

Каков Спасович! Я думаю, что «Сын» не поместил его речи (по делу Кронеберга) вполне, и советую вам попросить Женю достать из библиотеки. Вот подлец! Прочитав речь, я пошел к Гердам и, идя по Невскому, думал о том, что если встречу Спасовича, непременно дам, должен буду дать ему в рожу. Теперь, конечно, угомонился, а тогда чуть было не порвал несчастный «Голос».[28]

Цалую вас и Женю. Поклон всем.

В. Гаршин

42. *Е. С. Гаршиной*

12 февр. 1876 г.

Дорогая мама!

Письмо ваше с 10 р. я получил вчера; прошу вас, если у вас будет мало денег, не высылайте мне больше до следующего месяца. Там посмотрим, а теперь я имею возможность перебиться и с этими деньгами. Вы знаете, что я даю уроки Ек. Пол. Пузино, 4 раза в неделю по 1 р.; этих денег (16 р. в месяц) да еще ваших 10 мне совершенно хватит, принимая во внимание некупленные обеды. С голоду не умру. Вам и в денежном отношении гораздо хуже, чем мне. Сегодня получил от дяди М. письмо для передачи Кумани; завтра же снесу его.

* «Естественная история создания мира». *Ред.*

Передайте Р. В., что карточки ее и Зин. Ив. я получил и очень, очень благодарен за память. Скоро, впрочем, сам напишу Р. В. ответ.

Так как я не знаю второго письма Вл. Ст. ⟨Акимова⟩ к вам, то пожалуйста, если можно, возобновите на память содержание вашего письма от 14 янв. ко мне и пришлите. Что-то он еще вымудрил! Уж эти «умные люди»!

Герд едет в марте; остановка только за канцелярскими проволочками в мин. финансов, которое разрешает выдачу денег на поездку. Едет он на полгода, и я заранее горюю при мысли расстаться с этим дорогим человеком, лучшим из всех людей, каких я знаю. Володя тоже говорит об этой поездке с грустью, хотя мы оба и очень рады за А. Я.

Группу мы уже сняли у Каррика. Вышла довольно плохо. Сегодня весь город в волнении: вынос тела М⟨арии⟩ Ник. в крепость. Подлец «Голос» не преминул разлиться скорбью в своей передовой статье об августейшей покойнице, которая и нравственность-то являла, и общественною деятельностью занималась, и Академию Художеств на высокую ногу поставила. А она в Ак. Худ., несмотря на то, что была ее президентом, никогда не заглядывала.

Поздравляю Женю с пятеркой из математики. Этого мне никогда не удавалось достигнуть, да и не удастся.

Что поделывает Пав. Мих.? О Клейгенигах не имеете ли какого курьеза? Коновалов, Волод⟨ин⟩ товарищ, знает их (он из Екатеринослава) и говорит, что Varette никогда никто не мог уговорить играть «должно быть потому, что в Венской Консерватории ничему не выучилась».

Экзамены начинаются на Фоминой. Скоро идет время, так или иначе, а увидимся скоро. На работы не еду.

Крепко целую вас и Женю.

Кому найдете нужным, кланяйтесь.

В. Гаршин

43. *Р. В. Александровой*

⟨Около 15 февраля 1876 г.⟩

Дорогая Р. В.!

Не знаю, как благодарить вас за ваш подарок, за карточку вашу и З. И., которой также прошу вас передать мою благодарность. Карточка ваша была для меня совершенным сюрпризом. Вернулся я однажды домой вечером, злой, почти больной (о причинах умолчу), настроение было самое скверное, но ваше письмо развеселило меня, показав, что и у меня есть друзья, которые меня не забывают.

Во втором вашем письме вы пишете, что первое наполнено глупостями и тому подобное; я решительно не понимаю

вас. Глупостей в письме нет никаких, разве не очень умно только то, что письмо очень коротко: впрочем, и второе не длиннее. Зачем вы хотите рисоваться письмами, перед кем бы то ни было: пишите, что пишется, посылайте, что написалось. А если вы будете стараться писать только умные вещи, что из этого выйдет? Что может быть хуже, чем то, что человек «притворяется умным», как говорил мой покойный батюшка.

Извините за это рассуждение и что письмо испачкано помарками.

Вчера я весело провел время. Собралась компания человек в 25 студентов и барышень и отправилась на чухонских лошадях за город, на 7 лошадях. На масляницу в Петербург приезжает страшное количество чухонцев-извозчиков, вроде ваших ваньков. Они возят только одну неделю, не платя за то никаких денег. Лошади у них очень маленькие, но очень быстро бегают и замечательно выносливы.

За городом по Парголовской дороге остановились в пустой даче и устроили пляс, выпивку и тому подобное. Поехали днем, приехали поздно вечером. Приняв во внимание хорошую погоду и то обстоятельство, что мы сами правили и страшно летели туда и назад, можно с достоверностью утверждать, что поездка удалась вполне.

Я сегодня расположен выражаться витиеватым слогом. Пишу такое, что и сам мало понимаю.

Экзамены наши если не на носу, то недалеко от оного, почему я и засел за работу. Вчерашнее путешествие прервало ее, впрочем, я не жалею, потому что весело провел время. Сколько было гаму и визгу! Одни сани перекувырнулись, и публика, трое мужчин и дама, очутилась в канаве, в снегу, откуда мы с превеликим трудом вытащили их.

Пишите, Р. В., пожалуйста! Да не старайтесь писать мне только то, что вам кажется умным: ведь я знаю уж вас немного, и об вашем уме составил некоторое приблизительное понятие, которое ваши письма, будь они умны или глупы, изменить не могут. Человек не письмами сказывается.

Пишите, что придет на ум; только пишите непременно. Прежде я только просил вас об этом, а теперь больше чем прошу, потому что получать ваши письма для меня потребность. Не сочтите это за фразу и не забывайте вашего друга

Всеволода Гаршина

Поклон всем вашим. Посылаю вам марки и желаю узнать цель, с которой вы их собираете.

Что поделывают ваши в С-ке?

44. *Е. С. Гаршиной*

20 февр. 1876 г.
СПБ.

Дорогая мама!

Вторые десять рублей я получил, так что от Пузиной не брал ни копейки. Она часто пропускает уроки по разным причинам, что невыгодно для меня и для нее, так как математику она вовсе не знает.

У Пузино большая новость: О. Ор. с Костей и Юлей уезжают во вторник 24 февраля в Крым, лечиться. Она едет туда до июля месяца. Бедные барышни вздохнут свободно. Можете себе представить: Кат. Ор. тоже возымела мысль поступить на педагогические курсы! Лиза наверно поступит.

Герды уезжают (уж это решено наверно) 6 марта. Он едет в Лондон, она в Зальцбург прожить там эти 6 месяцев. Не поверите, как тяжело мне прощаться с А. Я.!

Каждое утро и каждый вечер мы с Васей Аф⟨анасьевым⟩ занимаемся математикой и рассчитываем одолеть и совсем на 4-й неделе. Экзамены у нас начнутся 12—15 апреля, а окончатся 20—22 мая. 25-го я увижусь с вами.

Поручения дяди я исполнил: письмо Кумани снес и попросил Мартьянова справиться в Инспекторском Деп. Он обещал узнать и прислать мне записку: покуда еще я ничего не получал.

Уже конец первой недели; с воскресенья начнутся театры. Русская оп⟨ера⟩ будет в Большом театре, и цены местам — балетные. Вот радость-то! Имеется в виду брать две ложи разом и напускать в оные от 12 до 15 человек: обойдется по 60—70 к. на брата.

Хочу скоро сниматься; снимусь где-нибудь за 2 р., как Жорж в последний раз. Что он поделывает? Если вы имеете известия из Ст⟨аробельска⟩, напишите.

Посоветуйте мне пожалуйста, что делать с Колей, чтобы он писал порядочно. У меня самого почерка нет и, кажется, я и ученику своему доставлю подобный же.

Володя занимается, продолжает свои уроки с Кочубеем. Твердо намерен исполнить план относительно путешествия по Донцу. Не знаю, осуществится ли он, на это все-таки нужно некоторые финансы. Положим, у Володи будут деньги, но у меня наверно они будут отсутствовать.

Не пора ли шить мое летнее пальто? А то перед Пасхой у Митр. Ал. будет работы много; когда оно поспеет! Платье шить я считаю, право, излишним. Приобрету я лучше себе здесь два парусиновых «костюма»; здесь они весьма дешевы.

Что поделывает Пав. Мих.? Если лето придется провести в Х., я решительно хочу его эксплоатировать относительно высшей

математики. Скверно ужасно: сидишь много, знаешь, кажется, выводишь всякую штуку без затруднения, но самой сути решительно ни в зуб толкнуть. И большинство студентов точно так же.

Сообщу вам новость, которую наверно вы не узнаете из «Сына»: Суворин женился. И женился на 16-летней девочке, подруге его дочери! Вот так реприманд!

Он покидает Полетику с его «Биржевыми» и вместе с Лихачевым и еще с кем-то покупает «Новое Время».

Между прочим воскресные нумера «Биржевых» печатались в количестве 40 000 экз.

До свиданья, дорогая мама! Цалую вас и Женю. Поклон всем.

Ваш *В. Гаршин*

45. *Р. В. Александровой*

18 $\frac{22}{II}$ 76. СПБ.

Дорогая Р. В.!

Сегодня 22 февраля; ровно через три месяца у нас последний экзамен. Если вы действительно не уедете в С-к до 15 июня, то я вас застану в Харькове и буду иметь удовольствие лицезреть около трех недель.

Поэтому я заранее ликую.

Что за человек ваша новая сожительница? Вы пишете: «умная»; правда ли это? Вы что-то уж слишком скоро убедились в ее уме.

Матушка пишет мне, что в Х. все уже растаяло. Вот счастливые! У нас морозы, ветер, снега на пол-аршина, темно, скучно. Моя тетка О. О. уезжает во вторник в Крым (и, вероятно, заедет к матушке). Там, говорят, уже деревья распустились. Впрочем, я и здесь, в Петербурге, как-то чувствую весну: мало спится, много работается, а в особенности бегается. На-днях предстоит очень и очень неприятная вещь (для меня, конечно): Александр Яковлевич Герд 6 марта уезжает. Одним, да, по правде сказать, и единственным истинно хорошим человеком стало меньше на целых полгода. Он приедет в сентябре. Жена его тоже едет за границу, так что, как вы видите, мои знакомые поредеют.

По случаю 19 февраля написались у меня стихи. Простите, что без вашей просьбы привожу их. Вам, может быть, мое стихоплетство вовсе не нравится, по крайней мере, я не знаю вашего мнения об этом предмете.

За последнее время я что-то сильно расписался. И для чего? Господь ведает! Сидишь целый час и пишешь и пишешь; рифмованные и нерифмованные стихи *ложатся* в огромном коли-

честве на бумагу, а после вместе с бумагой *кладутся* в печь; стихи горят: через два дня операция повторяется. Послушайте.

Пятнадцать лет тому назад Россия
Торжествовала, радости полна,
Повсюду в скромных деревенских храмах
Моленья богу возносил народ;
Надежды наполняли наши души
И будущее виделось в сияньи
Свободы, правды, мира и труда.
Над родиной «свободы просвещенной»
Ты засияла, кроткая заря,
Исполнилось желание поэта *
Когда, народным горем удрученный,
Он спрашивал грядущее тоскливо,
Когда конец страданиям народа,
Прийдет иль нет освобожденья день?
Свершилось! Ржавые оковы с звоном
Упали на землю. Свободны руки!
Но раны трехсотлетние остались
Натертые железом кандалов.
Изогнута спина безмерным гнетом,
Иссечена безжалостным кнутом,
Разбито сердце, голова в тумане
Невежества; работа из-под палки
Оставила тяжелые следы,
И, как больной опасною болезнью,
Стал тихо выздоравливать народ.
О, ранами покрытый богатырь!
Спеши, вставай, беда настанет скоро!
Она пришла! Бесстыдная толпа
Не дремлет; скоро вьются сети,
Опутано израненное тело
И прежние мученья начались!..

В. Г.

1876 г. 19 февраля.

Да, а ты сидишь тут и киснешь! Пописываешь дрянные стишонки, наполненные фразами, а чтобы сам что-нибудь сделать — ни шагу.

Впрочем:

Когда науки трудный путь пройдется,
Когда в борьбе и жизни дух окрепнет,
Когда спокойным оком, беспристрастно
Я в состояньи буду наблюдать

* Пушкина. ⟨Примеч. В. М. Гаршина⟩.

Людей поступки, тайные их мысли
Читать начну своим духовным взором,
Когда пойму вполне ту тайну жизни,
Которой смутно чую бытие, —
Тогда возьму бесстрашною рукою
Перо и меч и изготовлюсь к бою.

Сегодня у меня «стих нашел» писать белые стихи. Извините, что надоедаю. Скоро снимусь и пришлю карточки вам и З. И.

До свиданья, дорогая моя! Прощанье это больше относится к вам, чем ко мне, потому что вы всегда, всегда со мною.

Поклонитесь вашим.

Ваш друг *Всеволод Гаршин*

При этом письме посылаю целую кучку марок. Две из них — китайско-английские из Гонконга.

Прислал их на письме П⟨узино⟩.

46. *Е. С. Гаршиной*

18 27/II 76.
СПБ.

Дорогая мама!

Посылаю вам нужное письмо. Я совершенно согласен с вами относительно перезалога. Приняв в расчет, что долги Жоржа лежат на имении, и имея возможность уплатить их, почему этого и не сделать? Мы здесь если ничего не выиграем, то ничего и не потеряем.

Что писать вам о себе? Решительно нечего. Экзамены скоро, учусь много, математика, химия и всякая такая штука постоянно долбится. К Пузино хожу ежедневно: четыре раза в неделю, кроме Колиного даю еще урок Ек. Поликарповне, из арифметики и геометрии, за что получаю по рублю. Поэтому проект о присылке мне 10 руб. вместо 20 вы можете вполне успешно провести в исполнение.

У нас все тает, теплынь такая, как разве в апреле бывает.

Вышлете ли вы мне к Пасхе пальто? А то в моем хитоне станет жарко. Между прочим, пожалуйста, когда будете выбирать материю, не выбирайте ни в каком случае ни рыжего оттенка, ни светлых цветов.

В театре мы давно не были; целых три недели. Впрочем, сегодня, кажется, пойдем на «Анджело» во второй раз, в Б. театр; должно быть, наша компания взяла сегодня ложу. Говорят, русских певцов в Б. театре узнать нельзя от хорошего резонанса. Кюи пишет, что даже «г. Соболев обратился в блестящего итальянского баритона». Сегодня услышу.

Писать совсем нечего. Разве вот что: говорят, что Трепов на-днях сделал в слове, состоящем из *трех* букв, *четыре* ошибки (он действительно пишет безграмотно). Именно он написал *ъсчо* вместо еще. Должно быть, врут.

Зачем я все это пишу!

Что у вас поделывается? Держится ли Женя на 5 из математики? Скажите Павлу Мих. ⟨Новикову⟩, что я недавно даже вник в истинный смысл «производной». Так и скажите *производной:* он знает, что это такое.

Эти производные мне страшно надоели. Ольга Орестовна во вторник уехала в Крым. Хотя едет через Харьков, но к вам не заехала, потому что Костя (она поехала с ним и с Юлей) торопится и не хочет останавливаться. Он совсем на ладан дышит, бедняга. Он очень неглупый мальчик, только от постоянных болезней раздражительный и злой.

Геометрия Ек. Поликарповны идет довольно скверно. Не знаю, выдержит ли она экзамен!

У Пузино готовится генеральный скандал; покуда писать подробностей не буду, расскажу, когда разразится. Дело в том, что барышни, тайком от матушки и сестрицы, были в гостях, и там случился скандалисимус с вмешательством полиции, и, вероятно, бедные барышни будут притянуты к мировому как свидетельницы. *Пожалуйста* ни слова об этом бабушке. А то она сейчас сообщит О. О., и выйдет большая неприятность, как Катя выражается, — это «мамашу убьет». Экое свинское житие!

Целую вас. До свиданья. Женю целую, всем поклон.

Вас любящий *В. Гаршин*

47. *Е. С. Гаршиной*

18 5/III 76
СПБ.

Дорогая мама!

Сейчас только Ольга Васильевна, моя сервантка, подала мне письмо от А. Жемчужникова, редактора «Молвы», письмо, где он пишет, что мой маленький очерк будет помещен в «Молве». Ликованию моему несть пределов. Очерк крохотный, микроскопический (я после ношения к Сув. сократил его), но ведь это первая напечатанная работа. Я чувствую то же, что чувствовал мой любимый герой, мастер Деви Копперфильд, когда его статья была принята.

Теперь уже некогда, а летом завалю «Молву» очерками Старобельской жизни. Быть может, вы или Женя раньше увидите № «Молвы» с моим произведением, чем я вышлю вам его; вот вам его приметы. Название — «Подлинная история N. Земского собрания». Подпись — Р. А.[29]

Летом напишу «Историю прогимназии», «Повесть о том, как поссорились Ст. Дм. с А. А.», «Интенсивная культура» (Кончаловский), «История N. обители». План для этих очерков у меня составлен. Старобельск даст обильный матерьял.

Не знаю, дадут ли мне какое-нибудь вознаграждение за статью. Когда я посылал ее, я ничего не сказал об этом. Если бы дали, было бы еще лучше.

Третий том Пушкина я спрашивал у букинистов и нигде не продают его отдельно. Экая жалость! Свиньи первые ученики![30]

Надеюсь скоро получить пальто, ибо у нас совсем тепло стало. Сегодня пятница третьей недели; включая сюда Пасху, до экзаменов осталось 5 недель. Долбни будет порядочно. Росписанье экзаменов уже вышло. Вот оно:

14 апр.	— высший анализ	29 апр.	— начертат. геометрия
21 »	— химия	5 мая	— геодезия
23 »	— язык	8 »	— богословие
24 »	— черчение	15 »	— физика
26 »	— кристаллография	20 »	— ботаника

Стало быть, не позже 23—24 мая я буду с вами.

Недавно мы ходили в ботанический сад. Камелии в полном цвету, аристократии в оранжереях бездна. А. Ф. Баталин (наш профессор) известил в газетах публику, что, мол, цветут «японские камелии» (перевод Camelia japonica). Поэтому барыни и гвардейцы при виде камелий вопрошают: «ну да, ведь это *простые* камелии, а где же японские; было напечатано, что цветут японские».

Был я в Большом театре в русской опере. На «Анджело» мы не попали, ибо Каменская не достала нашей компании ложу, но зато она достала ложу на «Рогнеду». Вы себе представить не можете, во что обратились русские певцы в хорошем зале! Это все какие-то феноменальные голоса. Оркестр тоже изменился совершенно. Solo на скрипке в Мариинском театре часто не замечаешь, так глухо звучит подлая зала, а здесь, в той сцене, когда Влад. видит сон, а Рогнеда с ножом в руке крадется к его постели за занавеску, скрипка Пиккеля, который должен выделывать здесь божественные пассажи, так резко, сильно врезывается в память, что я вот четыре дня хожу, а в ушах все эти скрипичные звуки.

И сама опера как хороша! Я вот в этом (учебном) году два раза ее слышал, да еще в прежнее время один раз, и еще бы пошел несколько. Мельников — Владимир — хоть картину пиши.

До свиданья, дорогая мама! Крепко целую вас и Женю. Всем поклон.

Вас любящий *В. Гаршин*

P. S. Скоро буду писать к доброму В. Лукичу ⟨Спасскому⟩ относительно возможности получить от губернатора дозволение для экскурсии. А то ведь нас всякий становой заберет как законопреступников и изменников.

О. О. в Курске встретила Ег. Ив., который, конечно, дал Юле 100-рублевый билет.

В. Г.

48. *Е. С. Гаршиной*

12 марта 1876 г.

Дорогая мама!

За что вы упрекаете меня в равнодушии к дяде? Все, что я мог сделать, я уже сделал: письмо к Кумани снес. Мартьянова просил, чтобы тот справился. Не знаю, справлялся ли Кумани, но Мартьянов вот уж несколько недель не подает признака жизни, а у Пузино я его не вижу.

У нас очень большое горе: один из товарищей, Квитка, умирает. У него сделался простой нарыв на щеке, очень большой, так что перекосило на сторону. В субботу Каррик, который лечил его, приехал резать нарыв; взглянув на него, он смутился и поехал за оператором. Привез Эбермана, тот прорезал. Смутился Каррик оттого, что у бедного Семена пониже нарыва (между шеей и левым соском) показалось черное пятно: это была гангрена. В воскресенье вечером, когда пришли мы с Володей, пятно было уже величиною в фотографическую карточку. Утром вырезали кусок, открылась рана, черная как уголь, величины и формы, как показывает черта,* глубины полдюйма; вокруг нее полоса тоже черная, пальца в два шириной, а вся остальная грудь красная как коралл. Зловоние такое, что подобного я не только не слышал, но даже и вообразить себе не мог.[31]

Мы дежурили при нем по-двое день и ночь. Надо промывать эту рану спринцовкой, вынимать губкой из нее материю и пр. Я не думал прежде, что я способен на это, однако оказался, как и Володя, не хуже других.

Третьего дня, во вторник, была еще надежда; гангрена стала. Но вчера, когда мы с Долининым и Марьей Дмитриевной (Семенова хозяйка, землячка, тоже из Баку) стали промывать рану, то с ужасом заметили еще два черные пятна. Доктора бывают каждый день, Каррик 2, Эберман 1 раз. Они уже приговорили Сеню; ему остается жить не более 3—4 дней. Когда вы получите письмо, он уже умрет.

Мы все поражены и оглушены этою смертью. Квитке 22 года, он на 3 курсе, все любили его, особенно за его доброту.

* В тексте письма сделан контур раны. *Ред.*

Эту неделю некогда что-нибудь делать. Просидев у Квитки ночь или день напролет, при чем каждые 3 (а теперь 2) часа промывка раны, в этом ужасном воздухе — просто валишься с ног. Слава богу еще, что выдумали карболовую и салициловую кислоты; они сильно помогают, очищая воздух. В рану тоже льем раствор карболовой кислоты. Теперь, когда наверно знаем, что никакими лечениями не спасешь его, уход за ним сделался еще труднее, чувствуешь менее бодрости.

Сам он не знает, что у него. Он надеется скоро выздороветь, бедняга.

До свиданья, дорогая мама, цалую вас крепко, Женю также. Всем поклон.

Вас любящий *В. Гаршин*

В прошлом № «Молвы» моего очерка не было, должно быть поместят в будущем.

Пятница, 12.

Сегодня Герды уезжают. Квитке хуже. Рана под кожей почти во всю грудь, открытая часть удвоилась.

В. Г.

49. *Е. С. Гаршиной*

15 марта, 76.
СПБ.

Дорогая мама!

Пишу к вам в необыкновенное время, потому что имею просьбу. Если можно как-нибудь достать 10 р., то вышлите тотчас по получении этого письма. Дело в том, что я, чтобы заплатить за квартиру, занял 10 р. у Дрентельна (моего товарища) на неделю. Через неделю ему деньги будут очень нужны.

Семен жив. Хотя доктора и приговорили его, но вот уж почти полторы недели как он держится. Теперь даже есть некоторая надежда, раны чистые. Правда, большая из них величиною будет немного побольше чайного блюдечка.

Вчера, идя к Латкиным, встретил на Невском Горева, который будет здесь дебютировать. Дай ему бог всего хорошего; он хоть немного оживит здешнюю жалкую труппу.

Ал. Мир. Мартьянов несколько раз справлялся в Деп., но покуда еще ничего нет относительно дяди.

Пишу к вам встав в 10 часов. Вчерашнюю ночь совсем не спал, сидел у Квитки. Хоть бы наши труды не пропали! Да, может быть, и выверпется!

До свиданья, дорогая мама. Писать больше нечего. В пятницу напишу своим порядком. Цалую вас. Всем поклон.

В. Гаршин

Во вчерашнем (14 марта) № «Молвы» моего произведения опять не было! Буду ждать.

50. *Е. С. Гаршиной*

⟨18—19 марта 1876 г.⟩

Дорогая мама!

Только что я послал вам мое последнее письмо, как получил повестки на 6 р. и пальто, а через два дня и на 10 р. Как не грешно вам извиняться передо мною за то, что мало денег посылаете! Ваше письмо навело меня на самые скверные размышления по поводу «родни». На те средства, на которые двое непритязательных людей жили бы вполне спокойно, теперь живут четверо, да еще некоторые с претензиями.

Об определении дяди пока еще ничего не слышно.

Совершилось чудо: Квитка выздоравливает! Можете себе представить! Каррик совсем было осудил его, Эберман тоже — и вдруг такое приятное обстоятельство; правда, рана огромная, заживает не скоро, но она совершенно чиста.

Дежурю я у него теперь реже, потому что мы стали дежурить не по-трое, а только по-двое. Да и дежуришь теперь с спокойным духом и нерасстроенными нервами, так что и во время сиденья можно заниматься, что я и делаю.

Экзамены на носу.

Моя статейка ждет в «Молве» очереди; теперь там печатается повесть М. Вовчка; когда она кончится, напечатают и мою. Кажется, это будет в это или следующее воскресенье. Тогда пойду за деньгами, так что вы не особенно беспокойтесь о моей печальной участи.

Герды уехали еще на прошлой неделе. Скучно стало. Какой скандал случился с Пузино, я вам могу сообщить. Здесь целую зиму жила m-me Пузино, жена Поликарпа П. с дочерью (моей ученицей). Она здесь лечилась. Жили они в Hôtel de Paris. У Алекс. Семеновны нашлась какая-то старая знакомая, Соколовская, якобы их соседка (у нее там какой-то клочок болота). Барыня эта занимается отдачей денег в рост по $6^0/_0$ *в месяц*, а также (она старая девица, лет сорока) собиранием вокруг себя молодых людей, студентов-поляков. Каждый вечер у нее собирается эта подлая польщизна и барышни: пляс, выпивка, карты и всякое безобразие. В этот-то омут потащила дура Пузино своих племянниц (дочь, как сама дура, сама пошла), конечно тихонько от Шарл. Самойл. Адепты Калерии (Сокол.), наши студенты, пан *Кетлинский* с паном *Стокальским* и с паном *Пшерацким* звали усиленно и меня туда. Но я удержался, зная, что это за барыня и что это за компания. (Можете представить себе! Они, играя с Пузино в стуколку, явно их обмошенничивали, что̀ эти глупые замечали, но не протестовали). О барыне я раньше слышал от ее жильца, бывшего нашего студента, теперь технолога, Бржеского, тоже поляка, но порядочного человека. Брже-

ский живет со своим учеником Шольцем, офицером, желающим держать экзамен во флот. Шольц — жених Рудаковой, Рудаковы — хорошие знакомые Пузино.

На 1 неделе в среду у Калерии было обычное буйство. Был 3-й час ночи; Бржеский и Шольц присылают просить топать ногами и кричать хоть немного потише, так как они страшно устали. Доблестное панство заорало и затопало, конечно, еще больше. Тогда Бржеский берет колбочку с трубкой, посыпает туда сернистого железа и поливает соляной кислоты и конец трубки вставляет в замочную скважину двери, ведущей в зал. Сернистый водород выделяется и наполняет комнату. А его запах есть нечто невыносимое, среднее между запахом тухлых яиц и отхожих мест. Все завопили, Ал. Сем. Пузино, старая дура, в обморок. Очень прекрасно! — как говорит Ив. Фед. Горбунов. Барышни вон; поляки ломятся к Бржескому и Шольцу, но они уже спят. Полиция, протокол. Бржеского тянут к судье и на этой неделе оправдывают. Калерия и ее свита, к счастью для Пузино и для себя, не могут жаловаться в съезд. К счастью, потому что тогда Б. притянули бы барышень свидетельницами. Скандал был бы генеральный. Вступился бы Беренс, поехал бы к Трепову, и Калерия вылетела бы в 24 ч. из Петербурга.

Катя говорила, что «мамашу это убьет». Действительно был бы афронт чрезвычайный.

Я в этом случае играл самую таинственную роль. Ни для кого неизвестно, откуда знал все, чем поверг всех пшеклендых в немалое смущение, особенно когда до суда за две недели я сказал им, что, во-первых, знаю, что они подлецы, подав на Б. жалобу, хотят поймать его без Шольца (Ш. человек страшной силы) и поколотить, а во-вторых, что наверно уже *знаю*, что Б. будет оправдан. Мои слова сбылись, и панство не знает, что и думать обо мне.

До свиданья, дорогая мама! Крепко целую вас и Женю. Всем поклон.

В. Гаршин

Уроки с К. Пол. ⟨Пузино⟩ прекратились потому, что ей не посоветовали держать экзамена из математики; не успеет до каникул: желающих чрезвычайно много.

51. *Р. В. Александровой*

1876, 26, 3.
СПБ.

Дорогая Р. В.!

Уже две недели как я получил ваше последнее письмо, а отвечаю на него только теперь. Причина тому та, что я хотел

все послать вам карточку, да так и не успел сняться все это время. То времени нет, то денег.

Матушка писала мне о ваших блистательных успехах. Искренно поздравляю вас. Теперь я твердо убежден, что мои предположения относительно ваших концертов в европейских столицах, о громадном успехе и пр. и пр., которые я однажды, сидя у вас в гостиной, имел честь высказать; эти предположения, говорю я, непременно сбудутся. Быть может, и я в качестве ничтожного и смиренного писаки-фельетониста буду восторгаться вашим «туше» и чувством, буду сравнивать вас с Листом и Рубинштейном. Тогда не осмелюсь я писать вам писем, подобных этому, а только разве за скромный рубль куплю себе местечко в концерте и буду слушать... Далее моя дерзость не простретса.

На поприще скромного писаки я уже выступил. Я послал одну из моих писулек в «Молву» и получил известие от редактора, что писульку напечатают в одном из следующих номеров газеты. Вот уже три воскресенья прошло, а статья, подписанная буквами Р. А., все еще не появляется.[32] Впрочем, не беда и подождать немного; я счастлив тем уже, что мои первые литературные опыты были одобрены таким хорошим ценителем, как А. С. Суворин, и не отвергнуты порядочным журналом.

Я надеюсь, что вы не будете в претензии на меня за то, что я украл у вас начальные буквы вашего имени для подписи. Быть может, они принесут мне счастье.

Рассказывала ли вам матушка о К⟨вит⟩ке, одном из моих товарищей, который чуть не умер от антонова огня? Должно быть, да. Теперь он совсем поправляется; но все-таки около него нужен постоянный уход; нужно промывать раны, накладывать компрессы, делать перевязки. Так как опасность уже прошла, то почти все товарищи К. перестали ходить к нему на дежурство, особенно студенты-медики (им очень далеко, верст пять-шесть), поэтому мне, Володе Л., да отчасти К. приходится постоянно быть при бедном Семене.

А действительно бедный. Здесь есть музей Гасснера; в нем между прочим есть коллекция отвратительных сифилитических язв, сделанных прекрасным образом из воска. Несмотря на то, что у этого Гасснера собрано все, что только можно было найти ужасного по части ран и язв, раны К. были гораздо ужаснее. Огромные, черные как уголь и с невообразимым, невозможным зловонием. Сначала было очень трудно возиться со всем этим, но через день или два я совершенно привык. Так что теперь я горько сожалею, что не попал в Медицинскую академию.

До свидания, дорогая моя. Пишите мне, если будете столь добры, что напишете, *прямо на квартиру*, а не в И-т. Адрес

мой: Васильевский О-в, 6 линия, д. № 1, кв. 25. А то теперь в Институте я почти не бываю, некогда: с одной стороны — Семен, а с другой — долбня записок.

До свидания.

Всегда ваш *В. Гаршин*

52. *Е. С. Гаршиной*

1876. Марта 26.

Дорогая мама!

Пишу вам от Квитки, у которого дежурил эту ночь. Теперь эти дежурства состоят только в спанье на диване в его комнате. Раны совсем заживают.

Коршуновой, к сожалению, могу сказать мало утешительного: у нас в И-те нет не только что двух, а даже и одного Коршунова. Помнится, в колонии у Герда был юноша Коршунов (теперь, я думаю, ему далеко за 20 лет) весьма симпатичной наружности. Где он — не знаю; но можно справиться; напишите мне имя и отчество вашего Коршунова, да и его сестры.

Письмо Жоржево получил, удивляюсь вместе с вами. Надо ему написать письмо по этому случаю.

«Молва» все еще не помещает моего несчастного труда. Жду каждое воскресенье и все еще нет. Хотелось бы поскорее, чтобы получить деньги, а то совсем скверно.

Скажите мне, получил ли дядя Дм. Ст. какое-нибудь место в Николаеве, или так уехал? Я радуюсь за вас по случаю его отъезда. Он и при мне-то производил тяжелое впечатление: что же было потом?

Горев дебютировал на Александринке два раза: первый раз был принят публикой хорошо, второй просто восторженно. И все-таки бедный должен был уехать: подлая дирекция дает ему всего 900 р. жалованья и 15 р. разовых. Опять мы остались при Нильском и подобной сволочи. Попросите Женю узнать, если он будет в уборной у К. П., чем кончились переговоры Горева с дирекцией?

Вчера было Благовещение, а у нас весны все еще нет. Нева стоит, на улицах слякоть, холодно, больше 2° — 4° не бывает. К тому же у меня в комнате так сыро, что со стен просто вода течет. На последний месяц мне надо будет искать новую комнату.

Володя, бедный, третий раз принимается чертить свой проект и все портит. Реальное училище и чертить-то порядком не выучило.

С тех пор как Семену стало легче, само собой, и я начал снова заниматься. До 14 апреля недолго осталось; пора поспе-

шать. Экзаменов, конечно, я не устрашаюсь. Самые трудные первые два: математика и химия, а потом всё пойдут пустяки.

До скорого свиданья, дорогая мама.

Крепко цалую вас и Женю. Поздравьте его с успехами.

Всем поклон.

Ваш *В. Гаршин*

53. *Е. С. Гаршиной*

2 апреля 1876
СПБ.

Дорогая мама!

Сегодня получил от вас повестку на 10 р., но самые деньги и письмо получу только завтра; повестка еще не засвидетельствована.

Я приобрел на очень короткое время блистательные уроки у кн. Кочубея. Учу тоже математике, четыре раза в неделю по *четыре* рубля за час. Сегодня иду на второй урок. Времени он у меня отнимает всего час и 20 минут, так как дом Кочубея на Английской набережной, всего 10 м. ходьбы. К сожалению, этот урок продолжится всего до 12 апр., так что я получу всего руб. 24 — 28.

Приготовление к экзамену идет хорошо; математики непройденной осталось очень немного. Мы занимаемся с В. Афанасьевым. Кстати, его брат, Алексей, уезжает в Ташкент.

Квитка совсем здоров, уже выходит. Он был недавно очень обрадован письмом Менделеева. Дело в том, что несколько месяцев тому назад Квитка послал к *М.* маленький трактат о спиритизме, с объяснением спирит. явлений помощью высшего анализа. Менд⟨елеев⟩ пишет теперь, что он нашел в Квиткином труде здравые мысли, просит позволения напечатать в своем сборнике и выражает желание, чтобы Семен пришел к нему познакомиться. Семен, конечно, ликует.

От Ольги Ор. и Кости письма приходят постоянно. Она пишет, что скучает, ни с кем не знакомится, он же, напротив, извещает, что чуть только приехали, как сейчас же носились * разные барыни и господа.

Ек. Поликарповна выдержала экзамен из математики!

Писать больше нечего, дорогая мама. Разве вот какую неприятную новость сообщу вам; последний экзамен будет не 20, а 22 мая.

До скорого свиданья. Крепко цалую вас и Женю. Всем кланяйтесь.

Ваш *В. Гаршин*

О пальто скажу, что оно мне понравилось всем, кроме цены: ужасно дорого.

* Так в подлиннике. *Ред.*

54. *Е. С. Гаршиной*

<9—10 апреля 1876>.

Дорогая мама!

Получил я 10 р., посланные от имени Жени: эти деньги меня сначала очень встревожили. Я испугался Жениной руки, думая, что с вами что-нибудь случилось и поэтому вы не пишете ко мне сами. И теперь я в сомнении и расстроен; пишите пожалуйста, как можно скорее.

В среду 14 апр. у нас экзамен из математики (Дифф. и интеграл. счисления и аналитическая геометрия). По правде сказать, я очень его боюсь. И казалось бы ничего, все прошел, теперь повторяю (все, кроме нескольких листов записок, которые Тиме (профессор) еще не выпустил). А все-таки волнуюсь ужасно. Скверная моя натура. Сейчас же после экзамена напишу об его исходе.

Если я, паче чаяния, не перейду на II курс (месяц назад я рассмеялся бы от такого предположения), поеду в Герцоговину драться. Говорю вам это совершенно серьезно. Пристроюсь к какой-нибудь газетке, хоть к той же «Молве», и за небольшие деньги буду сообщать корреспонденцию «с поля битвы». А то скучно стало. Скверно вокруг, невыносимо скверно. Много бы можно было рассказать вам, да теперь письмам нельзя вверять всего. Поболтаем при свидании, а оно во всяком случае недалеко.

Я дал уже пять уроков Кочубею. Что это за субъект! Интересный предмет наблюдения. И вообще обстановка-то замечательная.[33] Быть может, мне придется протянуть уроки до 27 апреля; тогда я получу денег довольно много. Во всяком случае на май мне денег не посылайте, теперь я гораздо богаче вас; получаю 16 р. в неделю.

Комедия, устроенная Родичем, не удалась; Герцоговинцы еще выше подняли свое знамя, бог им на помочь! Зачем не могу я делать, что хочу, не могу быть там, где я сознавал бы, что принесу хоть каплю пользы, хоть кровью своею. А что здесь? Хочется бросить им в глаза

Железный стих
Облитый горечью и желчью!

Да стих-то у меня вовсе не железный.

История с Старобельской прогимназией меня радует. Хочу снести ваше письмо в какую-нибудь редакцию, в виде корреспонденции.

До свиданья, дорогая мама! Крепко целую вас и Женю. Кланяюсь всем.

Ваш *В. Гаршин*

Хоть я и боюсь экзамена, но, сообразив, насколько я знаю курс, надо прийти к убеждению, что я наверно выдержу. Письмо Жени очень расстроило мне нервы, может быть, это и есть главная причина волнения.

В. Г.

55. *Е. С. Гаршиной*

14 апр. 76.
СПБ.

Дорогая мама!

У меня две радости: «Молва» меня тиснула,[34] а Тиме поставил сейчас только из математики *4*. Вася тоже получил 4. Володя и Коновалов получили из м-ки вчера по 4. Словом, все благополучно.

Мой первый опыт на знакомых производит впечатление благоприятное. Сейчас иду в редакцию, попробую получить деньги. К несчастию, Глушков, мой предшественник у Кочубея, приехал, и мои уроки кончились на 6 уроке, след. я получил 24 р.

След. экзамен, химия, будет через неделю, в среду 21 апреля. Теперь буду писать вам после каждого важного экзамена.

Егор Мих. поступил как свинья. Какая грязь! Влезть в эту пошлую компанию, действовать заодно с подобными П. Голодолинским и А. Шаповаловым и tutti quanti. Чорт знает, что такое!

У нашего Егорца непреодолимое желание самому лезть в лужу.

Дорогая мама, разорвите мое прежнее письмо. Его скверный тон был следствием моего расстройства от одной причины, которую передам при свидании. Важного, впрочем, ничего нет.

Узнайте, пожалуйста, как зовут Горева. Матчинский здесь, публика его превосходно принимает, газеты хвалят. Свиньям харьковцам урок. Жаль, что Палечек лезет туда; ему наверно предпочтут Фюрера, как предпочли Меншиковой и Мининой «Мылорадович».

Минину здесь тоже очень хвалят за концерты.

Что Женины экзамены? Кланяйтесь ему. Хочется мне посмотреть вас всех; да и недолго уж осталось.

Очень печально, что нам, быть может, не удастся учинить нашу экскурсию. Жаль будет, я возлагал на нее большие надежды; она послужила бы мне темой для большого очерка. Прекрасный мотив, и форму дать можно приличную.

До свиданья. Крепко целую вас. Всем поклон.

Ваш *В. Гаршин*

56. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 18 21/IV 76.

Дорогая мама!

Пишу вам, придя с бенефиса Петрова, пойти на который мне удалось благодаря Пр. Андр. (Латкиной), взявшей ложу у самого О. А. П⟨етрова⟩. Пошел я на бенефис после того, как выдержал экзамен из химии. Я получил $3^1/_2$, балл душевного спокойствия, но очень рад, ибо порезались многие и я сам едва спасся: на самом экзамене мне сделалось так дурно, что я, попросив поставить мне 1 (которую уже и поставили), удалился, но быв притащен Володей за шиворот, ответил очень хорошо. Если бы не этот скверный казус, я наверно получил бы больше 4.

Спасибо Володе, он мне спас почти жизнь, потому что мои нервы были в страшном напряжении. Теперь самые трудные экзамены свалены с плеч, и я значительно успокоился.

Опишу вам петровский бенефис, хоть вкратце. О воплях и говорить нечего; при появлении его на сцену буквально засыпали всю сцену букетами и венками. Кричали минут десять. Пел старик и играл превосходно. В антракте, после 3 д., занавес поднялся, и публике представилась зала, в которой собрались все труппы, артистический клуб, консерватория, оркестр и пр. и пр. Всё это залито электрическим светом, всё хлопает и кричит. В середине Петров. Кондратьев произнес ему краткую речь. Публика орет. Петров выходит на авансцену и говорит публике едва слышно: «От всей души, господа, благодарю вас». Потом плачет. Потом опять кричат, и еще кричат.

«Чуют правду» спето было бесподобно, художественно. Опять подняли занавес, опять стоят все труппы. Начались поднесения: от р⟨усской⟩ оп⟨еры⟩ (альбом), р⟨усской⟩ др⟨амы⟩, нем⟨ецкой⟩ др., француз. др., балета, от харьковской труппы (адрес), от филармонического общ⟨ества⟩, от артистического клуба и пр. и пр. От Островского, как председателя «Общ. русских драм⟨атических⟩ писателей» прочитали телеграмму. Потом от публики начались подарки: венки простые, серебряные, золотые, бриллианты, альбомы. Кричат: «на голову венок!» Надел, заплакал навзрыд бедный старик.

При выходе из театра толпа тысячи в полторы человек ждала его. В карету внесли, лошадей выпрягли, повезли руками. (Я не вез; но особенно отличались Вася Аф. и М. Малышев, которые, впрочем, в театре не были, а пришли только к концу). Довезли до дому, в Малой Подъяческой, дом иллюминован газом. Народу несколько тысяч собралось. Выволокли его из кареты, повели в дом, потом еще орали, потом Петров выходил на балкон кланяться, жена выходила. Потом я ушел домой,

так как это обещало сделаться бесконечным, несмотря на накрапывавший дождь. (На бенефисе было ч-к 15 царской ф-и).

Вы, я думаю, уже получили «Молву». Я подписался у Жемчужникова же на полгода за четыре рубля, так как мне выдали за мою писульку 15 р. 8 коп. Не поверите, как приятно держать в руках эти деньги. На них я купил себе сапоги за 8 р.; башмаков с пряжками не куплю, так как они стоят 7½—8 р. и их без рожка надевать невозможно: вещь крайне неудобная. Деньгами я страдаю: хоть я и получил от Коч⟨убе⟩я 24 р., но из них значительную часть пришлось отдать, так как во времена получения от вас денег небольшими суммами, они, деньги, выходили как-то необыкновенно быстро, и я несколько задолжал. А теперь еще, главное, обедать надо не даром, потому что к Пузино ходить почти нет возможности, потеря времени страшная. Если вас не стеснит, пришлите мне несколько, около 1 мая, а то совсем скверно.

Что Жоржева история?

Начались ли у Жени экзамены?

Пора спать, однако; уже 3-й час. До скорого, скорого свиданья, дорогая мама. Приеду к вам уже студентом второго курса, и юношей с надеждами. Жемчужников очень милый господин, просто чудо, я сидел у него с час.

До свиданья, целую вас.

Жене и всем прочим поклон.

Володя выдержал и 2-й экзамен из пробирного искусства. Вася тоже выдерживает. Словом, всё хорошо.

Целую вас.

В. Гаршин

57. *Е. С. Гаршиной*

28 апреля ⟨1876 г.⟩

Дорогая мама!

До сегодняшнего дня у меня все шло благополучно; сегодня споткнулся одновременно с Володей. После химии я получил за черчение, английский яз. и геодезию по 4. Сегодня был экзамен из начертательной геометрии, на которой срезалось нас больше половины, в том числе и я. Тиме поступил очень скверно, написав в программе таких вещей, которых нет ни в каких записках, даже и в некоторых подробных курсах. Самый предмет пустой, всего 6 листов литографир. записок, из-за этих добавлений сегодня многие провалились. Переэкзаменовки осенью бывают около 10 сентября.

Теперь остались только кристаллография (вторник 4 мая), ботаника (11), богословие (15) и физика (22). Я, кажется, еще не писал вам, что наши экзамены растянули на два дня. Пред-

меты все очень не страшные, да и сегодняшний неуспех меня особенно не огорчает, так что опасности не предвидится ни со стороны предметов, ни с моей.

Володя тоже не выдержал сегодня экзамена из строительной механики.

Пожалуйста не беспокойтесь, дорогая мама, за исход экзаменов. Сегодняшняя двойка самая глупая случайность, возможная только с таким господином, как Тиме. Он бог знает что делал сегодня, как будто бы на него нашел припадок.

До скорого свиданья, дорогая мама. Писать больше нечего, да надо за кристаллографию садиться. После этого экзамена напишу вам (4 мая). Потом после ботаники, после богословия, а потом и писать нечего.

Цалую вас.

Ваш *В. Гаршин*

Не сердитесь на меня за неудачу; в ней я, по совести говоря, почти не виноват; готовился я очень добросовестно.

58. *Е. С. Гаршиной*

4 мая 1876
СПБ.

Дорогая мама!

Сейчас пришел из И-та, выдержав из кристаллографии. Я получил 4. Теперь осталось совсем мало экзаменов: ботан. (11), богослов. (15), физика (22). До нашего свидания не больше 3-х недель.

Благодарю Женю за то, что ищет мне уроки, так как они будут весьма полезны, даже необходимы, при наших скверных делах. Простите меня только, что я не сумел обойтись с кочубеевскими деньгами и потребовал у вас еще.

Сейчас я переезжаю с моей квартиры к Дрентельну (адрес мой теперь будет: 7 линия, д. № 36, кв. 12). Он совсем захандрил и затосковал и, главное, сильно болен. Болезни описывать не стану, скажу только, что она требует постоянного чьего-нибудь присутствия. Мне это очень удобно, так как заставит сидеть на месте. Пишите письма (впрочем, их уже немного осталось) по новому адресу.

Писать, дорогая мама, больше, ей богу, нечего. Цалую вас и Женю.

До скорого свидания.

В. Гаршин

P. S. На всем нашем отделении выдержало из начертат. геом⟨етрии⟩ из *66* человек *16* или *17*.

59. *Е. С. Гаршиной*

18 11/V 76.

Дорогая мама!

Сейчас выдержал экз. из ботаники; получил, разумеется, 5. Письмо мое будет очень коротенькое, писать не о чем. Впрочем, вру, вещь очень важная — Володя нездоров. Семенова (будь ему пусто) болезнь, а потом долбня так расстроили его нервы и подорвали силы, что экзаменов держать он не может. Начальство не в пример прочим дозволяет ему держать экзамены после каникул.

Когда будете высылать деньги на поездку, шлите их по новому адресу (В. О., 7 линия, д. 36, кв. 12). Мне что-то странно, что вот уже две недели как от вас нет ни строчки.

Как Женины дела? Мне ничего не хочется писать вам, не хочется даже и думать о Харькове, потому что это только увеличивает нетерпение.

Покуда ни на чем не порезали из нашего отделения (66 чел.) только, кажется, 6 человек. Много уже окончили свое существование в Г. И. Я из очень счастливых, одна переэкзаменовка и то из самого пустого предмета.

До скорого, скорого свиданья.

Целую вас и Женю.

В. Гаршин

Постараюсь выехать 22 вечером и, самое позднее, 23 утром. Не знаю, как быть с вещами — чемодан отсутствует.

60. *Е. С. Гаршиной*

<18 15/V 76.>

Дорогая мама!

Письмо это будет последним до нашего свидания. Сегодня я получил 4 от Рудакова; как видите, если бы не глупый Тиме, то мои экзамены сошли бы очень хорошо; из одной химии только $3^1/_2$.

Писать сегодня решительно нечего. Старобельский скандал я рассказывал многим и все умирают со смеху. Хороши высокообразованные кандидаты! Экая всё это сволочь!

Завтра (воскресенье) Баталин будет защищать диссертацию на доктора ботаники. Диссертация — эти самые насекомоядные растения, о которых я вам писал в прошлом письме. Надо непременно пойти, так как подарком своей брошюрки он ясно выразил желание видеть своих лучших учеников на диспуте.

До свиданья, дорогая мама!

Писать больше решительно нечего. Выеду я, если возможно будет, 22 же вечером, самое же позднее 24 (хлопоты по льготному билету всегда берут много времени). Из Курска буду вам

телеграфировать; теперь это стоит самые пустяки по новому тарифу.

До свидания. Цалую вас и Женю.

В. Г.

Из *66* человек нашего отделения сегодня экзаменовалось из богословия *19*. Остальные, кроме поляков и жидов, погибли!

61. *Е. С. Гаршиной*

22 мая 1876
СПБ.

Дорогая мама!

Сейчас кончил экзамены, но раньше среды (26) выехать не могу; до сегодня не давали отпускного билета, а завтра и послезавтра праздники и нигде не выдадут льготного, ни у Полякова, ни в Главн. обществе. Значит, мы увидимся через неделю, в субботу.

Павлу Михеичу ⟨Новикову⟩ скажите, что Евневича зовут Ипполит Антонович; Коркина же я еще не узнал, но непременно узнаю.

До скорого свиданья. Какая досада, что приходится сидеть три дня даром в этом паршивом городе. Можете представить, липы еще не распустились.

До свидания.

Цалую вас. *В. Гаршин*

62. *Н. С. Дрентельну*

(Отрывок)

⟨18 2/VI 76.
Харьков⟩

Пишу я теперь с отчаяньем; вчера исписал несколько листов бумаги. Работа удовольствия не доставляет, скорее какое-то злобное, желчное чувство. Если это так пойдет всегда, то незавидная предстоит мне участь. А не писать не могу, да и что со мной будет без этого...

63. *Н. С. Дрентельну*

(Отрывок)

18 18/VI 76.
Харьков

За сообщение новостей из профессорского мира весьма благодарен, хотя, по правде сказать, электрофорная машина Теплова и соединение химического и физического обществ интересуют меня гораздо меньше, чем то, что турки перерезали 30 000 без-

оружных стариков, женщин и ребят. Плевать я хотел на все ваши общества, если они всякими научными теориями никогда не уменьшат вероятностей совершения подобных вещей.

64. *Н. С. Дрентельну*

(Отрывок)

⟨Июль 1876 г.⟩
Харьков.

...Дражайший Н. С., пиши, пожалуйста. Ей-богу, я также нуждаюсь в чьих-нибудь письмах. Если бы ты знал, каково бывает у меня на душе, особенно со времени объявления войны.[35] Если я не заболею это лето, то это будет чудом.

Получил письмо от Alexander Heard, Esq-re из London'а. Тоже тоскует. Господи, куда же деваться? Разве в самом деле удариться в гартмановщину или еще в какую-нибудь ерундищу? Не ударишься ни во что подобное; мозги все-таки так положительно устроены, что Гартман не соблазнит...

65. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 18 26/VIII 76.

Дорогая мама!

Вчера в 12 часов приехал в Петербург, но покуда добрался до Володи, было уже $1^1/_2$ часа, так что письмо все равно не пошло бы вчера. Пишу сегодня. Ехал я с двумя интересными встречами; во-первых, от Курска до Бахмача в нашем поезде ехало 38 человек волонтеров. (Между ними один пленный в ⟨18⟩55 и обрусевший турецкий офицер — Кюсогло, рожа ужасная). Во-вторых, в Бахмаче я разговорился с одним господином, который сообщил мне, что едет в Староб⟨ельск⟩ учителем математики. Я разругал Ст., не похвалив, конечно, и Стефана. Можете себе представить, при прощании таинственный учитель рекомендуется братом Ренчицкого. Он кончил курс на химическом отделении Техн. института и служил на сахарном заводе, но нашел более выгодным поступить под братнее крылышко.

Володя вам кланяется. Здесь много новостей, о которых буду писать постепенно. Фед. Капитонович (Долинин) прислал уже два письма: из Пешта и из Белграда. Он поступил в самый отчаянный отряд — «Черного знамени» (поле и мертвая голова). Чует мое сердце, что его уже убили. Да еще, может быть, попал в число тех 17 мучеников...

Дорогая мама, с тяжелым сердцем уезжал я от вас, потому что наши прежде хорошие отношения сильно пострадали. Если я своею раздражительностью виною тому — простите меня. Верьте

только, что никогда, никогда я не переставал горячо любить вас. Если лето было так тяжело для нас обоих, то это, ей-богу, от того, что оба мы были крайне раздражены и расстроены. Было от чего!

До свидания. Писать теперь буду по четвергам, так что письма вы будете получать по воскресеньям.

Кланяйтесь Жене.

Вас горячо любящий *В. Гаршин*

Переэкзаменовка у меня будет 10 сентября — времени еще довольно. Сегодня пойду к Пузинам, Малышевым et tutti quanti.

Пожалуйста пришлите ваш портрет. Я забыл его положить в чемодан. Он находится или в «Записках охотника Вост. Сибири», или в очерках Америки Славинского. Пожалуйста пришлите.

Мерку на шубу-то снять и забыли! Придется шить на Виллера.

P. S. Пишите в Институт.

66. *Р. В. Александровой*

<Около 29 августа 1876.>

Дорогая Р. В.!

Не поверите, как мне горько было уезжать, не повидавшись с вами, хоть на минутку, да делать нечего; пришлось опять отказаться от возможности видеть вас на полгода, а может быть и навсегда.

Навсегда в том случае, если наконец мои хлопоты увенчаются успехом и мне дадут заграничный паспорт. Если вы видели мою матушку, то она наверно сказала вам, как я хотел уехать в Сербию и как меня не пустили. Здесь, где у меня много знакомых и очень влиятельных, я, вероятно, добьюсь своего.

Если меня пустят, прощайте, моя дорогая; живой я, должно быть, не вернусь. Не поминайте дурным человека, который любил вас больше всего на свете, кроме, разве, одной правды.

О правде я вам скажу несколько слов. Как мне ни горько говорить вам резкие слова, я все-таки скажу, что вы залезаете в грязь. Смотрите, чтобы она вас не проглотила. Сколько я знаю, вы остаетесь у Н., несмотря на ваши обещанья. Если *нельзя* жить нигде кроме них — живите, что делать; только помните всегда, каждую минуту, что это за люди, и что вы живете с ними по необходимости. От вас нельзя требовать решительного поступка, чтобы вы покончили одним взрывом все разом: вы чересчур мягкая девушка: грубые люди вас могут мять как воск; умоляю только вас, живя в грязи, постарайтесь, чтобы она к вам не прилипла, чтобы вы сохранили вполне тот

чистый образ, который представляется мне, когда я о вас думаю.

Дорогая моя, ответьте мне на это письмо. Может быть, для меня это будет ваша последняя ласка. Не откажите в ней, напишите мне письмо, хоть маленькое, но искреннее, не о «тете» и «дяде», а о себе, о той, одно слово о которой мне ближе и дороже тысяч разных дядей и своих и чужих.

Что вам сказать о себе? Жил я в Харькове отвратительно. Писать к вам не мог, от вас получил всего одно письмо. С матерью отношения были дурные (относительно, конечно), т. к. оба мы всегда были раздражены.

Работать в моем настроении было невозможно...

До свиданья, если только оно будет. Писать не могу больше, взволновался. Да пора и на урок итти.

Прощайте, моя жизнь, моя радость.

Ваш *Всеволод Гаршин*

Пишите по следующему адресу: Офицерская ул., д. № 33, кв. 36. В. М. Г.

Пишите, бога ради.

67. *Е. С. Гаршиной*

1876, 29 августа.
СПБ.

Дорогая мама!

Писать так много матерьяла, что не знаю, с чего начать. Прежде всего мы (я и Вася) наняли себе квартиру за 18 р. в месяц (Офицерская, д. 33, кв. 36, В. М. Г.). Целых две (темная и светлая) комнаты. У Васи финансы в хорошем положении, поэтому я уплатил ему покуда только 5 р. Нашел себе уже уроки на 25 р. Три раза в неделю по 2 часа. Стало быть на первый раз обеспечен.

Пузино совершеннейшие скоты. Ор. Пол. посылает и жемчуги и бобры по 400 р. штука, а они, т. е. Ш. С., очевидно хотят опять запречь меня за свои обеды, возиться с онанистом мальчиком, которого, впрочем, я искренно люблю, а еще больше жалею. Жадны они до невероятности: издерживают по 13 000 в год, а между тем ведут хлопоты о пособии на воспитание детей. Чорт знает что такое! Ей-богу я, кажется, разорву с ними всё.

Михаил Михайлович Латкин приехал сюда с женою, Марьей Васильевной. Она такая милая, что я редко видел симпатичнее женщин. Жаль только, что у нее плеврит, а у него ревматизм. Сошлась пара! Впрочем, оба веселы до бесконечности.

Елизавета Ивановна Латкина едет сюда в Медицинскую академию. Она расходится с мужем. Вот тебе и пятилетняя любовь. В разрыве виноват, впрочем, он, не отличаясь верностью. Бед-

ная мисс! А кто знает, может быть, это ей к лучшему. Василий Михайлович ведь не бог знает что за находка, вы ведь его знаете.

Обещал писать много, а писать надоело. Кончу письмо к четвергу.

2 сентября.

Переэкзаменовка отложена до 1 или 2 октября, так как одного из профессоров нет. Все эти дни я бегал за паспортом. Уехать очень трудно. Во всяком случае пришлите известные документы; они могут пригодиться. Помогают мне Якоби, Черкесов; есть еще надежда на Ор. Миллера. В Сербию едут некоторые, кончившие курс у нас в Инст. в этом году по первому разряду (Курмаков, например). Если они едут, то нам и бог велел. Володя тоже едет, если я еду. Да и правда. Лучше «смерть, чем жизнь позорна». А жизнь, действительно, позорная. Латкин говорит Дорошенке (один из кончивших в этом году), что студенчество ему надоело, хочется, мол, жить. А. Д. отвечает, что пока он был студентом, тогда он жил хоть будущим, а теперь нет ничего, нечем жить. Отвешивай золото да кислоты на Монетном дворе.

Живем мы с Васей дружно (впрочем, всего-то неделю). У него бедняги грыжа, так что ехать в С. ему трудно. Да не знаю я, пустят ли еще и его. Миша может ехать хоть сейчас, да говорит, один не поеду. Это мне не нравится. Один или не один, а имей я возможность уехать, уехал бы завтра же.

Деньги на поездку *соберу,* если только паспорт будет. В воскресном (того дня, когда вы это письмо получите) № «Нового времени», может быть (если напечатают) будет мое маленькое произведение с подписью. Что это, говорить не буду, если напечатают, сами прочтете, если нет, то и не надо. [36]

Прохаска до сих пор не был. Не знаю, что и подумать. Справлялся в адресном столе — не нашел. Попросите Женю, чтобы он зашел (когда будет у Фаусека. Это рядом) в д. Гончаров и спросил Пав. Григ. Гельфрейха. (Собаку, которая его будет кусать, зовут Пират.) Гельфрейх ему, должно быть, скажет Прохаскин адрес.

Зачем я так рано уехал? Напишите мне о Р. В., приехала ли она? Что она? С этим письмом посылаю другое к ней в Муз. общество.

Марья Дмитриевна поступила в Мариинское родовспомог. заведение. Сообщу вам, кстати, ее историю вкратце. С 15 до 24 лет она жила с своим теперешним мужем, Дебуром. Два года назад он влюбился в какую-то другую барыню и она в него. Дебур, чтобы не изменить М. Д., женился на ней, но когда она узнала все, то решилась освободить его и уехала в Петерб. Она теперь часто вспоминает «жену своего мужа» и говорит,

что это очень хорошая женщина. Видно, что Дебуры оба — не Кончаловские. Те бы устроились мирно и зажили общежительственным манером.

Урок мой довольно выгоден, но тяжел. Мальчишки онанисты, заниматься трудно. Имею в виду еще работу. Вообще, если останусь здесь, надеюсь не брать у вас ни копейки.

Пожалуйста пришлите ваш портрет, хоть вместе с документами.

Малышева Елиз. Ив. едет через два-три дня в Пермскую губернию учительницей. Храбрая, честная девушка. Дай ей бог только здоровья, а она принесет не мало пользы.

Посылаю вам карточку Черняева. В след. письме вышлю Ярошенку, а потом Киреева.

Целую вас, дорогая моя.

Ваш *Всев. Гаршин*

Обрезал карточку, так как она не влезала в конверт.

68. *Е. С. Гаршиной*

8 сентября 1876.
СПБ.

Дорогая мама!

Относительно намерения Жени я не имею сказать решительно ничего. Если действительно классицизм надоел ему — нечего сидеть в Х⟨арькове⟩, конечно, особенно в виду грозных туч, собирающихся со стороны Левандовского и С⁰. История с ранцами возмутительна. Она показывает всю глубину подлодушия этих господ, которые в самопожертвовании (хотя бы и маленьком) усматривают «что-то».

«Новое время» не напечатало моих стихов. Я думаю, что просто за отсутствием хороших качеств, а другие, кому я их читал, говорят, что их нельзя поместить за *подчеркнутый* стих. [37]

Друзья, мы собрались перед разлукой;
Одни — на смерть идут,
Другие с затаенной в сердце мукой
Прощанья часа ждут.
Зачем печаль, зачем вы все угрюмы,
Зачем *так* провожать...
Друзья, тоскливые гоните думы:
Вам не о чем вздыхать!
Мы не идем по прихоти владыки
Страдать и умирать,
Свободны наши боевые клики,
Могуча наша рать.
И не числом солдат, коней, орудий,

Не знанием войны,
А тем, что в каждой честной русской груди
Завет родной страны!
Она на смерть за братьев нас послала,
Своих родных сынов,
И мы не стерпим, чтоб она сказала
«Бежали от врагов»!
Мы победим или в бою погибнем,
Как вождь наш обещал,
И доблести славянской столп воздвигнем,
Какого мир не знал.

Здесь я начал опять писать.

Вчера бедный Володя срезался на аналит. механике. Его держали у доски два часа. Это его ужасно поразило, т. к. Институт надоел страшно, и каждый лишний год в нем очень тяжел.

Я вам писал уже, что получил уроки на 25 р. в месяц. Пузино покуда ничем не показывают, что хотят пригласить меня за деньги. Скупцы скверные.

О. Ор. целое лето, живя в Севастополе, подвергалась усиленному ухаживанью Н. Н. Раевского, и однажды наедине принуждена была дать ему пощечину. Может быть, она и была тогда права, но она мне сделалась за это ненавистна, тем более что смерть Н. Н. нисколько ее не взволновала, и она продолжает его ругать.[38]

Вчера приехали Латкины, т. е. Пр. Андр и Линочка, которая ужасно потолстела, и уже больше девушка, чем девочка. Вот у кого талант! Она пишет такие прекрасные (покуда, с точки зрения версификации, конечно) гладкие стихи, что у нас в толстых журналах никогда таких «затычек» не бывает.

У Латкиных тяжелая семейная история с Мих. Мих. Его жена, премилая особа, только больная очень. Мне кажется, она помрет. Лизав. Ив. приедет дня через два, через три. Я ее очень хочу видеть.

Сегодня (я пишу утром), говорят, будет объявлен манифест. Тогда я, конечно, брошу мысль о Сербии. А эти дни мы с Володей употребляли все усилия, «доходили» до весьма высокопоставленных лиц, и всё безуспешно.

Программы Жене постараюсь выслать с первым письмом. Ваше письмо я получил только вчера (оно побывало в Институте, а потом явилось ко мне), так что я не успел съездить в Арт⟨иллерийское⟩ уч., которое, как вы знаете, на Выборгской.

До свидания, дорогая мама. Цалую вас. Кланяйтесь Жене, Фаусеку и Селиванову.

Ваш *В.*

Посылаю вам хорошую карточку Н. А. Киреева.
Бабушке поклон,
Ив. Ив. Прохаске тоже.

69. *Е. С. Гаршиной*

9 сентября 1876.
СПБ.

Дорогая мама!

Пишу несколько строк. В Сербию уехать *нет возможности*; нелегальным путем я не хочу. К тому же скоро война; будет наверно. Уроки я *действительно* достал у кап.-лейтенанта Федора Степ. *Бульгчева*, учу двух детей, одного в Морское Уч., другого во 2 класс военн. гимназии. [39] Через день, по два часа, 25 р. в месяц. Если не верите, напишите Васе, который и передал мне этот урок; у него работы довольно. Дорогая моя, стану ли я вас обманывать! У Пузино тоже, кажется, устроился *за деньги*. Покуда денег нет; если вы по получении стипендии вышлете мне 10 р., буду очень благодарен, а дальнейшая высылка будет совершенно бесполезна; я думал бы дать деньгам, которые вы рассчитываете высылать мне, другое назначение, какое — буду писать.

От Р. В. получил сегодня такое хорошее письмо... Гинзбургам скажите, что поручение Б. М. постараюсь исполнить возможно скоро.

У Пузино кто-то, О. О. или Катя, не знаю — выходит замуж; за кого не знаю. Успел только вынюхать приближение свадьбы.

От Ф. К. Долинина получили письмо. Жив, здоров, невредим, весел; был в четырех битвах.

Прохаска объявился.

До свиданья, дорогая мама. Крепко целую вас, Жене, Фаусеку и Селиванову — поклон.

Совсем забыл написать об Арт. У⟨чилище⟩. Поступить туда из *штатской* гимназии — *ужасно трудно*. Почти никого не пропускают, да и вакансий для штатских всего 10. Программы и подробные сведения все-таки вышлю. Скоро буду писать Жене о разных предметах.

Сегодня приехала Лиз. Ив. Латкина. Нисколько не изменилась.

Посылаю карточку Ерошенко.

В натуре он был гораздо хуже. Маленький и зеленовато-серый.

70. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 16 сентября 1876 г.

Дорогая мама! Писать теперь буду не в определенные дни недели, а тотчас же по получении вашего письма; так гораздо удобнее, по крайней мере ответишь на все, что вы спрашиваете, ничего не забудешь.

Деньги, 10 р., я давно получил, но они лежали в Институте, который я не посещал. Они, конечно, сейчас же почти все и выскочили, так что теперь жду получки за уроки, которых у меня на *40 р.* в месяц. Булычевских 25, да Пузино, свинья, дает *15* за ежедневный час занятий. Право, если бы не Коля, ей-богу бы разругал, а то мне его жалко. В самом деле, командир паршивейшего маленького буксирного пароходика, ходящего только по Неве, Булычев, за 6 ч. в неделю платит мне 25 р. в месяц, а командир целого флота великой державы в Великом Океане за ту же работу — 15 р.

Длинная Катя выходит за худого Сашу Мартьянова. Не скажите этого бабушке; О. О. сказала мне это (они мне всё решительно говорят) по секрету. Пока это тайна.

Переэкзаменовку буду держать наверно и наверно выдержу. За это будьте покойны.

По Гинзбурговым поручениям уже ходил, но пока ничего не добился; это возня порядочная: чиновники — свиньи. Впрочем, обещанное исполню непременно. Матильда Борисовна хочет быть. кажется, энциклопедисткой, бог ей на помочь; только она дальше долбни не пойдет и больше выдолбленного не поймет. Это мое решительное мнение. Как она относится к своей благотворительной деятельности? Интересно было бы знать.

О войне что сказать вам интересного? Война считается повсюду.здесь делом решенным, если сербы не начнут сильно бить турок. Интересные и довольно вероятные слухи: подлец Андрей Краевский, «дэ», получает денежки из турецкого посольства. Милый старичок! В каждом номере ругань на Сербию и имеющие быть обидными намеки на М. Г. Ч⟨ерняева⟩. Новикову скажите, пожалуйста, что «Впередом» восхищаться и жить его умом уже *из моды вышло* здесь, в Питере.[40] Можете сказать ему в виде комплимента, что его собственные афоризмы, если и не блестящие, то во всяком случае не столь уродливые, как заимствованные с чужого голоса. Катедр-социалист будущий! Пусть только приедет сюда, несмотря на его грядущую профессуру мы сумеем вогнать его в краску.

И все заветные, отцовские поверья
Ты им рубил, рубил с плеча.[41]

Те поверья топором рубили, а этот не топором, а глупой болтовней, да и не «отцовские поверья», а все, что только может быть святого для всякого честного человека: родину, братство, свободу, честь, — жизнь человеческую самую, наконец, и ту считают нипчем в виду «великого» дела. Пусть, дескать, режут детей; это не может помешать великому делу социальной революции, след. и мешаться в это не надо, мы лучше будем шпионские физиономии серной кислотой ошпаривать. Это — несрав-

ненно более великое дело. Чорт бы их побрал всех! Хоть бы Герцен с Бакуниным, честные люди, были живы; а то они галдят, подлецы, а прихвостни вроде Пав. Мих. с благоговением читают и с неменьшим распространяют.

Стихи мои, право, лучше многих, употребляемых на затычку в журналах, да противу рожна не попрешь.

Помните, дорогая моя мама, как вы сказали мне, что коечто живет во мне только «по старой памяти»? Нет, не по старой памяти! Я слишком чувствую это теперь, и странное дело, нисколько не мучусь, как летом. Впрочем, что говорить об этом. Володя пророчит, что вся эта история скоро кончится, т. к. характер у меня живой, непостоянный.

Так как я имею 40 р. в месяц (да еще буду, должно быть, учить дражайшую нашу Лизавету Ивановну математике), то на жизнь мне решительно не присылайте! Шуба была бы желательна. До нее прохожу в Латкинском старом пальто. Да еще плата за лекции; в этом году срок короткий, до 20 сентября; ко мне это не относится, так как у меня 2-го октября переэкзаменовка, но от 2-го до аренды придется быть исключенным из Института. Пожалуйста не тревожьтесь этим. Придется только несколько дней не ходить в Институт: потеря не велика.

Уже два письма к Жене порвал. Хочется ему многое сказать, да не выходит.

Виллера поблагодарите за лестное обо мне мнение и скажите, что я с великою радостью получу от него письмо и с удовольствием отвечу. Ведь он совсем не феномен.

У нас в Институте строгости. Наблюдают за посещением лекций и тому подобное. На первом курсе оставаться нельзя.

До свиданья, дорогая моя. Жене со товарищи поклон. Р. В., конечно, тоже.

А Вол⟨одя⟩ то, кажется, уедет в Сербию.

До свиданья. Целую вас.

В. Гаршин

71. *Р. В. Александровой*

Петербург. 19 сентября 1876 г.

Ваше письмо, дорогой мой друг, и обрадовало меня и огорчило. Обрадовало, потому что оно такое хорошее, искреннее; огорчило, потому что я увидел, как вам скверно и тяжело. Господи, если б вы знали, как меня мучает полнейшая невозможность помочь вам чем-нибудь, кроме ободрения. Не смотрите так мрачно, подумайте, что ведь это долго тянуться не может, что у вас впереди непременно будет лучшее будущее, хорошая жизнь. Две-три капли воды, попав в гранитную скалу и не находя выхода, разрывают ее; неужели вы думаете, что ваше по-

ложение не такое же, как этих капель. Я всегда утешаюсь подобным образом: это уже чересчур скверно, и поэтому должно так или иначе кончиться. Логики тут мало, а правда есть.

Ходите, пожалуйста, к матушке: она искренно и горячо вас любит. Что касается до того, знает ли она о нашем объяснении, скажу вам, что она может догадываться обо всем. Да разве это и трудно? Шила в мешке не утаишь. Да если она и догадалась, то беды тут особенной нет.

Живу я вместе с В. Н. А⟨фанасьевым⟩. Лекций покуда еще нет. Хожу на урок; достали мы с А. еще чертежную работу. Живем понемножку; если еще бы из Харькова приходили хорошие вести, так было бы ничего. А то — вы пишете письмо печальное, матушка еще того скорбнее. В Сербию уехать оказалось решительно невозможным. Мы с Владимиром Мих. Л.⟨аткиным⟩ бегали целую неделю по разным особам, влиятельным и невлиятельным, и ничего не добились. Да, правду сказать, я теперь уже не так и стремлюсь: вести оттуда приходят уже не такие печальные, справятся и без меня. Недавно М. писал к Суворину (Изд. «Нов. Врем.») письмо, спрашивая, ехать ему в С. или не ехать, и получил такой ответ: «М. Г., мое мнение ничего не значит, а вот мнение генерала Черняева: он говорит, что ему нужны *только* офицеры и солдаты».

Так что вы напрасно говорите, что лишитесь «дорогого и искреннего друга». Дорогая моя, спасибо вам за эту фразу. Когда вы так долго не писали мне из С., я думал уже, что лишился всех прав на это звание, которое дороже мне всех чинов. Мучительное было для меня это лето, и не в этом одном только отношении. Я чувствую, что я за эти три месяца ужасно постарел, не телом, конечно. Моя обыкновенная веселость куда-то исчезла; многие меня спрашивают ни с того, ни с сего: о чем вы, Ѳ. М., задумались?.. хоть я ни о чем и не задумывался.

Писать опять начинаю: в Х⟨арько⟩ве решительно не мог. Матушка вам даст прочесть, конечно, мои стихи по поводу Сербии. Даю вам слово, что в эту зиму вы увидите мое имя в печати. Я должен итти по этой дороге во что бы то ни стало. Помните, я сказал вам, что не кончу курса в Институте: потому, дескать, что предметов много и что их знать невозможно. Вы тогда меня неверно поняли, подумав, что их невозможно знать *для экзаменов*. Это-то пустяки, экзамены меня нисколько не устрашают, и будь охота, кончить курс в И⟨нституте⟩ было бы вовсе не трудно. Трудно только работать с сознанием, что, несмотря на все удачные экзамены, ты все-таки знать не будешь ничего. Да и карьера горного инженера пугает меня. Я знаю многих из них; все разделяются на три категории: одни — дельцы, загребающие деньги, чины, места; другие — спившиеся люди,

третьи — кандидаты во вторую категорию, люди хорошие, честные, страдающие из-за того, что стоят не у дела, а у пустого места. Да разве это не пустое место — набивать мошну какому-нибудь неучу. Или провести полжизни на Монетном дворе (как А. Г. Д.; один из моих хороших знакомых), день за днем отвешивая золото, серебро, кислоты и проч., и проч. Я не хочу такой жизни. Я чувствую в себе силы для известной деятельности, и ей отдам свою жизнь.

Впрочем, если совсем уже не опротивеет, дотяну и наш курс. Окончание его имеет важность: даст положение.

Дорогая моя, не скоро я увижу вас! Целых три месяца. Будем, по крайней мере, писать друг к другу. Если бы всегда писали *так*, как написали это письмо!

Бедный Володя остался на 3 курсе. Все наделала болезнь К⟨вит⟩ки!

Снимусь сейчас же, как только будут деньги, и снимусь у Каррика, и тотчас же вышлю карточки вам и А. К. Пора кончить письмо. Бумага кончается и время — тоже. Сейчас иду на урок. До свидания.

(Уж теперь не пишу «прощайте»). До свидания, дорогая моя.

Вечно вас любящий *Всеволод Гаршин*

72. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 24 сентября 1876 г.

Дорогая мама!

Пишу вам вечером; письмо будет коротенькое: писать нечего; да и думаю этот вечер позаняться. До переэкзаменовки осталась всего неделя; за ее исход я не боюсь, но хочу держать экзамен с спокойным сердцем.

Зачем вы так беспокоитесь о моем стихотворении? Ну его! Если бы печатать все, что я пишу *не хуже* этого, то право, можно было бы всем давно надоесть.

Прохаска не поступил в И. П⟨утей⟩ С⟨общения⟩, несмотря на то, что получил больше четырех в среднем. Мне кажется, ему много повредило его католическое исповедание. Он поступил в университет. Очень скучает, говорит, что в Х⟨арькове⟩ лучше, чем здесь. Да оно и понятно: кроме меня — ни собаки знакомой.

Завтра решается Васина судьба, пустят ли его в Сербию или нет. Я бы очень хотел, чтоб пустили. Если не пустят — он совсем раскиснет. Надежды свои он основывает на том, что у него грыжа, хотя и легкая, но избавляющая от воинской повинности. Завтра освидетельствуют, и если освободят, то в середине той недели он уедет. Деньги частью есть, частью соберем.

Послезавтра приедет дражайший Ал. Яковлевич с семьей. Как быстро прошло полгода. Мы разобрали ему библиотеку; вообще квартира для них уже совсем готова, так как он сейчас же по приезде засядет что-то писать.

Скорее бы эта переэкзаменовка прошла и вообще сумятица; я тоже бы начал работать. А работа есть, вполне обдуманная: садись и пиши. Время уходит, надо торопиться. После 2 октября засяду и недели в две непременно кончу.

Теперь, как я уже сказал, ужасная сумятица. Действительно — все уезжают и приезжают.

Приехали:

Вас. М. }
Екат. Ив. } Латкины
Мих. Мих. Латкин.
Марья Вас. (жена его).
Прасковья Андр. с семьей.
Квитка.
Коновалов.
Герды.
Иван Назар. Афанасьев (Васин брат).
Шах-назарова.

Уехали:

Вас. Мих.
Мих. Мих.
Вера Мих.
Анна Дм. Брагина (*на сцену* в провинцию).
Курмаков (в Сербию)
Екат. Ор. Пузино.

Со всеми надо прощаться и здороваться. О Шах-Назаровой я писал уже к Р. В. — интересная барыня. Перевлюбляются в нее многие из наших товарищей!

Программу в Арт. Уч. вышлю с следующим же письмом.

Марья Дмитриевна поступила в акушерки. Учится, кажется, много; дежурит аккуратно.

До свиданья, дорогая мама. Писать больше нечего. Крепко цалую вас.

В. Гаршин

Всем поклон.

73. *Е. С. Гаршиной*

30 сент. 1876. СПБ.

Дорогая мама!

Сегодня получил от вас письмо с 40 руб.; спешу вам ответить. Тороплюсь писать: послезавтра экзамен, и я занимаюсь. Боюсь срезаться хотя и знаю курс порядочно. Робость проклятая! В субботу напишу тотчас же после экзамена: поэтому в этом письме не пишу больше ничего.

Цалую вас. Ваш *В. Гаршин*

Герды приехали.

74. *Е. С. Гаршиной*

2 октября 76. СПБ.

Дорогая мама!

Экзамен опять отложили и неизвестно до каких пор. Это чорт знает что такое; тянут-тянут — просто всю душу вытянут. Пишу это письмо только для того, чтобы вы не тревожились моим молчанием, писать-то, по правде сказать, решительно нечего. Поклонитесь всем. Цалую вас крепко.

Ваш *В. Гаршин*

От Фаусека получил вчера письмо. Отвечу немедленно после экзамена, а то теперь не соберешься с мыслями.

Срезаться для меня уж слишком невероятно. Будьте покойны.

Скверно только то, что целый месяц вычеркнут из жизни совершенно даром, несмотря на то, что можно было бы много поработать. В ожидании же этого дамоклова меча решительно нет возможности сесть и что-нибудь делать, кроме долбления глупейших записок.

Сообщаю вам на всякий случай Володин адрес: Английский пр., д. № 13, кв. 5.

До свиданья, дорогая мама. Поклон Жене и прочим.

В. Г.

Р. В. поклон.

75. *Е. С. Гаршиной*

4 октября 1876. СПБ.

Я на втором курсе Горн. Института, дорогая мама. Наконец-то! Завтра внесу деньги.

Сейчас получил повестку на шубу. Благодарю, что не забыли вложить туда и блузу. Получу посылку завтра; завтра же и сделаю надлежащую приписку о шубе.

Вася Аф. сегодня тоже перешел на 2 курс: едва-едва выдержал. Я отвечал, можно сказать, с треском.

Наконец-то все съехались. Приехал и Коновалов. М. Дм. волнуется, бедная, ужасно, мне ее очень жаль.

Вася Аф. втюрился в Шахназарову. Миша возится с своей Барской — вообще любовные дела в полном разгаре. Забыл: Квитка тоже влюблен по ухи в Софью Ив. (Шахназ.).

Герды приехали. А. Я. изменился — в бороде сединка уже пробивается. Дети выросли и просто прелестны: говорят по-немецки; Н. М. жила летом в Висбадене.

Вы спрашиваете о «той работе». «Та работа» у меня не окончилась, и я намерен ее похерить: еще рано писать такие вещи. Работаю теперь довольно: этот месяц все обдумывал —

теперь буду писать. Буду также много читать — вещь крайне необходимая, а то я за последние полгода сильно поотстал от книг. Благо книг у нас множество.

Покойной ночи. Хочу спать: сегодня был на экзамене с 9 ч. утра до $5^1/_2$ вечера, и устал страшно. Кончу письмо завтра по получении шубы. Драмы вам вышлю непременно. Думаю «Le Sphinx» и «Andrea». Вещи раздирательные.

5 октября.

Сейчас получил шубу. Господи, какая бекеша у Всеволода Михайловича! А смушки-то — сизые, с морозом.

Благодарю, мама, за шубу: удивительная шуба, легкая, жаркая и красивая. Пачули из нее уже ушло, остался один овчинный аромат, но он, я думаю, скоро пройдет.

В этакой шубище к вам ехать не будет холодно. Благодарю, что не забыли вложить и блузу. Она очень годится.

В Институте все поздравляют и все рады, что я остался.

Кажется, товарищи меня любят. Нет, мама, нужно кончать Г⟨орный⟩ И.! Первые лекции этого года опять подтолкнули меня. Одно другому не мешает: буду работать во-всю.

Писать право больше нечего, тем более что письма мои уж чересчур часты (за последнее время). Думаю вернуться к старой системе — писать в определенные дни. Сегодня вторник; буду писать по вторникам.

Поклон всем.

Цалую вас крепко.

Ваш *Всеволод Гаршин*

Как время идет! До 20 декабря осталось всего только $2^1/_2$ месяца!

Вкладываю в это письмо письмо к В. Фаусеку: адреса его не знаю, а в гимназию писать не хочу.

В. Г.

76. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 12/X 1876 г.

Дорогая мама!

До сих пор не получил от вас ответа на то мое письмо, в котором я писал о своем переходе на 2 курс. Не пропало ли оно?

Как влияют на человека и его привязанности обстоятельства. Когда у нас с Володей, кроме брата его и Елиз. Ив., никого не было знакомых, они ужасно нравились нам; мы были с ними (особенно с Лиз. Ив.) в самых хороших отношениях. Не скажу, чтоб они и теперь (отношения) изменились видимо к худшему, но сама Елизав. Ив. кажется совсем не такою. О преж-

ней дружбе уже нет речи. Как будто бы всё видел ее простыми глазами и вдруг посмотрел под микроскопом.

Герды поселились далеко от нас, у Никол. воксала. Опять для бедного Алекс. Яковлевича нелюбимая поденная работа, чтобы содержать семью, которая, право, не вознаграждает его за всё. Я говорю, конечно, не о детях, а о жене. Старая она становится, душою так же, как и телом, несмотря на то, что иногда и либеральные мысли высказывает. Грустно смотреть: человек, который больше всего мог бы быть человеком чистой науки, тратится на все это. И зачем и за что!

Работы у меня множество, но везде поспеваю. Духом бодр и спокоен (конечно, исключая некоторых больных мест, вроде славянства и пр.). У меня двенадцать часов уроков, часов двадцать в Институте. Еще Марью Дмитриевну взялся учить математике. Собственная работа тоже двигается понемногу. Если успею кончить до Рождества — понесу в «О. З.», минуя все маленькое. [42]

В Институте у нас всё благополучно. Даже англичанин аккуратно стал посещать лекции, чем я с великою радостью пользуюсь.

Вася то хандрит, то киснет. Вот несчастная натура! Всякое новое женское лицо заставляет его вздыхать и мучиться. Хочу иметь объяснение по этому поводу с Шахназаровой. Пусть она его как-нибудь отвадит; это ничего не стоит.

Ор. Пол. приказал спросить меня, чего мне прислать: я, разумеется, попросил шелковой материи на летнее платье. Если бы поспела к весне; было бы очень приятно.

До свиданья, дорогая мама, писать, право, больше нечего. Поклонитесь всем.

Вас любящий

В. Гаршин

P. S. Гинзбургам я узнал только адрес Макухина (Николаевская 16, 17) и где он получает пенсию (о жиды!!) — в Гл. Казначействе. В Медицинском департаменте меня приняли за жида, выругали, и я выругался, ничего не узнал, ушел со скандалом и больше ни за что не пойду. Ну их к чорту!

О шубе я должен сказать, что она превосходная шуба во всех отношениях, кроме одного — лезет довольно сильно и пачкает платье. Не знает ли Пав. Гр. какого-нибудь средства, чтобы остановить дальнейшее облысение шубы?

Ходить в ней очень приятно: красиво и легко, и тепло.

В. Г.

77. *Е. С. Гаршиной*

19 окт. 76. СПБ.

Дорогая мама!

Выслал бы вам «Andrea» сейчас же по получении вашего письма, но приходится выслать не раньше как завтра из-за Пузино, которые мне не отдали денег в срок. Я должен был получить от них деньги 15, а получу только 20: «нет *дэ*».

Завтра *непременно* куплю и вышлю.

Пав. Мих. ⟨Новиков⟩ приехал. Разговоры льются. Впрочем он произвел на меня очень благоприятное впечатление.

Что сказать вам о себе? Все обстоит более или менее благополучно. Скверно только, что Р. В. не пишет вот уже $1^1/_2$ месяца. Почему — не знаю.

Получили ли вы мое письмо со вложенным к Фаусеку?

В нашей компании все тихо и смирно. Вся она очень часто толчется у нас, что весьма легко объясняется поместительностью нашего помещения. После театра всегда вся публика валит к нам пить чай; так как это повторяется каждую неделю, то наша Анна ропщет.

Пишу о пустяках, решительно не зная, о чем писать: стиху сегодня нет такого.

Между прочим прочел я «Ответственность при душевных болезнях» Маудсли. И очень рад, что прочел, так как получил значительное облегчение от постоянных мыслей о болезни. Книга хорошо написана и интересна. Особенно интересны рассуждения о браках лиц, страдающих душевными болезнями; Маудсли говорит, что главный фактор распространения помешательства — наследственность; но рядом с этим говорит и довольно утешительные вещи.

«Andrea» вышлю непременно завтра, даю вам слово. О. Ор. говорит, что это очень эффектная вещь. Там есть и роль для Айдарского (здесь играл Дюнуа) — начальник полиции, к которому приезжают разные барыни за советами.

Если бы в самом деле удалось поставить ваш перевод! Платит ли Дюков поспектакльную плату?

Неужели Женя будет серьезно страдать от «проходимца». Разве нет у него достаточного нравственного «дома» (home по-английски «у себя») в Фаусеке, вас, Селиванове? Зачем страдать от придирок массы оболтусов.

Рекомендую ему и Фаусеку достать и прочесть из «Междунар. библиотеки» (издание «Знания») «Сохранение энергии» (не нравственной, конечно) Б. Стюарта и «Физиология органов чувств». Это очень доступные книги — и маленькие и в то же время чисто научные.

Я очень бы желал, чтобы они прочли. Это гораздо лучше, чем читать трехтомные «Поэтические воззрения» [43] и фельетонного «Гартвига».

Шуба перестает лезть. Вероятно вылезли только слабые волоски.

До свиданья, дорогая мама! Право писать больше нечего. Цалую вас.

Поклон всем.

В. Г.

78. *Е. С. Гаршиной*

26 октября 76.
СПБ.

Дорогая мама!

На прошлой неделе я послал вам «Andrea», которую вы, вероятно, уже получили. Хотя это не драма, а комедия, но вещь очень эффектная; мне кажется, что К. П. очень хорошо мог бы взять роль начальника полиции.

Я переменяю свои уроки: Пузиных бросаю, потому что более по-свински поступать, как Ш. С., нельзя; не распространяюсь теперь. Булычевых бросаю тоже; вместо этих двух у меня один урок у некоторых Глебовых с барышней заниматься за 40 р. в месяц. Барышня 14 лет; она была у Спешневой в гимназии, теперь место гимназии заступаю я. Живут они как раз на пути в Институт (8 линия, на углу Набережной), так что вообще урок очень удобный.

Очень неприятно мне было читать ваши рассуждения о том, что вы нехорошо делаете, не высылая мне денег. Теперь я решительно богаче вас, и было бы просто бессовестно брать от вас хоть копейку. Если Володя почти ничего не берет из дома, то какое же я имею право брать? Володя опять получил аристократические уроки у гр. Шереметевых, по 4 или 5 руб. за час, что-то вроде этого. И всё естественные науки.

Павел Михеевич ⟨Новиков⟩ поселился в доме Тарасова, кв. № 60. Очень много работает и вообще стал очень хороший, такой именно, какое впечатление произвел на меня в первые дни знакомства. Петербургом доволен; о Х⟨арькове⟩ забыл, даже забыл свою «прочную» привязанность. Объясняет это непостоянством своей натуры. Володя с ним знаком, и мы у него бываем.

Елизавета Ив. не поступила на курсы, так как слишком поздно приехала; поэтому она уезжает к Рождеству в Усть-Сыс⟨ольск⟩. Будущею осенью опять приедет. По субботам мы с Володей бываем у Латкиных; мы чертим, а Лиз. Ив. или Линочка читают новые журналы и работают. Успенского вторые и третие «Люди и нравы» гораздо слабее, нет и сравнения. [44]

Магдалина Латкина стала совсем большая; просто взрослая девушка. Как быстро идет время!

От Р. В. полтора месяца нет ни строчки. Два письма остались без ответа. Что всё это значит, решительно не понимаю.

Если «Andrea» совсем не понравится вам (не думаю так; пьеса и интересная, и хорошая и Сарду), напишите; вышлю тотчас же другую. Ольга Ор. знает новейший репертуар.

До свиданья, дорогая мама. Пожалуйста не думайте о присылке мне денег; постараюсь я приехать к вам на Рож⟨дество⟩ на свои.

Благодарю вас за шубу; вы как будто не считаете ее за ценную вещь. Сорок рублей — деньги. О шубе могу сказать, что она лезет менее и менее, так что наверно и совсем перестанет.

До свиданья. Увидимся меньше чем через два месяца. Целую вас.

Ваш *В. Гаршин*

Всем поклон.

79. *Е. С. Гаршиной*

2 ноября 76.

Дорогая мама!

Получил я ваше письмо с извещением о получении «Andrea». Напрасно вы думаете, что я не знаю ее содержания. Я думаю, когда вы дойдете до конца, вы сами скажете, что вещь очень сценичная. Что касается до того, что Дюков ставит все пьесы хороших авторов, то разве Сарду не известность? Разве это не один из первых французских драматургов? *Непереведенной* французской пьесы, кроме разве «Les Danyscheffs», я не знаю.[45] Но ведь эта ерундище провалится блестящим образом на каждом русском театре.

Об Р. В. ничего вам писать не буду. Чувствую только что-то недоброе. Писем от нее попрежнему нет, несмотря на мои два письма. Нужно иметь слишком много самообладания или неприязни, чтобы не ответить на эти письма...

У нас волнение, в котором я принимаю самое горячее участие. Вы знаете, конечно, об адресе Пештских студентов. Москвичи ответили им и ответили как должно — выругали... Наши же студенты всех заведений написали объяснение, где порицание совершенно исчезает за длинным объяснением наших политических убеждений. Точно будто мы извиняемся: господа, мол, пештские студенты, не браните нас, мы тоже молодежь либеральная и «никакими национальными и [политическим] религиозными убеждениями» не связанная.

Я был возмущен, несколько других тоже. Я написал резкий протест против такого заявления (*оно* покрыто подписями больше 1000). Сегодня будет чтение этого протеста. В следующем письме пришлю вам его; его стоит прислать вам, потому что я говорил

правду, мной руководило сильное чувство, и протест вышел очень силен. [46]

Как здоровье Жени?

Дорогая мама, до свиданья. Писать некогда; сегодня я проспал, а к 9 ч. надо итти на урок к Глебовым. У них я устроился окончательно, получаю 40 р. в месяц. Барышня отличная и матушка тоже.

До свиданья. Цалую вас крепко.

В. Гаршин

80. *Е. С. Гаршиной*

1876 9/XI. СПБ.

Дорогая мама!

Ваше письмо очень обрадовало меня. Значит мои треволнения можно оставить.

Сегодня приехал Федор Констан⟨тинович⟩ Долинин. Жив, здоров, поручик сербского «краля» и с медалью за храбрость. Рассказывает много интересного и печального; когда приеду, порасскажу.

Уроки мои идут очень хорошо, девочка моя славная, понятливая, правда, каждый день надо сидеть 3 часа, но это вовсе не утомительно. Денег я за это получаю 40 р. в месяц, и что всего лучше, буду получать до самых каникул.

Теперь я только понял, как дурно живется на 25 р. в месяц. Правда, что и комиссия по студ. делам признала, что в СПБ. студент для безбедного существования должен иметь не менее 40 р. в месяц.

Что написать вам еще? Совсем забыл было: справлялся в Славян. Ком⟨итете⟩ о Владим. Васильевиче; обещали узнать через несколько дней. Долинин говорит, что какой-то арт. оф. Бутков (только брюнет, как ему кажется) небольшого роста был сильно контужен в голову. Как только ответят в Слав. Комитете, сейчас же напишу Жоржу.

Относительно приезда Влад. Степ. ⟨Акимова⟩ скажу вам то же, что и вы говорите: «теперь, или никогда». Поэтому нам нужно вести дело наиболее разумным и решительным образом. Скоро это разрешится.

На проезд к вам деньги у меня будут, так как 20 декабря я получу 40 руб., с которыми с удобством могу доехать. Бедный Прохаска не знает, поедет ли он домой или нет. Скучает ужасно.

До свиданья, дорогая мама. Писать право больше нечего. Цалую вас.

Ваш *В. Гаршин*

Через дня два напишу Фаусеку.

81. *Е. С. Гаршиной*

18 19/XI 76.

Дорогая мама!

Много виноват я пред вами: опоздал письмом на целые два дня. Сегодня получил известие о фиаско «Andrea», дело поправимое. В субботу, 27 ч., и я получу деньги и тотчас же, не доверяя никаким О. О., отправлюсь к Мелье и вышлю вам штуки три самоновейших пьес. До 27 у меня совсем нет денег.

Работы теперь у меня куча, только поспевай. И работа хорошая и разнообразная; писать не буду, расскажу скоро лично. Есть у меня до вас просьба, очень важная: вышлите мне, пожалуйста, поскорее Кауфмана, «Моск. флору». Мне он до зарезу нужен, именно мой экземпляр, т. к. на нем сделаны некоторые нужные заметки.

Вчера получил письмо от Р. В., такое хорошее.

Напишите мне, сообщили ли вы Гинзбургам мою справку об адресе Макухина? Благодарю Мат. Бор. за память, передайте ей мой поклон. Мы с П. Мих. ⟨Новиковым⟩ часто ее вспоминаем. Он всем нашим очень и очень понравился, да и в самом деле хороший и умный человек. Мы в самых дружеских отношениях.

Писал я, кажется, вам, что Долинин приехал. Славный стал; боевая жизнь хорошо подействовала. Успокоился, стал серьезнее.

Прошлое лето для меня стоило боевой жизни. Что это такое было! Господи, я вспомнить не могу. Никогда, моя дорогая мама, не перенес я таких мучений, как в это лето, никогда еще я не испытал таких серьезных страданий, таких мук взрослого человека (не подумайте при этом об Р., я не намекаю на это). Я так постарел внутренно! Если хотите, не постарел, а вырос, это все равно.

Поздравляю Фаусека с письмом Д.

Дорогая мама, до свиданья, до скорого. Писать было бы что, да уж как-то не хочется писать, когда увидимся так скоро.

Совсем забыл было, ведь свадьба-то расстроилась! Вот кур со смеху уморили! Шарлотта поглупела вдесятеро, О. О. вдвое. Она все куда-то шныряет. (Между прочим щиплет корпию и шьет бинты в Кр. кресте.) Девочки здоровы. Юля у Спешневой в гимназии, да что-то ей там, кажется, не по себе.

В нашем кружке все благополучно. Может быть после праздников мы с Володей и М. Дмитр. поселимся у одной хозяйки.

Бедная Дебурми! Какой за ней уход, просто уход нужен. Совсем несчастная, сказал бы, девочка, если бы ей не было 26 лет.

Шахназарова учится у Ниссен-Салом⟨ан⟩. Платят ей по 5 руб. за полчаса. Если она пропускает урок по болезни, то Ниссен всетаки требует 5 руб. Вот бестия-то!

До свиданья, дорогая моя. Цалую вас. Поклон Жене и всем.

В. Г.

П. Мих. и Володя кланяются.

82. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 3 декабря 76.

Дорогая мама!

Вот уже несколько дней (со вторника) как я встал и здоров. Принялся опять за работу. К марту мы книги не можем кончить, так как явилось новое усложнение: придется проверять все по гербариям, а это возьмет времени месяцев 7. Поэтому книжка выйдет к будущей весне (78 г.)

Получили ли вы четыре посланные мною французские книжки. «Le Mariage», хотя и старая пьеса, но я выслал ее потому, что у Мелье мне указали на нее, как на непереведенную. Впрочем, они, кажется, всё врут. Если из этих четырех *все* окажутся переведенными, то вышлю еще.

Благодарю за Кауфмана и за сведения о барышнях. Кауфман мне очень был нужен, так как заметки на его полях весьма важны для моей работы.

Вы не поверите, как весело работать, зная, что что-нибудь выйдет из твоей работы. Работы множество: таблицы переводятся из Франка, диагнозы (описания растений) из Ашерсона, всё поверяется по Ледебуру, которого А. Я. приобрел недавно. Кроме этих книг еще в некоторые нужно постоянно заглядывать. [47]

Известие о «возвращении из Авиньонского пленения» меня обрадовало, как вы сами поймете. Неужели вам и теперь не удастся устроиться хоть немного сносно. Очень я рад также, что пансионеры исчезнут; жаль, что феномен уедет так поздно. Я пробуду у вас до 15 января, так как моя милейшая ученица до этого числа не приедет в СПБ.

После праздников я не остаюсь жить с Васей; т. е., собственно говоря, не я с ним, а он со мной. Он ищет уединения. Бедняга опять влюблен, и опять безнадежно, в эту ужасную Шахназарову. А она, действительно, очень красива. Но и только. Дикарка и Евина дочь вполне.

Вася страдает по Софье Ив., Марья Дм. по Коновалову, Семен по М. Д., С. Ив. склонна к Долинину, а этот неустрашимый поручик (он сербский поручик) тоже к М. Д. Еще мог бы назвать несколько имен. И среди всего этого Володя

Один, всегда один, холодный, неутешный

философствует и вкупе со мною составляет «флору».

В театр мы стали ходить довольно редко — скучно, стало. Нервы до того притупились, что даже и «Руслан» и тот доставляет мало удовольствия. На «Кузнеца Вакулу», новое творение Чайковского, я, кажется, и вовсе не пойду, хотя М. Д. хвалит.

Эта последняя на праздниках будет держать свои экзамены и после праздников будет уже допущена и к родильницам.

До свиданья, дорогая мама. Теперь уже совсем недолго до свидания — меньше трех недель. Скорее бы они прошли.

Цалую вас. Кланяйтесь всем.

В. Гаршин

83. *Е. С. Гаршиной*

15 дек. 76. СПБ.

Дорогая мама!

Письмо это последнее перед отъездом; в субботу в 12 ч. я выеду. Буду, следовательно, у вас утром в среду, и может быть и во вторник вечером. Скоро увидимся; писать нечего.

Кроме «Fernande» и «Mariage» я послал еще две книги: «L'oncle Sam.» и «Le Panache». Должно быть они пропали, если вы не получили их. Надо было застраховать.

Все надоело до последней степени; хочется поскорее видеть вас и прочих.

Для Виллера. Программы военных училищ помещены в «Сборнике программ» в том же виде, как они и имеются в сказанных зав⟨едениях⟩. Это сказал мне юнкер Павловского училища. Отправиться же за программами во все заведения у меня просто не хватает духа: Константиновское — в Изм⟨айловском⟩ п⟨олку⟩, Павловское — по В. О., Никол⟨аевское⟩ инж⟨енерное⟩ — у Цепного моста, а Мих⟨айловское⟩ арт⟨иллерийское⟩ — на Выборгской. Если еще принять в расчет 20° мороза и более, свирепствующие теперь, то, думаю, сам В. не будет на меня в претензии.

До свиданья, дорогая моя.

Цалую вас и Женю.

Р. В., если увидите ее до моего приезда — поклон. Всем кланяюсь.

Ваш *Всев. Гаршин*

1877

84. *Е. С. Гаршиной*

1 февр. 77. СПБ.

Дорогая мама!

Вот уж неделя, как я в П. и все еще не осмотрелся как-то. Поселился я окончательно с Володей, сначала думал, что денег не будет, но судьба послала чертежную работу на 10 р. С этими деньгами доживем до жалованья, не занимая ни у кого.

К сожалению моему, Ольга в апреле уезжает в деревню, и до осени я остаюсь без уроков. У Володи уроков изрядно: кроме Шереметьевых еще и у Кочубеев. И все по естеств⟨енной⟩ истории.

У Пузиных был: все по-старому. Catische приехала, весела чего-то, жених не бывает у них. Лиза, кажется, бедная очень больна. Хиреет, худая, бледная. Заели девушку, черти!

Гердов без меня постигло испытание: Ниночка чуть не умерла от брюшного тифа. Изменилась так, что узнать решительно нельзя; я только на Пете Акимове видел такую перемену. Теперь понемногу поправляется.

Пришла мне в голову мысль, что вы, как это часто теперь бывает, не поверите моему известию о чертежной работе. Это серьезно правда: дал ее мне Рагозин (агентство «Дружина»). Пять маленьких землемерских планов по два р. за штуку. Жалко, что я мало спросил: взято очень дешево.

Какое впечатление произвел на вас приговор? 15 лет каторги!! Девочку 16 лет (Шефтель) на 7 лет 8 месяцев!! Вы знаете мое мнение об этой истории; оно далеко не лестно, но такие приговоры просто душу переворачивают. [48] Интереснее всего, что Надеждина *было приказано*, говорят, оправдать, только за то, что он путеец!

Вся наша компания здравствует. М. Д. ⟨Дебур⟩ выдержала экзамен на 5. Веселая такая стала, много работает. С. Ив. призатуманилась: у нее с средними нотами что-то не выгорает.

В И⟨нституте⟩ все мирно и тихо; я бываю там теперь каждый день: надо чертить и камни учить.

Работать я вообще начал уже усиленно; эти два дня только ничего не делаю, потому что вожусь с чертежом за деньги; сегодня кончил его; завтра надо представить.

Расположение духа у меня самое благополучное, бодрое: скучно только бывает иногда. Нескоро я еще увижу вас и Р.! Здешние все, кроме Володи, конечно, для меня не слишком много составляют; и в Х⟨арьков⟩ тянет и тянет.

Пишу поздно вечером; должно быть очень несвязно. Измучился, как собака. Три часа (от 9) с Глебовой, три в Институте за черченьем, потом от пяти до девяти занимался нач⟨ертательной⟩ геом⟨етрией⟩, потом чай, от десяти до часу кончал чертеж. Теперь пишу письмо. Думаю ежедневно так же работать. Если бы вырвать времечко написать *свое*, то очень бы было хорошо, потому что кончил бы очень быстро. Да нельзя; институтские занятия одолевают.

До свиданья, моя дорогая мама! В следующем письме пришлю свою карточку: я снялся. Володя тоже.

Теперь он мирно храпит у меня под боком, а я пишу вам письмо и занимаюсь размышлениями: отчего мы с ним состоим в такой нежной дружбе?

До свиданья, дорогая моя, целую вас и Женю. Кланяюсь всей публике.

Крепко, крепко целую вас.

Здоровье мое благополучно, хотя и приходится ходить много.

85. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 8 февр. 77.

Дорогая мама!

Вчера минуло две недели, как я приехал в П., и от вас еще не получил ни строчки. Неужели вы не получили моих двух писем? Пишите, бога ради, а то я не знаю, что и думать. Неделю назад получил письмо от Р., судя по нему, все благополучно, отчего же вы не пишете?

Заниматься я стараюсь много, но пока как-то не налаживаются правильные занятия. Впрочем последние дни работал хорошо.

Прочли ли вы «Новь»? Вот Ив⟨ан⟩ Серг⟨еевич⟩ на старости лет тряхнул стариною. Что за прелесть! Я не понимаю только, как можно было, живя постоянно не в России, так гениально *угадать* всё это. [49]

Живем мы с Володей дружно, по обыкновению. От недостатков в финансах я пока не страдаю. Печально, что Глебовы что-то больно рано собрались уезжать, кажется, к Пасхе.

Посылаю вам свою карточку. Иные говорят, что это лучшая карточка из всех моих; другие, напротив, что она *вовсе* не похожа. Судите сами.

На масляной побывал у всех почти знакомых, т. е. у Малышевых, Латкиных, Гердов, Пузино. Всё у них совершает благополучно свое течение. Только у Гердов Ниночка чуть не умерла. Лежит вот уже седьмую неделю.

Наши в Сербии обнаруживаются все более и более. То слышишь (от верных источников), что выдрал Депрерадович добровольца (400 розог) за то, что тот кого-то ударил пьяный; доброволец, кончивший курс в университете! То слышишь (тоже со слов очевидцев), как некий юноша (мне хорошо знакомый) в пику сербу, выпившему $^{1}/_{2}$ ока вина, выкачал одним духом 2 ока (6 фунтов). И всё в этом роде! Господи, кто туда не ехал!

Марья Дмитриевна страшно негодует на Тургенева за «Новь». Осмеял «де» Нежданова! Осмеял! Когда читаешь, плакать хочется. А разве это не знак глубокого сочувствия автора к «Нови», что он из среды ее ни одного подлеца не выбрал? А разве их мало?

Пора кончать письмо. Иду к Глебовым на урок.

С моею виолончелью случилось несчастье: выпала в ней «душа». Отдал мастеру.

До свиданья, дорогая моя, милая мама. Поклон Жене и Фаусеку, а также Ф. Г. ⟨Попову⟩ и К⁰.

До свиданья, целую вас.

Ваш *В. Гаршин*

86. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 77 $\frac{23}{II}$.

Дорогая мама!

Простите, что пропустил вторник; вчера решительно не урвал минутки сесть за письмо.

На ваше последнее письмо у меня решительно нет сил отвечать. Скажу вам только, что до сих пор щемит оно мне сердце, а между тем, чем я вас утешу, дорогая моя? Когда у самого (несмотря на обстоятельства, обусловливающие спокойствие и довольство жизнью, как казалось бы) сердце не на месте и что-то гложет и давит внутри, где взять утешения для других? Сам без опоры — чем поддержу другого?

Скучно и скверно, дорогая моя мама. Посылаю вам Володину карточку. Какая у него на ней славная физиономия! Покажите Рае моего приятеля.

От нее получаю письма тоскливые, тяжелые и грустные. А чем поможешь? Своею надорванностью только больше расстроишь, заставишь думать о том, о чем бы лучше и не думать.

Скверное это письмо. Влияние ли минуты, или действительно таков я теперь — сам не знаю. Писал бы много о «минуте», да нельзя. Нельзя ручаться ни за что. Террор.

Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный,
И рабство, падшее по манию царя?
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Это — пропущено цензурой, писать можно. [30]

Странное дело! 1819 — 1877 г. 58 лет! А слова сохранили свой смысл.

Вертись, белка, в колесе! Когда ось перетрется и колесо вывалится, быть может и удастся тебе выскочить.

Чорт знает, что пишу! Дорогая мама, на душе так скверно, что не хочется писать ничего. Не сердитесь за короткое письмо. Не выжмешь из себя больше ничего.

Напишу, быть может, дня через два, через три, когда буду не в таком скверннейшем расположении духа.

До свиданья. Цалую вас крепко, крепко.

Пойду сегодня на «Лира», смотреть знаменитого Росси. Быть может разгуляюсь.

Ваш *В. Гаршин*

Если скоро увидите Р., попросите ее передать З. Ив. мое извинение за неприсылку карточки. С первым же письмом пришлю.

Как-то раз Сер. Вас. Пантелеева разговорилась об Цюрихе. Я спросил ее, не знает ли она о Сер. Шаховой. Знаю, говорит. Хорошая девушка, дельная. Только страдала ужасно от своей матери; иногда ревела по целым дням, доходила до припадков. Мать — какая-то сумасшедшая, да еще доктор там у них какой-то...» Я больше не расспрашивал.

Вот вам и подкладка!

До свиданья. *В. Г.*

87. *Е. С. Гаршиной*

11 марта 1877 г.
СПБ.

Дорогая мама!

Сейчас получил от вас письмо с 25 р.; благодарю вас за деньги. Что это строит Ег. Мих.?

Завтра в «Новостях» будет напечатан мой отчет о выставке в Акад. худож. [31] Вероятно я останусь при них навсегда, как художественный хроникер. Пришлю вам «Новости» непременно; газета хоть куда, хотя дешевая и, к сожалению, платит дешево. Все-таки до лета успею заработать себе хоть на практические занятия, если нельзя достать свидетельство о недостаточном состоянии, которое придется все-таки брать: в будущем году поездка будет стоить уже не 30 — 35 р., а minimum 100.

Вчера был в типографии, держал «редакторскую» корректуру своей статейки. Типографская обстановка сделала на меня сильное впечатление; очень понимаю я, как можно втянуться во всю эту штуку.

Всех моих знакомых художников погнали из Академии: Зиновьева, Поплавского, Яблочкина, Мишу и Крачковского, который в прошлом году взял на конкурсе первую премию и в этом наверно тоже возьмет! Выгнали их за неисполнение правил касательно *учебного* курса Академии: т. е. позволяли людям ничего не делать 5 лет, а теперь заставляют сдать экзамены за все время.

У нас в компании все благополучно.

Глебовы уезжают по всей вероятности перед Пасхой, что меня и огорчает и радует, первое потому, что придется быть без денег, а второе — время свободное останется. А то три (а с ходьбой четыре) часа, да еще *утром*, сильно мешают заниматься.

Экзамены у нас уже распределены, о чем я, кажется, уже писал вам. Скорее бы кончилось это противное время! Лета жду, как манны небесной.

Хорошо было бы вытянуть без переэкзаменовок, да вероятно так и будет.

А в Черногорию-то опять поехали волонтеры! Там уж нельзя будет пить и мордобойничать. Там действительно придется терпеть.

Простите, дорогая мама, за короткое письмо. Писать, право, больше нечего. Крепко, крепко вас целую.

Ваш *В. Г.*

Жене, Фаусеку и медицинскому департаменту поклон.

88. *Е. С. Гаршиной*

22 марта 77 г.
СПБ.

Дорогая мама!

Третьего дня получил я письмо с 60 р. и уже почти кончил их, так как платье готово и уже у меня. К великому моему огорчению я не мог сделать особенно много, но сделанное — хорошее. Сапогов накупил на 20 р.: для работ одни — в 12.

От Р. писем нет, как нет. Что значит это исчезание нашей корреспонденции? Ужасное свинство.

Получили ли вы «Новости»? а Р⟨ая⟩ «Свет»? Я послал их уже полторы недели.

Уроки мои у Глебовых кончились, так что теперь приходится пописывать.

Теперь ни за что не буду давать уроков: будь они прокляты; и переводить тоже не стану. Хоть и недорого платит Нотович, но все-таки жить будет можно, а работа пустейшая; почти все время свободно.

Вчера был у моего милейшего и добрейшего директора В. Ф. ⟨Эвальд⟩ по одному ботаническому делу; ведь он ботаник-любитель. Просидел у него весь вечер вдвоем с ним и провел время самым приятным образом.

Долбни много, предстоит еще больше. Как-то хладнокровно отношусь я к этим экзаменам: не перейду — ладно, перейду—тем лучше, но во всяком случае, и в том и в другом, выход из Института представляется мне очень вероятным. «Обридло», мама, это самонадуванье.

Перетащиться-то я перетащусь на 3 к⟨урс⟩, потом и на другие курсы, и кончу, пожалуй, но только зачем? — Чтобы бросить горную «деятельность» тотчас же по выходе!

Вместе с этим письмом пишу к Рае на ваше имя. Если уж это не дойдет, то это просто чудо какое-то!

Пишите по новому адресу: Офицерская 33, 36. Я писал уже, что переехал от Володи к Афанасьеву. Не подумайте, что между нами (я и Вол.) пробежала какая-нибудь черная кошка, этого нет, да сколько я наблюдал за ним и мною — и случиться не может. Просто разъехались потому, что вдвоем долбить разное неудобно, а с Васей мы на одном курсе.

Ах, прошли бы скорее эти подлые экзамены. Благодарю за свидетельство, которое вы обещали прислать: без него бы мне было очень плохо.

У нас в компании все благополучно — исключая хронических неблагополучий, разных любвей. Вася, впрочем, почти излечился от своей гибельной пассии. Пассия же ликует, потому что Эверарди будет учить ее даром (с уплатою, когда поступит на сцену). Кажется, все эти Эверарди иНиссены надеются больше на ее прекрасную рожу, чем на голос.

Долинин мрачен, потому что его беллетристические труды (он пытался поместить кое-что) потерпели совершенное фиаско. Писал бы я вам много и о другом, да письма теперь в руце божией. Так что лучше умолчу.

К художникам я окончательно влез, так что осенью, вероятно, буду знаком со всею «передвижною выставкою». На Пасхе познакомлюсь с Григоровичем (писатель).

Все мне хочется послать в «Свет» стишонки, да не решаюсь, подлая душа.

До свиданья, дорогая моя мама. Крепко целую вас. Поклонитесь от меня всем. Паре нашей (Ф. и Ж.) мое благословение. Департаменту нижайший поклон.

Что Гинцбурги? И не произошла ли в Х⟨арькове⟩ революция с целью свергнутия гегемонии Б. М?

Целую вас. Ваш *Всеволод Г.*

Ну Егор Михайлович! Будь оно недобрым помянуто это имение.

89. *Е. С. Гаршиной*

<30 марта 1877 г.>

Дорогая мама!

Совершенно потерял счет своим письмам и, кажется, делаюсь неаккуратным. Поэтому возобновляю прежние недельные сроки: буду писать по средам.

Праздники провожу ни скучно, ни весело: был у Пузино — скука, был у Латкиных, у Малышевых. Там еда, питье. Ив. Ег. вышел из банка, получив за год вперед жалованье. Что-то он будет делать?

Экзамены на носу. Отношусь к ним спокойно, но с отвращением. Скорей бы все это кончилось.

Очень, очень благодарю Женю за хлопоты о свидетельстве. Спасибо ему, что позаботился обо мне. А то дело было бы довольно плохое.

На работах мы будем в Лужском уезде. И то хорошо, что работать будем не на этом проклятом болоте.

Сейчас только, когда я уже начал письмо, почтальон принес мне письмо от вас. Из него я увидел, что вы думаете, что я *решил* выйти из И-та. Вовсе нет. Теперь я готовлюсь к экзамену самым старательным образом. Все будет зависеть от третьего курса: если удастся мне на нем хорошо заниматься и перейти на четвертый, то наверно кончу курс. IV и V курсы очень не трудны.

Теперь, конечно, самое лучшее — не рассуждая держать экзамены и выдержать, что я и постараюсь исполнить.

Сегодня я был на конкурсе постоянной выставки; завтра напишу статейку, а через три-четыре дня по получении этого письма будете читать ее в «Новостях».[52] Этою статейкой, кажется, я и закончу свою литературную деятельность до самого лета. Некогда.

Конкурс плоховатый; впрочем лучше прочтите сами в газете.

Как вам нравятся «Новости»? Газетка (для «маленькой» прессы, конечно), право, недурная. Только типографских ошибок бездна.

За что вы выбранили так «танцы» Брамса (не знаю, впрочем, Брамса ли играла Раиса)? Венгерские танцы Брамса я слышал недавно у Глебовых; они мне очень понравились. Я получил от Р. письмо, написанное под впечатлением вечера, сейчас же после него. Какое радостное и счастливое!

Напишите, как уладили дело о именьи. Ах, Егор Михайлович! Когда-то мы развяжемся со всем этим.

Вы пишете, что я не довольно «смел» в своих литературных начинаниях. Я не жалею об этом, потому что робость избавляет меня от щелчков моему самолюбию. Покуда я отдал напечатать 3 маленькие статейки — и все 3 были напечатаны. А я видел,

как действуют неудачи, наприм. Налимов, Долинин. У последнего полнейшее невладение языком, а тоже пишет. Понятно, даже «Новости» отвергли его боевые воспоминания и проч.

Чтобы писать, как много надо учиться! И, главное-то, учиться трудно, потому что учиться приходится самому у себя, у своего собственного суда.

Вылезу, мама, когда-нибудь и «в самую центру», как вы пишете.

Как хорошо, что вы не допустили помещения Зины у Пети. Думаю, что не обошлось бы без покушения с его стороны, судя по прецедентам.

Теперь буду писать и вам и Р. коротенькие письма; не будьте в претензии. Надо принавалиться на работу.

До свиданья, дорогая моя мама, целую вас крепко. Жене поклон. Всей прочей компании тоже.

До свиданья. Ваш *В. Г.*

У Пузино все здоровы. Лиза была недавно очень больна, но теперь поправилась.

90. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 7 апр. 77 г.

Дорогая мама!

Сейчас только получил письмо от вас и от Р. Спешу ответить, но коротко: времени решительно нет. Экзамены хотя и нескоро (15), но курс химии у нас огромный. Я не уверен в том, что выдержу; надо работать изо всех сил.

Скверно только, что голова у меня часто болит.

До экзамена писать не буду, напишу сейчас же после него.

Новостей решительно нет. Не сегодня — завтра война. Государь сегодня уехал в Кишинев (чего нет в газетах). В университете был скандал по поводу украденного полицией покойника студента. А украли его, боясь демонстрации, хотя студент был чужд (почти) политики.

Все это надоело.

Вокруг меня все учатся, учатся. Марья Дмитриевна тоже готовится к экзамену. На прошлой неделе я был шафером у ее старой знакомой Ек. Григ. Бартош, которая вышла замуж за некоторого мирового судью Западного края. Очень было весело.

У Пузино давно не был, частью некогда, а частью лень страшная. Скука у них смертоносная.

Свидетельство я получил и очень благодарю Женю и вас.

Всем поклон.

Крепко целую вас.

В. Гаршин

*

91. *Е. С. Гаршиной*

(Отрывок)

⟨12—13 апреля 1877 г.⟩

Мамочка, я не могу прятаться за стенами заведения, когда мои сверстники лбы и груди подставляют под пули. Благословите меня. Вася тоже идет...[53]

92. *Е. С. Гаршиной*

⟨СПБ. 19/IV. 1877 г.⟩

Дорогая мама! Пишу несколько строк: не хочется писать незадолго перед свиданием. Выезжаю к вам в четверг утром.

Благодарю вас за вашу телеграмму: несколько строк, а как много значат! Выехал бы сейчас же, да проволочки в Институте. Вася выезжает после меня; я буду ждать его в Х⟨арькове⟩.

Сегодня случайно познакомился с Елисеевой. Она вас знает и помнит.

Целую вас, Раю и Женю тоже.

В. Г.

Как бы мне хотелось знать, что думает об этом Р⟨ая⟩.
Иногда мне бывает тяжело. Очень.

На конверте: В *Харьков.* Подгорная ул., д. Кривошеевой. Е. С. Гаршиной.

93. *Е. С. Гаршиной*

Кишинев, 5 мая 77 г.

Вчера утром, дорогая мама, мы приехали в К⟨ишинев⟩. К счастию нашему, 35 пех⟨отная⟩ дивизия оказалась здесь. Вчера уже подали прошение. Сегодня ночью выступаем в поход, пешком на Баштомак (на границе). Затем, через всю Румынию, в Баниас, местечко на Дунае, против Рущука. Вероятно, будем брать его (Рущук).

В Баниас мы придем 28 мая, так что придется итти по 30 верст в день, делая дневки через два дня в третий.

Мы поступаем в роту к Ивану Назаровичу. Перезнакомились уже с десятком офицеров; все молодежь, пьет сильно; впрочем, кажется, есть порядочные люди. К нам отнеслись внимательно и с каким-то уважением. Хотелось бы поставить себя хорошо в

полку. Наше начальство: корпусной — ген⟨ерал⟩-лейт⟨енант⟩ Ган, нач. дивизии — ген.-м⟨айор⟩ Баранов, бригадный — Тихменев, полковник Буссе, ба⟨тальонный⟩ ком⟨андир⟩ — майор Флоринский, ротный — И⟨в⟩. Н⟨аз⟩. А⟨фанасьев⟩.

Писать к нам следует так: В полевой почтамт действующей армии, на станцию Унгены, 13 армейского корпуса, 35 пехотной дивизии, 138 Болховского полка, командиру 5 роты, поручику Ив. Наз. Афанасьеву. *Для В. Г.*

Мне решительно некогда сегодня написать Володе, а между тем хочу получить от него письмо. Пожалуйста, напишите ему обо мне и сообщите мой адрес.

Кишинев — город совсем нерусский. На улицах совсем не слышно русского языка — все жидовский и молдаванский говор. Жаль, что корреспонденции невозможны. Буду вести дневник. Интересного много.

Дорогая моя, писать больше некогда. Надо бегать по начальству. Не горюйте, голубушка. Писать буду, как только будет возможность.

Цалую вас

Ваш *В. Г.*

P. S. Брать с собою вещи, кроме необходимейших, решительно невозможно. Приходится многое бросить здесь. Поэтому не вышивайте рубах.

Напишите Володе, чтобы выслал мне карточку.

94. *И. Е. Малышеву*

(Отрывок)

Кишинев. 5/V 77.

Мы очень удачно приехали в Кишинев: приехали вчера, 4 мая, а завтра, 6-го, уже выступаем в поход с 138 пехотным полком. Служить будем в роте у Ив. Наз. Афанасьева, брата Васи, и притом вместе. Одинаковый рост позволяет нам даже во фронте стоять рядом. Не знаю, каково вынесем поход. Выступив завтра в $5^1/_2$ часов утра, мы придем в Баниас (покуда наша конечная цель, местечко на Дунае против Рущука) 28 мая. Поход — пешком, по 20 — 30 в. в день.

Итак, почти на месяц мы лишены всяких сношений с миром: может быть, не придется увидеть клочка печатной бумаги, так как маршрут избегает всех городов. Только через Плоешти (где теперь главная квартира) придется проходить.

Писал бы больше, да нужно итти представляться полковому командиру.

До свиданья. Когда-то увидимся? Да и увидимся ли еще?

95. *Е. С. Гаршиной*

Фальчи (на Пруте).
13 мая 1877 г.

Дорогая мама! Вчера вечером пришли мы в Фальчи, опоздав против маршрута на два дня. Дорога ужасная, дождь шел каждый день, чернозем размок. Ноги по колена в грязи. Выдерживаем мы с В⟨асей⟩ поход так, что сами удивляемся. Правда, сделав 30 верст с ранцем (впрочем, почти пустым), бросаешься на что ни попало и спишь как убитый до самого «генерал-марша» (побудки). Наше положение сравнительно с солдатским еще очень хорошо: нас не посылают на работу вытаскивать обоз. А те пройдут 30 верст, да почти сейчас же идут назад верст за 5 вытаскивать на руках обоз из страшнейшей грязи.

Спали мы покуда в деревнях в хатах, но, вступив в Румынию, нужно спать уже на биваках. Сегодня спали на воздухе в первый раз. Если не будет дождей, то это ничего. К тому же скоро выдадут палатки.

Деньги наши мы разменяли на золото, при чем много выгадали. Золото здесь очень дорого. Наши бумажки идут рубль за рубль.

Неприятно, что мы совершенно удалены от мира. Не знаем решительно, что делается в свете. В Леово застали торжество, пляску, пьянство — румыны праздновали свое «королевское достоинство», только всего и знаем.[54]

Если бы не мысль о вас и Р., о том, как вы болеете сердцем за меня, то я был бы вполне спокоен. А то вспомнишь о Харькове, и даже слезы на глаза выступают. Ходят слухи, что война скоро кончится и нас вернут. Правда ли это? Не знаю ничего.

25 мая нас будет смотреть государь.

Писать много решительно не могу. Голова как-то плохо работает, да и то сказать, писать многого и нельзя. Не знаю наверно, но думаю, что это письмо будет распечатано.

Пишите пожалуйста. Я еще из Кишинева сообщил вам свой адрес, на всякий случай вот он еще раз: В полевой почтамт дунайской действующей армии, 13 корпуса, 35 пех. дивизии, 135 пех. полка, командиру 5 роты поручику Ив. Наз. Афанасьеву. *Для В. Г.*

Пишите мне, как держит себя Р. относительно вас.

Замечаете ли, что письмо мое написано бестолково? Должно быть, крайняя усталость тому виною. Надо писать еще Володе и Р.; не знаю, как напишу. До свиданья, дорогая моя. До 28 мая будьте за меня совершенно спокойны.

Пишу еще несколько строк.

Если бог приведет вернуться, напишу целую книгу. Русский солдат — нечто совершенно необыкновенное. Совершенные дети.

Фальчи стоит на горе, над Прутом. Долина Прута шириною в 3—4 версты, а самая река немного шире нашего Айдара и извивается по долине, как змея. Через эту долину мы шли часа $2^1/_2$, а обоз вторые сутки не может перебраться: такая ужасная грязь. Лошади выбиваются из сил.

До свиданья, дорогая моя. Цалую вас. Жене поклон. Дорогая моя, иногда очень бы хотелось увидать вас хоть на минутку. Цалую вас.

Ваш *Всеволод*

96. *Е. С. Гаршиной.*

Текуч, 1877, мая 19.

Дорогая мама! Славу богу жив и здоров, нахожусь на дневке в Текуче, или, вернее, на биваке около него. Идем мы благополучно, только отстали от маршрута на два дня, так что придем в Баниас не 28, а 30 мая. Жизнь однообразная: идешь, отдыхаешь и ешь — вот все интересы.

Совершенно не работает голова, не придумаешь, что̀ и писать, хотя материалу хватит и на целую книгу. Да и то сказать: писать много небезопасно. Не знаем о внешнем мире решительно ничего. О войне не имеем понятия. Идем и идем.

Иду я и обыкновенно думаю о прошлом, о Петербурге, а больше всего о Харькове. Как бы хотелось иногда перенестись на минутку далеко отсюда, на родину! С странным чувством перепрыгнул я канаву, отделявшую Россию от Румынии.

Хотел что-то написать, но не пишется. Устал ужасно, да и некогда, надо ружье чистить.

Рае скажите, что я прошу у нее прощения: сегодня решительно не могу написать ей ни строчки. Скажите, что я жив и здоров и что очень прошу ее писать. Пожалуйста, пусть она не сердится. Напишу и ей несколько строк.

Дорогая мама! Простите за коротенькие письма. В Баниасе мы будем стоять на месте, там постараюсь писать больше, а здесь и неудобно, и от усталости не знаю, что писать, не могу с мыслями собраться.

Не подумайте только, что усталость вредит нашему здоровью: право, не для вашего успокоения, а говорю сущую правду — мы оба, я и Вася, совершенно здоровы. Едим невообразимо много. В дожди приходилось пить много водки — иначе бы непременно простудились. Ноги мажем свиным салом. Имеем при себе хину, капли Боткина, Иноземцева, и на случай кровеостанавливающую вату.

Пишите, получили ли вы мое первое письмо, где я просил вас написать Володе. На всякий случай пишу адрес второй раз: В полевой почтамт дунайской действ. армии, 13 корпуса,

35 дивизии, 138 пех. Болховского полка, командующему 5 р. поручику Ив. Наз. Афанасьеву. Для В. Г.

Денег у нас с В. еще много, так что, прошу вас, дорогая мама, пока еще не высылайте. Если будете что-нибудь посылать, то уж пришлите лучше чаю, который для нас здесь — сущая благодать. До свиданья, дорогая моя! Крепко целую вас. Пишите.

Ваш *В. Г.*

Пишите, куда вам писать.

97. *Е. С. Гаршиной*

Альбешты (в Валахии).
1877, 26 мая.

Дорогая мама! Пишу к вам из Альбешты, но пошлю это письмо только со следующей станции, из Плоэшты, так как здесь нет почтовой станции. Пока мы в Румынии, я легко могу посылать вам письма через здешнюю почту, но из Болгарии будет трудно. Военная почта ходит очень медленно, да и писать-то через нее неудобно.

Наши офицеры, сообщившие нам маршрут, ошиблись. Баниас (Banjas) вовсе не на Дунае, а версты две-три к сев⟨еру⟩ от Бухареста. Мы придем в Баниас 1 июня и будем стоять в нем, по крайней мере, две недели.

Чтобы вы могли посмотреть на карте, где мы идем, вот вам некоторые пункты: Кишинев, Леово, Фальчи, Берлад, Текуч, Фокшаны, Рымник, Бузеу.

Иду я бодро, выдерживаю поход хорошо. Ни разу не отставал и не садился в фуру. Впрочем и Вася ехал в ней только 4 версты, и то оттого, что у него живот заболел.

До сих пор еще из штаба дивизии не пришел приказ о нашем зачислении на службу; поэтому мы еще не получаем казенного «довольствия»: хлеба и сухарей. В строю мы недавно и уже знаем все построения, так что завтра в Плоэшты будем на смотру. Будет смотреть сам государь. Он обогнал нас третьего дня: мы шли пешком, а он по железной дороге, которая, начиная с Текуча, идет рядом с нашим шоссе. Ужасно досадно смотреть на обгоняющие нас поезда с войсками. С привала, где мы отдыхали, нас подняли, вывели к полотну, выстроили в две шеренги (бригада заняла больше версты), и простояв часа полтора, мы увидели царский поезд. Сам государь не показался, чем солдаты были крайне огорчены.

Итти вообще довольно трудно, особенно когда большие переходы. А у нас были подряд два перехода: 45 и 40 верст. Впрочем, физические трудности мне и не кажутся трудностями; внутренние мучения, как оказывается, гораздо мучительнее.

Никогда мне не приходит в голову мысль раскаяться в том, что я пошел в поход. Это такая хорошая школа, особенно для

меня, которому нужно воспитание характера. Как я и ожидал, материалов для наблюдения оказалась бездна. Если бог вынесет, я буду знать, что делать. В том, что я сумею писать и буду иметь успех, я почти не сомневаюсь.

Сегодня дневка: приказано приготовиться к смотру. Всё чистится, моется. Солдаты купаются в речке: вода ниже колен, так что все лежат в ней на брюхе, и мутная, как везде в Румынии. Белье моют прямо в реке, потом кладут на травку сушиться. Можете представить, как оно чисто. Солдаты вообще мне очень нравятся. Офицерство (не отдельные офицеры, а офицерство) — чорт знает что такое! Мордобитие до сих пор процветает. Даже наш бригадный генерал бьет солдат в лицо и ругается скверными с‹лов›ами. Вообще уважения к себе в солдатах эта публика не внушает никакого.

Наш ротный, Иван Наз., мне очень нравится и как офицер: не дерется и видит в солдатах людей. Впрочем он — одно из немногих исключений.

Об этом всем будет время поговорить подробно, и не с вами одними.

В 4-й роте у нас есть прекурьезный субъект: горный инженер бар. Киль, остзейский немец, учившийся в Берлине и Фрейберге. Он поступил по доброй воле, чтоб «участ в поход». Говорит по-русски хуже Феллера. Был записным студентом; четыре раза ранен — две пулею и два рапирою. Служил у нас на Дону. Рожа глупая, бычачьи глаза, бакенбарды. Впрочем, добрый малый. Он догнал полк в Текуче и пока еще не привык к походу: часто отстает.

Едим мы ужасно много; втроем с нашим ротным съедаем порядочный чугун каши и выпиваем целый самовар чаю. С тех пор, как кончились дожди, водка вышла из употребления, но красное вино (10 — 15 коп. бутылка) потребляется в страшном количестве.

Жары стоят больше 25°. Мы уже переоделись в белые рубахи и штаны; на голове белые кэпи с подзатыльниками. Посылаю Раисе свой портрет, приблизительно нарисованный мною самим. Пусть она вам его покажет.

До сих пор не получил ниоткуда ни одного письма. Скучно не знать ничего о своих близких. У Киля, к счастью, оказалась карта Турции, так что теперь мы все-таки идем не как слепые.

До свиданья, дорогая мама! Писал бы больше, но если бы вы знали, как неудобно писать. Пишу на колене, сидя на земле. солнце жжет нестерпимо. Да к тому же несут уже обедать.

До свиданья, дорогая моя! Крепко целую вас. Всем поклон.

Ваш *В. Гаршин*

В Баниасе отпросимся в город (Букарест) и постараемся сняться в полной походной форме.

98. *Е. С. Гаршиной*

Баниас (около Бухареста)
1877, 1 июня.

Дорогая мама! Маршрут наш опять изменили: вместо двух недель (получили ли вы мое нефранкированное письмо из Плоэшты?) мы пробудем в Баниасе только четверо или пятеро суток. Через неделю будем на Дунае.

В Плоэшты нас смотрел государь, поэтому я не имел времени пойти с бивака в город на почту и передал письма к вам и Р. без марок. Не знаю, дойдут ли они или нет.

В пыли и в поту пришли мы в Плоэшты, усталые, грязные. Но когда войска стали подходить к тому месту, где на сером коне стоял г⟨осуда⟩рь, солдат нельзя было узнать, так они воодушевились. Государь здоровался с каждою ротою, и как каждая рота кричала! Шли мимо него бодро, быстро, почти бегом. Он сильно изменился, постарел, побледнел. На его добром лице было так много грусти, что все солдаты заметили это и говорили: «Жалеет он нас! Видно, и у него воля не своя». Вообще в царя они влюблены. Вечером он приехал на бивак, чтобы еще раз посмотреть нас.[55] Тут, между прочим, наш генерал доложил ему о нас с Васей; мы до сих пор не были зачислены, потому что штаб дивизии еще не догнал нас, и государь приказал нас зачислить.

Жары стоят ужасные, идем мы в белых рубахах. Я просил бы вас выслать мне одну белую холщевую (толстую) рубаху обыкновенного русского покроя (косоворотку), только не длинную. А то казенные сделаны из какой-то бязи, которая рвется, да вдобавок сшита моя рубаха так, что ворот не сходится.

От вас я получил одно письмо с новым адресом, от Раи — два, от Володи — два. Спасибо нашим друзьям, что не забывают.

Ив. Ег. Малышев тоже прислал нам письмо; мы будем просить его, чтобы он высылал нам за бандеролью прочитанные нумера газет. Хоть через две недели будем читать, а все-таки будем знать кое-что о Питере и России.

Сегодня едем в Бухарест по билету от ротного командира «по казенной надобности». Вообще же солдат пускают туда с бо́льшим трудом.

Это, вероятно, последнее письмо, которое вы получите от меня через румынскую почту. Теперь придется писать через военную, что́ и медленнее и неудобнее. Поэтому не придавайте особенного значения тому, что мои следующие письма будут, быть может, очень редки.

От нас до Бухареста верст шесть; город, кажется, большой. Мы с В⟨асей⟩ снялись бы, да некому поручить взять наши кар-

точки, а на фотографа надеяться нечего. Вообще румыны извлекают из нас всевозможную пользу. Дерут немилосердно. Страна богатая, сенокосы роскошные, а за сено платить приходится 57 коп. пуд.

Пишет ли вам Володя? Р. писала мне, что пишет.

Очень жалко, что корреспонденции писать нельзя. Все-таки можно было бы получить порядочные деньги. Впрочем, благодаря Ив. Ег., у нас еще они есть, и в довольном количестве. Еще, по крайне мере, полтора месяца мы не будем ни в чем нуждаться.

После смотра государя начальство (генерал) сделалось гораздо добрее и снисходительнее. Приказано было, как говорят, возможно облегчить людей. Поход наш сделал нашу дивизию одною из лучших для боя частей войск. Один переход мы сделали в 50 верст (прежде думали, что 45). Правда, многие попадали, но потом подтянулись. Мы с Васей ни разу не отстали даже. Вообще мое здоровье оказывается гораздо лучше, чем я думал.

В переходы по 70 в⟨ерст⟩ я теперь решительно не верю. Они возможны разве только без ранцев.

Сейчас услышал (когда писал это письмо), что черногорцы наголову разбиты. Неужели это правда?!

Драться будем хорошо. Солдатское настроение серьезное, спокойное; но никто из солдат не побежит, — за это я ручаюсь.

До свиданья, дорогая моя! Пишите по прежнему адресу, только «на ст. Унгены» не надо. Просто: В пол⟨евой⟩ почт⟨амт⟩ дун⟨айской⟩ действ. армии. До свидания! Целую вас и Женю.

Ваш *В. Гаршин*

99. *И. Е. Малышеву*

(Отрывок)

1 июня. Бивуак в дер. Баниас,
предм. г. Бухареста.

Поход наш по первому маршруту кончен: мы пришли в Баниас, который оказался вовсе не на Дунае, а около Бухареста (наши офицеры, не имея карт, ошиблись). Дня через 3 или 4 идем на Дунай. Сделанный поход был не легок. Переходы доходили до 48 верст. Это — при страшной жаре, в суконных мундирах, ранцах, с шинелями через плечо. В один день из нашего батальона упало на дороге до 100 человек: по этому факту можете судить о трудности похода.[56] Но мы с В. ⟨Афанасьевым⟩ держимся и не плошаем. Хорошо, что теперь уже идем в очень легких костюмах: белые рубахи и штаны.

100. *Е. С. Гаршиной*

8 июня 1877, между Бухарестом
и Александриею

Дорогая мама!

Пишу вам из деревушки, названия которой не знаю. Опущу это письмо не раньше, как через два или три дня, когда придем в Александрию.

Там простоим неопределенное время. Может быть, тотчас же двинут на Дунай, а может быть так и останемся состоять при главной квартире.

От Баниаса поход сделался очень легок; переходы небольшие (20, 10, 18, 8, 18 в.), и после огромных переходов по 40 и 50 в‹ерст› кажутся прогулками. Кроме того, выдали палатки, очень удобные, французской системы. На одну палатку полагается 6 ч‹еловек›, которые ее и несут (на человека приходится фунта два). Мы помещаемся вчетвером (с офицерами — Иваном Наз. и прапорщиком Сахаровым) в большой офицерской палатке. Вообще нам гораздо легче, чем солдатам: пища лучше, чаю пьем много. С тех же пор, как выдали палатки, даже и не мокнем.

Да и вообще физические неприятности вовсе не так велики, как вам кажется (судя по письмам). Я *даже* (для себя, конечно) не могу причислить их к страданиям. На расположение духа они нисколько не действуют, а это главное.

Идем мы из Баниаса целою дивизиею с артиллериею (всего больше 12 т. чел.). На несколько верст растягивается отряд. Лучше всего, когда приходится быть в авангарде: раньше выходим и раньше приходим на место.

Ваши письма пока я получаю аккуратно. Последнее было от 25 мая. От Володи до сих пор получил только одно письмо. Ему послал уже три; сегодня пишу четвертое. От Раисы получаю письма аккуратно. Сегодня ей не пишу, потому что решительно не знаю, возможно ли будет доставить его ей в Старобельске (в Харькове письмо уже не застанет ее). Неужели ей нельзя будет писать ко мне из Старобельска?

Чемодан, который подарил Васе Малышев, едет с нами. Белье едет все, даже блуза. Уже через неделю после выхода из Кишинева мы были приятно изумлены, узнав, что подушки, одеяло и плед тоже едут с нами. Спать нам теперь отлично.

Непременно напишите, получили ли вы и Р. мои нефранкированные письма из Плоэшты (помечены: «Альбешти. 27 мая»). Послал я их нефранкированными потому, что из-за смотров не было времени сходить в город.

Из Баниаса мы с В‹асей› ходили в Бухарест. Город имеет совершенно европейский вид, по крайней мере те улицы, где мы

были. Восточное осталось только то, что улицы узки и извилисты. Но зато прекрасные мостовые, газовое освещение, конно-железная дорога, красивые дома, магазины. Чистота — как в Петербурге.

Наши офицеры (некоторые) просто пропадали в Б⟨ухаресте⟩ и, конечно, «наслаждались» всеми способами.

Живя здесь, еще более утверждаешься в уже существующем отношении к «неплательщикам» и «распоясовцам». [57]

С последними я в наилучших отношениях. Часто разговариваем о всевозможных вещах. Недавно пришлось толковать устройство телеграфа: к моему удивлению, мое объясненье было понято.

До свиданья, дорогая моя! Верьте, мне не так худо, как вы думаете. Да и страна значительно изменилась с «времен очаковских». Итти нам все-таки было не так дурно, как вашему полковнику; теперь везде шоссе и отличные мосты (с самого Берлада пошло шоссе).

До свиданья, дорогая моя! Поцалуйте Женю. Крепко цалую вас. Будете писать дяде Мите — поклонитесь ему и бабушке.

Вас любящий

Всеволод Гаршин

Пишите: будете ли вы переписываться с Р., покуда она будет в Старобельске?

P. S. Вася кланяется. Купаясь в Баниасе, он уколол пятку, и у него теперь на ней нарыв. Поэтому с Баниаса он едет в лазаретной фуре.

---

12 июня. Александрия.

Только сегодня могу послать вам письмо, дорогая мама. От Бухареста до Александрии мы шли целых 6 дней, и в это время послать его не было возможности. Мы пришли сюда вчера; думали, что великий князь будет смотреть нас, но уже не застали его здесь; он уехал со всем штабом. Куда — не знаем. Не знаем также, когда выйдем отсюда, но по всему кажется, что скоро.

Куда — тоже не знаем.

До Дуная, как вы можете видеть на карте, отсюда недалеко, всего верст 25. Многие говорят, что слыпат ночью пальбу; должно быть, обман напряженного слуха. Сегодня поговаривают, что один корпус уже перешел через Дунай. Странно как-то: находишься в нескольких десятках верст от боя — и не знаешь ровно ничего, когда как вы за две тысячи верст узнаете события через день или два.

Васина нога почти выздоровела.

От Володи не получаю писем и не знаю, что и думать. Писал я к нему уже не раз. Один раз писал к Ал. Як. ⟨Герду⟩. До свиданья, дорогая моя мама! Крепко цалую вас и Женю.

Ваш *В.*

Александрия — дрянной, маленький городишко. Стоим мы, по обыкновению, за городом, на огромном поле. Есть река, в которой я с великим наслаждением искупался.

P. S. Точный адрес: В Унгенскую пограничную почтовую контору для доставления в действующую армию и т. д.

101. *Е. С. Гаршиной*

Лагерь около Систова,
1877, 19 июня.

Дорогая мама! Жив и здоров, пишу несколько строчек. Мы перешли чрез Дунай 15 и 16 июня. 15 пришли в Зимницу, тотчас по окончании боя. Позиции ужасны; непонятно, как возможно было их взять.

Мы стоим бивуаком на месте атаки 14-й дивизии, пластунов и конвоя. Турок уже зарыли, — но мы еще застали целые кучи убитых. Сегодня кончат (вероятно) мост.

Прошлую ночь ходили на позицию; говорят, турки хотели атаковать наш лагерь. Были уверены, что будем драться, — но «они» ушли. Сейчас выступаем на другое место, верст за 6 от Дуная. Наступление, кажется, еще не скоро.

До свиданья! Цалую вас крепко.

Рае поклон. Если будете писать Володе, сообщите обо мне. Писать решительно некогда.

Ваш *В. Г.*

Уже давно не получаю писем. От Володи совсем нет. От Р. тоже давно нет.

Турки обезображены ужасно. Всё штыковые раны и прикладом. Наших перестреляли тоже много.

Не писал раньше потому, что вещи были на той стороне, и не было бумаги.

---

21 июня.

Позиция верст за 20 от Дуная. Сегодня посылают в Систово, и я пользуюсь случаем послать письмо. Мы очутились в крайнем авангарде. Большой, сильный отряд, — кажется, до 100 пушек. Турки не показываются, и нигде близко их нет.

Вася просит вас написать Володе, чтобы он известил Ал⟨ексея⟩ Афан⟨асьева⟩ и Дробатухина хоть письмом (Дворцовая набер.,

театральное здание Зимнего дворца, кондуктору) о нас. Прошу Володю исполнить это для меня, так как тогда почти все знакомые будут знать об нас.

Хотя в бою мы не были, но чувство перед боем я испытал. В ночь на 18 мы были уверены, что будем драться. Ничего, не струсил, только волнение, сердце бьется чаще и ноздри раздуваются.

Государь, видимо, желает, чтобы потери людьми были как можно меньше; поэтому мы идем не скоро, но верно. Болгары в Систове встретили наших пластунов с восторгом, со слезами. Маленькие дети кидались им на шею.

Два дня перед переправой и день после нее мы очень мало ели: мяса не было. Теперь режем турецкий скот и едим ужасно.

Какая страна, какая природа! Виноград, абрикосы, персики, миндаль, грецкий орех. Всего много. Можно было бы здесь устроить рай земной; а что делается теперь!

Хотелось бы мне прочесть в газетах об Систовском деле.

Видел Драгомирова тотчас же после того, как государь надел ему Георгия на шею. Солдаты его дивизии обожают его. Видел и государя и всех. Они ехали в Систово, а мы стояли шпалерами. За царем везли белое знамя с голубым крестом и надписью: «с нами бог». Не знаю, что это за знамя.

Словом, все идет хорошо — и, вероятно, недолго ждать решительного побиения Высокой Порты.

Убитые турки — рослые ребята, сытые и толстые. Раны на них жестокие: у одного четверть черепа снесено прикладом. Ружья их изогнуты дугою: так дрались наши! Наши, бывшие в бою, говорят, что только наше «ура» помогло. Позиция неприступная; огонь турки открыли такой, что отдельных выстрелов не было слышно. И если бы не шли в штыки, то всех бы перебили.

До свиданья, дорогая моя мама! Пишите, пожалуйста, Володе обо мне. Ему решительно не могу писать. Едва успеваю написать и одно письмо. Рае поклон. Каково ей в Старобельске? Господи, какая будет радость, когда я вас всех увижу. Поцелуйте Женю. Поклонитесь Матильде Борисовне, ее родителям и всем знакомым.

До свиданья, дорогоя моя! Не придавайте большого значения редкости моих писем. Отсюда посылать очень трудно.

Володе не пишите, чтобы он сообщил Дроботухину, а лучше перешлите прилагаемую записку прямо Мавре Федоровне (Галерная, 49, Шютте). Если вас не затруднит, прибавьте к письму несколько строк подробностей из моего письма. До свиданья, моя дорогая! Вася кланяется. Через В. передайте поклон всем моим друзьям.

24 июня

И 21-го я не мог послать письма. Сегодня уж наверно могу послать его.

Сообщаю маленький дневник. 15 пришли в Зимницу, по окончании боя, подробности которого вам, конечно, известны через газеты. Ночь на 16 провели на острове Дуная, и нельзя сказать, чтобы особенно удобно. В 12 ч. дня 16 июня переехали через Дунай на барже, на буксире парохода «Annette». Видели маленький миноносец, под командой какого-то гардемарина с Георгием: должно быть, из компании Шестакова. Молодец: когда мы отчалили от румынского берега, он остался у нас на борте, не успев сойти на берег, и когда пароход был саженях в 4 от берега — соскочил прямо в воду и поплыл. 17-го ничего не ели (это в некоторой степени относится и к предыдущему дню). Ночь на 18 ходили кругом Систова, и всё бегом. Продрали верст 20 по горам, турок не нашли. Но и голод и страшная усталость вполне были вознаграждены для меня видом на Дунай с вершины горы за Систовым. Никогда не забуду этой картины. Еще вдобавок солнце только что всходило. 18 — ели и спали; ели, между прочим, компот (собственноручно мною изготовленный) из абрикосов и суп из буйвола. 19 — пошли вперед. Вылезли верст за 10 вперед цепью, ночью, в незнакомой местности, без конницы и пушек. Ушли назад за цепь и переночевали. Утром 20, поев кашицы, в 5 ч. утра вышли по той же дороге и дошли до позиции, о которой я писал от 21 числа.

Здесь собрались: наша дивизия, 4 батальона стрелков, 200 пластунов, куча артиллерии, гусары, казаки. Все это составило авангард армии. Здесь стояли до 22, потом опять вышли влево, прошли день, ночевали в поле, при чем мы (наша рота) всю ночь не спали, стоя на часах в цепи. Это очень трудно. Спать хочется, да к тому и ветер был жесточайший. Ночь черная, как сажа, ничего не видно, даже соседнего поста. Но турки были далеко и нас не беспокоили. Вчера, 23-го, пришли сюда, в деревню «Общая могила». Кажется, к ю.-з. от Систова.

Турки всё уходят и уходят. Наши гусары (эскадрон) наткнулись третьего дня на сильный отряд, посмотрели и ушли. Отряд тоже ушел сейчас же. Вероятно, они хотят засесть в Балканах, заняв сильную позицию. До тех пор боя наверно не будет.

Болгары рады ужасно. Проходим через деревню — все мужчины сбегаются, здороваются. Даже руки жмут.

Деревня, где мы стоим, наполовину черкесская, наполовину болгарская. Черкес, конечно, и духу нет. Их хаты наша дивизия жжет на дрова.

Совсем забыл написать: ваши письма я получаю вполне аккуратно, только не скоро. Ваши письма я получил *все*: 3 послед-

ние были от 7, 9 и 11 июня, и получил я их разом. От Раисы последнее было от 8.

Рубашек, чаю и холста я до сих пор не получал. Деньги вы, право, напрасно посылаете; у нас с Васей еще и прежние не вышли. В Румынии еще тратились, а здесь с 16 числа я и двух франков не истратил. Питает нас Иван Назарыч. Чай же очень пригодится. Солдатам выдают русский, а здесь — английский; в Румынии был французский — отвратительный. Впрочем, у нас до сих пор есть еще чай «Василия Перлова». До свиданья, дорогая моя! Цалую вас и Женю. Рае пишите, пожалуйста. До свиданья!

Вас любящий горячо *В. Гаршин*

От Володи писем нет и нет.

Сегодня ночью приснились мне Володя и вы в Петербурге. Какая-то суматоха, сумятица. Странно, что мне мог присниться сон: простояв предыдущую ночь в цепи да еще сделав небольшой переход, я страшно устал.

25 июня.

Нарочно распечатал письмо. Сейчас оно пойдет. Письма буду писать теперь *каждые две недели*. Чаще не будут отправлять из нашей дивизии.

Сейчас вернулся из деревни «Общая могила», названной так в память истребления болгар в 1852 г. Здесь было до 70 домов черкес, татар, абхазов и пр. и пр. Все это бежало, предварительно вконец разорив болгар. Что̀ они рассказывают — просто ужас (половину их речи можно понять). Я сам видел одного болгарина, израненного в трех местах.

До свиданья, цалую вас, дорогая моя!

Если возможно, пусть Ган пропишет опиуму сухого столько, чтобы его хватило унца на четыре тинктуры, и сказал бы, как растворить.

Если вы вышлете его нам, то спасете многих солдат от поноса, а может быть, и хуже. Мы с Васей уже почти истратили капли, купленные в Кишиневе, Бухаресте и Александрии. Каждый день солдаты просят, и скоро давать будет нечего. В лазарете же трудно добиться помощи, если не серьезно болен. Между тем не захваченный понос ведет к очень дурным последствиям.

102. *Е. С. Гаршиной*

2 июля 77 г.
Коссова, 10 в. к югу от Белы, на р. Янтре.

Пишу вам несколько строк, так как письмо надо отдавать. Жив и здоров. Вася тоже. В деле не были. Турки всё уходят. Сидим на месте: переходы маленькие. Посланных вами вещей еще не

получили. Времени писать больше решительно нет. До свиданья, дорогая моя! Крепко цалую вас и Женю. Будете писать Р. — поклонитесь.

Вас любящий *В. Г.*

103. *А. Я. Герду*

(Отрывок)

Черница (между Белою и Рущуком).
1877 г. 9 июля.

... Что писать, я решительно не знаю. Правда, впечатлений множество, но если бы я вздумал излагать их, то необходимо вдался бы в такие подробности, которые сделали бы доставку этого письма невозможною. Удивляюсь нашим корреспондентам! Как они ухитряются писать, лавируя между Сциллою и Харибдою, — достойное изучения явление.

Наша дивизия (35), как вы вероятно знаете из газет, прикомандирована к Рущукскому отряду. До сих пор я не слышал ни одного выстрела и до того привык к мирному характеру нашего похода, что мне теперь кажется, что мы и вернемся в Россию, не быв в бою. Впрочем, кто знает?

Вчера вернулся из довольно интересного путешествия. Из Коссова, где мы стояли раньше, мы, т. е. я, Афанасьев и еще трое солдат, были посланы в Тырново за покупками для роты. Мы отправились рано утром, а в 10 ч. нашей бригаде приказано было выступить, и когда мы вернулись из Тырнова, то не нашли на месте бивуака ничего, кроме золы и проч. признаков оставленного лагеря. Куда ушел отряд — неизвестно. Два дня блуждали мы и наконец догнали наш полк уже здесь, в Чернице.

Тырново — преинтересный город. Узкие, кривые улицы (узкие до того, что во многих местах разъехаться нельзя), двух-трех-этажные дома с выдающимися верхними этажами, открытые на улицу лавки и мастерские, водоемы. Болгаре радуются, вешают поперек своих переулков гирлянды, а в окнах лоскутки бумаги с надписями вроде: «Ура, ура, ура, царь Александр!» В деревнях этой радости меньше. Весьма понятные причины этого не могу изложить вам.

Говорить с болгарами не составляет особого труда, особенно с грамотными, знающими церковный язык. С одним же образованным лавочником я объяснялся совершенно свободно...

104. *Е. С. Гаршиной*

Рущукский отряд. 20 июля 77 г.

Дорогая мама! Жив и здоров. Письмо нужно отдавать сейчас же. Вася кланяется. Послезавтра — большое письмо.

Цалую вас. *В. Г.*

105. *Е. С. Гаршиной*

**Бивак у деревни Коцелево,
верст 10 к востоку реки Карс-Лома.
1877, 21 июля.**

Вчера я послал вам только несколько строк, потому что офицер, ехавший на почту, уже собрался, когда я узнал, что будет «оказия». Вы, вероятно, знаете о бое 14-го июля, в котором участвовали роты нашего (138) и Нежинского (137) полка. В бою были 1, 2, 6 и 2 стрелковые роты (7 и 8 стояли в резерве), а с нежинцами всего было в деле 9 рот. Турок было, говорят, до 5000 т. и на сильной позиции. Несмотря на то, они побиты, Азис-паша и полковник-венгерец (у него на клинке я сам видел надпись: Patrona Hungariae Virgo Maria). Убитых множество. Наши потери тоже немалы: 2-я стрелковая рота потеряла убит⟨ыми⟩ и ранеными — 52 человека! Правда, она пострадала больше других.

Здесь были лучшие турецкие войска, вооруженные превосходными ружьями (Пибоди и Мартини). Патронов они не жалели до того, что на позиции прямо стояли цинковые ящики с патронами.

В то время, когда был бой, наша рота стояла на аванпостах в другой стороне нашего бивуака. С нашего главного караула мы видели, как ушел наш батальон, а скоро услыхали и выстрелы (турки были за 12—15 верст, на самом Рущукско-Разградском шоссе). Если бы тревога случилась часом позже, мы были бы сменены шестою ротою и пошли бы в бой. Вместо этого мы остались на аванпостах на вторые ⟨сутки⟩, а потом, когда пришли измученные роты, бывшие в деле, остались стоять и третьи сутки. Это было очень тяжело.

Турки были разбиты, но наши не остались на позиции, а ушли сначала на свой бивуак (где оставались мы), а потом и сюда, в Коцелево. Отсюда наш батальон ходил на место боя (верст 20—22) убрать мертвых, и я видел не особенно красивую картину. Турки — огромный народ, жирные и еще более раздулись от лежанья на жаре. Зловоние ужасное. Но мы были вознаграждены за все — *нашли раненого. Пять суток* лежал он в кустах с перебитой ногой. Несколько раз турки ездили мимо него, но не замечали. Наконец 19 июля, через пять дней после боя, наша 6 рота набрела на несчастного.[58] Его подняли и принесли в Коцелево. Жизнь его вне опасности. Вот уж именно спасшийся чудом!

Теперь, кажется, нам долго еще не придется быть в деле. Не бойтесь за меня, дорогая мама! Кажется, я и вернусь, не побывав под пулями: видно, не судьба!

Вчера мы получили ваше письмо на имя Васи, но письма с 60 р., о котором вы упоминаете, еще нет. Зачем вы посылаете мне так много? Если не хотите огорчать меня, пожалуйста, не

делайте этого. Деньги здесь решительно ни на волос не увеличивают удобств. Все, что можно на них сделать, это купить по страшной цене водки, колбасы (4 фр. фунт самой скверной) или рахат-лукуму (12 фр. коробка) у нашего маркитанта. А между тем вы лишаете себя многого, посылая мне ничего не стоящие для меня деньги.

Мы ходили на место боя двое суток и в это время ели только сухари да еще сливы (4 сорта и отличные) и мед, найденный в пустой болгарской деревне. Была и птица, но не в чем было ее сварить, так как мы, выйдя налегке, не взяли с собой котелков. Да и некогда было. Этих неудобств деньгами не устранишь.

С нетерпением жду вашего письма с деньгами, но не из-за них. В письме на имя Васи вы говорите, что письмо с деньгами *большое*, я и жду в нем разных подробностей о Ег. Мих. и прочем и А⟨лександро⟩вых.

Вскоре после получения этого письма Рая, я думаю, приедет в Х⟨арьков⟩. (Ведь письма идут так долго!) Скоро буду писать и ей.

Что поделывает Женя? Не найдет ли он минутки приписать ко мне несколько строк?

От Володи наконец получаю письма. Последнее было от 16 июня. Пишу и я к нему, буду писать и сегодня.

Видно мои нервы совершенно окрепли. По крайней мере, вид поля битвы (через 5 жарких дней после боя) не произвел во мне никакого «потрясения». Я даже был чересчур спокоен. Странно, мне кажется, что если бы я увидел эти обезображенные оружием и временем трупы нарисованными, или прочел бы описание их à la Hugo или Эдг. Поэ, то более бы «содрогнулся». Наши убитые [солдаты имеют гораздо менее ужасный вид. Их меньше раздуло (худощавый все народ), и лица их не такие искаженные.

До свиданья, моя дорогая мама! Верьте, как верю я, что оно сбудется. Война не долго протянется — уж плохо приходится туркам. Если война кончится раньше 1-го декабря (наш срок службы), то я переведусь в Хар. губ. батальон и дослужу там свой срок, а потом — в Питер. И там буду работать не по-прежнему, уже не стесняясь никакими программами и не будучи обязанным сидеть за пробирными искусствами и гидравликами.

До свиданья, дорогая моя. Крепко, крепко целую вас. Женю тоже. Всем поклоны.

Послано 22 июля.

106. *Е. С. Гаршиной*

Ковачица, 29 июля 1877 г.

Дорогая моя мама, я думаю, вас очень смущало мое двухнедельное молчание (до письма от 22 июля). Поверьте, что в нем

я нисколько не виноват; я пользуюсь всяким удобным и не совсем удобным случаем, чтобы написать вам письмо. Но такие случаи не часты.

Писем я теперь пишу множество — солдатских. Как только мы располагаемся на одном месте, сейчас же просьба за просьбой. Конечно, никому не отказываешь, но писем очень много.

Вы знаете из газет (вероятно) положение 13 корпуса и можете судить, что наше положение не из опасных. Пока вы не прочтете в газетах, что 35 дивизия (и именно Болховской полк) участвовала в деле, вы можете быть совершенно спокойны за меня. А имя части, бывшей в деле, всегда пишется. Еще вы, вероятно, не знаете, что [illegible] рота находится во 2 батальоне.

Жизнь наша течет обыкновенною (если может быть в подобной обстановке что-нибудь обыкновенное) колеею. Ничего не делаем, ходим на аванпосты, переходим иногда с места на место. Наша бригада (Болховской и Нежинский (137-й) полки) с артиллериею — в резерве отряда. До нас, стало быть, черед не скоро дойдет.

Не желая терять времени даром, я понемногу пописываю. Писать, жаль, не часто приходится, а все дело в *механическом* писании, потому что в голове так много приготовлено за длинные переходы. Идешь и думаешь, думаешь.

Если бы образование было совместимо с физическим трудом, оно было бы гораздо плодотворнее. Лучшее время для размышления — когда тело занято трудом. От этого, быть может — нравственное и умственное превосходство (в большинстве случаев) простого народа над малограмотными писарями, лакеями, швейцарами и т. п.

Однако я философствую.

Во мне явилась совершенная уверенность в том, что я благополучно вернусь. Если это будет так, я не пожалею, что пошел воевать. Столько нового узнал я, так изменилось мое отношение к различнейшим предметам. Относительно «красноты» я пошел еще дальше в прежнем направлении. Я ясно сознаю теперь громадность мира, с которою пытается бороться кучка людей. [58а] И этот мир знать ее не хочет! И, быть может, только сама кучка, да родственники и знакомые ее членов, да административный контингент, назначенный для ее обуздания — знают об ее существовании. Как хочет В., а я не могу возвести всего этого в «явление»!

Солдаты с нами (особенно со мною) в самых дружеских отношениях. Не скрою, что это льстит моему самолюбию, тем более что расположения солдат не добиваюсь никакими «подкупательными» средствами, кроме разве писанья писем. Между ними есть несколько истинно хороших людей.

Живем мы понемногу, питаемся б⟨ольшею⟩ ч⟨астью⟩ гусями, которых в Болгарии множество, да сухарями, так как хлеба достать трудно. Впрочем, солдаты ухитряются собирать пшеницу, которая давно готова, но от военной неурядицы не жнется, молотить ее палками, молоть на местных «воденицах» (мельница; здесь ветряков нет, а все маленькие водяные мельницы, так как ручьев множество все текут с большой высоты), а то и просто двумя камнями, и печь лепешки. Фрукты уже поспели — сливы, груши. Яблоков мало, абрикосы отошли. Есть еще кизил, ежевика. Груши и яблоки и некоторые породы слив растут просто в поле, дичком. Вчера вся наша палатка (Иван Назар., Вася, Вас. Платон. Сахаров и я), кроме меня, объелись грушами до желудочного расстройства.

Турки от нас верстах в 10—12. Изредка 1-я дивизия и наша 2-я бригада имеет с ними маленькие стычки; мы же стоим спокойно и будем двинуты, если Солейман перейдет в наступление от Разграда.

Каждый почти вечер видно зарево далеких пожаров: то турки жгут болгарские деревни. При этом режут болгар нещадно. Несчастный народ! Дорогой выкуп заплатит он за свою свободу. Бесконечные нивы, перебегающие с холма на холм, стоят неубранными и уже полегли. Рожь (которую здесь сеют на 1/2 с пшеницей) высыпается. Какой урожай! Если такой бывает каждый год, то наша Малороссия, как «житница», Болгарии и в подметки не годится.

Чем дальше от Дуная, тем меньше посевов кукурузы, самого подлого хлеба, а все пшеница.

И все это пропадает даром, — разве наши солдатики понапекут себе лепешек. А какой бы здесь можно было завести рай!

До сих пор я не получил от вас письма с деньгами, о котором вы писали в письме к Васе. Что это значит? Вообще наша военная почта неисправна.

До свиданья, голубушка моя. Крепко вас целую. Женю целую. Всем поклон.

Пишите мне, бога ради, об Рае. Ведь с 11 июня я не имею об ней никаких известий. С следующим письмом к вам пошлю письмо и ей. К тому времени, как оно придет, быть может, она уже будет в Х⟨арькове⟩.

До свиданья! Целую вас. Пишите.

P. S. Сообщу об наших офицерах, кроме ротного командира. У нас два субалтерна; подпоручик Сахаров I и прапорщик Сахаров II. Они не братья и даже не родственники. Сахаров I — атлет телом, голубь душой и лев отвагой. Очень хороший, добрый человек. Сахаров II — большой кисляй, годный разве на затычку в каком-нибудь департаменте. Впрочем, добрая душа, но глуп

до чрезвычайности.[59] Теперь его нет; его отправили еще 10-го июля из Черницы в Систово за солью, и с тех пор о нем ни слуху ни духу.

Сахаров I — Василий Платонович — кончил курс семинарии и променял орарь иподьякона на сабельку армейского офицера. Сахаров II — Александр Михайл. — нигде, кроме юнк⟨ерского⟩ училища, курса не окончил.

P. S. Не думайте, что я пишу «вечным» пером. Оно давно истощилось.

107. *И. Е. Малышеву*

Ковачица. 29 июля 77 г.

Наиболее выдающееся событие нашей жизни вам уже описал Вася; поэтому не стану распространяться об нем. Скажу только, какое впечатление произвел на меня вид раненых, крови, трупов и прочих аксессуаров войны.

Я никогда не ожидал, чтобы при моей нервности я до такой степени спокойно отнесся к сказанным предметам. Трупы мы видели истинно ужасные; одного турку вместо того, чтобы зарывать, казаки обложили снопами и зажгли! Представьте, что из него вышло. Черная, обугленная масса, приблизительно подходящая по форме к человеческому телу. В некоторых местах трещины, в которых видно красное мясо. Череп оскалил зубы; они резко выдаются на черном фоне своею белизною. Там, где были ноги, — какие-то черные угольные бревна. Кости высовываются из них, потому что ступни отвалились. И все это от пятидневного лежания на солнце издает невыносимый запах. (Перечитав это описание, я всею душою пожелал, чтобы вам не пришлось его читать за столом.) И представьте, даже такое нехудожественное описание действует на меня самого более неприятно, более выворачивает душу, чем самый вид неизвестного правоверного.

Тоже и раненые. Неприятно слушать, читать об ужасных ранах, видеть их на картинах; но на самом деле впечатление значительно смягчается. А какие ужасные бывают раны! Я пересмотрел около 150 человек и видел страшно искалеченных людей. Особенно неприятны раны в лице.

Констатировано, что турки стреляли, между прочим, и разрывными пулями.

18 и 19 июля наш батальон (2-й) посылали прибрать трупы после боя. Турки лежали как посеянные. Наших было гораздо меньше. Да и сами-то они меньше. Турецкие солдаты (бывшие в этом деле) — огромный, жирный народ. Раздуло их в пять дней ужасно. На позиции осталось множество больших цинковых ящиков и целые груды гильз. Страшно подумать, что все это было высыпано в наши несколько рот.

Полковника-венгерца узнали по надписи на клинке: Patrona Hungariae Virgo Maria. Кроме того на белье у него метка латинскими буквами — А. М.

Обмундировка турок, аммуниция и оружие — превосходны. Ружья Снайдера лучше наших Крнка, но хуже Бердана, но зато ружья Пибоди лучше даже и Бердана. Заряжаются моментально. Кроме Снайдера и Пибоди у турок были еще «магазинные» ружья, из которых можно выпустить без перерыва чуть ли не 20 пуль.

Это-то хорошее оружие отчасти и было причиною турецкой неудачи. Имея огромное количество патронов и скорозаряжающиеся ружья, они не жалели патронов и сыпали пулями, не целясь, тогда как наши солдаты стреляли редко да метко.

Из газет вы, конечно, знаете где стоит 13 корпус и каково его назначение Быть может, к тому времени, как это письмо дойдет до вас, вы уже прочтете о деле, в котором мы, конечно, будем участвовать. Турки непременно будут наступать на нас от Разграда и Шумлы.

Теперь они от нас верстах в 10—12. Видно каждый день зарево то там, то сям. Это горят болгарские деревни. Самих болгар режут. Богатейшие хлеба, уже готовые (рожь даже осыпае ся), стоят неприбранными. Несчастная страна! Сколько она заплатит выкупа за свое освобождение!

Вообще турки — премилый народ Недели две назад казаки привели двух негодяев («мирных» жителей), которые изнасиловали девочку лет 15, а потом перерезали ей жилы на руках...

108. *Е. С. Гаршиной*

Ковачица. 3 авг. 77

Дорогая мама! Вчера я получил письмо от вас и Раисы В Копелеве Вася получил от вас письмо, в котором говорилось, что мне выслано 60 р. Письма с этими 60 р. я до сих пор не получил. Не думаю, чтобы оно пропало. Вероятно, застряло где-нибудь. Но меня очень интересует самое письмо: во-первых, потому, что оно, как вы пишете, большое, а во-вторых, Р. пишет мне, между прочим, что «именье продано». Между тем в вашем последнем письме об этом ничего не сказано, конечно, потому, что в письме с деньгами сказано все, что касается до этого дела. Имейте это в виду; в вашем следующем письме я просил бы вас повторить содержание письма с деньгами.

Живем мы благополучно изо дня в день Скука ужасная, сидим на месте, ждем турок из Разграда. Пойдут ли они на нас, чтобы сбить наш отряд и прорваться к Тырнову, или убоятся,

не знаю. Должно быть струсят, хотя числом их, вероятно, больше.

В одном из ваших писем вы пишете, что вы знаете из газет о нашем местопребывании на «знаменитом Коссовском поле». Это вовсе не то Коссово. Знаменитое Коссово п. от этого верст 200—300, в Старой Сербии.

Получили ли вы мое письмо с турецкою кредиткой? С этим письмом посылаю через вас письмо и к Р. Если она еще и не приехала, то не посылайте письма в С⟨таробельск⟩. Во всяком случае письмо это дойдет в Х. не раньше 18—20 авг., так что недолго останется до приезда Ал⟨ександровы⟩х в Х⟨арько⟩в.

Несколько дней назад у нас шли проливные дожди. В первую ночь пришлось жутко, потому что в палатку подтекло, и нас вымочило насквозь. Утром окопали палатку, высушились и потом благополучно спали совершенно сухие. Что бы это было без палаток? Впрочем нам пришлось мокнуть и без палаток сначала до Бухареста.

Здоровье наше (т. е. войск) пока ничего себе. Есть больные, но не то, чтоб очень много. Большею частью болеют поносами, но серьезной формы болезни пока еще не бывало. У турок в Разграде, говорят, кровавый понос.

От сиденья на месте и ничегонеделанья офицеры дуются в карты, пьют. Конечно, не все практикуют и то и другое занятие, но каждый непременно избрал себе одно из них. Генералитет наш доходился до того, что вчера плясал канкан под звуки полкового оркестра. Представьте кадриль: три полковника и генерал! Все лысые... А кругом целая куча «нижних чинов» любуется поучительным зрелищем. У меня все нутро перевернуло. Так и вспомнились слова А. И.:

Солдат наш грудью брал...

Да что! Писать много нельзя. Что хотелось бы передать, то можно передать только лично.

Вчера же получил от Миши Малышёва письмо такого содержания: «Еду охотником. Расскажу всё по приезде. М. М. 12 июля, Спб». Больше ничего. Он еще раньше писал нам об своем намерении ехать в армию. Ему ехать — это совершенная глупость. Долго было бы объяснять вам — почему. Воинской повинности он не подлежит. Ждем его, конечно, с нетерпением, но в то же время, конечно, и с огорчением.

Скоро кончится война или нет, вам лучше знать, так как вы во-время читаете газеты. Но мне кажется, что скоро. Ах, какая будет радость, когда я всех вас увижу! Дорогая моя мама! Верьте, что я вернусь живой и бодрый. Если имение действительно продано, уедем в П⟨етербург⟩, там найдем себе дело.

Вот уже три месяца, как мы из России. Три месяца тому назад я прыгал через канавку у пограничного кордона. Как много значит эта канавка! Сколько осталось за ней дорогого! И здесь, в этой роскошной стране, где и тепло и сыто, и виноград растет — я ни за что не остался бы.

Иногда ужасно тянет в Россию. Не говоря о том, что тянет к своим, просто хочется увидеть самую землю-то русскую.

До свиданья! Цалую вас и Женю. Кланяйтесь всем. Людвигу Ивановичу ⟨Прохаско⟩ низкий поклон. Спасибо, что не забывает меня.

До свиданья, мама.

Вас любящий *В. Г.*

В. кланяется.

109. *Е. С. Гаршиной*

9 августа 1877
Ковачица.

Дорогая мама! Сейчас переходим куда-то в другое место, кажется, недалеко. Не зная наверно, можно ли будет оттуда посылать письма, пишу эти несколько строк. Все благополучно, ничего особенного не случилось. Поцалуйте Женю, Рае поклон. Решительно не могу написать ей ни строчки: сейчас надеваем ранцы.

До свиданья, цалую вас.

В. Г.

110. *Е. С. Гаршиной*

13 авг. 77 г.
35-й дивизионный лазарет в Водице.

Дорогая мама, я *легко ранен* при Аляслярe, 11 августа. Рана пулей в ногу повыше колена, по поперечному диаметру. Пуля прошла так счастливо между костью и артерией, что не задела ни той, ни другой. Опасности нет никакой, даже для ноги.

Сегодня едем в Белу, оттуда в Систово и т. д. до России.

Увидимся, быть может, через месяц.

О бое не пишу, было бы долго, да и из газет знаете. О себе скажу, что дрался я хорошо, даже выше своего ожидания, Вася тоже. Он и брат живы и целы. До свиданья, дорогая моя. Раю и Женю цалую.

Ваш *Всеволод*

Прилагаемое поскорее перешлите Володе. У нас в роте 14 ран. и 3 убитых.

111. *Е. С. Гаршиной*

Бела. 56-й военно-временный госпиталь.
16 августа 1877

Дорогая мама! Вы, вероятно, уже получили письмо с известием о моей ране. Попробую рассказать, как было дело.[60]

Наша бригада (137 и 138 п. п.) стояла в Ковачице в качестве резерва. 9 августа нас (2 и 3 батальоны нашего полка) выдвинули вперед в Папкиой. Здесь уже несколько дней происходили небольшие дела, так что почти все войска 13 корпуса (кроме нас) были в стычках.

10 завязалось серьезное дело.

Айяслар — деревушка около речки Кара-Лом. Левый (наш) берег спускается к руслу речки холмистою покатостью; на правом, турецком — значительные высоты. Турки засели на них. Они всё прибывали и прибывали. Сначала наши действовали только артиллерийским и ружейным огнем, но вечером (луна светила во всю физиономию) пошли в атаку на крутейшую гору, вышиною в несколько десятков сажен (на самой вершине гора так крута, что когда меня тащили на носилках, то их пришлось поставить на склон и стаскивать: нести было нельзя).

В это время наш и 3 бат⟨альон⟩ Болх⟨овского⟩ полка лежали в $1^1/_2$ — 2 верстах от позицьи в резерве. Нам очень ясно было видно по огням выстрелов, как турецкая цепь подымалась выше и выше. Наши наступали снизу, очень редко стреляя. Зато турки не жалели патронов. Залетные пули доставали и до нас: целую ночь они пели мимо наших ушей. Неприятно лежать и не шевелиться, когда каждую секунду слышишь такое пение. Одному солдату такая пуля попала прямо в сердце, несколько человек было ранено. В нашей роте разбило барабан. Можете судить, какие у турок ружья; пули действительны на $1^1/_2$ версты!

Турецкие выстрелы начали вспыхивать уже на самой вершине горы. Послышалось «ура»! Огоньки скрылись за горой, но треск выстрелов не прекратился, потому что сбитые турки заняли следующую высоту. Тут прекратила свое действие наша артиллерия, так как ей пришлось бы стрелять через высокую гору и не зная, куда полетят гранаты, в своих или турок.

Софийцы держались на гребне до утра. На рассвете нас повели им на смену.

Пули свистали чаще и чаще, лезть в гору было тяжело, высоко. Однако мы вскарабкались, прошли с четверть часа по гребню и выскочили из кустов на открытое место. Никогда я не забуду той картины, которая представилась нам. Позади гребня оказалась лощина, за которою опять подымалась возвышенность. За той — еще и еще. Низ лощины и противоположный нам

склон ее весь белел и дымился. Это стреляли турецкие стрелки. Гребень противной нам высоты был покрыт войсками. Там стояли и пушки.

Мы рассыпались в цепь перед курганом, возвышавшимся на гребне. Пули свистели так, что отдельных взвизгов не было слышно: всё слилось в общее шипенье. Люди изредка падали. Мы вообще стреляли очень редко и, как я заметил на себе и других, очень тщательно прицеливаясь.

Восемь орудий на другой стороне лощины, до сих пор стрелявшие не в нас, вдруг начали пускать гранаты прямо в нашу цепь (с расстояния 1200 — 1300 шагов). Гранаты не так истребительны, как пули, но нравственное действие производят очень сильное. Пуфнет дым белым шаром, издали слышен визг, а когда граната пролетит мимо, он переходит в какой-то скрежет. Хуже же всего разрыв; если близко, оглушит, засыпет землею, которая, как фонтаном, брызжет на несколько сажень вверх и в стороны. Одна разорвалась передо мною шагах в шести: я лег ничком, и вся масса обломков, картечи и земли пронеслась над моей спиной. Вообще пушки стреляли замечательно метко.

На другом склоне показалась колонка. Она бежала вниз, в лощину, непрерывно стреляя, и мы обратили весь огонь на нее. Но турки шли и шли и через пять минут были у нас на носу. Цепь отхлынула назад шагов на 20; я, не заметив этого, остался один. Как меня не подняли на штыки, не знаю. Турки не добежали до меня разве потому, что не успели: наши закричали «ура» и бросились на них, и я очутился опять между своими. Турки бросились удирать; удирают они замечательно: прыгают вниз по горе, поджавши обе ноги, и все время стреляют назад, не оборачиваясь, а просто закинув ружье за плечо. Вообще они патронов не жалеют и жарят непрерывно на ходу, на бегу, идя вперед или назад.

Только что мы их погнали, меня хватило по всему телу что-то огромное, и я упал. Впрочем я скоро опомнился, сел, затянул себе платком ногу выше колена и пополз. Шагов сто спустя меня подняли — наш барабанщик и у⟨нтер⟩-офицер и дотащили до носилок. Через два часа я уже ехал с перевязочного пункта в дивизионный лазарет (откуда писал вам), а 14 был здесь, в Беле. Здесь придется быть еще неделю-полторы, а потом — в Зимницу, во Фратешти, Бухарест, в Россию, в Х⟨арьков⟩. Через месяц, а самое большее два увидимся.

О ране я уже писал вам: идет она очень хорошо, совсем очистилась. Уход тут отличный, кормят хорошо, да есть у меня и немного денег, так что винограду истребляю ежедневно фунта три.

Ну вот, вы писали, что война протянется долго! Дела под Шипкой, окруженный Осман-паша, наш вполне удавшийся отпор.

Наши *реляции* всегда *очень правдивы*, но корреспонденты!!! Это между прочим... Особенно эта скотина Каразин.

Корженевский у нас. Какой это славный человек и какая умница По поводу того, что наш перевязочный пункт работал под пулями, как он разнес наш генералитет!

Писать ко мне вам нельзя, так как не знаю, где и когда я буду. Но я писать постараюсь при всякой возможности.

До свиданья, дорогая мама! Целую вас и Женю. Всем кланяюсь. Жениным товарищам, Василию Лукичу ⟨Спасскому⟩ (нижайший), Прохаскам, Гинцбург и пр. и пр. Если Людвига это письмо еще застанет в Х⟨арькове⟩, кланяйтесь ему и попросите передать мой поклон Жукову (его сожителю) и Ефимовым.

До свиданья!

Вас любящий

138 пех. Болх. п⟨олка⟩ унтер-офицер

Вс. Гаршин

Васю тоже произвели и за то же дело. В бою мы с ним разошлись и увиделись только 13 числа в дивизионном лазарете.

112. *И. Е. Малышеву*

(Отрывок)

Бела. 56 военный временный госпиталь. 20 авг. 1877 г.

... Пишу к вам лежа; поэтому прошу извинить за, может быть, уж слишком дурной почерк. Вероятно вы уже знаете от В. ⟨Афанасьева⟩ о том, что мне прострелили ногу. Рана неопасная, но все-таки придется провозиться с нею месяца 3—4.

Лежу я в 56 военном временном госпитале. Так как В., вероятно, описывал вам бой, то о нем умолчу. Могу сказать, впрочем, что мы лицом в грязь не ударили. Я удивлялся сам своему спокойствию: жаркий спор с вами из-за жидов (в былые времена) производил во мне гораздо большее волнение. В. скажет вам то же самое. Гранатам, конечно, кланялись земно, да и нельзя было не кланяться: без этих поклонов разнесло бы на кусочки. Пахнёт дым (орудия стояли от нас всего на 1200—1300 шагов), жужжит граната, прямо на тебя. Бросишься ничком и через секунду, когда с воем и визгом пронесутся над тобою осколки, встаешь, весь засыпанный землею. Около — ямы: это место, где «она» разорвалась.

Меня ранили (точно дубиной хватило) тотчас же после того, как мы отбили турецкую атаку. Помню, как я сел на землю и закрывал оба отверстия раны руками. Кровь лилась: я перетянул ногу выше раны платком, снял с плеча шинель, сухари, отстегнул патроны и пополз. Ах, как трудно ползти с простреленной

ногой, да еще под выстрелами, когда пули визжат и лопаются около твоего носа. Гранаты рвало чуть не около меня. Однако бог спас, я протащился шагов с сотню; тут меня подняли наш барабанщик и еще какой-то унтер-офицер и повели. Больная нога цеплялась за кусты... С полверсты вели они меня, наконец встретили носилки, и я закачался на них. Это была сущая благодать. Через два часа я уже ехал, перевязанный, на фургоне в дивизионный лазарет.

О нашей санитарной части я ничего не могу сказать, кроме хорошего. Такая заботливость, такой уход, что хоть куда. Сестры — сущие ангелы, не торчащие даром, а работающие не хуже докторов.

14 авг. нас привезли сюда, в Белу. Здесь пробуду я, быть может, недели две.

Лежу, конечно, целый день (нога в лубке), ем (винограду фунта по 3 в день), пью, сплю. Два раза в день перевязка: сквозь рану просунули дренаж и промывают карболовой кислотой.

Сейчас приехал транспорт раненых 140-го Зарайского полка. Это дело 18-го августа. Бедные зарайцы целый день держались против целой армии! Убитых и раненых множество.

Вообще наша дивизия хоть из молодых, а уж потрепаны изрядно все четыре полка. Рядом со мною положили офицера с раздробленною стопою.

113. *Е. С. Гаршиной*

Бела. 56-й военно-врем. госп.
23 авг. 77 г.

Дорогая мама!

Сегодня я последний день в Беле: вечером отправляется транспорт, который отвезет нас в Систово. Третьего дня к нам прибавилось раненых; это зарайцы из дела 18 августа. Бедный Зарайский полк целый день дрался против 20-тыс. армии турок. Зато и досталось им! 14 офицеров выбыло, солдат до 400.

И опять «солдат наш грудью брал»... С этими солдатами можно было быть уже в Константинополе.

Рана моя идет хорошо, совсем чистая и подживает. Впрочем, проваляться придется еще долго, так что, вероятно, не удастся вернуться в полк.

Третьего дня я был поражен и обрадован внезапным появлением Миши Малышева. Он поступил-таки охотником. Он «следовал» с командою от Фратешти сюда и далее в полк и, узнав, что я лежу здесь, прибежал. Очень мне было приятно поболтать часок с ним.[61] Из П‹етербурга› он привез кучу поклонов, мой револьвер и еще подарок от некоего Запорощенки (знакомый старичок) — хорошенькую записную книжку. От него я

взял деньги, так что деньгами обеспечен теперь до самого Харькова.

Сегодня мы слышали гул орудий с запада; вероятно, это идет бой под Плевною. Давно пора.

С тех пор, как привезли зарайцев, у нас в палатке 15 человек. Сильно раненых нет, так что все веселы и разговорчивы. Впрочем, у одного пробита грудь навылет и контузия в голову. Ничего, ходит.

До свиданья, дорогая моя мама; писать, право больше нечего. Весь мир у меня — койка, столик да кусок палатки.

До свиданья, целую вас. Жене et C° поклон.

Вас любящий *Всеволод*

Сейчас доктор сказал, что сегодня отправят только больных, раненые остаются. Так что еще на два или три дня я останусь здесь. Во всяком случае еду с первым же после этого транспортом.

В. Г.

114. *Е. С. Гаршиной*

Госпиталь во Фратешти.
29 авг. 77.

Дорогая мама!

Сегодня благополучно добрался до Фратешти, выехав из Белы 25 августа. Ехал я один в повозке, так что было довольно удобно.

Сейчас перевязка, поэтому не могу писать много, да и нечего. Сейчас узнали о взятии Плевны. Завтра — в вагоны и в Россию.

До скорого свиданья, милая моя мама! Всем кланяюсь.

Ваш *Всеволод*

114а. *М. Н. Кулешову*

〈29—31 августа 1877 г.〉

(Отрывок)

...Наконец, доехал. Всего растрясло. Очень изнурен и никак не могу дождаться, когда отправят в Харьков...

115. *В. Н. Афанасьеву*

(Отрывок

〈6 сентября 1877 г. Харьков〉 [62]

25 авг. нами нагрузили транспорт и повезли. Шоссе каменистое, трясет, да еще хохол, чтобы подогнать, иногда катает рысью. Мы ночевали около той самой горы, где, помнишь, у нас был большой бивуак. Холод был страшный, и я простудился

и схватил лихорадку. Совсем она меня изнурила. Да еще рана, не перевязанная два дня, уже начала вонять. Просто беда. Приехали в Фратешти, переночевали, а утром я уже катил на санитарном поезде Берлинского креста. Очень хорошо ездить на этих поездах. В Яссах нас пересадили на поезд Александры Иосифовны. Ехал я на нем до Бирзулы, а отсюда просто во втором классе...

116. *В. Н. Афанасьеву*

(Отрывок)

12 сентября 1877 г.

...Ежедневно ко мне являются разные посетители; жду скоро даже одного генерала. Десятки раз приходится мне повторять о нашем положении, о турках, как они вооружены, каково дерутся и пр., и пр. Надоело порядком. Надоело также и валяться. Уж второй месяц, как я нахожусь в горизонтальном положении, да кажется придется оставаться в нем еще не один месяц. Рана идет хорошо, но страшно медленно. Уж очень много мяса выхватила проклятая пуля. А тут еще любезная сестра милосердия помогла: обожгла ногу чистою карболовою кислотою. Обжог мучает еще больше раны.

117. *Неизвестному*

(Отрывок)

<Сентябрь 1877 г. Харьков.>

Дорогой мой, знаешь ли ты, что твое хроническое горе до того въелось в мое существование, что в самые мучительные дни похода, в те дни, когда не хотелось бы думать ни о чем, и тогда часто вспоминался мне другой мир страданий, тот, что сидит в твоем больном организме. И думал я, что ни мои кровавые мозоли на ногах, ни перетянутые ранцем и винтовкою плечи, ни голоданье, ни жажда, ничто не может сравниться с тем, что испытываешь ты, что испытывать доводилось и мне...

118. *Н. С. Дрентельну*

(Отрывок)

25 сентября 1877 г.
<Харьков>

Мне дали Георгия.[63] Несмотря на такое поощрение моей храбрости, я вовсе не желаю (отхотел) снова итти в огонь. Постараюсь вывернуться: взять отпуск для совершенного выздоро-

вления на многие месяцы. Если дадут на продолжительный срок, то в январе увидимся, ибо я явлюсь в Петербург. Примусь за работу снова и на этот раз уж совсем по-своему. Что из этого выйдет, еще не знаю. Только план моего самообучения курьезен...

119. *В. Н. Афанасьеву*

(Отрывок)

〈5—6 декабря 1877 г.〉
〈Харьков.〉

Послезавтра утром я уезжаю в Питер, без денег, больной, но все-таки еду. Очень уж захотелось Питера. Предвижу в нем не мало себе затруднений. Хотя литературная работа теперь для меня вполне обеспечена, но вот загвоздка: в 55 (кажется) № «Летучего В. Листка» есть приказ, воспрещающий «военнослужащим» всякое литераторство. Но я буду писать, пока не посадят. К январской книжке, думаю, поспею написать новенькое.

Мне, к удивлению моему, дали (без всякой с моей и матушкиной стороны просьбы) отпуск *на год,* а что еще лучше — даровой билет до Петербурга. Впрочем, нога у меня попорчена надолго — это верно. Болит часто, устает после полуверсты ковылянья на палочке.

Болею еженедельно и все разными напастями. Теперь желудочная лихорадка... Просто горе. Нервы расстроились совершенно и все мое спокойствие, приобретенное за поход, пошло к чорту...

120. *Е. С. Гаршиной*

〈11 декабря 1877 г.〉

Дорогая мама, пишу несколько строк, только чтобы известить о приезде. В доме благополучно: Володи дома не застал, он пришел поздно вечером. Буду писать тотчас же, как побываю у знакомых и устроюсь.

Мы с В〈олодей〉 занимаем большую комнату, ту самую, где мы жили с Васей. Ее переделали, и она отличная. До свиданья. Скоро напишу.

Ваш *Всеволод*

Всем поклон.

11 дек. 1877 г. СПБ.

121. *Е. С. Гаршиной*

16 дек. 77 г. СПБ.

Дорогая мама!

Мне положительно везет: сегодня получил формальное приглашение участвовать в «Слове», новом журнале, составившемся из умерших «Знания» и «Молвы». Журнал толстый, как «В. Евр.» или «О. З.», и преизящное издание. Я должен к 12 янв. уже доставить свою маленькую повесть, так как книжки «Слово» будут выходить аккуратно 1 числа каждого месяца. [64]

Сегодня объявил Нотовичу, что прибавлю себе плату. За 3 коп. писать неприлично просто.

Из «Стрекозы» забыл послать вырезку, да и не стоит, скоро сами прочтете. [65] Когда напечатают, вышлю №.

Первый отчет о выставке будет (в «Новостях») в воскресном № или около того. [66]

Вот всё, что я успел сделать здесь относительно будущего. Кажется, что ничего. А впрочем, в настоящую минуту я обеспечен работою, а о будущем думать нечего.

Дорогая моя мама, много я собираюсь писать вам, да не пишется. Очень мы ушли друг от друга за эти три месяца моей болезни, так далеко, как никогда. Входить в разбор причин этого я не буду, опять затронутся самолюбия и всякие «сильные» чувства. Если бы вы относились к некоторым обстоятельствам моей жизни совершенно объективно, было бы другое дело. Это мое мнение, которого ничто не изменит; я могу только жалеть, что так случилось...

Бросим это в сторону и не будем никогда заговаривать.

Был я встречен здесь с восторгом всеми, да и до сих пор еще не всех обходил. Чувствую себя очень счастливым и здоровым. В самом деле: петербургский, родной мне воздух, что ли, так действует, только я чувствую себя совершенно здоровым.

Вчера сидел часа четыре у Павла Михеев. ⟨Новикова⟩. Он такой славный стал: изменился к лучшему значительно: мягкий и добрый. Вам кланяется. Вообще печалится и тоскует.

Работы (даже только по худож. критике) у меня настолько много, что о будущем, по крайней мере до февр., не забочусь. А там подоспеет «Слово». Я очень бы хотел попасть туда художественным рецензентом и, кажется, это дело может выгореть.

Писать ли вам о своих знакомых? Герд работает, инспектор у Оболенской. Осенью открывает свою мужскую гимназию. Дети и Н. М. здоровы. Латкины не совсем благополучны, Лина больна постоянно: такая худая, бледная. Пузино неизменны. Гергейсты работают как всегда. У М. М. Латкина сын, у Ив. Ег. Малышева

тоже новый. Марья Дмитриевна вчера провалилась на экзамене, но будет держать переэкзаменовку.

Перечисление нужно кончить, а то не хватит места, да и долго сообщать обо всех: очень уж много. До свиданья, моя дорогая; пишите мне на Офицерскую, д. 33, кв. 38.

До свиданья. Жене, В. А., медицине и всем поклон.

Вас любящий

Вс. Гаршин.

1878

122. *Е. С. Гаршиной*

1 янв. ⟨78⟩ СПБ.

Дорогая мама!

Вот уж четвертая неделя, как я уехал из Х⟨арькова⟩, а до сих пор не получил от вас ни строчки, кроме двух или трех, присланных с Мишиным письмом.

С Нотовичем я разругался и отказался писать у него, прося возвратить рукописи, но он до сих пор не присылает. Если вздумает печатать, подниму скандал. Он сделал против меня порядочную гадость и теперь рад бы вернуть: уже дело шло об извинениях, но я, кажется, не вернусь. [67]

Сегодня для меня торжественный день: приглашен на обед к Г. З. Елисееву. Увижу всяких литературных человеков. Опишу вам, конечно, все подробно.

Жена (собств. сожительница) Елисеева по имени Екатерина Павловна. Фамилии еще не знаю.

Пригласил меня сам Елисеев, когда я пришел прощаться с Некрасовым. Да, попрощались, похоронили! Похороны были мирные, величественные. Впрочем, без глупостей не обошлось. Сравнивали с Лермонтовым, Пушкиным и даже ставили выше. [68] Венки с надписями несли часть пути

две бабы русские,
Коровы холмогорские,
Не бабы — глаже нет [69].

Все это пошло и глупо. Тяжело было на похоронах, очень тяжело. Помните, как вы плакали, хороня отца, которого ведь вовсе не любили? Вы плакали о своей жизни. Вот тоже и я испытывал.

Вообще мне здесь хорошо.

Еще не знаю, куда попаду из «Новостей». Поэтому с 1 числа, вероятно, «Нов⟨ости⟩» вам не будут высылаться. Как только «вступлю» куда-нибудь, сейчас же буду высылать.

Был у В. Ф. Эвальд. Как он обрадовался, как мальчик. Чуть не задушил меня. Хороший все-таки человек.

До свиданья, мама; надо уже собираться.
Целую вас. Ж. и В. поклон.

В. Гаршин

123. *Е. С. Гаршиной*

⟨9 янв. 78⟩

Дорогая мама! Напишите мне, наконец, хоть несколько строчек! Я не могу объяснить вашего месячного молчания случайными причинами. Не случайные же я плохо перевариваю.

Напишите хоть несколько строчек. Это не обязывает вас писать ко мне то, чего вам не хочется; напишите только в чем дело, зачем это молчание. Ничего нет хуже невыясненных положений.

До свиданья.

Любящий вас *Всеволод Г.*

P. S. На прошлой неделе был у Елисеевых. Ее зовут Екатерина Павловна. Низенькая женщина, очень говорливая.

В. Г.

Посылаю письмо только сегодня (9 янв.). Ах, мама, мама! Неужели действительно неслучайные причины так сильны?

До свиданья, голубушка моя мама, пишите, бога ради. Пишите без всяких «выяснений», если они вам тяжелы. И мне тоже ведь они не легки.

Ваш *Всеволод*

124. *Е. С. Гаршиной*

17/I. ⟨78⟩ СПБ.

Дорогая мама!

Сегодня получил от вас 100 р. и письмо; как кстати пришлись мне эти деньги. А то ведь я был гол как сокол — ни лампы, ни подсвечника, ничего. Теперь я уплатил маленькие долги, выдал «авансы», заказал сапоги, купил Ф. В. ⟨Гану⟩ альбом за 10 р. и Рае «Руслана» и все еще есть деньги. (О Руслане и альбоме пока умолчите. Переплетчик задерживает «Руслана»).

Если бы я хотел теперь печататься, то мог бы зарабатывать и большие деньги. Кстати: меня пригласил Прахов (ред⟨актор⟩ и проф. унив⟨ерситета⟩ и Ак. худ⟨ожеств⟩) участвовать еще в «Пчеле». Но это не входит в мои расчеты. Я работаю довольно много, а печататься буду только в крайнем случае. Поэтому я очень обрадовался 100 р.

Итак, расчеты кончены. Относительно крестов брату и отцу, не знаю, зачем меня было и спрашивать. Неужели я мог бы когда-

нибудь отказаться дать несколько дес⟨ятков⟩ рублей на такое дело?

Здесь, в комнате, где пишу это письмо, думаю засесть по крайней мере на годы. Здесь мой университет; впрочем, я буду слушать кое-что и в унив. (по историческому и юридическому фак.).

Дитятин-то! *Доктор государственного права.*

Ужасно жалею, что не мог попасть на диспут. Как он, господи, хорошо говорил. «Вы однако очень *стреляете* в правительство», сказал ему Андриевский. «Не я, факты стреляют» ответил Д⟨итятин⟩. Конечно, хлопанье неистовое.[70]

Три извощика, отец и братья, тоже были на диспуте. Студенты жали им руки и даже, кажется, обнимали.

Пав. Мих. ⟨Новиков⟩ вам очень кланяется. Через два месяца решается его судьба. Получили ли вы мой новый адрес? Комната у меня хорошая (я плачу за нее только 5 р. доплаты). Купил я себе стол простой, большой, обтянул клеенкой и так славно теперь, даже аристократично. Лампа тоже очень хорошая. Кормят отлично. Словом, я достиг того, что мне не хочется уходить из дома, как бывало прежде.

Передала ли вам Р. мою просьбу относительно 2 дюж. карточек. Я просил бы Женю заказать мне их в Пет. фот⟨ографии⟩ и выслать сюда. Одну пожалуйста вложите в альбом Гану. Альбом очень простой, но изящный и стоит 10 р. Вышлю я и альбом и «Руслана» в субботу.

Получили ли вы мое письмо для передачи Жоржу? Об Ив. Мих. здесь ни слуху, ни духу. Право, мама, его никто не думал «ссылать». Да и нельзя с ним этого сделать. Во всяком случае он в С⟨таробельс⟩ке не будет уже к лету (опять-таки если с его стороны не встретится сопротивления).

До свиданья, голубчик мой.

Крепко целую вас.

P. S. Обременю вас просьбою: очень бы мне хотелось знать, где та большая чернильница, ваш подарок? Если она в Х⟨арькове⟩, нельзя ли ее выслать? Мне кажется, ехавши на войну, я завез ее к вам.

До свиданья, голубушка моя. Целую вас. Всем поклон. Ф. Г. и его невесте особеннейший.

125. *В. Н. Афанасьеву*

(Отрывок)

⟨Около 17—20 января 1878 г.⟩

Литературные мои дела находятся в блестящем положении, если брать «потенциал». Только пиши, а брать везде будут.

в некоторые журналы («Слово», «Пчела») я приглашен самими редакциями. Но печататься теперь я буду только в крайнем случае. Пишу, правда, я довольно много, но все это для меня этюды и этюды; выставлять же их я не желаю, хотя уверен, что они шли бы не без успеха. Буду печатать столько, чтобы только просуществовать...

126. *Е. С. Гаршиной*

25 янв. 78 года.
СПБ.

Дорогая мама!

Сейчас вернулся из Горного института, где видел товарищей, Лисенку (профессор) и проч.

Скверно на меня подействовало это посещение, так стало жаль трех лет, проведенных как в гробу! В лаборатории, где работают теперь мои прежние товарищи, еще ничего, но в других местах такой мрак, тоска.

Живу я мирно и тихо; сплю только мало и не знаю, как этому помочь. От 9 до 11 у меня занятия с Казей (Казимир), моим учеником, потом день свободен. Но как-то всегда выходит, что за работу как следует сядешь часов не раньше 8, 9 вечера и сидишь до 3, 4. Усталость иногда дает себя знать.

Писал ли я вам, что я, В⟨ася⟩ и М⟨иша⟩ представлены в офицеры? Не знаю, что думать об этом, радоваться или печалиться? Соображение о состоянии в запасе с одной стороны, а с другой — разные приятности от благородного чина. Впрочем, отказываться уже и нельзя: быть может уже и состоялось мое производство.

Поздравляю вас с миром. Дай господи, чтобы он был покрепче. 90 т. убитых и калек, 500 т. долга! Вот что уже дала война. Что-то будет дальше.

Трепов умирает. Вероятно вы уже читали подробности о покушении. Кажется Петербург рад. Между прочим радуются и кабатчики, которые вот уже три года подряд, как рассказывают, подносят Т-ву на Нов. год подарок: прекрасный, овчинниковской работы гроб из серебра, со вложением его собственной фотографической карточки.[71]

Пишите, получили ли вы подарки Гану и Р.? Федору Васильевичу я бы написал письмо, но как-то конфужусь. Если удобно, передайте ему мою искреннюю признательность за теплоту, с которой он всегда помогал мне. Было бы больше денег, подарил бы лучшую вещь, да 100 р. разлетелись в прах живехонько.

Теперь я обеспечен на 2 месяца комнатою, едою, чаем, сахаром, сигарами, керосином и книгами, которых тоже пришлось купить несколько штук.

Принялся за Канта «Критику чистого разума» и нахожу, что вовсе не так трудно, а главное вовсе не так смешно, как

обыкновенно болтают невежественные субъекты. Книга, дающая уму гимнастику и наводящая на очень большие раздумья.

Вообще покуда собою доволен; не знаю, надолго ли. Да и доволен-то — сравнительно с пребыванием в Г. И. конечно.

Хотя пописываю, но печатать ничего не буду до весны, разве что-нибудь маленькое.

До свиданья, дорогая моя мама. Целую вас крепко, крепко. Если бы можно было вырвать многое, да так чтобы *дырок* не осталось...

До свиданья, голубушка моя.

Всем низкие поклоны.

Ваш *В.*

127. *Е. С. Гаршиной*

⟨Около 10 февр. 1878 г.⟩

Дорогая мама!

Билет я получил двумя днями раньше, чем письмо и деньги, и поэтому, думая, что вы присылаете мне его вместо денег, старался его реализовать, но безуспешно. Здесь даже в Гос. банке его не берут.

Сегодня я сделаю на нем трансферт и перешлю вам.

Гинзбурги приехали. Что сказать вам о них? Разве вот что — мне кажется, что мы оба были введены в заблуждение: Б. М. вовсе не так умен. Иногда мне кажется, что он просто глупый, хитрый и подлый жид. Его стенания о том, что Варшавский и т. подобные захватывают миллионы, «а тут вот как собака бьешься, бьешься и *увсе ничего*! — *Игде* же, вы скажите мне, В. М., справедливость?» Это он мне буквально так говорил. Настолько глуп человек, что не понимает, кто его будет слушать, кто нет.

Маничка произвела на меня самое неприятное впечатление: бонтонность такая, что святых выноси. Всего она «не может»: и кушать того, что ей не нравится, и жить в квартире приличной, но не удовлетворяющей ее своею полнотою. Особенно мне они противны показались при ген. Макухине: лебезят оба, чорт знает чего, перед этим старым казнокрадом.

Тошно право.

По поводу вашего мнения о том, что мне не следует молчать, чтобы публика не забыла, скажу вам, что, если я стою того, чтобы меня не забыли, то если и забудут, то тотчас же вспомнят при первом моем появлении. Если же нет, то тогда зачем же и подогревать сочувствие публики? А что какой-нибудь дурак Скабичевский скажет, то до этого мне решительно дела нет.

Я, мама, право не хочу быть Немировичем Д⟨анченко⟩ или Каразиным. А на один свой талант не могу возлагать *чересчур* больших упований.

Когда вы едете в Николаев?

Жене передайте, что письма его я не получал и очень прошу приблизительно повторить его. Если бы я получил письмо, я непременно бы ответил.

Петербург уже надоел мне хуже горькой редьки. Кроме Латкина, да еще разве Марьи Дмитриевны и Линочки, меня здесь никто не держит. *Никто*, но не *ничто*, конечно. На этот предмет я имею многие размышления, которые не премину сообщить лично, а в письме и долго, и неудобно, и форменно. Скажу только, что вероятно я вернусь в полк, как только произведут; конечно, не навсегда отдаваясь военной службе, а так — на год или полгода.

До свиданья, дорогая моя мама. Цалую вас. От Жоржа получил очень доброе письмо.

В. Г.

P. S. Посылаю вам *Некрасова.*

128. *И. Н. Крамскому*

$\frac{14}{II}$ 78. СПБ.

Милостивый Государь
Иван Николаевич!

Беру на себя смелость обратиться к Вам с покорнейшею просьбою. Я уверен в правоте моего мнения, и для себя вовсе не стал бы беспокоить Вас, но мне хотелось бы получить разъяснение от Вас самих, для того чтобы вывести других из заблуждения. Дело идет о моменте, изображаемом Вашею картиною «Христос в пустыне». Утро ли это 41-го дня, когда Христос уже вполне решился и готов итти на страдание и смерть, или та минута, когда «прииде к нему бес», как выражаются мои оппоненты. Я вполне уверен в правоте первого толкования. Видеть в фигуре Иисуса страдание и борьбу только потому, что у него измученное лицо — это показывает очень поверхностное знакомство с человеческой душою. «Если б он решился, он имел бы сияющее лице», сказал мне один из публики. Христу сиять из-за сознания того, что он решился на хорошее дело! «Какой, дескать, я хороший!»

Те черты, которые Вы придали своему созданию, по-моему вовсе не служат к возбуждению жалости к «страдальцу» (говорю это потому, что один из толкователей нашел, что лицо Христа ужасно *жалко*). Нет, меня они сразу поразили, как выражение громадной нравственной силы, ненависти ко злу, совершенной решимости бороться с ним. Он поглощен своею наступающею деятельностью, он перебирает в голове все, что он скажет презренному и несчастному люду, от которого он ушел в пустыню подумать на свободе; он сейчас же взял бы связку веревок и

погнал из храма бесстыдных торгашей. А страдание теперь до него не касается: оно так мало, так ничтожно в сравнении с тем, что у него теперь в груди, что и мысль о нем не приходит Иисусу в голову. Как будто бы Иисус, идя на проповедь, рассуждал так: «хорошо было бы мир просветить, да кусается: неравно фарисеи на крест вздернут!» И неужели *такое* сомнение было возможно для Христа, неужели он не был настолько велик, чтобы презирать всякое страдание, и из-за того, чтобы избежать его, разве он покривил бы на иоту душою, разве свернул бы на линию с своей дороги?

Некий субъект прямо бухнул, что ваш Христос — *Гамлет!!* Уж если приравнивать его к литературным типам, так он скорее Дон-Кихот, конечно, отвлеченный от смешных его сторон и взятый только со стороны его благородной, самоотверженной и решительной натуры. Впрочем и это сравнение плохо, потому что Ваш Христос — Христос.

Вы премного обязали бы меня, черкнув строчки две по адресу: Б. Садовая, д. 51, кв. 10, комната 12.

Искренно уважающий Вас.

〈*Письмо не подписано.*〉

На конверте: В. О. На углу Набережной Малой Невы и Биржевой линии, д. Елисеева. Ивану Николаевичу Крамскому. — *На штемпеле дата:* 16 февр. 1878 г.

129. *Е. С. Гаршиной*

$\frac{16}{II}$ 78. СПБ.

Дорогая мама!

Сегодня я уезжаю дня на два из Петербурга, на свадьбу к Турчанинову, в деревню, в Лужский уезд. Турчанинов мой товарищ еще со 2-го класса гимназии. Володя едет тоже, и еще некоторые, всё из 7-й гимназии.

Петербург мне надоел ужасно. Литературные знакомства, художники, толки о картинах, о Зола, о заключенных, о Трепове и Засулич, все кажется таким мизерным, ничтожным. Все-таки не уеду отсюда, пока не кончу своей маленькой (немного больше «4 дней») вещицы. [73]

Думаю, что «О. З.» не поместят ее. Им ведь все надо «умного», чтобы читатель всегда помнил, что мужик страдает, а он, читатель, — подлец. Все это хорошо, но ведь есть и другие темы...

Отрывок мой до войны, до социальных, политических и иных вопросов вовсе не коснется. Просто мученья двух изломанных душ.

Если «О. З.» не поместят, отдам куда-нибудь еще. Все равно. В марте во всяком случае будет помещено в каком-нибудь журнале.

От Жени я ничего не получал и прошу его писать.

Получили ли вы билет с трансфертом? Извините, что задержал: все мешали разные пустяки.

В офицеры до сих пор, кажется, не произведен, *кажется,* потому, что я не смотрел ни разу «Инвалида». Может быть уже и есть. Нужно пересмотреть последние недели. Вообще, говоря совершенно искренно, это меня очень мало интересует. О Георгии тоже ни слуху, ни духу. Должно быть не дадут, да если и не дадут, не беда: крест теперь совершенно потерял значение, потому что раздается направо и налево пригоршнями.

Если это не затруднит вас и Женю, я просил бы сделать еще дюжину моих карточек. В офицерском платье я сниматься не хочу; серая шинель — та имеет в моей жизни значенье, а прапорщичий мундир — вовсе не такая прелесть, чтобы оставлять его на память.

Сегодня я зол и совсем болен, сам не знаю почему. Сплю мало, что ли? И то правда, я почти никогда не ложусь раньше 4 часов; иногда только в 3.

Сообщу вам новость: Александр Яковлевич приглашен учить е. и. в. в. к. Николая Александровича. Какая хорошая женщина Дагмарша (не за то, конечно, что Герда пригласила, а судя по его некоторым рассказам).

До свиданья, дорогая мама. Мне уже очень хочется видеть и вас и Раю. Пасхи жду не дождусь, а раньше ехать не хочется.

130. *И. Н. Крамскому*

<18. II. 1878 г.>

Милостивый Государь
Иван Николаевич!

Считаю не лишним не оставлять Вас в сомнении. Могу Вас уверить, что мое письмо не было вызвано ни пустым спором или пари, ни тщеславным желанием получить письмо от известного художника, а явилось следствием сильного впечатления, произведенного на меня вашею картиною.

Послав письмо, я пожалел о своем поступке. С одной стороны, я боялся доставить вам своею назойливостью несколько неприятных мгновений, а с другой — и сам сообразил, что вы, как и оказалось, *менее* всякого другого, можете дать мне ответ.[74] Потому что всякий другой (как напр. я), для того чтобы «иметь свое мнение», считает своим долгом начать мудрствовать всуе и, пожалуй, что-нибудь и измыслит.

Искренно Вас уважающий и глубоко благодарный.

<*Письмо не подписано*>

На конверте: СПБ. На углу набережной Малой Невы и Биржевой линии, д. Елисеева. Ивану Николаевичу *Крамскому.* — *На штемпеле дата:* 18 февр. 1878 г.

131. *Е. С. Гаршиной*

19/II 78 г. СПБ.

Дорогая мама! Ваши последние два письма я получил почти вместе и отвечаю на оба разом. Очень рад, что дело с письмом Жени разъяснилось: мне только немножко неприятно было узнать, что вы и Ж. заподозрили меня в нежелании отвечать. Я к Жене вовсе не так отношусь, чтобы сделать такую неделикатную вещь, и его письмам всегда буду очень рад. Еще маленькая неприятность: за что вы, мама, упрекаете меня в «недозволении думать не так, как я». Разве можно это сказать? Ведь я только выразил свое *несогласие* с вами. Неужели можно требовать от человека, чтобы он всегда и во всем соглашался, даже с самыми близкими людьми.

Правда, вы думаете, что я не считаю вас в числе близких людей. И много я дал бы, чтобы переменить в вас это мнение, да кажется трудно...

Я вчера только вернулся из довольно далекой поездки: ездил в Лужский уезд к Турчанинову на свадьбу. Досадно, что ездил: истратил рублей 6—7 совершенно даром, потому что кроме тяжелых не вынес никаких других впечатлений. Рассказывать об этом, впрочем, слишком долго; когда увидимся — расскажу. Расскажу и о многом другом.

Петербург надоел мне смертельно. Уеду, как только кончу одну вещицу для «О. З.» Да не знаю, право, напечатают или нет. Они все «умного» требуют, а мое вовсе не умное, а скорее «безумное». Нечто из достоевщины. Оказывается, я склонен и способен разрабатывать его (Д.) путь. Маленькая вещь, немного больше первой.[75]

Кстати о первой. Вчера мне сообщил Груберт (один из товарищей по гимназии), что «4 дня» переведены еще на французский, итальянский и английский языки! Можно возмечтать о себе бог знает что, право, от одной мысли, что вся Европа может читать твои десять страничек.

О своих предположениях я скажу вам вот что. Я проживу в Х⟨арькове⟩ до наступления настоящего лета (начала июня). Очень желал бы достать на это время уроки. Потом отправлюсь в экскурсию на Урал с горными студентами (это ужь непременно) и осенью явлюсь в П. с целью вольнослушания в университете. Потом решительно не знаю, что будет. Мысль прослужить годик или полтора прапорщиком где-нибудь в глухой армии тоже не оставляет меня. Вообще «устраиваться» не буду, даже не потому, что не хочу, а потому, что и не могу. Конечно, все это говорится при условии, что не будем драться с австрийцами и англичанами. Тогда — дело другое: придется подставлять грудь.

Во всяком случае я останусь здесь не более месяца. К Ал. Ег. заеду с большим удовольствием: об этом спишусь с нею: к ней письма доходят очень быстро.

У нас, как вы знаете, выставка картин, которые пойдут на Парижскую выставку. «Христос в пустыне» Крамского сделал на меня ужасно сильное впечатление, из-за него (из-за *толкования* его) я поспорил, и для решения вопроса послал к Крамскому безымянное письмо, на которое он ответил мне целою статьею, очень искреннею и задушевною. Это — его письмо — просто исторический (для будущего биографа Крамского) памятник.[76] Мог бы я с ним познакомиться, как мог бы познакомиться со всем генералитетом от либерализма в области искусств, да не хочется. Я не хочу никого искать.

До свиданья, голубчик мой, дорогая моя.

Ваш *В.*

Всем поклон. Александровы девочек, кажется, хотят замучить.

P. S. Производства жду каждый день; поэтому, если возможно, вышлите мне денег теперь же, чтобы быть наготове. Да мне они и кроме того нужны для некоторых экстренностей.

P. S. Сейчас загремели пушки. Мир. Надолго ли?

132. *В. Н. Афанасьеву*

(Отрывок)

21 февраля 1878 г.

...Петербург уже надоел мне хуже горькой редьки. Стремлюсь из него удрать. Собственно говоря, здесь можно было бы жить и интересно: мне открыта полная возможность познакомиться со всякими знаменитостями; да со мною что-то сделалось странное: прежняя страсть к знакомствам исчезла. Особенно не хочется знакомиться с разными генералами от интеллигенции, может быть, потому, что не хочется «ученичествовать» и с почтением выслушивать слова, изрекаемые на манер пророчеств. Бог с ними. К своей литературе я стал относиться строже. Художественные рецензии писать бросил, ибо ведь собственно это было с моей стороны шарлатанство. Буду работать побольше, вылезать поменьше, авось что-нибудь и выйдет?..

133. *Е. С. Гаршиной*

СПБ.
27 февр. 78 г.

Дорогая мама!

Сейчас получил от вас письмо, где вы пишете о Струковской 1000 р. Не хочется мне затруднять вас, но я все-таки попрошу

вас выслать мне 100 р. до моего приезда. Мне они положительно нужны. Предстоит в недалеком будущем еще истратить 200 р., так что мой капитал сократится почти до 1500 р. Эти я уж не трону пальцем.

Пожалуйста пришлите денег.

Все забываю написать о рубашках: лучше бы штатские, потому что для мундира довольно будет одних воротничков и манжет. Впрочем и военные можно носить при сюртуке. Не делайте только отложных, а в прочих обстоятельствах — как вам угодно.

Бедные девочки, право. И ведь это им придется до конца курса путешествовать таким образом.

О вашем путешествии в Николаев я думаю то же, что и вы. Мне на вашем месте тоже ехать было бы страшно, особенно приняв во внимание некоторые прецеденты. Напишите мне, когда приедете, о поездке. Бабушку очень жалко, и я очень понимаю вашу борьбу в этом деле, но, право, и она там больше в своей сфере и Дм. Ст. и Сереже гораздо легче жить с нею, чем вам с Женей, не говоря уже о материальных средствах. Ведь разона приедет к вам, милые дети совершенно забудут ее (может быть кроме Д. Ст.) и вам одним придется нести на себе всю тяжесть. У В. С. — жук съел, а дядя Коля жениться хочет. Откуда же им бедным взять.

Писать, право, больше нечего. Сейчас придет мой ученик.

До скорого свиданья, дорогая мама.

Крепко целую вас.

Ваш *Всеволод*

Что же Женя не пишет?

Карточки высылайте, хоть по штуке в письме.

134. *Е. С. Гаршиной*

9 марта 78 г.
СПБ.

Дорогая мама! Извините за долгое молчание, но я в таком скверном настроении духа, что и письма не пишутся. Я ужасно волнуюсь в ожидании понедельника. В этот день Щедрин произнесет свою резолюцию над моим рассказом. Не знаю сам, отчего это на меня действует так сильно. С «4 днями» этого не было.[77]

Деньги от вас я получил.

Об М. Н. ⟨Александровой⟩ — я так и сделал, как вы советуете, еще до вашего письма. Я написал уклончивое письмо. Думаю, что денег М. Н. давать не следует. Но не знаю еще, мама, дам ли и Баллиной.

Вообще я себя буду чувствовать лучше, когда от этих денег останется одно воспоминание, чего, кажется, ждать недолго.

То, что вы и Ж. издержали 500 р. «так скоро», меня нисколько не удивляет. Сам я не знаю, куда усадил такую прорву денег. Правда, были долги и пришлось дать в долг. Но все-таки деньги уплывали ужасно скоро.

Еду в Х⟨арьков⟩ сам не знаю зачем. Вообще у меня в голове сумбур ужасный. Множество самых неприятных вещей соединилось разом. Куда ни кинь, все клин.

Буду у вас, вероятно, в конце будущей недели или числа 18—22, потому что хочу уехать, как только получу решение своей судьбы. Я даю ужасно важное значение настоящему успеху или неуспеху. Война будет наверно, придется итти. Скверное время. Придушить нас хотят.

До свиданья, голубушка моя. Цалую вас.

Ваш *В. Г.*

Отчего вы пишете, что я Жениного и *второго* письма не получил. Я получил его, сейчас же ответил и уже получил от него ответ на ответ.

135. *Е. С. Гаршиной*

1878. 14 марта.
СПБ.

Дорогая мама!

Мой рассказ будет помещен в мартовской книге «О. З.».[78] Сегодня иду хлопотать об отпуске и вероятно через два-три дня выеду.

Писать, право, нечего, да и не хочется писать, когда скоро увидимся.

Ваш *В.*

Всем поклон.

Книжку Жене привезу.

136. *Е. С. Гаршиной*

17 марта 78.
СПБ.

Дорогая мама!

Наконец я могу сказать вам наверно, когда я буду в Х. Я выеду в воскресенье, 19, утром, так что, вероятно, вечером во вторник, 21-го, буду у вас.

Сегодня иду «представляться» к Щедрину и получить от него деньги за рассказ.

До свиданья. Писать, право, больше нечего.

Ваш *В.*

Всем поклон. Передайте Рае, когда я приеду, потому что я не пишу ей отдельно.

Ваш *В.*

137. *В. Н. Афанасьеву*

(Отрывок)

2 апреля 1878 г.
⟨Харьков.⟩

Живу я скверно. Скверность исходит из меня самого, потому что внешние обстоятельства все благополучны. Часто спрашиваешь: какого еще тебе рожна нужно? и не находишь ответа. Но что рожон этот где-то завалился и необходимо его сыскать — это ясно, как день. Полторы недели как я приехал в Харьков и до сих пор что называется палец о палец не ударил. Не делаю решительно ничего. Хандра, печальные соображения о своем ничтожестве.

Один хохол, никогда до тех пор не пивший, напился пьян и начал горько плакать. «Чего ты ревешь?» — «Да как же я пахать буду, как же я косить буду, когда я теперь и на печь взлезть не могу».

Вот и я нахожусь теперь в точно таком же положении. Впрочем, не думаю, чтоб это продолжалось долго: вокруг все так хорошо. Весна и прочие обстоятельства...

138. *В. Н. Афанасьеву*

(Отрывок)

6 мая 1878 г.
⟨Харьков.⟩

Поздравляю тебя с чином... Себя с производством не поздравляю, а, напротив, желал бы быть скромным унтер-офицером. Дело в том, что отныне мой годичный отпуск пропадает, и я, как и все офицеры, обязан свидетельствоваться. Хотя я хромаю до сих пор, но вдруг признают здоровым — и отправляйся к вам в Виддин. При моем теперешнем состоянии здоровья (нервы) это мне смерть. Если бы я был способен пьянствовать, я спился бы в Виддине в месяц. Чую это и смотрю на полк, как на гроб. Мне очень плохо: хандрю, потому что не могу ничего делать, ничего не делаю, потому что хандрю. Все вокруг работают; один я палец о палец не ударю. Тоска.

Пиши скорее и чаще. Не считайся, пожалуйста, со мною письмами, потому что мне письма писать теперь так трудно. Не всегда найдешь время, свободное не от работы, а от мучительной тоски, совершенно затуманивающей голову...

139. *Н. С. Дрентельну*

(Отрывок)

18 мая 1878 г.
⟨Харьков⟩

От очень многих хороших людей выдан и мне аттестат «хорошего». Эти хорошие качества (буде они существуют) нужно, наконец, пустить в оборот. Ты, вероятно, удивишься, когда я скажу тебе, на что я решился. Я хочу оставаться в военной службе. Буду даже добиваться академии......

Ты рекомендуешь мне курс биологии, — точно будто не знаешь, что у меня в голове постоянно будет сидеть вопрос: на кой чорт мне эта биология? Вопрос «зачем» до такой степени овладел моим существом, что ни за что, не дающее непосредственных результатов, я не рискну взяться. Писательство имеет результаты непосредственные — изящное (насколько изящное — это другой вопрос) произведение, шевелящее если не мозги, то чувства (в моем случае, беря меня) людей. Вот почему я писать не брошу. Учиться (т. е. читать разные умные книжки) я не брошу до смерти, но взяться за какой-нибудь «курс» не ради себя, своего любопытства, я никогда не возьмусь. «Что он делает?» Учится! До каких же пор я буду учиться, до каких пор с меня не будет ни шерсти, ни молока?

140. *В. Н. Афанасьеву*

(Отрывок)

⟨Конец мая 1878 г.⟩
⟨Харьков⟩

... Мы с тобой достаточно убедились в плохом положении нашей армии. Мы хотим уходить из нее именно потому, что в ней для нас скверно, душно. Если так будут рассуждать все, видящие гадость в военной среде, то никогда и среда не изменится. Не лучше ли нам влезть в эту среду? Может быть, что-нибудь и сделаем путного. Может быть, со временем мы будем иметь возможность не дозволить бить солдата, как это делается теперь, не дозволить вырывать из его рта последнюю корку хлеба...

141. *В. Н. Афанасьеву*

(Отрывок)

7 августа 1878.

Дела мои очень скверны. Чувствую непреоборимое желание удрать из службы, а между тем это едва ли удастся... ...

142. *Н. С. Дрентельну*

(Отрывок)

7 августа 1878 г.

А все-таки поступлю в университет. Конечно, биологией заниматься не буду. Что ты ни разговаривай, а с легкой руки Писарева пошедшее мнение о значении естественных наук я мало разделяю... Долблю латынь, которая приносит мне все-таки некоторое утешение, читаю Куно-Фишера. Куно-Фишер очень хороший немец, но, по правде сказать, мне теперь не до него... Писать мне теперь ужасно трудно, хотя очень хочется написать что-нибудь к сентябрю. Пишу туго, да что и напишу, безжалостно рву...

143. *Е. С. Гаршиной*

24 августа 78. Москва.

Дорогая мама!

В Ливны я не поехал, потому что боялся прозевать Раю, просидев у Гердов долее предположенного времени. А выехать раньше было нельзя: лошадей не было. Не жалею, что приехал сюда раньше, потому что найти квартиру и прочее здесь очень трудно, так что я еще не знаю, что буду делать. Ярцева, впрочем, еще не видел. Урок Рае один уже есть и очень выгодный, о чем я ей пишу. Прилагаемую записочку передайте ей.

У Гердов время провели очень весело. Живут они вместе с зятем Ал. Як., председателем земства Филатовым. Полковник ген. штаба, бросивший все и ушедший в хозяйство, в земскую работу. Вот это действительно соль России. Какой контраст с Окуневыми горами, вы можете себе представить.

Об этом я буду еще писать. А. Я. очень весел, отдыхает вполне, не делает ничего буквально. Ели мы по-Окуневски, ужасно.

До свиданья, дорогая мама.

Женю целую. Всем поклон.

В. Г.

Если М. Н. (А-ва) спросит, получили ли письмо, скажите, что из Петербурга.

144. *Е. С. Гаршиной*

18 сентября 78 г.
СПБ.

Дорогая мама!

Простите, голубушка, что давно не писал; как-то все откладывалось. Письмо к Ал. Ег.⟨оровне⟩ я написал и употребил все-

возможные доводы в пользу вашего предложения. Мне интересно было бы знать желание Жени по этому вопросу.

Рая кажется устроилась в Москве недурно, как судя потому, что я сам видел, так и по письмам.

На меня как с неба свалилась следующая благодать: царица пожаловала как раненому офицеру пособие в 200 р. Я уже получил их, что очень кстати: теперь можно будет прозимовать безбедно, не заботясь особенно о хлебе.

Не знаю решительно, почему мне назначили 200 р., когда всем давали только по 100? Уж не играет ли тут какую-нибудь роль моя литература?

По поводу литературы скажу вам, что, кажется, к октябрьской книжке подгоню маленький рассказец. Очень бы хотелось кончить его, да вероятно и удастся.[79]

Не знаю только, удастся ли самый-то рассказ.

О полке ни слуху, ни духу. Вот будет штука, как он не вернется к 8 октября! А времени уже немного остается. Не знаю, что тогда предпринять.

Завтра внешу деньги в университет и начинаю ходить на лекции.

Определитель наш двигается пока только моими усилиями, так как сначала нужно составить пробное семейство.[80] Я очень доволен этой работой, она выгодна во всех отношениях, даже и в денежном, хотя вознаграждение получится нескоро. Зато языки у меня сильно подвинулись вперед с тех пор, как я начал переводить источники.

Писал ли я вам, что здесь страшно забирают! Долинина сослали, Павловский, говорят, убежал из ссылки; сослали еще нескольких моих товарищей по гимназии.[81] Бедная жена Долинина хочет за ним ехать в Устюг, да до сих пор денег не было. Теперь, конечно, поедет.

Был еще раз у Пузино. Скука там ожесточеннейшая; впрочем исключение из скучающих составляет Лиза, которая очень повеселела, потому что поступила на Бестужевские курсы. О. О. хандрит, О. П. опустился, немножечко поглупел. Советует мне оставаться в военной службе. Дети здоровы, все учатся (кроме Ж., конечно, которая очень вытянулась, похудела и похорошела). Вера в IV кл., Юля в VI, а Коля в пансионе. К ним почти никто не ходит, даже Мартьяновы бросили.

Что, получили ли вы ответ от Белецкого? Я очень жалел, что не застал его дома, а навязываться с знакомством я не люблю.

Если можно, скажите Жене, чтобы он прислал мне № «Харькова», где его статья. По правде сказать, я отчасти доволен, что он выступил печатно. Потому что «прелесть» новизны уже для него не будет иметь большого значения и

в будущем он будет хладнокровнее относиться к своим произведениям.

До свиданья, дорогая мама. Кланяюсь всем.

Ваш *В. Гаршин*

Бедняжка Сентянин! Какой он хорошенький (чуть не написал «был хорошенький»), если бы вы знали.

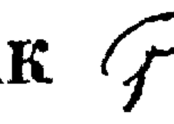
145. *Е. С. Гаршиной*

3 октяб. 78.
СПБ.

Дорогая мама!

Ничего верного еще не могу сказать вам о своей судьбе. Собственно говоря, если не принимать никаких мер, я должен бы ехать в Харьков, а оттуда в Виддин. Но бог даст избавимся. Сегодня иду к коменданту, беру у него отсрочку отпуска и хлопочу о переводе в СПБ. А затем можно подать и в отставку. Пугает меня только бесконечное хождение по штабам и начальству. Придется потерять кучу времени.

Занимаюсь я теперь много и успешно. Очень хотелось бы кончить к о-ской книжке «О. З.» рассказ, да вряд ли успею. Впрочем, если засесть, так быть может и одолею.[82]

Раису Вильберс посадил на исправление большого пальца, несмотря на то, что Клидтвор отозвался о ней самым лестным образом. Палец этот она держит так , а нужно так . Видите, какое несчастье. Впрочем, все-таки ею довольны.

Ее ученица, Анаст. Андр. Колударова, теперь в Петербурге. Какая это милая барыня; я очень рад за Раю, что она попала к ним.

Владимир Михайлыч, который жил со мною две недели, вчера перебрался от меня на новую квартиру. Он, бедный, теперь очень страдает от домашних дел: у них большая неурядица и В. приходится вести за свою матушку огромную корреспонденцию.

Что вам сказать еще? Получил письмо от Ольги, которое, право, заставит меня отрясти прах ног своих. Пишет, что тетя пожертвовала всем, чтобы выдать мне вексель в 5000 р., что следовательно она, Ольга, теперь обеспечена и что «обязанная благодарностью» она будет сидеть при тетушке. Господь с нею.

Дядя (Н. Ф.) прислал мне 10 руб., чтобы я купил ему, как пишет Ольга, «*Краткое или энциклопедическое сведение о всех науках*». Искал, искал это сведение и нигде не нашел. Буду спрашивать, на что употребить деньги.

С шубою я просил бы вас поступить так: отдать ее Михелю, чтобы он ее перекрыл хоть бы сукном, все равно. Если можно, то пусть воротник выкрасит в черную краску. Деньги на это,

я думаю, не откажется дать Марья Николаевна (т. е. Всев. Александр.). Если всего этого сделать нельзя, то напишите.

До свиданья, голубушка мама. Крепко целую вас. Всем кланяюсь.

Ваш *В.*

146. *Е. С. Гаршиной*

23 октября 87.
СПБ.

Дорогая мама! Что со мною эти черти делают, просто с ума сойти. В четверг я подал рапорт, чтобы меня посадили в госпиталь; сегодня понедельник, а мне до сих пор еще нет предписания (ведь даже и лечиться можно только по предписанию начальства). Хорошо, что я не смертельно больной человек, а то сколько бы раз можно было умереть в эти четыре дня. Кстати еще я совсем расклеился: лихорадка чуть не каждый день. Скверное внутреннее состояние тоже не очень способствует здоровью.

За шубку очень благодарю вас: премилая вышла. Я получил ее сегодня. Портреты очень плохи: я еще возможен, но все же какой-то облизанный, а Женя вовсе лишен всякого образа и подобия.

Был у меня Григ. Николаевич. Его беднягу засадили-таки к Гавловскому. И тени нет в нем того сорванца, какого мы видели, смирный, грустный.

Не знаете ли чего-нибудь об Ив. Мих. Латкине? Недавно во время именин Пр. Андр. его внезапно приводит полиция растерзанного, грязного, в арестантской шапке. Что с ним было, добиться толком решительно нельзя. Известно только, что он хотел уехать в Петербург, на Азовской дороге остался на какой-то станции, при чем все вещи его уехали; пошел пешком по дороге, прошел верст 30 в ночь и свалился. Его подобрали, привезли в X. и — как это случилось, не понимаю — посадили в острог, как подозрительную личность, несмотря на то, что все документы его были в порядке. Чтобы убедиться в том, что он действительно Латкин, прислали его в П. Тут уже начались у него настоящие припадки; теперь он в приюте для душевнобольных; чахнет, с каждым днем, не отвечает ни на чьи, кроме матери, вопросы. Пр. Андр. и сама чуть с ума не сходит.

Последнюю неделю я чувствую себя очень нездоровым, так что мне действительно не мешает лечь в госпиталь полечиться.

До свиданья, голубушка мама. Писать больше нечего да и не хочется писать, находясь в таком неопределенном, тревожном состоянии. Целую вас.

Ваш *В. Г.*

Вы неверно пишете мой адрес. Вот он, настоящий: Б. Садовая, д. № 51, кв. № 10, комната № 12. Комнаты можете и не писать.

147. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. Николаевский госпиталь

1878 $\frac{5}{XI}$

Простите, голубушка мама, за долгое молчанье. Но положение мое так неопределенно и неизвестно, что, право, ничего не выжмешь из головы. Вот уже четыре дня как я сижу в госпитале, совершенно бесполезно: доктор Никифоров, которому поручено наблюдение за мною, до сих пор еще не был. Говорят, добрый человек. Конечно, я расскажу ему все откровенно: нужно быть скотом вроде Дюкова, чтобы не сделать того, что я буду просить.

Как эта история перебила все мои занятия! Уроки с учеником, университет, литература — всё остановилось. Чувствую себя виноватым перед Щедриным, да что делать! Если бы два дня спокойствия, я отдал бы ему рассказ, но их нет. А попасть в ноябрьскую книжку мне очень хотелось бы.[83]

Никогда не забуду печальных дней, проведенных в этом госпитале. Если бы не барышни (студентки, их курсы помещаются в этом же здании), бегающие навещать меня чуть не целый день, право, не знал бы, что делать. Хорошо еще, что я попал в смирную палату, где лежат большею частью старички с ревматизмами и т. п., а то рядом с нами, где молодежь (почти все сифилитики) — пьянство, карты и даже иногда мордобитие. Скандалы доходят до того, что вчера одного прапорщика «выписали» из госпиталя, т. е. выгнали.

Брошюра Цитовича и здесь наделала шуму. Она была бы смешна, если бы таких Цитовичей не было легион. Привел бы этого дурака Ц. на лестницу нашего госпиталя, где проходят студентки в аудитории, и попросил бы указать «бледные, зеленые лица, тусклые, злобные взоры и грязные юбки».[84] Где он всё это видел?

В воскресенье заходил к Александре Григорьевне ⟨Маркеловой⟩. Все такая же.

Пишите мне не в госпиталь, а домой. Письма будут доставлены.

Можете себе представить, что я до сих пор не получил ни копейки жалованья. Впрочем казначей коменд. правл. обещал похлопотать, и, вероятно, к выходу из госпиталя деньги уже будут вытребованы.

До свиданья, дорогая моя. Целую вас. Всем поклон.

Ваш *В.*

Ю. Н. ⟨Говорухе-Отроку⟩ скажите, что Кривенки нет в городе. Я послал по почте записочку Михайловскому, прося его известить, о чем просит Ю. Н., но ответа не получил. Вероятно я неверно адрес поставил, а может быть Мих. получил письмо, да не ответил почему-нибудь.

Поехали ли Кулиш и Стояновская на курсы? Их здесь что-то не видно.

Как поживает Маша Кривкова? Поклон ей.

148. *Е. С. Гаршиной*

Николаевский госпиталь, СПБ.
78 ⟨11 ноября.⟩

Дорогая моя мама! Простите, что огорчил вас долгим молчанием; впрочем оно и не было особенно долго, так как отсюда из госпиталя с 1 ноября я послал вам два письма. Боюсь только, что письма, посылаемые через здешний почтовой ящик, пропадают: это говорят многие больные. Это письмо пошлю через своих любезных барышень, которые очень часто посещают меня. (Я писал вам об этом, но письмо должно быть пропало). Когда выйду из госпиталя, не знаю, хотя доктор все обещает «скоро». Тоска здесь ужасная, офицерство надоело хуже горькой редьки. Ах когда же, наконец, все это кончится.

Я так и не поспел в XI кн. со своим рассказом. Ничего, помещу в XII. Я уже кончил его, но теперь уже поздно отправлять к Салтыкову, да он у меня еще и не переписан.[85] Делать что бы то ни было в палате, где помещается 15 ч. офицеров, играющих в карты, разговаривающих «о службе», т. е. о том, как какой-нибудь поручик «поддел» адъютанта или командира — почти ничего нельзя.

Володя мне вчера сказал, что Струковы готовы выслать проценты. Мне денег теперь не нужно; если вам нужно, пожалуйста возьмите их, а если и у вас нет необходимости, пусть лежат до случая. Они пригодились бы мне будущей весной, потому что ужасно хочется поездить по России. И не только хочется, а, по моей специальности, даже и нужно бы.

Переписываетесь ли вы с Ливнами? Если да, то (конечно, если найдете приличным) спросите дядю, отчего он не пишет, что сделать с 10 р., лежащими у меня. Он прислал мне их для покупки книги «Краткое или энциклопедическое сведение о всех науках» (!!!?!) Искал я ее и, конечно, получал в ответ только улыбки прикащиков. Об этом я сообщил в Ливны с запросом, что делать с деньгами, и сих пор ответа не получил.

Вот уже половина второй недели, как я сижу в госпитале. Неужели небо не вознаградит меня за все мои огорчения и испытания! Впрочем доктор говорит со мною таким тоном, будто удовлетворение моей просьбы в принципе решено, а посидеть мне все-таки нужно, так, для приличия.

До свиданья, целую вас.

Всем поклон.

Ваш *В.*

149. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. Николаевский госпиталь
17 ноября 78 г.

Дорогая мама!

Пишу, как вы видите из заголовка, все еще из госпиталя и не знаю, когда выйду из него, хотя во всяком случае не позднее 3 — 4 дней. Напрасно вы думаете, что мне действительно очень плохо, и не знаю, откуда вы заключили это. Просидел я в госпитале не даром: свидетельство в том, что у меня Melancholia, дадут, а с ним уже можно будет сделать что угодно. Досадно, что потерял так много времени. В университете придется подгонять очень много. Хорошо, что сидя здесь все-таки кончил свой рассказ. Постараюсь другой пустить в январе: дописывать в нем осталось немного.[86]

Что вам сказать о себе? Каждый день одно и то же, одни и те же лица, те же разговоры, в которых более всего слышно «в котором году?» да «которого полка».

Палата наша смирная, все большею частью старички, с которыми я иногда сажусь в преферанс по $^1/_{25}$ и $^1/_{40}$. Но рядом в сифилитической палате ежедневное пьянство и скандалы, за которые иногда выгоняют из госпиталя. Что это за отверженная военная служба, что за монстры в ней не то что встречаются, а почти исключительно существуют.

Чуть не забыл сообщить вам очень для меня печальную новость: Вильям Андреевич Каррик скончался. Не знаю подробностей, сидя в госпитале, но Малышев и Крачковский говорят, что человек в три дня свернулся. Добрый и честный был человек.

Крачковский получил золотую медаль за свой пейзаж. Прелестная вещь, действительно. Вильям Андр. снимал его, и это было его последнею работой: не успел даже перевести с негатива на бумагу.

Простите, что не пишу больше. Право, решительно нечего. Вытти из госпиталя мне хочется ужасно.

Офицерство ужасно завидует мне, так как ко мне постоянно ходят барышни, и притом еще хорошенькие. «За что это вам такое счастье?» спрашивают. Я отвечаю, что за хорошее поведение.

До свиданья, целую вас.

Ваш *В.*

150. *Е. С. Гаршиной*

23 ноября 78 г.

Дорогая мама! Вчера вышел из госпиталя. Мне дали свидетельство вполне удовлетворительное, и сегодня я уже заказал писарю просьбу об отставке. Вот, наконец, и окончание бедствий.

Полтора месяца почти я не был в университете; завтра иду туда, а послезавтра к Салтыкову с рассказом. Боюсь, что не пропустят, т. е. не Салтыков, а цензура. В первый раз встречаюсь с «ножницами» и очень их чувствую. Если не пустят, обидно, тем более, что вещицей я более доволен, чем предыдущей.[87]

Простите меня, что не пишу больше. Только что вышел из трехнедельного заключения и никого не видел, так что и писать-то нечего. Сегодня пишу только, чтобы не тревожить вас молчанием, а дня через три уже настоящее письмо.

Цалую вас.

Вас любящий *В.*

Всем поклон.

Сегодня был у Павла Михеевича. Выдержал экзамен. Он живет в том же доме Яковлева, так что от меня до него только пройти по длинному коридору.

151. *Е. С. Гаршиной*

15/XII. 78. СПБ.

Дорогая мама! Вчера получил ваше письмо и вчера же потерял его, что для меня очень досадно, потому что я забыл фамилию другого студента, о котором нужно узнать. Гаркави помню и уже послал об нем записочку. Как только узнаю, цел ли он, напишу. Пожалуйста, напишите мне фамилию и другого студента. Впрочем, не могу ручаться, что узнаю что-нибудь: академия временно закрыта, студенты разбросаны, а про кого ни спросишь, цел ли, всё слышишь «не знаю».[88]

Кончил я рассказ и теперь переписываю. Только он мне очень не нравится и, может быть, я еще не отдам его. Хочу описывать пока Илларионова и Яшу.[89] Может выйти недурно!

Василий Прокофьевич Медведев приказал долго жить. Перед смертью он помешался...

Встретил Фоккова, который очень радушно пригласил меня к себе. Не хочется итти к нему: старое слишком скверно, чтобы возобновлять его.

Напишите, не собирается ли Всев. Александрович на праздники в Москву? Вот одолжит-то! Это было бы очень досадно. Кстати, к вашему сведению: я просил Ив. Тимоф. выслать мне 50 р.

С какою прекрасною барышнею я познакомился недавно! Право, такой никогда не видел. Она докторша: ей 24 года, и она уже успела побывать в Сербии в 76, в Болгарии в 77, пробыть 11 месяцев земским врачом. Необыкновенно симпатичный человек: тихая, смирная, серьезная и без капли рисовки или самодовольства, на которое имела бы право.[90]

До свиданья, голубчик мама. Писал бы больше, да чувствую себя скверно по случаю рассказа, который не выходит. Не пишется что-то.

До свиданья. Цалую вас.

Ваш *В.*

P. S. Федосу Гавр. скажите, что я списал своего гангренозного прямо с натуры, с Квитки, который болел на моих глазах, и не знаю, где он нашел неверность. Правда, Каррик говорил, что подобные случаи почти никогда не случаются. Квитка был представляем Обществу врачей, как феномен.[91]

1879

152. *Е. С. Гаршиной*

⟨Нач. января 1879 г.⟩

Дорогая мама! Посылку вашу получил благополучно. Благодарю за нее. Вчера вы, вероятно, получили от меня письмо; сегодня, право, писать нечего. Вернулся ли Женя и что он говорит об Окун⟨евых⟩ горах?

Кстати: вы оставили у меня свою кофточку. Перешлю с Сергеем Николаевичем. До свиданья, дорогая мама. Сообщите об Александровых.

До свиданья, целую вас.

В. Г.

153. *Е. С. Гаршиной*

10. I. 79.
СПБ.

Дорогая мама!

Ваше поручение я частью уже исполнил: был у Симашки и у Краевича. У Симашки был два раза; в первый раз он сказал, что «поищет», а во второй в назначенный мне час ушел из дому. Пойду сегодня в третий раз.

При передаче рукописей от Симашки к Краевичу попала рукопись А. К. «Клен» без адреса (и, кажется, имени автора). Этот маленький рассказец Краевич напечатал [92] и денег за него не высылал только по незнанию адреса А. К.; я ему сообщил, и он вышлет.

Если только Симашко не потерял рукописи (что я сильно подозреваю), я непременно передам ее Краевичу. «Клен» ему очень понравился, и он просит А. К. продолжать писать для «Семьи и школы». Рисунки же, хотя и перерисованные, все-таки не годятся: они больше формата «Семьи и школы». Пусть А. К. посмотрит № «С. и Ш.»: она сама увидит, больше какого размера нельзя делать рисунков. Кроме того, Кр. неохотно помещает рисунки даже только в страницу «С. и Ш.», а предпочитает в $^1/_2$ или в $^1/_4$, так как резанье их на дереве ужасно дорого.

Отвечаю вам на вопросы:

1) Платье сшил.

2) Пальто переделал.

3) 50 р. от Струковых получил, о чем я им уже писал; не знаю, получили ли?

Очень боюсь, что мой рассказ в «О. З.» не пойдет, а пойти к М. Е. ⟨Салтыкову⟩ страшно. Это будет очень плохо.

Посылаю вам записочку Юрию Николаевичу. Я был у Курочкина (который, кстати сказать, вас вспомнил), и он дал мне необходимые сведения.

Что Женя? Каково он прожил в О⟨куневых⟩ Г⟨орах⟩? Ваш таинственный-то незнакомец являлся к Раисе? Кто бы это мог быть? Я решительно не могу придумать.

У меня родились в голове некоторые новые планы относительно своей особы. Хочу приткнуть себя куда-нибудь и внести в свою жизнь хоть крупицу обязательности.

Ольга Орестовна переехала на Гороховую, д. № 26, кв. 12. Кстати: она послала вам письмо с таким адресом: Подгорная, д. Кривошеевой, Екатер. Степ. Акимовой. Дошло ли оно? Скажите почтальону, быть может, оно и цело. О. О. взяла Женю с собою, а Юля *пока* еще там. Не знаю только, когда кончится это «пока».

Дядя Дм. Ст. тоже *пока* у вас?

До свиданья, голубчик мама. Крепко целую вас.

Вас любящий *В.*

Всем поклон.

154. *Е. С. Гаршиной*

16 янв. 79. СПБ.

Дорогая мама! Вчера Пав. Мих. ⟨Новиков⟩ получил от вас письмо от 8 янв. с расспросами обо мне. Я решительно не понимаю, почему вы, зная о заносах и о том, что почта стоит по нескольку дней, приписываете неполучение вами моих писем тому, что я не пишу их. Теперь вы, вероятно, уже получили мои письма. Относительно же краткости моих писем скажу вам, что моя жизнь идет до того однообразно и бесцветно, что часто, право, не знаешь, что писать. Сообщать же посторонние новости не стоит, потому что почти все они известны в Х⟨арькове⟩ из газет.

Время проходит удивительно бестолково: кажется, никуда не ходишь и никого не видишь, а между тем делаешь очень мало. Пишется туго; сидишь, сидишь перед бумагой и вымучишь несколько строк. Переделать того рассказа, что вы переписали, я решительно не в силах. «Встреча», отданная Салтыкову, до сих

пор обретается в неизвестном положении. Хоть бы выставки поскорее начинались: по крайней мере написал бы несколько фельетонов в «Р. Правду».

Виной всем моим огорчениям, конечно, служу я сам или вернее основная черта моего характера: неимоверная, баснословная и постоянная лень. Право, я пришел к этому убеждению. Иначе как объяснить то обстоятельство, что даже успех на первых шагах литературного поприща не мог побудить меня взяться за работу как следует. Большинство ленивых людей ленивы не ко всему: всегда найдется для них дело, исполняемое охотно. Я же как будто бы чувствую ко всему отвращение; к писанью несколько меньше, чем к другому труду, но все-таки не любовь, а отвращение. Как жить с такими свойствами? Нужно или умереть, или переделаться, и, не желая умирать, я хочу переделаться... Не знаю, что из сего произойдет.

Пожалуйста не беспокойтесь за меня: со мной никакого «несчастия» случиться не может. Я никогда не совершу действия, противного законам, не по принципу, а просто потому, что пороху не хватит. Был ли он у меня и я его истратил на геройские дела в Болгарии или и не было? Не знаю. Должно быть последнее.

До свиданья, дорогая мама. Вы, я думаю, сами лучше согласитесь получать «коротенькие» письма, чем подобные этому письму вопли. А длинных писем без воплей я писать не могу. Не приписывайте пожалуйста краткость моих писем «не любви» или чему-нибудь подобному. Право, всё это глупости. Не пишу много, потому что не хочу делать других участником моих бессмысленных рассуждений. Жалею, что написал это письмо; следовало бы его порвать, да уж пусть идет, коли написал.

До свиданья, голубушка мама. Целую вас крепко. Дяде Дм. С. поклон. Всем прочим тоже.

В. Г.

Что Женя?

155. *Е. С. Гаршиной*

24/I 79. СПБ.

Дорогая мама!

Вчера получил ваше письмо с советом не переделывать рассказа. Если бы оно пришло тремя днями раньше, то я не стал бы переделывать его, но он уже переделан и, конечно, в значительной степени испорчен. А все-таки еще не знаю можно ли будет его напечатать даже в таком виде.[93] Завтра пойду с ним к С⟨алтыкову⟩ и узнаю об участи «Встречи».

Вы пишете, что виновата была в том, что я плохо занимаюсь, не служба. Конечно, виновата и моя натура, но при военной службе уж я вовсе ничего бы не делал и, вероятно, через два

года издох бы от злости. Нет, я никогда не раскаюсь, что ушел из нее. Отставка моя (наконец не забыл написать) до сих пор, кажется, еще не вышла, — говорю кажется потому, что за последнее время не смотрел «Прав. Вестн.». Да это неважно.

Нет, мама, я думаю-таки справиться с собой и приобрести то, чего мне не хватает — усидчивости. По правде сказать, я решительно не понимаю, как я не вышел совершеннейшим болваном: так мало я учился в своей жизни. Подгоню непременно, нужно подогнать. Я в последнее время сделал над собой успех: в минуту самой лютой хандры могу посадить себя за книгу, между тем как прежде совершенно беспомощно отдавался ей.

Ольга Орестовна работает в своей мастерской. Ее уход наделал шума в Петербурге. Знатные барыни спрашивают: неужели дочь адмирала Пузино завела себе швейную мастерскую? «Ах, я непременно поеду к ней par curiosité!» И едут, и заказывают, что для О. О., конечно, приятно. Вообще, я думаю, что ее дело пойдет: ее положение уж очень хорошая реклама.

Что у нас делается, мама! Полиция издала новые правила для меблированных комнат, потребовала от хозяев планы их *квартир* (вероятно, для удобства в ночных мероприятиях, чтобы знать местность и итти наверно), может входить в комнаты в любое время. Хочу все свои письма и вообще бумаги, которыми дорожу, снести к О. О., а то, пожалуй, заберут их и они пропадут без вести.

Протест проф. Х⟨арьковского⟩ ун⟨иверситета⟩ я получил.[94] Хорошо сказано, только жаль, что у них порядочного стилиста во всем университете не нашлось.

О чуме у нас толкуют очень оживленно.[95] Но кажется, рассуждений о мероприятиях будет в изобилии, а самые мероприятия не очень-то. Здесь говорят, что $2^1/_2$ миллиона, назначенные для чумы, большею частью разбредутся по карманам «дезинфекторов».

Павел Михеевич ⟨Новиков⟩ начал свою диссертацию, но занимается ею мало: все больше читает книжки по философии. Он за последнее время стал как-то очень грустен.

Миша неустанно рисует карикатуры и уже вошел в «Стрекозу» в качестве постоянного сотрудника. Цензура так коверкает его темы, что их совсем узнать нельзя, а иногда просто даже переменяет надписи. Вот и будьте при этих условиях остроумным. Хоть бы дело касалось политики, а то нет; просто цензору не понравится: возьмет и зачеркнет.

Впрочем, нужно сказать, что и без цензуры карикатуры Миши были бы не очень остроумны.

До свиданья, дорогая моя мама. Крепко целую вас.

Ваш *В*.

Всем поклон.

156. *Е. С. Гаршиной*

18 29/I 79. СПБ.

Дорогая мама! Был я у Симашки за решительным ответом два раза и оба раза не застал его дома, т. е. он меня не принял. Передайте Анне Карловне это. Неужели у нее нет черновой рукописи рассказов для того, чтобы переписать их и послать к Краевичу? Пусть присылает на мое имя: тогда уже наверно они не пропадут, т. к. я передам их Краевичу лично.

Рассказ мой «Встреча» принят и будет помещен в марте. Щ⟨едрин⟩, когда я сказал ему, что боялся за этот рассказ, выбранил меня. А «Из записной книжки» я отдал в переделанном виде; вероятно тоже пойдет, потому что иначе Щ. уже прислал бы мне записку.[96]

Наше сожительство разрушается: Пав. Мих. перебирается от нас. Когда он сказал мне это, я выразил ему по этому поводу свою радость, так как, несмотря на наши прекрасные отношения, мы ужасно мешаем друг другу. Вечные разговоры и философствования.

Казя к общему удивлению поправляется. Я писал вам, кажется, что у него скоротечная чахотка; это оказалось неверно, хотя у него и шла кровь горлом: был просто тиф. Худ он так, что страшно смотреть. Так как я не учу его, то мне очень хотелось бы перебраться отсюда куда-нибудь, где подешевле и поспокойнее, но лень приняться за это дело, да жаль и Мишу, с которым мы в большой дружбе. Вас. Назар. прислал мне письмо. Томится ужасно; тоска, говорит, такая, что хоть спивайся. Когда их вернут в Россию, хочет выходить в отставку, найдя себе предварительно место.

Бедная Марья Дмитриевна очень плоха. Кажется, умрет скоро: у нее начинается водянка сердца. Теперь совсем захандрила, с тех пор как была у Боткина. Много ли говорят у вас о чуме? Здесь решительно от нее проходу нет. Грешный Петербург боится ее... как чумы. Иного сравнения не подберешь.

Скоро начинаются художественные выставки, и я возьмусь за старое дело. Боюсь только, чтобы к тому времени не прихлопнули «Русской Правды»: у нее уже есть два предостережения.

Я ничего не знаю о Кривенке: на позапрошлой неделе я заходил к нему и узнал, что у него дочка заболела дифтеритом и что отец и мать поехали с нею в детскую больницу. С тех пор я не решаюсь пойти к С. Н.: если дочка умерла, то он чуть с ума не сойдет. Так я и не знаю, поехал он или здесь еще.

Видели ли I кн. «О. З.»? Я видел мельком и, кажется, книжка очень богатая.

До свиданья, голубчик мама, крепко целую вас. Поклон всем.

Ваш *В.*

157. *Е. С. Гаршиной*

5 февраля 79.
СПБ.

Дорогая мама! Очень поразила меня весть о смерти Варвары Николаевны. Бедная, хорошая женщина! И какая нелепая судьба; неужели она не была способна на что-нибудь лучшее, чем услаждение досугов Фед. Як.⟨?⟩ Неглупая, добрая. Не поверите, как мне жалко ее. И в то же время нужно сознаться, что для нее эта смерть — одно хорошее. Что ждет ее детей? Что хорошего в их жизни она увидела бы! Теперь грозное время. Наступают такие минуты, что только сильные духом перенесут их. И дети Варвары Николаевны, слабые барчуки, неспособные, по всей вероятности; недоучившиеся, не будут ли они раздавлены? Благо ей, что она не увидит будущего.

От тетки получил тоже извещение. Письмо так и сквозит совершенным равнодушием и чуть ли даже не радостью, несмотря на печальные речи о «2-х женщинах и 17 сиротах» в 5 месяцах. Противные люди.

О моих хождениях к Симашке я вам уже писал. Такой свинья, право. Краевичу напомню об его обещании выслать деньги. Какая милая вещица этот «Клен», просто прелесть.[97]

Был ли у вас Сергей Ник.?

«Встреча», как я вам уже писал, принята, а «Трус» («Из зап. кн.») тоже, вероятно, пойдет в измененном виде. По крайней мере Щ. ничего не пишет мне, а он сказал, что если будет какое-нибудь препятствие, то известит.[98]

Скоро начинаются выставки, и я примусь их «описывать» в «Русской Правде».

Дня три уже как со мной живет Влад. Мих. У Марьи Дм. под полом издохли крысы (15 штук), и пока ломают пол и дезинфицируют комнату, она поселилась у Латкина, а сей последний перебрался на время ко мне. Павел Мих. переехал вчера от нас. На всякий случай вот его адрес: Б. Конюшенная, д. № 5, кв. 62.

До свиданья, дорогая мама. Написал бы еще кой о чем, да боюсь вверять некоторые вещи бумаге.

Крепко, крепко целую вас.

Ваш *В.*

Всем поклон.

P. S. Сегодня хочу зайти к Грише (Коротнёву), к Гавловскому. Вот кому, вероятно, горе.

Письмо Ю. Н. ⟨Говорухи-Отрока⟩ получил *одно*, где он пишет о своем намерении переделать пьесу.

158. *Е. С. Гаршиной*

18 17/II 79. СПБ.

Дорогая мама! Простите, голубушка, что не исполнил своего обещания написать на другой же день после моей коротенькой записки. Надеюсь, что вы получили ее вместе с письмом Ю. Н., в котором я сообщил ему нужную ему справку.

О том, о чем я теперь напишу вам, прошу вас, пока я не напишу вам о решительных результатах, не говорить *никому*. Дело в том, что наши отношения с Р. порвались. Не делайте никаких предположений об другом увлечении с моей стороны; ничего этого нет и в помине. Несмотря на это, начал это дело я. Когда увидимся, поговорим, я расскажу вам, как это случилось. Пока скажу, что мне невыносимо стало мое положение в качестве человека, которому позволяют любить, но которого не любят. А в этом я убедился еще с весны. Не говорю уже о том, что наши качества очень уж не подходят друг к другу.

Чего мне это стоило! Но во всяком случае меньше, чем стоили эти три года. Господи, сколько душевного капитала истратил я на эту девушку, и что я получил взамен! Несколько разбитых во мне привязанностей и только. Да, правда, еще несколько хороших минут...

Этого чересчур мало.

Я написал ей письмо. Она ответила мне просьбою приехать в М⟨оскву⟩ на один день. Зачем это? Чтобы только протянуть мучение? Я написал ей, что что̀ может быть сказано, может быть и написано. Теперь жду письма.

Серьезно прошу вас не передавать *никому* содержание этого письма и самое письмо сжечь или запрятать.

Читали ли вы в «Слове» «День итога» Альбова? Вы, я знаю, не любите ничего кроме «О. З.», но это прочтите. Дурак Буренин говорит, что это Достоевский, разыгранный как «Фрейшиц перстами робких учениц», но это по-моему чистое вранье. Некоторая неловкость изложения есть, это правда, но по-моему такой ясности и точности анализа у Д. не было. Правда, я читал только I часть.

«Русская Правда» закрыта на горе многим и мне.[99] Начинаются выставки, а писать мне негде. Не знаю, что буду делать: у Щ⟨едрина⟩ брать деньги вперед, до напечатания рассказов, очень не хочется, а других источников нет.

Не напишете ли, мама, к Стр⟨уковым⟩, чтобы мне прислали остальные проценты?

Отставки все еще нет. Если Женя ходит к Иозефовичу и ему захочется знать об моей отставке, пусть пробегает «Увольняются» в «Русском Инв.».

Цалую вас.

Поклон всем. *В. Гаршин*

159. *Е. С. Гаршиной*

(Отрывок)

⟨Конец февраля 1879 г.⟩[100]

...Как и всегда, поставили несколько превосходных вещей Репина. «Царевна Софья» по-моему первоклассное произведение. Мясоедов не выставил еще ничего, но на этой неделе обещает поставить. Напишите мне, справедливы ли слухи о том, в Х⟨арькове⟩ народ страшно возбужден против студентов и даже собирался разнести университет? Мне что-то плохо верится.

Что Жорж? Перебирается ли в Х.?

Пригодились ли Ю. Н. мои справки?

Мои художники за это время просто с ног сбились: устраивают вечер в пользу Академии, с певцами, живыми картинами и танцами. Даже меня заставили писать в редакции письма с извещением.

Малышев усердно работает в «Стрекозе», а Ив. Як. с Тимоф., вероятно, наслаждаются его многочисленными рисунками. Нужно сказать, что за глупость их Миша отвечать не может: почти все они не его сочинения, а нарисованы на присланные из редакции темы.

До свиданья, дорогая мама. Крепко целую вас. Всем кланяюсь.

Ваш *В.*

По поводу мнения наших юношей о «Больном месте». Хотя оно не из лучших произведений Щ⟨едрина⟩, но говорить, что он берется не за свое дело — право смешно. Кажется, он зарекомендовал себя как художник в «Иудушке». За этого «Иудушку» я отдам трех Достоевских со всеми потрохами.

160. *Е. С. Гаршиной*

5 марта 79. СПБ.

Дорогая мама!

Вы знаете, вероятно, что я уже выпущен в отставку и теперь только жду документов. Жалованье (о котором я подал уже рапорт) я имею право получить, но не за все время с апреля, а, кажется, только по сентябрь, т. к. я уехал из Х-ва в отпуск по своей надобности, а не для лечения. Во всяком случае, если больше не дадут, настаивать не буду. Одного похода в Ком⟨ендантское⟩ пр⟨авление⟩ довольно, чтобы расстроиться на целую неделю; ну их всех к чорту и с деньгами. Пожалуйста, не пишите мне больше об них; отнимаю я их у кого-нибудь или не отнимаю — во всяком случае беру даром, только потому, что плохо лежит. Я уже и то довольно перебрал с них денег.

К Пасхе, дорогая мама, вероятно, приеду. Дело в том, что я теперь принялся за довольно большое «произведение», за которым нужно посидеть, и не хотелось бы, пока не кончу, менять места.[101] «Большое», конечно, относительно. Должно быть листов пять выйдет. Да к тому же и выехать не с чем. О моем безденежьи не беспокойтесь, у меня деньги есть, т. к. были должники, оказавшиеся аккуратными. За квартиру заплачено по 1 апр., за обед тоже, словом, все благополучно.

Я пробуду у вас до конца мая, а потом уеду в одну довольно интересную экспедицию, о которой пока еще не скажу ничего. Напишу, когда это окончательно устроится, а то когда заранее собираешься, всегда досадно, если потом не удается исполнить намерение.

Мне самому, дорогая мама, очень хочется видеть вас. Много есть о чем переговорить, что не укладывается в письме. С тех пор как случилось известное вам обстоятельство, я точно вверх дном перевернулся. Нет этой постоянной гнетущей мысли, что на тебе лежит обязательство, что ты все-таки связанный человек. Как я чувствую себя виноватым перед вами, не буду распространяться.

Одно скажу вам — я до конца любил эту девушку. Причина разрыва не я, а она. Расскажу, быть может, когда увидимся, чтò меня попудило разорвать отношения, а теперь довольно сказать, что она позволила себе обманывать меня.

Ну, бог с ней! Пусть будет счастлива. С ее внешними качествами и *тактом* она не пропадет.

Я решительно не мог выносить ее рассказов об Альбедиль, как ее там любят, какие они милые и пр. и пр. Это и множество мелочей меня ужасно мучило, наконец последовало разоблачение одного обстоятельства, тогда я не мог не написать изв. письма. Зачем я пишу вам о ней так много? Вовсе не стоило бы. Впрочем, носиться со своею даже прошедшею болезнью вообще очень свойственно людям. До свиданья, мама, дорогой мой друг. Крепко вас целую. Скоро увидимся.

Ваш *В*.

На конверте: В Харьков. Подгорная ул., д. № *Е. С. Гаршиной*.

161. *Е. С. Гаршиной*

$\frac{14}{III}$ 79. СПБ.

Дорогая мама! Вчера получил от вас письмо с известием о наших вояках. То обстоятельство, что мне быть может дадут крест, ужасно меня взволновало: дело, конечно, не в кресте, а *воспоминанця* вдруг поднялись и наполнили душу.[102] Вспомнил день 11 авг. 77 г., быть может единственный день, когда вполне

*

сознавал себя честным и порядочным человеком. Тот, кто не бывал под пулями, вряд ли поймет, что я этим хочу сказать. Вчера вечером я рассказывал двум знакомым об этом дне, и когда они ушли, чуть не расплакался. Убитые товарищи и теперь передо мною как живые, особенно Федоров, на моих руках истекший кровью. Ах злодеи, злодеи, что они делают.

В Бологое поехать, кажется, не могу: денег мало, а на поездку туда и назад нужно minimum 15 р. Впрочем, до вечера времени еще много. Очень хотелось бы мне повидать товарищей. Вероятно, Аф⟨анасье⟩вы и Сахаров скоро приедут сюда.

Третьего дня был у Мих. Евгр. ⟨Салтыкова⟩. Снес ему маленькую-маленькую вещицу, написанную между прочим, сказку. И притом фантастическую.[103] Обещал написать, если *не* понравится, да вот всё еще молчит. Вероятно, пригодилась. Таким образом март, апр., май «О. З.» будут иметь счастие украшаться моими творениями.

Скадовского картины еще нет на выставке. Непременно напишу вам, что вы просите. И мнение Крачковского изложу, хотя вы меня немножко обижаете, ценя мое мнение ниже его. Я во всяком случае судья не меньше его в сих делах.

Прозоровский *есть*. Бывший слуш. Шабачьего клинику. Тот ли?

Юрию Ник. до 20 — 21-го исполнить его поручения никак не могу, а тогда употреблю все возможное. Нашел один экземпляр, да непродажный.

Вероятно, уже знаете о покушении на Дрентельна. Писать больше некогда, нужно опустить письмо. До скорого свиданья, голубчик мама. Целую вас крепко-крепко. Миша кланяется.

Ваш *В.*

Нарочно распечатал письмо, чтобы выразить свою радость по случаю решения Влад. Степаныча. Правда, я в этом человеке ничего не понимаю. Подвержена его совесть затмениям, что ли? Все-таки я очень рад.

В.

Еще. До⟨р⟩фман (барышня знакомая) бывает у Кислаковских (изв. железнодорожник, инженер). Упомянула она обо мне, и m-me Кислаковская объявила, что я ей родственник. Как-то через Иваненковых. Зовут ее Лизавета Петровна. Кто она? Мне не мешало бы посмотреть их. Кислаковская очень просила Д. «привести» меня.

162. *А. Я. Герду*

25 апреля 1879 г.
⟨Харьков⟩

Что-то у вас в Питере теперь делается! Не спрашиваю, а только восклицаю, потому что не такое теперь время, чтобы

спрашивать что бы то ни было. У нас «тихо и спокойно», хотя... Поверка паспортов наделала много беды. На Москалевке, напр. (я передаю то, что везде говорят), повесились муж и жена, оставив 6 ч. детей. Паспортов не было для прописывания... на этом свете. Они и отправились туда, где не введена еще паспортная система...

...Работа понемножку подвигается вперед.[104] Двигалась бы, конечно, и не попемногу, если бы, работая, приходилось думать о том, *что писать*, а не о том, *чего не писать*. Иногда просто в мрачность приходишь при мысли: что если так придется всю жизнь?

Прочел Маудсли «Душу». Хочу Гризингера прочесть и кроме того хожу со студентами V курса в психиатрическую больницу на «разбор больных». Какая это интересная вещь! Дурная сторона: невольно начинаешь «разбирать» не больных, а т. наз. «здоровых» и находишь то Tabsucht, то Wahnsinn. Что, впрочем, неизбежно должно случаться при внимательном рассмотрении людских поступков. Профессор, дай бог ему здоровья, не гонит с лекции, так что я надеюсь походить на Сабурову дачу (больница) еще с месяц. Что нибудь в голове останется...

163. *Е. С. Гаршиной*

Ростов н/Д. 23 июня 79.

В первый раз в жизни, дорогая мама, терплю подобный афронт: меня совсем обокрали. Т. е. остались только деньги, да три рубашки, подштан. и носки, бывшие свернутыми с подушкою. Все остальное погибло: шелковое платье, большие сапоги, пледовая пара, белье, кружка, серебр. ложка, и к довершению бедствия и «Художники». Я знал, что на этой ж. д. воруют, и поэтому, даже выходя из вагонов в воксалы, брал с собой вещи, но на самой последней станции (уже версты за 3 от Ростова) задремал, проснулся, когда поезд останавливался, моего соседа и моего чемодана уже не было. На беду вагон был почти пуст.

Заявил жандармам, но, конечно, из этого толку никакого не будет. Просто не знаю, в чем доходить лето. Новое шелковое платье шить — денег не хватит.

Я вчера уехал от Дорфманов, где очень хорошо провел время, хотя попал к ним в весьма торжественную минуту: наехавшие из Черкасска и Спб. прокурор и жандармский капитан производили обыск. Я раскланялся, предложил им свой вид, но они, глупые, не захотели и посмотреть: «Мы верим вам на слово». Дело в том, что Соню Никитину (приятельницу С. Дорфман) уже арестовали в Курске. Бедная, бедная девочка, допрыгалась.

таки! А какая хорошая женщина была бы. Пришлось ждать целую ночь в Р⟨остове⟩, и я поехал в гостиницу. Извощик привез меня в какой-то «Шато», где страшно жарко, душно, блохи и вдобавок все номера набиты «девицами», производящими нестерпимый гвалт. Едва уснул уже под утро.

Еду теперь к Федосу. Быть может на обратном пути еще раз заеду к Д. Очень мне нравится Соня; такая милая, сердечная девушка.

Пишите в Х⟨арьков⟩.

Жоржу и Глафире В. поклон. Сашку целую. Понравились ли ему картинки?

Ваш *Вс.*

164. *Е. С. Гаршиной*

Харьков 18 $\frac{3}{VII}$79.

Дорогая мама! Сегодня приехал в Харьков. Вы, вероятно, получили уже от меня письмо из Ростова н/Д. с известием о печальном событии с моим чемоданом. Досадно. Теперь сижу и переписываю «Художников». В июньской книжке «Attalea» не напечатана, чему я даже рад. Такая пустая до одурения книжка вышла.

Юрий Никол. ⟨Говоруха-Отрок⟩ ужасно обрадовался мне. Статью свою он все еще дописывает. Все прибавляется понемножку, так что, думаю, теперь она достигла листов 4—5.

Федос Гавр. и Н. Вас. вам кланяются низко. С большим удовольствием прожил я у них несколько дней. Между прочим, мы с Фед. ездили верст за полтораста по делам (мужикам землю продавали) в те страны, где текут реки: Калитва, *Калитвенция*, Малая и такая же Большая. Откуда казаки взяли подобные окончания, решительно не понимаю.

Сейчас только получил ваше письмо от 29. Неутешительные вещи пишете вы: «Ка́к» не выгорело у Жени, я не знаю: он прислал только одно письмо к Ю. Н. на 2-х листах и все почти описывает дядюшку Д. С. ⟨Акимова⟩. Нечто действительно необыкновенное. Здесь я пробуду, вероятно, до конца этой недели, а затем к Гердам, М. Д. и Васе. К «Рейнклоду» не поеду, денег много нужно.

У меня к вам есть одна большая просьба. Не возьмете ли вы себе маленькую (12 л.) пансионерку, гимназистку. Это сестра Дорфман, Катя. Тащить ее в Петербург для них крайне затруднительно; в Таганроге поместить некуда. Девочка очень хорошая, за это ручаюсь. Пожалуйста, напишите об этом. Пишите мне пока так: *Москва, станция Пушкино, Моск. Яросл. ж. д., дача Камзолкина, д. № 1. Марье Дм. Дебур для Вс. Мих. Гаршина, когда приедет.* Я не думаю, чтобы одна девочка доставила большие неудобства. Впрочем, если вы вообще не хотите

жить ни с кем, то, пожалуйста, напишите откровенно, дорогая мама. Тогда они устроятся как-нибудь иначе.

Т. к. вы приедете в Х. после 1 авг., то я просил Фед. Гавр. приезжать прямо в нашу квартиру, пока не сыщет себе другой.

До свиданья, мама, крепко цалую вас. Буду писать еще раз из Х., а потом от Гердов.

Всем поклоны.

Ваш *Всеволод*

165. *Е. С. Гаршиной*

9 июля 79. Харьков.

Сегодня, дорогая мама, наконец уезжаю из Харькова. Михель сшил мне новое платье, очень недорого. Пиджак шелковый, а брюки и жилет из очень хорошего трико. Сам предложил кредит, встретив меня на улице и узнав о моем несчастии.

Почти ежедневно мы с Юр. Ник. направлялись на Сбитневскую дачу. Без этого скука невыносимая; правда, и там под конец так надоело... Мы с Раисой Всев. в наилучших отношениях. От прежнего осталась разве только дружеская фамильярность, которая до сих пор, кажется, тревожит М. Н. Ах, Раичка, Раичка. Зачем я не мог так *разложить* тебя раньше на все составные элементы. Очень они просты. Яша зачастил ко мне здесь ходить каждый день, на что, впрочем, я не в претензии, т. к. он рассказывает много интересного о Старобельске.

Получил письмо от Володи. Он наверно будет в Петербурге осенью. Очень радуюсь этому.

Пишите мне теперь так: Москва, ст. Пушкино (Моск. Яросл. ж. д.) дача Камзолкина, № 1. М. Д. Дебур, *для Вс. Мих. Г-на, когда приедет.*

Не пишу вам теперь об одном наклевывающемся деле, мысль о котором я привез с Дона. Некоторое экономическое предприятие, конечно, не без небольшого риску, но могущее дать в хорошем случае даже богатство. Когда увидимся, поговорим.

До свиданья, дорогая моя мама, крепко цалую вас. Кланяйтесь нашим, а также Ал. Фед. и Дм. Ив.

Вас крепко любящий *Вс. Гаршин*

166. *Е. С. Гаршиной*

Мураевка. $\frac{12}{VII}$ 79.

Вот я и у Гердов, дорогая мама. Приехал сюда вчера утром и нашел всех в добром здравии. А. Я. забрал сюда работу и переделывает свои книги для новых изданий.

Вероятно с неделю пробуду здесь, а потом в Москву, в Рыбинск и т. д. Если будете писать мне, вот адрес: Новгор. губ., Кириловского уезда, через Горицкий женский монастырь, село Федосьин Городок, Вере Мих. Золотиловой, для Вс. Мих. Гаршина, когда приедет. Пишите, когда приедете в Х., а то я не буду знать, куда писать вам. Я уезжал из Х., когда наш флигель был еще в полном разрушении. Кончали верхнюю печку.

Теперь я еду пока благополучно: еще ничего у меня не украли. Постараюсь и впредь так.

Володя на Амур, вероятно, не поедет, так как является возможность остаться при Горном институте. Очень я рад этому.

Чтобы написать вам это письмо, должен был прервать работу: ужасно рьяно принялся за новый рассказ, который будет больше всех. Ничего, идет. Опять война. На этот раз без анализа, просто типы, в которых я чувствую себя вообще слабым.[105] Надо поработать.

Сколько я не видел народа, все возмущены делом Ландсберга.[106] Все ждали казни. И нужно же было выкидывать штуки, выгонять его в отставку, только затем, чтобы не повесить.

Пишите, дорогая мама, пожалуйста. Я буду писать вам аккуратно, а теперь пока решительно нечего. Цалую вас.

Ваш *Всеволод*

167. *В. А. Фаусеку*

(Отрывок)

Орловская губ. Кромской уезд,
сельцо Мураевка.
$\frac{15}{VII}$ 79.

Дорогой В. А. Не пришлось мне к вам заехать: виновата сама судьба и еще один джентльмен цыганского происхождения. По порядку: выехал из Х⟨арькова⟩. Приехал в Амвросиевку...[107]

Пробыл четыре дня, еду дальше. В Таганроге выхожу на вокзал вместе с вещами, чтобы не украли вещи без меня или меня без вещей. Еду. Луна. Море. Аспект. Садится прохвост, цыганская морда, в чуйке, с серебряной часовой цепочкой, лет сорока, весьма разговорчивых свойств. Болтает...

... *Она* (морда) ложится и храпит. Я сижу и думаю. Думы переходят в грезы, а грезы чорт знает во что. Засыпаю, сидя после последней (перед Ростовом) станции. Слышу свисток. (Не люблю свистков, сэр). Просыпаюсь — поезд гремит, стрелки, красные огни, словом — всякая дрянь. Нужно собрать вещи. Но куда исчезла морда? Лезу под скамейку за чемоданом — и о ужас! О мое шелковое платье, о мои новые рубашки, о рукописи, о цыганская морда! Ты все унесла! Выскочила она на

ходу. Я остаюсь в одной русской рубашке. Федос. ⟨Попов⟩, куда я приехал на другой день, сшил мне еще красную. Жил у него полторы недели, т. е. больше не жил, а ездил с ним по делам в те страны, где текут реки: Калитва и две Калитвенции. Откуда казаки взяли такой суффикс? Продавали там землю мужикам. Видел много мужиков, но обо всем этом, равно как о полуторанедельном пребывании в Харькове, о дальнейшей поездке и о пребывании у Гердов, где я теперь нахожусь, еще будет время рассказать. Заехать к вам я не мог по причине отсутствия приличного костюма, что, надеюсь, ясно видно из моего рассказа...

168. *Е. С. Гаршиной*

24 июля 1879 г.
Мураевка.

Вот уже почти две недели, дорогая мама, как я живу у Гердов и во все это время собрался написать вам только одно письмо: это по причине затруднительного сообщения с Орлом. Очень хорошо прожил я эти две недели; немного работал (подвинул кое-что вперед), разъезжал по уезду. Мы с А. Я. очень тщательно возимся с здешними «породами» (горными), и теперь геологическое строение для нас уже почти ясно. Руды железной здесь бездна; почти под всем уездом тянется непрерывный пласт красного железняка или сферосидерита. Впрочем, это для вас не очень интересно.

Завтра уезжаю в М⟨оскву⟩, Рыб⟨инск⟩ и Городок. Денег мне еще хватает. Когда приедете в Х., наверно к вам прийдет Михель: я дал ему расписку на 17 р. Пожалуйста не отдавайте ему, если у вас и будут деньги, до моего приезда. Получив деньги в Петерб., я, быть может, вышлю ему, а может быть, и сам привезу.

Если вы согласитесь принять маленькую Дорфман, напишите об этом в М-ву. Может быть вам самой вздумается войти в переписку с Д.: вот их адрес: ст. Амвросиевка, поселок Рубашкино, Лев Михайлович Дорфман, для Софьи Льв. Дело в том, что я сделал большую оплошность, кажется не оставил им нашего харьковского адреса.

Ежедневно вечером все мы направляемся к Филатовым. Вот уж нельзя узнать полквоника генерального штаба! Работает как вол, и, кажется, дело у него идет. Я пользуюсь табаком с его плантаций, сам крошу табак и курю — весьма хорош, только сигарный.

Пишу к вам какое-то нелепое письмо. «Туто же и о постелях и душегреях, якобы воистину многих неистовых баб басни», как говорит Курбский. Но я плохо спал сегодня: вчера в руки

мои вселился некий зуд, заставивший меня почти до четвертого часа ночи просидеть с пером, чем я, впрочем, очень доволен, т. к. вчера сильно подвинул «большое».

Вы, вероятно, раньше меня увидите VII кн. «О. З.» Не знаю, поместят ли «At. Pr.», но мне хотелось бы, по правде сказать, чтобы ее отложили до августа. Время терпит, а на затычку итти — благородная гордость не дозволяет. Что-то вроде чести мундира — чорт знает что такое.

Бедная Линочка в большом горе и бомбардирует А. Я. письмами. Она имеет диплом семиклассной гимназии, а теперь на Бест. курсы требуется непременно восьмиклассной. Обидно думать, что Линочке нельзя поступить на курсы, в то время как разные субстанции, Соколовские и проч. дуры, будут приняты.

Я так давно не получал ни от кого вестей. Очень хотелось бы найти в М-ве хоть два-три письмеца.

Вчера получили письмо из У. Сысольска. Пр. Андр. ⟨Латкина⟩ ходит на костылях. Помрет, должно быть. Пишет, что с ужасом ждет отъезда Володи в Петерб. И то сказать: Вас. Мих. никогда нет, а Лиз. Мих. — вещь удивительная.

До свиданья, дорогая мама. Крепко целую вас. Кого увидите — поклон.

Ваш *В. Г.*

P. S. Если бы вы знали только, как Ю. Н. ⟨Говоруха-Отрок⟩ приставал к бедной Рае. Просто истязал ее. Мне ее жалко было, да и странная у человека потребность употреблять ум на смешиванье с грязью безгласных.

169. *Е. С. Гаршиной*

79 $\frac{28}{\text{VII}}$ Ярославль

Пишу к вам из полка, дорогая мама. Я чуть было не проехал в Рыбинск, но к счастию встретил по дороге к пароходной пристани болховского офицера. Полк пока еще здесь. Документы мои высланы уже в Петербург. А когда дойдут до Харькова — Христос ведает. Крест мне есть, и теперь я уже в самом деле «кавалер».

Денег мне пока с грехом пополам хватает, так что думаю благополучно вернуться в Харьков. Вероятно через 2 недели буду в Окуневых горах. Пишите, приедете ли вы туда. Мой адрес пока: Спб. Театр. Здание Зимн. дворца, Григ. Григ. Дроботухину, для В. М. Гаршина, когда приедет.

А «Attalea» все-таки не напечатали. Не знаю, прихлопнули ли или может быть оставили до осени. Правда, что прихлопнуть-то легко могли.

Марьи Дмитриевны я в Москве к великому моему огорчению не застал. Уехала в Баку, повидаться с сестрой.

Живу я теперь у Васи в палатке, в лагере около города. Обедаю в офицерской столовой. Все очень обрадовались мне, да я и сам, подъезжая к лагерю, не мог удержаться от какого-то волнения. Мой приезд взбудоражил у всех воспоминания, и теперь только и слышишь, что рассказы о кампании.

В. П. 〈Сахаров〉, И. Н. 〈Афанасьев〉 и Вася вам кланяются. Они до сих пор носят фланелевые рубашки, те самые.

Хотелось бы мне повидаться с вами, дорогая мама. Скучно иногда становится. Не знаю, как-то я буду одиночествовать за границей.

До свиданья. Не пишется много, да и лучше поговорим увидавшись. Всем поклоны.

Ваш *В. Гаршин*

Сделайте на векселе Всев. Алек. надпись. Он остается должным мне всего 285 рублей.

170. *Е. С. Гаршиной*

〈Начало августа 1879 г.〉

Дорогая мама, как рад я был получить ваше письмо из Старобельска от 25 июля. Я получил его только вчера. Но вместе с радостью о письме как скверно мне стало, когда я прочел его. Что будет с бедным Сашкой? Если бы его отдали, я сейчас же бы взял его и таскал бы всюду за собою. По крайней мере не изгадил бы ни его, ни его жизни.

Я писал уже вам через тетку о деньгах. Проклятая почта идет так долго, что мне еще долго прийдется жд〈ать〉 . . . . . .
〈*Вырваны четыре строки письма*〉 Мих. Евграф . . . .
что здесь прий〈дется〉 . . . .
Не говоря о людях, которых я очень люблю, и место прекрасное. Дом с церковью на высоком одиноком холме над самою Шексною, по которой каждую минуту ходят пароходы, барки, туэра и проч. Кругом вода и леса. Монастырь в версте.

Подлые монахини девять месяцев тому назад приковали одну юродивую «сестру» цепью к стене в подвал, и только теперь следствие обнаружило это.

Я как дурак обрадовался вашему письму, тем более что совершенно забыл, что давал вам адрес в Городок. Теперь вы, вероятно, уже в Ливнах. Кланяйтесь всем, кому следует. И если сообщите мне о них некоторые подробности, был бы очень благодарен... 〈*Вырваны четыре строки*〉. ...готовы еще рассказа два...

Будьте добры, мама, напишите мне, где теперь Женя. И как мне послать ему письмо. Впрочем, по всем вероятиям, я в Петерб. теперь не поеду, а прямо махну в Ливны, проводив Веру Мих. и Линочку до Рыбинска.

Живу я здесь со всеми очень дружно. Гостила два дня тут Нат. Павл. Яновская; доктор, о которой я вам писал зимою. Похудела бедняжка от уездной жизни. Осенью едет в Вену еще чему-то доучиваться.

Если бы вы знали, какое тяжкое впечатление оставил во мне полк. Васе просто честь приносит, что он до сих пор не спился, в особенности принимая во внимание, что в нем нет отвращения к пьянству. Новый полковник, хотя и храбрец с Георгием, но дубина, кажется, порядочная и вдобавок еще чухна.[108] Офицерство — пошлость и пошлость, вполне развернувшаяся при мирной обстановке.

Владимир Мих. наверно будет в Петерб. осенью, чему я ужасно рад. Не знаю больше ничего: останется ли он в П. или возьмет место в провинции.

Здешние места мне очень напоминают Петрозаводск, за изъятием разве отсутствия больших гор. Люди совсем такие же и яства такие же: шаньги, наливушки, налитушки, колобки — всего сортов должно быть двадцать. Кроме того — пиво, сусло, брага, дрождяник и квас неизменно являются за столом. Все это довольно противно, но здешние аборигены гордятся своею едою как бог знает чем.

Я писал уже, кажется, вам, что получил письмо от Виктора. Он брешет, что пишет элегию к похитителям моего чемодана с эпиграфом:

...вы жертвы заблужденья
Ужели совести в вас нет.

Вообще кажется очень весел. Пишите же о Жене, если знаете что-нибудь.

С Х⟨арькова⟩ до сих пор я ваших писем не получал. До скорого свиданья. Целую вас.

Ваш *В.*

Поклоны.

171. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. $\frac{26}{VIII}$ 79.

Дорогая мама! Наконец-то я с уверенностью пишу к вам: сейчас только приехал в Петербург и получил письмо Ю. Н. от 5 августа. Приехав, я сбегал к Елисеевым и К⟨ривен⟩ко, но никого не застал: Е. за границей, а К. где-то на даче; адреса не знаю. Так что, собственно говоря, никого не видел, и ничего не

знаю ни о ст. Ю. Н., ни о своих писаниях. От дороги и от массы виденного и слышанного у меня просто голова кругом идет; поэтому буду краток. В Х. приеду через неделю-две. Во всяком случае буду писать через день до самого отъезда. Никаких денег, если они не посланы мне, не посылайте (намекаю на письмо, которое вам, вероятно, передаст А. Е.). Решительно ничего не знаю о вас (последнее письмо из Старобельска и получено 2 недели тому назад в Городке); поэтому, пожалуйста, пишите и побольше.

Послезавтра разберусь с головой и буду писать обстоятельнее.

Юрию Николаевичу содержание письма (т. е. то, что для него интересно) передайте и скажите, что завтра увижу всю публику (редакционный день) и тотчас же напишу ему все, что признаю за благо.

Пишу ужасную ерунду, а потому прекращаю письмо.

Крепко целую вас, голубушка моя. *Очень, очень и очень хочу вас всех видеть: право, давно так не хотелось.*

Жоржу, если не уехал (впрочем, наверно, уехал) поклонитесь. Об аборигенах же кривошеинских высот нечего и говорить.

Ваш *В.*

Чуть не забыл адрес: Б. Сад., д. № 51, кв. № 10, комн. 7.

172. *Е. С. Гаршиной*

$\frac{29}{\text{VIII}}$ 79. СПБ.

Дорогая мама!

Был в редакции, видел М. Е., который очень меня обрадовал тем, что ходит прямо и, кажется, поправился в своем Monrépos. «Художники» набраны и пойдут в сентябре. Я послал их из Городка, прося выслать мне под них 50 р. Деньги были тотчас же посланы, но меня не застали, т. к. меня увезли в Петерб. добрые люди. Дней через пять приедет Боба и привезет мне их, а покуда мне еще дано 50 р.

Перевидел по своему обыкновению кучу народу. П. М. ⟨Новиков⟩ выпущен. Сегодня пойду к нему. Даром просидел человек. Чорт знает что такое! Ольга Орестовна переехала на Бассейную, купив там ⟨?⟩ магазин, и теперь, разумеется, в долгу, хотя дело идет прекрасно.

Катишь Пузино неделю тому назад обвенчалась с Сашей Мартьян⟨овым⟩. Молодые уехали, кажется, в Николаев. У Пузино я еще не был.

Катерина Сергеевна бодрится. Не знаю, что будет. Тут же Курносова, Лизогуб (или Богомаз, право, не знаю) и еще куча «курсисток». Бедные девочки. Озабоченные физиономии, хлопоты, много даже и плача. У одной нет дозволения, другая неблагонадежна, и все они бегают по П. как угорелые.

Обещал писать вам много, но положительно перо валится из рук. Так не хочется, ввиду близкого свиданья. Пишите, как вы провели лето и были ли в О⟨куневых⟩ Г⟨орах⟩. Что там делается?

Михелю скажите, что приеду скоро и деньги ему привезу. До сих пор никак не мог.

Н. С. Дрентельн ездил за границу, стал веселее и бодрее.

Володя скоро приедет. Марья Дм. тоже.

До свиданья, голубушка мама. Всем поклон. Скажите Жене, что его рукопись я постараюсь выручить от Нотовича.

Всем поклон.

Писать все-таки буду часто. Работы по горло: кончаю «Денщика Никиту», который, впрочем, мне не понравился.

В «Attalea princeps» усмотрена аналогия, и поэтому она не пойдет.[109] Ничего, спрячу.

173. *Е. С. Гаршиной*

18 $\frac{7}{IX}$ 79. СПБ.

Дорогая мама! Простите, голубушка, что долго не писал: право не знаю и сам, чего дожидался. Наконец сегодня получил все деньги и ваши 25 р. и из «О. З.» Вчера был у Михайловского и взял статью. Свинья этот Михайловский, по правде сказать. Непринятие Ю. Н.-ча статьи — скверное, несправедливое дело. Я написал было Ю. Н. свои рассуждения об этом, да порвал. Жалко было бы бранить ему М-го, которого он все-таки, должно быть, любит, если любит кого-нибудь, кроме Нади А⟨лександро⟩вой и черного кота. Не говорите ему ничего этого, а передайте только прилагаемую записочку.

Не горюйте, что письма пропали: они все или у Васи, или у Колударовых, и я их получу во всяком случае. Ваше письмо о Гл. Вас. мне душу перевернуло. Такая масса разнороднейших чувств нахлынула. Так совестно стало перед собою. С одной стороны, что-то говорит: пусть умрет, лучше будет, а с другой — «умрет молодая, здоровая» и проч. Так я и не знаю ничего, как об этом думать. Знаю, что думаю что-то скверное и дикое.

Выеду к вам между 15 и 20, потому что непременно хочу дождаться Володи, а он приедет около этого времени.

Поздравляю студентов, уж теперь настоящих, и искренно желаю им четыре года остаться целыми, что, впрочем, теперь не легко...* Проклятая *бумага*! Ничего на ней нельзя сказать. Приеду, порасскажу многое.

Кончаловский в Холмогорах.[110] Он списался с Ал. Гр. ⟨Маркеловой⟩ и просит у нее работы. А она сама без работы. Конради и какая-то компания выжили ее из «Молвы», где она работала многие годы, воспользовавшись тем, что она заболела. С голоду они, правда, не помирают: фотография коечто дает. Но не подлые ли это бабы?! А еще либералки, чорт бы их взял!

В О. Г. смерть ехать не хочется, а в то же время тетку жаль как-то. Посоветуйте, мама. То ли бы дело, явился бы я прямо к вам. А то еще сиди там. Времени до Парижа осталось уж немного.

Мама, мама, как вы глубоко были правы, тысячу раз правы, во всей истории с Р. В. (Вы только действовали не так, как нужно было.) Вижу это (что вы правы), потому что вот с *11 февраля* до сего времени меня *ни разу* не посетила хандра или уныние. Буду праздновать этот день всегда не как именины, а как день выхода из Египта праздновали евреи, ибо я в этот день, написав письмо, и точно вышел из своего Египта.

До свиданья, голубушка моя. Крепко вас целую. Поклоны.

174. *Е. С. Гаршиной*

$\frac{11}{XI}$ 79. Москва.

Петр.-Разум. Академия.

Дорогая мама! Совершенно случайно вздумалось мне заехать в Петровскую академию к товарищам. Здесь из наших Ермолинский (есть на группе), Черепов (карточка) и Инокентий Ефимов. Не жалею, что заехал, ибо, во-первых, «возбудился к жизни» — такое хорошее впечатление произвели на меня Ерм., Еф., Череп. и их товарищи — а во-вторых, *почти* устроился писать литературную хронику в «Русском Курьере» и художественные корреспонденции туда же. Сейчас идет поезд и поэтому я не пишу больше.

Имея в виду «Русский К.», о месте хлопотать подожду. Как вы думаете об этом мама?

Целую вас. Жоржу, Жене и прочим поклон.

В.

* В подлиннике следуют полторы густо зачеркнутых и не поддающихся разбору строки. *Ред.*

175. *Е. С. Гаршиной*

$\frac{13}{XI}$ 79. СПБ.

Дорогая мама! Приехал я в П. вчера, но вчера же написать письмо не собрался. Я уже писал вам из Москвы о том, что заезжал туда. Я встретил по дороге одного окончившего «петровца», который напомнил мне о товарищах и соблазнил заехать, в каковом моем поступке я не раскаиваюсь. Хандра с меня соскочила совсем. Не могу сказать надолго ли: мой враг появляется всегда так неожиданно, без объявления войны. Теперь я в благополучном состоянии: голова свежа; могу читать и понимать, могу говорить не запинаясь и не забываю слов, как это было со мною в Харькове.

Узнал я здесь новости. В университете был скандал, который вкратце излагаю. Студенты, собравшись в шинельной, разговаривали о чем-то. Пришел Антропов и стал их разгонять. Началась перебранка: Антропов, заметя одного из наиболее протестующих, крикнул сторожам: «взять его!» или что-то в этом роде. Студента взяли и ввергли в карцер. Товарищи высадили дверь у карцера и освободили заключенного. Антропов летит к Гурке с жалобою. Сей последний приказывает *немедленно* собрать совет для суда над зачинщиками. Совет собрался в *два часа ночи* и решил *сделать одному из студентов выговор*. С этим решением ночью же Бекетов и Волконский (попечитель) едут к Гурке, который приходит в ярость за «потакание мятежникам», грозится «не оставить камня на камне в университете» и «наделать десятки несчастных» и приказывает явиться к нему всем профессорам. С ними он объясняется поодиночке. После объяснения с Менделеевым он укротился (говорят потому, что М. имел с ним *крупный разговор*) и приказал Антропову выйти в отставку. Мелиоранскому же, назначенному и. д. проректора, внушил, чтобы он держал себя со студентами осторожнее и не раздувал бы всяких пустяков в политические дела. Вот это называется университет! Как бы здесь поступили Владимировы, Бессоновы и проч.

Жду письма от ред. «Русского Курьера» и, благословясь, начну работать.

Вчера я пошел к Володе и с ним попал в общежитие барышень (три Золотиловых и Российская). Был там Золотилов, товарищ Влад. Степ. Сейчас иду на выставку и сегодня же буду ее описывать. Итак, я временно (к сожалению, наверно, только временно) «плюнул на скуку, морску суку». Но «штуки» все-таки не знаю. И когда узнаю ее?

По вашему письму к Мише меня выходили встречать на вокзал, но так как я сутки пробыл в Москве, то никто не встретил.

До свиданья, дорогая моя. Крепко целую вас. Уехал ли Жорж? Всем поклоны. Что Ю. Н. не высылает рукописи? Пусть шлет прямо на мое имя. (Б. С. 51, кв. 10, В. М. Г.) без передачи.

Ваш *В.*

P. S. Комнату я занял в 12 р., хотел бы дешевле, да совсем уж плохая стоит 8, повернуться негде.

176. *Е. С. Гаршиной*

18 $\frac{22}{XI}$ 79. СПБ

Дорогая мама, простите меня за то, что не сейчас же ответил на ваше письмо. Лгать вам мне не хочется, да и не могу я лгать вам, а правду писать не легко. Нервы у меня расстроились чрезвычайно: о какой-нибудь работе или хлопотах теперь я и думать не могу. Вчера случайно говорил с психиатром, который сказал, что на время нужно оставить всякую умственную работу. Попробую, авось успокоюсь немного. Но ведь отсутствие *занятий* не остановит постоянной работы, — не работы, а какого-то скверного брожения мозга, которое меня и губит. Я, право, потерял голову.

Иногда мне кажется, что всё это не болезнь, а ломанье, что я не не могу работать, а просто ленюсь — но ведь, право, это неправда.

Подробностей о знакомых вам никаких сообщить не могу: там, где я был, ничего особенного не случилось. У Пузино и О. О. я не был, да кажется, и не пойду, пока не прийду в порядок, если только это сбудется. Я в каком-то удивительном состоянии: тоски, настоящей хандры нет, а апатия ужаснейшая. Хочется сидеть не шевелясь и ни о чем не думать.

Из «Р. Курьера» письма не получил: должно быть им не понадобилось. Не знаю, горевать ли об этом: все равно, я ничего не мог бы написать.

Сегодня получу посылку Юр. Ник. и спесу в «Слово» (повестка уже готова).

До свиданья, дорогая моя. Не следовало бы мне писать вам таких писем.

У меня еще есть какая-то слабая надежда. Безосновательная, конечно, — но ведь без всякой надежды осталось бы только умереть.

До свиданья. Целую вас.

Вас любящий *В.*

Всем поклоны.

177. *Е. С. Гаршиной*

$\frac{30}{XI}$ 79. СПБ.

Пишу вам, не получив еще вашего ответа на мое письмо, потому что боюсь, что вы беспокоитесь обо мне. Теперь я «так себе». Работаю все-таки, хоть не пишу, а перевожу немецкую книжку, данную мне А. Я.[111] Книжка о птицах скука страшная, и переводить мне трудно, потому что я не знаю ни языка, ни орнитологии. Все-таки эта книжка — единственное мое спасение и в смысле спасения души и в смысле спасения от голода. Писать — ничего в голову не лезет, т. е. решительно-таки ничего.

Вещь Юрия Николаевича я снес на прошлой неделе в «Слово». За ответом сказали прийти в середине будущей; каков будет ответ — немедленно извещу.

Сейчас была Анна Карловна; принесла мне рукопись для передачи Краевичу. Не знаю, поместит ли. А очень бы хотелось: А. К., повидимому, очень бедствует.

Я о своем грядущем бедствовании часто размышляю. Иногда думается, что нужда заставит взяться за ум. Но большею частью кажется, что за ум не возьмусь. Буду голодать или попрошайничать. Ах, мама, мама, дорогая моя, простите, что я пишу вам все это. Но невольно срывается с пера то, что постоянно сидит в голове, несмотря на все мое нежелание. Куда бы уйти от этих постоянных размышлений о собственной персоне и ее участи, размышлений и бесплодных и мучительных.

Попробовал я было толкнуться достать маленькое место; пока из этого не вышло ничего верного, хотя надежда еще есть, правда, очень маленькая.

Писал бы еще о многом довольно интересном, но вы сами знаете, какие бывают «но».

У Ольги Ор. еще не был, хотя каждый день собираюсь пойти. Не хочется мне тащить туда свою постную физиономию. Вашу просьбу относительно карточек исполню, как только увижу ее.

Что Жорж?

До свиданья, дорогая моя мама. Простите меня за эти письма: не следовало бы мне их писать. Но обманывать вас я не могу, да и бесполезно было бы, мне кажется, обманывать. Пишите мне почаще, если можно. Крепко целую вас.

Вас любящий *В.*

Всем поклоны. Здоров ли Сашка и каково ведет себя. Поцалуйте его за меня.

Передайте Жене эту фразу: мне очень было бы горько, если он на меня сердится.

178. *Е. С. Гаршиной*

$\frac{2}{XII}$ 79. СПБ.

Голубушка моя, дорогая моя мама, сейчас получил от вас письмо и так больно мне было его читать! Так и представился мне Харьков и захотелось видеть вас. Но я не знаю, где лучше жить мне (для нас обоих). Постоянно терзать вас своим ли видом или своим отсутствием, будто бы это не все равно? Но здесь в П., быть может, что-нибудь удастся мне сделать с собою, приткнуть себя куда-нибудь.

Я делал уже попытки в этом смысле. Ив. Ег. ⟨Малышев⟩ говорит, что у них в банке имеется даже список кандидатов (у директора) на места. Надежды, стало быть, почти никакой. Другое место тоже плохо улыбается мне. Н. Ф. Черновский уходит из Р. У⟨чилища⟩, по крайней мере, думает уходить, если оправдаются его виды на другое, лучшее место. Я был у Геннинга (который ныне инспектор Р. У.), и он взял мой адрес на случай, если Черновский действительно вздумает уходить. Но, по словам Геннинга, в последнее время Ч. об уходе что-то помалчивает.

Вы поверьте мне, дорогая моя, что в моих письмах не будет лжи относительно моего внутреннего положения. Лгать вам, хоть бы для того, чтобы успокоить вас, я не стану. Вы пишете о том, нет ли у меня какого-нибудь «горя». Право, настоящего «горя» нет. Ни в кого я несчастно не влюблен, никакого преступления не совершил. Мое горе — я сам, со своею беспричинною хандрою, ленью, неумелостью, тряпичностью и т. д.

Эту неделю я провел сносно: упорно сидел в П. Библиотеке и переводил немецкую книжку о птицах.[112] Эту работу дал мне А. Я. Пока работаешь — ничего себе. Зато вечером — плохо. Сегодня воскресенье, П. Б. отперта не надолго, я там не был и тоска страшная. Правда, что мне работа необходима!

Мама моя, дорогая моя, не тоскуйте обо мне очень. У меня самого еще есть надежда на лучшее, вернее на спасенье. Если бы не было этой маленькой надежды, я не стал бы жить. Очень уж тяжело, это правда. Но посмотришь вокруг себя и скажешь: ведь не глупее я других. Есть у меня все-таки талант. И то, что мешает ему работать, неужели должно продолжаться всегда, до самой смерти?

Юрию Ник. скажите, что судьба его рукописи решается в четверг и что я немедленно извещу его о ней.

Анна Карловна была у меня и передала мне три рукописи для Краевича. Завтра снесу их к нему. Она, бедная, кажется, очень бедствует, очень бы хотелось втиснуть эти рукописи.

До свиданья, голубушка моя, крепко вас целую. Всем поклоны.

Вас любящий *В.*

179. *Е. С. Гаршиной*

8 декабря 79 г.

Дорогая мама, пожалуйста оторвите второй листок этого письма и передайте Ю. Н. Писать совершенно нечего; попрежнему перевожу «птиц», которых, кажется, доведу до конца, что мне редко удается. Володя передал мне несколько слов из вашего письма. Времена!

Простите, голубушка, что мало пишу, но, право, не выжмешь ничего из головы. Разве вот что: был у О. О., но не застал ее; завтра пойду к Пузино. Нельзя ли будет попросить О. П. сделать что-нибудь для меня? Беда в том, что О. П. считает меня чуть ли не социалистом. Вид у меня, что ли, такой?

Сегодня отправляют Ивана Михайловича в Усть-Сысольск. Он совсем плох.

До свиданья, целую вас.

Вас любящий *В.*

180. *Е. С. Гаршиной*

$\frac{18}{XII}$ 79. СПБ.

Дорогая мама, простите, голубушка, что давно не писал вам. Находился в мрачности, а в этом состоянии плохо пишется. Вы пишете о вашем желании написать письмо О. О. по поводу меня. Не делайте этого, прошу вас, по крайней мере, теперь. Вот несколько дней как я ожил и хожу занятый новою вещью. Чувствую, что сяду писать, может быть, сегодня же или завтра. Если сяду и напишу — зачем мне тогда это место. «Места» меня пугают, как какая-то тюрьма... Ведь поступить в банк, в министерство значит прикончить совсем и навсегда многое и многое. Вот если я сорвусь теперь, если снова почувствую в голове пустоту и бессилие, съедавшие меня четыре месяца — тогда к Ор. П-чу. И пойду сам. Как хотите, мама, пишите или нет, это ваша добрая воля, но мне было бы стыдно за себя, если бы я не сумел сам объясниться с О. П. Я не хотел бы вашего письма к О. О.

Адреса ее теперь сообщить не могу: знаю, что на Бассейной и дом знаю, но №№ дома и квартиры забыл.

Во всяком случае *теперь* я не могу думать о месте, дорогая моя мама. Вы, я думаю, поймете меня и не осудите за это новое проявление неосновательности.

Писать я хочу уже года полтора тому назад продуманную, а теперь дополняющуюся и изменяющуюся (пока в моей голове, конечно) историю. Не написал я ее в свое время — хотя начинал — не из чего иного, как из какого-то рабства. Дело в том, что

«направления» какого бы то ни было в рассказе совсем нет. Совершенно личная история с любовными делами и с очень кровавою развязкой.[113] «О. З⟨аписки⟩» наверно не напечатают, а все «Русское Бог.» вознегодует, это я чувствую, а писать все-таки буду, потому что уж очень ходят все мои действующие лица в моей голове. Глаза у меня снова разболелись, так что я опять лечусь. Когда я отделаюсь, наконец, от этой болезни? Мешает постоянно. Вечером почти не могу читать.

У Латкиных, кажется, дела плохи. После смерти отца всеми операциями заведывал Вас. Мих., который как-то так мило устроил, что почти все перевел в свои руки. Какая это подлая, гнусная гадина, если бы знали! Подлая во всех отношениях. А ведь если е. и. в. благоугодно будет повелеть, дабы Росс. имп. сделалась конституционной монархией, то В. М. наверно сделается «нашим уважаемым членом от Усть-Сысольска».

Володя, вероятно, уедет в Баку: ему там «выходит» место.

До свиданья, голубушка моя. Крепко целую вас. Ах, если бы мне в месяц или два кончить свой рассказ (он должен быть порядочный, minimum листа в 4, поэтому я кладу такой долгий срок), то-то бы я воспрянул духом. Тогда я к вам бы приехал.

До свиданья. Крепко целую вас. Юрию Ник. собираюсь писать (я получил от него письмо).

Вас крепко любящий *В.*

Жене и Жоржу, если приехал, поклоны. Что Саша?

Чуть не забыл: адрес С. Л. не знаю. Думаю, что совершенно безопасно можете послать на курсы.

181. *Е. С. Гаршиной*

$\frac{28}{XII}$ 79. СПБ.

Дорогая мама, простите, голубушка за то, что так давно не писал вам. Собирался я каждый день и, не знаю почему, откладывал. Деньги, 25 р., я получил. Деньги у меня еще есть, хотя могло бы быть их больше, если бы уменье с ними обращаться. Совсем не знаю, куда они выходят. Во всяком случае, не беспокойтесь на этот счет, бедствовать мне придется еще не скоро. Медленно, очень медленно я пишу теперь. Как ни верти, а нужно сознаться, что после такой передряги в мозгу, какая длилась у меня с августа, он очень плохо работает.

Писал ли я вам, что здесь Вася Аф.? Совсем дикий какой-то человек этот Вася. Он возомнил, что должен вступить в права старшего брата относ⟨ительно⟩ Маши, спасти ее от Малышева, и выделывает такие пошлости, что просто стыдно.

Получил ли Юрий Ник. книги? Сообщите ему, что отдельного издания «Драматургии» здесь нет; поэтому я купил у Риккера том из собрания сочинений Лессинга. А Беранже вовсе нет: у Мелье мне сказали, что он запрещен, у Вольфа тоже. Книги стоили с пересылкой 2 р. 75 к.; т. обр. четвертак за мною.

Бодрюсь я, мама: что ж делать, надо бодриться. Не убивать же себя, в самом деле. А все-таки в душе постоянное желание уйти куда-нибудь совсем «от всего этого». Чего «этого»? — и сам не знаешь. Больше же всего хотелось бы уйти от самого себя.

Писать, право, больше нечего. Да вот разве что: Влад. Мих., вероятно, скоро уедет на место или в Баку или на Мурманский берег. Очень для меня будет тяжело прощаться с ним. Один я останусь, совсем один, несмотря на все свои знакомства.

Которые, к слову сказать, по большей части мне до тошноты опротивели.

До свиданья, голубушка моя. Крепко цалую вас. Хотелось бы перескочить к вам в Х. денька хоть на три.

Цалую вас и Сашу. Всем поклоны.

Вас любящий *В.*

Простите, голубушка, что пишу мало.

1880

182. *Е. С. Гаршиной*

1880, $\frac{7}{I}$ СПБ.

Дорогая мама, опять прошу у вас прощения за долгое молчание. Но, право, живется так однообразно, что просто не знаешь, что писать. Писанье рассказа у меня идет очень медленно, главным образом потому, что в нем я вижу большую фальшь. Не знаю, выберусь ли я из нее.

Перевод «птиц» почти уже кончен и скоро начнет печататься, для того чтобы к весне книжка могла поступить в продажу.[114] После птиц будем составлять млекопитающих. Есть у меня в виду еще один перевод с французского, но еще наверно не знаю, прийдется ли переводить.

Радуюсь за Юрия Николаевича. В пятницу пойду за его деньгами в ред. «Слова».

Еще о переводах: к моему удовольствию, А. Я. очень доволен моей работой. Я, по правде сказать, не надеялся справиться с немецк. яз. и орнитологией даже удовлетворительно.

На праздниках раза три посещал собрания съезда русских естествоиспытателей. В общем впечатление довольно противное. Взяли и чего-то обрадовались: нацепили бутоньерки, поехали во все места на извощиках, перепились, немного поругались, и всё это с важною миною жрецов науки. Володя был членом, А. Я. тоже. Впрочем о последнем вы, вероятно, уже знаете из газет. Могу прибавить, что за весь съезд никому не досталось таких аплодисментов и криков, как ему. Будто бы Савиной какой-нибудь. И то сказать, предложение его (порядком исковерканное в газетах) было дельное и прекрасно произнесено.

Влад. Мих. еще сам не знает, куда поедет: в Баку или В. Сибирь. Места «выходят» туда и сюда. В Гейдельб. он поехал бы, если бы дела Латкиных были лучше. Теперь же, когда Вас. Мих. забрал все в свои руки, дела Пр. Андр. пошатнулись. Замечательная дрянь этот Вас. Мих.

У Елисеевых я не был уже с месяц. Удерживает меня от хождения туда какое-то странное чувство, нечто вроде стыда, что я ничего не делаю. Сегодня понедельник, и нужно бы отправиться к ним, да не хочется.

У Кривенки, у Глеба Ивановича ⟨Успенского⟩ тоже давно не был.

До свиданья, дорогая моя мама. Крепко цалую вас. Сашку поцалуйте. Всем поклон.

Вас любящий *В.*

183. *Е. С. Гаршиной*

17/I 80. СПБ.

Дорогая моя мама!

С чего начинать письмо, как не с сообщений о своем состоянии? Всё это время я очень много работал: кончил «птиц» и писал свой рассказ. Правда, нервы, проклятые нервы не особенно благоденствуют, но уж что с ними поделаешь. Последние два дня и сегодня я бегаю по художникам: Глеб Иванович предложил мне писать в «Русские Ведомости» об картинах, а я за последнее время поотстал насчет искусств.[115] Поэтому посетил многих знакомых и незнакомых и даже, horribile dictu! заказал себе визитные карточки. Разговоров разговаривал множество: каждый несет свое и каждый более или менее говорит вздор. «Своих слов» ни у кого нет.

Вчера была причина, порядочно разозлившая меня: разругался с Крачковским. Такой это свинья, мама. Не хочется писать даже, что он сделал, об этом чересчур много уже было говорено и надоело до смерти. Скажу только, что он гораздо хуже «Дедова». Ничто так не портит человека, как дешевый успех.

Передайте Юрию Николаевичу вот что: он знает, конечно, что «Слово» запрещено на 3 месяца.[116] Его рассказ будет, по словам Коропчевского, у которого я был, в одной из первых после первой вышедших книжек. Денег теперь Кор. мне не дал и обещал написать об них через неделю. Так как хочет Ю. Н.? Взять ли статью и попытаться передать ее в «Р⟨ечь⟩», «В. Е.» или «Дело», или ждать, пока «Слово» напечатает и выдаст деньги. Теперь оно *всех* денег, как мне кажется, выдать вперед не в состоянии, так как подписка, само собой разумеется, остановилась.

Пусть Юрий Николаевич напишет мне об этом.

Влад. Мих. окончательно устроился с местом и едет в Баку в марте. Будет служить по нефтяному делу.

Писал ли я вам, что как-то был у Пузино? О. Ор. тоже была там. Жалуется на то, что у нее нет 10 т. дохода. О⟨рест⟩ П⟨оликарпович⟩ консервативно-либеральничает и очень рад, что я его

слушаю. Впрочем он такой добродушный старик, что с ним трудно не допустить себя до некоторой искренности.

По ошибке начал писать на оторванном листке.

Деньги от Струковых получил, 30 руб.

До свиданья, голубушка моя мама, писал бы еще, да уж 12 часов. Нужно одеваться и итти в Академию к гг. профессорам: Якоби, Орловскому и Венигу и на квартиру к г. академику Мясоедову. Надоело мне ходить к ним, по правде сказать, да взялся за гуж.

Крепко целую вас. Всем поклоны.

Ваш *В.*

Миша кланяется.

184. *Е. С. Гаршиной*

18 $\frac{25}{I}$ 80. СПБ

Дорогая мама, сейчас получил ваше письмо, и в нем прочел просьбу приехать в апреле. Эта просьба заставляет меня высказаться о предмете, о котором я не хотел вам писать, до тех пор пока дело не решится. Дело в том, что уже месяц тому назад я решил, а теперь решимость все более укрепляется — уехать из П. в деревню. Мне представляется и место: писаря при сельском ссудо-сберегательном товариществе. Жалованье маленькое, кажется 15 р. в месяц и готовая квартира — отдельный домик, — это материальная обстановка в том случае, если — что не вполне возможно и даже вполне невозможно — я в год не напишу ни строчки. Впрочем, зачем я пишу вам это? Я уверен, что материальная сторона в ваших глазах дело не особенно важное. «Место служения моего» — село в семи верстах от Самары. Ехать туда прийдется в марте, в начале или конце — не знаю. Дорога, конечно, на свой счет. Имея в виду это, а также то, что нужно сделать маленький взнос в редакцию «Р. Б.» (получили ли вы книжку? я подписался для вас), я сегодня же пишу письмо Вс. Ал. с просьбой о деньгах. Я забыл № его дома; поэтому, пожалуйста, передайте это письмо в первый раз, как будет оказия. Я пишу в письме, что деньги нужны *только для взноса* в «Р. Б.», потому что не хотел бы, чтобы *кроме вас* кто-нибудь в Х. знал о моей поездке, пока дело совсем не решится. Решение зависит от времени местного схода по вопросу о выборе нового писаря. Поэтому я *серьезно* прошу вас никому не передавать о моем намерении до тех пор, пока не напишу вам. «Пропагандировать» я в деревне, конечно, не буду. Буду *жить*, потому что считаю это полезным для себя, а может быть, и сам пригожусь мужикам на что-нибудь. Об этом много нужно говорить. И не «цензурные» условия мешают мне, а то, что уж очень длинно выйдет.

Все это я пишу вам вот зачем: не лучше ли будет, если бы вы приехали (конечно с Сашей) ко мне в деревню летом, на месяц или два? Право, мама, мне очень, очень хотелось бы этого.

Не подумайте, чтобы я думал, что уезжаю из П. навсегда. Это, конечно, невозможно, да и не нужно мне... Побуду год, два и то хорошо. Даже Фрей, у которого недавно я был для совета, говорит, что лучшего я выдумать не мог.

Юрия Ник. статью немедленно беру от Коропчевского и тащу в «В. Евр». Вот не задача человеку, право. Добро бы основательные причины, а то просто глупая случайность.

«Р. Б⟨огатство⟩» весьма нуждается в подписчиках, но вся честная компания унывает мало и надеется. Дней через пять кончу рассказ для «О. З». — не тот, большой, о котором я писал вам, а маленький, новый, почти уже написанный — и напишу еще сказку для «Р. Б.».[117] Хотелось бы поспеть туда во 2-ю книжку; Ю. Н. будет ухмыляться по поводу Скабичевского и проч. в «Р. Б.»., ну да бог простит ему, злобущему человеку. Господи, сколько, вероятно, теперь разговоров о том, как Линде сидел в кутузке! (я это узнал случайно).

Мерзости о М. Д. ⟨Дебур⟩ так глупо лживы, что я не знаю, что вам и сказать о них. Христос ее разберет, эту Р. В., что она такое, m-me Koloudaroff тоже особа!

До свиданья, голубушка моя, крепко целую вас и Сашу. Братьям кланяюсь.

Ваш *В.*

Совсем забыл, что на векселе делает подпись не кредитор, а должник и написал зачеркнутое!

185. *Е. С. Гаршиной*

18 $\frac{2}{II}$ 80.

Дорогая моя мама, вчера получил ваше письмо, а сегодня пойду за посылкой. Очень, очень благодарю вас, голубушка моя, за нее. Вы, конечно, уже получили мое предыдущее письмо; с нетерпением жду на него ответа. В вашем письме (вчерашнем) вы поздравляете меня с двадцатипятилетием и надеетесь, что второе будет лучше. Нужно бы, а то первое уж очень плохо. Начинаю я второе 25-летие своей жизни по-новому, совсем по-новому. Неужели и тут не удастся вывернуться и сделаться путным человеком? О моем личном счастии я теперь, право, не думаю. Чем больше живешь, тем яснее видишь, что в тебе сидит какой-то бес, который положил себе целью отравлять тебе всякую хорошую минуту в жизни. Что уж тут поделаешь? Значит нужно изменить все: забыть всякие претензии на личное

благополучие и отдать себя «на съедение» хоть мужикам в деревне. Там, по крайней мере, времени не будет заниматься разными отчаяниями. Хоть какое ни на есть дело, а все-таки дело.

Свой маленький рассказик я уже переписываю. Вышло нечто сумбурное, смутное, такое, что я и сам многого в нем не понимаю.[118] Ну да все равно, понесу к С⟨алтыкову⟩! Должно быть напечатает.

Я ошибся в прошлом письме: я буду жить не в 7, а в 50 в. от Самары, по Оренб. ж. д. Очень мне хочется поскорее уехать отсюда и засесть в деревню. Ведь это новое, мама, совсем новое, не испытанное еще: *на мне будут лежать обязанности.* Кажется смешно и говорить об таких «обязанностях». Но как подумаешь, что до сих пор их или не было, или, что вернее, они были (ох, и очень много, дорогая моя), да их не исполнял (по лени, по бесхарактерности), так и эти «жалкие» обязанности представляются чем-то серьезным.

Бедный Викт. Андр.! Что это за несчастная судьба такая! Уж кому бы, кажется, не быть счастливым, как не ему, способному, симпатичному, трудолюбивому. Если Женя будет писать ему, пусть кланяется от меня.

До свиданья, дорогая мама! Хотел было выслать вам к моему 25-летию карточку, да фотограф испортил, так что сегодня буду пересниматься.

Юрию Николаевичу передайте прилагаемую записочку. Братьям кланяюсь.

Целую вас и Сашу. Любящий вас

Ваш *В.*

186. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. $\frac{10}{}$ 80.

Дорогая мама! Пишу вам запоздалое письмо; по правде сказать, 5 февраля так взбудоражило все мое нутро, что эти дни ходил, как оглашенный, и ничего не делал, хотя лично чувствую себя очень хорошо, «личной хандры» (это мой термин для определения моего угнетенного состояния, когда таковое бывает) — личной хандры нет. Но эти трупы просто не дают думать. Дело ужасное и по некоторым соображениям принадлежащее не «партии», а каким-то мерзавцам совершенно с другой стороны.[119]

Посылаю Жене программу для субстанции; как говорят, она годна и для будущего года. Греческого языка наверно не будут требовать. Относительно другого его поручения, могу сказать, что просил справиться у знатоков литературы (у Вейнберга). В Публичной же библиотеке узнать, есть ли перевод или нет

его — нельзя, так как публика к большому каталогу не допускается. Как только мне сообщат ответ Вейнберга, сейчас же напишу.

Юрия Ник. вещь снес 3 февраля к Стасюлевичу, которого не видал, ибо он болен; через «человека» или нечто подобное передали мне, чтобы зашел через 2 недели. Не удастся здесь, понесу в «Р. Речь» или «Дело», куда он хочет. Спросите его об этом.

Свой рассказик во вторник снес к С.⟨алтыко⟩ву; о судьбе его ничего еще не знаю. Теперь ушел в воспоминания и хочу написать несколько эпизодов из войны.[120] Это будет настоящая проба пера, а то до сих пор все описывал, собственно говоря, собственную персону, суя ее в разные звания, от художника до публичной женщины.

Уезд из П. дело решенное, разве уж какие непредвиденные обстоятельства.

Тургенев, как вы знаете, здесь. Кажется, удастся видеть его, чего мне очень хочется.[121] От *Гл. Ив.* ⟨Успенского⟩ наслышался о нем много хорошего, как о человеке приободряющем.

Уехал ли Жорж? Очень я рад за него. Кроме того, что место (должность), хорошо еще что Киев. Это не то, что старобельская тинища.

Хорошо бы, голубушка мама, если бы вы приехали ко мне летом с Сашей. И ему хорошо было бы пожить в деревне, а то он до сих пор и воздуху-то не знал.

До свиданья, дорогая моя, крепко целую вас. Жоржу, Жене, Ю. Н. и всем прочим кланяюсь.

Ваш *В.*

187. *Е. С. Гаршиной*

18 $\frac{13}{II}$80. СПБ.

Дорогая мама! Ваше письмо так хорошо подействовало на меня... ошибся, не подействовало, а совпало с моим бодрым настроением духа, бодрым, несмотря на то, что чувствовать себя счастливым и довольным теперь, конечно, нет возможности. Нужно брать пример с вас, дорогая моя; вы и волнуетесь, и раздражаетесь, и скверно вам, а все-таки вы не мертвая вода. Голубушка моя, не подумайте, что я комплименты вам хочу говорить; право, это из сердца вылилось.

Напишите мне *непременно* адрес Виктора. Буду к нему писать. У меня на совести грех против него, правда, бессознательный. Я с своим ковыряньем и хандрой, думаю, много содействовал его несчастью. Не мое бы тогдашнее общество нужно бы ему и не Ю. Н., конечно. Бедный, дорогой юноша. Да выкрутится он, не из таких он людей. У него такие мозги, что справится с мелан-

холией. Побольше моего и характера и смысла, а ведь и я не всегда унываю. О Ег. Мих. молчу: что тут станешь говорить?

Получили ли вы письмо с вложением программы? О «Дондеке» все еще не узнал, так как не видал Линочки Латкиной, а она именно обещала спросить Вейнберга. Завтра же увижу и спрошу; если она узнала, то завтра же и напишу.

Рассказ мой Салтыков принял и даже написал, что находит его «весьма хорошим» (напечатают его в 3 книжке).[122] Не знаю, право, точно ли он «весьма» хорош. Быть довольным своим рассказом мне в глубине души пока еще не удавалось. Знаешь, что хотел сделать, а это *чтó* никогда не выходит *так*, как думалось во время писанья. Если не расходятся мои все те же нервы, то писать буду много. Писать чтó — есть. «Много» — конечно, сравнительно с прежним.

Между прочим, в «Русских Вед.» меня приняли.[123] Послал уже другую статейку об акварельной выставке. Предстоит академическая, передвижная, Верещагина. Все это в феврале и начале марта, так что я успею написать обо всем этом. Денег нужно много: главное — книг забрать с собою, а то совсем обалдеешь. Всеволод Александрович написал мне, что 50 р. вышлет 25 февраля, а 50 — 25 марта. И на том спасибо. Если увидите его, поблагодарите. Да вот что — непременно прошу вас сделать. Всев. Ал. передаст вам деньги для пересылки (он писал мне, что сделает так), так прошу вас, дорогая мама, снимите с себя портрет. Хоть кабинетную карточку, но чтобы было большое лицо. И пришлите мне. Если вы не сделаете этого, мне будет, право, обидно. Посылаю вам мое изображение в тот день, когда стукнуло мне 25 лет.

Сознáюсь, мама, вам в том, в чем не хотелось бы сознаваться ни перед кем другим (впрочем, здесь это многим известно): *первый толчок* к моему впадению в меланхолию этой зимы дала любовь. «Да глу-упая», как говорит Федос Гавр. Глупая любовь, конечно, а не предмет оной, брожение, которое теперь вылетело с остатками. Даже и следа нет; право, радуюсь. Пишу вам это точно новость для вас, хотя давно знал, еще в Харькове, что вы не сомневаетесь в истине. Предмет — барышня не глупая и с достоинствами, но совершенно противуположная тому, что могло бы мне *действительно* понравиться. Дело, конечно, не в количестве достоинств, а в качестве, вернее в свойстве их. Когда-нибудь поговорим об этом.

Вот еще что: Ю. Н. передайте записочку.

Вас любящий *В.*

Женс поклон. Ег. Мих. решительно не могу, даже пером. Господи, что он за искалеченный человек! А злобы к нему всетаки чувствовать не могу.

188. *Е. М. Гаршину*

18 $\frac{18}{II}$ 80. СПБ.

Дорогой Женя! Очень благодарен тебе за посылку стихотв. Пушкова. В «О. З.» я их по доброй моей воле *не понесу*; на это есть много причин, имеющих значение для самого Пушкова, а в Р.⟨усское⟩. Бог.⟨атство⟩ примем с радостью. Ручаюсь за себя и нескольких «артельщиков».[124] Но везде есть *но* — его нужно выправить совместными силами. Мысль не изменится, ручаюсь опять-таки за это. Дело в том, что *постороннему и любящему* взгляду резче бросаются в глаза неправильности стиха.

Рыщет в тебе, || страна бесшабашная

— уж очень цезуристая цезура. Не лучше ли написать.

Рыщет в тебе *сторона* бесшабашная

Во всяком случае прежде чем печатать — пришлю в исправленном виде на согласие автора: и пришлю оригинал. Можно даже перепис⟨ыв⟩аться *через меня*, так как нельзя же навязывать редакции возню с писаньем писем и т. д. Нужно только скорее, а то я уеду.* Напиши, *сколько ему лет*: это очень важно для меня.

«Р. Б.» журнал новый, свежий, подписчиков мало — это правда. Но у нас есть надежда. Хочет Пушков разделять ее с нами — пусть соглашается, не хочет — пожалуй, я передам в «О. З.», но там сильнее оскорбят самолюбие человека, подверженного «личной хандре».

Маме сегодня не пишу — некогда. Возни много.

О П. Мих. ⟨Новикове⟩ сообщу, как только узнаю. II кн. «Р. Бог.» составлена интереснее первой. Год дотянем — это верно, во что бы то ни стало, хотя бы подписка не перешла за 1000.

Весьма важно: гонорар Пушкову будет выдан, но не теперь; а запишется в книгу. Прежде всего будут удовлетворены такие посторонние сотрудники.

Твой брат *В.*

Женя, если было что мной сказано лишнего, прости меня: вспомни, каков я был тогда. А все-таки выковыривайся, голубчик, из своего *я* насколько возможно.

Поскорее пиши о П-ве. Стихи вышлю завтра.

Пожалуйста Ю. Н. о «надеждах» и пр. — ни слова. Пусть не глумится. Зачем доставлять человеку, и без того измученному, минуты раздражения.

Мишу целую. Сашу тоже. Поклон. Здоров ли Саша?

Бедный Вячеслав.

* Впрочем, передам другому человеку.

189. *М. Т. Лорис-Меликову*[125]

<21 февраля 1880 г.>

Ваше сиятельство, простите преступника!

В Вашей власти не убить его, не убить человеческую жизнь (о, как мало ценится она человечеством всех партий!) — и в то же время *казнить* идею, наделавшую уже столько горя, пролившую столько крови и слез виновных и невиновных. [И] Кто знает, быть может, в недалеком будущем она прольет их еще больше.

Пишу Вам это не грозя Вам: чем *я* могу грозить *Вам*? Но любя Вас, как честного человека и единственного *могущего* и *мощного* слугу правды в России, правды, думаю, вечной.

Вы — сила, Ваше сиятельство, *сила*, которая не должна вступать в союз с насилием, не должна действовать одним оружием с убийцами и взрывателями невинной молодежи. Помните растерзанные трупы пятого февраля,[126] помните их! Но помните также, что не виселицами и не каторгами, не кинжалами, револьверами и динамитом изменяются идеи, ложные и истинные, но примерами нравственного самоотречения.

Простите человека, убивавшего Вас! Этим вы казните, вернее скажу, положите начало казни *идеи*, его пославшей на смерть и убийство, этим же Вы совершенно убьете нравственную силу *людей*, вложивших в его руку револьвер, направленный вчера против Вашей честной груди.

Ваше сиятельство! В наше время, знаю я, трудно поверить, что могут быть люди, действующие без корыстных целей. Не верьте *мне*, — этого мне и не нужно, — но поверьте правде, которую Вы найдете в моем письме, и позвольте принести Вам глубокое и искреннее уважение

Всеволода Гаршина

Подписываюсь во избежание предположения мистификации.

Сейчас услышал я, что завтра казнь. Неужели? Человек власти и чести! умоляю Вас, умиротворите страсти, умоляю Вас [для] ради преступника, ради меня, ради Вас, ради Государя, ради Родины и всего мира, ради бога.

190. *Н. М. Золотиловой*

<22 февр. 1880 г.>

Надежда Михайловна, приезжайте, пожалуйста, мне не совсем здоровится.

На обороте: Литейная, д. 52, кв. 42.

191. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 1880 $\frac{22}{II}$.

Дорогая мама!

Мое благополучное настроение не проходит, да надо правду сказать, и вообще все стало хоть немного, да лучше. У нас ваш «благородный человек» и, кажется, действительно, лучше прежних.[127] Сегодня казнь, свалившаяся так удивительно неожиданно, точно с какого неба. Т. е. свалилась-то не казнь, а покушение, казнь — вывод, необходимый или нет — ей-богу, не знаю. Кровь возмущает меня, но кровь отовсюду. Казнят (сейчас прочитал в листовке) — на Семеновском плацу, вероятно, для большого стечения публики на приятное зрелище. Тоска, право. Хоть бы как-нибудь да кончить эту ужаснейшую трагикомедию. Будет об этом.

«Р.⟨усское⟩ Б.⟨огатство⟩» идет, подписчики прибывают. Что же Женя не пишет мне ответа на мое письмо о стих. Пушкова? Все силы употреблю, чтобы при поправке оно не потеряло, а выиграло; понесу к нескольким версификаторам. Талант есть: все сотрудники «Р. Б.», которых я спрашивал, сказали это положительно. Вышлю скоро письмо с поправленными стихами.

Беда только в том, что цензура режет без милости. Вторая книжка — без пяти статей (со стихотвор.). Конечно, они будут заменены: матерьял есть, но книжка задержится. Мой рассказ на тему «Денщик Никита» пойдет. Там цензура не должна, кажется, ничего вырезать: даже гимн играют и солдаты *чувствуют* его. Чего ж им лучше? Ведь они всегда обращают внимание *только на форму*, а ведь самая-то суть, если она не [прямая] «революция», всегда может ускользнут чуть ли не по желанию цензора. Впрочем, у меня и суть законная.

До свиданья, дорогая мама. Скоро увидимся. Еду во вторник и теперь к вам не заеду; а летом, т. е. даже весною, увидимся непременно. До свиданья, голубушка, крепко вас целую. Писать больше некогда, да и нечего, разве вот: адрес редакции новый (я сам нанимал квартиру и устраивал ред.! представьте).

Ямская, д. № 6/8, кв. 10, ред. «Р. Б.».

Посылаю Саше картинки, накупил на рубль, ему и Кривенкиной Надюшке и для посылок С. Хватит писем на пять.

Думаю, что Жорж не обидится...

192. *Ю. Н. Говорухе-Отроку*

СПБ. $\frac{23}{II}$ 1880.

Дорогой мой Юрий Николаевич!

Сегодня суббота, 23; в воскресенье пойду к ⟨Стасюлевичу⟩ и если он не напечатает, то возьму в Р. Б⟨огатство⟩. У нас-то напечатают.

Миросозерцание, против законности которого я в безумии спорил с вами, не должно быть вывеской, под которую подгоняются статьи, а должно из них вырабатываться.[128] Где же оно у нас? Всякий честный голос пусть говорит *свое*, пусть не соглашается с другими, но пусть говорит: пусть честные говорят что бы то ни было.

Поэтому вы не откажетесь поместить у нас «Вязнова». Я, с своей стороны, употреблю всё, чтобы убедить *прямо* созерцающих жизнь ... и ... ⟨*пропущено два имени*⟩. Статья будет исправлена *по возможности всеми* (оригинал останется не тронутым) и будет прислана вам, чтобы вы согласились напечатать ее в исправленном виде. Если согласитесь — будем печатать. Вы сделаете, конечно, свои замечания. Повторяю, что подлинник останется не тронутым, я отдам его переписать.

Подписка на Р. Б. идет хорошо: в последние дни только в одной библиотеке Эртеля (бывшая Засодимского) по 15 экз. в день. Так что гонорар вышлем раньше напечатанья статьи.

Почти у всех нас стремление сделать артель матерьяльною и *нравственною*. Т. е. исправлять не автора, а его произведение, советуясь при том с ним. Ваш рассказ пройдет через меня, и вы, думаю, поверите мне, что я буду, сколько хватит сил, добросовестным относительно вас, себя, журнала и правды. Господь с ними, с толстыми журналами. Очень уже они держатся за свое «миросозерцание», полагая, что это какой-то бронзовый палладиум или просто вывеска с надписью: «сдесь продаеца революция», или «принимаются заказы на лучшего достоинства консервативно-радикально-религиозно-прогрессивно-научно-прогрессивно-патриотические-западнические статьи», или, наконец, просто: «покупка и продажа ненужных вещей». *По смыслу* (не по направлению, конечно), ей богу я не вижу никакой разницы между «М⟨осковскими⟩ В⟨едомостями⟩» и «Черным переделом». Оба врут и ругаются, а *для человечества* будто не все равно, из какой бочки кричит Диоген.

Ваш *В. Г.*

193. *Е. М. Гаршину*

⟨24—26 февраля 1880⟩

Дорогой Женя! Посылаю исправл. стих. Пушкова. Переписал наскоро; поэтому перепиши начисто и отдай ему. Там, где знаки ╫, там будет красная строка. Пусть еще поправит. А талант у него есть, все говорят! Стихи без рифм лучше подходят к памяти «*Некрасова*».

Пусть пишет. Нам разгромили 2 кн., и нужно иметь матерьялу побольше. Пусть не обижается, что поправляют. Если ему

не нравится, то можно переписываться, пока не прийдем к соглашению. Нужно заботиться не о редакции, не о авторе, а о *самом стихотворении*, и чем лучше оно, тем лучше вообще.

Социалисты примут, конечно, намек на месть на свой счет. И прекрасно. *Поделом вору и мука.*

Кровь, кровь, кровь!

Маме, конечно, покажи это письмо, оторвав, если хочешь, стихи. Кланяйся ей: писать ей-богу же некогда.

194. *Н. М. Золотиловой*

<Около 26 февраля 1880 г. Петербург>

Надя, голубчик мой, приходи, если можно, вечерком в четверг. Никого у меня не будет. Очень хочется поболтать на свободе.

Твой *В.*

Если нельзя, напиши записочку.

На конверте: Литейная, д. № 52, кв. 42. Надежде Михайловне Золотиловой. В городе.

195. *Е. С. Гаршиной*

Москва 18 $\frac{I}{III}$80.

Дорогая мама, пишу коротенькое письмо. Заеду в О. Г. (завтра же выезжаю отсюда) и в конце 1-й недели буду у вас. Крепко целую вас. Всем поклоны. Скоро, скоро увидимся. Везу хорошие вести. О, как долго их не было!

Ваш *В. Г.*

196. *Е. С. Гаршиной*

80 г. Москва, 7 марта.

Голубушка мама, простите, что не писал долго; право, было по горло некогда; приеду — все расскажу.[129] Сейчас еду в Рыбинск, оттуда вернусь послезавтра и, не останавливаясь в Окуневых горах, промахну прямо к вам. В Рыбинск еду для получения денег, которые наконец все-таки вышли. Крепко целую вас. Всем поклон.

Ваш *В. Гаршин*

197. *А. Я. Герду*

(Отрывок) Тула $\frac{13}{III}$ 1880.

Сегодня приехал в Тулу после двухнедельного житья в Москве и поездки в Рыбинск (мне нужно было быть в полку за получением моего офицерского «содержания», которое «вышло», как говорят солдаты, только два месяца назад). Я послал вам из Москвы только одно письмо, да и то о постороннем деле, так как дел всевозможных было по горло. Нужно было разругаться с «Русскими Ведомостями», сойтись с «Русским Курьером» (газета, имеющая будущность, как мне кажется, хорошую), найти кучу знакомых и пр., и пр. А писать вам и именно вам — просто нужно, это потребность. Вам, а не Володе, не Наде я пишу именно потому, что вы уже пережили, и может быть не раз, страшный кризис, который я испытал в эту зиму. Не знаю, вам, может быть, не приходилось в минуту отчаянья найти правду, к которой я стремился, что было сил, всегда, как только начал сознавать и понимать; вам, может быть, не приходилось надевать себе петлю на шею и потом, — что всего страшнее, — снимать ее. Я не знаю, доходили ли Вы в острые периоды развития до таких минут, но я *верю*, да пожалуй даже *чувствую*, пожалуй и *знаю*, что не легко далось вам то *сравнительное* душевное спокойствие, каким вы обладали всегда, когда я знал вас. Володя старше меня на полгода, но жизнь текла его все-таки ровнее, чем моя. Она не давала ему medicamenta heroica, как мне. Этим и только этим я объясняю то обстоятельство, что даже Володя, который понимает меня с полуслова, почти ничего не понял из моего поведения 15—25 февраля. Он думал даже, что со мною повторяется старая история 1872 года, что я схожу с ума... Господи! да поймут ли, наконец, люди, что *все* болезни происходят от одной и той же причины, которая будет существовать всегда, пока существует невежество! Причина эта — неудовлетворенная потребность. Потребность умственной работы, потребность чувства, физической любви, потребность претерпеть, потребность спать, пить, есть и так далее. *Все болезни*, А. Я., решительно все, и «социализм» в том числе, и гнет в том числе, и кровавый бунт вроде пугачевщины в том числе.

Так было и со мною.

Я все отклоняюсь в сторону. Я хотел писать вам о себе, о своем (хотел написать «внутреннем», но тут это слово не идет: вместо него нужно было поставить «всяком») состоянии. Я никогда за 20 лет не чувствовал себя так хорошо, как теперь.

Работа кипит свободно, легко, без напряжения, без утомления. Я могу всегда начать, всегда остановиться. Это для меня

просто новость. Не знаю, отчего не видно II кн. «Русского Богатства»? Читали ли вы ее? Там у меня нет почти ничего, но в мартовском № начинается большая, большая вещь. Для III кн. уже набрано, вчера я послал уже последние странички.[130] Вы увидите по первому отрывку в $1^1/_2$ печатных листа, что это только начало. Написано у меня (вполне) их уже 6—7, а заготовлено на клочках всего с написанным до 15, и книга все еще не кончена...

198. *Е. С. Гаршиной*

Тула 18 $\frac{14}{III}$ 80.

Дорогая мама, пишу из Тулы, куда попал по «корреспондентским» делам.[131] Завтра выеду в Орел, там пробуду время между поездами, значит, послезавтра буду у вас.

Крепко целую вас и всех.

Ваш *В.*

199. *Е. С. Гаршиной*

Тула, 18 $\frac{15}{III}$ 80.

Дорогая мама! Я в Туле с разными целями, между прочим, познакомиться с Л. Н. Толстым. Отправлюсь к нему завтра.[132] Голубушка, вышлите мне сюда *немедленно* рублей 30—40. Очень нужно (наверно, можно занять: я сейчас же отдам).

Адрес: Тула, Киевская ул. Старо-Московская гостиница. Всев. Мих. Гаршину.

Ваш любящий *В.*

Если Володя приехал, пусть подождет меня три дня, т. е. до 19-го. Прошу его об этом весьма.

200. *А. Я. Герду*

(Отрывок)

‹Март — апрель 1880 г. Харьков›

Я имел бы резон серьезно обидеться на вас за ваше молчание, а особенно за подозрение в сумасшествии, которое только причинило беспокойство у нас дома и очень рассердило меня на Володю. Он выкинул удивительную штуку. Ничего не понимая в моем поведении, сразу решить, что я помешан (хороша логика!), напугать мать, налгать (конечно, незлонамеренно) на меня, на себя и на всех, вообще заварить такую кашу, что брат должен был ехать отыскивать меня в Орловскую губернию. Ма-

тушка чуть не заболела, деньги истрачены даром, и я недели две был взбешен, что со мною случается редко...[133]

Понемногу продолжаю «Люди и война», которые выросли до двух порядочных томов. Для апрельской книжки «Русского Богатства» уже послано, для июля, августа и сентября уж совсем готово, а для мая и июня еще нет, так как прежде нужно съездить в Бердичевский уезд на старые квартиры (зима 76 — 77 г.) нашего полка. А без этого писать невозможно.....

201. *А. И. Эртелю*[134]

15 апреля 80 г.
Харьков, Подгорная ул. д. № 2.

Х. В!

Дорогой Александр Иванович!

Слышал я, что вы плохо ведете себя, болеете; что этот сон означает? Плюнули бы вы на Питер на годик да махнули бы в Крым. Деньги найдутся, да не грех и задолжать хоть и «Русскому Богатству».

Прошу вас передать артели:

1) что после выхода мартовской кн. через 2 недели вышлю продолжение «Людей и войны», в том случае, если мне удастся после Х. съездить в Кишинев, без чего писать невозможно.

2) Вопрос: нужны ли сейчас же 150 р.? Надежда Мих., вероятно, передала вам причину невысылки мною денег. Если они сейчас же нужны, вышлю, только я сильно сомневаюсь в этом. *Требования от Жукá не прошу.*

3) Предложение. Если артель хочет, я устрою здесь в Х. (120 — 150 т. жителей) нечто вроде конторы «Р. Б.» Пусть присылают мне на первый раз [30] 20 экз. журнала [что они разойдутся в три дня я] — по почте, а на обертке напечатают: в Харькове в Публичной библиотеке А. А. Иозефовича, ц. 7 р. 50 коп. Не 8 р. потому, что пересылка тюком очень не дорога. Впрочем, о цене — как знает артель.

Затем до свиданья, дорогой мой. Крепко целую вас и желаю вам выздоровленья.

Всей артели низкий пренизкий поклон, кроме Жука, конечно. Пусть докопаются до него, что это за ферт.[135]

Вас любящий *В. Гаршин*

P. S. В июньской «Люди и В.» непременно будут и пойдут, вероятно, до декабря, а м. б. и дальше.

P. S. Статью Ладыженской отдайте Николаю Сергеевичу: он привезет ее ко мне.

Пле⟨щее?⟩ву сказать: наши редакторы находятся, с одной стороны, между ухом, а с другой между рылом — и ни того, ни другого не видят. Это по поводу статьи Л-ской.[136]

Пишите, пишите, пишите.

202. *Н. М. Золотиловой*

⟨Апрель 1880 г. Харьков⟩

Голубушка моя, пишу тебе перед отъездом: завтра уезжаю в Урюпинскую станицу с Поповым (медик, студ⟨ент⟩ 5 курса, казак). Там его брат, мой дорогой Федос Гаврилович — кажется мне не случалось говорить с тобою об нем — воюет против дифтерита. Я же еду за тем:

1-е — в Х⟨арькове⟩ без тебя жить не могу.

2. — в Петерб. ехать не хочу, т. к. помешаю тебе учиться и себе работать.

3. — План «Л⟨юди⟩ и в⟨ойна⟩» изменился. Будет большая вставка: так же как описан Никита, будет описан казак (только почти с детства), его призыв, служба в Петербурге и второй призыв на войну.

Как видишь, завязка громадная, а между тем «интрига», коллизия, кризисы и конец у меня уже готовы. Будут огромные вставки. Вообще «Л. и В.» написаны уже для июля, авг., сент. и окт., а для мая — нет и для июня нет. Эти две книжки займу [постараюсь занять] казаком, а дальше — хоть пиши другой роман. Книжища выйдет — право, тома три. Просто пугаюсь огромности.[137]

Напиши, голубчик, отзывы *близких* людей о первой главе. На прочие отзывы мне, право, наплевать. Да что эти близкие люди [никто] не пишут мне? Ни Миша, ни А. Я? А. Я-чу я написал уже несколько писем: первое, серьезное, письмо (об атласе Ярцева) было принято за бред сумасшедшего (должно быть), а на остальные — ни гласа, ни послушания. Будь я глупее — следовало бы обидеться.

Что Эртель? Как его здоровье? Дрент⟨ельну⟩ скажи (через Лиз. Серг.), что теперь уже поздно ехать ко мне, но что я *прошу его приехать в Х. вместе с тобой.* Впрочем, посылаю ему чертежик, всё дело в нем. Передай этот листок бумаги ему через сестру. *Очень* нужно, Надя.

Голубка моя, ужасно спать хочу. До скорого свидания. — Ах скорей бы летело проклятое время!

Где мое солнышко красное,
Где твое личико ясное?
Скоро ль увижу мой свет?

Скоро ль услышу привет
Милой подружки моей?
Время! Лети* поскорей!

До свиданья, голубка моя дорогая, милая.

В. Г.

Поклон Верочке, Бобе, М. А. ⟨Российской⟩ и еще — кому хочешь.

203. *Н. М. Золотиловой*

⟨Конец августа 1880 г. Харьков. Сабурова дача⟩ [138]

Дорогая моя, милая голубка, пишу знаешь откуда? Голубчик мой, пиши пожалуйста прямо ко мне, минуя мать, которая из любви к тебе, да и ко мне совершенно все путает. Пиши прямо на Петра Гавр. Попова, это мой хороший друг, очень хороший человек (впрочем это ты уже знаешь).

Остальное напишет Петя (П. Г. П.)

Твой любящий *Всеволод*

Пиши же, дорогая, ко мне, пиши и пиши.

Твой *В. Г.*

Да пиши поскорее, да вышли карточку, хоть старенькую какую-нибудь.

* A parte: чорт тебя возьми!

1881

204. *Е. С. Гаршиной*

6 февраля 1881. Ефимовка

Дорогая моя мама, сажусь писать вам, но что писать — право, не знаю. Внешних фактов — никаких: внутри всё то же. Все хочется что-то вспомнить очень важное, и кажется, что если вспомнишь, то всё будет хорошо, но только не вспоминается оно. Зато помимо воли голова перебирает всевозможные воспоминания и все-то такое неприглядное, постыдное.

Дядя очень добр ко мне, до того, что мне даже иногда стыдно. Устинья Ст. тоже. Коля очень меня полюбил и даже сам возбудил вопрос о внесении моего имени в свою ежедневную молитву.

Живу какою-то полуживотной жизнью.[139] О будущем думать боюсь.

Вы спрашиваете меня, хочу ли я, чтобы вы приехали сюда? Право, мама, это даже странный вопрос.

Читать пока есть что. Все читаю «Р. Старину». Иногда сидишь над страницей час и не можешь прочесть: все посторонние и уж тысячу раз передуманные мысли лезут в голову.

Вот и Достоевский умер и Писемский! Что Юрий Николаевич попрежнему не ходит к вам?

Голубушка мама, рад бы еще писать, да, видит бог, нечего. До свиданья, дорогая моя. Крепко целую вас. Жене поклон. П. Г., Анюте и всем знакомым тоже.

Любящий вас *В.*

205. *Е. С. Гаршиной*

Ефимовка. 30 марта 1881.

Голубушка мама! простите меня, что не пишу к вам: но о чем писать? Живу изо дня в день, как оцепенелый; делать, т. е. писать что-нибудь — не могу, хоть убейте. В письмах к вам я могу только жаловаться на себя, на свою несчастную голову. Болит она у меня часто, а когда и не болит, то никуда не го-

дится. Если бы вы знали сколько труда мне составляет писать письма к дяде от имени Устиньи Степановны!

Посылку получили вчера вечером: благодарю вас за нее, голубушка мама. Только можно было бы и без пиджака обойтись: на что он мне? Денег у вас должно быть мало.

Господи, как подумаешь о вас, так больно и стыдно становится, что готов плакать.

Дорогая моя, бедная моя мама, ничего-то я не принес вам, кроме горя.

Благодарю вас за «От. Записки»: только мне кажется, что вы с Женей их не прочитываете, как хочется, а торопитесь мне послать. Право, лучше уж не посылайте, если так. Да по правде сказать, ничего я в них теперь не понимаю.

Бабушка, бедная, очень нездорова: жар, слабость. То, что она пишет, написано вчера.[140] Сегодня на мой взгляд ей немножко лучше.

От дяди получили несколько писем с дороги и уже из Каира. Таничке значительно лучше. Приедут они на святой. Кажется мне, что я буду их стеснять. Впрочем скоро тепло будет и можно будет жить в верхней комнатке на мезонине.

Получил письмо от Васи: женился, счастлив. Расплакался я над этим письмом: столько вспомнилось. Те годы, хоть и не были годами счастья, да хоть какие-то туманные надежды были, а теперь — ничего нет впереди.

Писать я ни к кому не мог: просто рука не подымается. Пусть лучше забудут.

До свиданья, дорогая моя мама. Право, лучше не писать, чем писать такие письма, как это; простите за него. Крепко, крепко целую вас и Женю. Всем, кто помнит меня, кланяйтесь.

Любящий вас *В.*

206. *Е. С. Гаршиной*

1 апреля 1881 г.

Дорогая мама! Нерадостную весть должен я вам сообщить: сейчас (в 9 ч. 35 м. утра) скончалась бабушка. Скончалась тихо, почти без страданий, но перед этим несколько дней мучалась лихорадкой и почти ничего не ела. Болезнь была не серьезная, но годы и особенно ее несчастная неподвижность делали всякую болезнь смертельною. Простите, голубушка, что я так сразу огорошиваю вас этим известием.

Сейчас еду в Николаев за необходимыми покупками.

Еще вчера звали священника, но бабушка не захотела причаститься потому, что перед этим, утром, поела. Сегодня, когда ей утром сделалось дурно, опять послали, но когда приехал

священник, то она была уже не в состоянии проглотить причастие. Так что прочли только разрешительную молитву. Впрочем, она незадолго до этого исповедывалась и приобщилась.

Телеграммой вызываем Николая Степановича из Одессы. Вероятно, приедет завтра.

Тяжело, очень тяжело на душе, дорогая моя мама. Голубушка моя, не огорчайтесь очень: ведь то, что сегодня случилось, было только вопросом времени.

До свиданья, крепко целую вас. Любящий вас искренно *В.*
Всем поклон.

207. *Е. С. Гаршиной*

14 апреля 1881. Ефимовка

Дорогая мама, поздравляю вас с праздником. Сегодня Устинья Степановна с Колей едут в Одессу на встречу дяди и Танички, которые будут там в четверг, а в пятницу все приедут сюда. Судя по последнему письму дяди, Танино здоровье плохо: сначала было поправилась, а потом как-то простудилась, и все пропало.

Очень трудно мне писать вам письма, дорогая моя мама: ну что я скажу вам о себе, лгать что-нибудь — в таком состоянии, как теперь, я не сумею, а правда — такая неутешительная. Живу как животное и ясно чувствую, что тупею с каждым днем. Какой будет всему этому конец — не знаю. И загадывать страшно. «Отдыхать» мне уже бы довольно, пора что нибудь и делать. Да ведь в том-то и ужас, что я *не могу* ничего делать. Мое уменье писать унесла болезнь безвозвратно. Я уже никогда ничего не напишу. А кроме этого — на что я способен! Т. е. не то, что способен, что я знаю, что я умею? Писарем даже быть не могу — видите, какой почерк. В работники не гожусь; кто возьмет такого барчука?

Что же мне писать вам, дорогая мама? Такие излияния вам кроме горя ничего не доставляют, а как же иначе мне описывать свое внутреннее состояние, когда оно все сводится к постоянному отупению и страху. Да к этому прибавить еще воспоминания, от которых просто на свет бы не смотрел. Писать к вам разве, что *жив* да и только? Хочется видеть вас и Женю ужасно. Вы пишете, что приедете сюда, когда дядя вернется. Так как он вернется в пятницу, то значит, может быть, скоро увидимся.

Бедная бабушка! Без нее, хотя она и не выходила из своей комнаты, в доме стало пусто и скучно. Сколько раз я ошибался: соберусь пойти к ней посидеть, да вдруг и вспомню, что ее уж нет... Похоронили ее в саду, но только на время: когда приедет дядя, он будет просить архиерея о дозволении положить ее в церковной ограде. Тогда перенесут. Это было ее последнее желание. О вашем поручении насчет платьев я сказал Устин. Степ.

Она вам кланяется и поздравляет с праздником. До свиданья, дорогая моя мама. Крепко, крепко целую вас. Женю обнимаю.

Вас любящий *В.*

P. S. На похоронах был дядя Ник. Ст. с супругою и Сережа. Супруга — персона довольно противная, кажется глупа очень, лицом хуже, чем на карточке. Сережа сильно изменился к лучшему. Мне он понравился.

208. *Е. С. Гаршиной*

19 мая 1881 г.

Дорогая мама! Вчера мы с дядей вернулись из Херсона, где пробыли три дня. Дядя был на съезде, а я сидел в гостинице. Теперь опять в Ефимовке и опять по-старому. Я как-то менее мрачен, потому что совсем уж перестал думать. Играем с Таней в шахматы, читаю французские романы, не понимая из них половины. Когда оглянешься на себя, то чувствуешь к себе такое презрение, даже больше, ненависть.

Дядя сказал мне, что он приказал посеять «для меня» 10 десятин ячменя, что я должен буду заботиться о его уборке и выручка достанется мне. Право, ничего не понимаю. Я не только не участвовал ничем в посеве этого ячменя, но даже не знал о нем. Убирать его я тоже не могу: убирать будут рабочие, которыми будет распоряжаться тот же дядя, потому что я ведь ничего не понимаю. Как же это ячмень будет мой? Дядя очень добр, вот и все. Воспользоваться этим ячменем было бы ни на что не похоже.

Из того, что вы пишете о Кирпичникове, я вижу что Женя думает, что я *не хочу* писать. Если бы это зависело от моего хотенья! И отчего же бы мне не хотеть, если бы я мог? Очень благодарен я Жене за заботы обо мне. Добрый он. О переводах скажу, что переводить я стал бы, но Женя ведь не может поручиться Кирпичникову в том, что на меня сколько-нибудь можно положиться. Так что перевод должен быть такой книги, печатание которой можно отложить на неопределенное время.

Здесь неспокойно. Вокруг везде мужики уверены, что на днях будет указ о разделе помещичьей земли. Уже и плуги приготовили проводить борозды.

До свиданья, дорогая моя мамочка. Сейчас иду в камеру, писать протоколы дяде. Пишу я отвратительно, путаю, пропускаю; не знаю, как дядя терпит подобное безобразие. До свиданья, дорогая моя. Простите меня за все, что я вам причиняю. Женю крепко, крепко целую. Все вам кланяются.

Кланяюсь знакомым. Виктору, если приехал, особо.

Вас любящий *В. Гаршин*

209. *Е. С. Гаршиной*

9 июня 1881 г. Ефимовка.

Пишу вам и не знаю, дорогая мама, застанет ли вас это письмо в Харькове. Простите меня, что долго не писал, но если бы вы знали, до какой степени нечего писать!

Брошюру Дрентельна я получил: ваша правда, что он ужасно ругается. Очень жаль, что его беллетристическая вещь не пошла. Получил я вчера письмо (печатный циркуляр) от Шимкова о том, что будет-де в Харькове издаваться журнал «Мир», так не угодно ли писать. Точно на зло.

Дядя за последнее время все какой-то сумрачный, да и не удивительно: жук есть и довольно-таки много. Ржи всей не съест, а пшеницы, вероятно, почти не останется. Просто беда.

Денег мне не присылайте: мне они совсем не нужны, а вам они наверно необходимы. Мамочка, дорогая моя, простите меня: писать больше, право, нечего. Распространяться о себе, о своем безотрадном состоянии — это уж не ново для вас, чересчур не ново.

До свиданья, голубушка моя, крепко целую вас.

Любящий вас, ваш бедный *В.*

210. *Е. С. Гаршиной*

6 июля 1881 г.
Ефимовка.

Опять приходится начинать письмо, дорогая мама, с извинения, что долго не писал. Ваше письмо я получил только в пятницу: благодарю вас, дорогая моя, что пишете мне такие большие письма.

Здесь все по-старому, как было при вас; у дяди только прибавилось хлопот, хлеб убирают, рабочие дóроги неимоверно, да и те постоянно бунтуют и уходят, забрав деньги вперед. Так что он в постоянном страхе за уборку и редко бывает в хорошем расположении духа. Таня хандрит, не знает, что с собой делать, да и я, правда, не знаю, что с нею будет. Как счастлива сравнительно с нею Катерина Сергеевна, например, или Линочка Латкина.

Я попрежнему, дорогая мама, ничем вас не могу порадовать. Господи, хоть бы какой-нибудь выход! Скоро ли Женя приедет из Окуневых гор! С прошлою почтою Таня получила от него письмо оттуда.

В четверг мне, вероятно, прийдется ехать за Надей Акимовой в Одессу: по правде сказать, мне совсем не хотелось бы ездить, да нужно, дядя до такой степени занят, что сам не может. Был здесь на прошлой неделе Сережа; говорил, что в августе, вероятно, поедет в Кронштадт, а в октябре оттуда в кругосветное плавание года на три. Счастливый человек!

До свиданья, дорогая моя мама. И рад бы писать больше, да, право, нечего. Крепко вас целую; Сашу тоже. Жене кланяйтесь, если приехал.

Любящий вас *В.*

211. *Е. С. Гаршиной*

18 августа 1881 г. Ефимовка.

Дорогая мамочка! Вчера получил ваше письмо из Харькова, от 13 августа. Вы писали мне, что пробудете в Харькове до 6 августа, и я не писал вам (и дядя тоже) потому, что письмо не могло поспеть к 6-му.

Горько было мне читать ваши слова о том, что я отчудился от вас и Жени, дорогая моя. Ведь вы с ним — единственные мне близкие люди. Как ни добры ко мне дядя и Т. и У. С., а все-таки я им не свой. А прежние друзья уж обо мне и думать забыли, кроме доброго Миши.

Пишу я к вам мало — но ведь что писать? Вы спрашиваете, чем я решил? Я ничем не решил, мама. Как-то писали мне вы о военной службе. Это решительно *невозможно*. Если бы я мог поступить вольноопределяющимся — ну, другое дело. А офицером я поступлю только затем, чтобы меня через три дня выгнали за незнание службы. Ведь я *один раз* в жизни был на ротном ученьи; не знаю ровно ничего. И наконец, ведь меня просто никуда не примут. Какой полковой поинтересуется иметь в своем полку «безнадежного» прапорщика?

Вы пишете «неужели ты останешься и на зиму в Ефимовке»? Как будто бы мне есть возможность выбирать и решать! Куда мне деваться? Стыдно и горько писать в 26 лет такие слова, но что же делать, когда это так? Голова моя разбита болезнью, мама. Не знаю, что со мной будет дальше. Должен же я, наконец, когда-нибудь избавить от себя дядю... Господи, неужели же я никогда не буду способен работать!

Таня опять начинает покашливать. Трудно сказать, временное ли это или возвращение старого.

Пишите мне из Киева, дорогая моя. Есть ли уже у Жоржа ребенок и женится ли он? Кланяйтесь ему и пожелайте всего хорошего. Сашу целую.

До свиданья дорогая моя. Пишите, бога ради.

Любящий вас *В.*

Рубашки и чулок нет. Не пропала ли посылка оттого, что вы вложили письмо?

19 авг.

Вчера отменили поездку Антона в город и письмо пойдет только завтра.

212. *Е. С. Гаршиной*

24 сентября 1881. Ефимовка

Наконец-то я получил от вас письмо, дорогая мама! Если бы с этой почтой его не было, то я написал бы к Ал. Як. ⟨Герду⟩. Жду письма от Жени, а до него, право, не могу решить, дорогая моя мама, ехать ли в Петербург теперь или еще ждать. Во всяком случае месяца полтора я думаю пробыть еще здесь. Деньги на дорогу у меня есть; как ни отговаривался я, дядя все-таки мне отдал барыши за ячмень, посеянный на мое имя, 50 р., да еще осталось прежних рублей 13.

Что это с Ал. Яковлевичем? Вы пишете, что он с месяц уже не выходит: болезнь стало быть серьезная. Вот кому уж не следовало бы хворать. Напишите мне, где теперь Володя. Я хочу писать к нему: стосковался я за ним ужасно; если уж нельзя увидеть его, то хоть бы письмо от него получить. Если увидите М. Д., кланяйтесь ей.

Боже мой, боже мой, сколько у меня пропало из жизни за эти два года! Сергею Ник. тоже пусть Женя поклонится. Очень меня тяготит долг «Русскому Богатству», если бы удалось получить деньги с Вс. Ал. я отдал бы хоть часть.

Нужно приниматься хоть за какую-нибудь работу. *Сейчас же* я не хочу уезжать отсюда потому, что хочется прежде подучить английские слова: это для того, чтобы при случае не отказаться от английских переводов. Странное чувство испытываешь, когда учишься: точно губкой стираешь известку со стены, на которой что-нибудь нарисовано. Трудно голова работает, это правда...

По-французски, я думаю, мог бы переводить довольно свободно: мы с Таней все лето понемногу читали Гюго. До свиданья, дорогая моя мама; писать больше, право, нечего. О здешнем вам, вероятно, пишет дядя. Жду от вас писем с нетерпением. Таня кланяется. Крепко целую вас, Женю и Сашу.

В. Г.

P. S. Рубашку я получил; очень благодарю вас, дорогая моя. Видели ли вы Мишу? Если увидите, передайте ему поклон и искреннюю благодарность за то, что не забывал меня письмами.

213. *В. А. Фаусеку*

⟨Отрывок⟩

⟨Начало октября 1881 г.⟩

...Живу я, что называется, понемногу, вернее, совсем не *живу*, т. к. отправляю только растительные процессы: ем, сплю, встаю, опять ем и т. д. Думать — почти не думаю, да, по правде

сказать, оно и лучше, потому что все, что только наводит на какие-нибудь мысли, так темно и неприглядно... Более всего угнетают меня безобразные, мучительные воспоминания последних двух лет. Господи, как извращает человека болезнь! Чего я только не наделал в своем безумстве. Хотя и существует мнение, что человек с больным мозгом не ответствен за свои поступки, но я по себе вижу, что оно не так. По крайней мере то, что называется совестью, мучит меня ничуть не менее за сделанное во время исступления, как если бы его и вовсе не было...

Живешь, живешь благополучно, — вдруг как тать в нощи — нервозность. Мне кажется, впрочем, что если бы я вел жизнь не столь безобразную (в головном отношении), а правильно работал, т. е. добросовестно вызубрил бы курс хоть Горного института, то, м. б., и не заболел бы. Думаю, вопреки всем психиатрам, что умственный труд — правильный, конечно, — не способствует, а предотвращает развитие «психоза» — есть же на свете такие скверные слова...

214. *Е. С. Гаршиной*

Ефимовка $\frac{9}{X}$ 81.

Дорогая моя мама! Ваше последнее письмо с советом ехать в Баку даже удивило меня. Зачем я туда поеду? Правда, я очень хотел бы видеть Володю, но не думаю, чтобы ему, занятому человеку, мой приезд и пребывание в Баку были особенно удобны. Недавно я написал к нему письмо, ответа жду через месяц, не раньше: в Баку почта ходит долго. Даже если бы он сам позвал меня к себе, то и тогда бы поездка эта была невозможна, потому что на нее, считая с обратным путем из Баку (в Петербург), нужно по крайней мере рублей 150, если не 200...

Сегодня жду обещанного письма Жени (сегодня прийдет почта) и буду ему отвечать с следующей оказией в город.

Ехать теперь же в Петербург мне страшно. Я знаю, что здесь я не составляю особенной обузы, а в П. будет совсем не то. Рассчитывать на свои силы я не могу; не думаю, чтобы мог постоянно и успешно работать (говорю о переводах, конечно; о том, чтобы писать, нечего и думать). А повиснуть на плечах у Жени не считаю возможным. Все-таки нужно еще остаться здесь на некоторое время, как бы мне ни хотелось быть в П. Слова Кремянского у меня не выходят из памяти; помните, когда вы позвали его ко мне?

У дяди постоянно новые планы. На будущий год наверно совершится переезд в Херсон; может быть, дядя откажется от м⟨ирового⟩ судейства и будет служить в земстве. Думаю, как бы не пришлось до Херсона опять везти Таню куда-нибудь: хоть

мало, она все-таки постоянно покашливает. Дядя ужасно постарел за это время: видно, что и здоровье Тани и вообще ее положение постоянно сосут его.

Напишите мне пожалуйста, дорогая мама, не знает ли Женя чего-нибудь об Виленкине (Минском). Очень бы мне хотелось узнать, где он и что. Пишет ли он в «В. Евр.»?

Я очень рад был получить письмо от Виктора Андр. и сейчас же ему ответил. Жалуется на нервозность; говорит, что теперь здоров, но не знает — надолго ли. Боже мой, неужели и он пропадет! Он же сообщил мне, что Влад. Фед. вовсе не поступил в акцизные чиновники, а пишет диссертацию.

До свиданья, дорогая мама. Крепко целую вас и Женю, и Сашу. Марье Дмитриевне поклон.

Любящий вас *В. Гаршин*

На конверте: В С.-Петербург. Вас. Остров, 4 линия, д. № 23, кв. 13. Екатерине Степановне *Гаршиной.*

215. *Е. М. Гаршину*

30 октября 81 г.
Ефимовка.

Дорогой Женя!

Благодарю тебя, голубчик, за письмо и за участие. Ты спрашиваешь, не начать ли тебе хлопоты о доставлении мне места. Не знаю, что и сказать тебе об этом. Пока пользуюсь твоим же разрешением писать пока «без разрешения вопросов».

Получил сегодня письмо от Владимира Михайловича. Как мне ни хочется его видеть, я все-таки в Б⟨аку⟩ не поеду. Во-первых, не хочется заставлять его няньчиться с собой. Во-вторых, денег у меня не хватит на дорогу. И есть еще причины, о которых не стоит много распространяться.

Очень рад за тебя, за твои успехи на литературном поприще. Пиши (или пусть мама напишет), какую судьбу имеют твои рецензии для Михайловского?

Матушка в письме к Тане выразила мнение, что мне следует написать Ивану Сергеевичу ⟨Тургеневу⟩. Так как это совершенно справедливо, то я и написал ему коротенькое письмецо. Ответа на него получить не рассчитываю, конечно, да и адреса своего я ему не послал.[141]

Дядя с Т. недели через три едут к вам в П. Я со страхом думаю о том месяце, который проведу без них. Уж очень похоже будет на одиночное заключение. С Уст. Степ., хотя я ее очень люблю и она ко мне хороша, мы редко говорим, да она больше в бегах.

Английским языком я занимаюсь и, кажется, кое-что уже начинаю мороковать. Маленький учебник, по которому я учусь (Kothwell), я почти кончил; м. б. и пригодится, кто знает. Правда,

что если бы пришлось переводить теперь с английского, то в день сделал бы не более 2-3 страниц. Но надеюсь подвинуться еще вперед.

Получил письмо от В. Андр. ⟨Фаусека⟩, такое же хорошее, как и все его письма. Переписываетесь ли вы с ним?

До свиданья, дорогой мой. Желаю тебе всего хорошего. Маму поцалуй. Не пишу ей потому, что право писать нечего. Сашу цалую.

Твой любящий брат *В.*

Марье Дмитриевне ⟨Дебур⟩ поклонись. Если Магдалину Михайловну увидишь, тоже.

216. *Е. С. Гаршиной*

⟨13 ноября 1881 г.⟩

Дорогая мама!

Ваше письмо удивило меня не меньше, чем мое удивило вас: не понимаю решительно, что могло вас так взволновать и побудить так решительно звать меня в Петербург. По вашему тону можно подумать, что я понаписал вам в своем письме бог знает каких ужасов. Я же, как наверно помню, жаловался только, что мне без дяди и Тани будет здесь скучно. Быть может, мои выражения заставили вас понять что-нибудь другое; если же нет, то нет и ничего ужасного в том, что я проскучаю три недели. На успокоение нервов скука действует даже положительным образом. И вы и Женя употребляете самые сильные слова, для того чтобы вызвать меня на поездку. Если вы это делаете *для меня*, то я положительно говорю, что во всех отношениях и в денежном и в душевно-гигиеническом, так сказать, мне лучше не ездить в П. на эти две-три недели, а оставаться здесь. Если же вы зовете меня с исключительной целью повидаться со мной, то это другое дело, но и тут я просто буду просить у вас прощения в том, что не исполняю вашего желания. Не знаю, что будет дальше, а теперь я боюсь ехать в Петербург; боюсь и неизбежного волнения, и того, что, раз попав туда, я останусь там, что наверно случится: вы, конечно, сделаете все зависящее от вас, чтобы я не возвращался в Ефимовку, да и я вряд ли буду сопротивляться. А остаться в П. — чувствую, что это значит страшно рисковать снова попасть в Николаевскую больницу или во что-нибудь подобное. Поэтому я решительно отказываюсь от поездки в П. с дядей и Таней. Буду ждать еще. Сколько, и сам не знаю. Теперь же чувствую одну только потребность — покой; доброта дяди дает мне возможность пользоваться им, насколько я способен на это по своим собственным свойствам. Не думаю, чтобы в П. мне было бы так — не скажу хорошо, а именно покойно.

Простите, голубушка моя, что, несмотря на ваши усиленные требования, я не исполняю вашего желания. Имейте еще снисхождение ко мне. Да притом совет Кремянского значил же что-нибудь, не на ветер же говорил человек. Если бы я стал делать то, что мне *хочется*, то, конечно, я сейчас же бы и в Петербург приехал, и работы бы какой-нибудь стал добиваться, и работал бы. Но как подумаешь о своей искалеченной голове, то так и станет страшно: а вдруг опять тоже? Ведь это хуже смерти.

Благодарю Марью Дмитриевну, очень благодарю за портрет. Сколько хорошего, чистого он напомнил мне. Не вернется уж оно опять никогда, никогда. Напишите мне пожалуйста ее адрес: я хочу поблагодарить ее в письме.

Получил с прошлой почтой еще раз циркуляр Шимкова об «Мире» с очень любезной, даже теплой припиской. Ответил, конечно, сколь возможно теплым же отказом. Да, могу сказать, как в песне говорится:

Капиталу, мальчик я, решился...

Нового не нажить.

От Володи получил другое письмо. Опять зовет меня в Баку: пишет, еще не получив моего ответа на первое. Хороший он человек, спасибо ему.

Не могу выразить, как меня огорчила новая беда с Николаем Сергеевичем. Передайте ему от меня всяческую мою любовь. Ах, хотелось бы мне побывать в П.; правда!

Дядя очень удивлен, отчего вы ему не отвечаете, и даже думает, не имеете ли вы против него чего-нибудь, хотя и не может придумать никакого повода к этому. Не пропало ли его последнее письмо из Херсона. Он вложил в него 5 р. Саше в презент и, быть может, его конфисковали.

Женю прошу поклониться Виленкину, когда увидится с ним. Правда его: между Виленкиным и Венгеровым такая бездна, что я не знаю, как они приятели. Похвалы Вил⟨енкина⟩ мне, право, было совестно читать. Вот в его будущность я твердо верю, несмотря на Буренина и проч.

До свиданья, дорогая моя мама. Очень горько мне будет, если вы мой отказ приехать примете за обиду себе, как вы пишете. Право, в моих доводах много правды, согласитесь с этим. Женю и Сашу целую. Линочке, если увидите, кланяйтесь, а она пусть Гердам.

Любящий вас *В.*

13 ноября 81.

217. *Е. С. Гаршиной*

20 ноября 1881. Ефимовка.

Вот и едут, наконец, дядя с Таней к вам в Питер, дорогая мама. Пользуюсь случаем, чтобы еще раз попросить у вас прощенья за то, что не исполняю ваше желание. Только, право, мне кажется, мама, что в прошлом письме я изложил достаточные доводы против этой поездки. Не сердитесь на меня, голубушка, и не думайте обо мне как о совершенно пропавшем: ведь все-таки, рано или поздно прийдется ехать к вам в Петербург. А мне, по правде сказать, сильно хотелось бы побывать в П., повидать вас с Женей, да и кроме того нескольких человек, до сих пор оставшихся мне дорогими.

Между прочим, не напишете ли мне Мишиного адреса? Я у него в большом долгу за его добрые письма. А писать не знаю куда.

Имею к Жене большую просьбу: пусть пришлет мне, если он цел, конечно, английского Рейфа (Помнится, он был в книгах) и грамматику Фукса, а самое главное, пусть купит (деньги ему пусть отдаст Таня, а я ей отдам здесь) книжку: Turner (Тёрнер) Lessons of English Literature (ле́ссонс оф и́нглиш ли́терачур), первую часть. Она стоит, кажется, 75 копеек.

Очень может быть, что Лашкевич, к которому дядя завезет Таню в Х., не пустит их в Петербург. Тогда это письмо пойдет по почте, и моя просьба пусть остается втуне. Если дядя будет затрудняться везти много книг, то грамматики не надо; довольно Рейфа и Тёрнера, который очень тоненькая книжечка.

У вас опять началась пальба. Чтò значит расстояние! Узнав вчера об Черѐвинском покушении, я остался совершенно спокойным.[142] Точно будто и не в России. Какие же теперь еще новейшие (*новых* уж и так много) меры надзора будут приняты?

Часто мне припоминается теперь:

> В столицах шум, гремят витии,
> Кипит словесная война,
> А там, во глубине России...

В Ефимовке мы ежедневно почти смотрим, как кормят свиней; недавно кололи пару. Понедельники и пятницы ожидаются с нетерпением: почта, которая одна только разнообразит жизнь, если не считать чтения.

Благодаря Тане я стал значительно свободнее читать по-французски и теперь запас чтения у меня снова очень велик: целых

два года «Revue de Revues», и год «Revus de deux mondes», и еще много разных книг. Так что хоть и будет скучно, но все-таки не смертельно.

Недавно мы прочли Мериме «Colomba»; что это за прелесть! Просто подмывает перевести попробовать; не знаю только, была ли она напечатана по-русски.[143] Я что-то не слыхал об ней раньше, несмотря на то, что это просто классическое произведение. Странное дело: в «Colomba» Мериме́ мне ужасно напоминает Толстого в «Казаках», только, конечно, более шут народный, потому что француз.

Что-то теперь Александровы и Юрий Ник.? Вы, конечно, читали о смерти Кадминой.[144] Уж не Ю. Н. ли там что-нибудь натворил? Надеюсь получить разъяснение от Виктора Андреича, который продолжает переписываться изредка со мною. Писал ли он вам, что Рейнбот поступил на I курс медицинского факультета? Совершенно неожиданный случай! Значит, профессорство брошено навсегда?

До свиданья, дорогая мама. Крепко целую вас и Женю и Сашу. Всем поклоны.

Любящий вас *В.*

218. *В. А. Фаусеку*

(Отрывок)

28 ноября 1881 г.

...Ламартин — болтунище ужасный, Мюссе все тужится быть умным и изящным; Христос его знает, м. б. он и изящен, только для понимания этого изящества нужно хорошо знать язык; для меня он уж очень скучен, как «Губернские ведомости». Гюго же хоть и враль, да зато уж и мастер. Может быть, вам попадется как-нибудь под руку «Les orientales»: не забудьте там посмотреть «Le Djinnes» — это такой, я вам скажу, турдефорс стихоплетства. А впрочем, все трое вместе не стоют томика Лермонтова....

...А все-таки, как ни крепись, а надо признаться, жутко бывает иногда здесь. Особенно ночью, когда все лягут спать (я не сплю б. ч. часов до двух): ветер воет (ветры здесь такие, каких я никогда не испытывал), лиман ревет и мертвечина и пустота кругом страшная. Если читаешь что-нибудь, часто слова уходят из глаз и начинают проходить перед тобою целые вереницы былых сцен, знакомые лица. Боже мой, как все это далеко теперь и во времени, и в пространстве! Как-то чудно видеть себя одиноким и молчащим, того самого, который всегда отличался неистовой любовью к людской толкотне...

219. *Е. С. Гаршиной*

29 ноября 81 г.
Ефимовка.

Дорогая мама!

После вашего письма, где вы пишете, чтобы я непременно ехал в Петербург, я получил только маленькую записочку от Жени, с припиской от вас. Я боюсь, чтобы вы не рассердились на меня за мой отказ. Голубушка моя, право, я делаю это не из какого-нибудь упорства, а просто из боязни 1) насесть вам на шею, чего я избегнуть не могу, если приеду в Петербург; 2) начать снова старую канитель хандры, а потом болезни. Ведь как ни добр ко мне дядя и У ст. Степ., как ни дружны мы с Таней, а и мне хотелось бы перестать обременять их собою, да что же, если страшно еще.

Вот уж и неделя прошла с отъезда наших. Живем мы благополучно; скучновато, это правда, но я вовсе не в хандре и не в отчаянии. Читаю себе по-французски, с английского перевожу; время понемножку и проходит. Да ведь недолго ожидать и дядю с Таней, которых я жду, конечно, с нетерпением.

Вас, очевидно, взволновала моя несчастная фраза об «одиночном заключении». Но ведь это не более как шутка, да и то сказанная с оговоркой. Не думайте, что я отношусь к У. С. настолько свысока, что ее присутствие даже и в счет не ставлю. А между тем, вся эта история производит именно такое впечатление, будто бы мне оставаться вдвоем с нею — нож острый.

Конечно, если подумать хорошенько, в моем пребывании в Ефимовке мало хорошего. Но это лучшее из зол. Ибо, кроме зол, в моей жизни и нет ничего: я нисколько не обольщаюсь какими-нибудь надеждами. Хотелось бы мне, оправившись, зарабатывать где-нибудь кусок хлеба, да и об этом я теперь могу только мечтать. И на что только я годен, господи мой боже?

Пока же буду годить. Больше ничего и придумать не могу.

Напишите мне, как вы нашли Таню? Познакомилась ли она у вас с кем-нибудь, напр. с Марьей Дмитриевной? Напишите мне адреса ее и Миши Малышева.

До свиданья, голубушка мама, крепко целую вас и Сашу. Жене жму руку крепко. Желаю ему самого полного успеха в его писании.

М. Д. поклон и Линочке, если увидите, тоже.

Любящий вас *В. Гаршин*

Пожалуйста исполните мою просьбу о книгах.

На конверте: В *С. Петербург,* **Малая Итальянская ул., д. № 6, кв. №. Екатерине Степановне** *Гаршиной.*

220. *Е. С. Гаршиной*

18 $\frac{9}{XII}$ 81.

Дорогая мама!

Третьего дня приехал дядя, которому я, конечно, очень обрадовался. К сожалению, его приезд был омрачен Колиной болезнью, да и сам он приехал не совсем здоровый: вероятно, простудился без шубы, которую украли у него из вагона в Кременчуге. А тут без него у меня случилось подобное же несчастие: прошлое письмо к вам я отвозил в Николаев сам, т. к. нужно было съездить туда за разными покупками, и в гостинице у меня стащили пальто. Хорошо еще, что было холодно и я захватил с собой и тулуп. Украли очень ловко: сняли с вешалки, пока я пил кофе в общей зале. Дядя хочет поднять дело против m-me Бухтеевой, хозяйки, только вряд ли из него что-нибудь выйдет.[145]

Благодарю Женю за карточку и за сведения о «Colomba». Буду переводить ее, может быть, и можно будет куда-нибудь ее втиснуть. А если нет, все же практика. Жене не пишу, потому что на два письма матерьялу, право, трудно набрать.

В Николаеве был у Ал. Мир. Мартьянова. Он все такой же милый человек и не изменился нисколько. А Катерина Орестовна потолстела ужасно; дети здоровые; девочка такая краснощекая. Живут себе, кажется, и бога благодарят.

Дядя говорил, что Женя хотел послать с ним какие-то книги; если это английские, то мне пока не нужно; дядя привез мне и словарь и Тернера.

Пишите, пожалуйста, что Ник. Серг. ⟨Дрентельн⟩? Собираюсь писать ему, да трудно начать переписку после такого долгого молчания и разлуки. Неужели Салтыков не примет его рассказа? А что писать — его настоящее дело, я это очень давно думаю. И если бы это у него пошло, много бы легче ему было бы жить на свете.

Кстати о беллетристике: Мартьянов дал мне три кн. «Нового обозрения». И там есть этот Макс. Белинский: господи, что за извращение языка (о прочем не говорю). «*В красной мякоти губ сверкнула жемчужная черточка*». «*На талии одиноко блестела пуговица*». Чорт знает что такое![146] Оскудела русская земля, что ли? Или это уж наше поколение такое бездарное. И то может быть. Мы — дети людей 60-х годов — воспитались на сумбуре, трудно и ожидать от нас чего-нибудь путного. В нашем мозгу, если можно так выразиться, косточки живой нет: все перебито, все перепутано.

До свиданья, голубчик мой мама. Цалую крепко вас, Женю и Сашу. Всем поклоны.

Любящий вас *В.*

Эта великолепная бумага и конверты — Танин подарок. Как вы ее нашли, т. е. не бумагу, конечно, а Таню?

221. *Н. М. Минскому*

$18\frac{10}{XII}81$. Ефимовка.

Благодарю вас за память и за письмо, дорогой Николай Максимович: очень оно обрадовало меня. Пишете вы о моих планах: по совести скажу, что никаких у меня теперь планов нет. Живу, вот и всё. Т. е. и не живу, а только ем, сплю, пью. Голова сильно потрепана прошлогоднею болезнью, и я не знаю, годна ли она куда-нибудь. Писать во всяком случае я не могу и, вероятно, не буду в состоянии никогда.

До сих пор мне жилось легче, потому что здесь была моя двоюродная сестра, которую вы, может быть, увидите, если зайдете как-нибудь к нашим: теперь она в Петербурге, так что я немножко скучаю. А впрочем, жить можно. Книжки кое-какие есть. Насчет журналов плохо: только и вижу, что «Р. Вестн.», «Истор. В.». «Огонек», «Ниву», «Н. Время» (вместо «Голоса»), да еще мерзкий «Одесский Вестник»). Как видите, либеральной партии у нас не водится да и Христос с ней! Видел три книжки «Нового Обозрения» и кроме «Первого Сражения» (которое, впрочем, могло бы быть напечатано и в «Р. Вестнике») увидел все какие-то свиные рыла.[147] Только и помню, что у какого-то гимназиста «на талии одиноко светилась пуговица». Это М. Белинский живописует. И еще не без таланта человек!

Отчего бы это было такое оскудение? Да плохи мы, очень плохи, дети людей 60-х годов. Я только что писал об этом матушке и боюсь, что обидел ее. Оттого ли мы так плохи, что у нас воспитания никакого не было? А это совершенно верно, ибо мы повиты на сумбуре и сутолке, вскормлены ерундою. Ах, дорогой мой, как у меня засели ваши слова:

Учитель, где ты, где? Прийди и научи!

Не идет зловредный человек. Да если и прийдет, то мы, свиньи, пожалуй и не послушаем его.

Вот вас я не ставлю в общий счет: вы еврей и, несмотря на всевозможные нынешние антиеврейства, я думаю, что еврею все-таки теперь лучше (о нашем поколении говорю), чем русскому. Лучше, конечно, не с внешней стороны, а там, внутри свободнее.

Мой дядя мировой судья, и я месяца два сидел у него в камере, помогал ему протоколы писать. Ну и мужика, этого самого «народа» увидел. И все не мог разобрать: «святая» ли он «скотина», по Михайловскому, или просто «скотина», или «святой», или просто мужик себе и больше ничего. Думаю, что он мужик как мужик, что Петр Пономаренко — мошенник и свинья, но, с другой стороны, Конон Ерех — прекраснейший человек, и

что их в один и тот же «народ» сажать нет никакой возможности, как только речь заходит о качествах этого народа. И есть люди, медленно убивающие своих жен и говорящие при этом: «я тебя, шельму, сразу не убью, в Сибирь не пойду, а так, года в три, в четыре в гроб тебя заколочу». И есть разные Рябошапки. Какой же тут народ? Отдельные человеки, мерзавцы, честные, воры, убийцы, прекрасные семьяне и пр.

Вот насчет социальных стремлений, так скажу, что не знаю, как в других местах, а здесь в Херс. уезде Херс. губ. ⟨с⟩ «Черным переделом» — очень туго. Всякий норовит набить себе в карман «капытул» и на этот капытул купить земли. Земля же сия возделывается пришлыми батраками — полтавцами, черниговцами и пр., т. наз. гетманцами. Положим плату дают им порядочную, сравнительно с В. Россией, но все-таки все держится на отношениях хозяина и батрака.

Ишь ведь расписался как! До свидания, дорогой мой. Юлии Ивановне поклонитесь. Пишите.

Венгерову поклонитесь и Короленке тоже; хоть мы с ним и мало знакомы, да думаю, что он не рассердится за мою навязчивость.

Прощайте.

Любящий вас *В. Гаршин*

222. *А. Я. Герду*

(Отрывок)

22 дек. 1881 г.

Живу в такой тишине и таком спокойствии, в каком никогда не жил. Да и вообще-то в первый раз в жизни живу на одном и том же месте целый год. Всё это, говорят, хорошо в душевно-гигиеническом отношении. Оно, должно быть, так и есть, но кроме избегаемой Сциллы есть еще Харибда, в которую я ясно для себя попадаю: чувствую, что глупею и опускаюсь с каждым месяцем. О будущем стараюсь не думать, что, конечно, также хорошо в гигиеническом отношении, но зато скверно во всех других отношениях...

223. *Е. С. Гаршиной*

22 декабря 1881.
Ефимовка.

Дорогая моя мама!

Простите, голубчик, что не поблагодарил вас за рубашку, которая пришлась как раз впору. Вышивка великолепная: право, мама, хорошо ли вы делаете, что портите себе для этих вещей глаза. Пожалуйста передайте письмо, которое прийдет вместе

с этим, Александру Яковлевичу; только я просил бы вас и Женю не ходить нарочно, а воспользоваться первым удобным случаем. Я забыл, там ли живут Герды, где прежде жили, или переехали.

Пальто я эту зиму делать не буду: прохожу и в полушубке, тем более что только три месяца осталось до здешнего тепла, когда ни шуба, ни теплое пальто не нужны.

Очень меня тронул Александр Яковлевич (простите за бессвязность письма), прислав карточки да еще с такими дружескими надписями. Добрый он человек. От Миши получил недавно письмо, бодрое такое и славное. От Виленкина получил коротенькую цидульку.

Таня вот давно не пишет: написала только одно коротенькое письмо дяде, да и все. Я сказал дяде, что Полонский говорил Жене о «кузине»; он тоже находит неловким поехать знакомиться. По правде сказать — не говорите только этого Тане — это ужасно провинциальная светскость налагает такие оковы и на него и на нее. Остатки влияния Николаевских и Херсонских выездов и знакомств. А все-таки дядя такой хороший человек, что, живя с ним, нельзя не любить его искренно. Вы пишете, чтобы я держался с ним поближе; да я и то, кажется, чуть не целый день с ним вместе. И о чем только у нас разговоров не бывает.

На-днях мы с ним ездили в Николаев, и он сделал мне подарок, очень понравившийся мне: коньки — и прекрасные; и вот я ежедневно часа по два путешествую по Бугу; раза два падал, расшиб себе колени, но теперь ничего, обошлось. Это такая превосходная гимнастика, что лучше выдумать нельзя.

«Colomba» я уже перевожу и перевел больше двух листов; последние дни, правда, не переводил, так как теперь назначен разбор (до 23 включительно, т. е. до завтра) и на каждый день по 20 дел. Дяде одному не справиться, и я сижу в камере, пишу протоколы.

Хотелось бы мне эту «Colomba» втиснуть куда-нибудь. Если бы Женя ухитрился сделать это, я бы с большим удовольствием отдал ему половину платы за комиссию. Впрочем, надо еще медведя убить, а потом и шкуру драть. В «Colomba» — 90 страниц самого адски мелкого шрифта, так что страница почти равна 2-м «Отечественных Зап.».[148]

Что вы мне все о М. Белинском пишете? Я его только один рассказ читал в «Нов. Обозрении» (мне давал Ал. Мир. Мартьянов) — довольно-таки глупо. Впрочем, не столько в общем, сколько в манере писать. Всё у него «красная мякоть губ» да «одинокая пуговица блестит на талье» (это у гимназиста). Чорт знает что такое! Да, вот его печатают, а бедного Ник. Сергеевича этот болван Скабичевский забраковал! Не верится мне, чтобы Мих.

Евгр. Салтыков сделал тоже такое свинство. Хоть и не читал дрентельнского рассказа, а твердо верю, что уж не хуже моего напишет, а меня ведь печатали же.

До свиданья, голубушка мама. Крепко целую вас и Сашу и Женю. Поклонитесь и Андрейке (m-me Черняева меня не знает). Тане, если прийдет, скажите, что жду от нее письма.

Поздравляю вас всех с Новым годом. Пожелал бы и счастья, да только не смею.

До свиданья.

Любящий вас *В. Г.*

P. S. Получила ли М. Д. ⟨Дебур⟩ мое письмо? Не говорила ли она вам об этом?

Вы знаете, должно быть, что дядя делает пристань. Почти всю прошлую неделю я с Осипом-прикащиком ходил по льду, промер делал.

224. *В. Н. Афанасьеву*

(Отрывок)

31 дек. 1881 г.
⟨Ефимовка⟩

...Писать я не могу (должно быть), а если и могу, то не хочу. Ты знаешь, что я писал, и можешь иметь понятие, как доставалось мне это писание. Хорошо или нехорошо выходило написанное, это вопрос посторонний; но что я писал в самом деле одними своими несчастными нервами и что каждая буква стоила мне капли крови, то это, право, не будет преувеличением. Писать для меня теперь — значит снова начать старую сказку и через три-четыре года, может быть, снова попасть в больницу душевно-больных. Бог с ней, с литературой, если она доводит до того, что хуже смерти, гораздо хуже, поверь мне. Конечно, я не отказываюсь от нее навсегда: через несколько лет, м. б., и напишу что-нибудь. Но сделать литературные занятия единственным занятием жизни — я решительно отказываюсь...

1882

225. *Е. С. Гаршиной*

3 января 1882 г.
Ефимовка.

Завтра приходит почта, дорогая мама, и я думаю, что наверно получу от вас письмо, так как давно уже не получал; тем не менее пишу сегодня: едет в город Иосип (преемник удалившегося Антиона). Я уже вообще довольно давно не получал ни от кого, кроме В. А. ⟨Фаусека⟩, писем. Он теперь в Таганроге. Володя не отвечает мне на последнее письмо: не знаю, может быть, эти письма так долго идут. Марья Дмитриевна, которой я уже давно написал, тоже не отвечает.

Живем мы попрежнему, ни шатко, ни валко: у дяди ревматизм, и он много лежит с компрессами на ногах; погода скверная, река разошлась, так что я лишен катанья на коньках. Сижу дома, читаю «Les confessions» Руссо, да перевожу «Colomba». Перевод подвигается: за половину уже перевел.

Писал ли вам В. А., как наш Юрий Николаевич ⟨Говоруха-Отрок⟩ преуспевает? «В болоте» на сцене — и автора публика вызывала. Хотелось бы мне ужасно посмотреть его тогда. И право, не из глумления, а по дружественным чувствам, которые, несмотря ни на что, усидели во мне; в этой слабости к Юрию Николаевичу я как был, так и остался постоянным.

Что поделывает Женя? Не напишет ли он и мне в свободную минутку? Писал бы ему, да ведь писать отдельно и вам, и ему, право, решительно нечего.

Был я недавно с дядей в Николаеве и опять заходил к Мартьяновым. Он пришел потом, и я долго сидел с Екатериной Орестовной. Сплетничает она или нет об О. О., не знаю, но если правда то, что она с уверенностью говорит, то, право, стыдно О. О. Оно, конечно, дело ее вдовье, но выбрать такую благоглупую и пошлую фигуру, как этот Павел Палыч, — это уж совсем не рекомендует ни ее вкуса, ни ее ума. Право, не стоило столь долго соблюдать свою честь, чтобы прийти к такому комическому концу.

Не рассердитесь на меня, мама, за мою просьбу. Мне хотелось бы знать что-нибудь о Надежде Михайловне. Каковы бы ни были мои чувства относительно нее, вы не будете, я думаю, удивлены таким желанием? Хоть, вероятно, вы ее ни разу не видели, но, может быть, слышали что-нибудь. Я не имею никакого понятия даже о том, жива ли она и здорова. Прошу вас не говорить никому, кроме Жени, конечно, об этой просьбе.

Очень благодарю вас и Женю за «Отечественные Записки». Только не стоит присылать янв. и февр. под бандеролью. Таня будет ехать в начале марта и, быть может, возьмется привезти. Кончаю письмо: его нужно сейчас отдавать. Будете писать, напишите о Николае Сергеиче: неужели он не ходит к вам? Если ходит, кланяйтесь ему низко. Катерине Сергеевне тоже поклонитесь. Женю целую. Сашу тоже. До свидания, дорогая моя. Крепко целую вас.

Любящий вас *Всеволод Гаршин*.

226. *В. А. Фаусеку*

(Отрывок)

10 января 1882 г.

А знаете ли, В. А., мне часто приходит в голову: не махнуть ли и мне в свой Болховский полк? Завязнуть туда по уши, да и все. Ей-богу, правда: ну, на какого чорта я гожусь, если не писать, а писать я, право, кажется, не буду никогда. Буду солдат обучать «словесности»; и то хоть хорошо, что бить их по морде не стану...

227. *Е. С. Гаршиной*

15 января ⟨1882 г. Ефимовка⟩

Дорогая мама, простите, голубушка, что долго не писал; я написал вам еще третьего дня, да вчера, бывши с дядей в городе, забыл бросить письмо в ящик. Сегодня пишу вам другое.

Что сказать вам о Тане? Печально все это и досадно. Правду Женя сказал, что она «не наша». Да и то сказать: если интересует ее Линочка, то, конечно, смешно с ее стороны не удовлетворить своему желанию познакомиться; а если не интересует? Бог с ней: у тех, кого я люблю, оттого что она не удостоит их знакомством, ничего не убудет. Ей же хуже. Потому что таких девушек, как Линочка да Лизавета Сергеевна, ни мне, ни ей не видать никогда в жизни. Что же, если уж есть только охота сидеть со своей О. И., пусть сидит.

Не могу не заступиться за Глеба Ивановича ⟨Успенского⟩, которого я очень люблю и уважаю и к которому вы отнеслись

так жестоко несправедливо. Во-первых, Гл. Ив. *никогда* не рассказывал мне никаких «гнусностей» об Тургеневе, а напротив — постоянно твердил мне о том, какой это симпатичный, хороший старый человек. Если я вам передавал что-нибудь отрицательное об Ив. Серг., то разве только анекдот, рисующий его *слабость*, а никак не «гнусность», именно анекдот о розах, присланных ему А. П. Философовой.[149] Да и этот анекдот рассказывал не Успенский, а Салтыков. Знаю еще я одну гнусную сплетню о Тургеневе, но ее пустил в ход совсем не Успенский, а «чистая личность», покойный Свириденко; Гл. Ив. же не верил этой сплетне. Во-вторых: если Гл. И. рассказывает мерзости, деланные покойным Достоевским, то он виновен будет только в том случае, если рассказываемое неправда, вы же сами недавно писали мне, что Д., по слухам, был отвратительнейший человек.[150] Да кроме того, Успенский вряд ли может рассказывать об Дост. что-нибудь от себя, т. к., сколько мне известно, он с ним знаком не был. Что Гл. Ив. пьет — сущая правда, но, мама, можно ли строго судить за этот порок? Мало людей, о которых я вспоминаю с такой любовью и благодарностью (быть может, это просто детское чувство) как об Льве Николаевиче, а уж он ли не пил? Это горе, а не порок, и особенно у нас русских. О подчеркнутом же вами слове *друг* (в применении к Л. К.) я не стану и говорить. Это чересчур уж тяжкое обвинение двух семей, мужья которых друзья, а жены приятельницы, да еще семей, из которых вы знаете только одну Л. К⟨ривенко⟩. И — простите меня, — я этому голословному обвинению не верю, как почти не верю же гораздо менее тяжкому (даже, пожалуй, и совсем не тяжкому) обвинению О. О. со стороны ее сестрицы и, кажется, всей семьи. Не сердитесь на меня, мама, если я, может быть, немного резко защищаю Г. И., но если бы Николай Степанович или кто-нибудь подобный сделал несправедливость относительно кого-нибудь из известных мне людей, то я не обратил бы на нее никакого внимания, а слышать от вас, кого я люблю, несправедливые речи мне просто больно.

А Жорж, мне кажется, и место новое возьмет и совсем от него не откажется: это он только сгоряча сам себя путает. Неужели он в самом деле бросит Соню?

Дядя просил меня учить Устинью Степановну грамоте, и мы каждый день с ней по часу читаем склады. Учится она довольно успешно, хотя в 24 года, конечно, за грамоту браться не легко. Хотя я и отрицался всячески от гонорара, но все-таки пришлось брать по рублю за урок. Просто совестно жить, да еще и деньги брать.

«Коломбу» почти кончил, да и кончил бы, если бы не три дня усиленного разбора (я помогал дяде протоколы писать), да не вчерашняя поездка. На будущей неделе, если успею, пере-

пишу и пошлю вам. В «Р. Б.» наверно не возьмут, и соваться нечего (им чего-нибудь красноватого нужно). Да и не хотелось бы мне отдавать деньги туда работой, а не деньгами. Вот если бы в *журнал* «Недели», так ладно бы. Впрочем, это впереди еще.

Бывает ли у вас Марья Дмитриевна? Ни вы не пишете о ней ни слова, ни она сама не отвечает мне па давно написанное ей письмо. Может быть, у меня неверный адрес?

От Володи получил недавно письмо. Переписываться с ним очень трудно: письма идут по месяцу, да еще и пропадают.

Дядин ревматизм прошел. Ваши последние письма его очень опечалили: «неужели, говорит, мы можем и с сестрой разбраниться. Совсем я тогда один останусь». Он говорит, что это было бы для него самым тяжелым ударом, и право, мама, кажется, он искренно это говорит. Он мне читал свое письмо к вам; я не могу согласиться со всем тем, что он пишет, но вы, должно быть, увидели из него, что у дяди нет никакого намерения развести большую историю из-за Тани, О. И. и Ег. Ив.

До свидания, дорогая мама, крепко целую вас. Поклоны всем. Ф. Ф—чу, конечно, не забудьте. Женю и Сашу целую.

Вас искренно любящий *В.*

P. S. Мама, не присылайте пожалуйста, этих $^0/_0$, когда их отдаст Модест. Мне ведь теперь, уж с этими 25 р. в месяц, деньги уж совсем, совсем не нужны. Если вы пришлете их, а не истратите сами, то, право, очень огорчите меня.

228. *Е. С. Гаршиной*

24/I 1882. Ефимовка.

Дорогая мама! Вы, вероятно, не получили еще моего письма, когда писали дяде, что от меня давно нет писем. Мы с вами связаны новым родством, а именно, у дяди, как вы знаете, родилась новая дочь, Наталья, которую в воскресенье благополучно окрестили, при чем я, яко кум, присутствовал лично, а за вас, как за куму, стояла неизменная Афросинья. Бедная девочка! Из-за распри с попом пришлось крестить ее в деревянной ванночке вместо купели и со старым заштатным о. Александром. Устинья Степановна встала чуть ли на третий день, к великому моему изумлению; я думал, что в таких случаях подобает лежать недели по две.

Ваши письма к дяде (из которых он многое читает мне) очень огорчают меня. Право, жаль, что обстоятельства так сложились, что Таня приняла относительно вас или, пожалуй, вы относительно ее чуть ли не враждебное положение. Сужу только по вашим письмам, т. к. она ни слова не пишет мне обо всем этом.

От Марьи Дмитриевны я не получал ни слова. Должно быть, письмо ее пропало: знает ли она как следует мой адрес? Ужасно досадно. Не будет ли она так добра, что повторит письмо?

Благодарю вас за «Отечеств. Записки», дорогая моя, они доставляют пропитание и мне, и дяде. «Чудак» мне очень понравился; Боборыкина вещь тоже понравилась, а от «Набросков», судя по вашему отзыву, я ждал гораздо худшего.[151] Что вы нашли там *особенно* дурного или грязного? Радует себе государство и ничего больше. Бывали и хуже вещи и печатались. Напрасно только это название «наброски» да еще «карандашом». Это значит, что если, мол, я пером начну, чернилом, да не *набрасывать*, а *писать*, так всю Европу удивлю... А кто ее знает, может быть, и удивит: я удивительно утратил способность вникать в художеств. произведения, и никак не могу сказать, худо или хорошо вот это или то. Кажется, что и ничего, а может быть и скверно, я не знаю.

Вот уважаемейшая Надежда Дмитриевна так воистину удивила меня своею «прекрасною розой».[152] Можно ли так увлекаться, хотя бы и даме? Хоть мои рассказы и лучше таковых же М. Белинского (да и то, положа руку на сердце, говорю: не знаю; может быть так, как он, и надо писать), а все-таки они ничто иное, как «бред куриной души». А Женя очень нехорошо поступил с своим «комом грязи, который нужно выкинуть за окно». Нельзя уж так жестоко осуждать людей. Я прочел один только рассказ («Тайна Оленьки») этого М. Белинского: он мне не понравился, это правда, но я не мог не подумать: кто его знает, может быть это человек новые горизонты открывает, а я только этого не вижу и не понимаю. Да и где мне понимать теперь отсюда, из Ефимовки, после двух лет безобразного сна. Т. е. не двух лет сна, а года, ну а другой год — какое-то пробуждение, очень медленное.

Скажите, какая барышня переехала к вам после А. А.? Не Катерина ли Сергеевна? Она недавно написала мне письмо, очень доброе и ласковое: я ответил ей на Кирочную. Если она переехала к вам, то пусть имеет в виду, что я ответил и что ответ, вероятно, на старой квартире.

А вы-таки прислали мне эти 15 рублей. На что они мне, мама? а ведь вам бы очень пригодились даже и 15 рублей. Весною, когда начнутся экзамены, Жене наверно трудно будет. Если бы вы взяли тогда часть моих денег от Струковых, сколько понадобится, вы бы только сняли с моей души постоянный упрек в том, что Жене и учиться и деньги добывать приходится и работает он, бедный, как вол. Эти 15 р. я с другими моими деньгами совершенно непроизводительно ношу в кармане.

Дядя просит Женю сходить к Юханцову. Он хотел обратиться с этой просьбой к Егору Ив., да тот уехал. Он ужасно

волнуется и мучается неизвестностью в этом деле; просто нельзя заговорить, чтобы как-нибудь разговор не перешел на этот предмет.

За что Михайловский не пускает Жениных рецензий? Если они такие, как об этом дураке, что в 12 кн., так чего ему еще лучше нужно? Мудрят они что-то очень. Да если бы из этих мудрований выходило что-нибудь. Будет ли что-нибудь Женино во 2 кн. «Истор. Вестн.»? Мы ведь получаем его. Сегодня дядя продал старых «Голосов», «Од. Вестн.» и земских отчетов на 16 руб. и, прибавив 1 руб., послал их на «Вестник Европы». Так что у нас теперь, благодаря и вам с Женей, просто целая библиотека: «Голос» (по-моему превосходные передовые статьи), «Новор. Телеграф», «Огонек», «Нива», «Русский Вестник, «Истор. Вестник», «Вестник Европы», если Таня подпишется, о чем ей дядя писал, «Художеств. Журнал», да вы еще «От. Зап.» присылаете.

Эту «Коломбу», наконец, я кончил и теперь понемножку переписываю. Переводить я, оказывается, умею очень плохо: язык вышел самый дубовый и галлицизмов избегаю с большим трудом. А впрочем, может быть, это только так мне кажется. По-французски читать продолжаю: Руссо «Исповедь» начал, да бросил, потому что, признаться, невыносимая тоска; теперь читаю столь знаменитую через Таню и Скиндера «Histoire de la civilisation» Гизо. Тоже довольно-таки французисто: не глубокие они люди эти французы, если сравнить с англичанами.

Что вам еще сказать? Работают у нас пристань с разными препятствиями: лед провалился во время битья свай под копром, и дело стало; подрядчик все-таки хочет как-то выкрутиться. На коньках продолжаю ездить, делаю экскурсии верст по 10—15 в два конца. Вообще здоров.

Что с собой делать — еще не знаю. Да во всяком случае летом ведь все равно некуда двигаться, так что до осени придется пользоваться дядиным гостеприимством, а там уж куда-нибудь приткнусь.

От Володи недавно получил письмо и вижу, что наши письма пропадают. Хочу писать ему чаще, не ожидая ответов.

До свиданья, дорогая моя. Крепко, крепко целую Женю, дай ему бог больше сил выносить его работу. Сашу поцелуйте. Всем кланяюсь, Виктор Андр. пишет, что ему без «химика» скучно: передайте это Владимиру Федоровичу. Что он поделывает?

А Виленкин хотя, как вы пишете мне, и «в восторге» от моего письма, а не пишет. Если Женя увидит его, то пусть скажет, что я очень был бы благодарен за письмо от него. Женя тоже собирался, по вашим словам, писать мне, да что-то все нет от него письма.

Ну, досвиданья. Крепко целую вас.

Любящий вас сын *Всеволод*

Женю прошу передать А. Я. поклон и Линочке тоже.

На конверте: Петербург, Итальянская ул., д. № 6, кв. № 51. Екатерине Степановне Гаршиной. — *Почт. штемпель:* Николаев 28—I, 82 г.

229. *Е. С. Гаршиной*

2/II 1882 г.

Дорогая мама! Простите за коротенькое письмо, но сегодня вам пишет дядя, да кроме того я и Жене пишу, и Вл. Мих. надо писать и отвечать на «коллективное» письмо Линочки и маленьких Гердов.

Сегодня мне исполнилось 27 лет. Год еще выскочил из жизни, да и удивительный для меня год, такой, какого я в целую жизнь не проводил ни разу. Думается иногда, что такое долгое спокойное сиденье на одном месте даже характер изменить человеку может, особенно привыкшему метаться по свету. Неужели еще такой же пройдет? Пора бы уже и убираться отсюда подобру, по-здорову, да куда-нибудь приткнуться. Но куда? — решительно не знаю.

От М. Д. ⟨Дебур⟩ ответа еще не получал. Очень удивил меня Женя, написав, что она уже играет с ним в четыре руки. Ведь это она меньше чем в два года успела, да еще в тридцать лет. Что бы из этой Марьи Дмитриевны вышло, если бы она выросла и училась по-людски!

Новостей у нас, разумеется, никаких нет. Пристань строится с большими препятствиями: тепло, лед, того и гляди, провалится под тяжестью бабы в 70 п. и 25 человек людей. Просто несчастье может случиться, не знаем, как и дождаться конца этой бойки свай.[153]

Забыл написать Жене: что это за «Устои»? В наших газетах не было ни одного объявления.[154] Большой или маленький журнал? Не может ли Женя сообщить мне, на чьи деньги ведется «Русское Богатство?» Или оно окупается, а сотрудникам все-таки не платит. В таком случае бедному П. В. Засодимскому жить нечем.

Простите, дорогая моя, что кончаю письмо. Но, право, нечего писать, а насильно стараться написать что-нибудь уж совсем не хорошо. До свиданья, милая моя мама, крепко вас целую. Сашу тоже.

Любящий вас сын *Всеволод Г.*

230. *Е. М. Гаршину*

⟨2 февраля 1882 г.⟩

Дорогой Женя! Очень благодарен тебе, дорогой мой голубчик, за письмо. Если ты действительно будешь писать ко мне

каждую неделю, то сделаешь мне большое, большое удовольствие. Относительно того, что мама действительно немного пристрастна к тенденциозной беллетристике, — что же делать. Да я за Л. К⟨ривенко⟩ и не заступаюсь особенно. Кто ее знает. А о Гл. Ив. ⟨Успенском⟩ мне, конечно, досадно было слушать дурное, да еще и ни на чем не основанное.[155]

В письме к дяде Таня пишет, что в «Пет. Листке» сказано, что-де г. Гаршин совершенно оправился от болезни и продолжает свой рассказ «Люди и война».[159] Не знаешь ли, как могли попасть туда подобные слухи? Я никогда и никому ни о чем таком не заикался, т. ч. узнаю совершенную для себя новость о себе же.

Линочка et K⁰ прислали мне очень милое письмо, с просьбою принять участие в Гердо-детском журнале. Ответил сейчас обещанием прислать сказочку. Только пусть не сердятся: направление самое скалдырническое, т. е. вернее никакого направления нет, а выудить можно именно скалдырничество.[156]

Напиши мне, действительно ли Хохлов дает концерты? Крепись, Женя, елико возможно[157]. Да из твоего письма видно, что ты головой совершенно ясно понимаешь положение дел, а это, если не главное, то все-таки очень важно. Конечно, в таких делах я меньше, чем кто-нибудь другой, имею право выражать свое мнение. А оно такое, что чем меньшее место человек дает в своей жизни любви, тем ему лучше. Не то чтобы аскетизм, нет, и не надо строить жизнь, исходя из этой точки. Помнишь у Островского купец говорит, что ежели человек вошел в лета, то что для него женская прелесть? «*Тьфу! Даже скверно*» такое воззрение иметь — право, до некоторой степени счастье. Конечно, не мне бы это говорить...

А Л. Н. ⟨Коротнева⟩ в самом деле из таких, что мимо нее безнаказанно может пройти не всякий человек. А людишкам она и вовсе смерть, должно быть: одна красота все возьмет. Если бы одна красота, то опасность еще не велика, а то ведь она и вообще-то девушка не совсем ординарная.

Скажу тебе потихоньку, что меня иногда ужасно тянет в Питер. Да все думаю, не рано ли? Во всяком случае до лета ехать туда, мне кажется, не имеет никакого смысла. И знаешь еще что: уезжая, я лишу дядю большого ресурса. Он так привык ко мне, что, я думаю, будет очень скучать. Конечно, это не резон на век остаться здесь, но это так к слову пришлось.

Сегодня мне 27 лет. Господи, куда время, да не только время, куда *молодость* ушла. Если ее даже до 30 лет считать, то и то только три года остается. У тебя на носу экзамен: поэтому, вероятно, тебе трудно будет писать каждую неделю большие письма. Хоть понемножку пиши, я и то буду рад.

Прости, что пишу мало: сегодня что-то не пишется, но впредь буду писать тебе большие письма обо всякой всячине. Хотелось бы распространиться о происходящем ныне «веянии», о статьях «Голоса» и «Руси» и прочем, да уж очень долго будет. Дядя не может назваться особенно красным, да куда там особенно! он и либерал-то небольшой, но и он теперь в непрестанном огорченьи. Один Михайло Никифорыч чего стоит? А может быть, это его просто затем, чтобы рот замазать? Ведь в Гос. Сов. много всякого хламу складывают.[158] До свиданья. Крепко целую тебя.

Любящий тебя твой брат *Всеволод Г.*

18 $\frac{2}{\text{II}}$ 82. Ефимовка.

P. S. Поклонись Виленкину, жду его «Мав», не дождусь. Давно уже никаких стихов, кроме Русско-Вестничных да Михаловского не читал.

А хорошо бы тебе проехаться за границу! Существуют ли какие-нибудь предположения относительно местопребывания мамы с Сашей на летнее время?

231. *Е. С. Гаршиной*

8 февраля 82 г. Ефимовка.

Дорогая мама! Сейчас мы с дядей получили ваше короткое письмо с известиями об О. О. и об сообщении обо мне «П. Л.». Когда вы получите это письмо, вы будете знать из телеграммы дяди, что я, слава богу, совершенно здоров. А речи Толстого, — к сожалению конечно, — я и не читал. Эта история очень разогорчила и меня и дядю. Хотя головой и отлично понимаешь, что все это вздор; напечатали — ну и напечатали, но все-таки на душе самое тяжелое чувство. Кому понадобилось трогать меня? Я и придумать не могу. А что это не случайно, показывает уже то, что за несколько дней до этого, как пишет Таня, в том же «Петерб. Листке» было сообщено, что В. Гаршин поправился и продолжает свой прелестный рассказ «*Люди и Война*». Ведь это точно будто система какая-то вранья. Я, положа руку на сердце, говорю, что *ни одним словом* не подал повода к подобному известию.[159]

А тут еще недавно Таня спрашивает в письме дядю: «Совершенно ли поправился Всеволод?» Между тем ни он, ни я ни слова не писали о моем состоянии, да и писать нечего, потому что все, слава богу, обстоит благополучно. Значит, Таня знает, что ли, что-нибудь о моем нездоровьи и из каких-нибудь источников? Дядя вообще пессимист и довольно подозрительный человек, он сейчас же сопоставил все это с знакомством Тани со

Шрейером и опасается, не подала ли как-нибудь она сама нечаянно повода Шрейеру наврать обо мне. Может быть, она что-нибудь говорила ему обо мне, а он украсил своею репортерскою фантазиею. Так думает дядя и, само собою разумеется, это его сильно мучит. Бедный он, сколько Таня вообще доставляет ему всевозможных уколов в самую душу. Например, пишет ему о рождении Наташи в таких выражениях: «я узнала от тети, что *у вас родилась дочь*»... Затем, конечно, поздравление. Можно бы потребовать немного больше чутья, деликатности и такту. Меня эти слова просто резнули по сердцу: ведь какие там ни есть Ольги Ивановны tutti, а *роднее* Устиньи Степановны у нее никого нет и не будет. За что же обижать так? У других, положим, выражения ничего не значат; Николай Сергеевич, например, не стесняется «якобы» *ругаться* со своей сестрой, которую горячо любит, но ведь это простые люди, которые считают за важное не слово, а то, что за ним. А ведь кто больше Тани заботится о приличии внешних выражений.

Ну, да Христос с ней!

Ольга Орестовна в меня как из пушки выпалила. Держать этого Рислинга «при себе» или «гля сибе», как говаривала Анисья Андреевна, — это еще куда ни шло, принимая во внимание множество смягчающих обстоятельств. Но сочетаться с ним священными узами — это уж просто показывает глупую бабу. Пишу два последние слова с искренним огорчением, потому что я всегда к О. О. относился по-дружески, да и она ко мне тоже. Бедные девочки, да, признаться, бедные и старики Орест Поликарпович с Шарл. Самойловной.

А в пятницу у нас была радость: прислали высочайший указ о узаконении Коли. Очень был рад и я, что кончилась эта неизвестность: дядя очень боялся, что начнут справляться у попов, а они вытащат на свет божий кумовство. С У. С. мы опять занимаемся уже целую неделю. Кое-как уже читает, а месяца через полтора, думаю, и совсем хорошо будет читать.

Что случилось в Харькове, пока нам здесь понять невозможно. Уж не Юрий ли Николаевич этот «один местный литератор»? А университет, должно быть, все-таки откроют; не думаю, чтобы Виктор Андреевич пострадал.[160]

Жене не пишу: всё, что пишу в этом письме, пишется, конечно, и к нему. Спасибо ему, голубчику, что вступился за меня. С кем это он ходил в ред. «Петерб. Листка»? Напишите, чтобы я знал, кого благодарить. И чем увенчался этот поход? С нетерпением буду ждать разъяснения этого дела.

Попросите Женю, когда пойдет к Гердам, снести Линочке прилагаемую сказочку. Я решительно не мог отказать им всем на их коллективное письмо. Пусть простят, если сказка не понравится; я и сам чувствую, что она какая-то, как говорит

Уеллер младший,[161] скалдырническая и не детская, но что же мне делать, когда уже написал ее, а другого ничего не придумывается. Кланяюсь им всем.

До свиданья, голубушка мама. Крепко, крепко целую вас, Женю и Сашу. Рассмешило меня, что он спрашивает: уже родили? А Коля в благодушестве своем уверен, что Наташу уронили с фургона какие-то неведомые люди.

До свиданья. Крепко целую вас.

Любящий вас *В. Г.*

232. *В. А. Фаусеку*

(Отрывок)

8 февраля, 1882 г.
Ефимовка.

Для нас с дядей третьего дня кончились большие треволнения, а именно: забили все сваи под строющуюся здесь пристань. Вытянули от берега мост на 60 саж., а на конце его еще платформа, куда будут приставать разные «Св. Николаи» и «С нами боги», т. е. каботажки. Били сваи по льду, а лед плохой, весу же в бабе 20 пуд., да в копре 40, да свая, да 25 человек. Вообще было страшновато.[162] Одной матерщины издержано рабочими и подрядчиками столько, что хватило бы более скромным людям на всю жизнь. Куплеты «Ой дубинушка» поражали меня своею совершенною нелепостью: до такой степени глупы, что сквернословие и не кажется сквернословием, а так только ... звук один гремящий. Но когда дело доходило до водки, то они сейчас же принимали несколько осмысленный характер. А именно пели:

Наш панич (это я) красавчик
Поднесет вина стаканчик,

а также

Наш хозяин (дядя В. С.) красавчик,

с тем же неизменным окончанием. В виду такого настроения умов местное единственное напоминающее нам, россиянам, о конституции учреждение (ибо для чего же, как не для кабака, была учреждена «Зала совещательная»?) торговало недурно. Даже я в качестве «красавчика» при своей бедности должен был приобрести четверть крови сатаны. Да что тут! За Бугским лиманом (а он верст семь ширины) есть село Паручино: тамошний поп уговорил крестьян закрыть кабак, «потому-де, что все равно через полтора месяца всем кабакам конец». И можете себе представить, что паручинцы пешком путешествуют по льду с специальною целью напиться в здешнем, ефимовском кабаке

Если разредят кабаки, то это поведет к непроизводительному расходу народного труда, ибо мало ли его нужно будет употребить на проход 7, 10, 12 верст, отделяющих гг. потребителей от продукта. А, впрочем, сказать, что пьют много, право, грех. Пьют некоторые так, что по собственному их сознанию: «усé у вȯдци та у вȯдци», но ведь не все же «у водци»...

233. *Е. С. Гаршиной*

12 февр. 1882.
⟨Ефимовка⟩

Дорогая мама! Сейчас получили письмо от вас к дяде (от 4) и от Жени ко мне, вложенное в него. Вы пишете дяде, что недавно писали мне *большое* письмо, а я его не получил: вероятно пропало. Поэтому я ничего не знаю о том, что Жене сказали в «Петерб. Л.», а также о том, что именно случилось в Харькове. Будьте добры, повторите ваше письмо. «Заграничн. Вестн.» от вас получен, очень благодарю вас с Женей за него. «Истор. Вестн.» тоже получили сегодня. Женины рецензии уже прочел; правду вы пишете, что у него слог вырабатывается.

До свиданья, крепко вас целую. Жене поклон.

Любящий вас *Всеволод Гаршин*

Получили ли мою сказочку, что я посылал в «Гердо-детский», как Женя пишет, журнал?

Пожалуйста напишите, кто сочинил все сие с «П. Л.». А также о Говорухе и Рейнботе. Мы с дядей заключили, что если *Рейнботу* пришлось поскубти Юрия Николаевича, то уж значит правда, что Говоруха что-нибудь сблудил.[163] Бедный Ал. Евг.!

Фаусек мне ничего не пишет, а вы наверно знаете об этой истории все подробности. Будем ждать их от вас.

234. *Е. М. Гаршину*

18 $\frac{24}{II}$ 82.

Дорогой Женя! Благодарю тебя за письмо и за лестные отзывы о сказке. Послав ее тебе и не оговорив, что я не хотел бы, чтобы она делалась известной тому или другому, я, конечно, не могу нисколько быть на тебя в претензии за то, что ты читаешь и показываешь ее, как ты пишешь, с строгим выбором, но все-таки не могу не удивиться, зачем твой выбор остановился на Сергее Николаевиче? На что было носить ему ее? Неужели ты не понял С. Н. ⟨Кривенко⟩ настолько, чтобы не знать, что ему такие вещи совершенно «без надобности»?

Он специалист по мужикованию и п. т., конечно, никогда и ни за что не поймет, как это так можно написать сказку и не подразумевать под действ. лицами «правительство», «народ» и прочие вещи, может быть и весьма почтенные, но (признаюсь к стыду моему, да и не к стыду вовсе, наплевать) осточертевшие мне до высших пределов осточертения. Никакого правительства, никакого народа, а просто-напросто *Антон,* вот вам и сказ. И никаких там «*типов*», а просто-напросто жук, ящерица, муха, самая настоящая муха, своей персоной, с лапами и крыльями. Клянусь всем, чем я могу клясться, что до получения твоего письма мне и в голову не приходило, что эта сказка может сказать что-нибудь об конституциях, дворниках, урядниках, социалистах, мужиках, т. е. вообще о предметах нынешних разговоров; да что я говорю, что в ней кроется *какая бы то ни* было аллегория, я и этого решительно не думал: свидетель дядя, которому я читал сказку и который очень смеялся над ней и, как человек без предвзятых мнений, тоже не нашел в ней ничего, кроме сказки. Ему и в голову не пришло толковать Антона не как Антона.[164]

А ты, брат, точно что «рецензент в душе». Ведь нашел же какую-то «пахучесть» в словах! Ведь это выйдет, пожалуй, не хуже, чем «эти неуклюжие четырехугольные суконные звуки», которые выдумал какой-то музыкальный господин. На словах такие вещи иногда понимаются и очень помогают уяснению впечатления, ну а на бумаге — вряд ли.

Вчера только мы прочли в «Голосе» изложение говорухинского скандала, а до этого ничего не понимали. Действительно, учинил-таки подвиг! Но я все-таки уверен, что о 193-х он ввернул не умышленно, а по непростительной, конечно, легкомысленности.[165]

Правда ли, что война так возможна? Не дай ее, конечно, бог, а *лично* я не был бы недоволен: пошел бы опять шагать. Ибо почему бы мне не шагать? Проиграть я ничего ⟨не⟩ проиграю, ибо проигрывать нечего; жизнь, конечно, в счет не идет, но «всё хорошо, что хорошо кончается», а ей-богу лучше конца, как на войне, надо поискать. Да ведь и весьма сомнительно, что не вернусь. Всё ведь $^4/_5$ возвращаются. А все-таки музыка играет, штандарт скачет... И еще, пожалуй, какие-нибудь «8» или «11 дней» напишу. Напиши мне, очень прошу тебя об этом, 1) адрес Малышева (письмом к Ив. Егор. в Уч. и Ссудн. банк с передачей Мише, можешь узнать его, чтобы не ходить понапрасну) и 2) (или, вернее, самое первое) не случилось ли с ним какого-нибудь несчастия? Дело в том, что дядя привез из Херсона известие, будто бы в «Будильнике» была помещена карикатура, в которой усмотрели внутреннюю политику, и что за это художник, нарисовавший ее, поехал в Замакарию. Хотя Миша и

верный престолу и отечеству человек (в самом деле), но чем чорт не шутит: м. б. как-нибудь ошибся. Посмотри в последнюю «Стрекозу»: если там есть подпись $\left(\frac{ММ}{82}\right)$, то значит все благополучно. От него я не получил ответа на два письма, а так как я его очень люблю, то мне это тяжело.

Вчера мы с дядей ездили в Николаев, и я был у Мартьяновых. Там, кажется, большая беда: Алекс. Миронович болен катаром желудка, да это еще ничего, а только от этого катара и, вероятно, всяких «болестей» у него начинается формальная меланхолия. Просто мой портрет в оные недавние дни. Ужасно мне страшно и жалко стало. Попрошу маму, чтобы она *ни словом* не проговорилась об этом О. О. или Пузинам. Кат. Орест. держит себя твердо. А прошу, чтобы не говорила П., потому что ведь если, действительно, будет беда, то аханьями не помогут, а что «оченно большой шум» сделают, это верно. Может быть, и так похандрит-похандрит и отойдет: ведь и со мной не всякий раз меланхолия кончалась дурным исходом.

Мама спрашивает о «Коломбе». Она уже кончена и переписана давно, но высылать не высылаю, потому что дядя едет в понедельник (или даже в воскресенье, быть может) и заберет ее с собою. Мне кажется, что никуда в журнал с текущим, так сказать, содержанием она не годится: старая вещь и кроме внешне литературных достоинств и интересности содержания ничего не имеющая. Если удастся, несмотря на все это, а также на довольно гнусный перевод (переводить хорошим языком в 10 раз труднее, чем писать самому), втиснуть её куда-нибудь, то я, во-первых, буду очень благодарен, а во-вторых, попрошу тебя непременно взять за комиссию половину гонорара; жаль только, что эта половина будет, пожалуй, равна одному пятиалтынному. В «К—бе» листов 8 «Отечественных Записок», а в каком-нибудь презренном прибавлении к «Живописному Обозрению» (презренном по бедности денежной), должно быть, платят за французские переводы рублей по пяти? Ну да это все равно пока.[166]

Вчера получил письмо от Фаусека. Обещает в мае или июне приехать сюда. И представь себе, Егор Иванович тоже! Кстати новость: Е. Ив. пишет, что Николай Степанович женится и опять на молоденькой девушке! О господи! кому доступны!.. Н. С. хотел, по словам Е. И., приехать сюда! Это после известного письма, в котором он чуть не грозит пощечиной! Экое убоище, прости господи. Дядя написал ему предупреждение, что, мол, лучше не езди, и кажется мне, хорошо сделал, ибо зачем же в самом деле сходиться с человеком, у которого всегда мобилизирован запас ругательств и кляуз.

Приезду Виктора Андр. я, конечно, рад, как не знаю чему.

Боже мой, как хорошо Успенский изобразил своего Ивана в «Власти земли»! Я давно ничего не читал с таким наслаждением.[167]

Потоп, грозящий «Заграничному Вестнику» от твоих рецензий, меня, конечно, весьма радует. И ты пишешь теперь много лучше, чем бывало. Женище! Какую статью для «И. В.» ты хочешь подписать полным именем? Зачем ты литературу зовешь «этой подлой»? Вовсе она не подлая: лишь бы только можно было поспевать насчет университета как-нибудь, а то ведь писанье, да еще по критике, приносит пользу едва ли меньшую (для головы), чем пуды записок. Дай тебе бог всего хорошего, голубчик мой. Крепко тебя целую. Маме не пишу, ибо откуда же набрать в самом деле разговоров на два письма? Да в одном и лучше все укладывается, чем в двух. Целую ее и Сашу. Линочке, Ал. Як. и всем поклоны. М. Д. недавно писал. От Володи уже два месяца скоро ни слуху, ни духу, а я пишу ему неуклонно.

Любящий тебя брат *Всеволод Гаршин*

P. S. Не знаком ли Аленицын с Дмитрием Петровичем Коноваловым? Если помнишь, это такой был в Горн. инст. Латкина товарищ. Химик ученый. Мне что-то помнится, что я про Ален. у них слышал или чуть ли его даже у них не видел. Если я верно предполагаю, то спроси как-нибудь у Аленицына, что Дм. П. и как он поживает. Это один из наиболее уважаемых и любимых мною в оное время людей.

Следующее письмо, вероятно, пошлю с дядей.

P. S. Пришлось посылать с дядей это самое письмо. Не согласился он, чтобы ты провожал Таню, к моему великому огорчению и за тебя, и за себя. Письмо Ив. Серг. получил.[168] Завтра отвечу ему, что, мол, конечно, приеду в июне.

Дорога к Т⟨ургене⟩ву и в Ясенки одна, так что при этом случае и маму увижу, что, по себе чувствую, давно уже пора.

235. *В. А. Фаусеку*

(Отрывок)

26 февр. 1882 г.

Господи! вот где истинные мизантропы, сэр! Экий, подумаешь, нюх! Где и нет ничего — и там слышится им запах. Клянусь моим свиданьем с вами: мне и в голову не приходило, что за этими Антонами и мухами можно угадывать что-нибудь кроме мух и Антонов.[169] Как хорошо прежде было: сиди себе и бряцай «рукой рассеянной», а теперь только начнешь бря-

щать — думаешь: просто струну невинную зацепил, ан оказывается, что NN за нос задел...

236. *Е. С. Гаршиной*

18 $\frac{27}{II}$ 82. Ефимовка.

Дорогая мама! Простите, голубушка, что буду краток: Жене посылаю большое письмо и там много всякой всячины. Прибавлю только, что письмо доброго Ивана Сергеевича меня очень обрадовало и я, конечно, поеду в Спасское, а значит и в Ясенки, если вы там будете.[170] Знаете ли что? Я теперь уже подумываю, что мне тяжело будет бросить дядю. Каково-то будет он жить будущую зиму без ресурса, представляемого все-таки мной. Тани, вероятно, не будет, да если и будет, то она ему утешение не особенное; во всяком случае скуки не рассеет, а тоски прибавить может. Очень он к ней страстно и горько относится, вот в чем беда. Устинья Степановна выручит! Правду вы пишете, что женитьба его и самое честное и самое *умное* дело. Без нее была бы настоящая разбитая жизнь.

А она все подвигается, хотя и медленно в чтении. Уже понимает кое-как прочитанное. Интересно видеть иногда, как они разбирают слова вместе с Колей.

Егор Иванович прислал дяде в подарок свой старый фонарь. Впрочем, это, вероятно, скажет вам сам дядя.

Писать больше решительно нечего. Сказку вы перехвалили; что смеются — так это потому, что в ней смешные слова есть: «скандал», да «хвостяка», а путного в ней, право, мало.[171]

Жаль мне, что Жене не удалось съездить. Да когда его письмо было получено, дядя совсем уж собрался: и дела отложил и Скадовскому передал должность. Кроме того, он торопится взять Таню. А и мне хотелось бы повидать Женю и ему, должно быть, заехать в Орлов. губ.

До свиданья.

Любящий вас *В*

Спасибо и Михайле Евграфовичу, что не забывает. А я-то — и нашим и вашим! — Ибо ведь Т⟨ургенев⟩ и С⟨алтыков⟩ — наши и ваши, в этом смысле.

Не браните меня за «Коломбу»: я и сам вижу, что по нашему времени она вещь бездельная; но ведь я не выбирал, а просто от скуки стал переводить первую попавшуюся интересную, ловкую и хорошим языком написанную повесть. Языка этого я, конечно, не передал; по-моему, перевод до невозможности плох.

237. *Е. С. Гаршиной*

11 марта 82 г.
Ефимовка.

Дорогая мама!

Я и сам вижу, что редко пишу вам, но, право, в этом виновато не столько мое нежелание, сколько неудобства наших сообщений. Получишь от вас письмо в понедельник, а отвечать на него нельзя иначе как в пятницу. Да неделю идет письмо. А тут еще дядина поездка сбила с толку: ждал, чтобы отправить с ним письмо.

Поговорю о двух важных делах. 1) Володя зовет, неизвестно почему, ехать за границу. «Если, говорит, найдутся рублей 800—1000». Он очень хорошо знает, что не найдутся, это раз, а другой... да долго будет очень объяснять, почему я не поехал бы, если б и «нашлись». Предложение В. показалось мне совсем неискренним, и мне кажется, он рад будет, что я откажусь. Почему это мне кажется из его письма, не стоит распространяться, только оно кажется.

2) Дядя говорил мне об издании рассказов. Хотя и вы, и Женя, и он настаиваете на том, чтобы печатать их, но я все-таки остаюсь при своем прежнем мнении, что печатать *нечего*. А именно:

«Четыре дня»	11	стр.
«Происшествие»	16	»
«Трус»	20	»
«Встреча»	18	»
«Художники»	16	»
«Attalea Pr.»	8	»
«Ночь»	16	»
Сказка (даже!)	3	»
Итого . .	108	страниц,

что равняется неполным семи печатным листам. Значит, даже без цензуры издать нельзя этой книжки — т. е. даже не книжки, а брошюры — нельзя будет. Давать же в цензуру, значит совершенно изуродовать, ибо, если М. Евгр. ⟨Салтыков⟩ много помарал, то чего же наделает предварительный цензор? Дядя мне приводил аргументы, что, мол, нужно возобновить в памяти публики и еще что-то такое... а я думаю, на какого шута я буду возобновлять? Очень нужно публике, в самом деле...[172]

Вы опять пишете мне «если бы ты захотел писать» и «а сможешь то очень» и т. п. Раз навсегда я скажу вам, что *если бы я мог писать, то я бы и писал*. Ведь это бессмысленно было бы, мама, не хотеть делать того, что представляется единственным светлым местом жизни. Ведь у меня ничего за душой

нет: ни на какое личное счастье я рассчитывать не могу, потому что я калека (т. е. нравственно обязан быть таковым), наживаться не умею, да если бы и умел, то не могу захотеть наживаться, честолюбия — тоже нет, да и поздно в 27 лет начать стремиться в генеральство. Разные деятельности? И не больные люди теперь в них изверяются. В социалы я не пойду, потому что я не убийца и не могу иметь с ними ничего общего. Неужели же вы думаете, что имей я возможность писать, я не писал бы? Или это у меня idée fixe? Этого у меня нет: у меня и форма болезни не такая была, чтобы они оставались. Научите, что мне делать, чтобы «писать», сесть что ли за стол, с пером в руке перед бумагой? И пусть рука сама ходит? Нет, я не *не хочу* писать, а *не могу, не умею, мыслей у меня в голове нет*. Вы скажете, ведь написал же сказку? Не говоря о достоинстве сказки, могу сообщить, что она у меня *написана* в голове еще в 79 году, летом, когда я был в Мураевке у Гердов. Даже если б сохранилась одна толстая тетрадь, там можно бы найти начало ее. Она вся была уже совсем готова в голове и написал я ее как под диктовку. Это старое. А нового у меня нет ничего, и *пока* я могу с уверенностью сказать, ничто не показывает, чтобы оно явилось.

Вам дядя сказал, что я думаю поступить в полк. Куда-нибудь же нужно деваться. Доживать все равно как. Напишите, где Вася? Он не отвечает на два письма. Вероятно, основываясь на словах дяди, вы уже отдали сказку в «Устои». Ничего не имею против этого (тем более, что иметь что-нибудь против уже поздно), осмелюсь только думать, что Минскому или Венгерову можно было бы написать мне об этом хоть две строчки. Мне кажется, впрочем, что в «Устои» ее не возьмут, потому что там ведь не один Минский да Венгеров, а есть и самые настоящие устои.[173] Если за нее дадут какой-нибудь гонорар, то вы с Женей обидите меня, прислав его мне. У Жени теперь экзамены, мне деньги совсем не нужны. Самая настоящая несправедливость будет, если вы не возьмете их. А если уж не захотите, то и тогда не присылайте мне, а отдайте в «Русское Богатство» в счет долга.

Я очень расстроен Володиным письмом, мама. Оттого и вам пишу такое нервное, а ему написал два, да порвал. Плохо зачеркивает он фразы нечаянно написанные, но которых он не хочет дать прочесть. Одна такая фраза и ударила меня в самое сердце. Написал ему два письма, да оба порвал и долго буду собираться писать.

Начались ли Женины экзамены? Если он будет писать мне, пусть напишет, как ехать к Тургеневу (я очень рад, что и он едет) и *kak там одеваются*. Можно ли ходить лантрыгой или нет?

Завтра еду в Николаев и свезу это письмо. Еду потому, что нужно деньги переслать в Херс. Земельн. банк; у дяди разборы, а срок выходит.

Мише написал. Попову Пете кланяйтесь, если приедет. А то пусть Ж. и в письме поклонится. До свиданья, дорогая моя. Крепко вас целую с Женей и Сашей.

Искренно вас любящий *В.*

P. S. «Заграничный вестник», 2-й №, получил и очень благодарю вас с Женей. «О. З.» привез дядя. Гл. И. ⟨Успенский⟩ — прелесть что такое[174].

238. *Е. С. Гаршиной*

⟨Около 20 марта 1882 г.⟩

Дорогая мама! Ужасно неудобно писать, не дождавшись ответа на прежнее письмо, да здесь в Ефимовке иначе и не возможно. Я еще не слыхал от вас самих вашего мнения о моем поступлении в Б. полк, но, основываясь на словах дяди, думаю, что вы не против этого: поэтому предъявлю на ваше усмотрение следующий проект. Нельзя ли мне приехать к вам за 2 недели до конца Жениных экзаменов? Судя по письму Афанасьева, без посещения мною Петербурга (Главного Штаба) и Рыбинска, мне кажется, не обойтись. Я на пути заехал бы и в Рыбинск дня на два. А потом, пробыв в П-ге две недели, вместе с Женей отправились бы к Тургеневу. Да и не только с Женей, а и с вами до Мценска.

Для этого мне, во-первых, нужно знать, когда у Ж. кончатся экзамены, а во-вторых, к сожалению моему, не обойдется без того, чтобы не обратиться к Ивану Тимофеевичу, а я теперь не знаю, куда ему и писать: продолжает ли он быть мировым судьей? На Александровых же, конечно, нет надежды. Денег у меня теперь 60 с чем-то рублей, да, может быть, к концу моего пребывания здесь у нас с У. С. будет еще уроков рублей на 20, если у нее не будут болеть глаза: она, бедная, и теперь с двумя мушками за ушами. На поездку бы хватило, но нужно приобрести хоть какую-нибудь немудрящую летнюю «пару» хоть в 20 рублей, да и чемодан прийдется купить. Тут, конечно, очень помогло бы издание книжки, если б, опять-таки повторю, было что издавать.

Пожалуйста отвечайте, дорогая моя мама, поскорее на это письмо. Мне очень тяжело решаться поступить в полк: все эти дни я порядочно-таки киспу по этому поводу. Да ведь и делать больше нечего. Некуда деваться. Дядя бы не прогнал, положим, но ведь нельзя оставаться вечным приживальщиком, как мне ни тяжело расстаться с ним и с детьми и с У. С. и с Таней. (Она, Таня, я вполне и заранее соглашаюсь с вами, могла в Петер-

бурге наделать разных нехороших вещей и могла оказать черствость души, но относительно себя, я должен буду всегда с благодарностью вспоминать об ней, кроме доброты и любви я от нее ничего не видел).

Ну, значит, и надо запречься куда-нибудь. Хотя дядя за меня и мечтает об академии и прочем, но ведь это все испанские замки. Буду в 40 лет поручиком, в 50 капитаном и того довольно, если уж бог заставит жить так долго.

До свиданья, дорогая моя мама. Крепко целую вас.

Ваш любящий *В.*

Сашу целую. Жене поклон.

У нас была бесконечная зима, а теперь холодная засуха. Дядя уже решил, что год пропал, да оно, пожалуй, так и будет, если каким-нибудь чудом не пойдут ливни. Овражков бездна, что всегда бывает в годы засухи. Земля суха, как зола.

239. *Е. М. Гаршину*

Николаев, 1882 г. $\frac{22}{III}$

Дорогой брат! Получил я твое письмо и очень им огорчился: очень уж ты на себя безнадежно смотришь. Аттестовать себя человеком без знания, уменья (или чуть ли ты не написал даже «ума» (!!) — письма с собой теперь нет) и таланта — ты, право, не имеешь никакого права. — Прости за какофонию. — Ты только еще начинаешь писать: мало ли людей, начинавших бесконечно хуже тебя! Посмотри хоть первые рецензии самого Белинского: сколько там ошибок, длиннот! И он даже в твои годы не умел попадать в самую жилу книжки. Больших твоих статей я не знаю, но по маленьким кусочкам в «О. З.», «И. В.» и «З. В.» вижу ясно, что слог у тебя становится лучше, мысль увереннее. Право, нечего вешать нос. Если бы ты занимался художественной литературой, то, конечно, в случае написания тобою плохих вещей я посоветовал бы бросить. Там уж видно, куда линия идет. А критика, публицистика, история — это совсем другое. Образования — если по-твоему теперь мало, так ведь тебе только 21 год. Обернись на два года назад: то ли ты знал, что знаешь теперь? Работая, невольно наберешься знаний. Наконец — весьма важное — ты знаешь языки, это — половина всего.

За что ты Таню обозвал «угнетенною невинностью»? Что другое — а этого в ней, право, не заметно. Провела она довольно беспутно 4 месяца и в этом вполне сознается и не стыдится. Да и то сказать — «девице в 19 лет» почему и не плясать. Даже благопотребно. Весьма рад, что г-жа Лебедева берет «Коломбу», но отдавать ей сказку не хочу. Из твоего письма вижу, что «Устои» вовсе и не хотят моей сказки, а это только предпо-

ложения твои и мамины. Если так, то не надо ее и вовсе печатать. Да я вообще не думал, чтобы ты стал «доводить ее до сведения тех, кому о ней ведать надлежит», как ты пишешь. Какая в этом надобность? Ведать ее надлежит маленьким Гердам, Линочке и К°.; тебе я прислал ее, чтобы ты с мамой прочли прежде всех. Насчет того, что мне пора писать — я уже довольно писал маме. Повторять этого не буду. Прибавлю только, что если бы я и начал писать — если бы мог, то во всяком случае не начал бы писать о «херсонском народе», не потому, что он «херсонский» и неинтересный, а потому, что ни уха, ни рыла в нем не смыслю, так как дальше камеры его не видел. Писать о нем мне было бы так же легко, как писать романы из великосветского быта. Почему не видел, почему не интересовался — это другой вопрос. Может быть потому, что кроме недоверия к себе и презрения я не встретил иных чувств. Лезть же на эти прекрасные вещи при моей вообще оказии, желание написать какую-нибудь «Маланью» меня заставить не может[175]. Да по правде сказать, интересен «народ» только как материал для исследований вроде Гл. Ивановичевых. А я этого не умел никогда и не умею.

Поступлю лучше, если возмогу, в полк и буду себе дотягивать.

Пишу из Николаева, куда мы приехали с дядей по разным делишкам. Пиши пожалуйста, когда у тебя экзамены кончаются: хочу приехать за две недели до этого к вам, а потом вместе к И. С. ⟨Тургеневу⟩. До свиданья, дорогой мой.

Крепко любящий тебя *Всеволод*

Кланяйся Гердам, Латкиным, Виленкину. Красносельский — прекрасный, умный иудей. Совсем Шпиноза. Поклонись, если увидишь.

240. *И. Т. Полякову* [175a]

30 марта 1882 года
д. Ефимовка.

Милостивый Государь
Иван Терентьевич!

Вы, я думаю, уже давно обвинили меня — на что имели полное право — в невнимательности к Вашему письму и Вашей просьбе. Позвольте уверить Вас, что, если бы не изъясненные ниже несчастные обстоятельства — я не замедлил бы тотчас же ответить Вам на Ваше в высокой степени лестное для меня письмо, письмо, которого я искренно не считаю себя достойным.

Я получил его только три дня тому назад, почти через год после того, как оно было написано Вами. Еще в начале 1880 г. я

заболел ужаснейшею из всех болезней: бог отнял у меня разум. Почти год я находился в безнадежном положении, но все-таки оправился. Есть у меня добрый родственник, дядя по матери: он приютил меня и дал мне возможность прожить долгое время в деревне, т. е. в совершенном покое, которого именно и требовало мое выздоровление. С января прошлого года до сих пор я безвыездно живу в деревне, в Херсонском уезде: о каких бы то ни было занятиях, и более всего литературных, конечно, не могло быть и речи. С грустью должен сознаться Вам, мой добрый и снисходительный друг, что я не чувствую себя тем, чем был прежде, до болезни: умственные способности ко мне вернулись, а та крупица таланта, какая была, кажется, исчезла навсегда.

Теперь Вы поймете, почему «От. Записки» не знали моего адреса: я исчез из Петербурга года два с лишним тому назад и пропал из вида почти всех моих знакомых.

Искренно благодарю Вас за доброе мнение о моих рассказах. Если в них нет большого уменья и блеска, то все-таки есть одно достоинство: писал я их искренно, не сочиняя, а выкладывал на бумагу то, чем действительно душа мучалась. И если найдется другая душа, которая поймет это, как поняли Вы, так вот и вся возможная награда для рассказчика, — большей и не нужно.

Очень мне жаль, что не могу исполнить второй части Вашего желания, прислать карточку: ее у меня нет теперь, а живу я в глуши, из которой добраться до фотографа — дело трудное. Если можно, известите меня двумя строчками, получили ли Вы мое письмо, и напишите Ваш теперешний адрес, чтобы я мог при первой же возможности, — т. е., когда снимусь, — выслать Вам карточку.

Искренно признательный Вам *Всеволод Гаршин*

Адрес: В г. Херсон, через уездную земскую управу. Его В—ию Владимиру Степановичу Акимову для передачи Всеволоду Михайловичу Гаршину.

241. *Е. С. Гаршиной*

⟨31 марта 1882 г.⟩

Дорогая мама! пишу вам немного, т. к. вижу, что вы еще не получили моего предыдущего письма. Почта пришла только сегодня утром, и первое, что я слышал от дяди, было известие о смерти Ив. Егоровича ⟨Малышева⟩. Я очень расплакался, мама. Правда, у меня, как говорит Володя, — глаза на мокром месте, ну да не в том дело. Я Ивана Егоровича знал со своего детства и

всегда любил. И было за что любить эту простую, честную, добрую, благородную душу. Господи, где же твоя справедливость? На что понадобился Иван Егорович, 42-летний, полный сил, необходимый семье маленьких детей, когда рядом гниют бесполезные и вредные существования! (Ведь вот этот «дядюшка» живет ведь и до каких пор жить еще будет!).

Да, Миша деликатный. Только кто вам сказал, что он неразвитой? Это сущая неправда. Он в десять раз развитее, — если считать все стороны душевной жизни, — чем Говорухи и Владимиры Федоровичи. Только что ни галдеть, ни мямлить не станет. Не могу я ему сегодня писать. Вам еще могу, а ему нет — плакать очень буду. Вы все-таки Малышевым чужой человек и не так напоминаете мне об этом огромном, безобразном горе. Скучная теперь Пасха у моих друзей, у Малышевых, Афанасьевых, Дработухиных. Напишите мне, как Миша выносит. Он ведь его как отца любил, да и не просто как отца... Не переехали ли они (Миша с М. П.) на другую квартиру? Когда редко пишешь, всегда неуверен в адресе.

Полякова письмо получил и, конечно, сейчас же ответил. Жаль, карточки у меня теперь нет. Сниматься в Николаеве ужасно дорого — 6 рублей. Написал, что пошлю, когда будет.

Ах, мама, кажется мне, что вы очень уж Таню с грязью смешиваете. Ну разве можно такое думать, что она «Сережу хвалила *в пику Жене*»? Сережу и я хвалил, да и немудрено: он чудовищно изменился и стал очень симпатичным, скромным юношей. (На вид, конечно: кто его знает, что там внутри). Когда я его знал, это был довольно скверный мальчишка. Немудрено похвалить, когда человек изменяется к лучшему.

Почему ж это в пику Жене? Ведь они не могут быть ни в чем соперниками.

Платье себе купил, серенькое, довольно гнусное. Писал ли я вам, что часы купил? Уже давно, в феврале, за 16 рублей, новые. Галстух и все такое прочее. Можно и к Ив. Сергеевичу ехать.

До свидания, голубушка моя. С нетерпением жду вашего ответа на предыдущее мое письмо. Целую вас, Женю, Сашу. Поклоны.

Любящий вас *В.*

Неужели Корш так и зажилит деньги?

P. S. О «Коломбе». Мериме все-таки первоклассный писатель. Вот Брандес его с Флобером сравнивает (в «Р. Мысли» читал). Если «Корсикапец», как вы пишете, теперь не интересен, то ведь 1) о «Корсиканце» *собственно* во всей «Коломбе» нет ни слова, а только о *корсиканцах,* и очень интересно рассказано. 2) Если он не интересен, то почему интересна «Жена» какого-то «Бургомистра»? «Коломба» — прелестнейший этнографический этюд. Кроме того, те же «Отдельные романы» недавно сравни-

тельно — в 76 г. кажется, при Львове — печатали «7 смертных грехов» Сю, а ведь то вещь ветхая и уже переведенная раньше. «Коломба» написана в 1840 году. Право, это ужь не такая древность. Сент-Бёв ее расхвалил тогда же.[176]

242. *В. А. Фаусеку*

(Отрывок)

Ефимовка. 18 3/IV 82 г.

Я в последнее время опять повесил нос на квинту (ей-богу, не могу уяснить себе этого выражения). Причины этому самые резонные: оставаться дальше в Ефимовке зазорно, хотя я и знаю, что я здесь не составляю тяготы, — зазорно перед самим собою: ведь нужно же, наконец, куда-нибудь деваться. Полк — чудище обло. Матушка пишет, что хорошо я бы сделал, если бы постарался попасть в городские учителя в Петербурге: оно, положим, и хорошо, — только дело в том, что я считаю себя совершенно негодным для такого дела. Когда-то я даже слово дал себе никогда не лезть в педагогию. Да, наконец, и не легко вовсе захватить одну из 20 открывающихся в этом году вакансий: я уверен, что на 20 мест явится, по крайней мере, 120 конкурентов, которые все более меня имеют право на место. Прибегать к помощи протекции, чтобы мне оттереть действительно годного человека, — как то погано...

242а. *Е. С. Гаршиной*

〈4 апреля 1882 г.〉

Дорогая мама! вчера получил ваше письмо о военной службе, об учительстве и прочем. О вашем проекте сказать вам определенного ничего не могу ни за, ни против. Чувствую только, что я совершенно не способен и не приготовлен к педагогической деятельности. Тех детей, которых мне случалось учить, учил я скверно и — скажу больше — недобросовестно, хотя и мучился этим. Все мои знания — говорю о знаниях основательных настолько, чтобы не краснея передавать их другим — ограничиваются тем, что я умею правильно писать по-русски, а затем — *ничего*. О русской грамматике я имею самые поверхностные сведения (право, это не фраза — я разбора простого предл〈ожения〉 не умею сделать), об арифметике и говорить нечего: если мне придется экзаменоваться на учителя, то я даже и по приготовлении рискую провалиться; ведь и из гимназии-то я вылез только благодаря милосердию доброго Владимира Федоровича. Наконец, и что самое важное — методов я не знаю никаких. Как мне вести класс? Я чувствовал бы себя менее бесстыдно посту-

пившим, если бы завтра же сел судить за мирового судью, чем если б взялся за трудную обязанность учителя. Александр Яковлевич ⟨Герд⟩ меня очень любит, в чем я уверен, насколько человек может быть уверен, но я уверен также, что и он в душе вряд ли пожелает каким бы то ни было детям такого негодного и беспутного учителя. Знаете, мама, в гимназии, в VII классе, товарищи, видя мое вечное ничегонеделание (или вернее занятия посторонними книжками и всяким вздором), прозвали меня в шутку «тунеядцем». Об этом можете спросить у Николая Сергеевича. Это слово до такой степени верно определяет мою физиономию, что... да что уж тут говорить! Этот «симпатичный» Всеволод рос-рос и вырос никуда негодною вещью, которой хоть забор подпирай. Разве на войне только годятся такие экземпляры, заткнуть убыль в людях. А вы хотите, чтобы я учил детей! Разве может любить кого-нибудь человек, который ненавидит и презирает самого себя! В 20—21 год это, конечно, было бы с моей стороны только фраза, но в 27, когда волосы редеют и морщины по всему лицу, это уж не фраза.

А в полк мне действительно итти страшно. Будь война, другое дело.

Все мои рассуждения, конечно, не имеют никакой цены в том случае, если А. Я. одобрит ваш проект и признает его исполнение возможным (в чем я сомневаюсь по многим причинам). Но опять-таки, ведь это все гадательно, мама.

О материальной стороне дела нечего и говорить — это было бы очень хорошо. Только все-таки я чувствую себя негодным на это дело. А честно ли браться за такое дело, на которое чувствуешь себя негодным — предоставляю решить вам. Добро бы не было людей, а ведь на эти 20 мест наверно будет 120 конкурентов — и отогнать от места какого-нибудь действительно нужного человека только потому, что у меня есть «протектор», А. Я., мне кажется чем-то не совсем опрятным.

Дядя, которому я сказал о вашем письме, не имеет против вашего предложения ничего.

Расчет Виленкина относительно издания мне кажется верен. Особенно если пустить перед каждым рассказом по пустой странице — вроде прибавки камней в тюки с шерстью. Впрочем, если Виктор Гюго так делает, то нам грешным и бог велел. Когда приеду, пересмотрю и переправлю рассказы и пойду продавать. Напишите, имеет ли понятие Женя о том, сколько за них взять можно? Дядя что-то говорил о том, что за книжку можно брать 80 коп., стоить она будет всего 30. Будто бы вы с Женей так ему говорили. Я немного имею понятие об этих делах по гердовским изданиям. Он брал 20% с номинальной цены. Т. е. если книжка будет стоить рубль, то двугривенный. Но ведь это за новую, ненапечатанную работу. А мое уже раз оплачено. Так

что, если за все получим рублей 150, то и слава богу. Достоевский своего «Вечного мужа» продал Базунову за эту цену, а в нем около 10 листов.

«Устоев» *не получал.* Если Женя будет у Гердов, пусть передаст Линочке, что и их журнал я тоже *не получил.* А письмо получил и очень за него благодарю.

Голубушка моя, простите меня за то, что расстраиваю вас, у которой и без меня так много горя. Но что же делать, когда на душе кроме скверного ничего нет. Поневоле его и выкладываешь. Болезнь навсегда выработала из меня какого-то «скалдырника» (у Диккенса в Пиквике) с отвратительнейшим взглядом на вещи, по той причине, что моя собственная высокая особа чувствует себя не совсем удобно устроившею свою жизнь. Это всегда бывает.

Здесь дела плохи: засуха и нет никакой почти надежды на поправление. Голодный год ожидается; дядя утешается только тем, что долгов нет и что их, следовательно, наделать можно.

В конце еще раз скажу, что я от исполнения вашего предположения вообще не отказываюсь, несмотря на то, что не считаю своего такого поступка за честный. На это есть пословица: «что за честь, коли нечего есть». Ах, мама, мама, скверно все это! Тоска! Простите меня, голубчик, не сердитесь на меня. Крепко, крепко целую вас.

Любящий вас *В.*

Жене поклон.[1]

P. S. С тех пор как я вам писал, уроки мои с У. С. прекратились. У нее, действительно, глаза болят. Я писал вам, что купил платье, так что денег у меня теперь как раз в обрез, чтобы доехать до П⟨етербурга⟩.

243. *Е. М. Гаршину*

$18\frac{5}{IV}82.$

Дорогой Женя! Прости, что мало пишу: сегодня вечером получил твое письмо, а завтра с рассветом едет в город У⟨стинья⟩ Ст⟨епановна⟩ с Таней: пользуюсь случаем, чтобы письмо поспело во-время, а не пролежало дня 3 в Херсоне. Ни «Устоев», ни гердовского журналика я не получал, хотя письмо от Линочки получил. Если увидишь кого из «Устоев», скажи, что, мол, известясь о снисходительности редакции, я с удовольствием и проч. — словом, отдай сказку. А то какая-то собачья комедия выходит.[177] Я писал уже маме, что хочу продать рассказы кому-нибудь. Об мамином проекте ничего пока определенного сказать не могу: о военной службе, признаться, и сам помышляю со страхом и трепетом, и отвращением. А об учительстве — просто со страхом, что негоден.

Об твоем «литературном огороде» говорить не буду, потому что успеем и на словах. Скажу только, что никаких резонов отрекаться от литературы за тобой не вижу.—Сегодня получили «И⟨сторический⟩ В⟨естники» с твоим «немцем».[178] Чем этот «немец» хуже «Голицына» или какой хочешь монографии? Не думаю только, чтобы у Карновича в твои годы был такой язык. Еще погоди! Мы, брат, с тобой исторический роман напишем, лучше самого Данилевского. Ты насчет истории, а я насчет драматизма. И подпишем: frères Garschine. Вроде как Гонкуры какие.

Выеду отсюда в начале мая. У Виктора Андреевича пробуду день-два, не более — ибо денег мало. Выеду рублями с 35, если не возьму еще у дяди, чего совсем не хочется, — зане дождя нет и голод, пожалуй, будет, а денег у него (у дяди) теперь мало. Да я и так ему бог знает как обязан. В Рыбинск не поеду — ну его ко всем нелегким! (выражение это к Аф—м, Сахарову и К. не относится). Так что через месяц, думаю, увидимся. Если ты останешься в П. из-за учеников дольше мамы, то я, может быть, тоже буду проситься остаться с тобой: чтобы не ехать к Ив. Серг. ⟨Тургеневу⟩ одному, сиротой. Одичал я, дорогой мой.

Кланяйся очень, если увидишь Виленкину с Юлией Ивановной. Поздравь ее с здоровьем. Вот тебе, Женя, пример: уж на что Юлия Ив., «а ведь тоже пишет». Ты о беллетристике не думаешь, а она ведь дерзает. Да еще в «В. Евр.». Хоть ты и «сваха», как писала мне об тебе (шутя и одобрительно) мама, но нахальства этого в тебе мало, нужно-таки сказать.

Сегодня же получил «О. З., за что приносится всем искренняя благодарность.

До свиданья, дорогой брат. Маму и Сашу целую. Поклоны.

Твой любящий брат *Всеволод Гаршин*.

P. S. Напиши, сколько, по-твоему, может быть за рассказы. Этот презренно-материальный вопрос весьма существен. Я думаю о 100 рублях, надеюсь на 125 и мечтаю о 150. Если же дадут больше, то моему благополучию открываются самые радужные перспективы.

Что Ал. Яковлевич сказал об городской школе?

Между прочим беру назад извинение в краткости письма.

244. *Е. С. Гаршиной*

13 апреля 1882.
Ефимовка.

Дорогая мама! Очень неудачно мы переписываемся с вами: постоянно приходится отвечать на вопросы уже разрешенные и спрашивать о том, о чем вы уже написали. Я уже писал вам о вашем проекте насчет моего учительства: так как А. Я. ⟨Герд⟩

не имеет ничего против, то я дерзаю подумать, что и в самом деле, может быть, сумею справиться с делом. Только вот ведь что: школы открываются осенью, теперь везде занятия уже кончаются, условие sine qua non для того, чтобы начать хлопоты (как пишет Женя) — представить свидетельство о трехмесячном пребывании в школе на практике. Где я возьму такую школу, которая действует летом? Значит, о том, чтобы попасть на одно из открывающихся осенью мест, и думать нечего. Относительно же того, чтобы пробыть в учит. инстит. год — я очень подумываю. Конечно, отсюда ничего не видно, но эта мысль не кажется мне неприятною.

Писать ни о чем не хочется, имея в виду, что меньше чем через месяц увидимся. Дядя с Таней и Колей завтра едут дня на три в Одессу. Вчера полученное извещение от Егора Ивановича, конечно, произвело большую сенсацию. Дядя не мог удержаться (при мне одном, конечно), чтобы не провести приятную для себя параллель между двумя менажами.

Чудно как-то! Добро бы молодая жена от старого мужа сбежала, а то старый муж от молодой жены удирает. Вот тебе и консерватор! «Основы» тоже...

От Миши получил добрейшее и прекраснейшее письмо. Ругает за стремление поступить в полк. Да я уже и похоронил этот вопрос. Разве война будет. Да кстати еще, вчера «у лумерях» (в номерах) прочитал, что военное министерство не только хочет гнать всех сверхкомплектных офицеров, но даже и комплект сократить.

Я писал уже Жене, что думаю продать рассказы. Ответа от него на это еще не получил. Не получил также гердовского журналика, письма из «Устоев» и самих «Устоев.» Должно быть, все это пропало. Писал также Жене, чтобы отдал сказку в ред., ибо зачем же в самом деле тянуть комедию.[179] Ничего обо всем этом не знаю. Ваше письмо с описанием Говорухи получил вчера, «От. Зап.» март и «Загр. В.» март тоже получил. Это уже семь книг! Просто не знаю, как их везти:

Год здесь будет плохой. До сих пор ни капли дождя, а зимой не было снегу. Сушь ужасная и, говорят, даже если и пойдет дождь (мы и надеяться перестали), то все-таки не совсем исправит дело. До свидания, дорогая моя, крепко целую вас.

Любящий вас *В.*

Жене поклон.

Саше скажите, что я не имею ничего против того, чтобы ему рассказывать обо всем, что знаю. Только так хорошо, как Липочка, пересказать не сумею.

245. *Е. С. Гаршиной*

19 апреля 82 г.

Голубушка мама! Сейчас получил два письма, от Жени и от вас: Женино меня очень обеспокоило, т. к. он пишет, что вы слегли, и хотя вы и пишете, что опять встали, но все-таки я очень боюсь. Если бы можно было, то я и сейчас же поехал, но есть маленькая задержка, которая не выпустит меня отсюда раньше 4—5 мая. 28-го дядя едет с Таней в Херсон на съезд и земское собрание и пробудет там с неделю. Денег у него теперь совсем нет, а у меня *наличных* 16 рублей, так что волей-неволей придется подождать, пока он не приедет со съезда и не привезет жалованья, кажется, за два месяца. А что денег у дяди нет, то это я наверно знаю: конечно, можно было бы достать раньше, и если бы я попросил, то он похлопотал бы, но просить мне его очень совестно. Женя пишет, что из П. все нужные люди разъедутся, но ведь я буду у вас *наверно* не позже 10, а так рано вряд ли кто уедет.

Хочется мне очень вас видеть, дорогая моя мама, а все-таки не без грусти и отсюда уезжаю. Привык я очень, да и любят меня здесь. И когда-то я опять попаду в Ефимовку, кто знает?

Дядя в очень минорном тоне: дождя все нет как нет. Урожай уже пропал; весь вопрос в том, будет ли что-нибудь, или же будет совсем голод. Нет, и в деревне можно нервы расстроить. Когда каждый день в течение многих недель смотришь на небо и все ждешь дождя, а его нет, и все сохнет — тоже страшно становится и тоскливо.

Я уже давно наверху, в горничке, и у меня уже жарко. Впрочем, пока не очень. К Александровым зайду, м. б. и дадут денег.

Жене поклонитесь и скажите, что он очень преувеличил мои английские познания; ведь чтобы рецензии писать, нужно бегло читать книгу, так, чтобы в дня два-три том одолеть, а я этого совсем не могу. Переводить — еще туда сюда, кое-как сумею. Еще скажите ему, что мне кажется, что он каким-то суровым тоном мне пишет, точно сердится. Или это только кажется? Если это так, то мне было бы очень, очень горько. Думаю, впрочем, что это только показалось: у страха глаза велики.

До скорого свиданья, дорогая моя. Крепко, крепко целую вас и Женю и Сашу.

Любящий вас сын *В.*

«Устои» получил. Бедные «Устои»! Неужели умрут?

246. *Е. С. Гаршиной*

30 апреля 82 г.
Ефимовка.

Дорогая мама!

Пишу, вероятно, последнее письмо из Ефимовки. Дядя и Таня в Херсоне, и приедут, вероятно, в воскресенье или в понедельник (3). Я думаю выехать в среду (5). В четверг в Х⟨арькове⟩, там переночую у Виктора Андреевича, 7-го выеду, так что вечером 9-го буду у вас. Если ничто не изменит этого расписания, то не буду ни писать, ни телеграфировать: в противном же случае «загоню» телеграмму.

Писать решительно нечего. Почему-то надеюсь, что Ив. Серг. ⟨Тургенев⟩ скоро поправится. Хотел было ему написать, да думаю, что не назойливо ли будет.

До свиданья, целую вас и Сашу.

Женя, вероятно, уже выдержал один экзамен: не спрашиваю, т. к. скоро узнаю сам. Целую его крепко.

У. С. кланяется.

Любящий вас *В. Гаршин*

Немудрено, что мои письма доходят скоро: я посылаю с оказией прямо в Николаев, и они идут в тот же день по ж. д., а ваши едут из Ник⟨олаева⟩ в Херсон и оттуда колесят по земской почте.

247. *Е. С. Гаршиной*

15 июня 82 г.
СПБ.

Дорогая мама! Вчера вечером получил ваше письмо от 8 — удивительно долго шло. Получил тоже от Жени — все благополучно, зовет к себе, — и от Ив. Сергеича, пришедшее через Ефимовку и поэтому содержащее старые вести.[180] Ваше поручение исполню завтра же, т. е. завтра же пошлю посылкой. Рейнботу слова Савича я передал; следствием было то, что он уже почти решился вернуться ⟨*неразб.*⟩ в Пулково. Жена не противится. И благо ему будет.

Книжка подвигается понемножку; корректуры носят каждый день почти. Получил я на ваше имя 10 рублей от Бутчихи: письмо оной, а также и от Н. Мельниковой, прилагаю. Скучновато здесь, особенно после отъезда Н. М. ⟨Золотиловой⟩. Езжу по делам: был 2 дня в колонии, был в Шувалове у Д⟨рентельно⟩в, — ездил с Рейнботами в Петергоф; назад ехал на пароходе, все время сидя лицом к лицу с М. Д. Скобелевым: славная у него рожа. Корша на прошлой недели не было; иду сегодня: Грамматi сказал, что наверно будет.

«Болие непредвижу», как писал Осип Рубец дяде. Кстати — от них ни гласа, ни послушания; думаю писать.

Крепко целую Вас и Сашу. Бржестовским поклоны.

Крепко любящий Вас *В. Гаршин*

Бутчихино письмо утратил. Впрочем, в нем, кроме глупостей, ничего не было.

248. *Н. М. Золотиловой*

16 июня 1882. СПБ

Голубчик мой, вот уже неделя прошла с тех пор, как ты уехала! Скучно мне без тебя, очень скучно, а как подумаешь, что еще четыре месяца до нашей встречи, то и совсем скучно становится. Пиши мне, бога ради; хотя ты и не обещала, но я все-таки надеюсь, что ответишь, потому что ты ведь добрая. Живу я понемножку; носят ко мне корректуры; вчера послал второй фельетон в «Южный Край».[181] Скверно, что этот Иозефович денег не присылает, так что я теперь сижу на экваторе. Конечно, езжу по дачам: два дня был в колонии у Малышево — Афанасьево — Драбатухиных; потом два раза был с Ник. Сер. в Шувалове у Дрентельнов и раз даже ездил с Рейнботами в Петергоф. Все это одна тоска. В промежутки сижу дома и читаю; прочел Щапова «Социально-педагогические условия умств. разв. русского народа», да перечитал Руссо «Эмиля». Думаю прочитать еще книг с десяток до отъезда.

Милая моя голубка, чем больше я о тебе думаю, тем больше чувствую себя виноватым перед тобою и тем больше люблю тебя. Простишь ли ты мне когда-нибудь совсем? Ты и то уж много простила. Написал бы тебе кучу о своих нынешних чувствованиях, да глупая бумага всё как-то умеет перекривить. Буду ждать до осени. Напиши мне возможно точно, когда ты бросишь эту Балахну и как там ее зовут? Может быть, если ты поедешь в Крым, то я буду тебя провожать, потому что Коневецкий усиленно зовет меня приехать к нему в Туапсе, на Кавказ.

Что ты поделываешь? Устроилась ли с больными? Читаешь ли Вольтера? Каковы окружающие человеки? Если ты в самом деле добрая, то напиши.

Наши доехали в свои палестины благополучно, и я уже получил от них по письму. Женя усиленно зовет меня приехать в Спасское. Пишет что-то беллетристическое и уверяет, что моя помощь ему нужна.

Книжки набирают пятый лист; кажется, насчет изящества она выйдет не очень. Ну, да наплевать; зато вид будет серьез-

ный.[182] Как только выпустят из Ценз. Комитета, так тебе и пришлю: читай и удивляйся. О, милый мой голубчик, что бы я дал, чтобы только посмотреть на тебя.

Е. С. Дрентельн едет за границу, а потом хочет пристроиться врачом в Рязанскую губ. Хорошая она особа, только им всем должно быть ужасно скучно. — Вчера у них очень дурили: Н. С. напился пьян лиссабонским и балаганил целый вечер. Сестры сдержанно смеются.

Думаю съездить на Сиверскую, а потом пробраться и в Чудово к Глебу Ив., Кривенкам и Каменским. В городе уж очень душно и тошно. Жара ужасная.

До свиданья, хоть еще и не скорого. Крепко целую тебя, дорогая моя, хорошая. Пожалуйста пиши (пока сюда: Литейная, д. 43, кв. 25), а то мне, право, скучно и даже хандрильно как-то.

Впрочем, не думай, что я опять нытиком становлюсь: совсем нет. До свиданья.

Твой любящий *Всеволод*

На конверте: В *Ярославль*, губ. г. Контора общества «Дружина», на Константиновский завод. Е. В. Б. Николаю Федоровичу *Никонову*. *Для Надежды Мих. Золотиловой.*

249. *Н. М. Золотиловой*

25 июня 1882. ⟨Петербург⟩

Голубушка Надя! Вот уже давно должен был бы прийти ответ, а я все сижу да жду. Пиши, милая, будь доброй: мне здесь так скучно, так скучно, что и сказать нельзя. Эта противная книжка протянется до 10 июля (целую неделю будет лежать в цензуре) и еще после этого прийдется ездить по магазинам и растыкивать ее. Печатают довольно чисто; книжка выйдет, кажется, хорошенькая.

Что то ты поделываешь? Вспоминаешь ли меня? Право, Надя, я чувствую, что наши роли меняются: то ты мне говорила, что я тебе только «позволяю любить» себя, а теперь как бы не было наоборот. Иногда до того хочется тебя видеть, что если б спустить себя с привязи, то так бы и поехал в твою скверную Баланху, или как ее там зовут...

Но в Балахну я, конечно, не поеду и утешаюсь только тем, что вот уже скоро пройдет первый месяц с твоего отъезда. Еще три!

Что еще сказать тебе? Брошу теперь писать письмо, подожду до завтра: авось ты ответишь мне.

28 июня. Вот еще прошло три дня, Надя, а от тебя нет ни слуху, ни духу. Надоело мне сидеть здесь до тошноты; право,

иногда хочется бросить все и уехать. Эти три дня типография (все 8 машин) занята печатанием журналов, и моя книжка стоит.

Жизнь я веду скучную и довольно глупую. Время, остающееся от корректуры и походов в типографию, т. е. $^7/_8$ всего времени, нужно убить как-нибудь: прежде всего я читаю, потом понемножку пишу, а больше всего стараюсь удрать куда-нибудь на дачу. Вчера опять целый день был у Малышевых: тоска и там, если бы не куча детишек, которые мне никогда наскучить не могут. Там 8 сирот Ив. Егор. (старший 11 лет) и еще Мишин Ванька, преуморительнейший джентльмен $1^1/_2$ лет. Ходит и издает некоторые даже членораздельные звуки.

Смерть Скобелева здесь наделала много шуму. Даже на улицах только и слышно о нем. Полторы недели тому назад мы с Рейнботом и его женой ездили в Петергоф и на обратном пути я на пароходе на мостике все время сидел на расстоянии двух аршин от Скобелева, который возвращался от царя. Здоровый, свежий был такой и, надо сказать, очень симпатичный на вид. Мы с Р. все время разговаривали серьезные разговоры, а он вслушивался, серьезно и внимательно: видно, что разговор его очень интересовал. Глупо это все както. Кому под пулей бы умереть, — издыхает как какой-нибудь дурак.

Голубчик мой, родная моя, напиши мне, пожалуйста! Если бы ты знала, как я, возвращаясь каждый вечер домой, прежде всего кидаюсь ощупывать стол, на который Устинья кладет письма и газеты. И кроме скверного «Ю. Края» — ничего. Очень мне скучно без тебя, хоть пиши-то.

Скверный «Край» печатает мои фельетоны, а денег не шлет. Завтра пошлю третий ф⟨ельетон⟩ и с ним ругательное письмо, ибо и жить нужно, и ехать надо, а на всё это нужны деньги.[183] В своей скуке нашел одно утешение: есть у меня старый товарищ по семинарии, Фан-дер-Фляас, горный инженер; он служит и живет в лаборатории М⟨инистерства⟩ фин. на Казанской; этот Фляас прелестнейший музыкант и немножко композитор. Заберешься к нему и слушаешь музыку. В прошлый раз он сыграл мне почти целую половину «Евг. Онегина». Хорошая, чистая и благородная музыка. И играет он славно: во-первых по-мужски, во-вторых без ломанья.

Написал бы тебе кое-что о здешних новостях, да не совсем удобно.

На прошлой недели снялся; карточки, кажется, вышли хорошие. Прислать ли тебе? Или подождать твоего возвращения? Напиши хоть это. Прислать ли книжку? Я верить не хочу, что ты мне не ответишь: Надик мой, право, это будет очень жестоко. Вспомни, что я в этом большом Питере совсем, совсем один.

Кончаю письмо, п. ч. конверт просвечивает и нужно писанное закрыть белой бумагой. Крепко, крепко целую тебя, хорошая моя девочка. Пиши пока сюда: Литейная 43, 25. Письмо еще наверно застанет меня здесь.

Твой любящий *В.*

На конверте: В Ярославль, губ. г. Контора общества «Дружина», на Константиновский завод. Е. В. Б. Николаю Федоровичу Никонову. Для Над. Мих. Золотиловой.

250. *Е. С. Гаршиной*

25 июня 1882.
СПБ.

Дорогая мама!

Третьего дня получил письмо через А. А. Ланского, а сегодня ваше от 22. Вы просите написать, когда приеду: могу сделать приблизительный расчет. Сегодня корректирую 10 лист; всех их будет 15, так что в следующую субботу, т. е. 3 июля, отдам в цензуру,[184] где она будет лежать семь дней и семь ночей, т. е. до 10. Так как потом прийдется иметь дело с кн⟨ижными⟩ магазинами, то вряд ли выберусь раньше 15, но если даже и нужно будет остаться дольше, не останусь, потому что тоска ужасная сидеть теперь в Питере почти без дела. Право, ужасно скучно: ходишь, как неприкаянный, уехал бы к Др⟨ентельнам⟩ или Гл. Ив. ⟨Успенскому⟩ что ли, да и то нельзя, т. к. листы носят ежедневно.

Книжка, кажется, выйдет хорошенькая. Печатаю я ее 3000 экз. и чщу ровно по рублю — невелика. Струковы деньги прислали: 35 р. из них я отдал Модесту в счет своего (10 р.) долга и за Женю 25, а 35 взял себе. Скучно, и деньги идут довольно сильно. Вечером нет возможности сидеть одному, ну и идешь куда-нибудь, а везде берут за вход и за чай и бутерброды.

Башмаки вам думал послать, но лучше привезу сам, так же как и «Родное Слово». От дяди ничего не получал с тех пор, как он писал, что был болен и поправился.

«Эскизы» от Корша взял;[185] денег он мне никаких не дал. Носил их три раза к С. Ник. ⟨Кривенко⟩, да все не застаю; он уехал и должен приехать не сегодня-завтра. Думаю, что их возьмут: вещь, право, хорошая.

Брату, конечно, книжку пошлю. Неужели вы думаете, что я сделал бы такую скверную грубость — не послать ему?

В Рязань заеду на день, не больше, да и то потому, что обещал уже. А то, собственно говоря, нужно торопиться к вам и в Мураевку: Володя будет там 10 июля, если я выеду отсюда 15, то не лучше ли мне сначала проехать туда, а потом

к вам? Как вы думаете? Пишите еще мне: письмо наверно застанет. Впрочем, не знаю, сколько времени он там пробудет. Не повидаться с ним после $2^1/_2$ лет разлуки и имея в виду еще $^1/_2$ года, мне было бы очень тяжело.

До свиданья, дорогая моя; крепко целую вас и Сашу. Скажите ему, что скоро приеду. Бржестовским поклон.

Любящий вас *В.*

P. S. Сегодня пришла из Москвы телеграмма, что М. Д. Скобелев умер от разрыва сердца...

251. *С. А. Венгерову*

⟨26 июня 1882⟩ [186]

Семен Афанасьевич, были у вас с Рейнботом. Оставили вам: 1) *Луи Полья* для «Устоев» (Сергей Николаич хотел взять этот перевод, и я отобрал его у Корша); 2) Статью Рейнбота, которую прошу передать С. Н., когда приедет; он сам решит, куда ее, в «О. З.» или в «Устои».[187] Оставляю вам, потому что сам не надеюсь поймать Сергея Николаевича.

Весь ваш *В. Гаршин*

26, I ч. д.

252. *Н. М. Золотиловой*

СПБ. $\frac{12}{VII}$ 1882.

Дорогая моя! Вчера, вернувшись после четырех дней отсутствия (был у Глеба Ив. Успенского), застал твое письмо. Благодарю, голубушка, что не забываешь письмами. Теперь я, должно быть, долго не получу от тебя вести; в четверг 15-го уезжаю и пока даже не могу написать адреса, куда мне писать. Посылаю книжку. Сегодня кончился цензурный срок и книжка поступила в магазины. Напиши, кажется ли тебе издание чистеньким.[188]

Скука ужаснейшая: жду не дождусь, когда вырвусь из этого поганого города. Побываю в М⟨оскве⟩ на выставке (там теперь и Володя с Линочкой), а затем и сам еще не знаю, куда денусь. Должно быть, поеду к Тургеневу, а может быть, промахну и в Ефимовку: дядя очень и очень зовет меня туда. Глеб Иванович тоже едет: нам вместе придется быть в Москве и дальше.

Какая прелесть этот Г. Ив.!

Письмо это будет коротенькое. Жарко, скучно, пусто. Просто даже не думается. А тут еще все время денег не было. Иозефович денег не шлет, и я перестал писать ему фельетоны: только

два послал.[189] С сегодняшнего дня начну получать за книжку из магазинов. 200 экз⟨емпляров⟩ уже в Москве.

Кстати скажу: Успенский всячески убеждает меня продать издание сразу, хоть с большой уступкой, и непременно ехать за границу, именно в Лондон. Не буду приводить его доводов, но они очень сильны. Да и самого меня соблазняет поплутать месяца два именно в Англии.

Посмотрю, как книга пойдет: если плохо, то продам всю, а если хорошо, то не расчет. Читаешь ли «Голос»? Все корреспонденции и телеграммы с места катастрофы пишет Евг. Михайлович. Американец он! Как только случилось, стрелой помчался и сейчас же сюда телеграмму за телеграммой.[190]

Рад, что читаешь по-французски, только лучше бы Вольтера: ничуть не меньше интересно, и язык, пожалуй, полегче, чем Поль-де-Кока. Ну, да все одно.

Прощай, голубчик мой милый, хорошая моя. Глупости все ты пишешь о «напускном» и «фантазиях»: как перед богом говорю тебе, что у меня теперь только хорошее чувство... ну да пускай. Не верь, если хочешь, только не забывай твоего любящего друга.

В.

На конверте: В Ярославль. Контора общества «Дружина», на Константиновский завод. Е. В. Б. Николаю Федоровичу *Никонову*. *Для Над. Мих. Золотиловой.*

253. *Н. М. Золотиловой*

Мураевка, 23 июля 82 г.

Наконец-то я выбрался из Питера, голубушка моя. Получила ли ты книжку и карточку? Боюсь, что этот вопрос останется без ответа, так как ты, пожалуй, уедешь с своего завода в Москву и далее. Отвечай мне хоть строчкой, получила ли это письмо; если оно не застанет тебя в Ярославле, то мы, значит, до осени не будем знать, куда писать друг другу.

С книжкой я все дела покончил: 12-го она вышла, 14-го получил телеграмму от Володи о том, что он в Москве, а 15-го выехал в М⟨ураевку⟩. Нашел своего любезного друга бодрым и веселым, только здоровьем плох. В прошлом году он, бедный, на пожаре схватил огромную лестницу и почувствовал, что у него в спине что-то треснуло или лопнуло, но не смотря на это, все-таки схватил лестницу и потащил. С тех пор у него спина все болит: согнуться не может, бедный. За границей думает побывать у ученых докторов.

В Москве мы с В⟨олодей⟩ прожили три дня, при чем в первый день по случаю свиданья очень выпили, к моему постоянному угрызению. Видели выставку (большую), передвижную выставку, картины Куинджи. Ну, да все равно. Поехали сюда, видели

Кукуевскую яму. Страшно посмотреть, что это такое.[191] Сюда приехали во вторник. Совестно было мне и смотреть на здешние места. Какое, Надюша, это глупое чувство! Ведь совсем тогда был больной и глупый, а все-таки конфузно и неловко перед Филатовым и всеми. Ну, да ничего, обошлось. Линочка похудела, очень рада, что едет за границу; ко мне относится дружелюбно, как года три, четыре тому назад. А ты, скверная женщина, не могла-таки не кольнуть меня в письме тем, что я «увижу своих прежних друзей» и пр. и пр. Ну и увидел, и что же?

Сегодня мы втроем едем в Орел. Оттуда Латкины, взяв паспорт, поедут в Саксонию, Тироль, Италию, Швейцарию и пр., а я в Спасское-Лутовиново. Туда прошу и писать мне так: г. Мценск (Орловской губ.), село Спасское-Лутовиново, Ивана Сергеевича Тургенева, Вс. Мих. Гаршину.

Когда подумаешь, что до начала октября еще больше двух месяцев осталось, Надик, право, очень скучно. Хоть бы ты недельки на две пораньше явилась в Петербург. Володя — чорт их знает, как они всё это узнают: ему в Баку *Дорошенко* сказал, что мы «помирились», а как узнал Дорошенко, решительно не понимаю (должно быть, матушка наговорила), — так Володя смеется надо мною и уверяет, что я тебя совсем не люблю, потому что иначе ни за что не согласился бы разъехаться на целые 4 месяца. Пусть их: дураки. По правде сказать, мне, очень досадно, что все сие получило огласку; поверь мне только, что в ней я ни сном, ни духом не виноват Скверные сплетники.

Завтра приеду в Спасское, осмотрюсь, а послезавтра засяду писать, просто руки у меня чешутся, так хочется что-нибудь новое выдумать. Думаю к сентябрьской или октябрьской кн. «Записок» непременно написать или об Венедикте (что я тебе рассказывал) или из войны, или сказку новую (давно уже у меня в голове вертится).[192] Словом, что-нибудь да напишу, так что зимой буду обеспечен и спокоен насчет денег, а это для меня довольно важно: хочу продолжать «Людей и Войну», на что нужно много времени и что может быть оплачено только очень не скоро.

Напиши мне, родная, получила ли это письмо и куда тебе писать. Два месяца не знать ничего об тебе — для меня теперь больше, чем тяжело. Надя, Надя, когда ты только поверишь, что я тебя в самом деле, не выдумывая, не фантазируя, люблю. И все острее и острее делается во мне чувство скуки и пустоты без тебя. Дальше писать нельзя: сквозь конверт будет видно. Цалую тебя тысячу раз.

Твой *В.*

На конверте: В *Ярославль*. Контора Общества «Дружина», на Константиновский завод. Е. В. Б. Николаю Федоровичу *Никонову*. Для Надежды Михайловны *Золотиловой*.

254. *Н. М. Золотиловой*

3. VIII. 82
Спасское-Лутовиново.

Голубчик мой милый! Как хорошо вышло, что мое письмо все-таки застало тебя в Ярославле; а то я было уже думал, что до октября не буду знать о тебе.

Напиши, пожалуйста, когда ты проезжала через Кукуевскую насыпь? Я нарочно приезжал туда верхом 1-го и 2-го августа, но оба раза опоздал к поезду. Спасское ведь всего в 4-х верстах от Кукуевки.

Адреса своего я менять не намерен: рад, что дорвался до места, где можно спокойно сидеть и почти никого не видеть. Понемножку пишу одну штучку (из войны еще), да только именно понемножку; больше страницы в день, как ни бьюсь, а написать не могу. Все равно к октябрьской кн. «О. З.» поспеет.[193]

Книг здесь куча: множество французских, нем. и английских; все русские журналы. На журналах 30-х и 40-х годов везде буквы В. Б., т. е. Виссарион Белинский: эти книги принадлежали ему. Странно как-то держать в своих руках книгу, которую читал и перелистывал сам Виссарион. — Читаю я довольно много, но бестолково. Очень уж хорошо здесь шататься по парку, купаться, ездить верхом. Лето отличное: ни жарко, ни холодно. И ходишь большую часть дня под огромными липами; а какие здесь есть деревья! По 100 и 200 лет. Дуб, посаженный собственными руками Ивана Сергеевича 50 лет тому назад, совсем мальчик перед ними.

Помнишь ли ты Анюту Галину? Вероятно, видела ее в Харькове у матушки. Теперь это девица 16 лет, но на вид ей нельзя дать больше 13, до того она тоща и миниатюрна. Играть стала в самом деле удивительно: не понимаю, как из такого маленького тельца выходит такая страшная силища: иногда инструмент дрожит под ее руками. Она здесь учит девочку Полонских. Женя уехал к матери и затем в Харьков по делам; между прочим, ругать за меня Иозефовича. Так что теперь нас мало: Полонские, муж и жена, трое детей, я да Анюта. Если бы не старший мальчик, который постоянно одолевает меня бесконечными расспросами, то можно бы по целым дням молчать, читать и писать; а пожив в Ефимовке j'ai pris goût à cette exercice.

Милый мой Надик, что тебе еще сказать? Что я тебя очень люблю? Развитием этой истины можно бы занять все письмо, да ведь тебе, скверной, это все равно, что об стену горох. Все-таки скажу, что я был очень огорчен, когда 2 августа увидел уходящий перед моим носом поезд. Я уверен был, что ты в нем сидела; а так хотелось поглядеть на тебя хоть одним глазком, хоть под строгим надзором твоего почтенного дядюшки.

Напиши мне что-нибудь об Крыме. В будущем году решительно не хочу пускать тебя одну: куда-нибудь да поедем вместе. Смешно, Надюша; мы с тобою ни разу не были вместе в какой-нибудь поэтической обстановке, под деревьями, что ли. Ну там «Ночь, сад, фонтан»... Ничего этого не было: только питерские каменные стены, да Кирилл Иванович с супругой составляли всю обстановку нашей любви. Право, Надик, никакой поэзии, кроме той, конечно, что в сердце сидит, и для которой все равно, поет ли соловей, или Лизавета Агафоновна.

Мы сейчас едем в Мценск (в Амченск, как здесь говорят) с Жозефиной Антоновной Полонской; я еду купить себе обувь и послать это письмо. Надюша, милая, хорошая, пиши почаще. Ну что тебе стоит написать письмо дней в 5—6? А я-то уж так рад бываю. Твое желанье исполняется: все твои письма немедленно превращаются в пепел или в микроскопические клочки.

Мне очень нужно бы с тобою поговорить вот о чем: ты мне должна еще раз рассказать подробную историю твоей бедной докторши, что умерла. Она так занимает мое воображенье (слившись почему-то с фигурой Радонежской; слышала ли ты об этой?), что прийдется писать осенью повестушку.[194] Это самый хороший сюжет, какой только у меня был.

До свиданья, милая моя девочка, а впрочем, какая ты уже девочка? Все равно. Целую тебя великое множество раз.

Твой любящий *В.*

Адрес: г. Мценск, Орловской губ. С. Спасское-Лутовиново, Всев. Михайловичу Гаршину.

На конверте: В г. Ялту. В таможню Таганрогского округа. Г-ну Золотилову. Прошу передать Надежде Михайловне Золотиловой.

255. *Н. М. Золотиловой*

<10-го августа 1882 г. Спасское-Лутовиново>.

Голубчик мой, сейчас еду в Мценск отвозить брата Егора Мих., который пробыл здесь два дня, и пользуюсь случаем черкнуть тебе несколько строк. После той маленькой записочки, где ты пишешь свой крымский адрес, от тебя ничего не было. Скучаю я без твоих писем. Четвертого дня был в Орле с братьями; были у Российских. Марья Ал. до того подурнела, что узнать нельзя: расползлась ужасно, как бочка. Съездила в Черниговскую губ. и теперь хохломанствует.

Матушка уже проехала в Питер. Кажется, у нас в этом году будут жить барышни-курсистки: Таня, которая так поступает на Бестужевские курсы, и еще одна какая-то, которой я не знаю,

но к которой некогда пламенел брат Евг. М., — Троцина. Так что целый скит. Может быть, я от этого уйду и буду жить отдельно.

Пиши, пожалуйста, милый мой Надик: право, я иногда вешаю нос (не поднимая, впрочем, бровей), так без тебя скучно. 7 авг. был очень рад, торжествовал: вот, думал, два месяца уже прошло и осталось только столько же. О голубчик мой милый, как я тебя теперь люблю!

Что ты с моими письмами делаешь? Рвешь или нет?

Впрочем, не думай, что я вообще в мрачности, совсем нет. Полонские такие милые, и большие и малые, что с ними легко живется. С физической стороны тоже хорошо; пишу я довольно аккуратно; только всё не могу решить, годно ли куда-нибудь, что я пишу? Совсем я не умею оценивать свои вещицы: пока не напечатают, все кажется, что даже и в печать негодно.[195]

Книжка по известиям из Питера понемножку идет. Если в будущем году я выпущу такую же (а я твердо решился сделать это), то мы с тобой разбогатеем.

От В. ⟨Латкина⟩ и Линочки еще не получал писем. Писать им тоже не писал, а писать надо Rome, poste restante. Пусть лучше засядет В. в Париже; тогда начну переписываться с ним правильно.

Писал бы еще что-нибудь, но

Paff! c'est mon cheval qu'on aprêtte.

То есть не один шваль, а всех трех подали и надо садиться.

До свиданья, родная моя, хорошая. Целую тебя совершенно нелепое число раз.

Твой любящий *В.*

10 авг. 1882.
Спасское-Лутовиново.

256. *Н. М. Золотиловой*

20 августа 1882 г.
Спасское-Лутовиново.

Голубчик мой Надя, совсем ты меня забыла! Последняя коротенькая записочка твоя, записочка из Я⟨лты⟩ была от 30 июля, а сегодня 20 августа. С тех пор я ничего о тебе не знаю. Если нельзя отвечать на каждое письмо, то отвечай хоть через одно. Две недели, каждый день, я жду присылки из города писем и каждый день волнуюсь, думая получить от тебя письмо, и все нет и нет. Я очень скучаю, Надя; часто приходят в голову разные глупые мысли. Голубушка моя, пожалей меня, пришли несколько слов! Пусть все это выдуманное, деланное, пусть моя любовь к тебе фантазия, но только эта фантазия мучает меня и наводит тоску, когда ты молчишь. Не случилось ли что с тобой? Не пропадают ли письма? Ах, Надик, Надик, очень мне теперь

скверно и будет скверно, пока не получу от тебя письма, что ты жива, здорова и меня не забываешь.

Работа моя, несмотря на причиняемые вами, милостивая государыня, огорчения, понемножку подвигается: через недельку кончу; хотелось бы напечатать в IX кн. «О. З.», а если нет, то в X. Писал ли я тебе, что Павленков просил меня сделать следующую работу: есть книга барона Корфа «Наш друг» для народных школ. Т. к. этот «Друг» написан невозможным слогом, то его нужно выправить. Принялся — и отступил. Это такая ерунда, такое невежество, что трудно верится, что книга написана всероссийскою знаменитостью. Напр., для него мел, *алебастр, мрамор, гипс* — всё это *роды извести*. В одном месте он пишет такую фразу: «Вот если бы мы были такими добрыми, умными и работящими, как бобр»! Конечно, если б я был такой превосходный, как бобр, я бы переделал «Н. Друг», но так как — куда ж мне до бобра? — я не такой умный, то и должен отказаться.[196]

Писал ли я тебе, что у нас в Питере в этом году будет нашествие девиц? Во-первых, матушка решила взять с собой некую Анюту Галину (может быть, ты ее помнишь по Харькову). Она кончила учиться в Х-м Муз. Общ. и ей нужно в Консерваторию: так как у нее средств нет никаких, то матушка хочет приютить ее у себя. Затем, к моему изумлению, Таня тоже изъявила желание поселиться в П. у нас (она поступает на Бестужевские курсы). Затем еще одна девица (тоже на курсы хочет) стремится поселиться у нас. Так как квартиру матушка уже наняла небольшую, то прийдется мне, вероятно, жить отдельно с Женей или без него. Впрочем, у меня на этот счет есть соображения, о которых скажу тебе, когда увидимся.

Здесь всё попрежнему; только Яков Петрович ⟨Полонский⟩ уехал. Через неделю уезжает Женя с Алей (мальчик Полонский) и эта самая Анюта. Она девица 16 лет, имеющая на вид 14, и прекапризная особа, и мы останемся с мадам и двумя маленькими детьми. Жозефина Антоновна П⟨олонская⟩ дама очень милая, и мы с нею большие друзья. Иван Сергеевич пишет сюда через день. Все-таки приедет к зиме в Россию. Просит не опасаться за себя: «проживу, говорит, еще лет двадцать, в течение которых будут знать, что где-то там сидит ненужный старик».[197] Бедный!

Когда был Я. П., то у нас составлялась целая академия. Анюта играет; Я. П. пишет масляными красками; Жозефина Антоновна лепит своего сына (она кончила бюст: удивительное сходство!), а я заберусь наверх и царапаю свои «Воспоминания рядового Иванова». Музыка, живопись, скульптура и поэзия! Вот мы какие умные!

Больше писать нечего, кроме того, что ты скверная, жестокая женщина. Пиши, голубчик мой, милая, хоть по нескольку строк.

Мне бы только знать о тебе. Неужели это так трудно для тебя? Крепко целую тебя.

Любящий тебя *В.*

Спасское-Лутовиново
18 20/VIII 82.

Если не хочешь, чтобы явилась «Ноева Косточка», то пришли хоть маленькую записку.

257. *Е. С. Гаршиной*

Спасское-Лут. 21 авг. 1882.

У нас все благополучно, дорогая мама, но писать решительно не о чем. Получил от Тани письмо; дело уже совершенно решено. Если же будет и Таня и Троцина, то нам с Ж., пожалуй, прийдется нанять комнату где-нибудь рядом, а то ведь решительно не влезем все.

1 комната Тане, 1 Троцине, 1 вам, положим даже вместе с Анютой и Сашкой, что ведь очень тесно, 1 «пустая». Нам решительно негде. Бросать такую выгодную квартиру тоже не приходится.

От дяди писем нет. Впрочем, жду скоро. Читали ли рецензию об «Рассказах» в «Деле»? [198] Я еще не читал. Прислал ли вам Розенталь книги? Павленков опять прислал письмо: усиленно просит взяться за «Нашего друга». Но это совсем невозможно: даже неустрашимый Женя и тот говорит тоже. «Вот если бы мы были такими добрыми, умными и работящими, как бобр»! (фраза из «Нашего др⟨уга⟩»), тогда бы, пожалуй, переделали. [199] Писанье мое, хотя по обыкновению туго, но подвигается. Прийдется, кажется, опять лавировать между Сциллой и Харибдой, между цензурой общей и цензурой «О. З.». [200] До свиданья. Крепко целую вас.

Любящий вас *В.*

258. *Н. М. Золотиловой*

26 августа 1882.
Спасское.

Наконец-то письмо! Голубчик мой, если бы ты знала, как меня обрадовала им, то наверно писала бы немножко почаще. Обрадовала, несмотря на выговор за мои голословные уверения. Не веришь ты, что это не надувательство тебя и себя! Что ж мне делать, не верь. Может быть, это и надувательство, только оно от избытка сердца. Я весь им надут, так сказать. Ах Надик, Надик! Да где же мерка этому настоящему и выдуманному? Чем одно отличается от другого? Да наконец, неужели для меня

не прошла уже пора разжиганья своих всяких чувств и чувствованьиц? ведь это бывает со всяким (кроме некоторых, в том числе тебя), но бывает в известную пору, когда еще глуп и не знаешь, что раздутое чувство может совсем съесть, хуже еще настоящего. Ты вспоминаешь Р. В. Там другое дело было. Там был вопрос *долга,* дурно понятого, конечно. Что для Р. В. было нужно, то для тебя чистое оскорбление. Я говорю о том, если бы я приносил себя в жертву, не любя тебя (а ведь там было именно так). Милая моя бабья дурь! Прости меня за надоедливость, а я все-таки не могу не думать по-своему. А что ты бабья дурь, то это следует вот из чего: если бы я, как ты думаешь, был уверен в действии на тебя своих голословных уверений, незачем бы мне было их повторять в каждом письме? Довольно и одного раза. А я ведь точно дятел: все долблю носом в одно место. Господи, к каким софизмам прибегаю я говоря с тобой! Прости, милая, не верь, верь, что хочешь думай, только не сердись на меня и люби хоть немножечко. Хоть какою-нибудь ненастоящею любовью, выдуманною (по-твоему, конечно).

О новой болезни, опустошающей Крым и открытой нашим уважаемым д-ром Н. М. Золотиловой, — о так наз. *Stultitia femina* или *Бабья дурь,* я узнал с радостью. Ибо отныне можно будет научно объяснять многие загадочные явления, имеющие совершиться в недалеком будущем. Вооруженный знанием «Бабьей дури», я твердо встречу эти грозные явления.

Не рассердишься ли ты, Надик, за все эти написанные мною глупости? Я было хотел порвать это письмо да вспомнил, как обещал тебе следить за собою и стараться не лгать тебе и себе. А ведь порвать написанное — была бы ложь. Ведь правда? Читай и не сердись.

Ваши курсы лопнули: я давно не чувствовал себя так возмущенным и так искренно огорченным делом, казалось бы, посторонним мне.[201] Припомнилась мне твоя бедная докторша, что умерла, и так и кажется, что она спрашивает: «За что?» За что, в самом деле, не только надругаетесь, преследуете, бьете, но даже и совсем душите? Покойный царь никогда бы этого не сделал. Он помнил, что ваши делали на войне. Знаешь, Надик, писал я в своем теперешнем рассказе о том, как он смотрел нас в Плоэшти. Писал и глубоко взволновался: вылилась довольно страшная страничка. Нет там ни хвалы, ни клеветы, но чувство выразилось оригинально и, кажется, сильно.[202]

Я написал уже около двух печ. листов. К отъезду думаю кончить. Хоть бы так работать всегда, как теперь; и то было бы хорошо. Неужели ты не будешь меня подгонять? Ты можешь, Надюша, право можешь. Ты ведь сильнее меня.

Едем мы отсюда между 15 и 20 сентября, так что будем с тобою в П⟨етербурге⟩ почти вместе. Ты напиши мне, когда

выедешь: может быть, можно будет вместе ехать отсюда до Петербурга. Если ты этого не хочешь, то напиши, а то я буду стараться попасть на твой поезд. Как хорошо, что ты сократила свой скверный Крым на две недели!

Если из твоих дядей в Ялте есть такой, которого я видел, то кланяйся. Я никак их не могу распутать; знаю только, что те, которых видел, все очень приятные и хорошие. Поэтому и поклон посылаю, разумеется, предоставляя тебе передать его или нет.

До свиданья, милый мой голубчик, нелюбимая моя. Крепко тебя целую. Искренно нелюбящий тебя *В.* Подписываюсь так во избежание упреков в «выдумывании».

P. S. Прости, если надоел с глупостями. Прости и напиши письмо, непременно напиши. Да не пиши заказным: за ним надо самому ехать в Мценск и лишний день проходит. Все твои письма я до сих пор жег или рвал, а последнее, по твоему слову, берегу. Прощай, хорошая моя, милая бабья дурь.

Твой *В.*

259. *Е. С. Гаршиной*

⟨27 августа 1882 г.⟩

Дорогая мама! Сейчас Женя едет, но так как он пробудет некоторое время в Москве, то вероятно это письмо дойдет раньше его. Я совершенно согласен с вами, что смешно нанимать отдельную комнату: это я предположил только в том случае, если уж никак нельзя будет отказать обеим барышням: что же делать в самом деле, если негде. Конечно, лучше уж не брать Трощины, чем менять квартиру.

Мы с Ж. А. ⟨Полонской⟩ будем в Питере около 20 сентября. Работа моя двигается понемножку: не посылаю вам ее, потому что думаю еще пристально просмотреть ее; м. б. что-нибудь и переправлю.

Закрытие врачебных курсов разогорчило меня, как давно не огорчали вещи, казалось бы, посторонние. [203] За что, в самом деле, издевались, преследовали, а теперь вот совсем убили? За труды и голод? За то, что было во время войны? Ни жалости, ни благодарности в них нет. Вот уж именно «торжествующая» то.

Сегодня у нас водворяется тишина и мир по случаю отъезда Али. Что за буйный человек! Право, почти стоит нашего Александра. Прислал ли Ж⟨орж⟩ Софью Мартыновну? Приехал ли Александр Яковлевич ⟨Герд⟩ и видели ли вы его? У него в квартире сундук мой с вещами, ключ у Устиньи; так как вам нужны ложки, то лучше бы взять их, а не тащить всего сундука: когда приеду, тогда и перевезу.

Больше писать нечего, дорогая моя. Женя расскажет вам все, как мы здесь живем. Крепко целую вас, милая моя мама, тоже и Сашу. До скорого свиданья.

Искренно любящий вас *Всеволод*

27/VIII 1882. Спасское.

260. *Ф. Ф. Павленкову*

(Черновое)

⟨Конец августа 1882 г.⟩ [204]

Мне кажется, уважаемый Флорентий Федорович, вы не совсем поняли мое письмо. Дело идет совсем не о двух-трех статьях, и во всяком случае не о тех, о которых вы думаете. Против содержания в общем смысле я ничего не имею сказать. Полезно сообщить детям и об аспидной доске, и об кожевенном производстве, и сведения из священной истории, и об Александре Николаевиче; последнее даже, пожалуй, необходимее, чем описывать четырехугольную чернильницу, которая «имеет четыре угла». (А я-то в невинности своей до сих пор думал, что у нее, как у всякого куба 24 линейных, 12 двугранных и 8 трехгранных!) Но не полезно изъяснять их таким образом, что в голове ребенка кроме путаницы ничего не останется. Говорю не о слоге, а об отношении к предмету, что я в первом письме неверно назвал содержанием. У меня от чтения «Нашего друга» — я получил ваше письмо четыре дня тому назад и все эти дни сидел над ним, пробуя сделать что-нибудь — непременно разбаливается голова, и я с жалостью думаю о бедных детях, которым суждено изучать эту удивительную книгу. Есть там статья: «Кто тяжелее, Митя или Петя»? Я мог бы сказать многое о том quasi беллетристическом вздоре, каким она набита, но пусть будет этот вздор необходим для живости рассказа или занимательности, пусть так. Возьмите самое содержание. Митя повел Петю взвесить его на весах. Привел, взвесил и, снимая гири, ушиб Петю. Вот и всё. *Кто же тяжелее?* (Заглавье-то статьи!) Совершенные сапоги всмятку. Эту статью нельзя переделать: ее нужно выбросить и заменить новою, которая бы дала понятие о весе. — То же, однако, можно сделать с огр⟨омным⟩ большинством статей, но тогда от кн⟨иги⟩ ничего не останется. Возьмите статейку об аспидной доске (№ 5). Если выкинуть вздорную и вредную болтовню, то останется только вот что: аспидная доска состоит из каменной дощечки, вделанной в рамку из соснового дерева. Камень, из которого [высечена] сделана дощечка, называется аспидом или шиферным камнем; его находят большими слоистыми пластами [Корф говорит «люди находят», еще бы! конечно, не кошки] в

земле, ломают большими кусками и делают из них большие плиты, которыми за границею кроют крыши и аспидные доски. Для аспидных досок аспид равняют и трут крупным песком; тогда камень становится гладким и на нем можно писать грифелем. Грифель сделан из того же аспида. Только так, по-моему мнению, возможно выправить «Нашего друга», но тогда ведь книга из 15 листов сократится на 7—9, и собственно, перестанет быть книгой барона Корфа, так как от нее останется только один план, а так как в ней, по правде сказать, и плана никакого нет (нельзя же назвать планом совершенно случайное расположение статей, взбредшее автору в голову неизвестно почему), то значит от «Нашего друга» останется только одно приятное воспоминание.

Простите меня, уважаемый Флорентий Ф., за то, что я отнял у вас много времени. Я очень виноват перед вами: мне еще в П. нужно было внимательно просмотреть книгу: тогда бы я наверно отказался от этой работы сейчас же. Не пригодятся ли вам замечания на те явные нелепости, какие встречаются в книге на каждом шагу и которых нельзя не выбросить. Укажу на кое-что.

№ 2 «Много, много лет тому назад молились люди в церкви, в которой были, *на этот случай,* святые Андрей и Епифаний». На случай чего? Чорт знает что такое! Последняя фраза статейки никуда не годится.[205] № 3. Я привык тебе говорить всю правду и расскажу тебе сегодня, как я поступил в школу. Вм⟨есто⟩ всей правды, вероятно, нужно поставить о себе *всё,* или что-нибудь в этом роде. № 4. «Выпуклые доски». Доски вовсе не выпуклые, а ровные; буквы на них выпуклые. «Теперь же бумагу приготовляют... как вы бы думали? Из чего! Из тряпок. Да, из тряпок»! К чему это сюсюканье? Можно бы, пожалуй, прибавить полстраницы таких восклицаний: Из тряпок! Ишь ты! Ну штука! Эки черти! Ишь шельмы! Эвона. Поди ты! Из тряпок! К этому празднословию Корф ужасно любит прибегать, вероятно, в видах увеличения объема книги. О № 5 уже говорили. № 6. Это уж такая гиль, что совестно говорить. Чернильница — учебная вещь! А та, из которой пишет писарь, судья, лавочник, Салтыков, из которой пишутся любовные записочки, наконец — тоже учебная вещь. «То она будет посудой». Она всегда посуда. И какому болвану придет в голову употреблять чернильницу как стакан.

№ 7. «Курдюки дают грубую шерсть, но зато у каждого курдюка образуется на хвосте около целого пуда жиру». Курдюком называется не овца, а только хвост овцы. Есть курдючные овцы, а не овцы — курдюки. [Странно барону К. не знать этого; он хозяин и южный помещик]. Последняя фраза запутана: если сукно бывает *такого же цвета, как овцы,* белые, черные, серые и бурые, то зачем красить шерсть...

№ 8. № 9. Весьма полезная для мужиков статья, но как учебный матерьял, ни к чему не годная. [Формами подобных условий, прошений и пр., росписок и пр. можно было бы набить три [полки] утлого «Н. Д.», но к чему они в учебной книжке]? Учебная книга не должна быть письмовником Курганова.

№ 10. «Наводить на сукно глянец». Не глянец, а ворсу, нужно объяснить, что это такое.

№ 12. За что такое предпочтение ушам? Уж если описывать то, что ребенок очень хорошо и сам знает, то нужно бы сказать и о глазах, и о губах, и о челке. «Лошади нужно в день *около пуда* хорошего корма, фунт. 20 сена или немного овса или ржи зерном. Во-первых, где и кто кормит лошадей рожью? Во-вторых, из слов автора прямо выходит, что «немного овса или ржи» — 20 фунтов, так как всего корма нужно около пуда, из которого 20 ф. сена. Слово «дермь» известно только на юге. Это грубо смолотый ячмень. [Не могу не прибавить, что хотя ветеринары и имеют дипломы, но коновал все-таки вернее. Случалось видеть их самому].

№ 13. Все мы знаем... Мы знаем еще... Эти фразы не мешало бы пропустить. Перв. «чаны с водою, которая окрашивается корою дуба и ивы». Дело вовсе не в том, что вода окрашивается. «Кожи мажут маслом, жиром и дегтем». Зачем?

№ 14. «Кошки истребляют *хорей*, кротов, птиц, чем наносят большой *вред* земледельцу». Оставляю комментарий... Разве скажу, что никакой кошке не справиться с хорем.

№ 15. Опять беллетристика... «кусок глины с водой распустить». Этим можно внушить ложное понятие растворимости глины: распустить-растворить.

21. За идиотов, что ли, считает Корф детей. Зачем это глумление? Неужели в самом деле кто-нибудь из детей станет мерять сундук штанами и рубахами.

23. «Берегись, чтобы собака не взбесилась». Синтаксического смысла нет. Можно беречься бешеной собаки, но не «чтобы она не взбесилась».

24. Если сыпучий песок только «попадается» в чьем владении, то соседи его могут быть совершенно спокойны.

25. «Голова коровы длиннее овцы». Конечно, так как корова гораздо больше овцы. Нужно было сказать: ноги коровы длиннее, хвост коровы длиннее, копыта больше, вымя больше, уши длиннее...

26. «Но в наших руках так устроить сарайчик»... «В наших руках» — не по-русски и не понятно...

27. Без нее (свиньи) мы бы сами от грязи пропали. Теория разведения свиней для... чистоплотности. Удивительно!

28. «Когда ночуешь в поле, то утром хорошо рассмотришь, отчего днем становится светло на дворе». Ну и довольно: рас-

смотришь и слава богу: зачем же писать почти $1\frac{1}{2}$ страницы.

32. «Мел — это один вид извести; *алебастр* — другой вид извести; мрамор и *гипс* — также виды извести. Грубое и бесстыдное невежество. Хоть бы «повторительный курс» химии взял! [Там бы ему сказали, что алебастр есть тот же гипс, тот же сернокислый кальций, но водный, а тот безводный и что известь совсем особая статья].

35. В курсе истории рассказ о финикиянах еще годен, как легенда, но в рассказе о том, как стекло делается, необходимо было бы оговорить его вымышленность. От костра на воздухе песок и селитра сплавиться *не могут*.

261. *Е. С. Гаршиной*

18 $\frac{3}{IX}$ 82. Спасское-Лутовиново.

Дорогая мама! Получил от дяди письмо, в котором он просит 8-го выехать в Мценск и проводить Таню до Москвы, посадив ее на поезд Н. ж. д. Конечно, я с большою готовностью исполню это. Кстати с Таней пошлю вам и свой рассказ, которого писать мне осталось несколько страничек.[206] Вы сами увидите, стоит ли его переписывать или нет; мне кажется, написано довольно разборчиво. К сентябрю, жаль, уже не поспею, ну да ничего, пусть и в октябре пойдет. О приезде Жени с Алей мы еще не знаем. Выедем мы отсюда, вероятно, около 15-го. Впрочем, об этом еще будем писать. Если увидите Александра Яковлевича, спросите его, куда писать Володе? Я за все время не писал, потому что написать в Рим, p⟨oste⟩ r⟨estan⟩te опоздал; от них тоже ни строчки. Вероятно, Герд знает что-нибудь об их путешествии; что он вам скажет, напишите.

Что вам писать еще? Событий у нас никаких нет, т. е. решительно никаких. Целый день читаю, слоняюсь; вечером сажусь пописать; последние дни почти не писал, хотя сидел по часу, выжимая из себя слова, не шло совсем. Вчера опять пошло вперед, наладилось, и думаю кончить к Таниному приезду. Читал Жозефине Антоновне; она слушала хорошо и очень похвалила, а я сам неуверен, по обыкновению. Впереди — другой рассказ: заставлю вас еще раз повторить мне о Чернопольских и Венедикте и напишу.[207]

Анюта поздоровела, а то все хворала, по случаю своего критического возраста. Теперь весела и визжит пронзительнейшим голосом, умирая от смеха, сама не зная чего. Дети ко мне дружелюбны. Словом, все спокойно.

До свиданья, дорогая моя. Что Сашина болезнь? От Жени жду письма. Цалую вас всех.

юбящий вас *В.*

262. *Н. М. Золотиловой*

3 сент. 1882.
Спасское.

Дорогая моя, пишу тебе коротенькое письмецо, так как «оказия» в город застала врасплох. Нужно сообщить тебе наш петербургский адрес: Саперный переулок, д. № 10—8, кв. № 7. Приехав напиши по этому адресу записочку, если сама, как я думаю, не захочешь зайти. Впрочем, я еще жду от тебя письмо из Ялты. 8-го я уезжаю отсюда на сутки. Дядя Влад. Степанович просит меня, чтобы я в Мценске встретил Таню, проводил ее до Москвы и посадил в вагон Н. ж. д., на что я изъявил свое согласие.

Живу попрежнему; рассказик кончаю. Несколько дней, что называется, заколодило; почти ничего не писал; теперь опять пошло.

До свиданья, голубка моя, писать некогда, да и не хочется, когда думаешь, что скоро свидимся. Еще две с половиной недели! — много, но с прошедшим уже временем сравнить, так пустяки. До свиданья, цалую тебя.

Твой любящий *В.*

263. *Н. М. Золотиловой*

8 сентября <1882 г.> 6 ч. у.
<Спасское-Лутовиново>

Надя, милая, пишу только два слова: я ошибся, написав тебе адрес. Вот он настоящий: Саперный переулок, д. №. 4—10, кв. 14.

Сейчас еду в Мценск провожать Таню до Москвы. Совсем выезжаю отсюда 15-го. До скорого свиданья.

Твой *В.*

264. *Я. П. Полонскому*

<11 сентября 1882 г.>

Вы выразили желание, дорогой Яков Петрович, получить от меня письмо; с удовольствием принимаюсь за него, хотя, собственно говоря, писать почти не о чем. Жили все это время мы вполне благополучно, спокойно и, значит, до крайности однообразно. «Событий» не было никаких, за исключением двух, кажется, поездок к Е. М. Якушкиной, да к Осипу Григорьевичу (о чем Вам писала уже Ж. А.), да еще моей поездки в Москву. Я проводил туда от Мценска свою кузину, которая теперь уже в Петербурге. Производство варений, наливок, смокв, пастил и

сушеных грибов достигло в Спасском весьма широких размеров; в последнем из них главная роль принадлежит мне. Всей этой еды наготовлено столько, что даже страшно становится при мысли о том, как все это везти.

После покойного Серого место форшнейдера за столом занял, как и следовало, Барбос, который не лает, но удивительно любезно улыбается и сует морду в колени, так что трудно не уделить ему кусочка. Дети вполне благополучны: девочки от радости (неизвестно какой) пронзительно визжат, и в последнее время обнаружили склонность наносить мне всякие обиды и словами и действием, при чем происходит возня и сугубый визг. Боря весел, но как всегда немножко серьезен. Жозефина Антоновна большую часть времени ожидает писем от Вас и Ив. Серг., занимается вышеупомянутыми производствами и шьет себе удивительный халат на [шелковой] голубой подкладке. Иногда я читаю ей вслух. О себе сказать тоже почти нечего. День — ничего не делаю, если не считать чтения, вечером сажусь неможко пописать. Рассказ мой кончу дня через два-три. Выходит он, кажется мне, плоховат; иногда даже [боюсь] сомневаюсь, годен ли в печать. Жалею, что Вы уехали, прочел бы Вам и был бы спокойнее. Впрочем, Жозефина Антоновна то, что я ей прочел, слушала, как казалось, с интересом, и осталась довольна.

В Москве, где мне пришлось ночевать, сутолока невообразимая. Коронация, говорят, наверно будет 17-го (Государь уже в Петровском дворце, где наши цари живут только перед коронацией). Ж. А. боится ехать в это время, справедливо полагая, что в эти дни в Москве будет страшная дороговизна. Да оно и теперь там не дешево. — Возвращался я из М⟨осквы⟩ на Кукуевку; поезд пришел туда в пятом часу утра; чуть светало. Я пешком дошел до Спасского; когда подходил домой, взошло солнце. Никогда не забуду я этой зари, снимавшейся росы и всего прочего. Очень уж хорошо было. Право, мы убиваем в себе любовь к природе и поэтическое чувство, вставая в 8 — 10 часов.

Получил письмо от Ив. Сергеевича. Я писал ему, что он напрасно думает о «ненужном старике» и т. п., и выражал надежду, что он принесет еще большую пользу литературе, даже если не будет писать, — принесет ее, став человеком, вокруг которого собралась бы литературная молодежь. Он пишет: «больше всего я досадую на свою болезнь именно за то, что она не дает мне возможности выполнить это».[208] Хорошо было бы, если б он приехал, наконец, в Питер.

До свиданья, дорогой Яков Петрович. Писать больше, право, нечего.

Искренно преданный Вам *В. Гаршин*

Спасское, [10] 11 сентября, 82.

265. *Е. С. Гаршиной*

18 $\frac{14}{IX}$ 82. Спасское-Л.

Дорогая мама! Сейчас мы с Ж. А. едем в город, так как вчера получили повестки на 200 от Я. П. ⟨Полонского⟩ и на 15 от вас. На пальто же объявления нет; может быть, оно лежит на почте, а может быть, вы и не выслали, что было бы лучше всего: погода опять стала довольно теплая. Ваше письмо о Тапе получил.

Едем мы с Анютой *послезавтра вечером*. В понедельник будем в М⟨оскве⟩: мне нужно отправиться в «Р⟨усскую⟩ Мысль» по поручению Надеина; если не поспею к 2-часовому поезду, то прийдется остаться до 10 ч. вечера. Во всяком случае, во вторник будем в Питере, и почти наверно на дневном поезде, а не на вечернем.

Рассказа мне всё еще осталось написать две-три страницы. До такой степени уперлась работа, что сидишь часами и ничего не высиживаешь. Как бы то ни было, к будущему понедельнику (24) снесу в редакцию. [209]

До свиданья, дорогая моя. Цалую вас и Сашу. Тане поклон. Жене тоже.

Любящий вас *В.*

266. *Е. М. Гаршину*

⟨14 сент. 1882⟩

Дорогой Женя, вчера получил твое письмо, а повесток еще нет; должно быть, на почте не успели еще написать их. Сейчас едет в город Кузьма и привезет их. Благодарю и за деньги и за пальто. У меня своих 20 р. Напиши мне *сейчас же* (чтобы письмо успело дойти) вот что: я очень затрудняюсь вопросом насчет вознаграждения прислуги. Давал ли ты что-нибудь перед отъездом? Прийдется, должно быть, раскошелиться на пять рублей, а их нужно будет позаимствовать у Ж. А. ⟨Полонской⟩.

Пишу последнюю главку. Плохо, очень плохо вышла у меня эта штучка; серьезно думаю, что М. Е. ⟨Салтыков⟩ не возьмет. В эти несколько дней просмотрю, поправлю. Да и последняя главка (бой) не дается. Сижу много, а пишу по страничке в день. А иногда и ничего не выходит. Плохо. [210]

Едем мы с А., должно быть, восемнадцатого, а может быть, и 19-го. Во всяком случае твое письмо еще может дойти: напиши пожалуйста. Только не телеграфируй ничего; и эта телеграмма (о пальто) пропала даром. О точном времени прибытия нашего в П. извещу особо. У нас вдруг наступили холода: третьего дня целое утро валил снег и вода в кадках замерзла на дюйм,

сегодня 10°—12° тепла. Если бы не эта главка противная, уехал бы сейчас же. Хочется к вам в Питер. Да пора и южные фельетоны писать.

Всем кланяюсь, всех цалую. Твой *В.*

P. S. Quidquid agis, prudenter agas et respice finem — прочел я недавно где-то.[211] И с тех пор как сяду за работу, так и думаю, как это все у меня и не prudenter и не finem. Впрочем, это P. S. больше для того, чтобы показать тебе, что и мы можем иногда продернуть старика Горация или как там его, чорта, звали.

18 $\frac{14}{IX}$ 82. Спасское.

Получали ли вы мои письма? В иных я переврал адрес: вм. кв. № 14, писал 7.

267. *И. Т. Полякову*

<22 сентября 1882 г.>

Многоуважаемый Иван Терентьевич!

С удовольствием исполняю Ваше желание: книжка Вам посылается вместе с этим письмом под бандеролью. Напишите, прошу Вас, получили ли Вы ее. Я только что (вчера) приехал в Петербург из деревни (Орл. губ.), где провел лето, и даже и не получив Вашего письма собирался послать Вам экземплярчик, в память того несчастного для меня времени, когда Ваше письмо ободрило меня и, между другими причинами, заставило подумать, что можно еще не бросать работы.

Летом я написал рассказ листа в 2—2½ печ., только очень недоволен своей работой. Не знаю даже, печатать ли ее. Если позволят материальные средства, думаю воздержаться и положить на некоторое время, впредь до поправки и переделки, в ящик.

Напишите что-нибудь о себе. Не будет ли случая завести нам личное знакомство.

Искренно вам преданный *Всеволод Гаршин*

18 $\frac{22}{IX}$ 82. Спб. Саперный переулок, д. № 8—10, кв. 14.

P. S. Получили ли мою карточку?

268. *Н. М. Золотиловой*

30/IX, утро. <1882 г. Петербург>

Надюшка, милая, прости, что раньше не написал. Я немножко нездоров, а сегодня, как на зло, надо бежать по разным местам,

заставляют разные финансовые и иные соображения. Увидимся ли завтра? Я приду часов в семь. М. б. буду у тебя переписывать свою пачкотню. Можно? А ты можешь изучать сифилидологию. В этих поэтических занятиях и проведем время.

Впрочем, вру: мне переписать всего-то надо стр. две печатных. Вчера был у Мишки. Скверно. Как выражался мой отец, «ужасно пахнет семейным счастием». Жена рохля, ребенок толстый и пискун и сам Мишка какой-то тюлень.

Мы с тобой никогда такими не будем.

Твой *В*.

P. S. Не приедет ли к тебе завтра Боба? Она вчера, кажется, должна была приехать.

268*а*. *Н. М. Золотиловой*

〈Сентябрь — октябрь 1882 г. Петербург〉

Надюшка, голубчик, напиши мне, будешь ли ты завтра (в воскресенье) вечером дома? Соскучился я ужасно. Нельзя ли мне часов в пять явиться к Вам в таможню; вместе бы уехали оттуда. Напиши, милая!

Вчера обвенчали жидовско-российскую свадьбу: все было очень хорошо, только выпито было (не мною) немного больше, чем следует.[212] Зачем я пишу тебе это? Все это вздор, а главное, что я тебя ужасно хочу видеть. Если ты даже не захочешь завтра уезжать от своих, то все-таки напиши мне, можно ли приехать к Никоновым?

Не съест меня дядя Володя?

Любящий тебя *В*.

269. *Н. М. Золотиловой*

〈24 октября 1882 г.〉

Надик, милый, ждал тебя до половины первого с 11. Вчера послал тебе письмо к Н〈арвской〉 Заставе и потом уже, встретив профессора, узнал от него, что там дифтерит. Бываешь ли ты там? Я очень боялся за тебя, пока не узнал от Кир. Ив., что ты благополучна. Сегодня вечером между 8 и 9 я приду, а м. б. немножечко и пораньше. Если тебе нужно куда-нибудь уйти, не стесняйся, но только непременно оставь мне записочку о себе. До свиданья, голубушка моя.

Твой *В*.

$12^{1}/_{2}$ ч. $\frac{24}{X}$ 82.

270. *Н. М. Золотиловой*

⟨9 ноября 1882 г. Петербург⟩

Надюша, если будет можно, то завтра я прибегу, чтобы вместе итти в театр. Если же я не приду до $6^3/_4$ часов, то поезжай прямо в театр. Прости, голубчик, что тащу тебя в презренный балкон; утром мест за креслами не продают, а только с 12 часов. До свиданья, милый мой.

Твой *В.*

P. S. Рад бы был прийти вчера (т. е. скорее сегодня, 9 ноября), да такая у меня случилась глупая история с Полонскими и с Таней. Не пошел в воскресенье в Пушк⟨инский⟩ кр⟨ужок⟩ и из-за этого разведено бог знает что такое, что — расскажу после. Сейчас (9 ч.) нужно итти к Полонским извиняться перед Ж⟨озефиной⟩ А⟨нтоновной⟩. А если не пойду — то разрыв!!!

В.

Хотел послать это письмо, да пришел сам, потому что захотелось посмотреть хоть минутку. Ждать не могу, голубушка моя, милая, право никак.

Твой *В.*

Взял старый конвертишко, потому что другого не было.

271. *Н. М. Золотиловой*

⟨13 ноября 1882 г.
Петербург⟩

Голубчик мой, хотя почти наверно знал, что тебя не застану, но все-таки пришел: мысль, что «а может быть?» потянула к тебе. Скучно мне тебя не видеть, так скучно, что просто беда. Завтра в это же время зайду, если только успею справиться за день с работой, которой у меня целая куча: перевод «Уйды» и редакция одной детской книжонки, которую дал мне Павленков. [213] Все это скопилось, а времени мало.

Я как-то скверно себя чувствую: точно недостает чего-то. По внимательном наблюдении течения своих мыслей усматриваю, что не достает тебя. Хоть бы на минуточку мне видеть тебя каждый день, золото мое.

Да нет, уж завтра не прийду: приедешь ты от своих поздно, и побыть с тобой не прийдется. В понедельник же заберусь пораньше.

Вчера у Полонских было очень интересно: были гг. Григорович, Гончаров, Каразин, Аверкиев «и мн. др...» (как говорится в объявлениях о подписке) и г-жа Савина и мн. др. Савина лучше

всех: простая, милая, в десять раз лучше, чем на сцене. Сестрица Т. В. имела успех: двое прекрасных молодых людей, философический жид Ительсон и поэт князь Цертелев не отходили от нее и всё самые умные разговоры. Чем я весьма доволен. Хоть бы влюбилась она, что ли, в одного из них, или хоть в обоих, чорт возьми.

А впрочем, вообще довольно скверно. В университете какие-то пакости да и везде то — ничего себе, пока закрываешь глаза, а как только не стараешься не думать, такое угнетение находит на душу, таким паршивым себя чувствуешь... Не выходит на бумаге, что мне хочется сказать.

Прощай, голубчик мой. Ах, Надюша, скучно, скучно. Видеть тебя для меня становится такой постоянной потребностью, что я боюсь, не начинаю ли я тебя уж чересчур любить. Не боишься ли ты этого? Мне кажется, влюбленные люди всегда глупы немножко, даже скорей много глупы.

До свиданья, до понедельника, если только завтра не прийду, что очень может случиться, и не застану тебя, что очень может не случиться. Целую тебя.

Твой *В.*

Поедем в четверг к Володе?

272. *Н. М. Золотиловой*

⟨5 декабря 1882 г. Петербург⟩
Саперный, д. 10, кв. 14.

Дорогой мой друг, вчера доктор очень успокоил меня: никаких, так сказать, конституциональных изменений у меня нет, а просто острое воспаление, так что при аккуратном лечении я поправлюсь довольно скоро. Операция была уже менее мучительна. Позволил мне со вторника ходить (лучше, говорит, ходить, чем ездить) в Гостиный.[214] От доктора добрался потихоньку до Латкиных; Бобы не было; оставил ей записочку с просьбою отвезти книжки. Боюсь я, что она обидится за оставленные мною 30 коп. на извощика, а заставлять ее тащить груз было, право, совестно. Боба, представь себе, дома никому не сказала, что ты была у нас, так что я первый сообщил В. М. о сем Зальцбургском Свидании. Вера Мих. нашла, что «худой мир лучше доброй ссоры». Что-то говорит мне, что, может быть, этот мир и не будет уж таким худым. Как бы то ни было, голубушка моя, никогда не забуду я твоей доброты, и не знаю, какого мне, дураку, нужно еще доказательства твоей любви и нежности.

Таня вернулась с бала от Вышнеградских в 6 часов. Конечно, оказалась на высоте своего величия; какие-то гвардейцы ухаживали, а один, разумеется, «не отходил». И прекрасно. Тяжело это

очень, но должен сказать, что эта девушка открывает мне новые несимпатичные стороны своего характера; тем более тяжело, что я искренно люблю ее и чувствую себя много обязанным ей. А впрочем, пущай! Довольно и того, что я тут не причина.

Все-таки не могу сказать, прийду ли к тебе во вторник. Если ты не будешь у нас, то наверно прийду, хоть бы и больной (не думай, голубчик, что эти слова служат для припуждения тебя притти к нам); мне уже и теперь скучно и кажется, что уж давно-давно не видел тебя, хорошая моя, дорогая. Ответь мне на это письмо, где ты будешь завтра (в понедельник) вечером, и поздно ли возвратишься с Калинкинских курсов во вторник? Цалую тебя.

Очень любящий тебя *Всеволод*

Воскресенье. 3 ч. дня.

18 $\frac{5}{XII}$ 82.

1883

273. *Е. С. Гаршиной*

⟨Начало 1883 г.⟩

Дорогая мама! Получил место секретаря Съезда Железных Дорог. Занятия с 11 до 2—3; жалованья 1200. В понедельник приходить в первый раз.

Ваш *В.*

274. *В. А. Фаусеку*

(Отрывок)

18 мая 1883 г. Петербург.

...Ваше письмо о бедной Наде глубоко взволновало меня, но, по правде сказать, удивило очень мало.[215] Разучились ли мы все (ныне живущие люди) удивляться, — чего-чего не насмотрелись! — или просто такого исхода жизни Нади нужно было ожидать — не знаю. А впрочем, думаю, что последняя причина вероятнее. Право, как посмотришь теперь, когда уже все кончено и решение задачи найдено, на данные этой задачи, так кажется, что иначе и быть не могло. Что могла дать ей жизнь, да еще при такой редкой гордости? Может быть, и было что-нибудь, что спасло бы ее от смерти, если бы она снизошла до того, чтобы нагнуться и поднять это что-то, но она предпочла поступить, как тот испанский король, который задохся, а не вынес жаровни с угольями из своей спальни, потому что по этикету выносить жаровню должен был особо назначенный для этого дон или там гранд какой-то: гранда этого не случилось и король умер. Написал я это, да и боюсь, что вы поймете меня не так: я ничего дурного о Наде сказать не хочу, а только думаю, что у нее были чересчур большие требования от жизни. А впрочем, все это, м. б., вранье. Все люди, которых я знал, разделяются (между прочими делениями, которых, конечно, множество: умные и дураки, Гамлеты и Дон-Кихоты, лентяи и деятельные и проч.) на два разряда, или вернее, распределяются между двумя крайностями: одни обладают хорошим, так сказать, самочувствием, а другие — скверным. Один живет и наслаждается всякими ощущениями: ест он —

радуется, на небо смотрит — радуется. Даже низшие физиологические отправления совершает с видимым удовольствием. Прийдет из ватерклозета и говорит; «ну, брат, да и хорошо же я... и проч.». Это я не раз слышал, да наверно и вы тоже. Словом, для такого человека самый процесс жизни — удовольствие, самое сознание жизни — счастие. Вот как Платоша Каратаев. Так уж он устроен, и я не верю ни Толстому, ни кому, что такое свойство Платоши зависит от миросозерцания, а не от устройства. Другие же совсем напротив: озолоти его, он все брюжжит; все ему скверно, успех в жизни не доставляет никакого удовольствия, даже если он вполне налицо. Просто человек неспособен чувствовать удовольствия, — неспособен да и все тут. Отчего? — конечно, не я вам это скажу: когда Бернары найдут хвостики самих хвостиков нервов [216] и всё поймут и опишут, тогда сейчас и объяснят. Посмотрят под микроскопом и скажут: ну, брат, живи, потому что если тебя даже каждый день сечь станут, то и тогда ты будешь доволен и будешь чувствовать себя великолепно. А другому скажут: плохо твое дело, никогда ты не будешь доволен; лучше заблаговременно помирай. И такой человек помрет. Так умерла и Надя. Ей тоже все сладкое казалось горьким. Да и сладкого немного было...

Служу, женат. Вообще «очень потолстел и играет на скрипке»,[217] насколько может предаваться такому занятию человек, который по устройству своему тоже склонен принимать сладкое, если не за горькое, то за не очень сладкое. Насколько я могу быть доволен, кажется, доволен. Недоволен только тем, что почти ничего не пишу. Пугаюсь даже, Виктор Андреевич, не кончил ли я своей литературной карьеры. До такой степени трудно писать, думать, что я и не знаю. В голове ли у меня совершается какой-то скверный процесс («хвостики» портятся), или это «так» — временное затмение напало? Не знаю, но только хотя писать охота смертная, да участь горькая — ничего не выходит...

275. *В. М. Латкину*

(Отрывок)

СПБ. 3 июня 1883 г.

Карамзина подчитывал, думаю купить Соловьева...

276. *Е. С. Гаршиной*

9 июня 1883.
СПБ.

Дорогая мама, что-то долго вы ничего не пишете, так что я начинаю немного беспокоиться. Представьте себе, что только

сегодня я получил от Лебедева 100 р.; так как А. К-не деньги были очень нужны, то я достал в долг 60 р. и дал ей в понедельник, а сегодня завез остальные 40. Раза 4 был у Лебедева: все не заставал, а он на мои усиленные просьбы ответить, когда можно приехать за деньгами, ответил только вчера. Ну да, слава богу, это дело покончено на месяц.

Живем мы с Надей очень удобно и покойно: воздуху и места много, до Екатерингофа всего 8—10 минут ходьбы, так что почти каждый вечер ходим туда гулять. Влад Фед. почти никогда дома нет, а Лизав. Фед. до сих пор не уехала; не оправилась еще от болезни; едет в конце этой недели.

Посылаю вам обратный и прямой билеты М.-Бр. дороги; может быть, вам придется зачем-нибудь съездить в Москву; тогда и прямой пригодится. Билет же по Николаевской дороге непременно выправлю и пришлю. На этот счет не беспокойтесь; обратно в Питер поедете совсем даром.

Я теперь пишу и довольно много; обещал Мих. Евгр. ⟨Салтыкову⟩ к 1 июля доставить первую часть. Не знаю, каково-то выйдет у меня первая длинная вещь: описываю Старобельск.[218] Около листа уже написал и вообще пишется довольно легко. Жду с нетерпением от вас письма, да напишите, не нужно ли вам хоть немного денег: ведь вы доехали без копейки, а без денег даже и даром жить не совсем-то удобно.

Надя обнаруживает удивительные хозяйственные способности; едим мы теперь так хорошо и недорого, что я не ожидал. Вообще, чем дальше, тем я больше решаюсь жить с осени уже на своей квартире, тем более что цены на них замечательно падают, а тут еще целых полтораста новых домов строится в городе.

Глеб Иваныч соблазняет меня ехать к 26 июня на 500-летие явления Тихвинской б. м. в Тихвин. Действительно, ведь со всей России напрет туда народа, и посмотреть такую штуку будет крайне интересно. А тут еще представляется возможность через Николадзе достать даром маленький пароходик и совершить все путешествие водою и совершенно самостоятельно. Вероятно, с нами поедет и Миша Малышев. Кстати: сегодня три года как он женат; зовет нас приехать к себе в колонию, да погода что-то не очень.

С нетерпением слежу за телеграммами о Харьковской шерстяной ярмарке; цены, кажется, недурные, 10—11 р.: очень кстати были бы эти деньги.[219] А если бы к сентябрю кончить повесть, то тогда и совсем недурно было бы.

До свиданья, дорогая моя; кланяюсь Жоржу с женой. Надя кланяется. Сашу и прочих поцалуйте.

Любящий вас *Всеволод*

277. *Е. М. Гаршину*

13 июня 1883.
СПБ.

Дорогой брат, посылаю тебе кастрюльку и банку бульону: последнюю, когда откупоришь, лучше держи в холодном месте. Посылаю также и марки. Напиши, не нужно ли еще чего-нибудь. От мамы получил два письма: одно с дороги, а другое уже из Мстиславля с подробным описанием местности, семьи Егора и всего прочего. Жду жалованья, чтобы послать ей немного денег.

Живем мы очень благополучно; я понемножку пишу; обещал Салтыкову к 1 июля представить ему первую часть повести, но вряд ли поспею так скоро; во всяком случае к осени приготовлю повесть.[220] Очень бы мне хотелось дать тебе возможность до января *совсем* не зарабатывать денег, и кажется, это удастся, так как все-таки, хоть медленно, но верно пишу каждый день.

Да кроме того и книжка очистится в самом непродолжительном времени.

Болдакова не видел, но если ты дашь к нему какое-нибудь поручение, охотно схожу; напиши только адрес, потому что у меня его нет. Фаусек ничего не пишет, хотя я давно уже послал ему письмо; написал бы снова, да не знаю, в Харькове ли он. Вообще, кроме Нади да Лизав. Фед. (которая в среду уезжает) и Влад. Фед., почти никого не вижу. Глеб Иванович соблазняет меня поехать к 26-му июня в Тихвин на 500-летие иконы б. матери. Может быть, с нами и Малышев поедет.

Напиши мне, сколько часов берут у тебя самые уроки.

Писать, право, больше нечего. От Лебедева едва добился денег (100 р.), так что пришлось достать 60 р., чтобы дать Анне Карловне. Сегодня она уезжает.

До свиданья, дорогой мой. Крепко обнимаю тебя.

Твой *Всеволод*

278. *Е. С. Гаршиной*

$18\frac{15}{VI}83$. СПБ.

Очень рад, дорогая мама, что имею возможность послать вам деньги раньше получения жалованья. Получил ваше письмо из Мстиславля; невеселые вещи все вы пишете.

От Жени получил одно письмо; просит выслать Либиховского бульона и кастрюльку для варки лекарства; и то и другое уже купил и зашил, а завтра пошлю по почте. Сегодня проводил Александра Яковлевича в деревню.

Живем мы очень благополучно. Лизавета Федоровна уезжает только завтра; Владимир Федорович очень редко бывает дома. Писал ли я вам, что мы с Успенским собираемся в Тихвин на

500-летие Тихвинской б. матери. Представьте себе, «Эхо» уже напечатало об этом известие. Понемногу продолжаю писать; кажется, этот рассказ кончу, только не скоро, потому что он довольно велик.

Познакомился с Надсоном; необыкновенно симпатичный юноша. Он оказался вовсе не артиллеристом, а просто пехотинцем 37 дивизии. Хочется сойтись с ним поближе: очень привлекательный человек. Виленкин благополучен; дело его, кажется, кончается ничем, т. е. он останется целым и невредимым. А вот беда, так беда: ходит слух, что главноуправляющим по делам печати назначается... Катков. Не знаю, что и будет! Слух довольно упорный.

До свиданья, дорогая моя; простите за коротенькое письмо, да писать-то больше нечего.

Надя вам кланяется. Крепко целую вас. Сашу тоже. Жоржу и Жене посылаю низкий поклон. До свиданья.

Любящий вас *В.*

P. S. Струковы что-то денег еще не шлют. Ярмарка в Х⟨арькове⟩ кончилась.

279. *В. М. Латкину*

СПБ. 22 июня 1883 г.

В пятницу еду с Успенским и Мишей ⟨М. Е. Малышевым⟩ в экскурсию на богомолье. В Тихвине празднуют 500-летие явления Тихвинской иконы божьей матери, так вот мы хотим посмотреть на сие торжество и свойственные ему чудеса...

Завидую тебе в том отношении, что ты читаешь на свободе Спинозу. Когда я читал его, то мне приходили в голову те же мысли, что и тебе: как К. Ф. будет критиковать систему и что я сделаюсь спинозистом. Однако современем впечатление ослабело: слишком теория отвлеченна и слишком мало связана с жизнью. Так что осталось воспоминание о прелестном симпатичном художественном произведении, а применения системы к объяснению жизни не вышло ни на грош. Чтобы быть спинозистом, нужно быть Спинозой и жить так, как он. Нужно *не думать* так, как он, а быть таким.

Читаю я теперь всю беллетристику. Прочел Бальзака «Евгению Гранде»; что за огромный талант! «Мизераблей» читаю по-французски; удивительная смесь чувства и надутости, ума и (смелое слово!) глупости, художества и балагана. Новый роман Гюи-Мопассана начал читать: умно и твердо, но только все-таки видишь Флоберова раба. Хочу достать «La tentation de S. Antoine». По тем отрывкам, которые знаю, это нечто колоссальное. У нас в литературе за эти месяцы ничего нет. Один Г. Ив. ⟨Успенский⟩ ужасно рассмешил, рассказывая, как при приготовлении икры на

доску садится российский мужик и, нажимая на нее своими природными дарованиями, без всякого посредства интеллигенции и Запада, производит ценность в 100 р.[221] Салтыков не пишет...

Тороплюсь кончать рассказ; выходит слабовато. Большую вещь отложил до окончания этого рассказа.[222] Жаль, что выходит довольно нецензурно, и не знаю, пустит ли Салтыков.

Познакомился с Надсоном; что за милый, прелестный юноша! И какую он мне прочел новую вещь: просто не верится, что ему только 20 лет. И неужели ему суждено отцвести, не успевши расцвесть? Он такой дохлый и чахлый и грудь болит...

На службе у меня затишье, придешь, распечатаешь два-три пакета, запишешь их и сидишь часа два-три за газетами или пишешь рассказ, или письмо, как теперь. Вообще, кроме времени съездов, эта должность почти синекура. Не только не утомляешься, но как-то лучше чувствуешь, сходив сюда. Отношения к сослуживцам у меня весьма дружественные...

P. S. А знаешь ли ты, какой слух ходит? Будто главным начальником по делам печати будет Катков!

280. *Е. М. Гаршину*

⟨2/VII 1883⟩

Дорогой Женя, посылаю тебе книжку под бандеролью и прошу уведомить о получении.

Третьего дня вернулись мы с Мишей (Г. Ив., за которым мы заезжали, не мог ехать) из Тихвина. Путешествием я остался очень доволен; в Т. мы нашли Буткевича и, пробыв у него сутки, вернулись через Н⟨овую⟩ Ладогу и каналы. Болдаков обещал тебе написать; написал ли? Корректуру для А. Я. я начал уже держать. Струковы денег не прислали, о чем пишу маме для того, чтобы она сделала им надлежащее представление. Пишу это письмо на службе и тороплюсь поэтому. До свиданья, дорогой мой.

Твой *В. Гаршин*

2 июля 1883.
СПБ.

281. *Г. И. Успенскому*

2 июля 1883 г. СПБ.

Дорогой Глеб Иванович!

Третьего дня мы с Малышевым наконец добрались до Петербурга; вчера же я пошел к Павленкову и говорил с ним. Он *очень хочет,* повидимому, издавать вас, но попросил *неделю* на обсуждение. В будущую пятницу даст решительный ответ; во

всяком случае он даст вам более 1500 р. и выговорит себе не бесконечность экземпляров, а тысяч 5—6. Мне очень хотелось бы, чтобы издавал именно он, а не кто-нибудь другой, но если он не согласится, пойду к Карбасникову и ко всем чертям.[223] Павленков взял неделю на обсуждение потому, что последнее время предпринял кучу изданий и теперь у него маловато средств. Но я все-таки надеюсь, что он согласится, и вы получите за 3 тома рублей 2500—3000.

До свиданья.

Искренно ваш *В. Гаршин*

282. *В. А. Фаусеку*

СПБ. 18 9/VII 83

Последнее письмо с печальною историею юнкера Шмидта получил давно, да долго собирался отвечать, а тут еще подвернулась поездка в Тихвин на 500-летие Тихвинской иконы божьей матери. Ездили мы с Малышевым и проездили прекраснейшую неделю. Туда ехали по железной дороге и на почтовых, а назад — на почтовых и на пароходе по Сяси, каналам и Неве.

Пишу, В. А., и пишу разом три рассказа: понятно, что все три (из которых один большой и кончится очень не скоро) подвигаются весьма медленно. Один относится к временам моего сиденья на Сабуровой даче: выходит нечто фантастическое, хотя на самом-то деле строго реальное...[224]

Письмо это пишу на службе, на которой хоть шаром покати — делать нечего теперь, в летние месяцы. Чувствую, что ежедневное хождение в определенное место и недолговременное там сиденье (часа $2^1/_2$—$3^1/_2$) приносит мне большую пользу со стороны, так сказать, психо-гигиенической. Работа, когда и есть, так мало утомительна, что совсем нельзя сравнивать с той каторгой, которую я вынес, когда был a gentleman of City (т. е. служил в Гостином дворе). Там я действительно попробовал труда.[225]

Что вам еще сказать о себе? Послезавтра минет полгода, как мы обвенчались, и эти полгода — самые счастливые дни моей жизни; и чувствуется, что так пойдет надолго, если не вмешаются какие-нибудь внешние обстоятельства...

283. *Е. М. Гаршину*

СПБ. 10 июля 1883.

Дорогой Женя! Модест уехал в Харьковскую губернию; поэтому я ничего не мог узнать. Посылаю тебе письмо мамы обратно, чтобы ты написал к Ренцу.

Все у вас благополучно. Послал матушке «О. З.» и начал посылать под бандеролью «Новое Время».

До свиданья, дорогой мой.

Твой *Всеволод*

284. *Г. И. Успенскому*

10 июля 1883 г. СПБ

Дорогой Глеб Иванович!

Мы поладили с Павленковым на следующих условиях: 1) он платит вам по 30 руб. за п. лист, т. е. за три тома 2250 руб., 2) 500 рублей вы получаете при заключении условия, т. е. сейчас же. 500 рублей он выплачивает долгосрочным векселем на Псков. Остальные 1250 руб. уплачиваются помесячно суммами от 50 до 100 руб. в месяц. Павленков предлагает платить по 75 руб. в месяц, т. е. выплатить всю сумму в $16^1/_2$ месяцев, 3) Павленков не решил еще, будет ли он издавать издание иллюстрированное или нет. В первом случае он выговаривает себе право издания 6000 экземпляров в два раза; во втором случае издает только 4000 экземпляров, 4) права и обязательства издавать следующие томы ваших сочинений он на себя не берет, ограничиваясь на первый раз только тремя томами, но не отказывается, если все будет благополучно, взяться и за следующие тома по взаимному соглашению.

Отвечайте на мое имя: когда вы приедете заключать условие, если вы согласны.

Искренно вас любящий *В. Гаршин*

285. *Е. С. Гаршиной*

СПБ.
14 июля 1883.

Дорогая мама! Вчера получил ваше письмо с такими печальными известиями о Жоржевой семейной жизни. Господи, что за несчастная судьба этого человека и что за несчастное умение выбрать из всего — самое что ни на есть поганое. Я думаю, вы не долго пробудете в Мстиславле, в виду всех этих обстоятельств. Во всяком случае я вышлю вам билет по Николаевской дороге (до Москвы у вас уже есть). Получили ли вы «Отечественные Записки»? Я выслал их с неделю тому назад. Кроме того я посылаю каждый день на имя Жоржа «Новое Время», получаете ли вы его? 20 вышлю вам 10 рублей; простите, что мало, дорогая мама.

Я устроил издание сочинений Глеба Ивановича: сторговался с Павленковым на условиях, довольно выгодных для Успенского. Вчера даже телеграмму от него получил, пишет: «очень, очень благодарю». Жаль было бы, чтобы его обобрали.[226] Анна Карловна

прислала мне поручение, вытребовать из Думы свидетельство о воинской повинности для Саши; завтра пойду туда.

Живем мы очень хорошо и ладно; дай бог, чтобы провести целые годы так счастливо, как эти первые полгода после нашей свадьбы. Чем дальше, тем я больше привязываюсь к Наде и знаю, что никогда не раскаюсь в том, что связал с ней судьбу. Право, даже странно сказать: ни одного облачка нет между нами.

От Анюты не получил ни одного письма; вчера написал ей с просьбою известить о себе. Судя по словам Глеба Ивановича и Андрея Васильевича, она весела и вообще ей, кажется, живется недурно.

На службе у нас теперь в летние месяцы положительно нечего делать: сижу, пью чай, пишу письма, рассказ и держу корректуру Гердовской зоологии. Дело по службе сделаешь по приходе в четверть часа, а остальные часа два-три совершенно свободен. Долг Безанту выплачен весь; Розенталю остались какие-то пустяки, а если присчитать один долг из Москвы, то ничего не осталось. Вот и окупилась книжка; если она будет итти так же, как и теперь, то в апреле или мае прийдется печатать новое издание, тысячи две экземпляров. Хотелось бы разом с этим новым изданием выпустить первое издание новой книжки.

Недавно были на даче у Малышевых. Очень они радушно принимают нас.

На будущей неделе, вероятно, опять поедем в Тихвинский уезд к Буткевичу вместе с Митрофаном Петровичем и Безантом. Какие там прелестные места. Чуть не забыл написать: Женя прислал мне ваше письмо о глухонемом мальчике; я сейчас же отправился к Модесту, но оказалось, что он с Женой уехал в Старобельск; квартиру сдали, а куда девали мебель — не знаю.

Ваши переводы Коппе взял читать Плещеев; Михаил Евграфович уехал до 25 августа за границу. До свиданья, дорогая моя мама. Крепко целую вас. Надя тоже. Поклонитесь Жоржу и поцелуйте Сашку.

До свиданья.

Любящий вас *Всеволод*

286. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. $18\frac{20}{VII}83$.

Дорогая мама, посылаю вам 10 р. Очень меня удивило ваше письмо по поводу дифтерита у Зворыкиных; я совсем не понимаю, как можно так беспокоиться за Женю, когда больная отделена и в доме два доктора, из которых один профессор. Да как вам не грешно, дорогая моя, писать о том, что если «это случится», то вы останетесь в Мстиславле. Это значит

и Сашу и себя осудить на какую-то вечную муку, да еще и ничем решительно не вызванную. Неужели вы думаете, что я в самом деле допустил бы, чтобы вы остались в Мстиславле.

Последнее время мое писанье немножко остановилось: все-таки думаю в сентябре будет напечатан рассказ, потом будут готовы еще два. Ужасно будет обидно, если в самом деле «О. З.» перейдут к Страхову. Напишите, получили ли вы 6-ю книжку?

Получил письмо от Анюты, она, повидимому, очень довольна своим положением; думает приехать сюда около половины августа. Устройство издания Глеба Ив. у Павленкова благополучно кончилось; к Буткевичу мы с Надей не поедем; денег много выйдет, да и не стоит ехать на два-три дня, а больше мне нельзя, потому что нужно держать корректуру «Зоологии» Герда, которую приносят каждый день. По правде сказать, мы немножко уже скучаем: хочется зимы и жить на своей квартире. А Струковы как на зло не присылают денег; нам непременно нужно бы истратить руб. 75 — 50 на кое-какую мебелишку: нет ни дивана, ни стульев. Книжка очистилась, так что, пожалуй, теперь Розенталь должен мне какие-то пустяки. Как мне хотелось бы второе издание выпустить вместе с новой книжкой.

Надя ходит почти каждый день в Калинкинскую больницу и учится довольно много. Мы почти никуда не ходим по вечерам; сидим дома и читаем. Владимира Федоровича почти никогда нет дома. Вчера явились гости: Миша и Дработухин и просидели часов до 12 ночи.

До свиданья, дорогая мама. Крепко целую вас.

Любящий вас *Всеволод*

Поклон всем.

287. *Е. М. Гаршину*

⟨1883⟩

Дорогой Женя, так как ты, по словам твоего письма, сидишь без денег, а получать с Зв⟨орыкиных⟩ тебе еще не скоро, и так как у меня теперь есть возможность, то посылаю тебе пять рублей. Прости, голубчик, что мало.

Искренно любящий тебя брат *Всеволод*

288. *Е. С. Гаршиной*

$18\frac{9}{VIII}83$. СПБ.

Давно я не писал к вам, дорогая моя мама, в чем очень прошу извинить меня. Сегодня был в «Деле» по своему делу и снес два ваши последние рассказа Коппе; они будут напечатаны в августе

или сентябре. Вероятно, возьму и другие два из «О. З.»: Салтыкова ждать слишком долго, а Станюкович напечатает с удовольствием. Билет по Ник. ж. д. вышлю вам дня через два или три: об этом не беспокойтесь.

Приехал Володя, который за лето не очень-то поправился, хотя ухудшения нет. Его бедного очень беспокоит корсет; от постоянного пота вся спина покрылась сыпью. От Струковых ничего нет; неделю тому назад послал я к Ив. Тим. самое любезное письмо с просьбою прислать хоть 100 р., если нельзя 200. Как на зло в настоящую минуту денег мало и никак не могу выслать Жоржу резиновое пальто, но при первой же возможности непременно сделаю это; я испытал на себе, что значит не высыхать по нескольку дней.

У нас всё благополучно: 20 авг. перебираемся на свою квартиру куда-нибудь на Пески, но поближе. Надя здорова и кланяется вам. От Жени недавно получил маленькое письмецо.

Что сказать еще? Право, писать почти нечего, тем более, что на-днях буду посылать вам билет и тогда напишу опять.

До свиданья, дорогая мама. Целую вас и Сашку. Жоржу поклон.

Ваш любящий *В.*

289. *Е. С. Гаршиной*

<10—11 августа 1883 г.>

Дорогая мама! Вы уже получили, вероятно, то письмо, в котором я писал о билете; хотя с этим письмом я и не могу еще выслать его, но убедительно прошу вас не беспокоиться. Я не мог раньше хлопотать о нем, потому что билет Главного общества имеет силу *только на месяц* и если бы я выслал его вам в июле или июне, то пришлось бы все-таки высылать новый в августе. Третьего дня я был в Гл. общ. с старым билетом и мне сказали, что он уже негоден, что нужно подать докладную записку председателю Совета. Так как это, во-первых, долгая история, а во-вторых, мне делать помимо Франца Егоровича ничего нельзя, то пришлось обратиться к сему последнему, который обещал доставить билет в среду. В четверг он пойдет по почте (18 августа) и до 25, в неделю, во всяком случае поспеет к вам. Во всяком случае, поверьте, дорогая мама, что я ничуть не неглижировал этим делом и делал и делаю всё, от меня зависящее.

Кроме того я имею сообщить вам вот что: не поручите ли вы сыскать квартиру? Я взялся бы за это с большим удовольствием, чтобы избавить вас от беготни тотчас после приезда. Напишите мне, пожалуйста, дорогая моя: 1) цену (приблизительно), 2) место, 3) число комнат. Вместе с этим пишу Жене,

чтобы он выслал мне записку от Зворыкиных, для выдачи мне мебели. К вашему приезду (вероятно 28 или 29) я перевез бы и по возможности устроил бы вам квартиру.

Мы с Надей уже наняли себе квартиру в том же доме, где жили весною, но этажем выше, 3 комнаты с водою и дворником, но без дров за 24 рубля. Переедем 20-го. Во всяком случае к вашему приезду мы уже переедем, и вы остановитесь у нас. (9 улица, д. № 20/37, кв. 10). Отвечайте мне поскорее относительно квартиры; мне казалось, что мне больше времени походить и выбрать, чем вам. На Литейной отдаются квартиры с дровами и водой, 3 комнаты 324 р. в год, мы бы наняли там, да Наде далеко.

До свиданья, дорогая моя. Крепко вас целую. Я очень уже соскучился по вас и по Жене. О билете не беспокойтесь. Если и Фельдман не достанет, то все-таки, прошу вас, поезжайте во втором классе, я лучше согласен заплатить и за первый, чем знать, что вы будете мучаться целые сутки в третьем.

До свиданья. Надя кланяется вам.

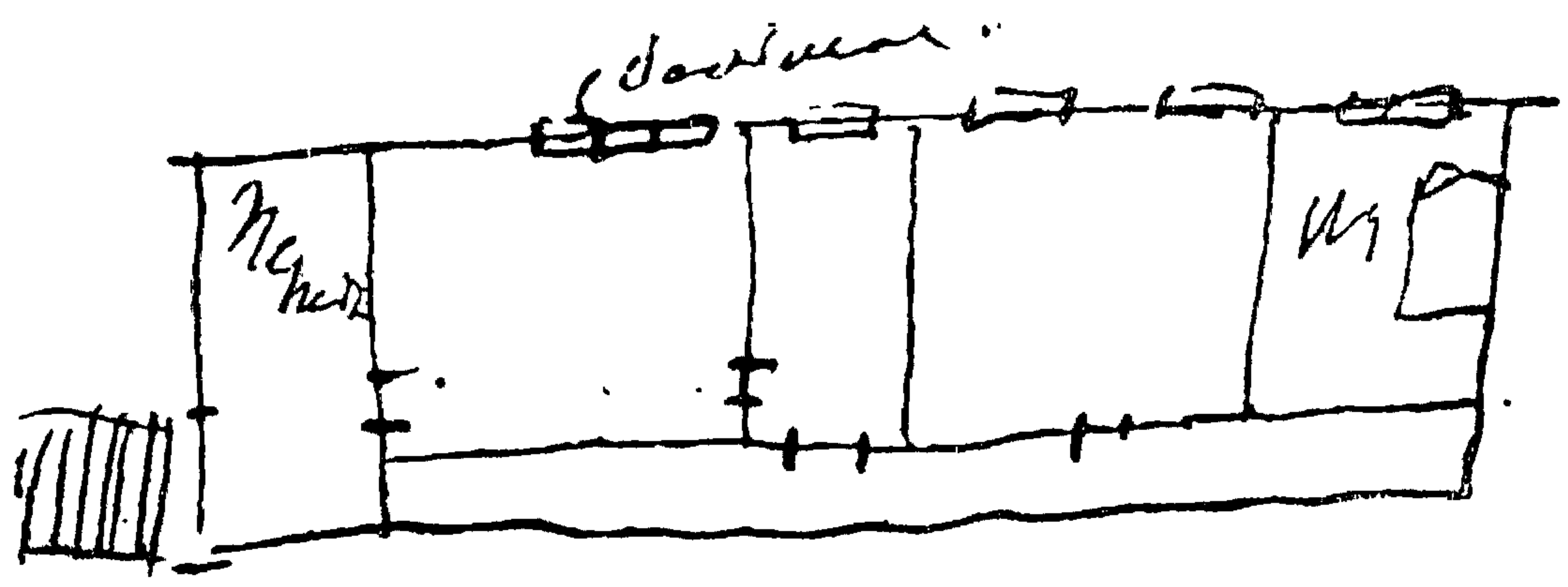
Искренне любящий *В.*

Жоржу поклон.

290. *Е. М. Гаршину*

22 августа 1883 г. СПБ.

Дорогой Женя, посылаю тебе 5 марок. Вчера были Струковы у нас и Модест сказал, что деньги И. Т. вышлет в сентябре или начале октября. Это очень неприятно; денег на мебель и всякое обзаведение выходит много, а до сентября еще далеко. Напиши скорее, согласен ли ты дать 40 р. за кв. в Эрт. пер., д. д-ра Краевского, с дровами и водой.



Писать больше нечего, до свиданья, дорогой мой.

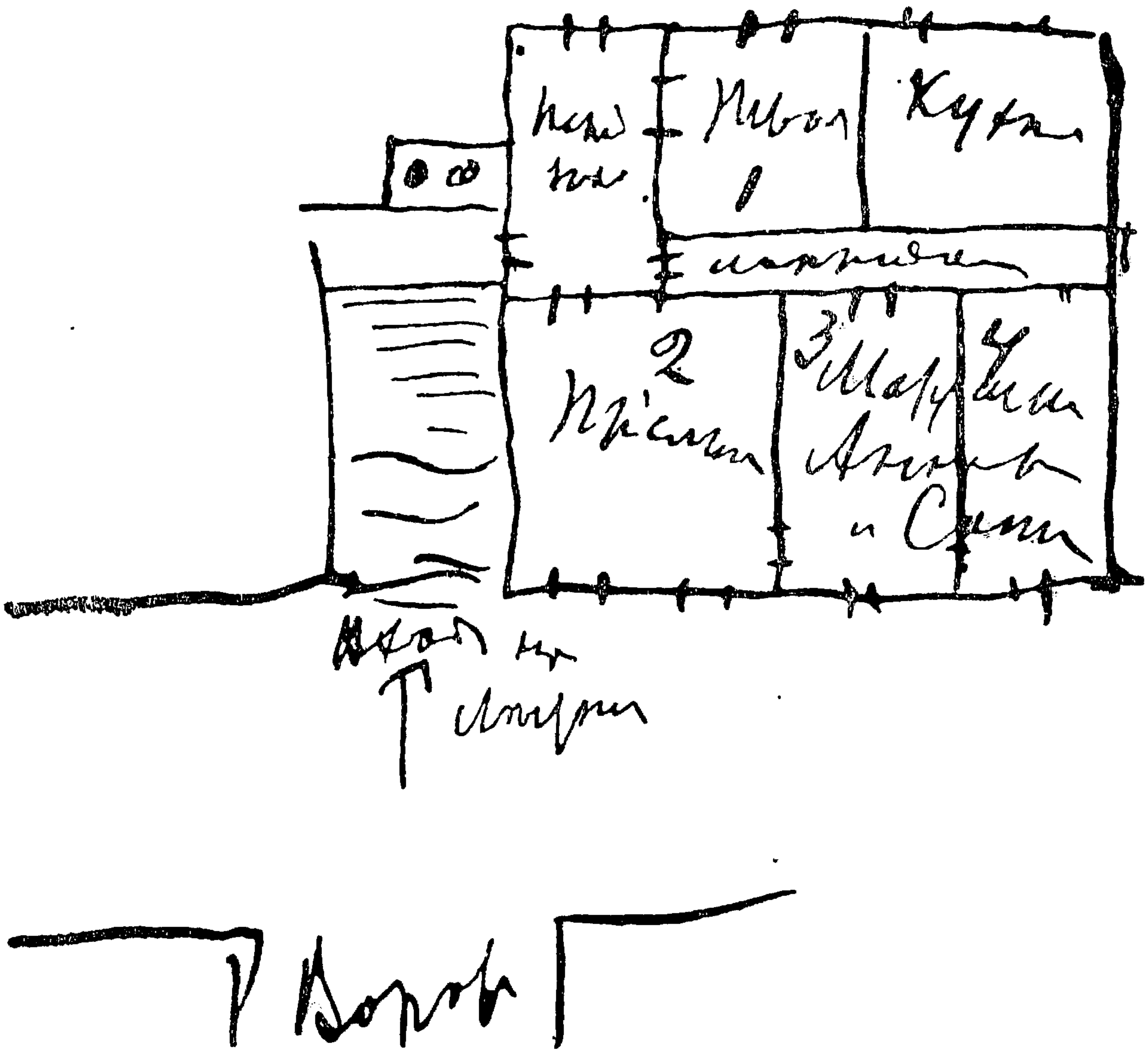
Твой *В. Гаршин*

291. *Е. М. Гаршину*

25 августа <1883 г.>

Дорогой Женя, отвечай мне как можно скорее. Я нанял вам квартиру и дал 2 р. задатку, но боюсь, что вы не одобрите моего поступка по дороговизне квартиры. Но, право, исходил все возможное.

Квартира в Эртелевом переулке, д. № 7. Прямо из ворот вход в подъезд, во втором этаже (над жилым подвалом). Лестница теплая *и на ней ватерклозет теплый*, с печкой и с водой, как следует.



Передняя большая, светлая, точно комната. Заново все выкрашено, вымазано, чисто и хорошо.

Имей в виду, что твоя комната *совершенно* отдельна.

Цена квартиры немножко высока. Я торговался, как жид, и вот результаты: 35 р. квартира, 3 р. дворнику, но без дров. Дрова теперь стоют 5 р.—5 р. 50 березовые, а сосновые 3—4 р. и их нужно на квартиру в месяц около сажени. Так что вся квартира будет стоить ок. 42—43 р. в месяц. Если матушка будет роптать, я приму на себя и расходы и хлопоты по покупке дров и буду их поставлять. Скорее отвечай. Мне очень бы хотелось, чтобы вы взяли эту квартиру: очень милая.

До свиданья. Пиши как можно скорее. Твой *В.*

Адрес: *Пески*, *9 улица*, д. № 20/37, кв. № 10.

292. *В. А. Фаусеку*

(Отрывок)

<Октябрь 1883 г.>

Я очень благополучен, дорогой мой друг, даже в сущности счастлив, внешне и лично, разумеется, ибо благородство души

моей столь велико, что уловляя себя на минуту на мысли, что жить вообще хорошо, сейчас же подыскиваешь какую-нибудь пакость для приведения себя в должное состояние страдальца по Достоевскому и К°.....

293. *С. Я. Надсону*

<Около 9 ноября 1883 г.>[227]

Дорогой Семен Яковлевич!

К большому моему горю я занят в субботу и никак не могу приехать к вам в Кронштадт. Поверьте, что тут причина не нежелание, а невозможность; мне уже давно хотелось побывать у вас и, по всей вероятности, скоро я и соберусь и упаду к вам на голову, яко снег. Чтение для меня прошло весьма благополучно: к величайшему моему изумлению у меня оказался голос, совершенно достаточный для большой роли.

До свиданья, надеюсь, скорого. В самом деле, приезжайте сюда почаще. Кстати, Минский читал мне свою трагедию, ведь и мне она, за весьма малыми исключениями, очень понравилась.

Искренно ваш *В. Гаршин*

Зачем вы делаете из себя андерсеновского «Гадкого утенка»? Право, Семен Яковлевич, к вам он вовсе не идет; позвольте уверить вас, милостивый государь, что вы лебедь, самый подлиннейший лебедь.

В. Г.

294. *В. М. Латкину*

(Отрывок)

Спб. 9/21 дек. 1883 г.

Новостей у нас особенных никаких нет; разве, что работы по съезду у меня стало теперь много, потому что он оканчивается 15-го; пишу разные доклады, вожусь с типографиею и прочее. Впрочем, через две-три недели все это кончится и опять будет благоденственное житие. Теперь, конечно, не пишу ничего; в январе же примусь за работу и, кажется, прилежно...

По поводу «Красного Цветка» познакомился со мной психиатр Николаевской больницы, доктор Сикорский...[228] Не по этому поводу, а вообще скажу, что эта наука — психиатрия — меня восхищает. Великим психиатрам (пока их почти не было) будет дана великая власть и добрая власть, ибо великий психиатр не может быть скотом...

Вышел I т. Достоевского, содержащий в себе его переписку.[229] Дурную услугу оказали ему Страхов и Майков. Если бы мне довелось писать подобные гадости и потом увидеть их напечатанными — право, повесился бы. Кроме прежних черт новая — такая

невыносимая хлестаковщина (в ранних письмах, периода «Б. людей»), что дико видеть подпись «Ф. Достоевский».....

Вот одиннадцатый месяц, как мы обвенчались. Всегда буду помнить этот год с благодарностью богу и судьбе. И надеемся, что наша жизнь будет долго также спокойна (глупое слово, — найди сам): очень уж мы с нею сошлись...

295. *В. М. Латкину*

(Отрывок)

23 дек. 1883 г.

6-го были мы вместе с Васей у Х⟨амонтова⟩, — собралось на именины человек 15 молодых учителей, адъюнктов, лаборантов и прочей ученой братии. Нехорошее я вынес впечатление. Разговоры об единицах, решение геометрических курьезов, разговоры о трихлорметилбензоломилоидном окисле какой-то чертовщины (я, конечно, наврал в этом названии, как дикарь — но si non e vero, e ben trovato) — это часть первая. Гнуснейшие в полном смысле слова анекдоты — соединение ужасной чепухи с бесцельной и неостроумной похабщиной (какая-то турецкая или ташкентская) — это вторая. Основательная выпивка—третья. И больше ничего. Ни одного не только разумного, а хоть сколько-нибудь интересного слова. Право, какое-то одичание...

Да и, вообще одичание. Как мы привыкли, напр., к этому свежеванию. Толкуют, конечно, потому что любопытно и интересно, но ужаса никакого, такого ужаса, какой испытывает человек в море, а он (ужас) вполне законен...[230]

296. *А. С. Суворину*

⟨31 декабря 1883⟩

Милостивый Государь

Алексей Сергеевич!

Исполнение выраженного Вами при нашем свидании 27 декабря намерения дать в вашей газете новый отзыв о биографии Писемского, написанной г. Венгеровым, вероятно, встретило препятствие в том обстоятельстве, что фирма Вольф изъяла из продажи эту биографию. В виду этого, позвольте просить вас принять прилагаемую при этом письме статью г. Венгерова.[231]

Примите уверение в совершенном почтении

Всеволода Гаршина

31 декабря 1883 года.

1884

297. *Г. М. Гаршину*

(Телеграмма)

(Подана 19-го января, 8 ч. 46 м. по полун.

Мстиславль. Следователю Гаршину. Все живы.

Всеволод Гаршин

298. *Е. С. Гаршиной*

18 $\frac{21}{I}$ 84. СПБ.

Дорогая мама!

Я решительно не знаю, чем объяснить ваши две телеграммы; получив первую из них в среду вечером (мне принесли ее со службы), я даже подумал, не случилось ли в самом деле чего-нибудь с Женей, которого я в тот день видел утром, а Надя даже в четвертом часу. Женя, конечно, вполне благополучен и даже бегает не особенно много; по крайней мере я постоянно застаю его дома. Впрочем, что об этом говорить; вы уже, конечно, получили обе телеграммы (от меня и от Ж.) и успокоились.[232] Какое у вас, дорогая моя, свойство, когда даже нет причин к особенному огорчению, создавать себе угрожающие призраки!

Мы живем вполне благополучно и смирно. В тот день, когда я вас проводил, я жестоко осрамился в Пушкинском кружке: пролопотал весь свой отрывок как дьячок, впрочем и публики-то было всего 100 ч., т. к. Грессер запретил танцы. Вчера, в пятницу, 20 янв. я венчал (был шафером) Юлю; до свадьбы храбрилась, бедная девочка, а перед самым венцом горько-горько плакала. Впрочем, за столом была очень весела и к мужу нежна. А сей последний влюблен, как кот. Совершенно некстати заболел у них Костя (накануне свадьбы) — припадок сердцебиения — 160 ударов пульса в минуту. Я никогда ничего подобного не видел.

Венчали, конечно, надув попа: О. О. и в церкви не была. Довольно парадно: певчие, кареты, хорошие ризы и благопри-

стойный обед у Пузино. Ор. Пол. очень добрый старик; нужно было видеть, как он читал Юле нравоучение и гладил ее по головке.

Что вам сказать еще? Выдали мне жалованье, уже 150 р. в месяц. Пишу я довольно усердно, но никогда не был так недоволен своей работой: совсем, совсем не то выходит, что хочется. Хочется представить известное лицо умным, а выходит глупая тряпица. Может быть, оно так и следует? Не лучше ли слушать то непосредственное, что сидит у тебя в душе, и писать, не мудрствуя лукаво.

Вчера предлагали мне редакторство новой еженедельной газеты, которую задумывает кружок, в числе которого вы знаете одного Буткевича. Я начисто отказался, Христос с ними. Будет с меня и беллетристики! Я не хочу уморить себя в два года, или, если не уморить, то посадить в сумасшедший дом.

Бедного Серг. Ник. ⟨Кривенко⟩ высылают или в Тамбовскую губ., или на Кавказ. Кто знает? Может быть, все к лучшему.

До свиданья, дорогая моя! Пишите почаще. Я буду стараться писать вам по субботам, но если я опоздаю на день или два, пожалуйста, не присылайте телеграммы, жив ли я.

До свиданья, дорогая моя. Надя кланяется. Всем поклон.

Ваш любящий *В.*

299. *Е. М. Гаршину*

Пятница, 24 января 1884 года.

Многоуважаемый и достопочтенный брат!

А. А. Давыдова зовет нас сегодня *в 7 часов* к себе для слушания драмы Н. М. Минского «Осада Хотина». При сем она пишет, что, не зная твоего адреса, она не может послать приглашения тебе и просит нас передать тебе таковое.

Твой искренно любящий *Всеволод Г.*

Просят не опаздывать (а впрочем, может быть, получишь письмо поздно, то и опоздай).

Снова погибаю в французских, английских, испанских, турецких и папуасских объявлениях.

300. *А. И. Эртелю*

Пятница, 27 I. ⟨1884⟩ [233]

«О милый мой, сколь твой упрек напрасен!» Я хотел сначала поговорить о Вашем, Александр Иванович, протеже с распорядителями судеб П⟨ушкинского⟩ кружка, а потом, зайдя к

Вам, сообщить результат. Так как Вы сами, судя по требованию Вами билетов, завтра будете в кружке, то я думаю, Вам самим было бы удобно поговорить с Лейкиным или Арнольдом; дело в том, что завтра я должен был бы быть в трех местах (кружок у compris) разом, а если Вы переговорите сами, то мне можно в кружок и не ходить. Билет прилагаю.

Ваш *В. Гаршин*

301. *Е. С. Гаршиной*

18 28/I 84. СПБ.

Дорогая мама! простите, голубушка, что я, не зная, что с Вами было, позволил себе в своем прошлом письме упреки за Ваши телеграммы. Я вполне уверен, что на Вашем месте сделал бы то же самое.

Женя, как кажется, вполне благополучен и, сколько я могу судить, часто сидит дома, по крайней мере, я почти всегда застаю его, когда захожу. Мы тоже живем попрежнему, т. е. хорошо; последнюю неделю почти никуда не ходили: надоело все до смерти и просто хочется сидеть дома. Вчера были у Давыдовых, Минский читал свою драму,[234] Рубинштейн играл в последний раз перед отъездом за границу; все приходили в восторг, а мне, странное дело, было очень скверно и скучно. Противно всякому моему ожиданию, музыка Р. в тот вечер не произвела на меня решительно никакого впечатления.

По съезду работы много. 16 февраля у нас опять заседание; с 1 марта, думаю, опять пойдет благоденственное и мирное житие.

Начал я было писать, да пришлось оставить: работы довольно много, и кроме того, встречаются препятствия иного характера. О чем ни возьмись писать — везде наткнешься на стенку, за которую переходить нельзя. Пока не пишу: все жду, не прийдет ли в голову *исключительный* сюжет (вроде всего, что я до сих пор писал) такой, где цензурные условия будут неприччем.

С. Н-ча ⟨Кривенко⟩ все еще держат. Говорят, вышлют в Тамбовскую губернию или на Кавказ.

«Ниву... ⟨*Отрезана строка*⟩ в начале той недели. Сегодня мне некогда будет пойти на Морскую, а завтра праздник. Напишите мне, есть ли у Вас в Мстиславле «О. З.»? и можете ли вы их доставать. Если нет, то я буду высылать Вам их заказной бандеролью. Я сказал Мих. Евгр., чтобы мне давали журнал, а он спрашивает: «да разве вам не дают»? В первой книжке хорошая статья Михайловского, Г. Иван. и самого Салтыкова.[235]

До свиданья, голубушка мама. Целую Вас и Сашу. Брату кланяйтесь. Что за чудище этот Ив. Егорович! Надя кланяется Вам.

⟨*Подпись отрезана*⟩

302. *В. М. Латкину*

(Отрывок)

30 января 1884 г.

Попытки писать удаются не особенно хорошо. В ночь на 1-е января написал сказку для павленковского сборника, да на том и покончил.[236] Теперь пытаюсь писать «большое» и из жизни, с бытописанием, но жизнь до такой степени переплелась с нецензурными явлениями, что постоянно натыкаешься на них и разбиваешь себе лоб.[237] Просто хоть брось. Нужно брать такие исключительные сюжеты, какие я брал до сих пор, чтобы не испытывать этого неудобства.

Читаю довольно много. Купил себе Шлоссера (XVIII в.) и все его читаю. Думаю понемножку научиться истории, а потом, потом — написать что-нибудь историческое. Очень бы мне этого хотелось, да только не знаю, когда я буду знать достаточно для того, чтобы писать историческую повесть или роман. Память у меня вроде решета стала: сегодня прочел — завтра нет ничего. А все-таки читаю Шлоссера с истинным удовольствием. У нас скверно. Газеты бросил читать, до такой степени вся жизнь преисполнена всевозможными свинствами...

303. *В. А. Фаусеку*

(Отрывок)

3 февраля 1884.

Теперь я «влачу жизнь». Именно не живешь, а влачишь жизнь, т. е. не прилагаешь к ней никаких стараний, а отдаешься пассивно: пусть будет, что будет. С нетерпением ожидаю перемены настроения (точно моряк ветра!), чтобы что-нибудь писать. Пробовал я было писать, да что-то не идет... Вчера мне минуло 29 лет. Довольно скверное чувство овладевает мной при мысли, что *тридцать* лет через год и что молодость прошла. А впрочем, куда ни посмотришь, молодость далеко не обретается в авантаже. Может быть и лучше, что моя молодость прошла...

304. *Е. С. Гаршиной*

4/II 1884. СПБ.

Дорогая мама!

Простите, голубушка, если это письмо будет коротко: писать почти нечего. Жизнь идет очень однообразно, событий никаких особенных нет. Я начал было писать одну вещь, да не пошло что-то, о чем уже писал Вам. Я очень виноват перед Вами: не

успели мы с Надей опомниться, как наши деньги (знаменитые 500 р.) разошлись: частью отдали долги, частью дали в долг (в том числе бедному П. Мих. 50 р.) и теперь денег у нас в обрез до 20-го; тогда и вышлю Вам обещанную «Ниву», а пока, простите, дорогая мамочка. Эти деньги разошлись удивительно скоро, несмотря на то, что мы совсем уж не «кутили»; только раз и были в театре на «Царстве скуки».

Напишите мне, есть ли у Вас случай читать «Отечественные Записки»; если нет, то я вам буду посылать под бандеролью. Я дождался наконец за свое долготерпение того, что мне даром дают журнал.

С. Н. ⟨Кривенко⟩ сидит попрежнему. И ничего в волнах не видно; выпустят ли его или нет и когда выпустят, кажется, никто не знает. От. Фаусека получил очень милое письмо из М-вы; был он там у Льва Ник. Т⟨олстого⟩ и описывает свиданье. Меня очень тронуло, что Т. меня помнит, больше всего заинтересовало его, что я занимаюсь переплетаньем книг, и он очень много расспрашивал В. А. об этом.[238] Сам он теперь учится сапоги шить.

По службе работы все еще много, так протянется до 1 марта. Там всё благополучно: никаких промахов не делаю, чему при своей рассеянности и беспорядочности немало удивляюсь. Начинаю утомляться сиденьем на одном месте; ведь это в первый раз в жизни я сижу, не выезжая из Петербурга, вот уже год и 5 месяцев. Летом непременно нужно взять отпуск; куда еще поеду, и сам не знаю.

Огорчает меня одно обстоятельство: год мы женаты и никаких признаков потомства! Правда, если бы Наде пришлось рожать осенью, то экзамены пришлось бы отложить до весны, но и она сама готова пожертвовать экзаменами, лишь бы иметь ребенка. Да, вы были правы, говоря, что в детях и есть смысл брака; у меня, по крайней мере, преобладающее желание жизни теперь — иметь дочку или сына.

Третьего дня, как Вы знаете, мне минуло 29 лет. Немножко жутко становится при мысли, что через год вступишь в 4-й десяток. Молодость прошла... Жалеть ли об ней?

До свиданья, дорогая моя. Надя Вам кланяется. Сашу целую. Брату поклон.

Любящий Вас *В.*

P. S. В. П. Соколов кланяется; я получил от него письмо из М-вы.

305. *Е. С. Гаршиной*

11 февраля 1884. СПБ.

Пишу Вам сегодня, дорогая мама, только для порядка: писать решительно нечего. На службе у меня огорчение: заболел

Алекс. Тим. Васильев, и я должен быть там с 11 по крайней мере до 5 часов; хоть и не все время работаешь, а все-таки быть надо. Впрочем, и работы довольно: в четверг на масляной продолжение нашего декабрьского съезда; так глупо это назначили, что прийдется работать в неприсутственные дни!

Мы почти никуда не ходим; прийду я со службы, а Надя из какой-нибудь больницы, пообедаем и укладываемся на постели читать, и так до вечера; по крайней мере эту неделю провели таким образом всю и только сегодня я думаю отправиться к Полонским вместе с Фидлером, который перевел стихотворение Я. П. Один я, пожалуй, и не пошел бы, да хочется свести туда сего милого немца; это знакомство устроил тот же Ительсон.

Анютин палец, когда я видел ее в последний раз, проходил; живется ей, бедняжке, кажется, не очень дурно.

Очень кланяется Вам Володя, от которого я получил сегодня письмо: он выражает свое соболезнование по поводу кончины С. М., т. е. не ради самой С. М., а ради тех горестей, которые Вам приходится выносить по случаю ее смерти.

Денег я Вам, конечно, пошлю, дорогая мама, да и думал послать 20-го даже без Вашей просьбы: я уже из Ваших писем видел, что в матерьяльном отношении Вам не очень-то хорошо живется.

Женя, судя по всему, бегает мало; начал он заниматься к экзамену. Одно из самых моих больших желаний — это чтобы он выдержал в этом году экзамен: стараюсь удерживать его от набиранья посторонней работы. Мне кажется, что он выдержит.

До свиданья, дорогая моя. Надя Вам очень кланяется: она, бедная, ужасно устает от своей беготни. Кланяйтесь Жоржу. Сашу целую.

Любящий Вас. *В.*

306. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 18 $\frac{20}{II}$ 84 г.

Простите, дорогая мама: я уже на первых порах оказываюсь неаккуратным и вместо субботы пишу в понедельник. Как-то не удалось написать во-время.

Работы в съезде все еще много, и я уже почти забыл те приятные времена, когда можно было сидеть, читать газеты или писать что-нибудь свое. Думаю, впрочем, что скоро все это кончится. В четверг у нас было заседание: сидели почти до 7 ч. вечера и говорили столько разного вздора, что я удивляюсь, как Фельдман составил протокол; однако он составил.

Пишу и удивляюсь, зачем пишу это Вам? Тут нет ничего интересного. Может быть, оттого пишу об этом, что иного матерьяла нет. В самом деле, мы живем ужасно смирно: очень мало кого видим; по понедельникам к нам приходят 3—5 человек, в том числе Вера и Варя Золотиловы; сами мы почти не выходим по вечерам. Если бы можно было, и на службу не ходил бы, а запрятался бы где-нибудь в деревне, где людей поменьше, не получал бы даже газет, читал бы себе *старые* книги. Право, мама, кругом все так непрезентабельно, что просто на свет не глядел бы.

Салтыков просил меня через Абрамова приготовить «что нибудь» к 10 марта. Срок короткий, а у меня ничего еще нет. И хочется мне что-нибудь написать (между прочим, чтобы сделать приятное М. Е., потому что мне всегда отчего-то *перед ним* совестно, когда я не пишу) — и не знаю что.

Получили ли Вы «Ниву» и 10 р.? Напишите об этом.

Надя здорова. У нас было маленькое огорчение: отдали портнихе сшить новое платье и та все испортила: сшила такое, что можно надеть разве только на Наташу Полонскую. Так мы и по сейчас без нового платья.

Совсем было забыл: Модест получил для меня 100 р. Когда он отдавал их, то сказал, что за Вами осталось $7^1/_2$, которые он просил позволения удержать, так как был совсем без денег. На это я, конечно, согласился.

До свиданья, голубушка мама. Крепко, крепко целую Вас и Сашу. Ж. кланяйтесь.

Надя вам кланяется.

Ваш любящий *В.*

307. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 18 $\frac{26}{II}$ 84.

Дорогая мама!

Простите, голубушка; опять пишу Вам не в субботу, а в воскресенье: вчера не собрался присесть. Были мы с Н⟨адей⟩ вчера у Полонских; наконец-то Анютин палец прошел и она начинает играть. По правде сказать, бывать у них довольно скучно, т. е. не скучно, а как-то досадно: собираются люди такие разнокалиберные, что просто диву даешься, как все это не переругается между собою. Я, во избежание всяких столкновений, большею частью молчу и только слушаю.

Получил от Мих. Евгр. ⟨Салтыкова⟩ записку, которая меня привела в затруднение и огорчение: просит дать что-нибудь к 8 марта. А у меня ничего нет. Хочется, очень хочется исполнить его желание, да не знаю, выйдет ли что-нибудь. Начал рассказ, но он совсем не пишется. [239] Чувствую себя довольно

скверно и теперь, как никогда, вижу, как хорошо я сделал, женившись на Наде. Если бы не она — право, серьезно захандрил бы.

У нее работы ужасно много: в иные дни мы видимся только утром, часа полтора около обеда и поздно вечером. Недавно еще было ночное дежурство у рожающих баб. Хорошо еще, что у нее «легкая рука» и что ее бабы производят на свет вполне благополучно. Не знаю, удача это или уменье.

Получили ли вы, наконец, «Ниву»?

Ваши известия о Саше меня очень огорчают; если найдете это удобным, скажите ему это. Огорчает меня и ваша, так сказать, безнадежность увидеться когда-нибудь с нами: я, по крайней мере, твердо убежден, что будущую зиму опять будем жить все в Петербурге и я опять буду заходить к вам каждый день. Если дадут отпуск летом, то прежде всего поеду, конечно, в Мстиславль, повидаться с вами.

Женя, кажется, работает очень много и для у-та и с разными корректурами. Он сам думает, что кончит курс, да и я тоже думаю. Да если б не Ел. Дм. (Тр⟨оицина⟩), то и в прошлом году кончил бы. Теперь *это* уже кончено и, кажется, совсем.

В съезде у нас работы довольно много; по крайней мере уже нельзя приходить туда на час-полтора, как было летом. Явилась целая куча новых дел, а тут как нарочно я как-то скверно себя чувствую и делать не хочется. А, впрочем, все это пустяки; жалею, что и пишу вам об этом мимолетном дурном настроении: пройдет дня три-четыре, и оно кончится.

Верочка (Боба) начала окончательные экзамены и один уже сдала.

Сергей Николаевич ⟨Кривенко⟩ все сидит. Что с ним будет, решительно неизвестно.

До свиданья, голубушка мама. Крепко, крепко целую вас. Жоржу поклон. Саше тоже.

Любящий вас *Всеволод Г.*

308. *К. К. Случевскому*

⟨26 февраля 1884⟩

Милостивый государь

Константин Константинович!

К сожалению, я должен отказаться от чести читать на вечере в пользу Фонда. Я так отвратительно читаю, что выступать перед публикой для меня составляет сущее наказание; я пробовал читать в эту зиму, и потерпел решительное фиаско и решился никогда больше не читать. Поверьте, что в моем отказе действует не

нежелание принести пользу делу, а только сознание своей полной непригодности.

Примите уверение в моем совершенном уважении

В. Гаршин

26 февраля 1884.
СПБ.

309. *Е. С. Гаршиной*

18 $\frac{3}{III}$ 84. СПБ.

Дорогая мама! Очень нелегкую задачу задали мне Вы: решить, что Вам делать. С одной стороны, Вам, конечно, нелегко оставаться в Мстиславле, а с другой — и уехать-то трудно, и я думаю, что уехав, Вы сами не будете спокойны и будете мучиться за бедных детишек. Судя по вашему описанию, это такие бедные создания, что бросить их беспомощными Вам самим будет тяжело. Есть и еще одна сторона вопроса: хорошо ли будет, если Вы приедете как раз во время Жениных экзаменов вместе с Сашей? Будет ли он в состоянии тогда работать так, как теперь; а теперь, как мне кажется, он работает для экзаменов много. Впрочем, это дело, может быть, и не такое важное, а самое важное — дети. Не хочется мне верить, чтобы Ж. говорил вполне искренно, когда понуждал Вас уезжать. И чем Вы можете мешать ему, если Вы сказали, что не будете противиться его новой женитьбе?

Отвечайте мне скорее на это письмо; если Вы найдете невозможным оставаться вместе с Ж., а захотите перебраться на другую квартиру, то я пришлю денег. Конечно, и перебираться-то не совсем удобно: это будет иметь вид скандала, который вряд ли послужит на пользу Жоржу; но, если он сам этого хочет, так что же делать. Оставить же детей одних, с их болезнями и глистами, в грязи и без призора — мама, да ведь Вы сами потом будете терзать себя. Если бы ваш отъезд принес Вам душевное спокойствие, а то ведь и того-то не будет. Дети будут брошены, вы будете мучаться, Женя тоже, а тут экзамены еще эти...

Одним словом, мое мнение — что Вам уезжать не следует. В крайнем случае же перебраться на другую квартиру и все-таки не терять из виду детей.

Странно, что Вы до сих пор не получили «Ниву»; я подписался на нее 14 или 15 февраля, не помню. Приехал бы я дня на три с большим удовольствием, да теперь это решительно невозможно. Не знаю, временно это или нет, но только работы в съезде прибавилось значительно и мне уж никак нельзя посвящать ему, как бывало летом, $1^1/_2$—2 часа. Теперь раньше 4 часов

почти никогда не ухожу. Может быть, к Страстной или Пасхе можно будет взять отпуск на недели полторы, да и то не наверно.

До свиданья, дорогая моя мамочка. Крепко цалую Вас. Надя кланяется.

Ваш любящий *В.*

Что касается Вашей приписки о поездке к Бутковым, то я, право, не знаю, как Вы могли подумать об этом. Уж если уезжать из М., то, конечно, только к нам и больше никуда.

На конверте: В *Мстиславль* Могилевской губ. Ее В-дию Екатерине Степановне *Гаршиной.*

310. *Ф. Ф. Фидлеру*

⟨3 марта 1884 г.⟩

Многоуважаемый Федор Федорович!

Очень благодарен вам за распространение моих рассказов, а еще более за обязательное предложение просмотреть перевод. [240] Я ведь очень плохой судья, т. к. понимаю по-немецки из пятого в десятое. «Ночь» была переведена не в «Revue d. d. m.», а в «Revue littéraire». В «Pester Lloyd» были помещены «Художники».

До свиданья в понедельник.

Ваш *В. Гаршин*

18 $\frac{3}{III}$ 84.

311. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. $\frac{15}{III}$ 84 г.

Простите, дорогая мама, за долгое молчание: сам не знаю, как это вышло, что я не писал вам полторы недели. Должно быть оттого, что писать положительно нечего, кроме пустяков.

Волкова я так и не видел, о чем весьма жалею: он был у нас один раз и как нарочно не застал; я не застал его тоже. Напишите, переходит ли он сюда. Что касается того, что вы пишете, что он мог бы помочь относительно С. Н. ⟨Кривенко⟩, то, право, это пустая мечта: просили и более важных, чем В., людей, и все-таки дело в полной неизвестности. Известно только, что вышлют, но куда, в Сибирь или в Тамб. губ. или на Кавказ — никто не знает.

Писал я вам или нет, что я был на обеде у передвижников? Репин написал с меня портрет — этюд для своей новой картины,

а за настоящий портрет примется, когда у меня будет несколько свободных дней подряд, т. е. на Пасхе или летом.[241] Моя канцелярия совсем изменилась: прежде, бывало, сидишь 2, много 3 часа, а теперь почти каждый день 5. Льщу себя надеждой, что это только временно.

Женя работает, кажется, довольно много. Поповы досиделись здесь до того, что у них не было ни гроша денег, и должны были взять у нас 65 рублей, которых что-то не шлют. Бедный П. Г. расхворался перед отъездом и совсем раскис.

Простите за это короткое письмо, дорогая моя мама: право, совсем не пишется. Поклонитесь Жоржу и поцелуйте Сашу. Надя кланяется.

⟨*Подпись отрезана*⟩

312. *Е. С. Гаршиной*

18 $\frac{22}{III}$ 84. СПБ.

Вчера получил жалованье, дорогая мама, и посылаю вам 10 рублей. Простите, голубушка, что мало.

Мы живем попрежнему, ни шатко, ни валко, ни в сторону. Случились два неприятные происшествия: у Миши умер младший сын, мальчик необыкновенно здоровый и удивительно красивый; право, я другого такого не видывал.

Другое происшествие вот какое: в понедельник является ко мне Иннокентий Ефимов, приехавший из Москвы. (Вы помните, вероятно, что у меня были товарищи Ефимовы «Саша и Кеша»). Я очень обрадовался ему, расцеловались, и представь же мой ужас и горе, когда я с первой фразы вижу, что он сумасшедший. Настоящей мании еще нет, а есть так называемое маниакальное возбуждение, т. е. то, что у меня было в первые дни в Х⟨арькове⟩ в 1880 г. До чего изменился его характер! Из скромного, молчаливого человека он превратился в нахального хвастуна и болтуна. Бедный Кеша! Как подумаешь, какой предстоит ему искус пройти, даже в случае благополучного исхода, то страшно становится.

Жене предлагают хорошие условия на лето: впрочем, об этом он наверное писал вам.

По службе у меня все обстоит благополучно, кроме того разве, что работы всё не уменьшается. Но думаю, что когда-нибудь это кончится. Вообще, все бы ничего, если бы только я что-нибудь мог теперь писать. До такой степени не пишется, что просто обидно. Утешаюсь тем, что и прежде у меня были такие периоды бессилия.

До свиданья, дорогая моя мама; простите за короткие письма. Вы знаете, впрочем, что я никогда и никому не умел писать длинных, да и не только письма, а и все рассказы у меня слиш-

ком коротки. Крепко целую вас. Надя кланяется. Поклон Жоржу. Сашу поцелуйте.

Любящий вас *В.*

P. S. Надя просит вас сообщить ей, как вы делаете сырную пасху.

313. *Е. С. Гаршиной*

〈Около 6—8 апреля 1884 г.〉

Дорогая мама!

Мне очень хотелось выслать вам к празднику денег, и я думал, что вышлю, рассчитывая на награду, но представьте себе, что Фельдман мне никакой награды не дал. Вероятно, он счел, что я получил уже слишком много к Рождеству. Как бы то ни было, но мы к празднику остались без денег, а потому и высылку вам приходится отложить до 20 апреля.

Дорогая моя, я вполне согласен с вами, что я уже довольно сижу на месте, и что мне следует поехать куда-нибудь промяться, да и Надя постоянно мне это говорит. Но что же делать, если это совершенно невозможно. Служба, хотя она и легкая, все-таки так связывает, что не знаю, когда можно будет уехать хоть на месяц. Фельдман уезжает за границу на май, июнь, может быть и на июль, и мне поэтому нет никакой надежды уехать в этом году (когда приедет Ф., на носу будет уже Съезд и прийдется подготовляться к нему). Что делать, дорогая моя, или свобода, или сытый желудок. Будь я сильным человеком, я выбрал бы, конечно, первую. Будь у меня больше образования — бросил бы службу, начал бы писать как журналист, да нет его. А жить чем-нибудь нужно.

Сообщу вам еще одну прискорбную новость: недавно взяли А. Ив. Эртеля. Никак я этого не ждал. [242]

Если будет возможно урваться отсюда дней на десять (в июле, не раньше), то непременно приеду к вам. Мне очень хочется вас видеть.

До свиданья, дорогая моя. Крепко целую вас. Благодарю вас за подарок, моя милая мамочка.

Сашу целую, брату кланяюсь.

Любящий вас *В.*

P. S. В воскресенье Давыдовы позвали нас к себе на вечер с Тамберликом (был и Женя). Он, правда, стар (65 л.), голос уже старый (хотя удивительно сохранившийся), но я никогда не слыхал подобного артиста. И «Скажите ей» пел, и как пел! После этого старика не захочется и слушать Орловых, Васильевых и прочих.

314. *Е. С. Гаршиной*

14 апреля 1884. СПБ.

Дорогая мама! Невеселые все письма мы получаем от вас; хотелось бы отсюда порадовать вас чем-нибудь, да нет ничего хорошего. Вы знаете, что Женя отложил экзамен до 10; я уверен, что он выдержит, потому что философией он занимался очень усердно, а если на этом экзамене он не стал отвечать, то это просто временное затмение. И сам Владиславлев посмотрел на его отказ с этой стороны. Меня радует то, что Женя не потерял головы и относится к неудаче спокойно.

Что сказать вам о себе? Моя чиновничья жизнь идет спокойно, даже слишком спокойно. Работы на службе довольно, нельзя и сравнить с прошлым годом. Прихожу в канцелярию в 11, ухожу в 4 самым аккуратным образом. И все жду, когда, наконец, буду иметь возможность писать что-нибудь, внутреннюю возможность, конечно, потому что, несмотря на 5 часов сиденья на службе, на недостаток времени жаловаться, по совести сказать, нельзя. Но ничто не идет в голову: иногда берешь перо и принуждаешь себя — и совершенно напрасно. Счастливые люди разные Зола и Тролопы, пишущие аккуратно по стольку-то страниц в день.

Писал ли вам Женя, что Анюта не остается на лето у Венецкого, а едет с Полонскими на дачу в Окуловку?

А тут всё берут и берут; говорят, никогда столько народу не брали, как теперь. Говорят, Станюковича тоже взяли. [243]

Напишите мне непременно, достали ли вы, наконец, «О. З.»? Если нет, то я пришлю вам первые книжки посылкой. В самом деле, вы с 68 г. беспрерывно читали их.

Боба сдала большую часть экзаменов и по большей части на максимум. Линочка осенью уезжает, но не в деревню. Ей «выходит» место учительницы в Саратовском институте, будет читать историю во всех классах. Я очень рад этому, потому что в деревне ей в самом деле не выдержать после стольких лет житья под крылышком А. Я., но куда девались все благородные намерения прежних дней? Я, впрочем, не хочу осуждать ее за это. Выше себя не прыгнешь.

Надя понемногу учится. Страшно подумать об осени и об этих *двадцати шести* экзаменах. Верочка недавно приезжала из деревни, где она заведует молочным хозяйством (я писал вам, кажется, об том, что она нашла место); поправилась и, хотя скучает там в обществе коров и чухонок, но очень бодра.

До свиданья, дорогая моя. Крепко целую вас. Надя кланяется.

P. S. Напишите, читал ли Саша разинский «Мир божий»? Он недавно вышел новым изданием. Я бы прислал ему.

P. S. P. S. Пасха вышла совершенно сверхъестественная. Ни у кого такой не было.

315. *Е. С. Гаршиной*

21 апреля 1884.
СПБ

Дорогая мама! Пишу вам коротенькое письмо, чтобы послать деньги и чтобы вы не подумали чего-нибудь обо мне по поводу закрытия «О. З.» [244] Вероятно вы уже знаете об этом из «Правительственного Вестника». «Два сотрудника» — должно быть Протопопов и Эртель (последний бедный только и успел поместить одну вещицу). Куда денутся несчастные Скабичевский, Плещеев, Абрамов, конторщики, типография?..

Мне очень горько: я не могу сказать, чтобы я *вполне* принадлежал душой «О. Запискам», но, все-таки, точно будто любимый человек умер. Как-то дико будет теперь видеть свои рассказы не под привычной желтой обложкой.

До свиданья. Я проспал сегодня долго и тороплюсь на службу.

Искренно вас любящий *В.*

P. S. Женя с 1 мая будет жить у нас. Он распускает весь свой штат. Амишку возьмем мы.

316. *Е. С. Гаршиной*

29 апреля 1884 г.
СПБ.

Дорогая мама!

Женя опять изменил свои намерения: он уже не будет жить с нами, а перебирается в пустую квартиру Митрофана Лодыженского. Впрочем, об этом вы, конечно, знаете от него и я напрасно пишу. Мы же 20 мая перебираемся по примеру прошлого года в Сухопутную таможню. Все-таки там гораздо лучше, чем на Песках: немножко дольше ездить на конке, но зато Екатерингоф под боком и шум поменьше.

Мишку, вероятно, возьмем с собой, т. к. Авдотья, которая прежде хотела его взять непременно, будет жить не на месте, а на квартире, где держать Мишку ей будет нельзя.

В понедельник я ходил в редакцию «О. З.» — *в последний* раз! Точно хоронили мертвеца. Не расходились долго, хотя и разговоров никаких не было, а просто как-то не хотелось уходить. Странное совпадение: как раз в это время на Преображенской площади училась артиллерия, два орудия, и во время учения всё целили прямо в окна. Точно нарочно!

Салтыков на вид ничего, даже не особенно раздражителен, только потемнел как-то (цветом лица). Все прочие крепятся, но видно, что у всех кошки на сердце.

Еще до падения «О. З.» являлся ко мне Вольф (Александр Маврикиевич) — директор высочайше утвержденного товарищества

М. О. Вольф и К°, — так написано на его огромной карточке. С осени будет издавать журнал — приглашал писать и, несмотря на все мои отказы, приставал с полчаса. «У нас, говорит, уже есть верных 3000 подписчиков». Что это означает — не знаю. Обязательные, что ли? Я сказал ему, что обещать теперь не могу, пишу мало, а до осени времени много. [245]

Писал ли я вам, что и Станюкович уже в крепости?

Не посылаю вам «Мира божьего» и Вагнера потому, что последнего еще не достал от Жени. 1-го или 2-го он будет перебираться; тогда Вагнер розыщется, и я пришлю Саше обе книги.

Сейчас приехала Верочка. Она попала к такому чорту управляющему, который решительно жить не дает и чуть не дерется. Она писала сюда хозяину, и он вызвал ее телеграммой для разбора дела.

До свиданья, дорогая моя. Надя вам кланяется. Писал бы больше, да нечего. Может быть, и нашлось бы что, да настроение такое мрачное, что перо из рук валится. Целую Сашу. Жоржу поклон.

Искренне любящий Вас *Всеволод*

У Васи Афанасьева родился еще сын (2-й ребенок) — Всеволод по имени.

317. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 6 мая 1881.

Дорогая мама!

Вы, я думаю удивитесь, получив для Саши не «Мир божий», а Оппеля; дело в том, что Вольфы, объявив о продаже «Мира божьего», не выпустили нового издания, а продают старое, да еще по увеличенной цене. Покупать его мне не хотелось, а так как книжку Саше я обещал, то посылаю взамен другую.

Нового у нас ничего нет. Сегодня был у Жени в его новом жилье; квартира хорошая и главное — очень тихо. Жду не дождусь десятого мая — экзамена из философии. Женя бодр, а это, пожалуй, самое главное.

Быть может (если согласится Салтыков) мы снимемся группой с ним во главе. Т. е. Плещеев, Успенский, Южаков, Надежда Дмитриевна ⟨Хвощинская-Заиончковская⟩, Скабичевский, Надсон, я и еще кто-нибудь. Мне очень хотелось бы, чтобы это устроилось: будет память о былом и о своей молодости, которая кончилась. Приезжал из Москвы Бахметьев приглашать всех уцелевших сотрудников «О. З.» в «Русскую Мысль». И у меня был. Мне, по правде сказать, хотелось бы печататься — если я что-нибудь еще напишу — в «В. Евр.», но так как у меня не было

никаких оснований отказать Бахметьеву, то я согласился [246]. Писать мне очень хочется, охота смертная — да участь горькая! Ничего не идет ни в голову, ни из головы. Надеюсь, что примусь же когда-нибудь: неужели уже все кончено для меня, как для писателя? Не хочу этому верить. Но *теперь* — ничего не могу.

Надя моя в огорчении: у них в родильное отделение попал откуда-то дифтерит, и роженицы мрут ужасно, так что пришлось прекратить прием.

Без своего милейшего Франца Егоровича ⟨Фельдмана⟩ я чувствую себя совсем сиротой. Приходится все решать своим умом, а я должен сознаться, что самостоятельности во мне нет ни на грош. Поэтому с нетерпением жду его приезда.

Поцалуйте Сашу; не напишет ли он мне, понравилась ли ему книжка. Скажите ему, что Амишка у нас и не старается уходить, хотя скучает. Иногда сядет против меня или против Нади и потихоньку визжит, смотря в глаза. Ест почти один ситник, да и то не мякиш, а только корочки. Наша Алексеевна немедленно по прибытии его (с Авдотьей) посадила его в корыто и вымыла. Кстати, знаете ли вы, что Авдотья его *синила*, «чтоб цвет лучше был»?

До свиданья, дорогая моя. Крепко цалую вас. Жоржу кланяюсь. Надя кланяется.

Любящий вас *В.*

Представьте себе, у бедной Клары Ивановны младшая дочка, кажется, глухонемая. По крайней мере до сих пор (ей третий год) не говорит ни слова, а отзывается только на очень громкий стук. Когда зовут по имени, не слышит.

318. *Е. С. Гаршиной*

14 мая 1884 г. СПБ.

Дорогая мама! Я немного опоздал с этим письмом: дело в том, что меня не было в Петербурге. Александр Яковлевич ездил *вò* Псков, посмотреть продающееся там маленькое именье, и предложил мне прокатиться, что мы и сделали. В субботу вечером поехали, пробыли в Пскове воскресенье, а сегодня утром были уже здесь. Хоть немного, а я все-таки промялся и освежился. Правда, что почти не спал две ночи. Сегодня же получил из почтамта вашу посылку: носки и подштанники брату передал, а за рубашку очень благодарю Вас, только мне немножко стыдно было, при мысли, как вы должны были натрудить свои бедные глаза.

Почему я не послал «Мира божьего», а другую книгу, вы теперь уже знаете из моего письма. Прибавлю к этому, что «Мир» продается теперь по увеличенной цене и стоит 4 р. без переплета.

Письма пока посылайте мне лучше всего в Канцелярию Общего Съезда, Площадь Александринского театра, 7: я там все равно ведь бываю каждый день.

Сегодня вечером пришел к нам Женя вместе с Анютой и Жозефиной Антоновной. Анюта на мой взгляд очень весела и, вообще, благополучна. Только не совсем нравится мне, что уж очень много говорит она о себе и о профессорах: как она сыграла, как ее хвалили и пр. и пр. Так живо мне припомнилась Раиса Всеволодовна с своими вечными разговорами о Мясоедовой и о пальце.

Салтыков привел меня в большое огорчение: не захотел сниматься. Отговорился тем, что вся редакция некоторым образом инкриминирована и что на эту группу будут смотреть как на демонстрацию, что, конечно, вздор, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ сниматься мы хотели только для себя. Что это? барство? нежелание якшаться с пролетариями? Не хотелось бы этому верить.

До свиданья, дорогая моя, спать хочется смертельно. Крепко целую вас и Сашу. Жоржу поклон.

Любящий вас *В.*

319. *Е. С. Гаршиной*

22 мая 1884 г. СПБ.

Дорогая мама!

В воскресенье мы переехали к Нарвской заставе и поэтому адресуйте письма туда (у Нарвских ворот, Сухопутная таможня, кв. Никонова). Пока мы живем вместе со всеми, т. к. они еще не уехали, но на лето останутся с нами только Владимир Федорович и Верочка. Она поступила на службу в таможню, пока на 25 р. в месяц. Очень мне это не нравится: гораздо лучше было бы ей уехать на лето на Волгу к Николаю Федоровичу Никонову, (он управляющий нефт. заводом Рагозина), чем просидеть целое лето в канцелярской духоте.

10 р., о которых вы мне писали, я передал Жене.

Надя еще не принялась за свою долбню; хочет немного отдохнуть. Недавно она забрала от Бобы (которой остался только один экзамен) свои медицинские книги; набрался целый узел, который я едва донес до извозщика. И это только половина того, что ей бедной придется прочесть к экзаменам. Я заранее начинаю горевать.

Благодарю Сашу за письмо. Я уже писал вам, почему я купил ему не «Мир божий», а Оппеля.

У меня в канцелярии опять затишье: дела почти нет. Несмотря на это, уехать нет никакой возможности. Хотелось бы воспользоваться свободным временем и написать что-нибудь — не могу. Руки опускаются. Думаю это лето употребить хоть на то, чтобы

позаняться языками, т. е. почитать по-французски, немецки и английски. Ведь какая-нибудь случайность — смерть Фельдмана или отказ его быть заведующим делами Съезда — могут лишить меня места и заставить заняться переводами.

Все знакомые разъехались на дачи или в провинцию. Тянет и меня вон из Петербурга ужасно, да видно не судьба мне в этом году уехать куда-нибудь.

Простите, дорогая моя, за бестолковое письмо. Поклонитесь Жоржу и поцалуйте Сашу. Если будет у вас Виктор Петрович ⟨Соколов⟩, поклонитесь ему от меня и скажите, что я очень прошу извинить меня: я не отвечал на его письмо из Москвы, все собирался, собирался и не собрался.

Искренне любящий вас *В.*

320. *Е. М. Гаршину*

⟨Май 1884 г.?⟩

Хотел взять немецкий словарь, да никого не застал, а книги уложены.

В. Г.

321. *Е. С. Гаршиной*

1 июня 84 г.
СПБ.

Дорогая мама!

Не рассердитесь на меня за посылку 10 р., не в счет обыкновенно посылаемых денег: из вашего письма я вижу, что вам живется в матерьяльном отношении очень не хорошо.

Вы уже знаете из телеграммы, что Женя кандидат — первый из Гаршиных. Хоть бы это обстоятельство немного развеселило вас и подняло вам, судя по последним письмам, сильно упавший дух. Женя едет, по всей вероятности, с даровыми билетами; кажется, можно будет это устроить.

Живем мы благополучно: Надя работает для будущих экзаменов. А я все еще ничего не пишу, что доставляет мне немало горя. На Троицу ездил к Успенскому и в Любани встретился с Ц. В. Рейнгартом (он заезжал к Михайловскому). Мы проехали вместе до Чудова; он просил меня низко кланяться вам. Он совсем не знал о нашей судьбе с 68 года. Женат, было трое детей, да двух потерял, присяжный поверенный в Казани. [247]

В среду приезжает мой шеф, и я немного волнуюсь. Не знаю, все ли я так делал без него, как нужно.

Боба кончила экзамены, и я видел ее уже со знаком. Скоро едет на работу. Липочкино место в Саратовском институте, ка-

жется, устраивается. У Дрентельнов скоро ребенок; поэтому К. С. отложила один или два экзамена до осени.

До свиданья, дорогая моя. Крепко цалую вас и Сашу. Надя кланяется.

Любящий вас *В.*

322. *Е. С. Гаршиной*

⟨12 июня 1884 г.⟩

Дорогая мама, посылаю вам билеты для Жени. Попросите его выслать их немедленно по приезде. Билет по Ник. ж. д. мы получили, за что очень благодарны. Вчера послал вам письмо. Всем поклоны.

Ваш любящий *В.*

18 12/VI 84. СПБ.

P. S. Если Женя не дождется этих билетов и уедет, пожалуйста не замедлите выслать их мне.

323. *Е. С. Гаршиной*

⟨Июнь 1884 г.⟩

Дорогая мама!

Простите, голубушка, что давно не писал. Теперь у вас Женя и вы знаете об нас всё; впрочем, и знать почти нечего. Приехал Фельдман, очень дружелюбно со мною обошелся, но об отпуске просить его я теперь и думать не могу. На шее у нас с ним висит большая работа по проверке вагонов на всех р. ж. д.; я еще не начинал ее, но начну на этой неделе и просижу, вероятно, с месяц, а там съезд, а потом осень и другой съезд. Не вырвешься, кажется. А если урвусь хоть на две недели, то, конечно, приеду прежде всего к вам..

Что сказать вам нового? Все разъехались и никого не видно и новостей никаких. Эртеля, кажется, хотят выпустить на поруки, а Сергей Ник. ⟨Кривенко⟩ все еще сидит и, кажется, это еще долго будет.

Встретил вчера Модеста: у них начинаются их «каникулы». Счастливые люди... Он едет в Староб. уезд, а жена уже там.

Если Женя у вас еще, кланяйтесь ему. По поводу Ваших телеграмм я скажу вот что: я взял с Нади слово, что если со мной что-нибудь дурное случится, она сейчас же будет вам телеграфировать. Поэтому, прошу вас, дорогая моя, не очень волнуйтесь, когда я иногда запоздаю дня на два — на три с письмом.

Получили ли вы 10 р.?

До свиданья, дорогая моя мамочка. Крепко целую Вас. Сашу тоже. Жоржу поклон.

Ваш любящий *В.*

P. S. У Миши взамен умершего ребенка приготовляется к появлению на свет уже новый.

324. *Е. С. Гаршиной*

⟨22. VI. 84.⟩

Дорогая мама, я не посылаю вам теперь денег, потому что вы просили меня об этом, но с своей стороны очень прошу вас написать, не случилось ли у вас тоже, что и в прошлый месяц, т. е. не остались ли из жалованья какие-нибудь пустяки? Словом, если у вас только встретится надобность в деньгах, пожалуйста, дорогая моя, напишите сейчас же.

На будущей неделе в среду или в четверг мне придется съездить на день или на два в Москву по служебным делам, из-за *поверки вагонов*, которая составляет теперь мое главное и, надо сказать, довольно несносное занятие. Ну да что же делать!

Писать решительно не о чем. Все разъехались, и я почти никого не вижу. Был недавно у Ольги Орестовны; она рассказывала мне о смерти Кости Пузино. Представьте себе, что он, получая три года по 25 р. в месяц и 4 месяца по 60, сумел оставить после себя 4 дюжины голландских рубах, дорогую шубу, множество платья, дорогие часы с цепочкой и 250 рублей родным *на свои похороны.* Так и сказал Лизе, передавая ей деньги перед смертью. Удивительно аккуратный был несчастный юноша. Дочка Ольги Орестовны уже бегает, необыкновенно живая, даже неестественно живая, нервная девочка. А Юля к Новому году будет уже матерью! Вот и нашлась для вас новость, а я ее было совсем упустил из виду.

Живем мы скучновато. Надя учится, я хожу на службу, остальное время читаю что-нибудь. Хочется писать и, кажется, скоро насильно посажу себя за повесть. Может быть, как начнешь писать, так что-нибудь и явится; хоть не для печати, а для упражнения писать необходимо, а то совсем разучишься.

Сегодня получил письмо от Виктора Андреевича; очень веселое, по случаю получения отцом места и возможности в августе перебраться в Петербург. Зовет меня на время приехать к себе.

До свиданья, дорогая моя, крепко целую вас и Сашу. Жоржу кланяйтесь.

Любящий вас *В.*

22 июня 1884 СПБ.

325. *Н. М. Минскому*

⟨23 июня 1884.⟩ [248]

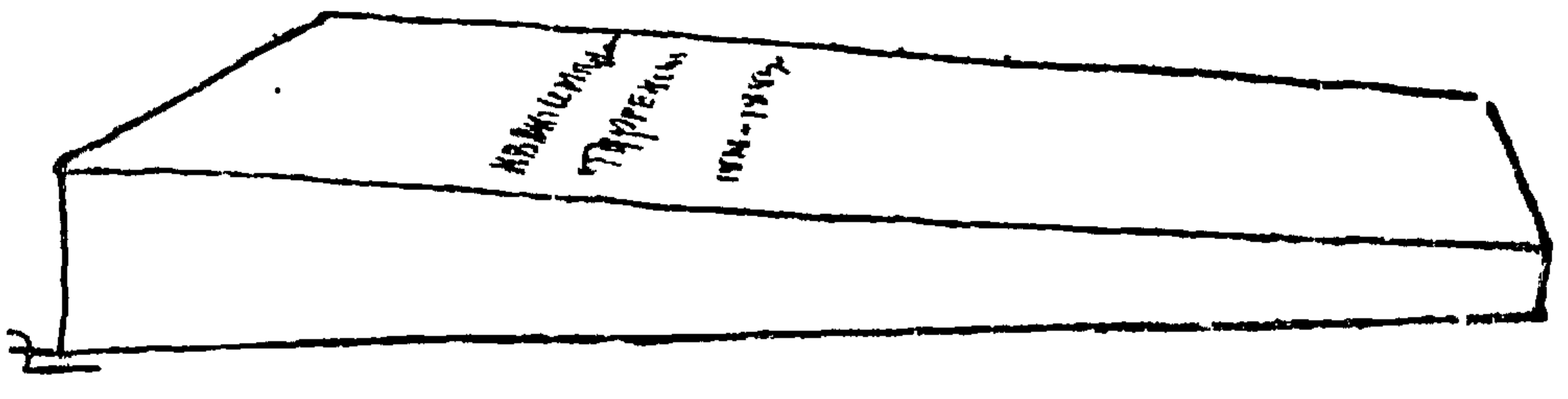
Дорогой Николай Максимович! Прости, что не тотчас ответил на твое письмо, которому был очень и очень рад. Спасибо, что вспомнил, хотя и из «эгоистических» целей. Вряд ли только мое письмо может дать тебе какие-нибудь факты: во-первых, фактов мало, а во-вторых — я как-то в стороне от них. Впрочем, отвечу тебе на все твои вопросы.

Я, собственно говоря, нигде не «приютился» (как ты пишешь), ибо ничего не пишу и пока ничего в виду не имею. Приглашен же в «Р. М.» вместе со всеми уцелевшими сотрудниками «О. З.», которых Бахметьев забрал всех гуртом, вроде пчелиного роя. Сделано это после предварительных личных объяснений в Главном Упр. Не знаю, что выйдет из «Р. М.», а пока (5 кн. я еще не видел) она мне не очень нравится.

Надсона давно не видал, т. к. он не сообщает мне своего адреса. Сегодня узнаю в адр⟨есном⟩ столе, ибо соскучился по нем.

Живем мы в таможне, как в прошлом году, т. е. довольно скучно. Над. Мих. усердно учится, готовясь к осенним экзаменам, а я усердно ничего не делаю. Т. е. пожалуй не совсем, потому что много читаю всякой дряни, что попадет под руку.

Глеб Иванович уехал в путешествие на Урал, в Сибирь, вообще к чорту на кулички. Из всей литературы я вижу теперь изредка только Якова Вас. Абрамова, который остался в П. для занятия какою-то земскою статистической работой. Впрочем, 16-го ⟨июня⟩ видел я еще кой-кого на освящении памятника Тургеневу. Вот где уж мизерия-то была! Три с половиною человека, и все, как мертвые мухи. Альбов, Баранцев⟨ич⟩, Поздняков и Ив. Ив. Горбунов после торжества пошли пить водку в какой-то трактирище погребального характера, но мне стало уж очень скучно, и я ушел. Речей не было, все стояли и ждали, не скажет ли кто-нибудь чего-нибудь, да никто ничего не сказал.



Больше ничего. Только камень не белый, а черный-пречерный и очень большой. Говорят, 600 пудов.

Прощай пока. Напиши что-нибудь. Поклонись от меня Ясинскому: мы хоть немножко, а знакомы. Юлии Ивановне с твоего позволения целую руки. Надя кланяется.

Очень бы хотелось вас видеть.

Твой *Всеволод Г.*

Венгеров живет в Парголове. Всё не могу туда собраться, а там и Скабичевский и разные другие знакомые человеки. Завтра мы с женой думаем съездить на Сиверскую ст. к Давыдовым. Подозреваю, что и Надсон там, у Плещеева. Хочу побывать у бывшего командира, Салтыкова; он тоже там.

326. *Е. С. Гаршиной*

1 июля 1884 г. СПБ.

Дорогая мама! И огорчило и испугало меня ваше последнее письмо; теперь я, впрочем, покойнее думаю о Саше, потому что, если бы что-нибудь случилось, вы, конечно, дали бы мне знать, а времени прошло уже довольно для того, чтобы положение дела выяснилось. Пожалуйста пишите поскорее.

Я еду в Москву только сегодня в 8 ч. вечера с курьерским. Прийдется пробыть дня два или три, ехать мне ужасно не хочется.

Писать решительно нечего: я почти никого не вижу и ничего не знаю, что делается на свете, да, кажется, ничего и не делается. Разве только вот новость: у Дрентельнов родилась дочка Наталья, здоровенькая девочка, но родилась не совсем благополучно, при помощи щипцов. Впрочем, Катерина Сергеевна уже поправляется. Приехали к ней сестра и брат; они явились сюда по делу устройства своей библиотеки. Они купили ее у Гусева. Курьезную вещь рассказывает, между прочим, Наст. Сергеевна: некий студент был уличен в том, что он, беря книги из библиотеки, выдирал из журналов статьи, какие понравятся, и переплетал их и испортил т⟨аким⟩ образом журналов на 165 руб. Дело было у мирового судьи, и с него взыскали 100 р. Спросите Жоржа, уголовное ли это преступление и под какую статью подходит.

Сам не знаю, зачем пишу вам этот вздор. Пишите, пожалуйста, скорее о Саше и исполните мою просьбу в прошлом письме (о деньгах).

Получил письмо от Жени с билетами и уведомлением о приезде.

В прошлое воскресенье мы были на Сиверской у Давыдовых; был там Бертенсон и спрашивал меня о Тане. При этом он сказал, что у нее бесспорно чахотка.

Еще маленькая новость: у Минского духовная цензура вырезала из «В. Европы» стихотворение «Гефсиманская ночь», стихов больше чем в 300. Вот уж не задача-то! То светская, то духовная.

Непременно ему нужно искать себе место, а то на этой поэзии при таких условиях и с голоду помрешь.

До свиданья, дорогая моя мама. Крепко целую вас. Пишите о Саше. Надя кланяется.

Любящий вас *В.*

327. *Н. М. Гаршиной*

2 июля 84. Москва
1 ч. 30 м. дня.

Дорогая Надюшка, представь только себе, что мое путешествие не ограничится Москвой. Сейчас был у Ададурова, который сказал мне, что все делопроизводство по поверке вагонов совершается в Козлове, и мне приходится сегодня в 11 ч. вечера ехать туда. Таким образом, я никак не поспею в среду домой, милая моя друженька. Теперь сижу в кабинете правления Курско-Киевской дороги и дожидаюсь Фон-Дервиза; что-то он еще скажет!

Ехать было хорошо, лежать удобно, но боковая качка вагона от скорости так велика, что я спал очень плохо. В пассажирском поезде гораздо спокойнее.

Это письмо ты, я думаю, получишь в среду.

Сейчас письмо мое прервал Дервиз, который объяснил, что у него-таки еще ничего не начато. Просто беда. Агент, которому поручено это дело, уехал в Одессу, а может быть еще не уехал. Сейчас Д. пришлет мне своего секретаря, с которым я буду о чем-то разговаривать. Все это довольно глупо.

Думаю только о том, чтобы хоть в четверг вернуться с почтовым поездом.

Пришел секретарь, поехали мы с ним вместе к таинственному агенту в Сыромятники — уехал. Сейчас поем и отправлюсь к Николаю Павловичу ⟨Орлову⟩, зайдя сначала по поручению Павленкова.

Итак, значит в III группе я не увижу ничего, а из-за II приходится ехать в Козлов. Буду там завтра около 12 часов дня, так что в Петербург, вероятно, поспею в четверг с почтовым. До свиданья, милая моя жена, дорогой мой голубчик. Целую тебя.

Твой *В.*

На конверте: С. Петербург. Сухопутная таможня (у Нарвских ворот), кв. Никонова. Ее высокоблагородию *Надежде Михайловне Гаршиной.*

328. *Н. М. Гаршиной*

Козлов, Станция ж. д. 3 июля 84 г.

Опять неудача, дорогая моя Надюшка. Сегодня утром приехал сюда, пошел в Управление, где должен был найти Вахрушева,

занимающегося поверкой вагонов, к которому послал меня Ададуров, и, представь себе мое горе, — Вахрушев уехал в Рязань. Сегодня ночью еду в Рязань, буду там завтра на рассвете, часов в девять поеду к Вахрушеву и постараюсь выехать из Рязани в тот же день, т. е. в среду. Если успею, то в пятницу буду в Петербурге. Я уже теперь, проведя две ночи в вагоне, порядочно устал, а предстоит еще целых три! Ужасно неудачно я выехал.

В Москве, отправив к тебе письмо, я побрел к Николаю Утробовичу, предварительно пообедав в кухмистерской, чтобы не дорого было. Н. П. ⟨Орлов⟩ мне очень обрадовался и так как ему нужно было итти к Тестову обедать с каким-то клиентом, то пошел и я посидеть. Они обедали, а я выпил чаю и смотрел, как они ели. Затем мы с Н. П. пошли посмотреть храм Спасителя, но он оказался запертым. Тогда мы поехали в мою гостиницу, взяли вещи и явились на воксал. И представь себе, первый, кого я там увидел, — Ал. Ив. Эртель! Его выпустили за три дня перед этим, с тем, чтобы он ехал в Кисловодск, что предписал ему Манасеин.[249] Он исхудал страшно, неестественно, кашляет немного кровью. С ним ехала жена его Марья Ивановна и М. В. Огаркова. Все трио очень дружно, но М. И. мрачна ужасно и, оставшись как-то наедине со мной, чуть не расплакалась. Мы ехали вместе до самого Козлова, здесь они поехали дальше: дамы до Усмани, где их родные, а Ал. Ив. прямо на Кавказ.

Мне очень скучно без тебя, голубчик мой, только теперь, в разлуке, хотя и короткой, я понимаю, до какой степени я к тебе привязался. Марья Ивановна тебе очень кланялась; А. И. и Огаркова тоже.

Ну, до свиданья, голубчик мой. Деньги идут быстро, но не так, как я думал. Когда выеду из Москвы, буду телеграфировать. Цалую тебя, друженька моя.

Твой любящий *Всеволод*

329. *Н. М. Гаршиной*

(Телеграмма)

5-го июля 1884 г. подана 2 ч. 26 м. пополуд. Москва

Завтра с почтовым. Гаршин.

Адрес: Пбг. Сухопутная Таможня, кв. Никонова, Гаршиной.

330. *А. В. Успенской*

⟨6 июля 1884 г.?⟩[250]

Александре Васильевне Успенской.

Я видел Глеба Ивановича в Москве; если он не приедет сегодня, в пятницу, то завтра, в субботу.

331. *Е. С. Гаршиной*

9 июля 84 г. СПБ.

Дорогая моя мама, простите, что давно не писал. После приезда из Москвы, у меня было довольно много дела. Поездка моя оказалась гораздо длиннее, чем я думал: из Москвы пришлось ехать в Козлов, оттуда в Рязань, где я, наконец, нашел человека, который мне был нужен. Всего пришлось спать в вагоне пять ночей подряд. Это путешествие довольно хорошо встряхнуло меня. Если можно будет, постараюсь съездить еще куда-нибудь.

Дорогой встретил множество знакомых; был у Надежды Дмитриевны в Рязани: очень подалась бедная старушка.[251] Встретил на вокзале в Москве Эртеля, которого выпустили и которому позволили ехать в Кисловодск лечиться; худ, как щепка, и харкает кровью.

Вчера видел Дрентельново чадо; здоровенькая девочка и очень забавная. Недавно и Н. Мих. показалось, что у нее что-то такое есть, но увы! — теперь опять нет никаких надежд. Мне и страшно иметь ребенка (когда подумаешь о своей болезни) и в то же время хочется ужасно.

Кажется, у нас (т. е. в канцелярии) вводится очень хорошая для нас реформа: июль и август месяцы мы не будем ходить на службу по субботам. Это было бы очень хорошо.

Получил письмо от Жени с поручениями, которые завтра, вероятно, и исполню. Ему нужно выслать некоторые книги.

Есть у нас новости. Бедного старика Шелгунова взяли и посадили. В Москве взяли Гольцева (бывшего профессора). Когда все это кончится. Ш. мне очень жаль: всю жизнь человека травили и под старость не дают покою.[252]

20-го устраивается некоторое скромное торжество. А именно: закащики К. Липгард и К° дают обед уходящему Безанту. Он едет куда-то на Оренб. жел. дорогу служить в Управлении. Прийдется пойти и мне в знак признательности к доброму Якову Яковлевичу.

До свиданья, дорогая моя. Крепко цалую вас и Сашу. Жоржу поклон.

Любящий вас *В.*

332. *А. И. Эртелю*

⟨17 июля 1884 г.⟩

К великому огорчению, дорогой Александр Иванович, я должен отказаться снести приложенную Вами заметку в «Новости». Я не только не могу составить там протекции, но, напротив, одно то обстоятельство, что *я* принесу статью в редакцию, будет

совершенно достаточною причиною для Нотовича ни за что не поместить ее. Дело в том (не знаю, говорил ли я Вам об этом), что несколько лет тому назад я разбранился с Нотовичем до того, что при встрече мы не кланяемся.[253] Если бы Вы уполномочили меня снести заметку в «Н. Вр.», то я исполнил бы это с удовольствием. Если бы Кавказ был ближе, то я спросил бы Ваших инструкций, но теперь, чтобы не терять времени, рискну положить заметку в конверт и послать в «Новости» по почте.

Вернулся я в П. благополучно, живу тоже благополучно. Как вам известно, это слово лучше все рифмует с «скучно».

Простите, голубчик, что не могу исполнить Вашей просьбы (первой, вдобавок!). Но, право, исполнением ее я *наверно бы* испортил дело. Я писал Н—чу ругательное письмо, а он говорил обо мне, что я «дерзкий, необразованный, невоспитанный человек, которого я (т. е. он, Нотович) хотел *вывести в люди*». Одним словом, немного не взаимный мордобой.

Искренно Ваш *В. Гаршин*

18 $\frac{17}{\text{VII}}$ 84.

333. *Е. М. Гаршину*

$\frac{20}{\text{VII}}$ 84. СПБ.

Дорогой брат!

Прости, голубчик, что долго не писал и не исполнял твоего поручения. Извинением мне может послужить то, что я не заставал Майкова; потом, когда застал, он сказал, что у него книг здесь (то есть в П⟨етербург⟩е) нет и что он пришлет ко мне. Прислал через несколько дней и то только Suchier, а диссертации не выслали из-за границы. Митрофана тоже не застал (квартира была заперта) один раз, наконец застал и его и О. А. и Дарью и нашел не все книги. Галахова в чемодане не оказалось, а только Пыпин и Спасович и диссертация об Aucassin et Nicolette, но не Hermanna, как увидишь из посылки. Итак, посылаю тебе завтра утром:

1) 2 т. Пыпина и Спасовича,
2) 1 т. Ольдекопа
3) 1 т. Suchier'а (кто он? Сюшье или Зухир?)
4) 1 диссертацию
5) 1 статью из «Наблюдателя».

Посылаю просто по почте, а не товаром, так как издержка не очень велика, а все-таки скорей. Митрофан Вас. ⟨Ладыженский⟩ говорит, что он, может быть, заложил как-нибудь Галахова со своими книгами и потом найдет; впрочем, мы с ним рылись достаточно и не нашли. Напиши поскорее, не купить ли тебе нового Галахова, если у Митрофана не найдется?

Живем мы благополучно и скучновато; от мамы получаю письма тоже неутешительные, как и ты.

Билеты от тебя получил, но насчет нового выходит заковыка. Наш член Решетник забрал оба билета ю.-з. дорог на все лето, и теперь их нет. Если можно будет, попрошу Франца Егоровича; только не могу поручиться, что даст.

Прости, голубчик, что не писал тебе. Жизнь идет так однообразно. В Москву съездил благополучно и не в одну Москву, а пришлось ехать и в Козлов, и в Рязань. В Рязани, конечно, видел Н. Д. Заиончковскую, которая кланяется тебе. Кроме того встретил по дороге в вагонах и на вокзалах кучу знакомого народа, между прочим А. И. Эртеля, которого пустили лечиться в Кисловодск и с которым я ехал вместе до Козлова.

Виктор Андреевич прислал мне письмо с приглашением приехать к нему, но для меня это невозможно. Да и не тянет уж никуда. Въелся я в это чиновничество, брат.

Совсем было забыл написать вот что: служебные и бесплатные билеты для курьерских поездов не *годятся*. Это и у нас и в Европе такой обычай. Так что, если я вышлю тебе билет, ты с ним на курьерский поезд не садись.

Боже мой, как я глуп. Ведь если Галахова нет у Ладыженского, так он, значит, у Кислинского. Завтра, впрочем, пошлю тебе посылку без Галахова, так как к Кислинскому сходить до завтра не могу, а посылку откладывать не хочется, тем более, что она зашита.

До свиданья. Обнимаю тебя. Надя кланяется. Она учится много, хотя это и не совсем удобно у Нарвских ворот, где приходится хозяйничать. С 1 августа, вероятно, мы будем уже на своей квартире; пока пиши в канцелярию.

Твой *В*.

334. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 21 июля 84 г.

Дорогая мама! Посылаю вам 10 р. Какие горькие вещи вы все пишете! Так или иначе, а осенью это нужно кончить.

Я, кажется, уж решительно никуда не поеду в это лето. Да оно и кончается. К первому августа мы с Н. думаем перебраться на свою квартиру, куда — еще не знаем. На Пески забираться не хочется, а в Лит. части квартиры дороги и скверны. Вчера мы ходили-ходили и ничего порядочного не нашли.

От Жени получил недавно письмо; пишет, что ему в Рахнах необыкновенно хорошо. Сегодня я посылаю ему книги, которые он просил выслать.

У нас на службе весьма приятное нововведение: до 1 сентября мы по субботам на службу ходить не будем. Таким обра-

зом еще прибавляется свободного времени; если бы только я мог что-нибудь теперь писать! Но перо просто из рук падает. Двух слов связать не могу; как будто бы никогда и не занимался писательством. Иногда мне становится страшно: ну как я уже покончил свою литературную карьеру. А на то похоже.

Владимир Михайлович ⟨Латкин⟩ остался еще на год у Горчаковых. Линочка решительно уезжает в Саратовский институт.

Вчера был дан обед Безанту. Я писал вам, кажется, что он едет служить на Оренбургскую дорогу. Было народу человек до 30, всё издатели, типографщики и книгопродавцы. Говорили, что никогда еще не было такого застоя в книжной торговле, как теперь.

Я видел недавно список книг, которые должны быть изъяты из публичных библиотек. До 350 названий, в том числе сочинения Добролюбова, Писарева, Левитова, Златовратского, Помяловского, Спенсера (почти всё), Шелгунова, Михайловского, много книг по геологии и вообще естественным наукам. Из журналов «О. Зап.» (67—84), «Знание», «Р. Мысль», «Р. Слово», «Современник» (56—66), «Дело», «Устои», «Слово» — словом сказать, все журналы кроме «Р. В.», почему-то «Вестн. Европы» и «Наблюдателя». Скоро, вероятно, вообще запретят всякую литературу. Оно бы и лучше; смерть лучше агонии.

До свиданья, дорогая моя. Пишите покуда по прежнему адресу. Надя вам низко кланяется.

Ваш любящий *В.*

335. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 30 июля 84 г.

Дорогая мама!

Вчера я получил письмо от Жени; между прочим он пишет, что вы в конце августа или начале сентября думаете приехать в Петербург. Когда это решится, напишите мне, чтобы я по примеру прошлого года мог найти вам квартиру. Это требует довольно долгого времени: мы с Н. искали-искали и в конце концов решили взять квартиру в том же доме № 20/37 по 9 улице. И квартира точно такая же, только этажом ниже, стоит 25 р. без дров. Квартир много, но дороги и плохи ужасно.

Кислинский объявил нам, что Фокины перебираются из нашей квартиры и в ней поселятся новые жильцы, которые оставляют Жениного жильца Захара Ивановича и выгоняют Кислинского. Так как у них своя мебель, то нам приходится завтра взять всю мебель и перевезти ее к Нарвской заставе до вашего приезда. Сами мы переедем на Пески 7 или 8 августа; пока пишите в съезд, а потом на 9 ул. Песков, д. 20/37, кв. № 6.

На прошлой неделе, в воскресенье, я ездил на Сиверскую станцию с специальной целью посетить Михаила Евграфовича. [254]

Он принял меня очень хорошо и ласково и, казалось, был очень рад, что я приехал. (Мы были у него вместе с Плещеевым, который живет тоже на Сиверской и за которым я зашел). Он довольно бодр, но не пишет, кажется, ничего; по крайней мере говорит, что с закрытием «О. З.» пропало желание работать.

Вот уже несколько дней, как я хожу к Репину и позирую ему. Портрет выходит, кажется, очень хороший, из лучших репинских портретов. Когда он будет кончен, сниму с него карточки.

До свиданья, дорогая моя мама. Крепко целую вас и Сашу. Надя кланяется. Скоро, скоро для нее наступит страшный суд. Я волнуюсь, как будто бы самому придется держать экзамены.

Любящий вас *В.*

336. *В. А. Фаусеку*

(Отрывок)

⟨Лето 1884 г. Петербург⟩ [255]

... Не писать к вам у меня были свои причины; я думаю вы, хорошо зная меня, уже догадываетесь, какие. Я страшно хандрю все эти полгода, самой скверной, беспричинной хандрой и ужасно боюсь, как бы не заболеть. Мне не так страшно умереть, как заболеть. А не будь около меня Надежды Михайловны, непременно заболел бы... Теперь у меня нет острой мучительной тоски, но апатия и лень чудовищные. И нет никаких сил сбросить их с себя. Очень плохи мои дела, Виктор Андреевич...

337. *Е. М. Гаршину*

1 августа 84 г.
СПБ.

Дорогой брат!

Спасибо тебе за письмо, хотя оно и печального характера. Право, ты взводишь на себя чересчур тяжкие обвинения, и мне было читать их немного совестно. Если *ты*, учившийся при самых неблагоприятных условиях (необходимость добывать деньги и пр.), находишь возможность упрекнуть себя в лени и т. п., то что должен думать о себе я, несчастный, которому с 74 до 80 г. была полная возможность сделаться образованным человеком? Шесть лет совершенно пропало у меня в этом смысле. Эх, лучше уж не говорить об этом! Скажу только, что на тебя я никак не могу смотреть, как ты сам смотришь, судя по последнему письму.

В Эртелевом переулке целый переворот. Захар Иванович меняет своих хозяев (Филипповы перебираются наверх), и новые

хозяева изгоняют Ник. Васильевича и нашу мебель. Сегодня мы перевозили ее к Нарвским воротам. Кислинский переезжает куда-то на Петербургскую и хотел взять с собою часть мебели (твой стол, комод, умывальник, кровать и т. п.), но я сказал ему, что матушка приедет, вероятно, в конце августа и что мебель будет нужна.

Напиши мне, когда ты можешь рассчитывать вернуться в П. Мне уже скучно становится без тебя. Мы наняли, наконец, себе квартиру и — увы! — на Песках же, в том самом доме, где жили в прошлом году, но этажом ниже (9 ул., д. 20/37, кв. 6). Квартир много, но дороги и скверны, а главное тесны. Мы пересмотрели их множество, и лучше нашей ничего не нашли. Она такая же, но комнаты выше и потолки прямые. 25 р. без дров.

Был недавно в гостях у Мих. Евграфовича. Довольно бодр, но говорит, что без своего журнала писать не хочется. [256]

Репин пишет с меня портрет. Кажется, выходит очень хорошо. До свиданья, дорогой мой. Обнимаю тебя. Надя кланяется.

Твой *В.*

P. S. Кислинский уверяет, что он говорил с тобою о взятии к себе части мебели. Правда ли это?

P. S. — P. S. Мы перебираемся на свою квартиру числа 7 или 8. Пока пиши в съезд.

Прости, что не высылаю билеты. Наши директора не возвращают их, думаю, что скоро вернут; тогда вышлю.

338. *Е. С. Гаршиной*

⟨8—9 августа 1884 г.⟩

Дорогая мама!

Вчера мы переехали на свою квартиру (9 ул., д. № 20/37, кв. № 6) и очень рады, что очутились, наконец, дома. В гостях хорошо, а дома лучше; хотя я ничего не могу сказать о Влад. Федоровиче, но уже одна страшная даль, с одной стороны, и заботы по хозяйству для Нади, с другой, должны были заставить нас желать жить в своем углу.

Получил письмо от Володи. Он, бедный, еще год остается у князей, хотя это ему и не очень нравится. Но делать нечего, надо лечить спину, жить на юге, а князья и будущий год будут жить в Италии.

Вещи из квартиры в Эртелевом переулке мы перевезли в таможню, в сарай, где они благополучно будут стоять до вашего

приезда. Это все напутал Кислинский; когда я сам увиделся с Захаром Ивановичем, то оказалось, что он бы не прочь остаться на квартире с нашими вещами еще на некоторое время, а Кислинский уверял меня, что З. Ив. *требует*, чтобы мы взяли вещи. Но я увиделся с З. Ив. уже когда все было уложено на воза. Хорош и Женя: набил комоды посудой (без бумаги, без соломы, без всего) и ключей не оставил; хорошо, что Надя догадалась подобрать ключи и, отперев ящики, уложить посуду как следует.

Завтра хочу пойти в жандармское управление, попросить себе свидания с Сергеем Николаевичем ⟨Кривенко⟩. Всё сидят наши литераторы и нет этому сидению конца...

Портрет мой подвигается и выходит, как все находят, необыкновенно похожим. Я очень сошелся за это лето с Ильею Ефимовичем ⟨Репиным⟩ и рад этому. Такое прекрасное существо и он и жена его и дети. Семья и дети, впрочем, живут на даче, в Юкках, а он ездит туда на субботу, воскр. и пон.; бывали там в это время и мы с Надей.

Видел вчера Гришу Каррика; он перебирается со своей фотографией на Караванную улицу: вот теперь можно будет заходить к Ал. Григорьевне.

До свиданья, дорогая моя мама, надеюсь скорого. Сашу целую. Надя кланяется.

Ваш любящий *В.*

339. *В. М. Латкину*

(Отрывок)

10 авг. 84. СПБ.

... Очень я сошелся с Репиным. Как человек он мне нравится не меньше, чем как художник. Такое милое, простое, доброе и умное создание божие этот Илья Ефимыч, и к этому еще, насколько я мог оценить, сильный характер, при видимой мягкости и даже нежности. Не говорю о том, как привлекателен уже самый талант его. Я, кажется, писал тебе, что он начал мой портрет. Скоро он будет кончен... [257]

Ты спрашиваешь, что я пишу. Приступаю только к написанию той самой старинной штуки о художнике, его аманте и злодее-убийце, которую ты, помнится, одобрял. [258] Выйдет что-то листа в четыре, а может быть и больше — по моим привычкам вещь огромная, над которой прийдется сидеть месяца 2—3. Нет, я не настоящий писатель! Все пишется так медленно, туго, да еще хорошо, если пишется, а то ведь со времени сказки о жабе я не написал двух страниц.

340. *Е. С. Гаршиной*

$\frac{20}{VIII}$ 84. СПБ.

Дорогая мамаша!

Посылаю вам 10 р. Так как Женя теперь действительно богаче меня, то он, я думаю, без ущерба может посылать вам немного денег, и поэтому я согласен исполнить то, что вы пишете в своем последнем письме, но только с условием, чтобы при малейшей надобности вы сейчас же написали мне. Положим, что 150 р. в месяц и не очень большие деньги, но потребности у нас с Надей тоже довольно ограниченные, так что мы живем не должая и даже покупая книги (недавно приобрели всего Л. Н. Толстого). Пишу это я к тому, чтобы вы, в случае нужды, нисколько не стесняясь, обратились ко мне.

Катерина Сергеевна жива и здорова: рожала, правду сказать, не совсем благополучно, с щипцами, но все-таки родила здоровенькую девочку, Наташу, которая для Никол. Серг. составляет предмет опасений и волнений, для нее — предмет гордости, а нас с Над. Мих. заставляет завидовать. Никак не думал я, чтобы у Н. С. родилось что-нибудь прежде, чем у меня.

Я теперь понемножку пишу и надеюсь хоть к Рождеству кончить повестушку листа в 4 — 5 для «Р. Мысли». [259] Если кончу, то в начале будущего года выпущу вторую книжку рассказов, вероятно вместе со вторым изданием первой, которая почти разошлась (осталось штук 300 у книгопродавцев и штук 200 в складе).

Недели через две, может быть, я возьму отпуск дней на десять и съезжу к Владимиру Михайловичу в Жмеринку. Он опять уезжает за границу на целый год. Если будет удобно, заеду и к Жене. (Если будет удобно — т. е. если в Рахнах можно будет остановиться). Все это конечно, если по съезду не представится какой-нибудь особенной работы.

Я эти три дня был не совсем здоров. Простудился, должно быть, и жестоко страдал от насморка с легкой лихорадкой. Теперь, слава богу, прошло.

Литераторы наши попрежнему сидят, кроме Эртеля, которого выпустили (я уже писал вам об этом.) Недавно я ходил просить позволения на свидание с Кривенкой. Не дали: «офицер, производящий дознание, не считает это удобным».

«Дело» разрушено окончательно. [260] Между прочим: в редакции висела картина «Смерть Юлия Цезаря» (очень распространенная гравюра). Так вот в числе вопросных пунктов был один такой: «*почему в редакции висела картина, выражающая сочувствие цареубийству?*» Бог знает что! Скажите это Волкову, если он еще у вас.

До свиданья, дорогая моя. Крепко целую вас. Сашу тоже. Надя кланяется.

Любящий вас *В.*

341. *Е. М. Гаршину*

$18 \frac{24}{VIII} 84$. СПБ.

Дорогой брат!

Поручения твои все я исполнил, т. е. 1) шляпу купил и отправил. Купил у Чуркина; всего с пересылкой она стоит $7^1/_2$. Умеренно-либеральная, черная, фетровая, твердо-мягкая. 2) Кислинскому отдал не 1 р. 20 к., а по его просьбе дал две 60 к. марки для прошения. Рукописи твоей доставать из стола не стал, ибо вся мебель, как тебе известно, в таможне в складе и доставание рукописи потребовало бы целого дня поездки и очень долгой возни. 3) Квитанцию на пальто у Черкасова взял и пальто выкупил; оно теперь находится у нас. Если тебе понадобится еще что-нибудь, сделай милость, не церемонься и пиши; я все сделаю с удовольствием.

Пишу я теперь повестушку листа в 4 и думаю кончить к декабрю, а м. б. и к ноябрю.[261] Через неделю или две хочу проехать в ваши места для посещения Владимира Михайловича; заеду, если можно, и к тебе. Напиши, можно ли где-нибудь остановиться в Рахнах.

Черкасов благополучен. Фаусек не приезжал и не знаю, когда приедет; давно что-то не было от него писем. Герды приехали и кланяются тебе. Бедная Ниночка пролежала две недели в лихорадке.

Надя учится очень много. Вчера обедали у нас Як. Петр. ⟨Полонский⟩ с Алей, ибо они приехали одни и теперь бесприютны и безобедны, пока не приедет Ж. А. Кстати: они поссорились с Аленицыным, который ушел от них пешком за 10 в. на станцию и ждал там поезда 5 часов. Этакое животное!

До свиданья. Пиши.

Твой *Вс.*

342. *Н. М. Минскому*

⟨25 августа 1884 г.⟩

Дорогой друг!

Из твоего последнего коротенького письма я вижу, что ты не получил одного из моих писем, что мне по некоторым обстоятельствам очень неприятно, да и тебя тоже лишает некоторого приятного обстоятельства, или не лишает, а только отсрочивает это обстоятельство до твоего приезда, которого, кстати сказать, я жду с превеликим нетерпением.

Книжку «Типы Всеволода Г.» я читал или, вернее, видел: в огороде бузина, а в Киеве дядька, да даже и не дядька, а чорт

знает что такое. Напрасно ты думаешь, что она вышла осенью; уже в июне я прочел ее.[262]

Насчет пчеловодства — очень хорошо. Это была бы сущая благодать.

Сел я писать тебе письмо с единственною целью: поторопить тебя приезжать и узнать, когда вы приедете. А кроме того, вот что (и на это отвечай как можно скорее): через полторы недели я думаю съездить в Жмеринку к Латкину: не могу ли я заехать к тебе? Изобрази ответ на бумаге и поскорее присылай.

Твой любящий *В. Гаршин*

18 $\frac{23}{\text{VIII}}$ 84.
СПБ.

343. *Е. С. Гаршиной*

18 $\frac{29}{\text{VIII}}$ СПБ.

Дорогая мама!

Я получил через Черкасова известие, исходящее от Жени, что будто бы Е. М. женился на какой-то «дочери довольно богатого помещика». Правда ли это? Если да, то это значит, что вы, вероятно, скоро приедете в Петербург. Пожалуйста пишите об этом, да и вообще что-то давно (недели две) не получал от вас писем.

Третьего дня приехал Виктор Андреевич, который уже перевелся в здешний университет. Он теперь у нас, хотя уже присмотрел себе комнату на В. О. на углу 6 л. и набережной. Он здоров, но не совсем: простудился и немножко страдает лихорадкой.

Приехал и Черкасов, по обыкновению весел и неунывающ. Я. Петрович ⟨Полонский⟩ тоже вернулся; недавно они обедали у нас с Алей. Жозефина Антоновна все еще на даче; она лепит бюст сына своих хозяев (кажется, за 200 или 300 р.). Анюта приехала сегодня: очень поздоровела, много работала, но производит на меня грустное впечатление своим уже вполне остановившимся развитием во всем, что не касается музыки.

Сегодня по случаю праздника и еще потому, что мне нужно было быть у Розенталя, я посетил И. А. Сикорского. Он подарил мне свою прекрасную книгу о воспитании и дал прочесть свою рецензию на «Красный цветок», помещенную в «Вестнике психиатрии». Рецензия эта вполне вознаградила меня за нелепые отзывы Кигнов, Чуек и пр.[263] Так же добродушен, серьезен и умен, как и был.

Приехали Герды; Липочка в Саратове на 1400 р. жалованья. Получили мы письмо от нашей милой Бобы. Она начинает свою практику, очень волнуется и все сидит за книгами.

К Владимиру Михайловичу я поехать не могу, но т. к. он уезжает за границу и мы не увидимся год, а м. б. и больше, то он просит меня приехать дня на два — на три в Киев, что я и сделаю. Жду только от него телеграммы, когда он будет проезжать через Киев. Кстати побываю у Виленкина и у Максима Белинского, с которым я хоть и знаком, но весьма мало.

Ну, до свиданья, теперь надеюсь уже скорого, дорогая моя мама. Крепко целую вас и Сашу. Надя кланяется.

Любящий вас *Всеволод*

344. *Е. М. Гаршину* *

St. P-g. 18 $\frac{2}{IX}$ 84.

My dear brother!

J Shall be in Kiev the 9th of September (evening) for an interview with Mr W. Latkin, who will be in this town at this same time. J shall inhabit the *Grand-Hôtel* because Mr Latkin has wrote to me, that he desires to see me in this inn. Jour cloak will be given to you in the time of our very expected interview.

Your truly *W. Garshin*

My wife sends you her best desires. [264]

345. *Е. С. Гаршиной*

18 $\frac{7}{IX}$ 84. СПБ.

Дорогая мама! Сегодня в половине второго я уезжаю по Варшавской дороге в Киев. Взял от Ф. Е. ⟨Фельдмана⟩ отпуск на 10 дней. В Киеве повидаюсь с Влад. Михайловичем, который приедет туда на несколько дней, и с Женей, который тоже будет там. Следующее письмо напишу вам из Киева.

Виктор Андреевич ⟨Фаусек⟩ все еще никак не может начать ходить в университет: до сих пор из Харьковского ун. не прислали его бумаг, и он очень скучает. Поселился ужасно далеко от нас (В. О., 6 линия, д. № 1, кв. 18), но все-таки бывает у нас почти каждый день.

* Мой дорогой брат!

Я буду в Киеве 9 сентября (вечером) для свидания с В. Латкиным, который будет в городе в это время. Я буду жить в Гранд-отеле, потому что г. Латкин писал мне, что желает видеть меня в этой гостинице. Твое пальто будет возвращено тебе во время нашего свидания, которое я очень жду.

Твой верный *В. Гаршин*

Жена шлет тебе наилучшие пожелания.

В прошлую субботу я добился-таки свидания с бедным Сергеем Николаевичем. Нашел я его лучше, чем ожидал, но нервы все-таки расстроены до крайности и весь он разбит. Что он рассказывал мне о допросах, так это просто чудеса в решете. Дознание по его делу кончено, и через месяц, вероятно, его «решат», как кажется (мне говорил Плющ.), в Восточную Сибирь на 5 лет.[265]

Моя повестушка подвигается понемногу. Думаю к Новому году кончить непременно. Это довольно для меня новый сюжет, с любовью, ревностью и катастрофой; не знаю, каково-то выйдет.

Я писал вам о Ек. Серг. Дрентельн, потому что она тоже чуть не умерла от родов. А Елизавета Сергеевна, славу богу, поправилась (у нее был сыпной тиф) и опять работает. Хороший она человек. Боюсь только, как бы себя не замучала она; теперь в Подсолнечной у нее бывает на приеме по 90 больных в день. Наша милая Боба тоже работает (в Кириллове) и сначала очень боится: все время свободное от больных проводит за книжкой (медицинской, конечно).

Линочка устроилась превосходно: попала в среду порядочных людей и в матерьяльном отношении вполне обеспечена: получает 1400 рублей в год. Только все-таки, я думаю, у нее в душе есть червячок, напоминающий ей о деревне и прочем.

До свиданья, дорогая моя мама. Целую крепко вас и Сашу. Брату кланяйтесь.

Искренно любящий вас сын *В. Гаршин*

346. *Н. М. Гаршиной*

〈8-го сентября 1884 г.〉

Моя милая друженька, пишу тебе на ходу поезда; поэтому не сердись за почерк. Благополучно подъезжаем к Белостоку, где брошу это письмо в ящик. До Луги все время болтал с Быковым, чем очень сократил время, т. к. он оказался премилым человеком. Он тоже ж.-дорожник: служит в Грязе-Царицынской ж. д. В Вильне взял извощика и поездил по городу, чтобы посмотреть его. Очень оригинальный и красивый город. Жидов по случаю субботы было мало. В Вилейке встретился с Валентиной Эрминигельдовной, как, бишь, ее? Едет в Петербург и кланяется тебе.

Спал отлично, умылся в вагоне превосходно, словом все благополучно.

В Белостоке пообедаю и через час дальше. Ехать хоть и скучно, но преудобно; впрочем, и от скуки у меня есть лекарство — Шлос-

сёр, которого я прочел страниц 170. До свиданья, моя милая, цалую тебя множество раз. Пиши пожалуйста в Киев, а то скучно.

Твой о. у. б. н. любящий *Всеволод*

$18\frac{6^*}{IX}84$ г.

На конверте: В С. Петербург. Пески, 9 улица, д. № 20/37, кв. 6, Ее В-дию Надежде Михайловне Гаршиной.

347. *Н. М. Гаршиной*

Белосток 8 сентября 84 г. вечер.

Дорогая моя друженька, я показал себя совершенным болваном! Я был уверен, что поезд Ю.-Западных ж. дорог подадут к воксалу, и спокойно сидел себе да попивал чай, а поезд в это время ушел с другого воксала, который в двух шагах! Просто такая досада, что хоть плачь. Теперь сижу в жидовской гостинице (номер — 60 к.) и жду завтрашнего дня. Целые сутки пропустить! Ну не ефиоп ли я безмозглый! Нет, видно я за эти два года совсем отвык путешествовать. Видно лучше сидеть мне бок о бок с моим милым собацицем.

Белосток исходил: город жидовский настолько, что я едва-едва нашел одну отпертую русскую лавку (сегодня суббота), а все остальные заперты, ибо хозяева их сшамэ обгужованнэ ивген, надев праздничные штаны и сюртуки с жалатым чапоцкем, все ходят по улицам. Несмотря на свой юдаизм, город довольно чистый. При въезде высокий песчаный холм, целая гора, заросшая деревьями, обнесенная каменной стеной и уставленная высокими, высокими, сажен в пять католическими крестами и памятниками. Это кладбище. Я сидел там на могилках с час и смотрел в даль, открывающуюся на много, много верст. Солнце заходило, листья желтые и красные, шуршат под ногами. Какая-то полька лежит лицом вниз перед могилкой... Это были такие славные полчаса, что я успокоился и, покорившись своей участи, решился вернуться в гостиницу и, по крайней мере, провести время недаром. Сел писать и написал уже страницы две с лишком печатных, и напишу сегодня еще может быть пять или шесть, потому что чувствую себя в ударе. Пришли в голову новые сцены и положения, и я спешу написать их, ибо они мне кажутся хороши. [266]

Сторона тут не русская: слышится только жаргон жидовский, да польский говор. Поляк-лакей, хотя и не говорит почти по-

* Описка, вместо 8 сентября. *Ред.*

русски, но сумел предложить мне, порекомендовать какую-то фею, на что я ответил ему довольно сухо (т. е. послал к чорту), так что он замолк... Да, правду сказать, довольно скверное впечатление. Низкопоклонные они какие-то; а это предложение сделано было таким тоном, что я не сомневаюсь, что оно делается каждому. Или мы, русские, сумели зарекомендовать себя с этой стороны?

Допишу это письмо завтра и на воксале спущу, а теперь за работу, за работу.

10 сентября*

Вчера засиделся довольно долго и написал страниц всего около пяти. Это очень трудная и неблагодарная сцена между художником и будущим убийцей, через которую я давно хотел проскочить и вчера слава богу перескочил. Сегодня встал в восьмом часу; теперь пью чай, один, без моей милой друженьки! Утро превосходное; напьюсь чаю — пойду гулять. Спал я, вопреки ожиданью, превосходно: блох и клопов нет и подозрения, что весьма удивительно, принимая в соображение дурную в этом отношении славу жидовских гостиниц.

Я гулял долго, исходил весь город. Насмотрелся на жидовские синагоги — вот гвалт-то! Точно шмели жужжат. Позавтракал в ресторанчике очень дешево и сейчас еду на поезд. До свиданья, друженька.

Много раз тебя целует

Твой *Всеволод*

Этот душистый горошек я сорвал в Вилейке.

На конверте: В С. Петербург. Пески, 9 улица, д. № 20/37, кв. 6. Ее В-дию Надежде Михайловне Гаршиной. *Почтовые штемпеля*: Белосток. 9 сен. 1884 и С. Петербург. 11 сент. 1884.

348. *Н. М. Гаршиной*

Киев 12 сентября 84 г.

Дорогая моя друженька, представь себе, что я до сих пор жду Владимира Михайловича! Из Казатина я дал Вилочке телеграмму и они с Женей встретили меня на вокзале. Остановился я у Демчинских. Сестра Ю⟨лии⟩ Ив⟨ановны⟩ Надежда Ивановна замужем за инженером Демчинским и там же живут Вилочка с Ю. Ив. Приняли меня как родного; люди они прекрасные; особенно он мне понравился: серьезный, очень образованный человек.[267]

А Володи всё нет и нет. Ходил я в Grand Hôtel раз десять — и все даром.

* Описка, вместо 9 сентября. *Ред.*

Выедем в пятницу вместе с Вилочкой, и скоро, скоро увидимся. Киев город чудный, и я так жалею, так жалею, что тебя нет со мной, моя голубочка, моя дружечка милая.

До скорого свиданья.

Твой *В.*

Тебе крестик купил, а Алексеевне образок св. Варвары, кипарисовый. До скорого свидания, мой собацщ.

На конверте: С. Петербург. Пески, 9 улица, д. 20/37, кв. 6. Ее В-дию Надежде Михайловне Гаршиной. *Почтовые штемпеля:* Киев. 13 сен. 1884 и С. Петербург. 16 сен. 1884.

349. *Н. М. Гаршиной*

14 сентября 1884 г. Киев.

Дорогая друженька, Володя приехал только вчера, благодаря своим глупым князьям. Я хотел ехать завтра утром, но в виду этого придется остаться и выехать 16 утром, в воскресенье, и буду я в Петерб. 18 в 5 часов 55 минут. Это уже совсем верно. Милая моя друженька, прошу у тебя прощения за то, что пропущу твои имянины, но что же делать: за две тысячи верст ехать, чтобы провести с Влад. Мих. один сегодняшний день, не стоило. Мы и то проведем вместе только два дня.

Как я начинаю скучать по тебе! Нет, нам так нельзя; если ехать куда-нибудь, то вместе. А то просто ужас как скучно, бесценный мой собацщ, друженька милая. Вчера мы ездили по Днепру в Выдубецкий монастырь на лодке (Вилка, Демчинские, муж и жена, Володя, Женя, наша с ним кузина Юлия Степановна (Миссори, урожд. Гаршина) и я. Прогулка была просто прелесть: если бы ты была с нами! Я всю дорогу думал об этом.

Итак, во вторник мы увидимся. До свиданья, голубушка; тысячи раз цалую тебя.

Твой любящий *В.*

Женя уехал сегодня утром в 7 ч. Он тебе очень кланяется.

На конверте: В С.-Петербург. Пески, 9 улица, д. 20/37, кв. 6. Ее В—дию Надежде Михайловне Гаршиной. *Почтовые штемпеля:* Киев 15 сент. 1884 и С.-Петербург 17 сент. 1884.

349а. *Н. М. Гаршиной*

(Телеграмма)

17-го сентября 1884 г. Соколки.

Поздравляю. Завтра с почтовым. Гаршин.

Адрес: Пбг. Девятая Песков 20, Гаршиной.

350. *Е. С. Гаршиной*

СПБ., 20 сентября 1884 г.

Дорогая мама! Посылаю вам образ: пусть он послужит как следует и действительно благословит Егора на третью брачную жизнь. Не могу вам и сказать, как я рад, что вы в октябре будете здесь; и вам и Саше это совершенно необходимо. По примеру прошлого года я найду вам квартиру и перевезу вещи. А я было хотел ехать в октябре к вам в Мстиславль и взять Сашу, чтобы поместить его до вашего приезда у Никоновых. Елиз. Федоровна наверно бы согласилась на это. Я бы оставил его и у нас, но это значит сильно помешать Надиным экзаменам, которые па носу.

Благодарю вас за подарки; Н⟨адя⟩ была до-нельзя тронута вашей памятью. Платок отличнейший; напишите, пожалуйста, машинные ли носки или вашей работы: мы с Н. спорили об этом. [268]

Съездил я в Киев очень хорошо: видел Володю, Женю, Юлию Степановну Миссари, Виленкиных. Жил я у родных последних, у некоего инженера Демчинского и очень рад, что сделал это знакомство. Это такие прекрасные люди, что поискать. Виделся с М. Белинским (вернее Иеронимом Иеронимовичем Ясинским); мы втроем снялись: Всеволод Гаршин, Максим Белинский и Н. Минский. [269] Ездили мы на лодке в Выдубецкий монастырь, были в Лавре, в Софийском соборе, в Михайловском монастыре.

Университетское безобразие при мне еще не кончилось: дом Ренненкампфа был все еще оцеплен конными пикетами. [270] Ах, какой это прекрасный город: я очень жалел о Егоре, который променял его на Мстиславль.

Володя сильно поправился и располнел, еще год и он, вероятно, снимет свой корсет. Он вам очень кланяется.

Миссари очень милая особа, только скучна немножко.

До свиданья (теперь уже, надеюсь, скорого), моя дорогая мамочка. Крепко целую вас и Сашу. Жоржу поклон и пожелание лучшего в будущей семейной жизни.

Любящий вас *Всеволод*

351. *Е. С. Гаршиной*

18 $\frac{29}{IX}$ 84. СПБ.

Дорогая мама! Во-первых, простите, что долго не писал. После приезда из Киева было довольно много работы, а по вечерам много беготни по разным чужим делам. Из них одно: Надсон бедняжка совсем умирает: у него злая чахотка. Доктора приговорили его ехать в Южную Францию; Фонд дал денег, но

мало. Я тогда подал мысль Ал. Арк. Давыдовой устроить ему сборную степендию в 100 р. в месяц; так было и сделали, но потом Давыдова устроила так, что Дервиз (молодой, сын покойного ж.-д. магната), у которого *1.000.000* дохода в год, дал ей для Надсона один сразу на два года. Во вторник он бедняжка едет, и я все утешаюсь надеждой, что он уцелеет. Ведь тянет же Таничка.

Не сердись на меня за мой отказ приехать на свадьбу Жоржа. То, что я писал ему, — чистая правда. Конечно, я и в Киев не ездил бы, если б знал раньше что-нибудь о свадьбе брата, но даю вам честное слово, что теперь я отказываюсь не от нежелания исполнить просьбу вашу и его, а оттого, что решительно нельзя. Да и не пустит теперь меня Фельдман, или может быть и пустит по свойственной ему доброте, но этим запутаются наши дела.

Писал ли я вам о несчастной Радонежской? Она бросилась в 9-саженный колодец, после того, как гнавший ее училищный совет отнял у нее школу.[271] Это было в Киевских газетах и Петербургские не перепечатали этого печального известия, чему я радуюсь, потому что Линочка, если и узнает это, то не скоро. Она на эту Р. молилась, как на святую.

Был я недавно у Пузино. Юля приехала сюда рожать (в ноябре); она подурнела от беременности, но все-таки очень мила. Старики боятся за нее, но, кажется, судя по отзывам доктора и акушерки, все обстоит благополучно.

У Миши Малышева сын, Дмитрий II-й. Работает Миша, как вол; недавно он засел на целый день за рабочий стол и нарисовал разной дряни на 112 р. в один день. Будет через десять лет с капитальцем, да оно ему нужно, ибо Маруся, кажется, склонна продолжать в том же роде, а у него самого глаза не совсем прочны.

Еще умер один рисовальщик — Шпак.

Жду от вас писем с указаниями, когда и *где* искать квартиру и какую.

Прошу вас, дорогая моя, поручите мне все это; я и найму и мебель перевезу. В ваши годы уже не совсем-то легко возиться с перевозками.

Напишите, понравился ли образ? Он точно такой, как подаренный вами нам.

Цалую Сашу, кланяюсь Жоржу и его жене (когда прийдет к вам это письмо, она уже будет таковою) и желаю им всего самого лучшего. Надя тоже поздравляет их.

У нее 1-й экзамен 12 сентября, т. е. не один, а два: анатомия и физиология. Трудненько ей теперь. До свиданья, дорогая моя мама. Крепко цалую вас. Надя кланяется.

Любящий вас сын *Всеволод Гаршин*

352. *Е. М. Гаршину*

⟨2 октября 1884 г.⟩[272]

Дорогой Женище, вчера получил твое письмо и спешу ответить. Прошу тебя немедленно уведомить меня, *где* искать квартиру для мамы, *в какую цену* и во сколько комнат. Если бы ты мог выслать мне на сей предмет немножко денег, то я ⟨бы⟩ был искренно благодарен. Если не можешь, то как-нибудь обойдусь.

Писать есть о чем, и даже об очень многом, но только, в виду предстоящего через месяц свидания, очень не хочется. Вкратце: Надсона отправляем за границу; Ал. Арк. ⟨Давыдова⟩ испросила для него у Дервиза (молодого) на два года степендию по 100 р. в месяц. Виленкина жена с Над. Ив. приехали вчера. Вчера я был с Давыдовым на 100-м представлении «Демона». Махал палкою Антон Рубинштейн. Повесть моя подходит к концу и будет напечатана в январе «Р. Мысли».[273] Юлия (Реслер) приехала сюда рожать. У Нади первый экзамен 12 октября: долбит, бедная, ужасно, и по этому случаю к нам никто не ходит. Фидлер преподает немецкий язык в гимназии у кн. Оболенской. У Миши сын Димитрий второй. И прочее, и прочее, и прочее.

Отвечай скорее.

Искренно любящий тебя брат *В. Гаршин*

Виктор Андреевич бумаги свои получил. Пишет к Черномадзе фельетоны, получает деньги; кроме того переводит для Риккера.

353. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. $\frac{6}{X}$ 84 г.

Дорогая мама!

Посылаю вам билеты от Смоленска на Москву в Петербург. Достать билет по Динабурго-Витебской ж. д. оказалось решительно невозможным; эти же Франц Егорович дал мне с большим удовольствием. Если успеете, телеграфируйте мне, в какой части города искать квартиру. Я уже начал понемногу присматривать их. Если бы можно было где-нибудь в М. Морской или Ново-адмиралтейской набережной!

Поздравляю Жоржа с женитьбой. Отчего вы не пишете мне об этом?

Повесть моя приближается концу. «Р. М⟨ысль⟩» напечатает ее в январе 1885 г.[274] Деньги они платят хорошие: 200 р. за лист, только, я думаю, обидятся, что я на первый раз дам им целых 4 листа, точно из-за денег.

Третьего мы проводили бедного нашего Надсона за границу. У него одного легкого нет совсем и есть уже на ноге туберку-

лезная язва. Но бывают ведь чудеса. Мне не хочется верить, что он умрет. Как нарочно вечером у Давыдовых, после его проводов, Антон Григорьевич играл и так играл, как я никогда не слышал. Нарочно ли он это сделал или нет (он очень огорчался судьбою Надсона), но только он выбрал все траурные вещи и между прочим знаменитую Шопеновскую сонату B-mol с marche funèbre. У всех на глазах были слезы. Играл он как бог.[275]

Виктор Андреевич ⟨Фаусек⟩ очень сошелся за последние дни с Надсоном и просиживал с ним целые ночи, когда того мучила бессонница.

До скорого свиданья, дорогая мама. Крепко, крепко вас целую и Сашу. Жоржу и его жене низко кланяюсь. Надя тоже. 1 экзамен у нее 12 октября.

Любящий вас *Всеволод*

P. S. А вы до сих пор не написали мне, как зовут Жоржа жену.

P. S. P. S. Если паче чаяния на дороге спросят, где служите, то скажите, что в Правлении Новгородской ж. д. письмоводительшей (пл. Алекс. театра, д. № 7) у Фельдмана. Директора наши: Воронин, Решеткин, Жук, Чаруковский. Управляющий Дидим Павлович Кобылянский.

Билет Николаевской ж. д. *не действителен на курьерский поезд.*

354. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. $\frac{10}{X}$ 84.

Дорогая мама!

Если возможно, выезжайте днями 2—3 раньше предположенного вами времени. Я послал вам билеты; получили ли вы их? Теперь они не нужны, но 21—23 октября могут понадобиться нашим членам. Удостоверения при билетах нужно перед отходом поезда предъявить в кассу для наложения штемпеля.

До скорого свидания, дорогая мама. Крепко вас целую. Надя и В. Андр. кланяются. Поклон Жоржу и Анне Владимировне.

Любящий вас *Всеволод*

355. *Е. С. Гаршиной*

18 $\frac{15}{X}$ 84. СПБ.

Пишу вам два слова, дорогая мама: я думаю вам вовсе не придется платить за Сашу. Я советую вам обратиться к начальнику станции с просьбою позволить взять его с собой в вагон,

и уверен, что они не откажут вам ни в Смоленске, ни в Москве. 13-го Надя выдержала два первые, трудные экзамена, из анатомии и физиологии. По первой получила maximum, по второй sufficet. Ну и то хорошо. Жду не дождусь Нового года, когда вся эта мука кончится.

Любящий вас *В. Гаршин*

Поклон Жоржу и А. В.

Если же начальство не пустит Сашу без билета, то вы возьмите ему билет II класса и обер-кондуктор позволит вам взять его в I.

356. *В. М. Латкину*

(Отрывок)

СПБ. 18 15/X 84.

У нас все благополучно. Я продолжаю ревностно служить и довольно аккуратно пишу свой рассказ, из которого листа $2^1/_2$ уже готовы, а всего будет 4. Он появится в I кн. 85 г. «Русской Мысли». Кроме того занимаюсь своим переплетным ремеслом. Очень много читаю по истории и литературе.

357. *Е. М. Гаршину*

СПБ. 2. XI. 84.

Дорогой брат, пожалуйста не беспокойся насчет билетов. Они будут высланы 6 ноября: так уже давно решено неизменной судьбой! Все-таки ты хорошо сделал, что написал любовное письмо Владимиру Александровичу.

Мы с мамой решительно восстаем против твоего намерения поселиться в Адмиралтейской части. Пункты:

1) Тебе к Балашовым надо *один* раз в день, а в Литейную часть, где все скопимши, по крайней мере пять раз.

2) Матушке никуда нельзя будет выбраться за дальностью расстояния.

3) Мне положительно нельзя будет бывать у вас хоть заходом каждый день, а я к таковым поступкам чувствую склонность.

4) 15 р., ассигнованных на извощика специально для Балашовых, окупятся сравнительною дешевизною квартиры. Матушка писала тебе, вероятно, о квартире Лебедевой, которая перебирается на другую.

5, 6, 7, 8, и пр... несть числа прочим резонам, которые могут быть изложены при свидании, которое, надеюсь, воспоследует не позднее 15—17 сего ноября.

Твой любящий брат *Всеволод*

358. *Е. М. Гаршину*

⟨6 ноября 1884⟩

Дорогой брат!

Посылаю билеты. При билетах К.-К. ж. д. и М.-К. ж. д. удостоверений нет потому, что эти билеты *членские*. Помни, что ты член, или директор, и потому держи себя солиднее.

До скорого свидания.

Твой *В.*

6/XI 1884 г.

359. *В. М. Латкину*

(Отрывок)

СПБ. 18/XI 1884 г.

29 у нас съезд и работы теперь очень много, а тут как на грех со мною приключился довольно острый припадок писанья, так что теперь работаю довольно много. Художник-убийца подходит к концу; нарочно для него ходил в «зал общедоступных увеселений»(нечто в роде Марцинкевича) и там созерцал множество б. и б. [276] Кроме художника-убийцы готовится к Новому году некоторая тайная вещь, которая тебя весьма удивит. [277]

360. *Н. А. Демчинскому*

⟨Ноябрь 1884 г.⟩

Ныне четвертое действие, друг мой, тебе посылаю;
Завтра же, кончив второе, начну переписывать тотчас,
Дня через два же, окончив сию многотрудну работу,
В чистый вложу я конверт и, наклеив почтовые марки,
В ящик почтовый снесу, да летит беспрепятственно в Киев.
Ты ж, Боборыкина ужас, Шпажинского гибель, скорее
Первый и третий пиши, и в Петрополь далекий немедля
Оные мне посылай, да, узрев всего совокупность,
Сердцем воспрянул в весельи, и нос, опущенный на квинту,
Гордо вознес на октаву и драмой в восторге упился!..
Паче всего же ты помни дворнику данный задаток,
Киев скорей покидай и в объятия друга стремися!

Право, приезжай скорее, многолюбезный друг и сотоварищ. Второе действие идет недурно; завтра, как сказано выше, кончу. Прости, что запоздал послать IV акт; эти дни у нас был съезд и я чуть не умер от беготни и работы.

До скорого свидания. Пиши бога и драмы для.

Твой *В.*

P. S. Сцену между подлюкой и бароном (из I д.) написал, но, кажется, переделаю совсем. Не нравится.

361. *В. М. Латкину*

(Отрывок)

СПБ. 23/XII 1884.

Дорогой друг! Получил я твое грустное послание о наших семейных огорчениях. Что до меня касается, то меня подвиг Гаршина (кажется, его зовут Фед. Никол., это сын моего старшего дяди) не произвел особо удручающего впечатления, т. е. особенно более удручающего, чем если бы это был не Гаршин, а Семенов или Петров.[278] Я этого человека не видел никогда; мальчиком 8 лет видел одного из его братцев; вот и все наши отношения. Конечно, все-таки тяжело и досадно. Но что меня мучит, так это то обстоятельство, что куда ни взглянешь, везде то же. Л.-ы — воры. Гаршины — воры, родные Г. — воры. А NN, чорт его знает, что с ним случилось, но он стоит наряду со всеми: растратил земские, мужицкие, деньги. Сколько раз меня спрашивали, иные с действительным участием, другие, желая попытать: «не родня ли вам этот Гаршин, который... и проч.?» Я довольно равнодушен к этому...

Я очень счастлив, очень много работаю. Хандриального периода не было с весны, а что еще важнее, не было и возбуждения. Одним словом, tonus нормальный, как говорит Надя. Может быть, и избегну третьей высидки в сумасшедшем доме...

1885

362. *Н. М. Гаршиной*

(Телеграмма)

31-го января 1885 г. Москва.

Я приехал, остановился в Метрополе. *Гаршин.*

Адрес: Пб Дегтярная 37, Гаршиной.

362а. *Н. М. Гаршиной*

(Телеграмма)

2-го ⟨февраля⟩ 1885 г. Вишера

Еду с курьерским. *Гаршин.*

Адрес: Дегтярная 37; Гаршиной.

363. *Н. Н. Бахметеву*

⟨11 февраля 1885 г.⟩

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Когда мы виделись, я совсем забыл попросить Вас сделать мне одолжение: распорядиться приготовить несколько оттисков моего рассказа.[278] Если еще не поздно, будьте добры, скажите, чтоб сделали штук 25.

Искренно преданный Вам *В. Гаршин*

11/II 85 г. СПБ.

364. *В. М. Латкину*

(Отрывок)

20/II 85. СПБ.

Драму я, конечно бросил. Я думаю, что если бы я работал один, то из нее вышло бы что-нибудь путное, но с Д⟨емчинским⟩,

который все это затеял, вдвоем, конечно, работать нельзя... Кажется, что я сдам все Д. и откажусь от всяких прав на сие двухгениальное творение.[279].

В «Русской Мысли» напечатана первая половина рассказа «Надежда Николаевна»... Напиши мне откровенно, что это такое. Сам я рассказом недоволен. Знаю, что будут ругать меня жестоко, и не за те недостатки, которые вижу я, а за вещи посторонние: за отсутствие политики, за занятие любвями и ревностями в наше время, когда... и пр.

Ездил в Москву; повидаться с Львом Николаевичем Толстым не удалось. Толстой уехал в деревню...

Я чувствую настоятельную потребность говорить с ним. Мне кажется, что у меня есть сказать ему кое-что. Его последняя вещь ужасна. Страшно и жалко становится человека, который до всего доходит «собственным умом»...[280]

Как мне жалко, что тебя здесь нет! Приехал П. и говорит, что ты везде споришь об искусстве, всегда ставишь русское так высоко, как истинный «сын отечества». В каком бы восторге был ты теперь, увидев «Ивана Грозного» Репина. Да, такой картины у нас еще не было, ни у Репина, ни у кого другого — и я желал бы осмотреть все европейские галлереи для того только, чтобы сказать то же и про Европу... Представь себе Грозного, с которого соскочил царь, соскочил Грозный, тиран, владыка,— ничего этого нет; перед тобой только выбитый из седла зверь, который под влиянием страшного удара на минуту стал человеком. Я рад, что живу, когда живет Илья Ефимович Репин. У меня нет похвалы для этой картины, которая была бы ее достойна...[281]

365. *Н. В. Каировой*

⟨7 марта 1885 г.⟩

Многоуважаемая Настасья Васильевна!

Считаю долгом уведомить Вас, что сегодня у нас не будет обычного собрания знакомых, т. к. мы должны сегодня уехать в некоторое место.

На будущей неделе Н. М. держит в пятницу экзамен; поэтому и будущий четверг мы думаем провести в уединении (т. е. она, а я буду где-нибудь слопять слоны).

Преданный вам *В. Гаршин*

18 $\frac{7}{III}$ 85.

366. *В. М. Латкину*

(Отрывок)

СПБ. 18 13-25/III 85 г.

«Обзор детской литературы» — выпуск за 1884 г. скоро пришлем тебе: сегодня мы с А. Я. будем читать последний лист корректуры.

«Надежда Николаевна», кажется, имеет некоторый успех у читателей... Предполагаю получить смертельный мордобой от Скабичевского, Единицы (см. «Неделю») и прочих.[282] Один Буренин, быть может, будет благосклонен, как всегда...

... Я мечтаю часто (и даже не мечтаю, а думаю) через год-два уйти отсюда в провинцию. Если можно будет где-нибудь пристроиться земским секретарем, то это было бы весьма и весьма превосходно. Не скажу, чтобы я тяготился своим секретарством; нет, работа не тяжелая, часто очень интересная. То техника, то юридические вопросы; во всем этом многому поучаешься, конечно, не как техник и юрист, а как человек и маратель бумаги. Но хочется уйти в деревню; измочаливает понемногу петербургская жизнь. Да и просто пора переменить декорации. Кроме того, что будет здесь делать Надя? Тут в Питере около 150 женщин-врачей, ибо они по большей части стремятся остаться здесь, что представляет, по-моему, даже некоторое извращение идеи женских курсов. Рано или поздно, мы уедем в глушь, не порвав связи с Питером, без которого все-таки жить невозможно.

367. *В. М. Латкину*

(Отрывок)

1/13 апр. 85 г. СПБ.

Очень рад тому, что ты с сочувствием относишься к нашим стремлениям в деревню. Вижу в этом единственный путный исход и для себя, и для Нади. На большинство оставшихся здесь женщин-врачей досадно бывает смотреть: толкутся тут без дела и без денег, бедствуют, а там работы непочатый угол...

Принимаюсь за Р. Хочу сделать из нее центральную фигуру довольно сложной штуки (сложной для *моих* сил, уменья). Надо писать, надо, чувствую я это и мне стыдно за... хотел было написать «свою лень прежних годов», да это несправедливо...[283]

368. *Ю. С. Миссори*

⟨Начало апреля 1885 г.⟩

Дорогая Юлия Степановна!

Посылаю вам свой долг, мою карточку, только недавно полученную мною из фотографии; карточка, по правде сказать,

прескверная; но уж, видно, такая моя судьба — не выходить в пристойном виде на фотографии.

Друзья Надсона все очень обрадованы вашим предложением; остановка теперь только за докторами. Не знаю, позволят ли они ему приехать в Россию, даже и в ваш благорастворенный климат в этом году.[284] На-днях ему сделают операцию, после которой он шесть недель должен будет лежать; в эти шесть недель я постараюсь узнать всё как следует и убедить его самого. Вы делаете очень доброе, очень хорошее дело, беря его к себе. Его смерть была бы огромной потерей.

Есть ли у вас его книжка? Если нет, напишите мне: я сейчас же вышлю.[285]

Я не знаю, придется ли мне в этом году уехать куда-нибудь из Петербурга дальше какой-нибудь Любани. Дело в том, что мой шеф болен и все остается на моих руках. А тут еще подвернулась моя очередь быть присяжным. Не знаю, как и быть.

Н. Мих. кланяется вам.

Искренно преданный *В. Гаршин*

9 ул. Песков, д. 20, кв. 6.

369. *Ф. Е. Фельдману*

<9 апреля 1885 г.>

Многоуважаемый Франц Егорович!

[Я уже много раз ходил в Главное общество, чтобы попросить у Л. И. Перла бумаги, касающиеся пополнения номенклатуры, о которых мы, согласно проток. XXII съезда, должны сообщить циркулярно Правлениям,[286] — но поймать его очень трудно: я видел его только один раз, когда он куда-то торопился, и поэтому попросил меня зайти потом.

Так как застать его очень трудно, а между тем время идет, то не разрешите ли Вы мне обратиться к Л. И. письменно, с покорнейшей просьбой прислать необходимые нам документы на один день?

Присоединяюсь к просьбе Владимира Александровича сообщить нам что-нибудь о Вашем здоровьи.

Глубоко преданный *В. Гаршин*

9 апреля 1885 г.

370. *К неизвестной*

<27 апреля 1885 г.>

Милостивая государыня!

Я прочел Вашу рукопись и к моему большому облегчению могу совершенно искренно сказать Вам свое мнение, не опасаясь

огорчить Вас. Как мне кажется, Ваш отрывок написан простым, живым и совершенно литературным языком; насколько можно [судить] требовать от отрывка в 5—6 печатных страниц, выведенное лицо очерчено ясно и, что мне особенно нравится, без стремления к «протоколизму»: за выведенной фигурой видно и правильное отношение к ней автора, не впадающего, однако, и в тенденцию.

Мне кажется, я могу, не взяв на себя греха порождения несбыточных надежд, посоветовать Вам работать не унывая. Дай бог только, чтобы Ваше отношение к делу всегда осталось серьезным; пусть Ваше перо не гонится за дешевым успехом и пусть оно слушается только Вашего собственного разума и сердца.

Вы просите меня сохранить в тайне Ваше письмо: я просил бы взаимного одолжения.

В. Гаршин

27 апреля 85 г.

371. *В. М. Латкину*

(Отрывок)

1 мая 85 г. СПБ.

Я совсем испортил себе за последнее время расположение духа: пошли в нашем болоте дрязги и сплетни: разругались мы с N. и, кажется, навсегда...[287] Тут еще пошли разные бабьи сплетни (не об амурных делах, к счастью, а об литературных дрязгах) и вообще чорт знает что. Все это и гнусно, и скучно, и расстраивает мою дряблую нервную систему.

Ты прочел, должно быть, мою «Надежду Николаевну», которую я послал тебе тотчас же по получении оттисков из Москвы. Напиши мне о ней что-нибудь, не стесняясь. Я чувствую, что заслужил за нее многие и многие упреки. Конечно, не с той стороны, с которой выругала критика. А это было целое гонение. Я рад только, что успел притерпеться и разные слова, вроде «чепухи» и т. п., изрыгаемые Скабичевским и К°, меня очень мало задевают.[288]

Ты сам свой высший суд...

Но дело в том, что на этом-то суде я не могу сказать «доволен». Я чувствую, что мне надо переучиваться сначала. Для меня прошло время страшных отрывочных воплей, каких-то «стихов в прозе», какими я до сих пор занимался: материалу у меня довольно и нужно изображать не свое я, а большой внешний мир. Но старая манера навязла в перо, и оттого-то первая вещь с некоторым действием и *попыткою* ввести в дело нескольких лиц решительно не удалась. Что вещь вышла не «реальная»,

о том я не забочусь. Бог с ним, с этим реализмом, натурализмом, протоколизмом и прочим. Это теперь в расцвете или вернее в зрелости и плод внутри уже начинает гнить. Я ни в каком случае не хочу дожевывать жвачку последних пятидесяти-сорока лет, и пусть лучше разобью себе лоб в попытках создать себе что-нибудь новое, чем итти в хвосте школы, которая из всех школ, по моему мнению, имела меньше всего вероятия утвердиться на долгие годы. Ибо она-то и представляет чистое «искусство для искусства» не в философском смысле этого слова, а в скверном. Для нее нет ни правды (в смысле справедливости), ни добра, ни красоты, для нее есть только интересное и неинтересное, «заковыристое и незаковыристое».

Придется и это лето сидеть в Петербурге. Тоска, хочу со злости летом засесть за работу и сидеть не разгибаясь, пока не кончу...

372. *Е. М. Гаршину*

18 $\frac{14}{\text{VIII}}$ 85.

Поздравляем тебя с двадцатипятилетием, дорогой брат. Прости, голубчик, что не приехали: сегодня я был на службе и до того измучен, что чувствую необходимость остаться дома и полежать. Ждали сегодня матушку или тебя с Сашей; надеемся, что С⟨аша⟩ выдержал экзамен.

Желаем тебе всего, всего хорошего.

Кланяйся маме от нас обоих.

Любящий тебя *В.*

373. *Ф. Е. Фельдману*

⟨9 сентября 1885 г.⟩

Многоуважаемый Франц Егорович!

Сейчас только я получил прилагаемое письмо Вахрушева: из него видно, что он не командирован на съезд. Между тем, как и Вы отозвались однажды, присутствие его на съезде решительно необходимо. Не распорядитесь ли Вы послать Ададурову просьбу (в виду недостатка времени — телеграммой) о приглашении на съезд Вахрушева, как агента по проверке вагонов? Конечно, это следовало бы сделать и раньше, но Вахрушев сам сказал мне, что он наверно будет на съезде, и я не знаю, какие «перемены на дороге» мешают ему приехать.

Позвольте поблагодарить Вас, Франц Егорович, за Ваше теплое отношение. Мне теперь значительно лучше: припадки слезливости стали гораздо реже и, хотя все еще малейшая причина способна совершенно расстроить меня и сделать никуда негодным,

я все-таки надеюсь скоро поправиться. Я не знаю, что было бы со мной, если бы не Ваша доброта, дозволившая мне отдых.

Искренно преданный Вам

В. Гаршин

9 сентября 1885 г.

374. *В. М. Латкину*

(Отрывок)

29/IX 85. СПБ.

Мои дела очень плохи. Я сделал большую глупость: вместо того, чтобы летом взять отпуск и уехать куда-нибудь в деревню, я все перемогался, и вот дотянул до того, что стал никуда негодным. Спасибо Ф. Е. Фельдману за то, что он отнесся участливо к моему плачевному состоянию и освободил меня от работы на неопределенное время, несмотря на то, что теперь съезд, и очень важный, с премногими хлопотами и возней. Я сижу дома, ничего не делаю и иногда подвергаюсь припадкам тоски, от которой навзрыд реву по часу. Вот уже три недели, как я не на службе, еще недели четыре или пять можно пользоваться добротою Ф., потом придется бросить место, если я не приду в сколько-нибудь сносное состояние и не буду способен работать. Не для фразы скажу тебе, что часто горько сожалел я, что пуля восемь лет тому назад не взяла немного левее. Что это за жизнь: вечный страх, вечный стыд перед близкими людьми, жизнь которым отравляешь. За что Наде такое горе и за что мне такая любовь и самоотвержение? Она теперь живет мною одним, а во мне еще хватает гадости иногда капризничать и ссориться с нею.

Я никогда так не хотел умереть, как теперь. О самоубийстве я, конечно, не думаю: это была бы последняя подлость.

Голова постоянно болит, памяти нет, бессилие и вялость постоянно валят на постель. И надо всем этим мучительный страх сойти с ума и опять испытать весь этот ад.

Ну, будет об *этом*!..

Это письмо лежало целых две недели неоконченным: попробую сегодня дописать его. Мне гораздо лучше: я не реву, чувствую себя физически бодрее и, кажется, на этой неделе пойду служить. Что может быть глупее такого положения: теперь я боюсь уже не меланхолии, а мании, не зная, нормально ли мое улучшение или только кажущееся, и не зная, не пойдет ли мое благополучное самочувствие все crescendo до тех пор, пока не придется засаживать меня к Фрею. По этим строчкам ты можешь судить, в каком безобразном состоянии находится моя душа. Всё о себе и о себе. Это одно приводит меня в отчаянье. Чувствуешь себя не полным человеком, а каким-то существом, единственное назначение которого — бороться против болезни. И эта болезнь составляет единственный интерес жизни. Не гнусно ли это?..

...Так как NN умирает, то был на прошлой неделе у него. Вероятно, больше не увижу никогда: он очень плох. Старое умирает, молодое не растет. Растут всё какие-то свиные рыла или совершенно дохлые души, вроде моей. Господи, если бы только пять лет жизни, но только здоровой, работящей жизни! Тогда хоть бы и умереть...

375. *А. А. Виницкой-Будзианик*

<17 октября 1885 г.>

К сожалению я должен отказаться от Вашего предложения. Один раз я попробовал писать драму вместе с другим и на сюжет этого другого; из драмы ничего не вышло, и я с тех пор решился никогда не вступать ни в какие сотрудничества. [289] Мне кажется, что писать вместе могут только близкие друзья (подружившиеся в детстве или ранней юности) или братья. Нужно, чтобы в душе другого не было неизвестного уголка, тогда писать можно, а иначе ничего не выйдет. Образ, ясно представляющийся одному, другому покажется диким или невероятным, и постоянные столкновения не позволят вместе работать.

Отчего бы Вам не попробовать одной? Опытности в драматическом творчестве у Вас наверно не меньше, чем у меня, потому что у меня ее нет вовсе.

В. Гаршин

17 октября 85.

376. *Е. С. Гаршиной*

Воскресенье, 27 октября <1885 г.>

Седьмая улица П<еско>в, д. № 9, кв. 12. (войдя в калитку, итти прямо до большого дома и потом повернуть направо.)

Я сегодня совсем было собрался к вам, дорогая мама, но опоздал, выйдя от Надеина, у которого до меня было дело, и должен был вернуться домой. Да и погода такая уж гнусная, что просто тоска. Если будет хорошо во вторник, не приедете ли вы к нам? Во всяком случае я соберусь к вам на-днях. Комиссия наконец (вчера) кончилась; третьего дня я был с 10 до 4 часов на службе, а потом с 6 до 12 в комиссии, да потом еще должен был ехать в канцелярию распорядиться, чтобы к утру был готов протокол. Трудно, и не знаю, когда это кончится; думаю, что всю зиму будет такая же сутолока.

До свиданья, голубушка мама.

Надя кланяется. Ваш любящий *В.*

На конверте: Вас. Остров, 3 линия, д. № 10, кв. 15. Ее В-дию Екатерине Степановне Гаршиной.

377. *В. М. Латкину*

(Отрывок)

СПБ. 7/XI 85 г.

Я уже месяц хожу на службу и первое время как нарочно навалило чудовищное количество работы, так что я ужасно уставал и раздражался. Понемногу, однако, успокоился, так как теперь и работы стало меньше. Если бы на носу не было нового съезда, то можно было бы приняться за новый рассказ, который уже давно сложился у меня в голове, да и на бумаге...[290]

378. *В. М. Латкину*

(Отрывок)

11/XII 85 г. СПБ.

За это время было у нас много всякой работы. Я только что вчера кончил сессию присяжного, к счастью продолжавшуюся только 8 дней, но все-таки достаточно измучившую. А тут и «Обзор детской литературы» печатается,[291] и на службу приходилось заглядывать, и вообще всякая хурда-мурда.

Не пропусти в газетах дело Немчиновых о подлоге: я был на нем присяжным и ужасно изволновался, пока мы наконец не обвинили *его* и не оправдали *ее*.[292]

Всё бы ничего; теперь очень хорошо.[293] Но проклятое воспоминание о пережитых болезнях все сидит «увнутре», как говорят жиды, и уверен, что мне, конечно, еще не раз придется вынести меланхолические приступы. Как Эзоп, который, идя с горы, плакал, что ему придется взбираться на гору, так и я, несмотря на свое веселое, ровное и спокойное настроение, вижу впереди крутой подъем, да еще и не один...

379. *В. П. Авенариусу*

⟨16 декабря 1885 г.⟩

Милостивый государь Василий Петрович!

Позвольте поблагодарить вас за внимание к моей вещице, по моему мнению, не совсем заслуживающей похвал, какие вам угодно было высказать. Я, конечно, очень рад служить вам своею сказкой, и даю полное согласие на лестное для меня помещение ее в вашем сборнике.[294]

Так как вы пишете мне о «Кузнечике» Я. П. Полонского, то я позволю себе высказать о помещении его в детском сборнике и свое мнение. Я решительно не разделяю нападок, которым вы подверглись за это помещение. Относительно любви у нас суще-

ствует с детьми странная политика. Так сказать, официально наши дети считаются состоящими в невинном неведении чуть ли не до юношеского возраста; но ведь всякий, кто помнит свое детство, знает, каким безобразным путем получаются первые извращенные гнусные сведения о грязной стороне любовных отношений; и часто как рано они получаются! И мы старательно оберегаем детей от всего, дающего намек на любовь даже и в прекраснейших ее проявлениях, не даем им в руки Полонского, и в то же время лицемерно стараемся забыть, что мы решительно не имеем возможности уберечь их от извращенного знания о самой грязи отношений между полами.

Я понимаю, что вы, под давлением со всех сторон высказываемых осуждений, не можете оставить у себя в сборнике «Кузнечика», но глубоко сожалею об этом. Я прочел поэму очень давно, еще ребенком, и, кроме самых чистых впечатлений, не вынес из нее ничего. Не могу сказать и того, чтобы в ней было много недоступного детскому пониманию (конечно, не маленьких детей); перечитывая «Кузнечика» много раз уже взрослым, я не вынес из него ничего *нового*, что бы ускользнуло от моего детского понимания, а только возобновил глубокое и доброе впечатление.

Прошу вас принять уверение в моем искреннем уважении.

В. Гаршин

СПБ $\frac{16}{\text{XII}}$ 85.

7 ул. Песков, д. 9, кв. 12.

380. *В. Г. Черткову*

<1885 г.>

Многоуважаемый Владимир Григорьевич!

Мы просили бы Вас сделать нам одно одолжение, разумеется в том случае, если это не причинит вам неудобства и не заставит особенно хлопотать. Если вы будете на Никольской, не можете ли достать нам для разбора в «Обз. д. лит.» следующие книжки:

Изд. Сытина

1) Сам с ноготок, борода с локоток.

Манухина

2) С—в. Князь Золотой. Пов. из врем. Ивана Грозного.

3) Три волшебные сказки.

Щеглова

4) И. К. Детские песенки, поговорки, загадки.

Леухина

5) Рассказы из деревенской жизни.

6) Елка.

7) Мальчик с пальчик. Всё, что может повеселить малых деток.

8) Рассказы о великих людях.

Эти книжки вошли в указатель книг, вышедших в 1884 г., но здесь их достать невозможно. Вся наша комиссия была бы вам очень благодарна, если бы Вы привезли их с собою.[295]

Простите, что навьючиваю на Вас поручение.

Искренно любящий Вас *В. Гаршин*

1886

381. *Ю. С. Миссори*

СПБ. 21/I. 1886 г.

Дорогая Юлия Степановна, простите, что так долго не отвечал на ваше доброе письмо. Глубоко благодарю вас за себя и Надю за ваше приглашение. При первой возможности мы воспользуемся им. Я думал, что у меня будет свободным конец января, так как наш съезд назначался в декабре; но его отложили, и он начинается только завтра, 22 января. Недели две придется просидеть на съезде, да недели три его еще расхлебывать, так что свободное время наступит еще не скоро. Если бы было возможно уехать из Петербурга на масляице, непременно явились бы в Носковцы. Но кажется, что придется отложить это до начала весны.

На обеде у Ал. Николаевича читали и вашу телеграмму («от читателей «О. З.»), и Плещеев был тронут ею. Юбилей, вообще, вышел отличный: народу было много, больше 100 чел., мы все чувствовали себя дружелюбно и хорошо. Не было только «Нового Времени», а остальные чуть ли не все.[296]

Уехала ли Марья Валентиновна? Я не мог на этот раз услужить ей билетами, потому что у нас получили их после 10 янв.; а она писала мне, что к 10 уж непременно выедет.

Живем мы потихоньку: Н. М. лечит, дежурит при явлении на свет множества детей (она ординатором в кл. Тарновского), а я понемногу подвигаю свою повесть. Только, должно быть, еще долго не буду печатать: кончу, да еще месяца два продержу, чтобы полежала. А то опять Семен Як. ⟨Надсон⟩ будет браниться, как за «Надежду Николаевну». [297] Кстати, получили ли вы мою книжку, которую я уже давно послал вам под бандеролью. [298] И получили ли 15 экз. второго издания «Стихотвор. Надсона»? Они посланы дней восемь тому назад, если не ошибаюсь, по моему приказу прямо из магазина «Нового Времени».

До свиданья, дорогая Юлия Степановна. Кланяйтесь всем вашим: В. М., С. Я., М. В., если не уехала, от меня и Надежды Мих.

Искренно Ваш *В. Гаршин*

382. *С. Я. Надсону*

(Черновое)

⟨Конец января 1886 г.⟩

Милый Семен Яковлевич, давно я не писал Вам и, должно быть, заслужил таким поведением строгое порицание. Дабы очиститься, начинаю письмо мелким почерком; пусть будет большое, за два или три ординарных письма.

Во-первых, получила ли Ю. С. мое письмо, где я пишу о своих предположениях насчет приезда в Носковцы? Из него Вы можете видеть, что вероятно месяца через три мы с Вами увидимся. Хотел бы я и раньше съездить, но весьма важные государственные дела, касающиеся наших путей сообщения, требуют моего присутствия у самого горнила законодательной власти, государь мой. Ибо, если я сейчас же уеду в Носковцы, то произойдет всеобщее замешательство: поезды начнут ходить задним ходом, шиворот навыворот; свиньи, телята и пейзане поедут в первом классе, а действительные тайные советники и генерал-аншефы в скотских вагонах; за провоз сочинений Надсона и Гаршина будут брать по 10 к. за строчку и т. п. Во избежание таких бедствий — имеющих постигнуть мое любимое отечество, вследствие несвоевременного моего цинцинатства, я, м. г., долгом почитаю остаться здесь до мая, т. е. до учреждения двух новых комиссий: одной тарифной, а другой по поверке вагонов, дабы можно было возложить на оные тяжесть власти, как некогда Атлант возложил небо на Иракла, а самому расправить одеревенелые члены поездкою на юг.

Теперь приступлю к сообщению Вам весьма [важного событ.] любопытных сведений об одном событии.

Мы праздновали юбилей А. Н. ⟨Плещеева⟩ в два приема: во-первых, в большом виде, у Понсе, где было 120 человек, а затем в ред. «Сев. Вестника», где были всё свои люди, человек 15, поднесшие юбиляру венок (серебряный) и при этом обедавшие. После обеда, когда все развеселились, стали просить В. Н. Давыдова (актера) спеть что-нибудь. Он согласился, но так как был нужен акомпанимент, то вся публика спустилась вниз к Давыдовым. Здесь-то и произошла трагедия. Давыдов спел; было вообще весело. Редактор тоже был весел и всё просил, чтобы спели «Утес», тот самый, который будто бы «есть на Волге». Были барышни: обе Плещеевы (ибо и младшая стала таковою), Лида; молодые люди: Кока, какой-то студент, моряк-гардемарин и пр. Чувствовалось желание танцовать, а тут кстати Васенька Яроцкий взял да и заиграл вальс. Я предложил руку Ал. Арк. ⟨Давыдовой⟩ и, в вихре вальса промчавшись с нею из будуара через зал, направился к своей супруге, дабы и с нею поступить таким же образом. Так как хотелось танцовать всем и даже

Ал. Никол. изъявлял готовность исполнить юбилейный контрданс, то я думал, что я поступаю весьма хорошо и Ал. Арк. тоже. Но тут произошло событие.

Вдруг, как змеею ужаленна, с ложа * внезапно воспрянув,
Ринулась Анна наверх, отвергая мольбы близ сидящей
Гаршина мудрой супруги, во врачеваньи искусной!
«Нет не останусь я здесь», прорекла она голосом мрачным.
Дверь отворила и вихрю подобно по лестнице мчалась.
Громко воззвали за нею вослед огорченные гости.
Сын Николая, Владимир, Давыдовым также прозванный,
Плат из одежды изъяв и платом тем белым махая,
Быстро помчался за ней, переговоры желая
С нею открыть и склонить ее к пляскам веселым.
Гаршин смущенный наверх также поднялся печально.
«Что означает твое, многомудрая дочерь Паллады,
Быстрое бегство и вид, всех нас в унынье повергший?»
Так вопрошая и кротким стараяся видом и гласом
Деву смягчить, ожидал от нее он крылатые речи.
«Нет, не пойду я туда, — возопила неистово дева, —
В место, где *пошлость* царит, где *дрыгают* люди ногами!
Здесь я, в жилище своем, отдохнуть восхотела я ныне.
Сколько молила я, чтобы «Утесом» мой слух усладили!»
Буйно вопила она, помавая руками, ногами,
Мудрой главой и исполненным важности носом.
Гнев обуял Михайлова сына, и грозно очами
Стал поводить он вокруг и молвил крылатое слово:
«Нет никогда я досель не слыхал от женами рожденных,
«Чтобы плясанием тешить себя называлося — пошлость!
«Сей же нелепый «Утес», которого жаждешь ты страстно,
«Пошлый поэт написал, и пошлее он песни не создал,
«Но если хочешь, то я против «утеса» не стану
«Спорить, и пусть даже пара сих диких утесов
«Слух твой наполнят вытьем и радостью мрачную душу»,
Рек, обернулся и вышел поспешно из девы чертога.

Ей-богу не вру, милый Сеничка; всё описано буквально верно. Так и сказала: не пойду туда, где делают *пошлости, где дрыгают ногами*. А Александре Аркадьевне так даже: не хочу быть там, где *канкан* танцуют. Оррер, оррер, сканапель истуар! Александра Арк. плачет, Лида плачет, ребенки плачут. Михайловский пишет мне письмо: как вы, мол, насчет «С. В.»? Я пишу ему: при чем тут «С. В.»? Ал. Арк. выходит из секретарей. Алексей Никол. вопит и бранится. Михайловский пишет Евреиновой письмо, она ему. Баронесса Икскуль Ф. Гильдебрант (Руслан) дарит нам с

* Диван ⟨*Примеч. Гаршина*⟩.

Над. Мих. ангорскую кошку (всё воет о котах, подлая). Евреинова хочет ехать ко мне с визитом, но я разумеется приму ее с условием, если она согласится пройти со мною один тур вальса под аристон. Одним словом, оррер!

Ну так вот у нас какие дела, или вернее безделье. Чорт знает что такое! Пускай бы уж хоть талантливая была или дельный редактор, а то только и делает, что устраивает один нелепейший скандал за другим.

Я пишу это письмо во время съезда, который только сегодня кончился. Работы ужасно много и она протянется еще недели две-три без перерыва, а потом засяду писать: ужасно хочется.

Ну до свиданья, дорогой мой. Кланяйтесь Ю. С., В. М.

Слышал я, что Меньшиков не очень оправдал надежды; правда ли это? [299]

Наш друг Victor не очень благоденствует.

383. *В. А. Манасеину*

<3 февраля 1886 г.>

Милостивый Государь

Вячеслав Авксентьевич!

Сегодня я был в редакции «Нового Времени» и справлялся у Федорова о Н. А. Гурове и В. Н. Исполатове. Первый доставлял в редакцию *репортерские заметки*, пользуясь тем, что узнавал в качестве корректора Сенатской типографии, но, как говорит Федоров, настоящим сотрудником не был, т. е. *статей* никаких не писал. Исполатов работает в «Н. В.» по иностранной политике, но очень немного, потому что мало работы. За декабрь заработал 48 рублей с копейками. [300]

Глубоко уважающий Вас

В. Гаршин

18 $\frac{3}{II}$ 86 г.

384. *К. В. Окуневу*

<12 февраля 1886 г.>

Милостивый Государь

Вчера вечером мне едва удалось поймать А. Н. Глебова на воксале, так как он, приехав, в тот же день уехал. Отправившись к нему, я узнал от прислуги, что он с матерью и сестрою уже отправился на железную дорогу. Я просил его остаться на один день, но он решительно отказался, говоря, что неотложные дела по копям заставляют его ехать. Он находит, что так как Вашим изобретением пользуется не он, а железные дороги, то он полагает, что за восстановлением Ваших нарушенных прав следует обратиться Вам к дорогам же. Затем, если они найдут образ действия г. Глебова неправильным, то могут обратить свою претензию к

к нему. Впрочем, он предложил мне сообщить Вам его адрес, на случай, если Вам угодно будет обратиться к нему письменно.

Сегодня я видел Ф. Е. Фельдмана. Так как Вы уже виделись с ним, то, вероятно, знаете о моем участии в этом деле, участии, состоявшем в том, что *я*, а не кто другой, подал А. Н. Глебову первую мысль о мешке. Случайно и, как происходило вообще это дело, в шутку, в премии приняло участие и третье лицо, только переписывавшее проект. Таким образом, действовать самостоятельно в этом случае я, несмотря даже на все свое желание, не имею возможности.

Я пишу это письмо, возвратясь домой поздно вечером, и думаю послать его лишь завтра рано утром, с посыльным. Прошу извинить меня за промедление, но мне хотелось прежде сообщения Вам результатов своего свидания с Глебовым видеть г. Фельдмана, который совершенно разделил взгляд Глебова на это дело.

Примите уверение в глубоком уважении.

В. Гаршин

12 февраля 1886 г.

Распечатал письмо, так как получил Ваше. Очень жалею, что Вы, как пишете в этой записке, *поверив* мне, не справлялись и т. д. Действительно, верить таким людям, как я, опасно! Очень жалею также, что «*оказалось*», что и я участник дела Глебова. Я не думал скрывать этого: это узнала комиссия после присуждения премии, и я сказал Ф. Е. Фельдману, что при нашем (к сожалению, несостоявшемся) свидании в Правл. Юго-Западных ж. д., я сочту своим нравственным долгом объяснить это обстоятельство и Вам. Поэтому-то и Ф. Е. не счел нужным скрывать это от Вас. При этом я еще раз прошу извинения за промедление и очень сожалею, что следствием этого промедления в несколько часов было Ваше раздраженное письмо, в котором употреблены выражения и намеки, каких мне никогда не приводилось выслушивать, и которые, впрочем, вполне объясняются неприятностями, причиненными Вам всем этим делом.[301]

В. Г.

385. *Н. С. Таганцеву*

<23 февраля 1886 г.>

Милостивый Государь

Николай Степанович!

Р. В. Розанова, у которой я был по поручению Комитета, живет в большой бедности. Она нанимает квартиру в две комнаты; из них одну отдает, а в другой ютится со своими тремя детьми, из которых старшему в этом году будет 10 лет. Она показывала мне извещения канцелярии Гатчинского сиротского института; дети ее (старшие двое, мальчики) будут приняты в

1887 году; таким образом Фонду придется давать ей пособие в течение года с небольшим. Лишить ее пособия теперь особенно неудобно потому, что детям нужно хоть немного подготовиться к экзамену; читать и писать она уже их выучила, но этого еще мало. О литературных правах ее мужа я могу справиться еще у Н. М. Ядринцева, к которому думаю сходить сегодня.[302]

Примите уверение в моем искреннем уважении

$\frac{23}{II}$ 86. СПБ. *В. Гаршин*

386. *Н. С. Таганцеву*

<14 марта 1886 г.>

Многоуважаемый

Николай Степанович!

Г-жа Ступишина, у которой я был по поручению Комитета, действительно находится в весьма тяжелых обстоятельствах. Причины, по которым она обратилась в Фонд, она дополнила при разговоре со мною следующим: у ее сына, который предполагает в этом году, весною, держать экзамен в одно из военных училищ, есть 70 десятин земли в Новгородской губ., но он до сих пор не введен во владение и не может извлечь из своего имения средств, которые помогли бы ему подготовиться к экзамену. Деньги, которые ей будут даны Фондом, г-жа Ступишина предполагает употребить на поездку в Новгород и на устройство дела о вводе во владение.

Живет г-жа Ступишина весьма бедно, в одной тесной комнатке вместе с сыном; комнату эту дает ей даром родственник, находящийся также в очень стесненных обстоятельствах.

Сыну Ступишина 18 лет; это здоровый и [на вид способ.], кажется, не бездарный юноша, во всяком случае способный выдержать экзамены в Артиллерийское или Павловское училище.[302]

Преданный Вам *В. Гаршин*

14 марта 1886 г.

387. *В Комитет Литературного Фонда*[303]

Имею честь предложить в члены общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым

Николая Николаевича

Бахметева.

Москва, ред. «Русские Мысли».

В. Гаршин

17 марта 1886 г.

388. *Ф. Д. Батюшкову*

〈30 марта 1886 г.〉

Милостивый Государь

Федор Дмитриевич!

Искренно благодарен Вам за уведомление; в четверг непременно явлюсь в заседание Общества, оказывающего мне большую честь.[304]

Преданный Вам *В. Гаршин*

30 марта 86 г.

389. *В. А. Фаусеку*

(Отрывок)

9 апреля 1886 г.

О себе скажу, что я в этом году, кажется, буду свободен от своего беса. Просто не верится даже, что это лето он оставит меня в покое; однако, пока нет никаких повесток с его стороны. Работы много, но этим не огорчаюсь; пустяки не бередят сердца, как почти всегда бывает весною, и я в первый раз с 82 г. чувствую себя весною настоящим человеком.

Живем мы благополучно и очень дружно. «Агей» появится в «Русской Мысли» в апреле; я уже отослал туда корректуру. «Четыре дня» прошли в цензуре и с картинками и на днях выйдут в посредственном издании (запишите каламбур!!).[305]

XXV общий съезд, который будет в четверг на Фоминой неделе, не дал мне кончить повествования о Р.,[306] но после него наступит тихое и мирное житие, здравие и спасение, и тогда, о тогда!..

... Я уже заручился правом отпуска, но вследствие некоторых важных соображений решился перенести его на начало августа. Маршрут мой будет такой: СПБ., Носковцы, Одесса, Николаев, Севастополь, Южный берег, Новороссийск, Пятигорск, Кисловодск и прочее; если благоугодно — Ставрополь и затем домой...

390. *Н. М. Гаршиной*

12 апреля 1886 г. г. Валдай.

Дорогая друженька, вчера никак нельзя было послать тебе письма, потому что мы приехали в Валдай около часа, а в час же отходит отсюда почта. Доехали благополучно; Саша вел и ведет себя превосходно, так что даже удивительно. Правду ты всегда говорила о том, что если бы удалить его от м〈амы〉, то

было бы в тысячу раз лучше. Ехали мы хорошо; на ж. д. часть ночи я спал сначала на чемодане, а с 4 ч. до 8 полностью на диване. Наши тоже спали, хотя, конечно, в 3 классе оно не так удобно. В Валдайке встретил нас Егор Мих., произведший на меян самое прекрасное впечатление. Поехали на двух тройках, т. к. дорога трудная: все с горки на горку и 38 верст. Подъезжая к Валдаю, мы увидели прекраснейший вид на озеро Святое; на нем остров весь в лесу, а на острове монастырь. Это все удивительно красиво, хотя лед на озере еще не совсем разошелся и в виде какой-то каши еще занимает большую часть его.

Квартира у наших превосходная: 6 комнат, из которых 3 огромные; кухня внизу; сараи, ледник набитый, огород и прочее — 200 р. в год. Озеро в двух шагах, так что между домом и ним уже ничего нет. Обстановка *очень* чистенькая и приятная, хотя простая; детишки повеселели, здоровенькие и чистенькие; просто не узнать. Разговаривают уморительно и много, хотя все-таки еще очень серьезны на вид, но без прежней мрачности. По всему видно, что Егор нашел себе не жену, а клад, — для него, конечно. А. В. очень приветлива и мила; страшно пополнела, помимо беременности.

Вчера вечером пришел один валдайский колокольчик, здешний тов⟨арищ⟩ прокурора, очень милый, хотя болтливейший человек. Между прочим, он сказал, что один его товарищ сочинял роман и написал только одну строчку: шли дождь и два студента; один в пальто, а другой в университет. Это тебе так, для смеха.

Друженька милая, сходи ты к матушке, не сердись, тем более, что Саша ведет себя так хорошо и испытывает, повидимому, сам столько удовольствия, что я нисколько не жалею, что мы его взяли. Пожалуйста, миленький и прекрасный собакапиц мой, отправьтесь как-нибудь туда, утешьте и старуху мать мою, и меня.

Дружочек мой любезнейший, имею честь уведомить Вас, во-первых, о совершенном почтении моем к Вам, а во-вторых, о том, что мы приедем в СПБ. во вторник, в 10 ч. утра с почтовым поездом. Если вы будете, М. Г-ня, столь любезны, что встретите меня, я буду так рад, что и сказать тебе не могу, ибо теперь уже скучаю и жалею, зачем ты не поехала и не видишь всех этих хороших мест. Я вот уже чувствую, что ты не поверишь мне в этом, скверный собачей и милейший мой и хороший.

Итак, во вторник утром увидимся. До свиданья, голубка моя .... Крепко, крепко и тысячу раз целую тебя.

Твой любящий *В*

Тете, дяде, детям, Вере поклон и поздравления.

В. Гаршин

391. *Г. И. Успенскому*

⟨8 октября 86 г.⟩

Дорогой Глеб Иванович, я получил от Сергея Николаевича ⟨Кривенко⟩ через одну знакомую 60 р. и письмо, в котором он просит меня передать как-нибудь эти деньги Людмиле Николаевне.[307] Я не знаю, как послать ей эти деньги. Будьте добры, сообщите мне возможно скорее ее адрес (такой, по которому может дойти денежное письмо). А то, может быть, у вас найдутся 60 р. и вы сочтете возможным дать их Л. Н.? Тогда я пришлю 60 р. вам (сообщите адрес для денег) или же свезу их Александре Васильевне, как вам будет удобнее. Во всяком случае, прошу вас, не задержите ответ: я получил деньги еще вчера, а Л. Н., как я слышал, очень нуждается.

Мой адрес: Невский пр., д. 84, кв. 52. Впрочем, лучше пишите: Большая Московская, 6, в Канцелярию Общего съезда жел. дорог, туда не так высоко подниматься почталиону.

Искренно ваш *В. Гаршин*

8 октября 86 г.

392. *Н. А. Лейкину*

⟨12 октября 1886 г.⟩
Невский, д. 84, кв. 52

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Н. С. Таганцев просил меня передать Вам, что цена соч. Пушкина будет *около 6 рублей.*[307*] Я хотел передать это лично, но по некоторым обстоятельствам принужден ограничиться письменным сообщением.

В среду вечером решится вопрос о времени вечера в память Островского; поспешу уведомить Вас о результате назначенного для этого совещения.[307*] Ваша помощь делу предоставления зала Кр⟨едитного⟩ Общ. будет весьма существенна.

Преданный Вам *В. Гаршин*

12/X 86.

393. *Н. С. Таганцеву*

⟨31 октября 1886 г.⟩
Невский 84, кв. 52.

Многоуважаемый Николай Степанович!

Я посетил г-жу Лидтке и, согласно постановлению К-та, выдал ей 25 р., т. к. она оказалась живущею не в богадельне, а в меблированных комнатах у кого-то из своих знакомых. Средства к жизни доставляют ей добрые люди; одета она чистенько

и вид имеет не угнетенный, хотя все, что надето на ней, по ее словам, ей не принадлежит, равно как и пища, которою она поддерживает свое существование. Она выразила мне надежду, что, может быть, *через год*, если она вновь попросит о пособии, Комитет не откажет ей в 25 рублях, каковую надежду я разбить не решился, полагая, что 25 р. в год ей действительно необходимы.[308]

Преданный Вам искренно *В. Гаршин*

31 октября 1886 г.

394. *Н. С. Таганцеву*

⟨3 ноября 1886 г.⟩
Невский 84, кв. 52

Многоуважаемый Николай Степанович!

По данному мне поручению относительно г-жи Гохгейм и ее дочери могу сообщить следующее: К. Ю. Давыдов решительно опровергает показание г-жи Гохгейм о том, что он «указал определить ее (т. е. Надежду Сухонину-Гохгейм) на один год в школу Даннемана и Кривошеина с платою по 70 р. в год». Кроме того он письменно сообщил следующую справку: «12-летняя девочка Гохгейм экзаменовалась в Консерватории 28 августа, и на основании этого испытания она в консерваторию не могла быть принята, по недостаточности музыкальных способностей и подготовки».

Искренно преданный Вам *В. Гаршин*

3 ноября 1886 г.

395. *В Комитет Литературного Фонда*

⟨10 ноября 1886 г.⟩

Предлагается в члены Общества

Яков Григорьевич Гуревич.

В. Гаршин

396. *И. Д. Сытину*

(Черновое)

⟨16 ноября 1886 г.⟩
СПБ. Невский пр., д. 84, кв. 52.

Многоуважаемый Иван Дмитриевич!

Я совершенно случайно увидел изданный Вами календарь, в котором, между прочим, помещен мой рассказ «Красный цветок».

Позвольте мне выразить Вам некоторое огорчение по поводу того, что перепечатка рассказа сделана без всякого предупреждения. Вам, я думаю, можно было не сомневаться в том, что если бы Вы попросили меня о позволении напечатать что-нибудь из моих вещей, то я, конечно, не отказал бы в этой небольшой услуге и с удовольствием предоставил бы Вам что угодно. Не могу объяснить себе, почему Вы не написали мне по этому поводу хоть двух строк или не передали своего желания иметь мой рассказ через Павла Ивановича ⟨Бирюкова⟩ или Вл. Григорьевича ⟨Черткова⟩,

Не желая никакого вознаграждения для себя лично, я все-таки был бы очень рад, если бы Вам угодно было смягчить Ваш немного резкий прием пожертвованием в Общество пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный Фонд).[309] Не считаю нужным ни определять размер этого пожертвования, ни требовать, чтобы оно было сделано как бы в виде вознаграждения меня за перепечатку рассказа: мое имя может остаться совершенно в стороне.

Простите, многоуважаемый Иван Дмитриевич, за эти требования, быть может Вам неприятные; но обратитесь к кому-либо из людей, которых мнением в делах чести Вы дорожите, и, вероятно, они скажут Вам, что моя просьба не заключает в себе ничего обидного.

Кстати прибавлю: отчего бы Вам не принять участие в обществе Фонда в качестве члена? Десятирублевый годовой взнос Вас, конечно, не затруднит, а Ваша издательская деятельность наверно хорошо познакомила Вас с тяжелой участью литературных работников, которым общество помогает в бедах насколько может.

Если бы Вы изъявили согласие быть членом, то, вслед за получением согласия, я предложу Вас в члены, и Вы будете избраны на декабрьском общем собрании.

Преданный Вам

16/XI 86.

397. *Н. С. Таганцеву*

⟨3 декабря 1886 г.⟩

Многоуважаемый Николай Степанович!

Я был по поручению Комитета у г. Иолшиной, но, к сожалению, не застал ее дома. Девочку видел; по словам прислуги, она теперь здорова, но только недавно поправилась от полуторамесячной болезни. Обстановка г-жи Иолшиной чистенькая, но очень скромная; квартира в 2 комнатки на заднем дворе. Я передал ей письменно, что если она хочет получить пособие от

Фонда, то должна подать просьбу от себя лично, основываясь на своих собственных литературных правах.[310]

Искренно Ваш *В. Гаршин*

3/XII 1886 г.

398. *В Комитет Литературного Фонда*

⟨8 декабря 1886⟩

Предлагается в члены общества
Иван Дмитриевич Сытин.

В. Гаршин

399. *С. А. Венгерову*

⟨18 декабря 1886 г.⟩

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Н. С. Таганцев согласился исполнить нашу общую просьбу и просит собраться у него в понедельник в $7^1/_2$ ч. вечера (Кирочная 3, второй подъезд от Литейной).[311]

Ваш *В. Гаршин*

18/XII 86 г.

400. *С. Я. Надсону*

⟨20 декабря 1886 г.⟩
СПБ., Невский, 84, кв. 52.

Милый Семен Яковлевич, очень обрадовался я Вашему письму. К⟨улябко⟩-Корецкому окажу всякое зависящее с моей стороны содействие и пр. и пр. Черкните, когда, приблизительно, его ждать.[312]

Живу я благополучно, работаю много; лето провел ужаснейшим образом: четыре месяца лежал пластом. Думал, уже все кончено, опять придется начать паломничество по сумасшедшим домам, однако ничего, обошлось. Только что освободился от большого служебного труда: встретил, проводил и отпустил XXVI Общий Съезд жел. дорожн. представителей: целый месяц и праздников у меня не было. Зато теперь чисто, прекрасно и безвредно. Знаете ли вы, что я затеял большую-пребольшую работу, такую, что если через два года кончу, то и слава богу.[313] Придется прочесть томов 200, а я прочел пока всего около 10.

Между прочим же, в январь «С⟨еверн.⟩ В⟨естн.⟩» дал маленький рассказик, скверненький только.[314]

М. Б⟨елинского⟩ не видел в этот его приезд и особого желания видеть не имею. Мне он пока еще ничем не пакостил,

как пакостил Вам, но полагаю, что это только за ненадобностью. Вообще же он не очень...

Так давно мы не писали друг другу, что огромное количество, целая гора материалов для письма скопилась, и это-то самое и затрудняет. Ну, всё равно. Читали вы Короленка? Напишите мне о нем что-нибудь. Я ставлю его ужасно высоко и люблю нежно его творчество. Это — еще одна розовая полоска на небе; взойдет солнце, еще нам неизвестное, и всякие натурализмы, боборыкизмы и прочая чепуха сгинет.

Хотим мы тут праздновать 50-летие поэтической деятельности Якова Петровича, да все как-то не выходит. Цензорство проклятое всех распугивает; а какой он, по правде сказать, цензор? Вот пять лет я его знаю: ни одной книжки не зарезал, кроме французской порнографии с похабными картинками. И неужели 50 лет не покрывают этой малой вины? Все-таки устроим что-нибудь.[315]

До свиданья, дорогой мой. Низкий поклон Марье Валентиновне. Правда ли, что она думает приехать на время в Петербург? Надя вам кланяется; живем мы с ней попрежнему, более чем благополучно. Мечтаем пожить в П. года три-четыре, а там удалиться куда-нибудь в глушь, на Кавказ, что ли, на Черноморский берег, укупить там клочок земли, водить пчел, свиней, виноград и табак. Не знаю только, сбудутся ли эти розовые надежды.

До свиданья. Крепко обнимаю Вас

Любящий Вас *В. Гаршин*

20/XII 86 г.

401. *Н. С. Таганцеву*

<28 декабря 1886 г.>

Многоуважаемый Николай Степанович!

Я был по вашей просьбе у Соколова (в Минуте) и у Андр. Кир. Железнова. С. дал мне о Ж. самые лестные отзывы, сказал, что он очень много работал у него в «Пет. Листке»; сказал также, что главная причина несчастий Ж. — болезнь, заставляющая его постоянно перекочевывать в больницу, из которой ему некуда деваться, кроме как на постоялый двор. Я застал Ж. в ужасном положении: он лежал на своих нарах в углу огромной и грязнейшей комнаты, битком набитой ночлежниками, из коих весьма многие были пьяны; угол Ж. до такой степени темен, что первое время я не мог увидеть ни его фигуры, ни его лица. Выйти на улицу ему не в чем: кургузый пиджачок — вот и всё.

Я дал ему по Вашему поручению 5 р., сказав, что в воскресенье мы, по всем вероятиям, назначим ему несколько большее пособие. [316]

Искренно Ваш *В. Гаршин*

28/XII 86 г.

402. *С. А. Венгерову*

<1886—1887 г.>

Семен Афанасьевич, мне решительно *необходим* том Герцена, к-рый у Вас; если он Вам нужен для Аксакова, то возьмите его у меня недели через две-три. Будьте добры, занесите или напишите, когда за ним зайти. [316*]

Ваш *В. Г.*

Невский 84, кв. 52.

1887

403. *Н. С. Таганцеву*

⟨12 января 1887 г.⟩

Многоуважаемый Николай Степанович!

У с т ь я н ц е в, по отзыву редакции «Бирж. Ведомостей», весьма хороший работник, и редакция не рассталась бы с ним (он работал в «Б. В.» довольно долго), если бы не одолевший Устьянцева *запой*. В настоящее время в «Б. В.» работы нет, и только потому редакция не берет к себе опять Устьянцева, что для этого пришлось бы лишить работы другого сотрудника.[317]

Преданный Вам *В. Гаршин*

12/I 87 г.

404. *В. Г. Черткову*

⟨13 января 1887 г.⟩

Дорогой Владимир Григорьевич,

Можно ли будет мне воспользоваться корректурою пьесы Льва Николаевича на *субботний вечер* (17 января). [318] Если да, то напишите мне, когда я могу получить пьесу. Я мог бы заехать за ней в субботу же между 7 и 7$^1/_2$, а вы бы приготовили ее и сунули мне. В воскресенье же утром я привезу ее обратно.

Любящий Вас искренно *В. Гаршин*

13 янв. 86.
Невский, 84, кв. 52.

405. *Ж. А. Полонской*

⟨18 января 1887 г.⟩

Многоуважаемая Жозефина Антоновна!

Ради бога простите меня за то, что не пришел сегодня. Меня задержал один несносный человек до двух часов; итти на полчаса я побоялся. Простите великодушно и позвольте прийти во вторник, в 11 ч. утра.

Преданный Вам *В. Гаршин*

18/I 87.

406. *Г. И. Успенскому*

20 января 1887 г.

Дорогой Глеб Иванович, если хотите послушать «Коготок увязнет — всей птичке пропасть» Льва Толстого, то благоволите доставить свою особу завтра, в среду 21 января 1887 г., на Невский, д. 84, кв. 52 (дом Юсупова) в квартиру Вс. Мих. Гаршина.[318*]

Искренно ваш *В. Гаршин*

407. *Д. Ф. Кобеко*

⟨31 января 1887 г.⟩

Многоуважаемый Дмитрий Фомич!

Нельзя ли, если еще не поздно, внести в список лиц, предложенных в члены Общества, Флорентия Федоровича Павленкова (М. Итальянская, 6)? Он вчера выразил мне желание быть нашим членом.[319]

Искренно преданный *В. Гаршин*

31/I 87.

408. *Е. С. Гаршиной*

⟨2 февраля 1887 г.⟩

Дорогая мама, прилагаю шесть рублей и прошу прислать с Олюшкой экземпляр фондовского издания Пушкина.[320] Сегодня я у вас не буду: в $1^1/_2$ ч. собрание Фонда, а потом комитетский обед.

Всем поклон. Ваш *В.*

9/II—87

P.S. Пожалуйста спросите Женю, как зовут Сысоеву (изд. «Родника») и сообщите мне.

409. *Н. М. Гаршиной*

⟨3 февраля 1887 г⟩

Что же это вы, собачечка, так поздно? *Я* не мог Вас ждать: увидимся в $8^1/_2$ часов у наших, если ты туда попадешь. *Я* пошел теперь к Михаилу Евграфовичу ⟨Салтыкову⟩ и пробуду у него от 7 до 8 часов, а потом зайду на минутку домой, чтобы, если удастся, повидать тебя.

Твой *В. Соб.*

3/II. 87.

На обороте: Н. М. Гаршиной.

410. *Н. С. Таганцеву*

<4 февраля 1887 г.>
Невский, 84, кв. 52.

Многоуважаемый Николай Степанович!

Ф. Ф. Павленков просил согласие на дополнительное рассмотрение его дела с С. А. Венгеровым.[321] Поэтому благоволите назначить день или, вернее, вечер (Венгеров просил, кажется, устроить это дело до понедельника) и уведомить меня, а я дам знать Павленкову, Засодимскому и Венгерову.

4. II. 87. Искренно Ваш *В. Гаршин*

Картина в заголовке сего японского листа знаменует собою пушкинские юбилейные дни. Комитет Фонда уносит барыши, собранные от юбилея, и, между прочим, ведет в своем торжественном шествии укрощенного Суворина, шествующего на четверинках, на коем, Суворине, восседает г. Председатель.[322]

В. Г.

411. *С. А. Венгерову*

<7 февраля 1887 г.>

Многоуважаемый

Семен Афанасьевич!

Н. С. Таганцев просит собраться по Вашему делу у него в понедельник, 9/II, в $6^1/_2$ ч. вечера, перед заседанием Комитета.[323]

7/II 87. Ваш *В. Гаршин*

412. *П. В. Засодимскому*

<7 февраля 1887 г.>

Дорогой Павел Владимирович, Н. С. Таганцев просит собраться по делу Венгерова с Павленковым у него в $6^1/_2$ ч. вечера в понедельник, 9/II, перед заседанием Комитета Фонда.

7/II 87. Искренно ваш *В. Гаршин*

413. *В. А. Гольцеву*

<22 февраля 1887 г.>
Невский 84, кв. 52.

Многоуважаемый

Виктор Александрович!

К сожалению, я лишен возможности исполнить просьбу кружка, от имени которого Вы ко мне обратились. Все рассказы,

которые я считаю годными для народного чтения, появятся, по мере возможности, в изданиях «Посредника».[324] На *пересказ* же моих рассказов я никаким образом согласиться не могу.

Примите уверение в моем уважении

В. Гаршин

22/II 87.

414. *С. А. Венгерову*

<4 марта 1887 г.>

15 рублей для передачи в Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым получил.[325]

В. Гаршин

4/III 87 г.

415. *В Комитет Литературного Фонда*

<8—9 марта 1887 г.>

Баранцевич

был у меня, справлялся об освобождении его дочери от платы и просил, если ее не освободят, внести 40 рублей.[326]

416. *Н. С. Таганцеву*

<9 марта 1887 г.>

Многоуважаемый Николай Степанович!

Николай Афанасьевич Лебедев, у которого я был по поручению Комитета, оказался в положении, возбуждающем крайнюю жалость. Живет он в маленькой, скверной комнате, уплачивая за все свое содержание 25 р. в месяц; болезнь его, воспаление твердой мозговой оболочки, заставляющая его постоянно искривлять рот и почти лишившая его способности говорить, требует лечения, а лечение — денег; доктора советуют ему непременно отправиться на дачу подышать свежим воздухом. Я был у него после 1 числа, т. е. получения пенсии, и денег у него всего было 1 рубль. По разрешению Комитета я дал ему 10 рублей в счет пособия, которого он, по моему мнению, вполне заслуживает, хотя бы и не на издание его трудов. Нужно вспомнить, что он несколько лет сряду исполнял обязанности ответственного редактора «Новостей», получая от г. Нотовича весьма мизерное содержание. Дети его — один сын умер лет шесть тому назад, другой служит сортировщиком в почтамте, и не только не может помогать отцу, но и сам нуждается в его помощи. Я думаю, что если уважаемый наш collega Вячеслав Авксентьевич посмотрит Лебедева, то согласится со мною, что недолго уже

существовать бедному старику, и, по-моему, следовало бы облегчить участь его на остаток его дней.[327]

Преданный Вам *В. Гаршин*

9/III 87.

417. *В. Г. Черткову*

⟨20 марта 1887 г.⟩

Дорогой Владимир Григорьевич, посылаю в особом пакете официальную бумагу в Таможню о полиграфе. Если это в Сухопутной, то в случае невыдачи обратитесь прямо к управляющему, Владимиру Фед. Никонову с прилагаемой карточкой; он все сделает. А в Портовой помочь не могу. Прошу Вас позволить мне рассчитаться с Вами за гектограф деньгами после приезда. Теперь же, когда получите гектограф, напишите нашему письмоводителю Александру Тимофеевичу Васильеву (Б. Московская, 6), чтобы он прислал к Вам сторожа за прибором. «Медвежью казнь»[327*] тоже посылаю. Простите за безобразный почерк; тороплюсь, как угорелый.

Горячо Вас любящий *В. Гаршин*

До свиданья.

20/III 87.

418. *Н. М. Гаршиной*

Белосток, 21/III. 87.

Дорогая дружка, приехали благополучно в Белосток. Едем хорошо, спим, едим, разговариваем. Написал немножечко статью; об Ак. Худ. ужасно не хочется писать.[328]

До Пскова и даже Динабурга снегу почти нет, а дальше к Вильне на санях ездят, но с Гродно опять совсем чисто. Здесь ни капли снегу и очень сухо и довольно тепло.

Поклон всем, кому хочешь, а для меня тете, дяде, Вере, Викт. Андр., если увидишь. Сейчас поезд в Петербург уходит и я должен бросить письмо. Крепко, тысячу раз целую тебя, моя собаченька милая. Не очень скучай.

Твой любящий *В.*

На конверте: Ее В-дию Надежде Михайловне Гаршиной. С. Петербург. Невский проспект, д. 84, кв. 52.

419. *Н. М. Гаршиной*

(Телеграмма)

23-го марта 1887 г. Одесса.

Все благополучно, тепло, штиль. *Гаршин*.

Адрес: Пбг. Невский 84, Гаршиной.

420. *Н. М. Гаршиной*

(Телеграмма)

24-го марта. 1887 г. Севастополь.

Пришли благополучно. Наши кланяются. *Гаршин.*

Адрес: Пбг. Невский 84, Гаршиной.

421. *Н. М. Гаршиной*

Севастополь, 24/III 87.

Милая моя собаченька, сегодня в $8^1/_2$ ч. пришли в Севастополь. Из Одессы шли превесело, хотя все-таки обедать не пришлось ни мне, ни Николаю, ни Ниночке. Чуть только сели за стол, как я почувствовал некоторую ломоту в лобной кости и потом, когда выпил полрюмочки и съел кусок семги, как она, семга, довела до моего сведения, что ей хочется в море, каковое семгино желание по моей известной тебе доброте и было тотчас же мною исполнено. Впрочем, семгою и ограничилось: затем я лег спать и спал до 3 ч. ночи и, встав и выйдя на мостик, больше ничего неприятного не ощущал. Ночь была просто прелестная, хотя холодноватая: луна и все прочее. Николая не рвало, но вообще ему было хуже. В Одессе провели время так: приехали в $8^3/_4$, умылись, переоделись на воксале и дали вам телеграммы; потом поехали: Герды с Николаем прямо на пароход, а я повез книги, но господина книжника не застал дома, почему книги сдал под росписку, а деньги велел внесть в магазин. Несмотря на это и на то, что (особенно под влиянием Ниночки, аппетит которой превосходит всякое вероятие) мы много тратим денег на еду, я думаю, что 150 р. мне более чем хватит.

На пристани мы увидели «Ген. Коцебу», а на пароходе и Михаила Федоровича, который, конечно, дал нам даровые билеты не только до Сев⟨астополя⟩, но даже и до Туапсе.[329]

Дядя Миша мне кажется довольно симпатичным, но диковатым. Никонов, совершеннейший, даже более чем В. Фед. У него, бедного, страшно болели зубы во время всего перехода.

Николай и Мих. поехали в город к Софье Федоровне, а мы пошли гулять по городу, превосходно позавтракали и побывали в Историческом музее. Одесса очень изменилась с тех пор, как я ее видел. Выстроился театр — целое чудовище, с красивым фасадом, но задней стеной выходящий на море и ужасно портящий общий вид Одессы.

О Туапсе все говорят ужасные вещи: что попасть туда и выбраться можно — не только не всякий раз, но доволно редко.

И я и Николай весьма сомневаемся: стоит ли ехать туда. Боимся проехать в Батум, да потом застрять и в Туапсе на недельку или полторы. Еще подумаем до пятницы, ехать или нет. Во всяком случае спрошу телеграммой твоего совета.

У Золотиловых все ничего себе; только З. Ф. при нас разрыдалась, вспомнив Варю.[330] Квартира у них заново переделана и мне кажется лучше, чем у Нарвских ворот. Герды остановились в Grand Hôtel; сейчас явятся сюда, к Золотиловым. Герд весел и спокоен. Ниночка все сияет, а Николай ее все похваливает.

До свиданья, моя дорогая жена, милая, хорошая. Каково-то ты там поживаешь, в далеком Петербурге? В первый раз мы так надолго разъехались. Ты, я знаю, не поверишь, а я, право, постоянно думаю: отчего этого и моя дружа не видит вместе со мною. Хорошо здесь. А листьев все-таки на деревьях еще нет.

Целую тебя много раз.

Твой *В. Гаршин*

Статьи кусок написал дорогой. Сегодня вечером, может быть, кончу.

На конверте: Ее В-дию Надежде Михайловне Гаршиной. С. Петербург. Невский просп., д. 84, кв. 52.

422. *Н. М. Гаршиной*

Севастополь. 27/III 87 г.

Дорогая моя друженька, не только не сержусь на тебя за разговоры с матушкой, но совершенно понимаю, что тебе иначе и нельзя было себя держать. Последняя обида (насчет «успехов медицины») глубоко возмутила меня: я сказал об этом Николаю и едва не расплакался. Я не ждал этого от Жени, господь с ним; дороги наши расходятся и не знаю, когда сойдутся. Писать им, конечно, не стану, по приезде напишу несколько строк об этой злой клевете — и кого же? Родной матери! — а затем не буду видеться с ними. Пусть наслаждаются своим умом, способным только на зло и другим, и больше всех самим себе.

Если бы не эта тучка, все было бы хорошо. Мы живем чудесно. В первый день ездили в Херсонес (я и Герды). Во второй на паровом катере — в Инкерман. Третий целый день посвятили поездке в Бахчисарай и Чуфут-Кале. Писать подробно не буду, но скажу только, что будет просто преступление, если мы с тобою в будущем году не поедем в это же время или немного позднее сюда вдвоем. Теперь я все здесь знаю и будет чудесно и дешево. В Бахчисарае (туда и назад 80 в. в коляске) нам стоило с едой, вином и всякими разными приятностями по 5 р. 30 к. на человека.

Сегодня вечером едем на пароходе в Ялту. К понедельнику на Фоминой думаю вернуться в Петербург вместе с А. Я.

Вот статья моя — очень плохо дело. На ж. д. нельзя было писать — трясет и вместо того, чтобы о картинах, думаешь о том, как бы карандаш не прыгал. На пароходе была слабенькая качка и укачала немного. Здесь я начал писать и написал довольно много, но выходит бог знает что, ни складу, ни ладу. Забыл все картины, и мысль об них ушла куда-то.

У меня к тебе большая просьба: сходи к Анне Михайловне ⟨Евреиновой⟩, которой я завтра буду телеграфировать (если не кончу статью), и сообщи ей об моем горе и скажи, что я очень жалею, что понадеялся на свои мозги: думал, что они справятся и со старыми, и с новыми впечатлениями. А вышло, что Крым выпер у меня из головы и передвижников, и академиков.[331]

Мы ботанизируем довольно удачно. Посылаю тебе фиалочку (viola adorata), сорванную на подъеме к Мекензиевым высотам 26/III. 1887 г. Понюхай ее: не останется ли запах. Цветут шафраны, подснежники, миндали, персики, кизил, сцилла (голубенькая). Всё очень хорошо.

Золотиловы кланяются. Очень мило нас приняли. Герды тоже кланяются. Ниночка уже совсем сгорела от солнца и воздуха и Герд тоже потемнел, а я как голенище какое. Николай очень дружит со всеми; вообще наша компания превосходно подобралась.

Кланяйся Вере, нашим, Гердам. З. Е. лезет не в свое дело, о чем я ей в кратких, но точных словах и заявлю по приезде. Цалую тебя, собапюшка моя, крепко-прекрепко.

Поклонись Викт. Андреевичу, Анне Мих., М. Дм. и кого там увидишь из редакции, поклон.

Твой *В.*

Я рисую довольно много, ничего себе, немного скверно, но верно.

На конверте: Ее В-дию Надежде Михайловне Гаршиной. С. Петербург. Невский пр., д. 84, кв. 52. *Почтовые штемпеля*: Ялта, Таврич. губ. 29 мар. 1887 и С. Петербург 2 апр. 1887.

423. *Н. М. Гаршиной*

Ялта, 29/III 87.

Дорогая друженька, у нас с А. Я. вышло маленькое qui pro quo, почему письма, написанные в Севастополе, мы отправили только из Ялты, куда приехали вчера. С парохода отправились в гостиницу «Ялта», напились кофе и пошли ($8^1/_4$ утра) прямо к водопаду Учан-су. Поднялись на 2 т. футов, но, сокращая шоссе, которое идет так: ^^^^^^ пропустили столб с надписью на повороте и проперли три версты дальше водопада, так что всего туда и назад

сделали около 22 верст пешком. Учан-су видели только издалека, но вполне вознаграждены за усталость удивительными видами. Видели, как образуются облака, как все море покрылось пеленой из белых туч, ровною, как простыня, а над нами было голубое небо. Лес тут дремучий; мачтовые сосны (pinus taurica), множество цветов.

Посылаю тебе одну primula; хотелось бы, чтоб она дорогою сохранила свой розово-фиолетовый цвет. Наконец Герд устал; он с Ник⟨олаем⟩ сели и стали завтракать колбасой и сыром, а мы с Ниночкой пошли посмотреть, нет ли водопада, но на наше счастье верстах в полуторах встретили рабочих на шоссе, и они нам сказали, что мы уже давно прошли водопад. Вернулись в Ялту, несмотря на усталость, скорее, чем пришли, потому что пришлось итти все вниз. Заснули после обеда как убитые, в 11 ч. встали, посидели часика два и опять спать.

Сегодня пасмурно; листья еще не распустились, но ранняя весенняя флора прелестна. Хочется ходить пешком побольше; ног вчера никто не стер, только Герды, когда мы перебирались вброд через Учан-су (речку), набрали себе в чулки камешков и натрудили подошвы. Знаешь ли, я понимаю, что Ялта показалась тебе коробочкой. Когда я увидел ее с парохода, то даже грудь сдавило, так близко, тесно надвинулись отвесные горы. Но зато, когда пройдешь немного долиною и влезешь, как мы, — какой простор, какая ширь! Наоборот, кажется ужасно просторно, вольно, как-то по-орлиному. Непременно, сабоча, поедем сюда вместе и тоже раннею весною.

Гербаризируем довольно успешно, и я вспомнил старое и очень наслаждаюсь.

Рисовать приходится мало, потому что все видишь на лету.

До свиданья, голубонька моя милая. Скоро обниму тебя.

Твой любящий о. у. б. н. *В.*

На конверте: С. Петербург. Невский, 84, кв. 52. Ее В-дию Надежде Михайловне Гаршиной.

424. *Н. М. Гаршиной*

30/III. 87. Ялта.

Дорогая и милая сабоченька, мы всё еще здесь, в Ялте. На другой день после того, как я тебе писал, А. Я. остался дома, а мы втроем поехали на Учан-су верхом. Семь лет я не садился на седло и с большим удовольствием сделал теперь верхом эти 16—20 верст. Ниночка, хотя и в первый раз села на лошадь, но проехала отлично, не сбила себе ничего и не натерла ног. Учан-су — величествен. Страшная высота, откуда падает вода, необыкновенные скалы, дремучий лес кругом, рев воды, облака водяной

пыли. Все восемь верст к водопаду — подъем; самый водопад сажен 50, а все это еще ниже половины Яйлы. То что кажется из города каким-то мхом — вековые пятнадцатисаженные сосны.

Вчера мы с Гердами (Ник. обедал у кн. Оболенской) ходили пешком в Ливадию. Собрали много новых видов растений. Но в Ливадии, несмотря на письмо Даниловича о приказании государыни пропускать везде А. Я., меня не пускали во дворец; все это так глупо вышло. Наконец пустили, но мы и сами не пошли. Осмотрели оранжереи и парк. Вот имение-то! Неприятно было только все время ходить под конвоем урядника, оказавшегося, впрочем, довольно приятным человеком.

Сегодня едем в Алушту.

Как я ни думаю, а придется мне оставить и Николаев и ехать прямо в Петербург. Во-первых, в разговоре с дядей придется непременно касаться последних историй с В.; во-вторых, вся эта поездка займет (из Одессы) четыре дня, а их у меня мало. Лучше же я двумя днями раньше приеду к своему собачичу милому, по котором уже начинаю сильно поскучивать.

Н. в четверг едет в Севастополь, а мы с А. Я. и Нин⟨очкой⟩ в воскресенье. В понедельник будем в Одессе, а в четверг (на святой) мы уже увидимся. Пиши письма в Севастополь с таким расчетом времени, чтобы они пришли туда не позже воскресенья. Впрочем, ко мне уже поздно писать.

Денег у меня хватит. Почти не потерял ничего, кроме туфель (на пароходе). Николай потерял свои (в вагоне). Он купил новые за 3 р., а я купил себе за рубль татарские чувяки, желтенькие и мягкие, и чувствую себя в блаженном состоянии.

Лучше всего здесь: море, горы, ботаника, спутники, аппетит и лошади. Таких покойных лошадей я никогда не видал.

Если бы первую после семи лет пробу сделать на русской лошади, то ногами бы не пошевелил потом, а на здешних иноходцах решительно ничего.

Без числа целую тебя, моя милая жена, друженька. Люблю тебя и порядочно соскучился.

Твой любящий *В.*

На конверте: Ее Высокоблагородию Надежде Михайловне Гаршиной. С. Петербург. Невский пр. 84, кв. 52. *Почтовые штемпеля:* Ялта, Таврич. г. 1 апр. 1887 и С. Петербург. 5 апр. 1887.

425. *Н. М. Гаршиной*

Гурзуф. 2/IV 87.

Вот тебе, милая собаченька, вид из окна моего № здешней гостиницы.

Вчера приехали в Гурзуф, выехав из Ялты в 3 часа, а до

этого вдвоем с Николаем ездили кататься верхами. Проездили верст 20 и забирались в такую глушь, куда обыкновенно туристы не заглядывают. Очень было хорошо. Отсюда Николай уехал назад в Ялту и завтра поедет в Севастополь, чтобы встретить Пасху у своих. Мы же проживем здесь до страстной субботы, а в понедельник будем в Одессе, так что 9-го, я думаю, увидимся.

Голубушка моя, никогда я и представить себе не мог, чтобы без тебя было так скучно. Просто чувствуешь себя какою-то одною половинкою.

Сегодня я встал в 6 часов; солнце светлое, день не холодный. Нас до сих пор все преследовала погода; вчера и 30-го шел крупный снег — крупа, так что в Алупке на полвершка на горах насыпало. Кажется, сегодня ничего этого не будет. Ужасно хочется жаркого дня.

Николай очень сошелся с Гердами и очень понравился А-дру Як. и Нине; сам он тоже их полюбил. Едем мы очень дружно и весело. Н. Ф. шутит и болтает без умолку; я, конечно, не отстаю. Устаем сильно, спим крепко, рано ложась и рано вставая. Аппетит чудовищный: Н. Ф. делает предположения даже о том, что «сегодня вечером» (а мы не завтракали) «нужно будет то и то съесть». Один раз играли в Ялте в винт втроем с аукционом; я, конечно, проиграл 40 коп, а в Севастополе у З. Ф. больше.

Теперь 8 часов; мы напились чаю и идем побродить по скалам за травками. Как воскресла во мне страсть к ним! Если бы прожить лето здесь, право бы больше 1000 видов собрал бы.

Ходишь по тропинкам, по которым и Пушкин хаживал 65 лет тому назад, и что-то важное и глубокое охватывает душу. У меня на душе теперь очень спокойно, несмотря на историю с матушкой и Евгением. Хочется работать. Дай бог, чтобы весною и летом съезда не было, тогда сильно двину роман. Кстати в Одессе я купил XVI том Соловьева и почти прочел дорогою.[332]

Крепко целую тебя, друженька. До скорого свиданья.

Твой любящий *В.*

Сбоку приписка:

Герды кланяются. А. Я. просит тебя в первый день Пасхи зайти в д. Тацки и пожелать Н. М. и К° всего хорошего.

Христос воскресе!

На конверте: Ее Высокоблагородию Надежде Михайловне Гаршиной. С. Петербург. Невский пр., д. 84, кв. 52. — *Почтовые штемпеля:* Ялта Таврич. губ. 5 апр. 1887 и С. Петербург 9 апр. 1887.

*

426. *Н. М. Гаршиной*

Гурзуф. 3/IV 87.

Дорогой сабочик, это—последнее письмо, которое ты получишь от меня до приезда, потому что, если я напишу еще одно, то наверно догоню его или даже перегоню. Завтра едем в Ялту, а в понедельник выедем по ж. д. из Одессы. С пути, конечно, буду телеграфировать, чтобы сабоча меня встретила.

Стало тепло, но погода все не важная; пасмурно и нет настоящего ясного синего яркого неба. Зато море бывает необыкновенно сине. Сегодня, впрочем, оно белое, почти как молоко. Вообще, цвета моря меня решительно приводят в недоумение: то синее, то фиолетовое, то белое, то голубое, то зеленое, оно ни на четверть часа не остается совершенно одинаковым.

Перед нами Аю-даг; не знаю, видела ли ты его. Это гора, совершенно выходящая в море, соединенная с материком только перешейком: Вчера на нем целый день сидело облако; ветер был сильный, другие облака идут мимо, а на нем облако сидит, не двигается. Это очень странное на вид, но понятное явление.

Здесь прелестная, немного дорогая и очень комфортабельная гостиница. Кормят прекрасно. С отъездом Н. Ф. мы с А. Я. совершенно прекратили приемы водки; выпиваем в день по бутылке белого местного вина, ровно треть которого потребляет Ниночка, обнаружившая, вообще, весьма мужские вкусы и наклонности. Совсем она еще девочка и хорошая: необыкновенно проста и уж без всякого ломанья. Я говорил Н., что вот, мол, совершенно противоположные типы — Н. и Катя Каблукова. Он весьма горячо согласился со мною, а потом спрашивает: а тебя какой тип более интересовал бы? Я говорю: конечно из Н. выйдет прекрасная женщина, мать и жена, и образования настоящего у ней больше будет, чем у той. Для жизни она может составить ценность, а та почти наверно несчастье. «Ну, а мне, — говорит Николай, — все-таки та интереснее». Ужасно странна мне в нем эта черта — любовь к выкрутасным и ломаным женщинам; сам-то он такой уж милый, простой и ясный человек.

Он очень подумывает о предложении д-ра Ограновича, который вошел в соглашение с великим кн. Конст⟨антином⟩ Ник⟨олаевичем⟩ и раздает землю около Ай-Николы (не далеко от Орианды). Кусочек земли с небольшим виноградником и с небольшим домиком будет стоить всего около 2500 рублей. Дивно хорошо здесь, но все-таки меня не очень тянет. Кажется, недурно было бы поделиться с Гердами в Калужской губернии.

До свиданья, друженька. Через шесть суток увидимся. Ах, как мне этого хочется, если бы ты знала. Много-много будет разных разговоров.

Пойдешь ли ты на юбилей Я. П. ⟨Полонского⟩? Я телеграфировал Гайдебурову, чтобы он записал меня. Если приедем 9-го, то 10, конечно, придется итти.[333]

Цалую тебя, голубинька моя хорошая.

Твой любящий *В.*

На конверте: Ее В-дию Надежде Михайловне Гаршиной. С. Петербург. Невский д. 84, кв. 52. *Почтовые штемпеля*: Ялта Таврич. губ. 4 апр. 1887 и С. Петербург 8 апр. 1887 г.

427. *Н. М. Гаршиной*

5-го ⟨апреля 1887 г.⟩
Пароход «В. К. Ольга», курс NW + W
На траверзе Херсонеса.

Христос Воскресе!

Дорогой, милый, бесценный собакейчик, сейчас приедем в Севастополь. Здесь, на «Ольге», в почтовом отделении мне сказали, что письмо прийдет в Петербург сутками раньше, чем мы. Поэтому пишу. Крымский южный берег кончился. Третьего дня мы восходили на Аю-даг (1918 футов). Очень было хорошо. Герды кланяются. Сегодня в 5 ч. идем в Одессу, а завтра вечером с почтовым поездом выезжаем. Посылаю барвинок (Vinea minor).

Любящий *В.*

На конверте: Ее В-дию Надежде Михайловне Гаршиной. С.Петербург. Невский пр. 84, кв. 52.

428. *Н. М. Гаршиной*

(Телеграмма)

8-го апреля 1887 г. Белосток.

Приедем четверг шесть вечера. *Гаршин*

Адрес: Петербург, Невский, 84, Гаршиной.

429. *А. В. Успенской*

⟨27 апреля 1887 г.⟩

Многоуважаемая Александра Васильевна, я опять без вины виноват перед вами. Я пошел на Знаменскую и в указанном доме не нашел Е. П. ⟨Ревякиной⟩;[334] обошел все дома до М. Итальянской и тоже не нашел. Из адресного дома мне дали справку «не значится». Что это значит? Уж не уехала ли она? Сообщаю вам это к сведению.

Искренно преданный *В. Гаршин*

27. IV. 1887.

430. *Е. М. Гаршину*

⟨26 мая 1887 г.⟩

Дорогой брат, я просил бы тебя дать мне возможность видеться с тобою, если можно, в гимназии или где-нибудь в ином месте. Прошу, не откажи: я не имею в виду сказать тебе что-нибудь неприятное. Мне очень нужно поговорить с тобою. Отвечай в канцелярию (Б. Московская, 6): я не хотел бы, чтобы об нашем свидании до поры до времени знал кто-нибудь.

Твой *В.*

26/V. 87.

431. *Е. М. Гаршину*

4/VI 1887.

Дорогой брат, так как в твоем письме содержатся некоторые обвинения, то я прошу тебя прочесть эти несколько строк. Уколоть тебя напоминанием об О⟨течественных⟩ З⟨аписках⟩ я не имел намерения; разговор наш шел о таких острых предметах, что не мудрено нам было уколоться и самим. Я не упрекал тебя, как ты думаешь, сотрудничеством в «О. З.», потому что этим, по моему мнению, упрекать нельзя, хотя я и вовсе не такой *страстный* обожатель покойного журнала и никому за него «царапать глаза» не хотел и не хочу. Я говорил о твоем сотрудничестве только затем, чтобы показать тебе происхождение твоего мнимого консерватизма. По-моему, эта кличка, которую тебе случайно пришлось, неизвестно зачем, пришпилить к себе, и кличка совершенно неподходящая. Если ты скажешь, что твои убеждения — убеждения просто честного русского человека, это будет гораздо соответственнее «приличию материи».

О тетке В. Е. ⟨Родионовой⟩ ты заговорил напрасно. Встретил я ее в первый раз в вагоне, а во второй на улице. Тут же объяснил ей свое удаление, и тут же она клялась всем святым, что не видела меня. Не имея причины ей не верить, я, тем не менее, вряд ли пошел бы к ней, если бы она не сообщила мне, что совершенно разорилась и теперь *нищая*. Ее милые родственники каким-то мошенническим фокусом в один год пустили ее в трубу и теперь у нее ничего нет. Кроме того, ее племянник Языков сидит на Удельной, куда она ездит каждый день. Я был у нее один раз, затем она была у нас. Если это значит «пошлеть с каждым днем», как ты пишешь, то ты бесспорно не пошлый человек, по крайней мере, ошибся и, признаюсь, я был бы очень обрадован, если бы ты взял свой упрек назад. За что мне было отталкивать эту обнищавшую несчастную старуху? К чему тут твоя ирония? И в чем тут разногласие с принципами «О. З.», если уж они, как ты думаешь, для меня священны?

Вообще я бы очень хотел узнать, в чем состоит мое пресловутое «опошление». Знаешь, Женя, ведь без подтверждения какими-нибудь фактами или хоть соображениями употребление этого слова — голое оскорбление и больше ничего. Я просил бы тебя указать мне, в чем состоит это падение и опошление. Ты не знаешь, как я живу и что я делаю. Я говорил тебе, что много работаю; теперь вижу, что ты не поверил мне. Я вижу только, что ты раздражился против меня задним числом и пишешь оскорбительные слова, не думая о том, справедливы ли они или нет.

Защищать драму Толстого и признавать его благоглупости и особенно «непротивление» — две вещи совершенно разные. Тут ты опять наворачиваешь на меня мне совершенно непринадлежащее. Очень любя Черткова, я в теоретических рассуждениях ни в чем с ним и с Т. не схожусь. Многое в их речах мне прямо ненавистно (отношение к науке, напр.): если ты этого не знал, можешь спросить у Ч⟨ерткова⟩ при случае: он скажет тебе, что меня «ихним» считать невозможно.[335] В твоих упоминаниях о Т. я снова вижу желание оскорбить и раздражить. Право, это нехорошо.

О «базаре» скажу, что разглашать о твоем письме я не намерен, как и обо всем между нами происходящем. Ты знаешь, я думаю, что совершенно посторонние люди, напр. В. А. Иванов, узнали обо всей нашей тяжелой истории *не от меня.*

Твой *В.*

432. *Н. М. Гаршиной*

⟨1887 г. Петербург⟩

Надюша, милая, прости, голубчик, что не пришел в 4 часа. Сижу в Съезде за работой, которая, думаю, протянется часов, по крайней мере, до 6 — 6½, так что вероятно прийду (уж, конечно, никуда не заходя) часов в 7 или в восьмом. Мы с Ал. Тимофеевичем ⟨Васильевым⟩ совсем обалдели от проклятых тарифов: половину сделали, а другая по расчету протянется еще часа на три (пишу в 3 часа).

Эту записочку ты получишь часов в пять.

Милая моя, голубчик жена, прости за вчерашнее.

433. *В. А. Фаусеку*

15 июня 1887 г.

Милый друг, прошу тебя простить ⟨меня⟩ за неэтикетную бумагу и верить, что она совершенно не соответствует моему

к тебе уважению. Я все ждал уведомления о твоем точном адресе, но из сегодняшнего свидания с В. вынес твердую уверенность, что тебе следует писать до востребования.

Искали, искали мы дачи и не нашли. Поездки за дачей в Лесной полутора и двух-часовые так напугали меня, что я отказался от мысли ездить каждый день в город. К этому же в начале июля я уж наверно уеду в Англию или на юг, или не знаю куда; следовательно, переселяться пришлось бы только на месяц. Поэтому мы кончили переселением (horribile dictu!) в Таможню, в чем я, к своему удовольствию, не раскаиваюсь. Живем мы втроем с Н. Предпринимаем морские путешествия неограниченного числа и продолжительности. Ходим под парусами, пальто и даже зонтиками и ватерпруфами. На-днях придет новая двухмачтовая лодка, приобретаемая нами в полное распоряжение. Езда на пароходе ($^3/_4$ часа) не утомительна и допускает чтение, так что времени пропащего не бог знает сколько. Занимаюсь я преимущественно Петровщиной; прочел много, но сколько осталось еще! Думаю съездить в Царское к Пыпину: я прочел недавно его статью о Петре (о мнениях о нем) в «В. Е.» и очень захотелось поговорить с ним.[336] Кроме того, почти кончил рассказ, который вряд ли увидит свет. Не знаю, порвать его или отложить. Очень деликатный для меня вопрос. Дело в том, что в рассказе фигурирует фантастический элемент и, можешь себе представить, наука. А так как действующие лица могут говорить о науке, не превышая уровня понимания автора, то выходит дело очень плохо.[337] Так как я писал для себя, то для меня оно, может быть, и интересно: почему же и мне не говорить и не думать о науке («и кошка имеет право смотреть на короля»), но что сказали бы Скабичевский и бирюлевские барышни,[337*] если бы я вздумал философствовать печатно. Горька моя судьба!..

434. *В. Е. Генкелю*

⟨Май 1887 г.⟩

Милостивый Государь
г. Генкель,

Позвольте выразить Вам искреннюю благодарность за перевод и издание моих рассказов и уверить, что я нисколько не в претензии за то, что Вы приступили к переводу не уведомив меня. Присылкою Вашего издания Вы меня весьма обрадуете.[338]

Примите, милостивый государь, уверение в моем совершенном уважении и признательности.

Всеволод Гаршин

435. *В. В. Стасову*

<Август 1887 г.>[339]

Очень жалею, что не застал, многоуважаемый Владимир Васильевич. Письмо И. Н. <Крамского> прилагаю. Прошу по миновании надобности возвратить его по адресу, написанному на конверте.

Преданный Вам *В. Гаршин*

436. *М. В. Ватсон*

<Август 1887 г.?>

Многоуважаемая
Марья Валентиновна!

Посылаю Вам пробные оттиски портрета и на обороте этого — письмо Штейна, из коего вы усмотрите всё, для благополучного окончания дела необходимое.[340]

Преданный Вам *В. Гаршин*

437. *С. А. Венгерову*

<23 ноября 1887 г.>

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

И. Ф. Анненский просил меня (он запамятовал Ваш адрес) переслать Вам список сочинений его свояченицы,[341] что и исполняю.

Преданный Вам *В. Гаршин*

23 ноября 1887.

1888

438. *В. А. Фаусеку*

〈Начало марта 1888 г.〉

Дорогой В. А., прости меня и не приходи сегодня с Ю. И., зане я, слава богу, спать хочу смертельно. Дамы мои уехали неожиданно в театр, а я намерен часов четырнадцать проспать и вознаградить себя за прошлую ночь.[342]

439. *Е. С. Гаршиной*

〈13 марта 1888 г.〉

Дорогая мама, я через несколько дней уезжаю и прошу вас позволить мне прийти проститься.[343]

В.

На конверте: Екатерине Степановне Гаршиной. Греческий проспект, 14. Здесь. *Почтовый штемпель*: 13 III. 1888.

440. *Е. М. Гаршину*

〈15 марта 1888 г.〉

Я просил бы тебя, Женя, обратится к самой В〈ере〉 М〈ихайловне〉. Я передал ей твое предложение и с меня этого совершенно довольно. Затем, можешь поступать как хочешь. Никакому «риску» ты не подвергаешься, так как я и Надежда Михайловна при твоем появлении уйдем, если хочешь, из дому, и, во всяком случае, никакого участия в объяснениях твоих с женой принимать не будем.[344]

Твой брат *В. Гаршин*

441. *Е. М. Гаршину*

$\frac{15}{III}$ 〈1888 г.〉

Вера Михайловна просит тебя прийти переговорить с нею лично.

Твой брат *В.*

442. *В. Е. Родионовой*

<17 марта 1888 г.>

Дорогая тетя, простите меня, сегодня мы не можем быть у вас. Я чувствую себя очень дурно, а без Нади мне оставаться не хочется. Едем, вероятно, во вторник; пишу «едем», потому что Надя проводит меня на Кавказ.[345]

Искренно ваш *В. Гаршин*

17 марта.

443. *Л. Ф. Пантелееву*

<18 марта 1888 г.>[346]

Н. А. Ярошенко просил меня передать Вам фотографию с портрета Салтыкова. Он очень извиняется перед вами: он не мог послать фотографии раньше, так как внезапно уехал и вернулся только на днях. Простите и меня: я не мог зайти к Вам сам; я совсем болен.

Искренно Ваш *В. Г.*

Письма 1881—1888 гг.

444. *В. А. Фаусеку*

(Отрывок)

⟨Конец 1881 или нач. 1882 г.
Ефимовка⟩

...Представьте себе нижеследующий казус: я только что порвал письмо к вам, с великим трудом написанное мною по-английски. Я уже довольно давно принялся снова долбить английские слова и пр.; вчера же мне пришло в голову поэксплоатировать вас по этой части. Поэтому я и настрочил послание в первый раз в жизни на чужом языке, но оно вышло до того возмутительно глупо, что я его порвал, а к вам пишу уж по-русски, как и все святые угодники делывали...

445. *С. А. Венгерову*

⟨1884 г.⟩[347]

Дражайший Семен Афанасьевич!

Могу только благодарить Алексея Николаевича ⟨Плещеева⟩ за честь. Передайте ему, что я с нашим удовольствием и прочее.

Если же вы все-таки желаете со мной драться, то пришлю вам секундантов. Впрочем, вернее сам зайду. Оружие по вашему выбору.

Ваш *В. Гаршин*

8 октября.

446. *С. Я. Надсону*

⟨1883—1884 г.?⟩

Дорогой Семен Яковлевич!

Если только можно, приезжайте сегодня; я очень и очень хотел бы Вас видеть, а уйти не могу: у меня гости. Конечно,

если только Вас отпустит Ваша хозяйка. Не стесняйтесь поздним часом: если приедете до 12 часов, буду очень благодарен.

Искренно любящий Вас *Всеволод Гаршин*

Во всяком случае напишите Ваш адрес: если Вас сегодня не будет, зайду к Вам завтра.

447. *Е. М. Гаршину*

<1884 г.?>

Посылаю тебе, дорогой Женя, 10 рублей. Жаль, что ты не подождал меня на службе; я пришел очень скоро после твоего ухода.

Твой *В.*

448. *Н. М. Гаршиной*

<1884—1887 гг.>

Милая друженька, приходи к Г<ердам> — А. Я. сегодня заниматься не будет и очень зовет тебя. Если не очень поздно приедешь, пожалуйста приходи. Кори Н. М. не боится.

Твой *В.*

На обороте: Н. М. Гаршиной

449. *В. Г. Черткову*

<1885—1887 гг.>

Заходил к вам спросить, не хотите ли съездить к Глебу Ивановичу. Напишите, когда у вас нашелся бы свободный день или, вернее, ночь для этого.

Ваш *В. Гаршин*

450. *В. Г. Черткову*

<1886—1887 гг.>

Дорогой Владимир Григорьевич, благодарю Вас за книги [348]. Я уже прочел последний том (кроме того, что читал прежде). Я должен Вам сказать, что я беру назад почти всё, что говорил Вам. Кажется, беру назад потому, что я судил обо всех этих вещах по отрывкам, сказанным или [врагами] противниками Л<ьва> Н<иколаевича> или его [друзьями] защитниками. Я не хочу сказать этим, что я согласен; совсем нет: многое, признаюсь откровенно, мне чуждо и даже больше, ненавистно. А многое,

большая часть, так близко и... Но теперь (т. е. эти дни, может быть, недели и месяцы) я спорить не буду, потому что это слишком важное дело, а я ошеломлен. Именно ошеломлен. Простите за бессвязность письма: я пишу поздней ночью и очень расстроен.

Горячо Вас любящий *В. Г.*

451. *В. Г. Черткову*

⟨1886—1887⟩

О ты, явивший мне писательну машину,
Поведай мне, как ею управлять,
Дабы я мог чувствительну стишину
Тебе на той машине написать.[349]

В. Гаршин

452. *Л. Ф. Пантелееву*

⟨25 февраля 1887 г.⟩

Многоуважаемый Лонгин Федорович,
не знаю, как случилось, что я забыл сообщить вам следующее обстоятельство: я докладывал в понедельник Комитету Л. Ф⟨онда⟩ о Вашем предположении издать «Власть Тьмы», каковой мой доклад был принят с многочисленными и шумными изъявлениями к Вам, милостивый государь, признательности.

Совокупляя с таковою также и свою собственную, имею честь быть.

Вашим, м. г., покорнейшим слугою

В. Гаршин

25/II—87.

453. *А. Б. NN*

⟨1885 — 1888 гг.?⟩

Многоуважаемая
Агнеса Борисовна!

Вероятно, мой ответ на Ваше письмо, посланное две недели тому назад, пропал на почте. К сожалению, теперь я могу только повторить его содержание. Я ничего теперь не пишу и решительно не знаю, когда буду в состоянии взяться за перо. Мне лично кажется, что никогда. Я очень болен: я нахожусь в состоянии полной тоски и угнетения духа. Поэтому я надеюсь, что Вы позволите мне отказаться от Вашего любезного приглашения быть у Вас

⟨*Письмо осталось недописанным.*⟩

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. РАННИЕ ПИСЬМА ГАРШИНА

1. *Е. С. Гаршиной*

Милая мамаша.

Благодарю вас за 9 картин и книгу, которые на почте еще не получены. Я немного нездоров, у меня железа под горлом. Дай бог мне еще видеть вас. Целую ваши ручки.

Сын ваш *Всеволод Гаршин*

23-е февраля
1861 года

P. S. Благодарю братьев за картины и целую их.

2. *Е. С. Гаршиной*

24 августа 〈1869 г.〉

Я в Воронеже, мамаша, и пробуду здесь до завтра, потому что эта каналья Кирилловна сочла за грех отпустить меня, не приложившись к мощам.

Завтра я еду в [Рязань] 9 часов утра. В дороге почти ничего не случилось; только эта стерва лезла ко мне с нравоучениями. Поблагодарите от меня Варвару Ив. [красильщицу]; она очень добрая старушка.

Прощайте, мамаша, кланяйтесь отцу, Жене и Жоржу, если приехал. Желаю вам всего лучшего.

Ваш сын *Всеволод*

Напишите мне в Петербург: нашел ли Женя кобца. Кланяйтесь Матрене и Гаше.

3. *Е. С. Гаршиной*

20 сентября 〈1869 г.〉

Милая мамаша!

В магазин Черкесова я сходил, там сказали, что просьба ваша будет исполнена. Был я у Антонины Тимофеевны; она теперь работает в Биржевых Вед. Дети здоровы. Милая мамаша, именье наше по всей вероятности пропадет и мне нельзя будет продолжать ученье в гимназии. Мне надо поступить куда-нибудь на казенный счет. Это можно только в Мор-

ском, Штурманском или Инженерном училище. В первые два я не хочу, да мне и опасно: грудь не очень сильна. Остается Инженерное Артиллерийское. Экзамен туда довольно легкий: главное (для меня) очень слабы языки (во все 4 года там учат все один и тот же третий курс Мака). Главное математика. Я хотя особенного влечения в ней не чувствую, но всетаки могу учиться ей довольно порядочно, п. ч. когда я хотел, у меня всегда были из нее четверки (и теперь). Экзамен надо держать осенью, но я думаю, что можно и весною. Содержание там, судя по отзыву самих учеников, бывших прежде в нашей гимназии пансионерами, очень хорошее, конечно для учебного заведения. Из училища выпускают не прямо в офицеры, а сначала в так называемые кондукторы. Жалование им идет почти такое же как офицерам. По прошестии, кажется, двух лет кондуктор делается офицером. Подумайте о всем этом, мамаша, и напишите мне.

Дело папаши уже в Сенате. Брат Васи служит в контроле и оно ему попалось недавно на глаза. Оно называется: дело об оскорблении р<отмистром> М. Г<аршиным> трех крестьян каких-то (действием), и началось уже давно, в 67, в конце. Теперь к нему накопляются новые и новые проступки папаши.

Афанасьеву зовут Маврой Федоровной. Адрес: Ново-Исакиевская, дом Тирана, кв. № 12. Кланяйтесь всем и скажите бабушке, что я целую у ней руки.

Ваш сын *Всеволод*

4. *Е. С. Гаршиной*

Ноябрь 1869 года.

Милая мамаша,

Нам выдали недавно месячные свидетельства; баллы у меня так себе, но те, которые следуют после выдачи их, гораздо лучше. Из закона божьего вместо трех — четыре, из немецкого вместо двойки три, из географии также, как из закона божьего. Остальные баллы вот: из р. яз. 4, из математики по 4, из французского 3; из ест. ист. 4, из истории три. Только из поведения тройка, за то, что с Маком поругался. Вообще, в этом году вся гимназия наповал скверно учится. В V классе из р. яз. только *одна* четверка.

Недавно у нас выгнали из гимназии того самого Букешкина, которого мать приходила при вас в гимназию, за то, что нашли у него тетрадь с каррикатурами на учителей. Другого же, из нашего класса, за воровство казенных книг и продаванье их букинисту только оставили без отпуска на два праздника. Вообще в гимназии стали очень строги: меня, за то что я не пересел на другое место по повелению Мака, посадили в карцер от *двух* до *шести* часов. У Афанасьевых я живу хорошо. Хотя они живут довольно грязновато, но мне хорошо и то, что я сыт. Пансион приучил меня быть неразборчивым. Деньги я отдал Афанасьевой все, т. е. 40 из шестидесяти [20] в гимназию. Из этих 40 р. — 1 р. 75 к. взято на починку

сапог, а 1 р. 4 коп. на всякую мелочь и на билет в театр [простите, мамаша]. Видел «На всякого мудреца довольно простоты». Хожу я часто к Антонине Тимофеевне. Здесь уже холода: вот с неделю как лежит снег, и мороз доходит до 5°. Нева идет и на четверть ширины уже встала. Суда ушли все. Была здесь собачья выставка, выставка скота и выставка художеств. На последней я был с Медведевым. Лучше всего были некоторые пейзажи; чисто вокруг — Солецкий вид. О Льве Ник. ходят слухи, что он теперь в Америке и что он написал в газете статью, где говорит, что намерен начать новую жизнь.

Прощайте, милая мамаша.

Ваш сын *В. Гаршин*

P. S. Кланяюсь всем нашим, бабушке и братьям. Что делают пёсы ворка и кошки?

5. *Е. С. Гаршиной*

〈Январь 1870 г.〉

Милая мамаша!

Был я на праздниках у дяди Степы. Он решительно отсоветывает мне поступить туда, куда я хотел, т. е. в Инженерное училище *морского ведомства*. Действительно, оттуда выходят не сухопутные инженеры, а или корабельные инженеры или корабельные механики. Кроме этого училища есть еще Институт путей сообщения, о котором мне и думать нельзя потому, что для поступления в него надо гимназический курс. Кроме того туда принимают не на казенный счет, а с платою по 50 р. в год.

Так что дядя мне советует идти в Морской корпус. При настоящем положении дел мне не остается ничего лучшего. Пожалуйста не говорите ничего об этом Кончаловскому: я здесь ему ничего не сказал, п. что он наверно стал бы меня уговаривать продолжать курс гимназии. И рад бы, да нельзя! Напишите, едет ли сюда папаша или нет. Он и сам не едет и денег не шлет; прислал книжку, да и то не съумел написать доверенность, так что денег в казначействе не дают. Относительно руководства из немецкого языка не могу вам сказать ничего, п. что барышни у Сережи нет. Учит его Симонович, брат 〈руководителя〉 детского сада.

В Кронштадте я был пять дней. Дядя при мне был немного нездоров. Ольга Ор. такая же. Юля очень хорошенькая, уже всё болтает.

Был у Пузино и у сестры его жены. Сережа здоров, девочки Ант. Тим. тоже. Акварий Сережа почти забросил, только когда я приеду, то переменю воду. Недавно он выкинул оттуда заснувшего вьюна, думая, что тот издох. Так жалко: самая лучшая рыбища. Все растения высохли, но, когда я переменил воду, то на дне открыл множество почек и побегов. Со зверями тоже самое. Тритоны все ушли, рыба одна золотая, много улиток, пьявки и все *насеком* ушли в дно.

Был я на праздниках три раза в театре. Видел *Фауста* (Гуно), *Пробный камень* Дьячепки (дрянь порядочная) и *Общее благо* Манна. В послед-

*

нем отличается Васильев 2. Да, еще! видел *Нерона* Жандра. Вот галиматья сугубая!

Прощайте, милая мамаша. Крепко вас цалую. Цалую руки у бабушки. Кланяйтесь Жоржу. Не забудьте и Матрену.

Ваш сын *Всеволод Гаршин*

6. *Е. С. Гаршиной*

⟨Январь — февраль 1870 г.⟩

Милая мамаша!

Не понимаю, как вы могли вообразить себе, чтоб я поверил съумасшедшему человеку! Да он мне и написал всего 2 письма, в которых всего двадцать строчек и, кроме родительских благословлений и обещания дать мне на «безъотчетные расходы» 10 р., ничего нет. Я к вам писал недавно письмо, в котором писал и о Ст. Ст. и обо всем, о чем вы меня просили писать, кроме немецкой книжки для Дроси. Если вы не получили письма, то скажу вам, что Ст. Ст. советует мне поступить в Морское училище (Морской корпус переименован). Конечно, если есть надежда перейти в Николаевскую *реальную* гимназию, то об Морском корпусе не может быть и речи. Дай бог здоровье доброму дяде Дмитрию Степановичу. Передайте ему, если он уже у вас, мою благодарность за то, что он принимает во мне участие.

Учусь я теперь порядочно. Даже из французского сегодня получил четверку. Трудно справляться с славянским языком, но всетаки баллы ничего.

Сегодня у нас в гимназии освидетельствовали состояние глаз воспитанников. Завтра и я пойду на испытание. Слабым глазами велят носить очки (кажется, выдадут казенные). Не знаю, зачем это. Доктор — муж Сусловой, как говорят.

Вы бы сделали напрасно, если бы прислали мне денег: кроме ваших 3-х рублей мне на праздниках подарил дядя Ст. Ст. 3 р., так что у меня еще есть деньги. Недавно был в театре с Антониной Тимофеевной в ложе. Видел новую оперу (ее давали в 1 раз) Гальку, в бенефис Платоновой. Сообщите Жоржу, что опера имела большой успех. Участвовали: Мельников, Кондратьев, Комиссаржевский, Платонова и Дмитриева, новая певица.

Содержание оперы почти то же, что и в Фенелле, только действие не в Италии, а в Галиции. Фенелла не немая (Платонова — Галька). Сочинил оперу Монюшко. Его вызывали много раз.

Антонина Тимофеевна здорова и дети ее тоже. Надя умеет считать более 100; Ольга меньше, но всетаки умеет считать. Прощайте. Цалую вас. Кланяйтесь бабушке, Жоржу, Виктору, Жене; поцалуйте его.

Жив ли Бароська?

Ваш сын *Всеволод*

P. S. Папаша пишет к Афанас., что очень скоро будет. Деньги за меня выслал инспектору. Завтра спрошу квитанцию. Афанасьевым не выслал еще.

7. *Е. С. Гаршиной*

⟨Февраль 1870 г.⟩

Милая мамаша!

Афанасьевы недавно получили письмо от отца, в котором он обещает приехать скоро в Пбг. Но по вашим словам ему это невозможно, и я просто не знаю, что со мной будет, если он не явится сюда сам или не вышлет денег. Плату за ученье он уже выслал и ее получили в гимназии, а Афанасьева ждет. Мне перед нею ужасно совестно. К счастью она так добра, что не дает мне ни малейшего намека о деньгах.

Сегодня пойду к Ант. Тимофеевне. Если бы она не жила здесь, то я бы умер со скуки.

Ученье мое идет ничего, так что я по всей вероятности перейду в V класс без экзамена. Из французского даже получил две четверки, но в месячном всетаки будет 3: письменные работы плохи.

Мне также осматривали глаза; зрение оказалось нормальным. Замечательно, что в старших классах процент близоруких растет более и более: в 6 и 7 классах близоруких 50%.

По всей вероятности дядя Митя приехал уже к вам. Поклонитесь ему и крепко поблагодарите от меня. Поклонитесь бабушке и братьям особенно Жене. Крепко вас целую.

Ваш сын *Всеволод*

8. *Е. С. Гаршиной*

⟨Весна 1870 гг.?⟩

Милая мамаша!

Неужели вам не стыдно думать, что я не пишу к вам вследствии увещаний сумасшедшего человека? Вы знаете, что я всетаки не настолько глуп. Не писал я к вам только из за того, что денег не было; у Аф. же было совестно просить. К тому времени вы прислали мне две марки; одну из них я употребил на письмо к дяде Мите, а другую послал с письмом к отцу. В этом не только не было ничего нежного, но оно было даже *грубо*. Тотчас после отправления этого письма я получил 15 р. от отца, за которые и благодарил его в письме.

Зачем вы отнимаете у себя последние деньги, чтобы послать их ко мне? Пожалуйста не делайте этого вперед. К тому же Ант. Тим. дала мне денег.

Пальто мне сшили порядочное. Благодарю вас за него: я просто умирал под шубой. Отче уже здесь. Он забыл в Харькове 75 р. в чемодане и приехал сюда с 20 к. Теперь он гостит у Гирчича (брата казначея). 15 числа он получит пенсию, около 80 рублей. Сюда он приехал, во первых, для представления к Государю со своей машиной, во вторых, чтобы просить *о разводе*. Какого ему еще развода надобно.

Скажите Жоржу, что я завтра же утром исполню его просьбу: сегодня дождь ужасный и до Черкесова далеко. Поклонитесь ему от меня и

пожелайте здоровья. Поцелуйте Женю. Похристосуйтесь за меня с Матреной.

До свиданья.

Вас любящий сын *В. Гаршин*

Р. S. Отче не привез своих «изобретений»: он их переломал в куски по дороге к Харькову.

Афанасьевы вам кланяются.

9. *Е. С. Гаршиной*

<Май 1870 г.>

Милая мамаша!

У нас теперь экзамены в самом разгаре. Четыре уже было. Вот баллы мои за них:

География (14 мая) — 4	Естествен. (23) — 5
История (19) — 3	Французск. (26) — 3

Завтра будет экзамен из русского, потом из математики, из немецкого и последний из Закона Божьего. К 10 июня я буду свободен, но не знаю еще как доберусь до вас.

О рубле, который вы ко мне прислали, я писал, благодарил вас за них и просил не высылать мне более денег. Вам самим они очень нужны, а я здесь все таки на всем готовом. От отца известий никаких, а ведь обещался тотчас по приезде в Харьков выслать Афанасьевым остальные деньги (около 20 рублей). Просто беда с этим господином.

Не получали ли вы писем от дяди Мити. Я не получил от него ответа на письмо, которое писал перед пасхой. Не болен ли он? Если он не поможет нам, то что только будет. Если бы мне только дотянуть курс. Тогда я поступил бы (без всякого экзамена) в Институт путей сообщения. При хорошем учении всегда можно достать стипендию, потому что там их много. Пробыв там четыре года, я был бы уже инженером. Только ведь это одни мечтания... Прощайте, мамаша. Писать в самом деле больше нечего; да к тому же сейчас сяду долбить славянский. Экзамен завтра. Кланяйтесь Матрене. До свиданья. Крепко целую вас

Ваш сын *Всеволод*

Р. S. Старший сын Николенко застрелился *из за двойки.*

10. *Е. С. Гаршиной*

23 авг. Воскрес.
<1870 г.>

Милая мамаша!

Дорога мне обошлась дороже, чем я думал, во первых потому, что Каменецкий бросил меня с Чугуева и я должен был ехать один, во вто-

рых я так изморился, не спав с понедельника до пятницы, что приплатил $1^1/_2$ р. и поехал от Москвы в спальном вагоне. Вообразите, какая случайность: в Москве мы сошлись с Ант. Тимоф. и ехали в одном поезде. Приехал я вчера в 5 часов. Варенье дошло благополучно. Завтра иду в гимназию, а сегодня покупать книги на толкучку; книг много.

У нас в гимназии небольшие перемены: вместо Скопина — Геннинг, вместо Каменева — какой то Мазинг.

Акварий у Васи жив и здоров. Один из молодых тритонов уже такой:

Каково у вас, милая мамаша? Что Егор? Приезжал ли к вам Виктор? Здоровы ли все? Напишите мне обо всем этом. Прощайте, милая мамаша. Крепко целую и вас и Женю. Кланяйтесь Матрене и Жоржу, Наде и вашему *пансиону*.

Ваш сын *В. Гаршин*

P. S. Ходят ли котята?

11. *Е. С. Гаршиной*

7 сентября <1870 г.>

Милая мамаша!

Простите меня за ваше беспокойство, в котором впрочем я мало виноват. Я отправил вам письмо на другой день после приезда (что вам подтвердит М. Ф.), но оно должно быть не дошло. Я доехал благополучно; только денег больше чем следовало истратил: во первых Каменецкий бросил меня с Чугуева и я ехал один; во вторых я так уморился не смыкая глаз 4 дня (я приехал в Пбг в субботу 22 авг.), что приплатил $1^1/_2$ рубля и ехал от Москвы в спальном вагоне. Простите мамаша за этот лишний расход.

У нас в гимназии все по старому; только учитель черчения новый — Мазинг. Нас уже водил учитель физики и химии в кабинет и лабораторию. Как это все «облажено»! Я купил себе (пополам с Васей) книги, готовальник в 1 р. 25 к. маленький такой: <*отчеркнут размер*>.

Галунчик купил тогда, когда приехал, но новый сюртук в гимназию надевал только сегодня. Сапоги в починку отданы.

Был я у Антонины Тимофеевны. Она очень больна; едет в Ялту лечиться, а Сережу оставляет у Медведева. Как они, т. е. Медведевы, ругали Кончаловского, просто не приведи бог. Мне даже противно стало, тем более, что в Старобельске, как вы видели, и в деревне Медв. перед ним рассыпался. Он будет жить с Фокковым и Сережей. Ко мне, не знаю за что, ужасно холоден. Когда Ф. сказал мне адрес их квартиры, то Вас. Прокофьевич спросил его: это чтобы он принес белье? Ну, да бог с ним, я навряд буду ходить туда.

Я уже получил несколько баллов: из Закона *три*, из Русского *три с половиной* (что весьма печально), из Истории *четыре* и «из Маака» *три с плюсом*. Вообразите!

Кланяйтесь Жене, Жоржу, Матрене, Наде, Дуне, Маше, Дмитрию и пр. и пр. Что Жорж? Скверно, я думаю, вам с ним. Прощайте, милая мамаша. Крепко вас целую.

Ваш сын *В. Гаршин*

Получил письмо от дяди Коли. Осведомляется о Ант. Тим. и Сереже. Надо писать.

P. S. Уберите бутылочку с порохом из-под вашей кровати.

12. *Е. С. Гаршиной*

Окт. 22 ⟨1870 г.⟩

Милая мамаша!

Благодарю вас за деньги, присланные на штаны. Они уже сделаны из хорошего сукна, форменные, стоют 6 р. Так что, прошу вас, милая мамаша, не присылайте мне денег по малой мере до Рождества; они у меня будут. Мы с Васей положили откладывать из своих доходов на покупку книг для чтения. 1 ноября пойдем покупать; купим прежде всего «80 тысяч верст под водой» Верна. Когда будем разъезжаться, разделим библиотеку по ценности книг.

У нас уже ставят месячные баллы. У меня они довольно приличные двоек не будет. Более всего я доволен тем, что Маак не злобствует и ставит 3 и 3+. Однажды он выразился даже про меня Эвальду: «порядочно занимается, только почерк ужасный». Кажется, Эвальда произвели в его превосходительство, что примите к сведению, адресуясь к нему.

Жестоко каюсь в невежливости относительно дяди Мити, в которой впрочем я не виноват: я думал, как вы мне говорили в Староб., что он уехал из Николаева. Посоветуйте, что мне делать.

Когда вы едете в Николаев? Напишите мне, а то я не буду знать, куда вам писать. Напишите, какие именно вещи заложены у Симонсона: я тотчас же схожу к нему.

Был я на «Борисе Годунове» и на художественной выставке. Обстановка в «Б. Г.» превосходит всякое описание; говорят, что материал для костюмов нарочно заказывался на фабриках. Платье у одной из камеристок Марины сделано из голубого муар-антик. Однако играют препаскуднейшим манером, особенно хорош Борис — *Леонидов*. Всё воет и воет. На выставке есть много хороших картин; вы может быть читали об картине Бирштедта, что стоит 30 000 р. с., в «Голосе», который ее ругает; однако, по моему мнению, картина очень хорошая. Сегодня пойду в Александринку смотреть «Бездну» Диккенса за 20 коп. сер.

Помните ли вы Егорова; он все такой же маленький, не вырос ни капли. Скажите это Жоржу. Однако Егоров уже во втором классе инженерного училища, через два года будет гардемарином, еще через 2 офицером. А мне еще долго долго не встать на ноги. Если бы не умер папаша, то я был бы уже в морском училище, теперь же еще есть надежда и на лучшее.

Не помните ли вы, мамаша, Молаксианова. Кажется он бывал у нас. Я видел его у Маркеловой. Он недавно вернулся из Америки, где жил несколько лет. Говорит, что там очень хорошо. Кончу курс в Институте Инженеров и поедем туда, мамаша, с Женей.

Прощайте, милая мамаша. Крепко вас целую. Кланяйтесь Жене и Жоржу. Кланяйтесь Матрене и всем прочим.

Вас любящий сын *Всеволод Гаршин*

13. *Е. С. Гаршиной*

<Ноябрь 1870 г.>

Милая мамаша!

Я писал к вам в ответ на ваше письмо с деньгами (которое мы получили), но писал не в Ник., а в Стар<обельск>. Писала также и М. Ф.; она послала к вам документы и росписку, которые вы требовали. Теперь всё это в Староб. Письма из Бахмута я не получал, и не знал поэтому, куда писать.

Посылаю вам мое свидетельство. Присылайте его с первым же письмом; у меня его уже требуют.

Вот мои *новые* баллы. З. Б. — 3, 4, Всеобщ. История — 4; Алгебра — 3. Больше баллов нет не из чего.

Скажите дяде Коле, что Сережа здоров, учится в пансионе, кажется, Семенова, куда его поместили полупансионером. За него платится, не знаю именно сколько, но что то много. В следующем письме напишу.

Как вы поживаете в Николаеве? Выздоровел ли Женя. Скажите ему, что мы с Васей переплетаем книги; переплели уже 6 штук и не очень скверно. Только обрезать без ножа трудно.

Что вы думаете о предстоящем ландвере. Ведь из нас четверых наверное кого нибудь возьмут. Жорж, должно быть, ликует. Здоровы ли вы и бабушка, дядя и Жорж. Попросите у дяди Мити извинения за мою невежливость, которая произошла из за того, что я думал, что дядя Митя уехал из Н<иколаева>, как вы говорили мне летом. До свиданья, милая мамаша. Крепко вас цалую. Крепко цалую бабушку, Женю, дядю Митю, дядю Колю. Поклонитесь Жоржу.

Ваш любящий сын *Всеволод*

Привезли ли вы с собою в Н. бедного песа Баросю?

14. *Е. С. Гаршиной*

<Декабрь 1870 г.>

Милая мамаша!

Был я у инспектора и спрашивал о метрическом свидетельстве. Он говорил, чтобы вы написали прошение к Его Превосходительству господину директору и пр. и пр. о высылке вам этого свидетельства.

Вы удивляетесь, отчего у меня три из русского языка. Тут ничего нет странного: у нас в V классе из 30 человек Василий Петрович *только одному* поставил *4—*. Впрочем я надеюсь в эти два месяца получить четверку с минусом: у меня вот какие баллы: 3+, 3+, 4.

С нетерпением жду дядю Митю, т. к. мне так скучно, что и сказать вам не могу. Только изредка в театр сходишь, действительно изредка, п. ч. за все время с приезда сюда я был только пять раз. В последний раз был на «Железной Маске». Бываю у Медведева. Сережа здоров и учится в пансионе у Филипова. Учится он хорошо, и постоянно получает *красные* билеты. Это значит, что у него только четверки, а троек нет.

Вы пишете, что не худо было бы побывать Васе на юге. Действительно было бы не худо, да только Афанасьевы не настолько богаты, чтобы употребить на это пятьдесят рублей, и наверно не согласятся, чтобы Вася ехал.

У нас в гимназии ожидается приезд министра, вот уже целые две недели всё начальство страх как озабочено и понукает нас повторять курс.

Недавно я получил от Петра Петр. письмо с вложенным таковым же к Медведеву. Не знаю, зачем он не пишет к нему прямо, а через меня. Медведева теперь в П⟨етер⟩б⟨ур⟩ге нет: он уехал на время куда то далеко, кажется в Житомир. Так что Сережа теперь с Фоковым.

В воскресенье пойду к нему: я там уже две недели не был. Скука смертная у Афанасьевых, а больше ходить некуда. Хоть бы скорей приехал дядя Митя. Впрочем недалеко уже до Рождества; у нас уже начинают выставлять отметки за ноябрь и декабрь.

Какие страшные морозы теперь стоят! Вот уже больше недели как меньше 14 градусов не бывает, а то 20 и больше. А у вас теперь тепло! Скоро ли я вас увижу! Еще долго, целых шесть месяцев.

Прощайте, милая мамаша. Крепко вас целую. Целую руки бабушке и желаю ей здоровья. Поцелуйте за меня Женю. Поклонитесь доброму дяде Мите, Жоржу и дяде Коле.

Вас вечно любящий сын *Всеволод Гаршин*

Что Матрена? Где она?

P. S. Поблагодарите дядю Митю за карточку.

15. *Е. С. Гаршиной*

⟨Январь 1871 г.?⟩

Милая мамаша!

Благодарю вас за 5 р. вами присланные. У меня в это время совсем не было денег. Получили ли вы мои письма со свидетельством. Пришлите его поскорее.

Завтра я непременно пойду сниматься и пришлю вам карточку с первым письмом. Сегодня вместе с вашим письмом посылаю письмо к Виктору.

Был я в театре и видел «Петербургские когти». Катался два раза на коньках. Скоро нам опять надо в гимназию. Впрочем теперь скоро маслян-

ница, потом пасха, наконец вожделенные экзамены, а там я и вас увижу. Скоро ли приедет дядя Митя. Неужели ему не дадут отпуска? Мне хотелось бы съездить на праздниках в Кронштадт, да теперь уже поздно.

Мы с Васей уже накупили много книг. У нас теперь около сотни, из которых, не к чести нам, большая часть иностранные романы. Впрочем мы приобрели Пушкина. Переплетаем мы их сами. Я писал к вам, кажется, что В. Ник. купил Васе инструменты. К лету, бог даст, будем первостатейными переплетчиками. Я все чаще и чаще думаю, куда я денусь по выходе из гимназии. В Технологический не стоит идти, ибо по выходе нет никакой работы русским технологам. В Институт Инженеров можно бы, но сдержу ли? Ведь это *самое высшее* математическое учебное заведение в России. Впрочем не надо робеть. Теперь кончу курс в гимназии, а потом что бог даст; может быть и в солдаты попаду.

Прощайте, милая мамаша. Право, писать нечего. Крепко целую вас, бабушку, Женю, кланяйтесь Жоржу и дяде Коле. Дядя Митя ведь уже в Елисаветграде.

До свиданья.

Ваш сын *Всеволод*

16. *Е. С. Гаршиной*

<Ок. 15 февраля 1871 г.>

Простите меня, ради бога, что я так долго не пишу к вам. Был я в Адресном столе, но Доризо не нашел: он там не значится. Получили ли вы мою карточку? Посылаю еще одну, бабушке. Благодарю вас и ее за деньги. В гимназии всё идет хорошо покуда; скоро дадут месячные свидетельства. У нас умер Серно-Соловьевич, помощник попечителя, кажется. И вообразите — даже не позвали нас провожать его. Помните, как братья провожа и Востокова?

Дома ли дядя Митя? Если дома, то пожалуйста поклонитесь ему от меня. Я думаю, скоро у вас навигация откроется.

С прискорбием извещаю вас, что перевод мой не подвигается. Трудно очень, а терпения не хватает.

Был я 11 февр. имянинник и не ходил в гимназию, ибо М. Ф. воспротивилась сему. Вместо гимназии был в Исакиевском соборе.

Поверите ли, мамаша: я в эту зиму был уже два раза на имянинах у Егорова и даже танцовал. Только что за безобразное общество петербургские чиновники! В особенности их жены и дщери. Ни одна не умеет правильно по русски говорить: все говорят — с рукам, ногам, словам и т. д. А какие разряженные! Юноши тоже хороши. Егоров, например, курит, водку пьет и т. д. Как вы думаете, прислать ли мне карточку дяде Мите? Нужно ли возвратить вам письмо Доризо?

Кланяйтесь всем. Женю поцалуйте.

Прощайте, милая мамаша. Крепко вас цалую.

Вас любящий сын *Всеволод*

17. *Е. С. Гаршиной*

<24 марта 1871 г.>

Христос Воскресе!

Милая мамаша!

Благодарю вас за ваши пять рублей. До этого письма (с деньгами) я получил еще одно, только не ко мне, а к Виктору. Вы, должно быть, перепутали адресы. Я отослал это письмо к В., но от него вашего письма не получил.

Документы и чулки я уже получил и сегодня пойду вместе с Вас. Ник. подавать прошение в Штаб. Я думаю, что В. Н. мне поможет, т. к. у него почти везде есть знакомые.

Посылаю вам мое свидетельство и карточку дяде Мите. Баллы плоховаты, т. к. я немного ленился целые две недели, но теперь я снова стал заниматься. Я теперь говею в Исакии.

Здесь холера и оспа свирепствуют, и посему я счел за благо оспу *привить*, но она не принялась, так что я другой раз и не пойду.

Приедете ли вы сюда весною, милая мамаша? Впрочем и я к вам скоро, если холера не схватит, приеду: меньше трех месяцев осталось. Что Женя, как он учится и когда вы хотите отдавать его в Ник. гимназию и в который класс?

Прощайте, милая мамаша. Крепко вас цалую. Цалую Женю и бабушку. Жоржу поклон.

Ваш сын *Всеволод Гаршин*

P. S. Когда получите аренду, пришлите, если можно, разумеется, 6 р. на штаны: совсем износились. Чулки отнес.

18. *Е. С. Гаршиной*

<Нач. апреля 1871 г.>

Милая мамаша!

Я уже получил ваши документы, и подал уже прошение в Гл. Штаб. Через месяц (со дня подачи, 24 марта) выйдет окончательное решение.

Вы пишете, что я редко пишу к вам. Это правда, мамаша, и я чувствую себя очень виноватым перед вами. Обещаюсь вам писать теперь чаще.

Я теперь здоров, хотя мне очень и очень скверно. Если бы Афанасьевы брали вместо 15-ти 20 руб. в месяц, я ни за что не остался бы у них Не поверите вы, мамаша, как мне горько подчиняться их глупейшим обычаям, выслушивать иногда даже насмешки, и чувствовать в то же время, что ты во сто раз выше этих людей. Какой я бесхарактерный однако!

Иногда рад бы бежать куда нибудь, да некуда. Медведев меня, как мне кажется, терпеть не может, не знаю только за что. Какой только несчастный случай впутал меня между Ник. Степ., Ант. Тимоф., Кончал. и пр. Чуть повернешься, чуть слово скажешь, тотчас со всех сторон

сыпятся: «не знал я, что ты на это способен», «двуличный мальчишка, сплетник». Что я им сделал, скажите, ради бога?

А больше ходить некуда. Ну и сидишь между этими зверьми в человеческом образе. Ах, мамаша, как мне плохо. Выплакаться даже негде: нет собственного уголка. Баллы мои, как вы из свидетельства видите (получили ли вы его или нет) ничего: в VI класс, я думаю, перейду без переэкзаменовки. Скоро и экзамены: они начнутся 10 мая или около того. Если я боюсь чего, то это (смешно сказать) Закон Божий. Не знаю почему: баллы из него у меня кажется удовлетворительные.

Я задолжал М. Ф. за починку сапогов в разное время и за новые головки 5 р. 70 к. Из пяти р., за которые я очень вас благодарю, я отдал М. Ф. 3 р., а два оставил себе. Если у меня не хватит сапогов, вы, я думаю, позволите мне задолжать рубля три за головки.

Прощайте, милая мамаша. Обещаю вам, что вы *не разочаруетесь* во мне, поступлю ли я в Инст. Инж. Пут. Сообщ. или в Политехническое училище, что в Николаеве. Туда бы я больше хотел: к вам ближе, да и дешевле стоить будет и не придется голодать в Питере.

Скажите от меня бабушке Христос Воскресе и поклонитесь ей. До свиданья, крепко вас целую. Поцелуйте Женю за меня. Кланяйтесь Жоржу и дяде Мите, если он дома.

Ваш сын *В. Гаршин*

P. S. Напишите мне, какая в Николаеве гимназия: полная реальная или полуклассическая.

19. *Е. С. Гаршиной*

⟨Апрель 1871 г.⟩

Милая мамаша!

Неужели вы не получили трех моих писем с карточками? — вам, бабушке и дяде Мите. Если вы их получили, то я не знаю, отчего вы так беспокоитесь о мне. Впрочем я действительно очень редко пишу к вам: простите меня великодушно.

Пожалуйста пришлите поскорее мое свидетельство, а то Вас. Петр. спрашивает (за этим он наблюдает). Ученье мое идет не очень плохо. Скоро экзамены, и я думаю, что во всяком случае перейду в VI класс.

Какое нам сочинение задал Вас. Петр.! Страниц по крайней мере пятьдесят выйдет.

Пасху я провел очень скучно и нигде не был; не был ни разу даже у Медведева. Сережа от него уехал в Ялту; вы, должно быть, это знаете. Получил я от Петра Петровича письмо для передачи Медведеву: надо сходить и отнести.

Здоровы ли вы, мамаша? Здоров ли Женя? Что поделывает Жорж. Мир Баронову праху!

Прошение в Штаб я уже снес и на этой неделе пойду туда справляться. Я подал его в начале страстной недели: через месяц (после дня подачи) обещали решение дела.

Я не успел послать вам письма вместе с Афанасьевским, а прийдя в гимназию услышал от Алдр. Дмитриевича повеление тотчас написать письмо и принести его к нему для отправления к вам. Исполняю это повеление и обещаю вам, что его в другой раз не потребуется. Я теперь к вам буду писать чаще. Поклонитесь всем. Крепко вас цалую. Прощайте.

Вас любящий сын *В. Гаршин*

20. *Е. С. Гаршиной*

15 мая 1871.

Милая мамаша!

Сегодня я потерпел от Анонимова, историка, некоторый «афронт», ибо получил из Средн. Истории — *4*, а из Русской — *3*. Анонимов, кажется, меня решился преследовать на экзаменах (в прошлом году я получил от него тоже 3), хотя всегда ласков в году. Я просто выхожу из себя, тем более, что я Русскую Историю знаю положительно отлично. Сегодня я ожидал получить две пятерки, а получил 4 да 3. Нынешнюю ночь не ложился спать, прошлые две спал от 12 до 4. Прощай теперь, вторая награда!

Благодарю вас за ваш рубль. Я сильно боялся, что меня не допустят из Алгебры, однако допустили и переход в VI к. наверно решон. Высылайте деньги, если можно, к 12 июня (экзамен из Русского языка последний). Как мне хочется развязаться с Петербургом и увидеться с вами. [Кроме денег на отъезд]. Я должен А-м теперь 10 р. 5 к. (со штанами), да еще верно прийдется заказать сапоги. С деньгами пришлите, пожалуйста, подробный маршрут. Я выеду как можно скорее.

Кланяйтесь бабушке, пoцалуйте Женю. Напишите, когда мне взять бумаги от Дмитриева. Простите меня за краткость и бессвязность письма. Спать просто так хочется, что с ног валишься. Я сейчас вернулся с экзамена и лягу спать. Завтра опять долбня. 19 мая французский экзамен, потом химия, Закон, немецкий, математика, физика, словесность. Еще месяц работы. До скорого свиданья. Крепко обнимаю вас.

Ваш сын *Всеволод Гаршин*

21. *Е. С. Гаршиной*

29 мая ⟨1871 г.⟩

Милая мамаша!

Вы опять беспокоитесь обо мне; а ведь я только 15 числа послал вам письмо. У нас уже было пять экзаменов: История (4, 3), Франц. яз. (3), Химия (4), Зак. Бож. (4) и Немецкий (3). Экзамены сходят удачно, только я занимаюсь в высшей степени глупо; первые дни ничего не делаешь, а потом не спишь ночью. (Кроме Истории, к-ую я очень добросовестно

готовил). Теперь остались: Математика (4 июня), Физика (8) и Русский язык (12). Так что я еду как на почтовых.

Я заказал себе сапоги, хорошие, за $5^1/_2$ р., ибо хожу почти без сапог. Таким образом кроме денег на дорогу нужно будет прислать мне:

Старый долг (штаны и проч.)	10.09
Новые сапоги	5.50
За посылку документов (Квитанции посылаю вам)	1.10
	16.69

Да еще за пол-месяца, по полтиннику в день.

Вы верно слышали печальную новость. Как хотите, мне очень и очень жалко Антонины Тимофеевны. Она мне больше добра, чем зла сделала, т. е. зла никакого. Что теперь будет с детьми. Дай то боже, чтобы Н. С. оставил их у Медведева; всетаки он лучше. У нас в гимназии перемена. Галкина хватил паралич: руки, ноги и язык отнялись; теперь швейцаром его сын, молоденький совсем и красивый, хотя на отца похож.

Дорога кажется не будет очень дорого стоить. От П. до М. — 6 р. (набавили рубль), М.— К. 6 р. 28 к., К<урск> — Киев 5 р. 53 к., Киев — Балта 5 р. 46 к., Балта — Одесса (не знаю наверно) рубля 2. Итого билеты, кроме парохода — рублей 25.

Я еду к вам с книгами: я купил здесь Пушкина, еще до масляной, Грубе (Рассказы из истории) очень хорошая книга (3 тома). Да еще *Кетле* я утащил у Медведева, ибо знаю, что у вас нет. Я думаю, вы меня не осудите. Прощайте, милая мамаша. Через три недели, много через четыре, увидимся.

Крепко целую бабушку и Женю. Вас тоже.

Ваш любящий сын *Всеволод Гаршин*

Не продать ли мне здесь татарину одеяло? Оно весьма прискорбно: в дороге чемодан протер в нем дыру. Впрочем, лучше привезу к вам «сего верного спутника моих скитаний по странам севера и юга».

Как ваши песы поживают?

М. Ф. кланяется вам.

22. *Е. С. Гаршиной*

<1871 г.>

Дорогая мамаша!

11 ч. утра, Беловодск. Едем совершенно благополучно и очень скоро; как вам известно, я выехал из дому в $5^1/_4$ утра и сюда приехал в 10. Съели пол баранины, огурцы, стрепета и половину пирожков. Купил за 10 к. два превосходных арбуза. Простите, что пишу о таких пустяках. Отсюда выедем в час (до станции 35 верст) так что будем на железной дороге не позже 5 ч. Панасенко везет превосходно.

[Ст. Чертково. 6 ч. вечера]. Непременно с первой же почтой вышлите мне записку такого содержания: Покорн. прошу нач. СПБ. Р. У. беспре-

пятственно увольнять сына моего В. Гаршина к Назару Николаевичу Афанасьеву [ежедневно или три раза в неделю, предоставляя это на благоусмотрение начальства] по праздничным и будничным дням. Этой запиской вы обеспечите мне свободу; целую неделю просидеть в четырех стенах — мученье.

Выехал из Беловодска в $1^1/_2$ ч. Надеюсь быть на станции в $5^1/_2$ ч.

Чертково. В половине седьмого приехал, взял билет (во II класс) и сдал багаж. Панасенко вез отлично. Скажите ему спасибо. Белый мешок посылаю обратно. Крепко, крепко вас целую, милая, дорогая мама. До свиданья, быть может не такого долгого.

В. Гаршин

Адрес: Екатерине Степановне Гаршиной.

23. *Е. С. Гаршиной*

Петербург 21 авг.
⟨1871 г.⟩

Милая мамаша!

Я приехал сюда 18, в среду, и приехал благополучно. Я уже был в гимназии и ночевал там одну ночь. В. Ник. поручился за меня беспрекословно в четверг, 19 (я приехал в $10^1/_2$ ч. веч.), а 20 Ал. Дм. зачислил меня.

И так я пансионер VII гимназии по всей форме.

Василий Прокофьевич отыскался. Я встретил на улице Николая Федоровича и сей последний просил меня к себе. Они живут опять вместе. Завтра не пойду ни к ним, ни к Пржеборе; к ней пойду в четверг (у нас праздник). Карточек Ал. Фед. не успел купить, но непременно вышлю следующим письмом.

Объяснения у нас с Ник. Степ. не произошло. Только он два раза присылал Сережу звать меня на рубку, говоря, что «можно». Я, конечно, не счел долгом «послушаться» и не сделать «дерзости» и остался на палубе, передав Никол. Степ. желание не иметь с ним сношений. Донес ли это Сережа или нет — не знаю, только Н. С. принимал постоянно какой то огорченный вид, когда мы с ним встречались.

Доехал я почти благополучно; почти потому, что жиды уж очень «обиждали». Напрасно я сидел в жидовском вагоне — один русский. Познакомился по дороге с Пет. студентами, из Крыма. Они дали мне свой адрес. Они братья Вульфы. Ш. Ф. меня очень радушно приняла, хотя я поздно приехал. За варенье пребывают благодарны.

В гимназии перемен нет никаких. Все на своем месте, только я теперь заметил, как я вырос, сравнивая себя теперь с тем временем, когда я был пансионером. В самом деле: я уже сижу за первым столом, волоса длинные носить не возбраняют, Черновский чувствует почтение и проч. и проч. Завтра пойду к Латкину, к-ый еще не являлся в гимназию.

Чемодан доехал не совсем благополучно: в Одессе, при сдаче багажа, оторвался замок и его не хотели принимать, так что я был принужден заплатить *45* к. за веревки и перевязку. О Николаев!

Был ли у вас Егор. Поклонитесь ему от меня. Прислал ли Виктор письмо. Пойду к Медв. и, должно быть, многое разузнаю. Здоровы ли Женя и бабушка?

Вы всегда говорите, что я кончаю письма на третьей странице, не обращая внимания на то, как мелко оно написано. Сегодня нарочно переведу на четвертую.

Малышева исключили из гимназии за безнадежные успехи: он сел на 3 год. Класс наш всетаки огромный, небывалый: 23—25 человек. Мест не достает, и учителя в ужас приходят.

В театре не был еще, но пойду при первом удобном случае.

Однако прощайте. Крепко вас целую. Не горюйте очень, милая мамаша. Целую Женю. Кланяюсь бабушке.

Вас любящий сын *Всеволод Гаршин*

P. S. Как здравствует препочтенный Трим.

24. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 6 сентября <1871 г.>

Милая мамаша!

Очень я обрадовался, получив от вас письмо с известием о переезде в Староб. Наконец то вы уезжаете из этой вонючей лужи.

Я поживаю себе очень порядочно. Моя жизнь в гимназии во первых гораздо самостоятельнее жизни у Афанасьевых, несмотря и на «начальство». В матерьяльном отношении и говорить нечего. Вообще жить не скучно. Я пробовал свой голос у Брянского и он принял меня в хор. Занимаюсь переплетством; по вечерам слушаю музыку, ибо у нас есть великолепный артист на фортепьяно, Ефимов. Он выпросил у Ал-дра Дмитриевича позволение поставить у нас наверху свой рояль и каждый вечер услаждает наш слух. Баллы у меня еще не определились; однако получил уже от Копсовича 4 и от попа 3.

Я был у Василия Прокофьевича. Он очень болен, почти не выходит. Как он опустился! Когда я шел к нему, я решил попрекнуть его детьми Ант. Тим., но потом у меня просто язык не повернулся на это.

Был я и у Пржеборы; она обещалась устроить дело с этим удостоверением Горской. Очень милая барыня, как мне кажется. Был я также у доброй Александры Григорьевны, видел там Якоби и Макулову; слышал ожесточенные прения о издании Гизо, Истории Франции для детей. Оне хотят издавать эту книгу. Как я пожалел в ту минуту, что вы не в Питере, что вас не было там!

Эти проклятые карточки у меня просто из головы не выходят. В праздник купить — непременно забудешь, а в будни выйти из гимназии нельзя, ибо *не пущают*.

Желаю вам хорошенько устроиться в Старобельске. Но у Сумарокова, кажется, есть место, где герой хочет бежать, но куда бежать?..

«Мой ад всегда со мною!»

Так всегда с вами. Ах, милая мамаша! Подождите только, и мы будем жить спокойно. Я верю в это.

Прощайте, милая мамаша. Простите, что мало пишу; в самом деле писать нечего; да вот что: Чернопольский неправду сказал, что работа Гончарова $1^1/_2$ м-ца не проносится; я ношу сапоги до сих пор и они всё как новые. Не мог себе казенных прибрать по ноге. Прощайте; крепко, крепко вас целую. Поцелуйте Женю. Поклонитесь бабушке и, если жива, Матрене.

Вас любящий сын *Всеволод Гаршин*

P. S. О деньгах не беспокойтесь: у меня еще есть.

25. *Е. С. Гаршиной*

<Середина сентября 1871 г.>

Милая мамаша!

Благодарю вас за деньги на часы и проч. Только мне кажется, что вы уже слишком много посылаете. Часы я купил за 14 р., серебряные, очень хорошенькие. Остальных денег мне хватит очень на долго.

Был в театре; видел «В мутной воде». Вы должно быть читали эту штуку в «От. Зап.» под именем «Рыцари нашего времени». Если помните, там действующие лица наши остзейские немцы; в таком виде на сцену поставить не позволили, а переменили название и немецкие имена переделали в русские. Русских ругать можно, а немцев нет.

Бываю часто у Латкина, с которым я более и более схожусь. Очень порядочный мальчик. У Пржеборы не был, да меня к ней и не тянет. В гимназии все идет порядочно. Начал я, от скуки, с месяц тому назад заниматься выпиливанием из дерева разных вещиц à jour и уже достиг некоторой степени совершенства. Это очень недорогое занятие; приеду весною к вам, привезу весь снаряд Жене. Каково он учится? Поцелуйте его за меня. Напишите что нибудь об учителях прогимназии. Наш поп все еще негодует на меня, должно быть из за братьев, и раз постарался меня «подвести». Я отвечал ему «О первом обществе христианском», вдруг он спрашивает: «А что, господин Гаршин, скажите мне, очень это на социализм похоже?» Я отговорился неведением, а то сидеть бы мне в карцере.

Поклонитесь от меня бабушке, Виктору, Матрене непременно и всем Кончаловским. Прощайте. Крепко целую вас.

Всегда вас любящий *Всеволод Гаршин*

P. S. Где прогимназия помещается?

26. *Е. С. Гаршиной*

<30 сентября 1871 г.>

Милая мамаша!

Судя по вашему письму, вы не получили моего письма, кажется, от 6 сент., писанного мною в Старобельск. Там я писал вам, между прочим, и о Пржеборе, а вы меня о ней спрашиваете.

Встретил я недели полторы назад Ив. Андреяновича. Он узнал меня и позвал к себе. Я был у него вчера; он принял меня довольно любезно и звал бывать у него на будущее время. Знаете ли, что он женился? Еще не знаю на ком, только жена у него очень хороша собою. Мне кажется, что не следует бросать этого знакомства, т. к. Нехлюдов очень хороший человек. Что вы об этом думаете?

В гимназии у меня все идет благополучно. Васю Афанасьева приняли на казенный счет; с завтрашнего дня он будет жить в гимназии. Хожу я, конечно, только по праздникам, к Маркеловой, да и то редко. Я ужасно боюсь быть в тягость кому бы то ни было. К Афанасьевым почти не хожу, ибо рад, что вырвался то от них. У Медведева был только раз. В следующий праздник исполню ваше поручение к нему, если только будет можно: Медведев болен теперь почти всегда и собственными то делами не может заниматься. Впрочем я непременно попрошу его. Мне его ужасно жалко. Человек, у которого ничего и никого нет.

Маркелова очень дружелюбно меня принимает. Какая добрая! У нее вижу часто и Макулову; всё такая же, ни капли не изменилась. Представьте себе, ее знают некоторые из наших гимназистов: она и между ними пропагандировала. Про нее говорят, что с нею спорить страшно, ибо она легко может привести в действие когти и зубы.

Как вы поживаете в Староб.? Поклонитесь от меня Свешниковым. Я не думаю, чтобы меня так скоро забыли. Поклонитесь Матрене. Что бабушка? Мне кажется, не знаю почему, что она болеет. Часто ли вы видите П. П., Виктора и всех Кончаловских? Напишите мне, пожалуйста, в каком положении именье? Получаете ли вы письма от Егора. Я непременно заведу с ним переписку.

В гимназии мне совсем не скучно. Как я писал к вам в прошлом письме, я принят в хор. У нас постоянно музыка, т. к. есть хорошие музыканты на фортепьяно. После Афанасьевского питания и стол в гимназии очень хорош.

Прощайте, однако, мамаша. Крепко вас целую. Если доживем, увидимся, а, должно быть, доживем. Уже полтора месяца из десяти прошло; это кое что значит.

Всегда вас любящий сын *Всеволод*

P. S. Хорошо бы вы сделали, если бы не присылали на часы.

27. *Е. С. Гаршиной*

〈Октябрь 1871 г.〉

Милая мамаша!

Простите меня за мое молчание. Вчера я написал к вам письмо и хотел уже отправить его к вам, как получил ваше. Выдали нам месячные свидетельства; баллы у меня крайне не заслуживают одобрения:

З. Б.	Р. Я.	Н. Я.	Фр.	Алг.	Триг.	Истор.	Химия	Физика
3+	4.	3.	3.	3.	3.	3+	4.	3.

*

Так что Женя идет лучше меня. У нас все благополучно. Васю Афанасьева приняли на казенный счет. Был в театре: видел «Смерть Иоанна IV». Ивана играл *Нильский* и, вопреки всякому ожиданию, играл очень хорошо.

Карточки Ал. Федоровны отправляю сейчас. Они у меня были очень давно куплены; только послать никак не мог собраться. Весьма неодобряю себя за мою неакуратность. Не понимаю только, отчего Ал. Ф. не написала мне о карточках. Принялся я за серьезное чтение; прочитал Лассаля. Сначала было трудновато, но потом обвыкся. Книгами меня Маркелова снабжает, спасибо ей. Вы писали, что Кончаловский сюда ехать хочет; напишите когда.

Высматривал я модные картинки для маскарадов, но не нашел ничего подходящего. Все большею частью роскошные костюмы и совершенно не пригодные детям. Якоби теперь нет: она уехала в Италию.

Жить в гимназии мне совершенно хорошо; одно только неудобство было: уходить нельзя по будням. Я взял у Назара Николаевича записку для ежедневного отпуска. Ал-др Дм. позволил, только велел попросить от вас удостоверение в том, что вы ничего не имеете против посещения мною Афанасьевых. Пришлите пожалуйста такую записочку.

Прощайте, милая мамаша! Крепко цалую вас. Уже много прошло времени с каникул; остается все меньше да меньше. Я высчитываю сколько месяцев, недель, дней и часов осталось до каникул. Кланяйтесь бабушке. Цалуйте Женю. Желаю ему хорошо учиться. Кланяйтесь Матрене и всем, кто меня знает. До свиданья.

28. *Е. С. Гаршиной*

7 ноября ⟨1871 г.⟩

Милая мамаша!

Не знаю, каково было огорчение ваше, когда вы получили мое письмо; только оно не сравнится с тем чувством, с которым пишу это письмо. Во первых ваше опасение за мои баллы. Вы говорите, что меня могут не оставить в пансионе, если так пойдет crescendo.

Баллы, с которыми я перешел в VI к.

З. Б	Р.	Н.	Ф.	Ф.	Х.	Мат.	Истор.
4.	4.	3.	3.	4.	4.	3. 3.	3. 4.

Настоящие баллы

3.	4.	3.	3.	4.	4.	3. 3.	3.

Средний вывод первых, с которыми меня приняли на к. счет., $3^1/_2$; вторых — $3^1/_3$.

Итак, меня выгонят из пансиона за понижение среднего вывода баллов на одну *шестую* балла? Что это за слепая боязнь! Отчего вы не бранили меня за мои баллы весною? И разве вы не знаете, что пансионеры сидят по два года в классе и их не выгоняют.

О втором пункте вашего недовольства мною я не знаю, что и думать. Вы приводите мне в пример Егора и Виктора. Между мною и ими в то время, когда их «совратили с пути» псевдо-либеральные, как вы говорите,

тенденции, очень большая разница. В 1863 г., когда произошло это совращение (Ж. с той поры перестал заниматься чем бы то ни было, сколько мне известно), Жоржу было 14 лет; мне теперь без полутора месяца 17. Вы знаете сами, сколько значат эти три года для развития. И притом чем выражался либерализм Жоржа? Хождением в Пассаж и во всевозможные трактирные заведения. Если вы меня хоть сколько-нибудь знаете, скажите, таков ли я? Вы пишете о Лассале, говоря, что мне рано читать его, что я его не пойму. Том сочинений Ф. Л<ассаля>, который у нас есть в русском переводе, почти весь составлен из речей к германским *рабочим*. Неужели Влад. Фед. Эвальд столь неспособный директор, что ученик 6-го класса его гимназии не может понимать того, что говорилось хотя и немецкому, но, всетаки, фабричному рабочему? Что же значат слова ваши: «выкинь из головы мысль о перестрое современного общества» — я никак не могу понять. Может быть, вы думаете, что М-ва желает впутать меня в ужасный заговор? Я с нею не так короток; прошу у нее иногда книги и *по моему собственному выбору*, а никак не занимаюсь чтением их *под ее руководством*, как вы думаете. То, что вы говорите о влиянии на меня Маркеловой, *Макуловой* и К°, для меня просто обидно. То, что вы говорите о Маркеловой, совершенно справедливо; у нее царя в голове нет. Она не может иметь влияния на собственного своего сына; как же она будет влиять на меня. Неужели вы думаете, что ваш сын так слабохарактерен. Нет, мамаша, не бойтесь за меня; если я и действительно немного заленился, то во всяком случае не из-за чтения книг в роде Лассаля (к тому же я начал Лассаля уже после выставки месячных баллов)

Милая, добрая мамаша, не сердитесь на меня, ради бога, за мое (я сам это сознаю) очень резкое письмо. Я хочу только уничтожить ваш, право напрасный, страх за меня. Бездельничать я во всяком случае не начну, потому что считаю это теперь, когда я обеспечен, просто за подлое дело. Кончаловский советовал мне из гимназии поступить на математич. факультет и, кончив его уже, поступить в И. И. П. С. — Что вы об этом думаете. Меня устрашают девять лет житья на 25 р. в Петербурге.

Прощайте, милая мамаша. Уже не долго нам осталось до свиданья. Кланяйтесь Жене, бабушке, Матрене и всем прочим.

Никогда не перестающий любить вас сын

В. Гаршин

29. *Е. С. Гаршиной*

24 декабря 1871 года.

Милая мамаша!

Благодарю вас и за деньги и за костюм, особенно за последний. Какой он роскошный вышел. Непременно исполню ваше желание — снимусь в нем.

В гимназии дела мои несколько улучшились, только очень слабо: вот мои баллы:

З. Б.	Р. Я.	Н.	Фр.	А.	Тр.	Ист. Р.	И. В.	Физ.	Хим.	Черч.	Рис.
4	4	3	3	3	3	4	4	4	3+	4	3

Из химии 3+ получил совсем не по своей вине. Ковальский поставил мне (как и всему классу; у нас, кажется, ни одной четверки нет) тройку с минусом за то, что я журнал наших аналитических работ написал не по форме. А формы журнала он нам не дал.

Вы пишете мне, что думаете, что я на вас *сердит*. Ну, как я могу на вас сердиться из за того, что вы мне добра хотите. Я могу с вами согласиться или не согласиться (на что вы нам всегда давали право), но сердиться на вас просто не имею основания. Не будем ссориться, милая мамаша, мы с вами и без того не мало горя вынесли. Вы у меня, да Женя только одни и есть на свете.

Пишу к вам из лазарета, в котором сижу уже целую неделю. У меня вскочил огромный нарыв на таком месте, что сидеть нельзя. Сегодня он лопнул, завтра Рождество; может быть выйду, а может и нет. У нас скучно.

Женину карточку я получил давно уже: только признаться, она мне очень не понравилась. Выражение лица на карточке совсем не такое добродушное, как у Жени: очень серьезное и очень злое.

На праздниках пойду к Ив. Андр. Я у него давно не был, хотя он, встретившись со мною недавно, звал меня; форменного праздничного платья не было (мне осенью дали ношенное), а в сереньком неловко идти что-то. Теперь сшили новое платье.

Поздравляю вас с новым годом, а бабушку с Рождеством. Каково она поживает? Напишите мне, как идут ваши уроки и, вообще, как вы поживаете. Есть ли у вас «священносуки» и «лжепротокобели»?

Я, быть может, буду просить позволения держать экзамен в седьмой класс раньше срока хоть месяцем. Каникулы очень малы! Тем более, что в 1873 г. я навряд приеду к вам; прийдется готовиться к «икзамену» (помните Ивана Ларионов.) в И. П. С.

Мне Николаевская жизнь представляется каким то тяжелым кошмаром. Читали ли вы о несчастии в Н.? Как во время торжества во время спуска «Ливадии» затонул мост на Ингуле, и «дами» и «офицери» и «кондуктори» в числе 500 человек выкупались при 10° мороза? Вот нагоняй-то получат!

Прощайте, милая мамаша! Крепко вас цалую. Поцалуйте Женю и бабушку. Кланяюсь Виктору, Кончаловским, Матрене и пр. и пр.

Вас любящий *Всеволод Гаршин*

30. *Е. С. Гаршиной*

12 января <1872 г.>

Милая мамаша!

Очень меня обрадовало ваше письмо от 6-го января. Давно я не получал от вас таких хороших писем; вы не поверите, как я рад, что вы успокоились от передряг с 64 года...

Какая разница между вашим теперишним настроением и вашим настроением в Николаеве; помните? Лучше не будем об этом говорить,

старые раны лучше не трогать. Скажу только, что до вашего письма я имел о вашей жизни, о вашем душевном настроении самые невыгодные понятия. Спасибо вам за него; теперь я знаю, что вы больше уже не так ужасно тоскуете, а это и мне приносит большое облегчение, поверьте мне, мамаша!

Постараюсь держать экзамен раньше, вместе с Латкиным, которого непременно привезу. В эти полгода я очень близко с ним сошелся; познакомился с его братом и с одной барышней. Точно такая же как Кононова <?>; даже и лицом смахивает, только некрасивая. Да и судьба такая же: семья ужасная, отец — вологодский чиновник, известнейший подлец и взяточник, а матушка такая же, как у Акулины Максимовны. Один раз ей не давали платья и держали дома: она надела отцовскую шубу и фуражку и удрала в библиотеку. Правда, это пахнет «шершавым» нигилизмом, однако все-таки характер уже твердый. Да к тому же ей было всего 15 лет. Вот уже пять лет брат Латкина, Василий Мих. (*моего* зовут Владимир) и она состоят в качестве жениха и невесты, живут почти вместе, но Лев Николаевич сказал бы «блюдут» <*два слова зачеркнуты*>. Я, однако, нахожу подобные отношения вполне достойными всяческого уважения, тем более, что никто из них не обязан ничем ни друг другу, ни кому-нибудь другому; оба живут своей работой и как вы думаете чем? Составлением минералогических коллекций! Хотя Латкины и богаты, как вы знаете, я думаю, однако, он не берет от отца ни копейки. Ему 23 или 24 года.

Простите мне, что я так распространился: для меня знакомство с Латкиным и Труневой (Лизавета Ив.) имеет большое значение, вот почему: к Медведеву я ходить почти перестал, да вы понимаете, что и симпатии у меня к нему быть теперь почти не может; у Маркеловой, все-таки, преобладает великая «шершавость» (эту «шершавость» выдумал «*Незнакомец*»), хотя она и добрая барыня; к Неклюдовым я не хожу, и вот по какой причине. В первый мой визит к Ив. Андр. я просидел около получаса и сказали мы с ним всего слов двадцать (ей-богу, не очень преувеличиваю, мамаша!). Согласитесь, что ходить в гости для того, чтобы сидеть с хозяином друг против друга наедине и молчать — просто мучение и мне, и ему. Одним словом я вижу, что я стесняю его ужасно; вот причина, по которой я *не могу* ходить к Ив. Андр. Он человек очень добрый и деликатный; поэтому он пригласил меня к себе и вторично; однако он не хочет, чтобы я был знаком с его семейством, а делать визиты Неклюдову мне непристойно, ибо все-таки я мальчишка и гимназист в его, да несколько и в ваших и в своих глазах. Не подумайте, что это укор вам; такое мнение отчасти справедливо.

Сегодня (ужасная досада) у меня опять начало пухнуть подмышкой; придется сходить в лазарет, я ужасно боюсь заболеть серьезно, потому что не дадут экзамены держать раньше прочих. Я думаю, что завтра потрут мне чем-нибудь, да и пройдет.

По случаю моей болезни на праздниках мне пришлось только раз надеть ваш костюм: я был у Егоровых. Костюм был хвалим, хотя неко-

торые из «барышень» (ну уж барышни!) в невиннейшей простоте спросили: что ж, это матрос, что ли? Снимусь в нем в феврале, когда пришлете мне денег: на Рождестве не мог, ибо испортил часы и должен был отдать за их починку 1 р. 50 к., да и лежанье в лазарете убыточно.

Об ученье моем не пишу ничего, потому что классы у нас только что начались (7-го). Читал на праздниках много; теперь читаю «Азбуку социальных наук» Флеровского, прелесть что такое! На праздниках читал романы: «Вперед» Шпильгагена, «Шаг за шагом» Омулевского, «Б. Медведицу» да «Живую душу». Прощайте же, милая мамаша. Звонок, и лампы тушат. Поклонитесь бабушке, поцалуйте Женю, кланяйтесь Матрене и Наде, и Сидору, и Павлинским, и вашим ученикам, если кто-нибудь меня знает. Крепко вас цалую. Через четыре месяца, должно быть, увидимся.

Вас любящий сын *Всеволод Гаршин*

31. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 8 февраля ⟨1872⟩

Милая мамаша!

Вот уже почти две недели (с 26 января) как я сижу опять в лазарете. У меня болезнь хотя и не опасная, но отвратительная — чесотка. Я положительно не знаю, откуда она ко мне пристала; вы сами знаете, что я совсем не нечистоплотен. Два года я жил в грязнейшей обстановке и ничего; в гимназии же все-таки казенная чистота существует, и я приобрел такую милую болезнь. Просто плачешь иногда с досады, тем более, что не виноват ни душой, ни телом!

Не сердитесь на меня, мамаша, за мою болезнь. Плохо только то, что я сильно отстану от товарищей и баллы не будут хороши; конечно, двоек не будет ни в каком случае.

Время я провожу так скучно, как не проводил никогда; в лазарете я почти один. Сегодня пришел Вася Афанасьев: вообразите — у него тоже, что и у меня. Это чорт знает что такое!

Кроме Латкина, ко мне никто не ходит, читать нечего, заниматься невозможно. Тоска такая, что ужас. Слава богу, я начинаю выздоравливать; через неделю, м. б., и выйду.

Благодарю вас за деньги; как вам не грешно еще просить у меня извинения, что мало посылаете. Разве я требую когда-нибудь от вас? Да мне много и не надо.

Познакомился я через Латкина с Александром Яковлевичем Гердом. Вы слышали, должно быть, о нем: он теперь директор земледельческой колонии для малолетних преступников. Очень добрый и хороший человек, как кажется.

Начал я учиться стенографии; это никаким образом не помешает занятьям и не бесполезно. Лекции бывают раз в неделю по субботам и да-

ровые. Только вот болезнь-то моя и стенографию приостановила. Вот уже и половина февраля; остается только 4 месяца, да и то, если не буду экзамен раньше держать, что сделать постараюсь.

Непременно схожу к Фоккову (не был там с праздников) и скажу я ему, о чем вы пишете мне. Он должно быть согласится, ибо в 6-й гимназии безобразнейшее начальство.

Прощайте, милая мамаша! Ей-богу нечего больше писать. Поклонитесь всем. Поцалуйте Женю, поклонитесь бабушке особо. Крепко, крепко вас цалую. До свиданья.

Всегда ваш *Всеволод Гаршин*

Извините, что письмо так коротко.

32. *Е. С. Гаршиной*

26 февраля 1872. СПБ.

Милая мамаша!

Пишу к вам все еще из этого проклятого лазарета, откуда завтра меня выпускают. Итак, я просидел целый месяц, с 26 января до 27 февраля. Досадно, что очень должно быть отстал от занятий. Надо посмотреть, могу ли я держать экзамены раньше, тем более, что до экзаменов остается только два месяца.

Поздравляю Женю от всего сердца с его успехами. Мне, впрочем, и в голову никогда не приходило, чтобы он мог залениться в гимназии, на что и Жорж, и Виктор, и я оказались так способны. Как жалко, что в Старобельске такие маленькие каникулы.

Через неделю (завтра, в воскресенье, уже не успею) схожу к Фоккову и скажу ему насчет инспекторства. Если это дело состоится, в Старобельске будет целая Петербургская колония. Не говорите, пожалуйста, Кончаловским: мне кажется, что их судьба очень похожа на судьбу м-ра и м-с Микобер.

Нового у меня ничего нет. Да и что я могу сообщить нового, сидя в лазарете, куда, вдобавок, никого не пускают (мы с Афанасьевым теперь на особом отделении).

Благодарю вас за деньги; только они не во-время пришли. В лазарете ужасно скоро они идут, ибо от скуки только и делаешь, что посылаешь нашего сторожа Филиппа за пирожками и проч. Последнюю неделю добыл себе работу: выписал от Латкина «Hans und Grete» Шпильгагена по-немецки и читаю с лексиконом. Прочитал уже больше 100 страниц, небольшого формата.

Прощайте, милая мамаша, право нечего писать. Уже не так много и до лета осталось; скоро увидимся. Крепко вас цалую. Кланяйтесь Жене, бабушке, Матрене и проч. и проч. Теперь погода отличная, везде тает, тепло, а я сижу взаперти. Как скучно, мамаша! Прощайте, крепко вас цалую.

Ваш сын *Всеволод Гаршин*

33. *Е. С. Гаршиной*

10 марта 72.

Милая мамаша!

Ваше предпоследнее письмо я получил на маслянице и отвечал на него 26 февраля, накануне моего выпуска из лазарета. Как подгадила мне эта болезнь! Без нее я к Пасхе был бы дома, как Латкин, который уже начал держать экзамены. Нам выдали месячные отметки; т. е. выдали их другим; я не взял свидетельства, ибо не стоит.

Вот мои баллы:

З. Б.	Р.	Н.	Фр.	А.	Тр.	Ф.	Х.	И. Р.	И. В.	Поведение.	Сколько проп. уроков
нб	нб	нб	3	нб	нб	нб	нб	нб	4—	5	102

(за уроки у нас считаются не дни, а часы). Видите, каков я теперь благонамеренный, даже из поведения пять, что между пансионерами реже, чем между приходящими.

Теперь у меня отметки порядочные; из р. яз. опять начал получать пять за сочинения (они у нас теперь уже большие, страниц 50—70) и вдобавок, один из класса.

Недавно Влад. Фед. спросил у одного семиклассника, Кузьмина, куда он идет после гимназии, и, получив ответ: В И⟨нститут⟩ Инж. П. С.», сказал весьма знаменательные для нас с вами слова: «ну, по торной дорожке пойдете, без хлеба насидитесь». По правде сказать, если я и желал итти в И. И. П. С., то имел в виду только то, что больше итти *некуда*, а во-вторых, независимое материальное положение. Что же теперь? Весьма печально. Впрочем, еще больше года до окончания курса. Кто знает, что будет.

Ходят слухи, и имеющие основание, что по случаю благословенного двухсотлетия Петровского времени у нас экзаменов не будет, а будут гораздо более легкие репетиции, а главное, что эти репетиции кончатся ко дню юбилея, т. е. к 30 мая, а то и раньше. Это очень утешительно. Пишите мне, мамаша, о Викторе. Вы говорите о каких-то драмах у него и Кончаловских; что там такое может быть, я не понимаю, но всегда ожидал, не знаю почему, инстинктивно, чего-то дурного. Пишите пожалуйста.

Прощайте. Ламповщик пришел тушить лампы; уже во второй раз он прерывает мое письмо. Кланяйтесь всем. Уже недолго осталось до каникулов, мамаша, месяца два с половиной. Крепко вас целую.

Ваш сын *В. Гаршин*

34. *Е. С. Гаршиной*

⟨24 марта 1872 г.⟩

Милая мамаша!

Благодарю вас за три рубля, посланные мне от 14 марта. В гимназии все благополучно: за переход в VII класс не бойтесь. Уже в VII класс! Как скоро время идет!

Весьма и весьма неприятно поразили меня ваши вести о Кончаловских. Я все-таки считал их за порядочных людей. Как применяются у нас либерализм и социальные идеи! Когда надо сделать какую-нибудь мерзость, то их сейчас вперед: вот, дескать, смотрите, как мы, либеральные люди.

Мне ужасно тяжело. Что же там Виктор делает; неужели он до того сделался тряпкой, что не может плюнуть на всю эту гадость и отвязаться от Кончаловских. Как это, право, перед вами он совсем твердый, несговорчивый человек, человек с характером, а чуть замешалась страстишка, так и превращается в кисель. Неужели и я таким буду? Мне это кажется невозможным. Я верю, что можно сильно влюбиться и проч. и проч., но чтобы 6 лет ходить хвостом за особой с такими незавидными качествами, это уж слишком: я этого никогда не понимал (хотя и не знал Кононовой, как знаю теперь из вашего письма) и никогда не пойму.

Латкина я с собой не привезу, ибо его требуют родичи в Усть-Сысольск, Вологодской губ., в настоящие «Тундры севера». Летом непременно буду сильно заниматься ботаникой: из денег, которые вы обещали прислать на ружье, уделю на б. лупу и Кауфмана («Московская флора», определитель). Пишите мне скорее, мамаша, до присылки денег, ибо мне с весной становится скучновато. Если бы не эта подлая чесотка, то я был бы к Пасхе дома, у вас, как теперь Латкин, который уже держит экзамены и к 6 апреля будет свободен.

У нас в гимназии новость: Маак заболел (он почти оглох) и вот уже с месяц не ходит. Вообще, языки у нас в гимназии, и в других тем более, идут мерзейшим образом, так что *сама гимназия* никогда не дает кончившему курс настолько знания даже, чтобы он мог читать иностранные книги. В немецком языке я выдумал себе упражнение, о котором уже, кажется, два раза писал вам: я перевожу (изустно, конечно, но по возможности точно) Шпильгагена («Hans und Grete» уже кончил). Все-таки оно не мешает.

Погода у нас весьма хорошая, тает сильно; Пасха, надеюсь, будет уже суха. А у вас-то, должно быть, уже и травка зеленеет.

Прощайте, мамаша, до свиданья (уж до него немного, сравнительно, осталось, всего $2^1/_2$ месяца). Крепко вас целую. Целую Женю и бабушку. Кланяйтесь Матрене, если вы ее видите, и всем прочим.

Ваш сын *Всеволод Гаршин*

24 марта 1872 г.

35. *Е. С. Гаршиной*

30 марта 72 г.

Милая мамаша!

Пишете Вы, что дорога мне прямо в университет. Как бы это хорошо было, если бы только это было возможно. Но вы знаете, что я

ни на какой факультет, кроме естественного, не пойду, а на всех факультетах требуется латынь, а с будущего приема еще будет и греческий, по словам Фоккова, который знает это наверно. Так что об университете нечего и думать; к тому же Фок. заметил мне: «Я вас ни за что не пропущу на экзамене, ибо вы не можете же в год произойти древние языки». Совершенно основательно: на то он и будошником сделан, чтобы «тащить», а главное «не пущать».

Теперь вот еще что: Герд советует мне и Володе Латкину устроить нечто, а что, следуют пункты: 1) ехать куда-нибудь в Гейдельберг, Геттинген, вообще к немцам слушать естественные науки, ибо они дают (я не писаревщину говорю, мамаша, а право, свое собственное мнение, выработанное личным наблюдением и размышлением) наибольшее развитие. «Как высоко!» подумаете вы.

2) Жизнь у немцев стоит дешево. Мне говорил Herr Grübert, мой двадцатилетний сотоварищ из berühmtes Deutschland, что в Германии средний доход студента 15 — 20 талеров: имеющий 25, 30 уже «и есть один богатый Student». Одному мне, разумеется, ехать было бы невозможно, ибо я среди немцев заглох бы, а с Латкиным еще можно. На авторитет Герда я полагаюсь, но еще больше на ваше собственное решение. Как вы найдете этот план, глупым или умным, так и я буду думать. Сам я боюсь решать. К тому же я могу поступить в Лесной институт, конечно на земледельческое отделение. Право, это самое сообразное, что я могу выбрать в России из учебных заведений, как относительно обеспечения, так относительно и приносимой пользы. Мне всегда становится как-то жалко вспоминать наши места — двухаршинный чернозем и аршинная пшеница. В Лесном сильны естественные науки и химия, которую я очень и очень полюбил. Что касается жизни в Лесном, то она очень дешева, т. ч. как пораскинешь головою, так и кажется, что поступление в Лесной сообразнее поездки в теплый край за синее море, wo die Kartoffeln blühen.

Вы пишете о высылке мне денег. Вы обещали мне на поездку, ружье, платье и проч. *около ста р.* Если это вам не кажется много, то я ничего не могу сказать, милая мамаша. Многовато только, все-таки, вы на меня тратите, хотя я и на казенном счету.

Ах, подлая болезнь! Латкину осталось только держать из физики и немецкого; через пять дней он будет в седьмом классе, а главное, на Пасхе будет свободен.

В Русскую торговлю я еще не сходил, схожу в субботу (сегодня четверг). У Маркеловой отец, действительно, умер, но денег ей осталось мало (наверно, впрочем, не знаю), ибо во время его болезни все его ящики и проч. были отперты и прислуге представлялась полнейшая возможность воровать сколько хочет. Она, бедная, немного-то горюет об этом.

До свиданья. Только девять недель осталось. Крепко целую вас и Женю. Кланяйтесь бабушке.

Всегда вас любящий *Всеволод Гаршин*

36. *Е. С. Гаршиной*

<12 апреля 1872 г.>

Милая мамаша!

Получил я ваше письмо от 8 апреля и обрадовался несказанно, ибо почти не рассчитывал на ваше согласие на поездку к немцам. Теперь, по крайней мере, есть кое-что, о чем будешь думать, на что будешь надеяться и проч.

Благодарю вас за десять р., вами присланные; я на них приобрел себе Кауфмана («Московск. флора»), да еще (просто перестану носить часы и спрячу их в шкаф) за починку часов (уже вторая починка в полгода) заплатил весьма много; просто досадно даже. Вы спрашиваете, когда мне выслать деньги; если можно, высылайте сейчас же; после Пасхи закажу себе платье.

У меня есть до вас просьба: засушите мне следующие растения: Robinia pseudocaria — б. акация; Convalaria majalis — ландыш; Galatuus nivalis (с корешками) — подснежник; Prunus cerasus — вишня; Prunus spinosa — терновник; Pirus malus — яблоня.

Сделайте это, милая мамаша, я буду очень вам благодарен. Ботаникой я намерен заниматься очень сильно; намерение благое, постараюсь и исполнить его.

Экзамены у нас, к величайшему моему горю, окончатся в обыкновенное время, т. е. около 15 июня. Их я не боюсь нисколько. Если не захотят «срезать», на что нет никаких поводов, то через два месяца я в-к 7-го класса, а через год — *окончивший курс гимназии.* Вообразите только, мамаша!

Нева разошлась и Ладожский лед прошел. Погода великолепная; вчера и сегодня градусов 15 в тени, это совсем не по-питерски.

Я говел уже в университетской церкви вместе с пансионом. Теперь нас каждый день два раза таскают в церковь. Весьма печально и тягостно. Я себе все ноги отстоял.

Прощайте, милая мамаша, право писать больше нечего. Латкин уехал уже. Вот счастливый-то человек! Чего бы я не дал, если бы меня пустили теперь домой.

Кланяйтесь бабушке, поздравьте ее с наступающим праздником. Поцелуйте Женю, скажите ему, что я очень бы желал заниматься батаникой с ним вместе.

Крепко вас целую.

Ваш сын *Всеволод Гаршин*

12 апреля 1872 года.

37 *Е. С. Гаршиной*

5 мая <1872 г.>

Милая мамаша!

Прежде всего прошу прощения за долгое молчание. Здесь был Кончаловский, один, приехал, набрал денег и уехал.

Я выеду из Петербурга не позже 14, если деньги от вас поспеют (13-го последний экзамен) и след. 18-го буду у вас. Пришлите *подробнейшую* инструкцию о дороге.

Латкин, быть может, все-таки приедет со мной. Он теперь живет около гердовской колонии, я был недавно у него, два дня был у Гердов. Какое это хорошее дело! Приеду, порасскажу вам. П. П. ⟨Кончаловский⟩ колонию *ругает*. Ибо, мол, на всю жизнь чернит человека, так что *тюрьма лучше*! На каком это основании, не знаю.

Если Латкин приедет не со мною, то приедет еще раньше меня к вам. Он вас право не стеснит; непременно хочет платить за все. Ему теперь просто деться некуда; от колонии живет за две версты, от города за 14, никого нет, скука ужасная. Поэтому-то он и хочет ехать в Хохландию.

Экзамены у нас распределены след. образом:

16 мая — нем. язык.	2 июня — физика.
18 » — франц. яз.	6 » — история.
20 » — русск. яз.	8 » — закон.
26 » — математика.	13 » — химия.

Экзаменов я нисколько не боюсь.

Был по вашему поручению в книжных магазинах. У Звонарева мне сказали, что «Иллюстр. Изд.» отправлено; *а, впрочем, справимся*, а в Р. К. Торговле, что «Библиотека» соединилась со «Всемирным трудом» и что неизвестно, что будут высылать: «Всем. труд» или «Библиотеку». А деньги они передали в редакцию. Где плод сочетания сих журналов — я не знаю. Надо немножко подождать. Все-таки это чорт знает что такое.

Новостей у меня нет никаких, писать не о чем. Прощайте, милая мамаша. Крепко вас целую. Кланяйтесь всем.

Да, вот еще! Было у нас еще одно «сочинение», классное; у меня лучшее в классе, Василий Петрович хотя и поставил мне больше, чем всем другим, но все-таки не 5, а $4^1/_2$. Должно быть потому, что я первый подал сочинение и ему нельзя было сравнить мое с другими. Первому никогда не ставят 5, ибо вдруг как окажется кто-нибудь еще лучше.

Пишу к вам крайне бестолково, сомневаюсь даже, все ли вы поймете из этой ерунды: мне спать ужасно хочется.

38. *Е. С. Гаршиной*

16 мая ⟨1872 г.⟩

Милая мамаша!

Простите, пожалуйста, что так долго не писал. Сегодня был экзамен из немецкого; я отвечал *устно* очень хорошо; не знаю, как письменные работы. За них боюсь. Баллы нам объявят послезавтра. Ах, мамаша, вдруг, если провалился! Никогда я так не трусил, как теперь.

Платье я заказал себе; на той неделе будет готово. Больше денег мне не присылайте; ваши обстоятельства совсем не так блестящи, чтобы покупать ружье. Притом, если я куплю ружье, то ботаника — прощай, а мне не хочется ее бросить. Купил я себе лупу, пинцет и все прочее.

Латкин со мною не поедет окончательно: его требуют домой в Усть-Сысольск, к отцу, который плох здоровьем и того и гляди помрет.

Куплю еще себе хороший галстух и летнюю шляпу. Все это с платьем и пальтом (которое я мало носил; оно почти новое) и со мною вместе будет весьма «авантажно», как говорит Афанасьева.

Вы не бойтесь, пожалуйста, за немецкий язык; страх, испытываемый мною, весьма глуп. Маак теперь очень кроток и смирен, и не поставит мне двойки, тем более, что я у него в классе *сидел хорошо*.

Скоро увидимся, милая мамаша, только месяц остался. Вы вышлите мне, пожалуйста *подробнейший* маршрут путешествия. Скоро, скоро, мамаша! Как Женя сдает экзамены? Желаю ему круглое *пять*. Поцалуйте его от меня и скажите, что на нем лежат все надежды «дома Гаршиных».

Кланяйтесь бабушке и прочим. До скорого свиданья! Крепко, крепко вас цалую.

Ваш сын *Всеволод Гаршин*

Денег ни в каком случае не присылайте.

39. *Е. С. Гаршиной*

20 мая 1872.

Пишу к вам после третьего экзамена. Я уже *выдержал* из немецкого (3), французского (3) и русского (4), чем весьма доволен, ибо считаю себя однóю ногою уже в 7-м классе. Осталось держать: математика (26 м.), физика (2 июня), история (8 июня), З. Б. (10) и химия (13). Из русского меня весьма и весьма обидели! Скопин сказал, нто мое сочинение *отлично*. В. П. заметил, что я *всегда хорошо* пишу — и все-таки 4. Должно быть пятерки к рылу моему не пристали.

Деньги на проезд, если можно конечно, высылайте к 10 июня, чем премного меня одолжите: я хочу 13-го и выехать, чтобы быть у вас 17—18-го июня. Уже совсем немного осталось, милая маменька!

Латкин уехал третьего дни и если бы не экзамены, то я бы очень скучал. Вчера катался с товарищами на лодке, верст 12—14 сделали под парусом и на веслах. Жаль только, что довольно дорого платить за лодку приходится.

Вообще скучновато. Сегодня пойду покупать себе шляпу. Простите, мамаша, что писать нечего. Напишу след. письмо после экзамена физики, потом после истории и перед отъездом. Крепко вас цалую. Кланяйтесь всем. Цалую Женю. До скорого свиданья.

Ваш сын *Всеволод Гаршин*

40. *Е. С. Гаршиной*

<1 июня 1872 г.>

Милая мамаша!

Сердитесь не сердитесь, а что сделано, того уже не переменишь. — Я провалился из тригонометрии. Сказать по правде, я ни капли не печалюсь.

об этом: предмет очень и очень легкий; не выдержать экзамена из него можно было только при моей глупой безалаберности. Когда я сидел в лазарете, проходилась самая важная часть тригонометрии, решение треугольников, выйдя из лазарета, я позабыл о ней, а перед экзаменом уже поздно было проходить заново полкурса. Вы будете очень недовольны моею ленью, я знаю наперед, и будете бояться за мой переход в 7 класс, хотя бояться, ей-богу, нечего. Всю тригонометрию можно *изучить* в полторы недели. Не сердитесь на меня, мамаша!

Ваши поручения я исполнил (кроме словаря; его куплю на-днях). Был (в третий, кажется, раз) в Р<усской> К<нижной> Т<орговле> и у Звонарева. С первою не советую вам иметь дело; там мне сказали, что деньги на «Библиотеку» *переданы в редакцию,* а где она — не знают. Я пошел искать редакцию, насилу нашел на Надеждинской, где «Ваза». Там говорят, что *Р. К. Т.* никаких денег не передавала и никакого Е. М. Гаршина у них в числе подписчиков не записано. Обещались выслать журнал, вытребовав сначала деньги от Р. К. Т., которая (по их словам) никогда денег без требования не отдает.

«Иллюстрированное издание» уже выслали *в середине мая,* все пять книжек. Вы, я думаю, уже получили их.

Ноты я купил следующие: 8 увертюр Россини и Беллини (Editon Peters), в 4 руки. Lucrecia Borgia (Musical Cabinet, английское издание) и Ausgewählte Lieder Шуберта (E. Peters); две последние вещи в две руки. Глицериновый крем тоже купил, Жене купил «1-ю награду» (не говорите ему) — микроскоп. Счастливый Женище! Обладает способностью упорного труда в гимназии. Вы не подумайте, что я не обладаю этою способностью; я могу работать долго и сильно, но только над тем, что я люблю, на что, быть может, уйдет вся моя жизнь. Теперь у меня совсем нет свободного времени; когда не готовлюсь к противным экзаменам, то усердно занимаюсь ботаникой и занимаюсь серьезно.

Иногда посмотришь, много ли дало тебе семилетнее ученье в гимназии, и увидишь ясно, что оно не дало *ничего,* хотя ты и получал отметки удовлетворительные, хорошие и отличные, хотя и переходил из класса в класс. И не я один такой, все таковы. Разница только в частностях: я не люблю математики, другой не способен думать как следует; я не знаю большей части пройденных формул (*всех* их у нас *никто* не знает, это факт; посудите, чему нас учат!), другой в *шестом* классе на переходе в 7-й (теперь он перешел) пишет «гнѣт» (гнет) или «Софья (Фамусова) — *кузнечиха* своего счастья» или *монолог* этих *двух лиц* составляет *трагедию»,* что должно означать: из разговора этих действ. лиц мы узнаем содержание трагедии. Из истории сведения самые безобразные. Помните место из «Полтавы»:

Москва всечасно
К себе гостей ждала напрасно,
Средь старых, вражеских могил
Готовят шведам тризну тайну.

Карл XII перенес войну в Малороссию. Вас. Петр. спрашивает: «чьи это

«старые, вражеские могилы?», а один великовозрастный ответствует тако: «Наполеоновской армии!» И это в VI классе столичной гимназии. Что же в провинциях-то делается?

Был я на глупой Петровской церемонии, сидел на казенный счет на пятирублевых местах. Как глупо, как вяло все вышло! Мне было ужасно грустно в этот день. Мы (гимназисты, чиновники, купцы, вообще «чистый» народ) сидим на 5-рублевых местах, а позади народ толпится, ему ничего не видно, ему, которому и принадлежит право смотреть на праздник; его городовые колотят. Долго ли всё это будет?

Праздник был совершенно поповско-солдатский и царский тоже, разумеется.

Платье мое готово; я заплатил за него (жакет, брюки, жилет — всё серенькое) 18 рублей. Выдали нам и казенное новое форменное платье и новые сапоги, так что платьем я обеспечен.

Пишу к вам письмо и злюсь все более и более, не знаю, за что и на что; только не на переэкзаменовку конечно.

Прощайте, дорогая, милая мамаша! Крепко вас целую. Только две недели осталось. Кланяйтесь всем, целуйте Женю и не сердитесь на меня. До скорого свиданья!

Я так и представляю себе, как вы, получив мое письмо, покачаете головой и скажете: «Эх, Всева, Всева!» Простите, бога ради.

Вас любящий *Всеволод Гаршин*

Завтра экзамен из физики, 8-го — из истории, 10 — из закона, а 13 — химия. Всё очень легкое.

41. *Е. С. Гаршиной*

СПБ. 31 авг. <1872 г.> 7 ч. утра.

Дорогая мамаша!

Из Москвы никак не мог написать к вам, потому что приехал в нее в 10 час. утра, а в 4 выехал. Становиться в гостинице не стоило; я вещи отдал, а сам побежал на выставку, обежал ее, ничего, конечно, не рассмотрел; благодарение богу, что моя форма меня пропустила даром во все отделы.

Приехал я вчера вечером в 6 часов и направился к Афанасьевым. Варенье распечатали — всё цело — стали есть, хвалили и благодарили. Сало тоже понравилось.

Афанасьевы переезжают на другую квартиру, на казенную, в бывший дом франц. посольства (около дворца), и я, пользуясь сим случаем, перетащу свои вещи к Латкину. Сей последний аккуратнейшее существо в мире и белье мое будет целее, чем у Афанасьевых. К тому же и переодеваться ходить ближе. Л—на О-ве, а А-вы на Дворцовой набережной.

Спешу скорее написать письмо: через полчаса надо в гимназию итти. Я пропустил всего только один классный день. Форму нам переменять

Ехал сюда по вашему наказу во II классе и издержал посему массу денег. А именно:

Билеты и багаж	41 р. 32 к.
Еда (страшно жрал)	7 » 82 »
Кошелек и путеводитель (1-20 и 40)	1 » 60 »
Итого	50 р. 94 к.

Книг на дороге накупил кучу (по петербургской цене). А именно: соч. Помяловского 2 т., соч. Решетникова 2 т., три томика Успенского (есть «Будка», «Разоренье» и множество прочего) и, наконец, «Историю помощника школьного учителя» Эркм. Шатриана. Книги, как видите, все хорошие.

С вашим письмом отправляю письмо и к Стародубову по городской почте. Лампу Жене пойду покупать в воскресенье. Пойду на толкучку купить Некрасова, Лермонтова, Росмеллера (Ботан. беседы) и еще, что дешево попадется. Александровым скажите, чтобы, если хотят «Собр. иностранных романов», то выслали ⟨бы⟩ денег, рублей 10 — 15, не более, а я куплю здесь 2 или 3 года и вышлю по почте. Книги пересылаются кажется, дешево.

Несмотря на мои старательные расспросы на жел. дорогах, я ничего не узнал об железнодор. училищах. Все кондуктора и обер-кондуктора говорили: «да, кажется есть». «В Ельце есть школа, а какая — не знаю», а другие просто ничего не знали. Сообщите о. Андрею, что я глубоко сожалею о своей неудаче; с первым след. письмом напишу о «Доме воспитания».

Кланяйтесь всем мальчикам, Прасковье, «девицам» и пр. и пр. Приехали ли Бобровниковы с Федей? Поклонитесь Федору Вас., Мише и Феде особо. Прошу их не забывать меня; я ей-богу вел себя вполне добросовестно относительно их.

Снимусь непременно, как только пройдет пасмурная погода. В Питере теперь дожди ужасные. Только вчера как нарочно дождь перестал на время иллюминации. Мы с Васей и его братом — офицером (он приехал в отпуск) прошлись до Гостиного двора, и я смертельно устал; слаб еще.

До свиданья, мамаша. Крепко вас целую. Дорогая моя, милая мама, приезжайте, если можно будет на Рожестве. Женю целую. Бабушке «поцалуйте ручки». До свиданья.

Вас любящий *В. Гаршин*

P. S. Завтра пойду к А. Г. ⟨Маркеловой⟩.

Афанасьевы благодарят — она за варенье, он за сало.

42. *Е. С. Гаршиной*

8 сентября 1872.

Милая мамаша!

Вчера вечером пришел от Латкина и не успел ответить на ваше письмо вчера же; поздно было.

Занятия начались вполне: долбни много, но она мне втрое легче, чем в прошлом году: я стал гораздо менее рассеян. Из Р<усского> Я<зыка>, Н<емец.> я<зыка>, Фр. я<зыка>, Ест. И. совсем не занимаюсь, из первых трех потому, что покуда уроков «на дом» не задают, а из Фр. и нем. совсем задавать не будут, а из Е. И<стории> совсем нечего и заниматься (у нас проходят ботанику), и мы с Латкиным и с Налимовым (который знает не очень много, но важничает) сидим как неприкаянные во время урока. Латкин привез из Зырляндии вид пиона, цветы которого ярко-розовые, вдвое больше цветов нашего обыкнов. P. tenui-folia. На Печоре ужас какая флорища: этот пион покрывает целые поля. Мих. Мих. взял его определить; по всей вероятности забельшит.

Я было хотел просить Томаса поспросить меня из тр<игонометр>ии, но Ал-др Дмитриевич сказал, что это совершенно напрасно. Приняли меня все и товарищи и учителя и Латкины и Герд и Маркелова очень хорошо. Какая добрая Александра Григорьевна! Когда я приходил к ней прощаться весною, она до того взволновалась и перепугалась, что пошла в гимназию и объяснилась с Дмитриевым, который, по ее словам, говорил обо мне просто с *отеческою нежностью*. А ведь при мне такой суровый, казенный и деревянный! Он попросил Маркелову узнать что-нибудь о моем положении и сообщить ему. Маркелова написала к Кончаловским, и сии последние оказались вполне достойными себя: они не отвечали. Ну, недовольны моим вольномыслием (относительно их же), так зачем же делать свинство относительно А. Г.!

Стародубов уже был у меня в училище и очень обрадовался (как кажется) мне. Послезавтра отправлюсь к нему. Об деньгах мы еще не говорили; как-нибудь условимся. Ужасно далеко живет он, где-то на стеклянном заводе за лаврою. Очки Н. И. вышлю в понедельник.

Уроков задают несообразно много (да иначе и нельзя); например из географий *сразу: приготовит. курс Смирнова* и физическое описание (50 стр.) *Азии* и *Африки*; всего страниц полтораста. Скажите это Мише и Феде.

Был в театре на «Руслане» с тремя братьями Латкиными, Гердом и Труневой в ложе. Вкупе ходить удобнее и дешевле: наверх теперь я ходить не хочу (да и нехорошо мне бывает в духоте), в кресла дорого, а в ложе обошлось по $83^1/_3$ коп. Боковые же места стоять 75 к. — почти столько же.

Снимусь в воскресенье же и с следующим письмом, а может быть с после-следующим пришлю вам портрет; обещаю вам наверно.

Купил я себе книги: физ. *Гано* за 2 р. 50 к. (новый — 3 р. 50 к.), *Любена* (ботаника; от Кантоловича ждать уже поздно) — 3 р. (новая — $3^1/_2$) и *Тургенева* 7 т. за $6^1/_3$ р. Осьмой том прикуплю за 1 р. 25 к. и весь Тургенев обойдется в 7 р. 75 к., а новый стоит 9 р. 25 к. Все-таки полтора рубля барыша. Нашел дешевейшего переплетчика; за Гано (толщиною в два вершка) взял всего 35 коп. с буквами на корешке; а за Тургенева возьмет копеек по двадцати.

Спросите у Б—ого, так ли надо писать прошение:

В С<таробельскую> Д<ворянскую> О<пеку>
Дворянина (?) Всеволода Гаршина
Восп. Спб. Р<еального> У<чилища> (?).

Прошение.

Достигнув узаконенного семнадцатилетнего возраста и имея право выбрать себе попечителя, сим покорнейше прошу Двор. О. меня от опеки освободить, назначив мне попечительницею мать мою, вдову ротмистра Екатерину Степановну Гаршину.

Дворянин . . . .

Воспитан. Р. У.

На простой или на б. почтовой бумаге писать?

При сем прилагаю отчет о расходах моих (о баллах писать нечего, ибо еще ни одного не получил).

Дорога и кошелек	50	р.	94	к.
Книги: Помяловский 2 кн.	2	»	50	»
Решетникова 2 кн.	3	»	50	»
Успенский	1	»	50	»
Успенский	1	«	50	»
Успенский			75	»
Шатриан	1	«	75	»
Гано	2	»	50	»
Любен	1	»	50	»
Турге ев	6	»	60	»
Лермонтов	1	»	—	»
(Ужасно много и, главное, почти мертвый капитал) .	23		00	к.
Письменных материалов, штемпельных конвертов, замок, нож и проч. обзаведение	3	»	10	»
Еда (первые два дня в гимназии не обедал)	1	»	15	»
Галкину и извощик к Латкину	1	»	25	»

100 р. 5 к. — 79 р. 34 к.
= 20 р. 61 »

На эти деньги часы починю (я уже отдал за 3 р.), на переплет 2 р., снимусь за 3 р. и куплю плед рублей за 8 (в казенном пальто было холодно, а теперь еще холоднее, ибо пальто поизносилось).

Сало вчера все докончили. Ели это сало: я, Вася, Карпов и все наши хохлы числом трое. Варенье уничтожено; я сделал большое свинство: съел с Латкиным банку, назначенную для Алекс. Григорьевны.

До свиданья, дорогая мамаша. Крепко вас целую. Поцелуйте Женю, поклонитесь мальчикам всем вообще и Мише и Феде отдельно. Давно ли мы учили вместе географию два месяца, а теперь мне ее всю к одному разу задали да еще с прибавкою. Из физики тоже о свете *26* страниц.

До свиданья. Крепко вас целую. Бабушке поклон. Юлию Федоровичу, а если не уехал—*мае пачитенние.* Всем прочим поклон.

Вас любящий *Всеволод Гаршин*

P. S. Егору портрет пошлю непременно. Погода дрянная.

43. *Е. С. Гаршиной*

19 сентября <1872 г.>

Милая мамаша!

Ваше последнее письмо получил я уже несколько дней тому назад, но только сегодня собрался отвечать. К Звонареву я сходил; извинились и обещали выслать; много, мол, нужно было высылать книг, так что не поспели выслать. Перчатки вышлю на этой неделе, только вышлите, если можно, деньги за них поскорее: дело в том, что из оставшихся от дороги 50 р. я уже усадил на книги (недавно еще Некрасова купил) около 30 р., а остальные разошлись на мелочи: за часы взяли 3 р. 50 к., снялся за 4 р. (кабинетные портреты; в следующем письме вышлю); прислуге роздал более 2 р., к Стародубову ездил уже два раза, в театре был и пр. и пр. Так что денег у меня на перчатки не хватает и прийдется призанять у Латкина.

Книги, которые я накупил; весною все привезу. Очки Стародубовым я давно уже купил; они у меня лежат в ящике; отправить только не соберусь; в воскресенье Почтамт закрыт, а в будни нас выпускают около трех ч. когда он тоже закрыт. Надо сходить к Афанасьевым и попросить Алешу отправить, или отдать очки в перчаточный магазин, чтобы отправили вместе с перчатками.

Занимаюсь много; только З. Б. очень уж надоедает. Приходится долбить по двадцать страниц бессмыслицы. Потом даже голова заболит.

Гимназию преобразовали в Р. уч. и потому я уже не гимназистом пишусь в билетах (отпускных), а воспитанником Спб. Р. у. Пишите на конвертах: В. О. 12 л., в Р. У. и т. д. Форму покуда еще не меняют.

Под преобразование попали I, II, III, IV, V классы; а VI и мы идем по-старому. Между прочим, в V кл. уроков черчения и математики (вместе потому, что все геом. чертежи и задачи вычерчиваются начисто) в неделю — 14. Тут как ни ленись, а математику знать будешь. Новый язык обязательно один; логику прибавили к курсу.

Стародубов мне понравился.

Переплетной мастерской у нас все еще не открывают; быть может и не откроют совсем, очень жаль.

Прощайте, мамаша, нечего больше писать. Крепко вас цалую. Напишите мне хоть приблизительно, когда приедете, чтобы я мог ждать. Кланяйтесь всем. Женю поцалуйте.

Ваш сын *Всеволод Гаршин*

44. *Е. С. Гаршиной*

<Конец сентября 1872 г.>

Милая мамаша!

Получил я ваше печальное письмо уже после приезда Виктора, так что уже знаю всю эту пакостную историю. Виктор ужасно тоскует из-за нее. Здесь новая неудача — в Технологический институт не принимают, так что год прийдется готовиться и вместе со мною держать экзамен, сначала в Р. училище (на атестат), а потом в Т. инст. (поверочный), кото-

рого избегнуть нельзя будет и мне. Виктор в надежде поступить в Технолог. инст. нанял себе квартиру у Пяти углов, но через месяц переберется на В. О. Все усилия употреблю, чтобы не потерять бодрости самому и Виктора поддерживать. Я думаю, что он выдержит экзамен у нас; тогда за Т. инст. нечего уже бояться — успех ободрит. Он уже начал учиться. Об истории с Грековым я стараюсь с ним не говорить, об ней мне и с вами говорить не хочется, не то что с ним. Грубая злая скотина!

Учусь я хорошо, но *баллы* жалкие: Геометр. 3 +, 3 +, Геогр. 3, 3. Б. 3. На Томаса я не сержусь; он мое прилежание желает испытать, а Обломков (география) скотина, ни более ни менее. Своему родственнику, который, отвечая реки Европы, сказал, что Дунай вытекает из Альпов, поставил 5 —, а мне ни за что ни про что — 3. Поп явно враждебно относится ко мне, но я с него собью враждебность. Вызывает он меня и спрашивает *в продолжение целого урока*, т. е. *час*, не урок, а невозможнейшие вопросы со страшными придирками, наприм. Я говорю, что «крещение очищает нас от греха», а он: «От какого?» — «От первородного». — «От какого первородного греха?» Я начал излагать историю прегрешения Адама, он перебивает: «Да нет! вы ничего не понимаете! Как вы смотрите на первородный грех?» и пр. и пр. И это ровно час. Он так придирался, что у меня от злобы уже нижняя губа затряслась. Если он в следующий раз повторит такую штуку, то я к В. Ф. пойду жаловаться. Он (поп) знает, что у меня нервы расстроены, и с целью начинает раздражать человека, чтобы вывести его из себя. Как я был зол! Если бы не звонок, то я бы сделал скандал на все училище. Поп спрашивает целый час! — Небывалая и невозможная вещь.

Сегодня пойду к В.

Очки и перчатки уже отправил. Передайте Стародубову рубль сдачи, а мне вышлите за перчатки рублем менее.

Не горюйте об Викторе: поправится; он с приезда заметно повеселел. Лишь бы только работал, а работать будет.

Кланяйтесь всем. Крепко вас целую.

Всеволод Гаршин

Портрет получил; вот такой величины. * У меня покуда только одна штука; я подожду других, чтобы выслать вам самую лучшую. Егору непременно вышлю.

45. *Е. С. Гаршиной*

〈22 октября 1872 г.〉

Милая мамаша!

Ваше письмо мне сердце перевернуло: могу ли я рассердиться на вас за что бы то ни было, тем более за ваш справедливый выговор. Видно вы меня не знаете еще, милая мама, что так жестоко обижаете!

* Строки эти вписаны в прямоугольник 17 см. длины и 12 шир. с контуром головы посредине. *Ред.*

Вы уже знаете причину моего молчания; я неделю опять проболел. На сей раз болеть было гораздо легче, и я думаю, что если это не последний припадок, то один из последних. Начальство же думает иначе и желает *отослать меня* домой с моего и вашего согласия, о чем В. Ф. пишет вам письмо. Они не могут понять, что жизнь в Старобельске, где одно воспоминание о Грековской истории способно заставить с отвращением относиться к этому городишке, гораздо более вредно должно действовать на мои нервы, чем правильная размеренная жизнь в гимназии, полная работы, которой я, как вы знаете по проведенному лету, совсем не так боюсь. Они думают, что я «задолбился!»

Виктор работает спокойно и, как мне кажется, выдержит экзамен. Я почти все свободное время бываю у него.

Ранец вчера купил; купил также декалькомонию и вышлю вам это все (т. е. Виктор вышлет) в четверг вместе с портретом, для которого я выпиливаю рамку из ореха, потому то я и не высылаю посылки вместе с письмом, что рамка готова будет в среду и мне хочется презентовать вам образчик моего искусства.

Кланяйтесь Николаю Ив. и Катерине Дм. и попросите у них извинения хотя, впрочем, я против них особого преступления не учинил. Я не магазин, а из магазина выслали бы тоже недели через три после отправки денег.

Как декалькомония стала дешева! Царь, царица, наследник, Дагмара, Мольтке, Бисмарк, Фридр.-Вильгельм и Фридр.-Карл (который почернее) стоят только по две к. шт., а большие барышни всего только по 4.

Кстати, на этой неделе получил 4 и 4+ из истории; завтра надеюсь получить если не больше, так столько же, ибо историю приготовил.

Перчатки стоят 9 р., по $1^1/_2$ р. пара. Очки Стародубовых 1 р. 50 к. да письмо к Алекс. Ник. 6 к., да пересылка — всего около 2 р. Если желаете, возвратите Стародубовым еще четвертак.

Саша Стародубов нехорошо со мной поступает. Я сам ни разу с ним не заговаривал о деньгах, думая что он сам начнет разговор об них; так и случилось: каждый раз он говорит: «Ах да, Всев. Мих., я вам еще забыл сказать: вот первого октября я вам деньги отдам!» Третьего дня я был у него: и опять без моей просьбы он сказал, что привезет их сам ко мне *пятого*. Пятого не привез и теперь об них ни слуху, ни духу. В след. воскр. пойду к нему. А ведь до него от нас девять верст по крайней мере! Если ехать на извощике, то выйдет минимум восемь гривен, которые не вполне окупаются приятностями его наружности.

Бабушку целую. Женю тоже. Кланяюсь всем мальчикам. Скажите Феде, что ему очень и очень стыдно, да и от Миши я не того ожидал летом. Вот Леонтьев молодчина!

Переплетаю я много и готовлюсь летом учить мальчиков. Работы летом будет в избытке: повторить математику, физику «на отчет»; растений штук сто собрать, переплетством позаняться.

Сегодня выпросил у Маркеловой (мы были с братом у нее) «La siège de Paris» par Edgare Quinet, маленькая книжонка, переведу письменно.

Крепко вас целую. Пишу это письмо к вам от Виктора; уже первый час и спать пора. До свиданья!

Всеволод Гаршин

Напишите Эвальду, что *не можете* (помягче, конечно) согласиться на мое жительство у вас в продолжение года. А то теперь я здоров совершенно и главное для занятий всякого рода «в ударе» и вдруг — Старобельск, раз в месяц книжка журнала, еда и сон. Нет уж лучше вы к нам приезжайте — ведь Женьку необходимо резать!

Посылаю вам на пробу декалькомонию; здесь всего только на гривенник, а какие хорошенькие! Раковинки, цветы и барышню лучше бы сначала тоненько намазать гуммиарабиком, наклеить, высушить и тогда отдирать по довольном водою отмочении.

Не подумайте пожалуйста в первую минуту, что я портретом вас хочу надуть. В четверг непременно вышлю и еще с рамочкой.

Воскресенье
22 октября 1872.

46. *А. П. Налимову*

2 июля 1873 г.
⟨Старобельск⟩

Прибыл я сюда совершенно благополучно, живу здесь также благополучно, пользуясь благорастворением воздухов, купаньем и полнейшим ничегонеделанием. Даже ботанику бросил, лень ужасная. С ужасом помышляю о необходимости явиться к началу учебного года в Петербург. Боюсь и Гришина и Розе и Позоровского. Почитываю немножко; «От. Зап.» у нас есть; только сегодня получили 5 кн. Вообще скучно. У нас случилось совсем обыкновенное происшествие. Из местного тюремного замка бежало трое арестантов. Послали за ними 33-х солдат, верстах в семи от города их настигли, схватили и начали бить с непонятным озлоблением, так что пришлось их везти в город замертво. У одного было переломлено семь ребер, у другого на теле оказалось более 30 повреждений, оба они умерли в тот же день, третий остался жив. Со всяким нарушителем закона хохлы поступают точно так же; вора поймают — не довольствуются тем, что свяжут его и представят к начальству, а начнут бить всею деревнею, так что часто убивают на смерть. В общем с великороссом сравнить нельзя, злой, мрачный и очень глупый народ: просто чорт знает что такое. Вот вам и «свежий воздух», которого в Питере нет. Эх батюшки, у вас все-таки какая ни на есть, а интеллигенция, а здесь ссыпка хлеба и больше ничего. Мертвечина такая, что ужас. Недавно узнал я только, что брат мой Виктор (что в Питере осенью был) умер, застрелился (еще 30 декабря). *Благую часть избрал. Прямо в сердце, не мучился нисколько.* Сегодня хочу на кладбище сходить, посмотреть его могилу (похоронили по-христиански). Теперь *я обретаюсь в крайнем унынии*; да это пройдет, может быть, нелегкая вывезет. А теперь скверно. Пишите ко мне. Мое письмо очень бессодержательно, извините за это, а все-

таки писать еще к вам буду по получении письма вашего, которого нетерпеливо ждет ваш

Всеволод Гаршин

47. *Е. С. Гаршиной*

17 сентября 1873.

Милая мамаша!

Пишу к вам несколько поздно; извините пожалуйста. Благодарю вас за ваше последнее письмо, где вы пишете о своих намерениях покинуть провинцию. Давно пора бы! Если бы мы после смерти батюшки догадались перебраться в Питер, было бы лучше, чем теперь.

В Училище дела мои идут так себе, ни хорошо, ни худо: получил из З. Б.—4, да из истории тоже. Очень боюсь нем. языка — я действительно ничего не знаю, и могу надеяться только на добродушье Розе, который, между прочим, в баллах снисходителен. Почти каждый день хожу куда-нибудь в отпуск; уроков еще мало, а сидеть так, скучно и скверно. Володя торжествует! выдержал уже в Горном инст. экзамен на действительного студента (т. е. не на вольнослушателя); все дело только в том, чтобы выбраться из Строительного. Молодец просто! Так что я кончу в училище почти один: новые товарищи весьма не по мне.

Спектакля нашего по всей вероятности не будет, ибо Малышев, главный наш столп — отказался. Да и мне-то не особенно хочется участвовать — денег трата, времени трата превеликая, а удовольствия на грош. Гораздо лучше в театр ходить. Да и туда меня вовсе не тянет — еще ни разу не был! Охладел ко всему решительно.

Был у Полницкого, и, наконец, застал-таки его в Институте. Бедный Аркадий Ксеноф.! Скучает ужасно, знакомых нет вовсе. Мне очень обрадовался. Он хороший человек.

Представьте — у них в Инстит. два раза в неделю бывают лекции на латинском языке! Работы много, дисциплина строгая, ночевать вне инст. не дозволяется под страхом лишения отпуска; в 11 часов все должны быть уже в сборе, а не то́ накажут, без отпуска оставят. Хуже чем у нас в пансионе!

Ходил к Исакову — добавление еще не вышло.

Недели через две-три нам выдадут новую форму — тогда пойду к Ольге Орестовне, а теперь платье прескверное дали, старое.

У нас новые учителя: Дубровский (Е. И.) и Тихомиров (Р. Яз.). Последний задал сочинение на тему: «Испытание натуры, хотя трудно, но полезно, приятно и свято» *(Ломоносов)*. С Позоровским и Гришиным лажу, потому что учусь, — а относительно Розе сей способ к сожалению применим только отчасти. Впрочем он мне ни 1, ни 2 не ставит.

До свиданья, дорогая мамаша!

Крепко вас целую. Поцелуйте Женище. Бабушке поклонитесь, Афросинье и Матрене тоже.

Вас любящий *Всеволод Гаршин*

48. *Е. С. Гаршиной*

8 апреля 1874 г.
Петербург.

Дорогая мама!

Вот уже и Пасха прошла, и снова классы начались. Впрочем они недолго протянутся: или до 15 или, в крайнем случае, до 22. Потом нас отпустят числа до 1-го и от 1-го начнутся экзамены.

Экзаменов я не устрашаюсь нисколько. Не спать ночи придется, — это уж неизбежимое испытание, но все-таки аттестат получу наверно.

Второй, третий и четвертый дни Пасхи провел я в колонии. Время провел там очень хорошо, но немного простудился, несмотря на удивительную погоду тех дней. Представьте себе, что три дня на нашем Петербургском небе не было ни одного облачка. Теперь кашляю немного и отправляюсь в лазарет лечиться и учиться.

У Пузино был в четверг; Женя до сих пор очень больна и страшно изменилась: я боюсь даже, что она не поправится бедняжка. Все прочие здоровы.

Не читали ли вы «Пугачевцев» Сальяса? Отличная вещь; я просто зачитался ею, Скабичевский в «О. З.» ругает «Пугачевцев» самым глупым образом, из-за того только, что Сальяс — москвич и его роман был помещен в «Р. Вестнике».

Вот «Quatre-vingt-treize» — этой штуки я осилить не могу. Первый томик прочел, а за остальные даже и не берусь; читал только куски романа в фельетонах «Голоса», и, судя по ним, осудил и самый роман. Уж такая гюговщина! Впрочем, ведь он очень стар; ему теперь 73 года.

Недавно мы снимались целым классом, и вчера получили группы Очень хорошо вышло, только один, Латышев, сплоховал. Не лицо, а какое-то пятно.

24 апреля я, Володя и Александр Яковлевич отправляемся в т. наз. Дудергоф, местность за Павловском, изобилующая всевозможными «злаками». У нас дафна и даже теперь кое-что цветет: орех, ольха, анемона (та самая, что на Невском вместо фиалок продают весной) и дафна. Все это меня, а в особенности Володю радует.

В училище нового нет решительно ничего.

Погода стоит прекрасная; сегодня Нева тронулась. У вас-то уже цветов пропасть, я думаю!

Сегодня Вася Аф⟨анасьев⟩ пошел на своей первый экзамен. Выдержит или срежется, я не берусь предсказывать; в последнее время он сильно занимался.

До свиданья, дорогая мама. Крепко целую вас и Женю. Поклонитесь бабушке, Жоржу и всем прочим!

Вас любящий *В. Гаршин*

49. Е. С. Гаршиной

Петербург. 1874
6 мая.

Дорогая мама!

Пишу к вам в промежутках между долбнею истории. Я еще не послал вам росписания наших экзаменов. Вот оно:

10 мая — письм. работы по р. яз.
11 » » » » алгебре и тригоном.
13 или 14 — математика.
15 — французский яз.
17 — история.
21 — русский яз. 1, 24 — космография и физич. геогр., 29 — физика.
30 — немецкий яз. Июня 4 — закон божий, 4-го — химия. 11 — география и 14 — естественные науки.

Получили ли вы «вечную» чернильницу. Я выслал ее еще 16 апреля в удостоверение чего сохранил росписку. Так как вы до сих пор не пишете о получении чернильницы, то я думаю, что она пропала; придется требовать 3 рубля на почте.

По воскресеньям бываю у Пузино; Женя поправляется очень плохо. Лиза, хотя и трусит до малодушья, но пока, меньше 11 на экзаменах не получает. Сегодня у нее экзамен из истории.

Скоро, скоро, дорогая мама, я буду свободен. Признаться надоела гимназия, несмотря на прекрасное начальство. Кстати о начальстве. Вы, думаю, уже читали о нашем бедном Вукотиче (5 класса), который ушел из дому и прислал письмо, извещая, что хочет утопиться; его поймали но уже помешавшимся на *Гришине* и тригонометрии. Эта глупая, грубая тварь, непонимающая, что оскорбленье в десять раз больнее отзывается на детской душе, чем на душе взрослого человека, принял свой «метод» воспитания: всех неучащихся (не разбирая лентяев и неспособных) он преследует остротами, шуточками, даже просто голыми бранными словами. Вукотич оказался впечатлительнее других.

Володя теперь держит экзамены; химию и физику сдал; завтра ботаника. Я почти уверен, что он хорошо сдаст все экзамены, несмотря на то, что он боится математики ужасно. Вот-то удивятся наши педагоги! Вл. Фед. ⟨Эвальд⟩ его бы выпустил; но ведь В. Ф. в прошлом году не был на экзаменах.

Семнадцатого мая, после истории, пойду справляться о Жене в Ларинскую гимназию. Мамаша, не отдавайте его в пансион. Пусть он не пробует этой гадости; теперь в особенности завели строгость такую дурацкую, что пансион гораздо более похож на тюрьму, чем наша старобельская «высидка» (кажется не совсем по-хохлацки?)

До свиданья, дорогая мама; крепко целую вас и Женю. Кланяйтесь бабушке и высоконареченным, а также и всему дому нашему.

Ваш *В. Гаршин*

Скоро увидимся: от сегодня до 14 июня — 39 дней.

P. S. Видел я карточку невесты Владимира Александровича. Такая толстенькая «немкиня», как Володя говорит, что просто ужас. Какие у них дети будут!

Можете представить: третьего дня у нас целый день валил снег. Деревья еще и не думают распускать почки. Просто оскорбленье!

II. ПИСЬМО В. М. и Е. М. ГАРШИНЫХ*

50. *Д. В. Григоровичу*

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Е. М. ГАРШИНА.

Греческий проспект, д. № 14.
№

С. Петербург. 10 мая 1887 г.

Многоуважаемый
Дмитрий Васильевич!

Один из моих постоянных клиентов, страстный библиоман, который не стоит ни за какими деньгами, убедительно просит меня достать экземпляр составленного описания художественных богатств наших дворцов, отпечатанных у Киршбаума в 100 экз.

Снизойдите и к моей нижайшей просьбе: не откажите в содействии по приобретению означенного издания. Я бы охотно взял экз. 2 — 3, но хоть один — и за то я бы был бесконечно признателен. Относительно изданий, не поступающих в продажу, лучше всего обязывать покупающих внести что-либо в какое-нибудь благотворительное учреждение, что я и сделал бы весьма охотно.

В ожидании благосклонного ответа вашего оста⟨юсь⟩ всегда преданный и готовый к услугам

Вс. Гаршин

* Рукою В. М. Гаршина писаны только строки, печатаемые курсивом. *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

АВТОБИОГРАФИЯ В. М. ГАРШИНА

[1] Печатается с автографа, хранящегося в архиве С. А. Венгерова в Ленинградском институте книговедения. Впервые опубликовано, с некоторыми сокращениями, в сб. «Красный цветок», СПБ. 1889, стр. 60—65, и, более точно, в «Полном собрании сочинений В. М. Гаршина», бесплатн. прилож. к «Ниве» 1910, кн. I, стр. 5—9.

Текст «автобиографии» занимает три листа бумаги обычного тетрадочного формата, исписанных с обеих сторон; черновые варианты отдельных слов, характеризующие лишь стилистическую правку рукописи, нами не отмечаются. Предназначаясь для издаваемого С. А. Венгеровым «Критико-библиографического словаря русских писателей и ученых», автобиография Гаршина снабжена была в трех местах следующими его оговорками: 1. «со слов «Пятый» до «эпоху» <стр. 12, строка 32> прошу вас, С. А., ни в каком случае не утилизировать»; 2. <стр. 15, строки 27—32>: «Это не для печати»; 3 <стр. 15, строка — о женитьбе Г. на Н. М. Золотиловой>: «Только для вас, С. А., по секрету — которая к выходу вашей книги будет вероятно врачом».

Как материал, существенно пополняющий данные автобиографии Г. о его родных, см. работу А. Г. Галачьяна и Т. И. Юдина «Опыт наследственно-биологического анализа одной маниакально-депрессивной семьи» («Русский евгенический журнал» под ред. Н. К. Кольцова, т. I, вып. 3—4, 1924, стр. 321—342), а также хронику В. П. Соколова «Гаршины» («Исторический вестник» 1916, кн. IV, стр. 130—158, и кн. V, стр. 399—426).

[2] По специальным вопросам, связанным с реализацией крестьянской реформы, Михаил Егорович Гаршин писал в 1858—1859 г. в «Журнале землевладельцев» и в «Харьковских губ. ведомостях». На одну из статей «помещика Старобельского уезда г. Гаршина» в «Журнале землевладельцев» очень сочувственно откликнулся Н. Г. Чернышевский в своей анонимной «Библиографии журнальных статей по крестьянскому вопросу» («Современник» 1859, кн. I, отд. 2, стр. 80). Ср. «Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского», т. IV, СПБ. 1906, стр. 402).

[3] Семейная драма, о которой глухо упоминает Г., заключалась в том, что мать его в начале января 1860 г. бежала из дому с П. В. Завадским, воспитателем старших братьев Всеволода и видным деятелем харьковского революционного кружка Я. Н. Бекмана и М. Д. Муравского. Заявление М. Е. Гаршина в Харьковское жандармское управление о бегстве его жены, «совращенной» политически-неблагонадежным П. В. Завадским, послужило основанием для обыска у последнего 21. I. 1860 г., а бумаги, захваченные при этом обыске, дали материал для обнаружения как самого кружка, так и для ареста всех его членов (см. об этом в книге Б. П. Козьмина «Харьковские заговорщики 1856—1858 гг.», Харьков, 1930, стр. 26—27). После пятимесячного заключения в Петропавловской крепости П. В. Завадский был выслан 12. VI. 1860 г. в Олонецкую губернию, куда вскоре выехала к нему и Е. С. Гаршина, оставив пятилетнего Всеволода у отца. (В этом же году родился Евгений, младший брат писателя). В июле 1862 г. П. В. Завадский был вновь арестован в связи с делом

М. Д. Муравского, содержался несколько месяцев в Петропавловской крепости, но на основании постановления следственной комиссии от 18. I. 1863 г. возвращен был в Олонецкую губ. под усиленный надзор полиции. В связи с делом П. В. Завадского в октябре 1862 г. произведен был обыск и у Е. С. Гаршиной, подчиненной с 18. I. 1863 г. секретному надзору полиции; как политически-неблагонадежная, Е. С. Гаршина подверглась обыску и в 1866 г., в пору розысков сообщников Д. В. Каракозова (ср. «Деятели рев. движ. в России. Био-библиограф. словарь». Составили А. А. Шилов и М. Г. Карнаухова, т. I, ч. 2, М. 1928, стр. 75).

[4] Ранний период биографии В. М. Гаршина освещен в очерке С. Н. Дурылина «Детские годы В. М. Гаршина», М. 1910. Материалы, существенно дополняющие и корректирующие эту работу, см. в письмах Г., печатаемых нами в приложениях к настоящему изданию, стр. 401 и сл.

«Не знаю, на какие средства жила семья Гаршина, — вспоминает Вяч. Фаусек, — но обстановка в их доме была скромная, почти спартанская». Екатерина Степановна в Харькове «давала частные уроки» и «содержала нахлебников («Современный Мир» 1913, кн. III, стр. 58).

Интересную бытовую характеристику матери писателя дают воспоминания В. П. Соколова: «Малого роста, полная, плотная, с тяжелым взглядом, Екатерина Степановна к воспитанию детей прилагала большие старания, и в чем другом, а в хороших книгах никогда не было у детей недостатка. Она много читала, хорошо знала русскую легкую литературу, писала занимательные письма, могла переводить с французского, шить на машинке и делать всякое домашнее дело; но главная ее отрада была говорить, рассказывать кому-нибудь о прочитанном, о литераторах, о своих знакомых, о каких-нибудь литературных или житейских курьезах. У ней каждый день гости и неумолкаемые литературно-житейские разговоры, и вместе с тем какой-то нервный гнет, так что никому из гостей не приходит охоты весело от души рассмеяться. То и дело новые знакомые; участливое любопытство к мало знакомым даже людям, возня с ними, хлопоты о них... Гости таяли иногда от незаслуженных похвал, от комплиментов; но вместе с тем при них же раздавались слова негодования, горячего осуждения и насмешки по адресу отсутствующих, бывших знакомых, относительно которых наступило у Екатерины Степановны полное разочарование» («Исторический вестник» 1916, кн. IV, стр. 131). О близости Е. С. Гаршиной к деятелям революционного подполья 60-х годов см. выше, примеч. 3. О связях ее же с А. Г. Маркеловой, Е. А. Макуловой, Н. В. Долгоруковой, Е. П. Елисеевой, В. С. Курочкиным и другими шестидесятниками см. по указателю к настоящему изданию.

[5] О материале, положенном в основание «Четырех дней», см. далее, примеч. к письму № 105.

[6] В прапорщики Г. произведен был 27. IV. 1878 г.; приказ же об увольнении его «за болезнию» от военной службы датирован 24. II. 1879 г. (Формуляр В. М. Гаршина в архиве Пушкинского Дома). Ср. письма Г. №№ 129, 138, 139, 140. О работе его с 1883 г. в Совете съездов представителей железных дорог см. далее сводку данных в примеч. к письму № 369

ПИСЬМА

1874

Письмо 1.

[1] Письмо В. М. Гаршина от 9—10. XI. 1874 г. о студенческих волнениях в Горном институте является единственным известным нам обстоятельным рассказом об этих событиях, не освещенных ни в современной им печати, ни в позднейшей специальной литературе. О революционной работе П. П. Кончаловского, через которого Г. обещал матери передать то, что «не мог написать», опасаясь перлюстрации, в настоящем письме, см. в именном указателе.

Письмо 4.

[2] «Колония», упоминаемая Г., — Земледельческая колония для малолетних преступников. Открытая в конце 1871 г. на Охте, за Пороховыми заводами, колония эта была превращена А. Я. Гердом в образцовое учебно-воспитательное учреждение. В 1876 г., во время управления П. А. Равинского, восторженно охарактеризованного в настоящем письме Г., колонию посетил Ф. М. Достоевский, впечатления которого от этой поездки дали материал для одной из глав «Дневника писателя» 1876 г. (гл. 2, отд. III). См. также замечания об охтенской колонии в воспоминаниях А. Ф. Кони «На жизненном пути», т. II, М. 1916, стр. 105—108.

Письмо 6.

[3] Для расследования причин, вызвавших студенческие волнения осенью 1874 г., образована была по повелению Александра II специальная комиссия, в составе министров: военного, внутренних дел, юстиции, народного просвещения, финансов, путей сообщения, государственных имуществ, главноуправляющего II отд. собств. его величества канцелярии, государственного контролера и шефа жандармов. Заседания комиссии происходили под председательством П. А. Валуева 24 и 28. XI, 1, 5 и 12. XII. 1874 г. Как свидетельствует секретный «Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков», составленный А. Георгиевским, причины студенческих волнений определены были в этой комиссии следующим образом:

1) Вследствие упразднения корпоративного устройства учащихся и обращения их в публику вне стен учебного заведения, начальство и преподаватели учебных заведений утратили прежнее нравственное влияние на массу учащихся. 2) Предоставленная профессорским коллегиям автономия с правом замещения всех должностей по выбору лишает начальствующих лиц прямого влияния на общий ход дел в высших учебных заведениях и составляет весьма важный недостаток в их организации. 3) Коллегии эти притом пренебрегают нравственными способами влияния на учащихся (иначе говоря, воспитательною своею задачею), склонны признать за ними гражданскую зрелость и гражданское значение, коих они иметь не могут, и нередко способствуют, сознательно или бессознательно, водворению в их среде неправильных понятий о их положении в заведении и их отношениях к начальству. Наиболее влиятельные члены этих

коллегий, как только возникают волнения или беспорядки, обыкновенно устраняют себя от участия в их прекращении. 4) Снисхождениями на ведущих к высшим учебным заведениям испытаниях, излишнею умеренностью платы за учение и всякого рода денежными льготами искусственно увеличивается число учащихся, с одной стороны, мало подготовленными или мало способными молодыми людьми, а с другой — лишенными всякого материального обеспечения, а нередко и всякой семейной опоры, которые в борьбе с нуждою и всякого рода лишениями, в постоянно напряженном состоянии легко поддаются влиянию злонамеренных, литературных и нелитературных агитаторов. В течение последних трех лет, кроме Нечаевского дела, более 600 студентов и учеников разных заведений были привлечены к делам ведомства III Отделения собственной его императорского величества канцелярии. 5) При этом увеличении числа учащихся преподаватели лишены возможности не только следить за их прилежанием, успехами и умственным и нравственным их развитием, но даже и знать в лицо большинство своих слушателей. 6) Значительная часть студентов ищет в высших учебных заведениях не знания, а внешних выгод, прав и преимуществ, соединенных с окончанием в них курса, и строгость или отчетливость экзаменов возбуждает постоянные сетования и жалобы и составляет новый повод к тому раздраженному настроению, в котором находится значительная часть учащегося юношества. 7) Настроение родителей и родственников и вообще всего общества нисколько не содействует начальству в охранении порядка в учебных заведениях. Заботы родственников направлены не к основательному образованию учащихся, а к скорейшему приобретению ими известных прав и преимуществ, и в случае беспорядков молодые люди, в них виновные, находят себе нравственную поддержку и даже полугласное одобрение не только в кругу их родственников, но и в среде лиц посторонних, со стороны так называемого общественного мнения.

«В устранение вышеозначенных причин беспорядков» Валуевская комиссия 1874 г. установила следующие «руководящие начала» правительственной политики в области высшей школы: «1) Пересмотр ныне действующих уставов составляет предмет несомненной потребности, причем министр народного просвещения заявил, что им уже потребованы по этому предмету отзывы университетских советов. 2) Автономия профессорских коллегий может быть ограничена как изъятием из их ведения некоторых дел административно-полицейского свойства, так и установлением другого порядка назначения профессоров и прочих должностных лиц. 3) Правительственный контроль за направлением преподавания может быть усилен в тех размерах и формах, в каких это будет признано удобным и возможным по особенному свойству и строю каждого заведения. Относительно университетов министр народного просвещения заявил, что такой контроль может быть установлен без стеснения свободы преподавания отделением от него выпускных экзаменов и учреждением особых экзаменных комиссий по назначению министра и с приглашением депутатов от других ведомств, и совещание признало, что надлежит воспользоваться этими предложениями графа Д. А. Толстого. 4) Возвращение к корпоративным условиям быта учащихся при наших нравах и при нынешнем настроении не только студентов, но даже и профессоров признано невозможным, и принятые начала отдельности слушателей и подчинения их общей полиции вне стен заведения должны быть сохранены. Установление и охранение во всех учебных заведениях правильного дисциплинарного строя имеет существенное значение, и потому признано желательным усилить средства инспекторского надзора за студентами и охранения полицейского порядка в стенах заведений. 5) В виду переполнения учебных заведений учащимися, одинаково затрудняющего и педагогическую деятельность преподавателей, и административный надзор начальства, *надлежит стеснять, по возможности, дальнейший приток*

учащихся, малоподготовленных в научном отношении и притом *не обеспеченных материально.* Прямым к тому средством должна служить правильная строгость приемных испытаний. 6) Действующая система льгот и пособий подлежит пересмотру в вышеозначенных видах. В особенности желательно уменьшить число льгот от учебной платы. Стипендии — самый правильный вид воспособления учащимся; но они должны быть назначаемы лишь тем недостаточным молодым людям, которые соединяют в себе надлежащие способности, надлежащую подготовку и необходимое для дальнейших успехов прилежание. По мнению министров военного и внутренних дел, с ними должны быть соединяемы известные сроки обязательной службы в тех случаях, когда подлежащие ведомства встретят в том потребность. 7) На действительные учебные нужды учащихся должно быть обращено надлежащее внимание начальств разных учебных заведений. Такими нуждами, затруднениями и неудобствами постоянно мотивируются все домогательства о праве сходок и депутаций. При непрерывных ежедневных отношениях учащихся к преподавателям и к начальству учебного заведения всегда представляется возможность к заявлениям и просьбам без предания им коллективной формы; но установление по этому предмету более определительных правил может скорее порождать недоразумения и затруднения, чем их предупреждать. 8) В случае возникновения в каком-либо учебном заведении новых волнений и беспорядков, необходимо им не оказывать ни малейших послаблений, не прибегать ни к каким уступкам, не входить ни в какие переговоры, обнаруживающие колебание со стороны начальства, но немедленно принимать соответствующие меры к прекращению возникшего движения, дабы предупредить и предотвратить его дальнейшее развитие и распространение» (А. Георгиевский, «Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков». *Совершенно конфиденциально.* СПБ. 1890, стр. 8 — 10.)

Постановления Валуевской комиссии были «высочайше» утверждены 23. XII. 1874 г., но практическое применение полностью получили лишь в царствование Александра III.

[4] Неизвестная В. М. Гаршину политическая подоплека предстоявшей реорганизации «С.-Петербургских ведомостей», влиятельнейшего из органов либерально-буржуазной печати конца 60-х и начала 70-х годов, обнажена в воспоминаниях бар. А. И. Дельвига: «Издатели и редакторы «Московских ведомостей» Катков и Леонтьев желали завладеть «С-.Петербургскими ведомостями», издававшимися В. Ф. Коршем по контракту, заключенному с ним Академиею Наук, которая издавна пользовалась от отдачи этой газеты в аренду. Срок контракта с Коршем оканчивался 1. I. 1878 г.; для немедленного же удаления его Катков и Леонтьев придумали, чтобы газета из ведения Академии Наук перешла в Министерство народного просвещения. Представление об этом гр. Д. А. Толстого в Государственный совет было дурно принято последним. Тогда министр внутренних дел А. Е. Тимашев, которому подведомственно Главное цензурное управление, по наущению Толстого, испросил в ноябре 1874 г. сепаратным всеподданнейшим докладом, помимо Государственного совета, высочайшее повеление о передаче упомянутой газеты в Министерство народного просвещения, на что он получил предварительное согласие президента Академии Наук графа Литке, человека вполне равнодушного к русской литературе и журналистике. Немедля по объявлении высочайшего повеления, Толстой заявил Коршу, что он последнему позволяет редактировать газету только до 1. I. 1875 г. и чтобы он к тому времени приискал нового редактора. Корш сначала думал отстаивать свои права по контракту с Академией, но, увидав, что обуха плетью не перешибешь, решился продать право на издание газеты на остальные три года, оставшиеся до окончания контрактного срока» (А. И. Дельвиг, «Мои воспоминания», т. IV, стр. 479 — 480).

*

О финале этого дела см. далее письмо В. М. Гаршина от 1. III. 1875 г. и примеч. 10.

[5] Определитель А. Я. Герда, о котором упоминает Г., — по всей вероятности второе изд. «Определителя минералов», вышедшее в свет в 1876 г. Возможно, однако, что речь идет о каком-нибудь «Определителе растений», к работе над которым Г. возвратился зимою 1876 г. (см. письмо его от 19. XI. 1876 г.). Из учебных компиляций М. И. Мелиоранского, частично связанных с работами А. Я. Герда, в 1874—1877 гг. печатались «вопросники» по зоологии и ботанике.

1875

Письмо 9.

[6] «Писулька», упоминаемая Г., является, вероятно, первою редакцией «Подлинной истории Энского земского собрания», которой Г. дебютировал в печати 11. IV. 1876 г. О работе над этим памфлетным очерком см. далее письма Г. № 31, 32, 34, 35.

[7] «Корреспонденция Зилоти», о которой упоминает Г., в «Голосе« 1875 г. не появлялась.

Письмо 11.

[8] О реорганизации «С.-Петербургских ведомостей» под редакцией гр. Е. В. Салиаса см. примеч. 10.

Письмо 12.

[9] «Еще один Егор» — новая фотографическая карточка Г. М. Гаршина. Ср. письмо Г. от 1. II. 1875 г.

Письмо 14 и 16.

[10] «В начале зимы 1874 г., — рассказывает в своей автобиографии Ф. П. Баймаков, — Главное управление по делам печати заявило В. Ф. Коршу, что он лично не может быть более редактором «С.-Петербургских ведомостей». В утверждении представленных им нескольких редакторов ему было также отказано. Тогда он предложил Ф. П. Баймакову продать ему газету, имевшую в то время 9500 подписчиков и дававшую до 36 000 р. чистого дохода. За газету, дававшую 36 000 р. годового дохода, можно было уплатить 125 000 р., но при условии, чтобы состав редакции был оставлен прежний и чтобы редактором было утверждено лицо, приятное всему составу сотрудников газеты, а равно и было известно с хорошей стороны многочисленным подписчикам «С.-Петербургских ведомостей». В. Ф. Корш указал на покойного Б. М. Маркевича, как на единственного человека, пользовавшегося большим влиянием в административных сферах, а посему имевшего возможность ускорить дело в интересах всех сторон... Благодаря содействию Б. М. Маркевича редактором газеты был предложен и утвержден граф Салиас и обещано было сохранить прежний состав редакции. Тогда Баймаков купил газету. Но в декабре, перед самыми рождественскими праздниками, Баймакову было заявлено, что в числе сотрудников он не может сохранить В. П. Буренина. По получении в редакции означенного заявления большинство сотрудников оставили газету. Известие об этом событии тотчас же разошлось по городу, число подписчиков на 1875 год не превысило 2500 человек, газета стала приносить значительные убытки. После ста дней крайне неудачного редакторства граф Салиас отказался, и на его место был утвержден П. С. Усов» (Автобиография Ф. П. Баймакова в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова, т. II, 1891, стр. 64 — 65). В своем рассказе Ф. П. Баймаков не отметил только одного весьма существенного обстоятельства, наделавшего в свое время очень много шума и указанного очень точно в письме В. М. Гаршина от

1. III. 1875 г.: посредничество Б. М. Маркевича, совмещавшего публицистическую и беллетристическую работу в реакционно-дворянской прессе со службою в Министерстве народного просвещения в качестве чиновника особых поручений при графе Д. А. Толстом, обеспечено было взяткой — в форме 5000 р. ежегодной ренты в продолжение всего срока аренды «С. Петербургских ведомостей». Когда было разоблачено, что за эту сумму Б. М. Маркевич изъял из контракта пункты, обеспечивающие права министра на отвод тех или иных сотрудников газеты, автор «Марины из Алого рога» был уволен от службы и лишен придворного звания. В тот же день, в который Г. осведомлял об этой истории свою мать, И. С. Тургенев писал М. М. Стасюлевичу: «А Немезида, постигшая Маркевича, порадовала-таки меня. Допрыгался этот мерзавец до помойной ямы, которая так давно звала его в свои объятия» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. III, СПБ., 1912, стр. 52). О гр. Е. Салиас, как редакторе «С.-Петербургских ведомостей», см. материалы «Внутреннего обозрения» в «Отеч. зап.» 1875, кн. VII, отд. 2, стр. 145—163 и фельетон Гаммы (Градовского) в «Голосе» от 5. I. 1875 г., № 5.

Письмо 15.

[11] См. примеч. 9.

Письмо 16.

[12] Проект разоблачения в печати старобельских педагогов остался неосуществленным.

[13] См. примеч. 10.

[14] Гуинплен — герой романа Виктора Гюго «Человек, который смеется» (1868 г.). О петербургских гастролях m-me Жюдик, увековеченной в «Современниках» Некрасова («Мадонны лик, взор херувима» и пр.) см. «Голос» 1875, №№ 108, 118 и «Московские ведомости» 1875, № 111, О Шнейдерше см. «Дневник провинциала в Петербурге» Салтыкова-Щедрина — гл. I и II («Отеч. зап.» 1872).

Письмо 17.

[15] «Дело Овсянникова», о котором упоминает Г., занимало русскую общественность и печать в течение всего 1875 г. «2 февраля 1875 г., — рассказывает в своих воспоминаниях бар. А. И. Дельвиг, — сгорела в Петербурге огромная паровая мукомольная мельница, стоившая до 900 тыс. рублей. Немедля разнесся слух о поджоге, а 12 марта об обыске в доме известного хлеботорговца С. Т. Овсянникова и о взятии его под арест. Сгоревшая мельница была выстроена известным своими значительными подрядами по военному ведомству Фейгиным, обязавшимся доставлять для гвардейского корпуса ржаную муку высшего достоинства, которую можно было приготовлять только на означенной мельнице. Фейгин обанкротился, продолжение его подряда было сдано Овсянникову. Этот Овсянников был всегда большим плутом. Начав торговлю бедным крестьянином, он имеет состояние в несколько миллионов рублей... Имение Фейгина, по его несостоятельности, продавалось с аукциона, на котором последняя за мельницу цена 108 100 руб. оставалась за Овсянниковым. Эта мельница была застрахована в 70 000 руб. В числе долгов Фейгина был долг В. А. Кокореву в 500 тыс. руб. Последний заявил свое, основанное на законе, право на мельницу жалобою в Петербургский окружной суд, который уничтожил торги и присудил мельницу Кокореву. Это определение суда было обжаловано Овсянниковым, но судебная палата утвердила решение суда, и Кокорев в конце 1874 г. был введен во владение мельницею.

«Народная молва была, что при сделанном у Овсянникова обыске найдены бумаги, служащие доказательством тому, что поджог мельницы был сделан по его приказанию, а также найдены какие-то подлоги и даже

фальшивые ассигнации... Говорили, что... при обыске у Овсянникова найдены доказательства тому, что многие из лиц военного ведомства как в настоящее время, так и в войну 1853—1856 гг. получали содержание от Овсянникова. Называли, между прочим, директора канцелярии военного министра ген.-адъютанта Мордвинова и состоявшего при Военном министерстве ген.-майора Аничкова... Причины, которые могли побудить Овсянникова к поджогу мельницы, объяснялись следующим образом: так как по решению судебной палаты мельница поступила во владение Кокорева, то поставка на будущее время ржаной муки, приготовляемой для гвардейского корпуса, неминуемо была бы сдана Кокореву, через что Овсянников лишился бы выгодной поставки муки или должен был бы платить Кокореву большую сумму за аренду мельницы... При приближавшейся сдаче мельницы Кокореву Овсянников должен был истратить значительную сумму на ее ремонт и произвести другие расходы, всего на сумму до 350 тыс. руб.; вследствие пожара он освобождался от этих расходов. Овсянников подал жалобу в окружной суд на незаконность его арестования, при чем предлагал взять у него залог по усмотрению суда; 15 марта суд ему отказал. Он жаловался судебной палате, которая 27 марта также ему отказала, основываясь на том, что все меры к тому, чтобы пожар не мог быть потушен, как-то: приостановка водоснабжения мельницы и т. п. были предварительно приняты, явно по приказанию ее арендатора Овсянникова. В начале 1876 г. СПБ. окружный суд признал виновным в пожаре мельницы Овсянникова и его двух пособников; все трое приговорены к каторжной работе, но Овсянникову, по преклонности лет, наказание ограничено ссылкою в Сибирь». (А. И. Дельвиг «Мои воспоминания», т. IV, М. 1913, стр. 470—472). Ср. «Дело Овсянникова» в красочной передаче А. Ф. Кони («На жизненном пути», т. I, изд. 4, стр. 17—26), а также данные о нем в черновых вариантах «Современников» Некрасова («Аничков — вор! Мордвинов — вор!» и т. п.) и в фельетоне А. С. Суворина в «Молве» 1876 г., № 1. Упоминания о «пожаре Фейгинской мельницы» см. также в «Очень коротеньком романе» Гаршина (1878).

Письмо 19.

[16] «Письмо к редактору по поводу спиритизма», на которое с возмущением ссылается Г. в своем письме к матери от 11. IV. 1875 г., помещено было в «Вестнике Европы» 1875, кн. IV, стр. 855—871 профессором зоологии Петербургского университета Н. П. Вагнером. Подробно рассказывая о тех «фактах» и «наблюдениях», которые заставили его «притти к убеждению в существовании медиумических явлений», новообращенный спирит утверждал, что якобы «люди серьезные, вооруженные всеми силами современных научных методов, пришли к неопровержимому убеждению в существовании медиумических явлений. Имена этих людей достаточно известны в науке, как имена точных, серьезных исследователей ее вопросов. Но видно таково уже свойство человеческого разума, что он тотчас же встает в оппозицию, как скоро дело касается фактов, опрокидывающих его привычные убеждения. Когда Крукс, Гепинс и Варлей излагали свои научные исследования, то ученый мир ни разу не сомневался в верности этих исследований; но вот дело коснулось медиумических явлений, и тот же ученый мир тотчас же опрокидывается на этих ученых с полнейшим скептицизмом» (стр. 873). В своей уничтожающей оценке выступления Н. П. Вагнера Г. предвосхищал резко отрицательную характеристику этого письма в органах умеренно-либеральной печати. Ср., например, протесты «Голоса» против «спиритической горячки, охватившей в настоящее время добрую часть Петербурга» («Голос» от 4. V. 1875 г., № 122) и специальный фельетон там же о «письме» Вагнера: «Нам кажется, что профессор Вагнер сделал бы гораздо лучше, если б, по крайней мере, до времени, не печатал своей статьи. Убедить кого-нибудь она не убедила, но заставила о себе говорить и может способ-

ствовать распространению мистицизма в обществе, жизненные силы которого не находят выхода в общественной деятельности...» («Голос» от 24. IV. 1875 г., № 112). Об ироническом отношении Г. к спиритизму см. также письмо № 39.

Письмо 22.

[17] О литературных начинаниях Г. этой поры см. письмо его от 5. III. 1876 г., а также примеч. 6 и 12.

Письмо 27.

[18] Фотографическая группа сотрудников «С.-Петербургских Ведомостей», которую Г. видел у А. Г. Маркеловой, воспроизведена в «Критико-библиографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова, изд. 2, т. I, II, 1915, вкладной лист № XI.

Письмо 28.

[19] О работе Г. над «Подлинной историей Энского земского собрания» см. письма №№ 31, 32, 34, 35.

Письмо 31.

[20] Роман Г. с Р. В. Александровой начался летом 1875 г., во время пребывания Г. в Старобельске. Перед отъездом в Петербург Г. сделал в альбоме Р. В. А. следующую запись:

«Она была милая девушка, добрая и хорошенькая: для нее стоило остаться жить. Но он был упрям. В его сердце лежал тяжелый и холодный камень, давивший это бедное сердце и заставлявший больного человека стонать от боли. И он думал, что не может любить и быть любимым; камень давил его сердце и заставлял думать о смерти.

«Его брат был славный юноша с смелыми честными глазами и крепкими руками. И старшему брату крепко хотелось остаться посмотреть, как будут эти глаза глядеть в лицо смерти, как будут держать ружье эти руки в бою за свободу. Но он не верил, что это сбудется, и хотел умереть.

«Она была хорошая мать. Она любила своих детей больше жизни, но она принесла их в своем сердце в жертву и не жалела бы о них, павших славною смертью. Она ждала их смерти или победы и надеялась, что они принесут к ее ногам свои лавровые венки. Но ее старший сын не верил в это, камень давил его сердце, и он хотел умереть.

«Это был великий и несчастный народ, народ, среди которого он родился и вырос. И друзья его, люди, желавшие добра народу, надеялись спасти его от тьмы и рабства и вывести на путь свободы. Они звали к себе на помощь и своего друга, но он не верил их надеждам, он думал о вечном страдании, вечном рабстве, вечной тьме, в которой его народ осужден жить... И это был его камень; он давил его сердце и сердце не выдержало, — он умер.

«Его друзья схоронили его в цветущей родной степи. И солнце обливало своим мягким сиянием всю степь и его могилу, степные травы качали над могилой своими цветущими головками, и жаворонок пел над нею песню воскрешения, блаженства и свободы... И если бы бедный человек услышал песню жаворонка, он поверил бы ей, но он не мог слышать, потому что от него остался только скелет с вечною и страшною улыбкою на костяном лице.

75. VIII, Старобельск. *Всеволод Гаршин».*

История отношений Г. и Р. В. Александровой освещена (очень неточно, судя по письмам самого Г.) в воспоминаниях Н. В. де Л<азари>, младшей сестры Р. В. Александровой («Русск. Мысль» 1917, кн. I, стр. 44—52). Об этом же увлечении Г. упоминает Е. С. Гаршина в предисловии своем к

«Письмам Г. из Болгарии». («Русское Обозрение» 1895, кн. II, стр. 877—879). Последний период отношений Г. и Р. В. А. частично отражен, как мы полагаем, в «Очень коротеньком романе» («Стрекоза» 1878, №№ 10—11). Ср., напр., письма Г. к матери от 17. II. и 5. III. 1879 г.

Письмо 31.

[21] Первое отдельное издание «Исторических писем» П. Л. Лаврова вышло в 1870 г. под псевдонимом П. Миртова. См. выше упоминание Гаршина о них в письме от 19. X. 1875 г.

Письмо 32.

[22] См. примеч. 19.

Письмо 35.

[23] О визите Г. к А. С. Суворину см. письма №№ 36, 37, 47, 51. Как свидетельствуют воспоминания Е. М. Гаршина, А. С. Суворин отнесся к В. М. Гаршину «с большой симпатией, оценил дарование покойного и направил его в редакцию «Молвы», прочитав юному автору предварительно пространное наставление о тщете литературного труда, при самых даже благоприятных условиях, и усиленно рекомендуя опираться на какую-нибудь более прозаическую профессию» («Биржевые Ведомости» от 1 апреля 1888 г., № 91).

Письмо 36.

[24] «Эмеритальные кассы», действовавшие с начала XIX ст. при некоторых учреждениях военного и гражданского ведомства, имели целью обеспечение определенных групп чиновников и военнослужащих особыми пенсиями и пособиями («эмеритурой»), независимо от тех, какие причитались им на основании общих пенсионных правил.

[25] «Произведение», о котором упоминает Г. — «Историко-статистическое обозрение пятилетия третьей Харьковской гимназии, образовавшейся из бывшего параллельного отделения Харьковской губернской гимназии. 1861—1866 гг.». Составил секретарь Педагогического совета, учитель географии В. Спасский. Харьков 1867. Стр. 140.

Письмо 37.

[26] См. примеч. 19 и письмо № 38.

1876

Письмо 38.

[27] Группа, о которой упоминает Г., воспроизведена в «Солнце России» 1913, № 13, стр. 2. См. еще упоминания о ней в письмах №№ 39, 41, 42.

Письмо 41.

[28] О деле Кронеберга, обвинявшегося в С.-Петербургском окружном суде в истязании своей семилетней дочери, а также о выступлении на этом процессе В. Д. Спасовича, добившегося оправдания Кронеберга, см. негодующие отчеты М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Недоконченных беседах», глава пятая («Отеч. Зап.» 1876, кн. III, стр. 154—170) и Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» 1876 г., февраль, гл. 2, отд. I—VI.

Письмо 47

[29] Свое первое печатное произведение Г. подписал инициалами Р. В. Александровой (Р. А.), но по ошибке наборщика вместо «Р. А.» в «Молве» от 11. IV. 1876, стр. 279 напечатано было «Р. Л.». Об издании, в котором дебютировал Г., см. примеч. 32. Литературные замыслы Г., отмеченные в этом же письме, осуществлены не были. Старобельские впечатления 70-х годов дали впоследствии материал еще только для рассказа «Медведи».

[30] Третий том «Полн. собр. соч. А. С. Пушкина» в обоих изданиях. бывших в продаже в 70-х годах (изд. 1859 и 1869 гг.), занят был «Евгением Онегиным» и «Борисом Годуновым». Поскольку произведения эти входили в круг обязательных школьных чтений, ссылка Гаршина на «первых учеников» имеет, вероятно, в виду потерю или похищение третьего тома кем-либо из гимназических товарищей Е. М. Гаршина.

Письмо 48.

[31] История болезни Семена Квитки (см. о ней еще письма Г. от 15. 18—19. и 26. III. 1876 г.) была впоследствии широкоиспользована Г. в рассказе «Трус» (1879). Интересная общая характеристика этого приятеля Г. и персонажа одной из его повестей дана в воспоминаниях И. Павловского «Дебюты В. М. Гаршина» («Красный Цветок», СПБ. 1889, стр. 18). См. также примеч. 91.

Письмо 51.

[32] См. примеч. 29. Орган, в котором дебютировал Г. — «Молва», еженедельная политическая, общественная и литературная газета, заместившая «Еженедельник», газету «земскую и сельскую» (1874—1875), издавалась в 1876 г. А. А. Жемчужниковым под редакцией кн. В. В. Оболенского (выходила по воскресеньям). В литературном отделе газеты принимали участие М. В. Авдеев, П. Д. Боборыкин, Марко Вовчок, П. В. Засодимский, Д. Л. Мордовцев и др.; в общественно-политическом отделе — М. П. Драгоманов. Публикации «Подлинной истории Энского земского собрания» (№ 15 от 11. IV. 1876, стр. 277—279) предшествовала повесть Марко Вовчка «Лето в деревне», растянувшаяся печатанием на 11 номеров (№№ 1—11) но оставшаяся все же неоконченной; по свидетельству мемуариста — «редакция потеряла терпение и решилась прекратить печатание повести» (А. М. Скабичевский, «Литературные воспоминания», М.—Л. ЗИФ, стр. 271.

13. IV. 1876 г. за помещение «Письма из Москвы» В. Петрова (№ 14 от 4 апреля, стр. 267), сообщавшего о студенческих волнениях в Петровской академии и упоминавшего, между прочим, имя будущего писателя В. Г. Короленко, сосланного в Вологду, «Молва» получила первое предостережение; 3. IX. 1876 г. за передовую статью «Интересы Англии в Восточном вопросе» (№ 35 от 29 августа) «в виду вредного вообще направления» — второе предостережение. В пору усиленно провоцируемой войны с Турцией после грабительского соглашения царской России с Австрией в названной статье были следующие заявления: «В настоящее время вся Россия понимает, что дальнейшее расширение границ может только ослабить ее силу и значение, а никак не увеличить их»; «интересы России совпадают с интересами Англии», т. е. страны, находившейся как раз во враждебном России лагере.

Наиболее развернуто общественно-политическая позиция газеты была формулирована в статьях будущего вождя либерально-буржуазных националистов Украины М. П. Драгоманова, удаленного за публицистическую деятельность из состава профессоров Киевского университета и жившего в то время в Женеве — «К вопросу об «оскудении» литературы и о столичной печати и провинции» (№ 36 от 5. IX, стр. 625 — 629) и в передовой «Чистое дело требует чистых рук» (№ 41 от 10. X, стр. 703 — 710). За последнюю статью, положительно оцененную М. Е. Салтыковым (ср. письмо к Некрасову 13. X. 1876, «Письма», Л. 1924, стр. 149) и несомненно близкую по некоторым своим установкам В. М. Гаршину, «Молва» получила третье предостережение и была приостановлена на 8 месяцев. В статье этой М. П. Драгоманов, «пробуя высказать, что только свободная Россия может освободить балканских славян» (Автобиография М П. Драгоманова, «Былое» 1906, № 6, стр. 204), резюмировал: «Было уже многими примерами доказано, насколько искреннее наше так

называемое простонародье относится к делу помощи сербам и болгарам, чем так называемые высшие классы. Едва ли не придется сказать, что это простонародье лучше понимает необходимость нравственного приготовления к совершению доброго дела, чем многие руководители нашего общественного мнения. Недавно в одном из комитетов, снаряжающих добровольцев в Сербию, один отставной солдат сказал: «я шибко пил, да вот с неделю задумал итти в Сербию; три ночи я не спал, думая итти... я перестал пить, — и теперь пить не буду: я знаю, за какое дело я взялся!» Право, редко кто из нас может сказать о себе в настоящую минуту, когда мы собираемся решать Славянский вопрос, что он «знает, за какое дело он взялся», знает и в смысле знания его подробностей и в смысле сознания его целей и средств и наших нравственных обязанностей — внутренних и внешних». (Справка Н. И. Мордовченко).

Приостановленная на 41 номере, от 10 октября, «Молва» больше не возобновлялась, а права на ее издание были переданы Д. А. Коропчевскому и И. А. Гольдсмиту, с 1878 г. начавшим издание журнала «Слово».

Письмо 54.

[33] Впечатления Г. от уроков у кн. Кочубея дали материал, как мы полагаем, для одной из неоконченных повестей Г., опубликованной Б. М. Энгельгардтом в сборн. «Радуга», II. 1922, стр. 278 — 286. Ср. письма Г. от 2. и 9—10. IV. 1876 г. хотя бы с началом повести: «Я увидел Сергея Львовича Сицкого в первый раз очень давно, когда я был еще юным студентом, а он пажем одного из старших классов. Мой товарищ, дававший ему уроки математики и физики, уезжал из Петербурга на два месяца и просил меня заменить его. Я был очень беден и немного гордился своей непрактичностью в житейских делах. В то время, когда мой товарищ получал огромную плату — по пяти рублей за час в богатом доме на Английской набережной, я приправлял полтинники ластового капитан-лейтенанта Жеркова, обремененного огромным семейством, сладким сознанием, что неумение достать себе богатые уроки свидетельствует о благородстве чувств» и пр. Тожество Сицкого и Кочубея не подлежит сомнению.

Письмо 55.

[34] «Подлинная история Энского земского собрания» появилась в «Молве» от 11. IV. 1876 г., № 15, стр. 277—279. О работе Г. над этим очерком см. примеч. 6, 19, 23. О гонораре за очерк (15 р. 8 к.) см. письмо Г. к матери от 21. IV. 1876 г.

Письмо 64.

[35] Сербия объявила войну Турции 18. VI. 1876 г., получив отказ очистить от турецких войск Боснию и Герцеговину и передать обе эти области в управление Сербии и Черногории. Об отклике Г. на восстание Герцеговины см. письмо его от 9 — 10. IV. 1876 г. Судя по воспоминаниям Е. С. Гаршиной, «Еще летом 1876 г., во время Герцеговинского, а затем и Сербского восстания, Всеволод хотел непременно ехать добровольцем. Но тогдашний Харьковский губернатор Д. П. Крапоткин не согласился выдать ему (как подлежавшему воинской повинности) паспорта, говоря: «подождите, вот скоро своя война будет». («Русское обозрение» 1895, кн. II, стр. 878). О попытках Г. уехать осенью добровольцем в Сербию см. письма его от 2. VIII. 8 и 19. IX. 1876 г.

Письмо 67.

[36] «Маленькое произведение», о котором упоминает Г., напечатано в «Новом времени» не было. Текст его см. в письме Г. к матери от 8. IX. 1876 г.

Письмо 68.

[37] Стихи эти были впервые опубликованы (вероятно матерью Г.) в сборнике «Путь-дорога», СПБ., 1893 г., стр. 326.

[38] Имя полковника Н. Н. Раевского, одного из завоевателей и «устроителей» Туркестана, уехавшего добровольцем в Сербскую армию и убитого 20. VIII. 1876 г. под Адровацом, в течение довольно долгого времени не сходило со страниц русской шовинистической печати. Об авантюрной биографии Н. Н. Раевского (он был сыном приятеля Пушкина и племянником М. Н. Раевской-Волконской, учеником Грановского и видным участником студенческих волнений нач. 60-х годов), см. «Архив Раевского», т. V, П. 1915, стр. 657—704.

Письмо 69.

[39] Впечатления от уроков в семье капитан-лейтенанта Булычева отражены, как мы полагаем, в одной из неоконченных повестей Г. в строках «о полтинниках ластового капитан-лейтенанта Жеркова, обремененного огромным семейством» (см. об этой повести выше, примеч. 33).

Письмо 70.

[40] Выпад Г. против установок зарубежного органа революционного народничества «Вперед» объясняется резко отрицательной позицией последнего в вопросе об участии русской передовой молодежи в борьбе за освобождение славянских областей на Балканах от турецкого протектората:

«В рядах идущих в бой есть люди, — констатировалось в передовой статье октябрьского номера журнала, — которые, повидимому, искренно воображают, что у них есть некоторый план жизни, некоторый политический идеал и что они могут осуществить этот план, этот идеал в борьбе, которая кипит на Балканском полуострове. Этим следует разогнать свои иллюзии. Туда можно итти биться из-за какого-нибудь расчета, из невыносимой тоски и пустоты русской жизни, из желания подраться, но никакие политические идеалы там осуществлены быть не могут» («Вперед» 1876 г., № 42). К концу года редакцией «Вперед» выпущен был специальный сборник «Славянский вопрос», в котором прямо отмечалось: «Не служит ли русское правительство своим вызывающим положением, своим шумным задором в решении славянского вопроса помехой к скорейшему и лучшему решению его? Если бы наше правительство не лезло так вперед, то, может быть, другие европейские державы, и прежде всего Англия, принялись бы энергичнее за этот вопрос в смысле разрешения его в пользу славян» («Славянский вопрос», изд. ред. «Вперед», 1876 г., стр. 10). О расслоении в рядах революционного авангарда народнической молодежи накануне русско-турецкой войны см. В. Богучарский, «Активное народничество» 70-х годов». М. 1912, стр. 262—294.

[41] Двустишие из «Последнего новоселья» Лермонтова (1841 г.).

Письмо 76.

[42] Литературное начинание, о котором упоминает Г. в этом письме, нам неизвестно. См. о нем также письмо Г. от 4. X. 1876 г.

Письмо 77.

[43] Трехтомные «Поэтические воззрения» — монография фольклориста А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», т. I (1866), т. II (1868) и т. III (1869 г.).

Письмо 78.

[44] «Люди и нравы» Г. И. Успенского печатались в трех книжках «Отеч. зап.» 1876 г.: 1) в апреле появились очерки «Книжка чеков» и «Неплательщики», 2) в сентябре—«Хочешь—не хочешь» и «Без подмеси», 3) в октябре — «На старом пепелище». Отрицательный отзыв Г. относится к двум последним публикациям Г. И. Успенского.

Письмо 79.

[45] «Les Danyscheff» — пьеса из псевдо-русской жизни, шедшая с большим успехом на парижской сцене в 1876 г. (см. отчет о премьере «Данишевых» в «Отеч. Зап.» 1876, кн. III, отд. 2, стр. 83 — 84). Автором «Данишевых» был польский эмигрант и франко-русский литератор Корвин-Круковский (Pierre de Corvin).

[46] Протест против адреса пештских студентов, писанный В. М. Гаршиным, до нас не дошел. Текст адреса пештских студентов также нам неизвестен, но о характере его можно судить по информации «Голоса»: «Долго не забудет Западная Европа семи дней, прожитых ею от 22 по 29 октября нового стиля. Это была какая-то роковая неделя невыразимой биржевой паники, тревожных и противоречивых слухов, отчаянных газетных вылазок. Общественное мнение западных политических центров совсем было сбилось с толка и потеряло руководящую нить. Оно не знало, чему сочувствовать, против чего восставать, чему радоваться и чего опасаться. Университетская молодежь в Пеште открыто объявила себя на стороне варварства и возмутительной тирании, и полиции приходилось обучать ее либерализму» («Голос» от 25. X. 1876 г., № 295). Ср. телеграммы о запрещении будапештской полицией факельной процессии в честь турецкого консула и о попытках студентов устроить эту демонстрацию («Голос» от 16. X. 1876 г., №№ 286 и 288).

Письмо 82.

[47] Книга по ботанике, в работе над которой Г. помогал А. Я. Герду и В. М. Латкину, в свет, вероятно, не вышла. См. упоминание об этом же труде в письме Г. от 19. XI. 1876 г.

1877

Письмо 84.

[48] Г. имеет в виду приговор по делу участников революционной демонстрации 6. XII. 1876 г. на Казанской площади. Заседания особого присутствия Правительствующего сената по этому делу происходили с 18 по 25. XII. 1877 г.

Всего предано было суду 21 лицо. Из них трое (А. П. Боголюбов, А. Н. Бибергаль и М. М. Чернавский) были приговорены к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в рудниках на 15 лет, двое (Е. К. Бочаров и И. А. Гервасий) — к заключению в крепости на 10 лет, одна (Ф. И. Шефтель) — к ссылке в каторжные работы на 6 лет и 8 мес., остальные, за исключением трех оправданных, — к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение. Приняв во внимание возраст Ф. И. Шефтель (16 лет), суд ходатайствовал о замене ей каторжных работ ссылкой на житье в Тобольскую губ. («Правительственный вестник» 1877 г., № 31).

Письмо 85.

[49] «Новь» Тургенева опубликована была впервые в «Вестнике Европы» 1877, кн. I, стр. 5 — 136 и кн. II, стр. 465 — 580. Восторженный отзыв Г. об этом романе резко дисгармонировал с откликами на него в легальной и зарубежной народнической печати. См., напр., иронические высказыванья Г. А. Лопатина в предисловии к женевскому сборнику «Из-за ре-

шотки» 1877 г. или резко враждебную «Нови» статью Н. К. Михайловского в «Отеч. зап.» 1877, кн. II. Однако в кругах старой эмиграции и в рядах революционной молодежи «Новь» имела своих защитников. Таковы были, напр., П. Л. Лавров и П. А. Кропоткин (см. сборн. М. К. Клемана «И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников», М.—Л. 1930, стр. 32), а В. Н. Фигнер прямо даже свидетельствует в своих воспоминаниях, что, читая последний роман Тургенева, она «поражалась верностью типов, выведенных в нем» (В. Фигнер, «Полн. собр. соч.», т. V, М. 1929, стр. 66). Характерно, что и в листовке «И. С. Тургенев», выпущенной петербургской нелегальной типографией «Народной воли» в день похорон Тургенева 27. IX. 1883 г., образы героев «Нови» — Нежданова, Маркелова, Марианны — были уже охарактеризованы как «живые и выхваченные из жизни»: «Глубокое чувство сердечной боли, проникающее «Новь» и замаскированное местами тонкой иронией, не уменьшает нашей любви к Тургеневу, — отмечал в этой листовке П. Ф. Якубович, — мы ведь знаем, что эта ирония не ирония нововременского или катковского лагеря, а сердца, любившего и болевшего за молодежь. Да к тому же не с подобной ли же иронией относимся теперь сами мы к движению 70-х годов, в котором, несмотря на его несомненную искренность, страстность и героическую самоотверженность, действительно было много наивного?» (Листовка «И. С. Тургенев»).

Письмо 86.

[50] Г. цитирует концовку «Деревни» Пушкина (1819), полный текст которой был разрешен царской цензурой только в издании «Полн. собр. сочин. Пушкина» 1870 г. До тех пор «Деревня» имела в России лишь нелегальное хождение.

Письмо 87.

[51] Фельетон Г. «Вторая выставка Общества выставок художественных произведений» был напечатан в газ. «Новости» от 12. III. 1877 г., № 68, стр. 1—2. Следующий критический фельетон Г. («Новая картина Семирадского: «Светочи христианства») появился в «Новостях» от 16. III. 1877 г., № 72. О продолжении работы в «Новостях» см. письмо Г. от 30. III. 1877 г.

Письмо 89.

[52] Фельетон Г. «Конкурс на постоянной выставке художественных произведений» был напечатан в «Новостях» от 7. IV. 1877 г., № 91, стр. 1.

Письмо 91.

[53] Подлинник этого письма Г. в архиве Е. С. Гаршиной не сохранился. Об обстоятельствах его получения Е. С. Гаршина в предисловии к «Письмам В. М. Гаршина из Болгарии» рассказывает следующее:

«12 апреля 1877 г. в Кишиневе прочитан был манифест 〈об объявлении войны〉, а на третий день после этого я, в Харькове, получила письмо, в котором стояло: 〈следует текст, опубликованный нами под № 91〉. Я ответила телеграммой: «С богом, милый!» Спустя несколько дней они оба приехали в Харьков и пробыли у нас до 2 мая» («Русское обозрение» 1895, № 2, стр. 878 — 879). В художественной форме настроения Г. перед его решением отправиться в действующую армию отражены в рассказе «Трус» (1879). Менее авторитетны его высказывания об этом в передаче воспоминаний С. Н. Кривенко («Исторический вестник» 1890, кн. I, стр. 276 — 277) и И. И. Попова («Минувшее и пережитое», ч. I, Л. 1924, стр. 34).

Письмо 95.

[54] 10 (22). V. 1877 г. провозглашена была независимость Румынии, объявление же ее королевством последовало только в 1881 г.

Письмо 98.

[55] Смотр в Плоэштах, бегло зарисованный в этом письме, художественно восстановлен Г. в пятой главе повести «Из воспоминаний рядового Иванова» (1882 г.).

Письмо 99.

[56] Трудности похода от Кишинева до Бухареста, охарактеризованные в этом письме, дали впоследствии материал для третьей главы «Из воспоминаний рядового Иванова».

Письмо 100.

[57] «Распоясовцы» и «Неплательщики» — художественные обобщения, данные в очерках Г. И. Успенского «Книжка чеков» и «Неплательщики» («Отеч. зап.» 1876, кн. IV, стр. 619 — 666). О впечатлениях Г. от этих очерков см. письмо его к матери от 26. X. 1876 г. Под «распоясовцами», о «наилучших отношениях» с которыми упоминает Г. в письме от 8. VI. 1877 г., Г. И. Успенский разумел крестьянство послереформенной поры, разоренное помещиком и обреченное в жертву хищникам первоначального накопления: «Закончив долголетнюю историю своего терпения и бедности сознанием своей глупости, ничтожества, — такого ничтожества, которое может быть во всякое время выкинуто вон, как сор, распоясовец чувствовал внутри себя полный разгром, разврат и стал пропивать все, что оставалось, стал воровать, изнаглел до того, что прямо подходил к проезжему купцу и говорил: «Ну, что ж, купец, давай на чаек-то?» — «За что?» — «А за разговор. Мало тебе этого? Вынимай-ка желтую-то бумажку!» («Книжка чеков», глава IV). «Неплательщики» — разночинная служилая интеллигенция этой же поры: «Какая сила держит этого неплательщика около дела, где нет ровно ничего, кроме «не было», «и нет», «и не будет»? ... Кто и что превратило его в интеллигентный гвоздь, который вбивает на известное место посторонняя рука и который оказывается способным держать всё, что эта посторонняя рука на него не повесит? .. Ослабленный и испуганный внутри себя, интеллигентный неплательщик стоит у расслабленного дела, знает это, видит, как это пусто и пошло, каждую минуту чувствует если не всю пошлость положения, то уж всю его холодную пустоту и стоит потому, что, «по крайней мере», верный кусок хлеба! Жить в постоянной атмосфере «не настоящего», «не заправского», дышать постоянно воздухом «неискренности» — и все потому, что только при таких условиях неплательщику дается возможность жить, — это чистое мучение!» («Отеч. зап.» 1876, кн. IV, стр. 657 — 661).

Письмо 105.

[58] Эпизод этот, положенный Г. в основу фабулы «Четырех дней», в официальной «Истории 138-го пехотного Болховского полка» изложен следующим образом:

«Через четыре дня после Есерджинского боя 2-й баталион нашего полка послан был хоронить убитых. Окончив работу, баталион двинулся уже обратно и, проходя цепью через кусты, случайно открыл в густой чаще раненого, рядового 2-й стрелковой роты Василия Арсеньева.

«Несчастный был ранен в обе ноги и беспомощно пролежал четверо суток. После подания помощи его благополучно доставили в полк, а затем и в госпиталь. Там Арсеньев рассказывал, что он, лежа в кустах, часто слышал голоса, но не решался крикнуть, не зная — турки это или русские.

«— Питался я, рассказывал раненый, — водой из фляжки, снятой с лежащего рядом убитого турка. Голод и боль в ногах еще ничего бы, а пуще всего донимал меня запах от соседа-турка, который от жары уже разлагался.

Рядовой Арсеньев все-таки не мог поправиться и через некоторое время умер» («Краткая история 138-го пехотного Болховского полка», Рязань 1892, стр. 32).

Письмо 106.

58a Первые резкие симптомы идеологического разрыва Г. с авангардом революционного народничества, характеризуемого в этом письме уже просто как беспочвенная «кучка людей», не сознающая «громадности мира», с которым «пытается бороться», определились еще осенью 1876 г. и обусловлены были, очевидно, открыто признанным в это время самими землевольцами провалом «хождения в народ» и отказом от массовой пропагандистской работы в деревне. О скептическом отношении Г. к определяющимся в это время новым формам политической борьбы см. письма № 70 и 84.

59 Портретная зарисовка А. М. Сахарова 2-го, прапорщика 138-го пехотного Болховского полка, дана была Г. в рассказе «Денщик и офицер» (1880), в образе прапорщика Александра Михайловича Стебелькова. Об отношениях Г. и В. П. Сахарова 1-го см. воспоминания последнего в «Русской молве» от 24. III. 1913 г., № 102, стр. 4.

Письмо 111.

60 Письмо Г. к матери от 16. VIII. 1877 г. о бое на Аясларских высотах положено было впоследствии им в основу художественного отчета об «Аясларском деле» в воскресном прибавлении к «Новостям» от 13. XI. 1877 г., № 296. Ср. воспоминания об «Аясларском деле» сослуживца Г. по Болховскому полку М. Н. Кулешова («Русская Мысль» 1902, кн. XI, стр. 118 — 120).

Письмо 113.

61 «Наша встреча в Беле, — вспоминает об этом свидании М. Е. Малышев, — была совершенной неожиданностью для нас обоих, и поэтому, несмотря на печальную госпитальную обстановку, очень нас порадовала. Рана Гаршина была не опасна: пулей пробило ему мякоть ноги выше колена навылет, кость осталась цела. Я нашел его на койке бодрым и веселым. Те несколько часов, которые мы провели вместе, были для нас обоих манной небесной. Я привез целый короб новостей о Петербурге, откуда я выехал *только месяц назад*, а Гаршин посвятил меня в тайны военно-походной и боевой жизни, с которой уже ознакомился на опыте. Тут же в госпитале услышал я от него эпизод, послуживший темой для его рассказа «Четыре дня» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 126).

Письмо 115.

62 Дата и адресат этого письма устанавливаются на основании справки Я. В. Абрамова при его публикации: «В Харьков В. М. <Гаршин> был доставлен 4 сентября. Через два дня он уже писал на театр действий оставшимся там товарищам» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 23).

Письмо 118.

63 Представление о награждении Г. георгиевским крестом утверждено не было. М. Е. Малышев, сменивший Г. в Болховском полку, отмечал: «Помню я, как искренно жалели солдатики нашей роты, что не отдали своего ротного креста Гаршину, надеясь что он получит именной Георгий, к которому был представлен за личную храбрость и которого почему-то

не получил, несмотря на двукратное представление и на самые лестные отзывы ближайшего начальства» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 127). Как свидетельствует письмо В. Н. Афанасьева к Е. С. Гаршиной от 31. VIII. 1877 г. из Белы, «Всеволод в роте вообще пользовался большим уважением и любовью, но теперь после бою его просто боготворят, и не проходит дня, чтобы меня не спрашивали о нем. Все жалеют его, и как только зашла речь о наградах, так вся рота решила, что барин Гаршин первый стоит креста» (Архив В. М. Гаршина в Пушкинском доме). Ср. письмо № 129. О службе Г. в Болховском полку см. справку С. Михеева в «Разведчике» 1903 г. (перепеч. в «Севере» 1903, № 39, стр. 306) и воспоминания В. П. Сахарова в «Русской Молве» от 13. III. 1913, № 102)

Письмо 121.

[64] «Маленькая повесть», которую готовил Г. для «Слова», — вероятно «Происшествие», опубликованное в «Отеч. зап.» 1878, кн. III, стр. 129 — 174. Журнал, в который приглашен был Гаршин, начал издаваться с 1878 г. И. Г. Жуковским под редакцией Д. А. Коропчевского и И. А. Гольдсмита, объединив ликвидированные органы — «Знание» (1870 — 1877) той же редакции и «Молву» (1876), приобретенную у А. А. Жемчужникова (см. примеч. 32).

«При расширении программы и целей нашей деятельности, — объявлялось в редакционном предисловии к первому номеру «Слова», — мы остаемся верны тем началам, которые были положены нами в основание журнала «Знание», т. е. достоинство нашего нового издания будем видеть по преимуществу в научном характере его содержания». От редакции сообщалось далее, что «в отделе беллетристическом примут участие гг. Н. Д. Ахшарумов, П. Д. Боборыкин, П. Вологдин, А. А. Жемчужников, Н. С. Курочкин, А. Н. Плещеев, А. А. Потехин, С. И. Смирнова, Г. И. Успенский, Н. В. Успенский и др. В критическом отделе журнала примет участие М. А. Антонович». По соображениям цензурно-полицейского порядка редакторами не могла быть названа группа сотрудников из революционного подполья, которая была привлечена к участию в «Слове». Близкий к редакции журнала И. И. Ясинский указывает на имена работавших в «Слове» Клеменца, Буха, Сергея Подолинского, Якубовича, Каблица, Лангауза и Самойлова, под именем которого скрывался будущий первомартовец Кибальчич (И. И. Ясинский, «Роман моей жизни». М.-Л. 1926, стр. 131). В первых трех книжках «Слова» за 1878 г. в критическом отделе занял центральное место бывший сотрудник «Современника», автор нашумевшей статьи против «Отцов и детей», М. А. Антонович, выступивший с программными статьями «Современное состояние литературы» (кн. 1, стр. 1 — 15), «Причины неудовлетворительного состояния нашей литературы» (кн. 2, стр. 75 — 98) и «Литературные итоги славянского одушевления и войны» (кн. 3, стр. 62 — 88). Вернувшись к публицистической работе после десятилетнего перерыва, М. А. Антонович скоро вынужден был, однако, отказаться от сотрудничества в «Слове», заявив об этом письмом в редакцию «Биржевых ведомостей» № 61, 3. III. 1878. Непосредственным поводом к уходу М. А. Антоновича из «Слова» послужили разногласия с редакцией и в частности статьи Е. де-ла Серда (Де-Роберти) «Краткое объяснение» и Бывалого публициста «Прерванная переписка» («Слово» 1878, кн. III, стр. 149—157 и 125 — 140). Первую статью, связанную с полемикой вокруг книги Лесевича «Опыт критического исследования основоначал позитивной философии» и направленную против Лесевича и Михайловского, Антонович квалифицировал как «непристойную»; а вторую — «Прерванная переписка» между журналистом и дипломатом, — трактовавшую о современном состоянии рептильной прессы — как «столь же нелепую». Демонстративный уход Антоновича из «Слова» и последовавшая в связи с этим полемика (ср. ответ редакторов «Слова» и письмо Е. де-ла Серды в «Биржевых ведомостях» 1878, № 63, 5. III; письмо Н. К. Михайловского — там же, № 77, 19 III; ответ М. А. Антоновича и ответ редакторов «Слова» Михайловскому —

там же, № 77, 19. III.) привлекли внимание литературной общественности и сразу же поставили новый журнал во враждебные отношения к руководимым Н. К. Михайловским «Отечественным запискам». Мы полагаем, что в силу этого обстоятельства Гаршин, как постоянный сотрудник «Отечественных Записок», и не принял участия в «Слове» (ср. свидетельства И. И. Ясинского «Роман моей жизни», М. — Л. 1926, стр. 138 — 139), не переставая, однако, внимательно интересоваться журналом и имея дело с его редакцией по поручениям Ю. Н. Говорухи-Отрока (отрывок последнего «Из неоконченного романа» опубликован в «Слове» 1880, кн. 11).

Состав издателей и редакторов журнала, издававшегося всего лишь четыре года, с 1878 по 1881, в условиях жесточайшего цензурно-полицейского гнета (ср. материалы, опубликованные В. Евгеньевым-Максимовым в книге «Из прошлого русской журналистики», Л. 1930, стр. 257—303) несколько раз изменялся (с № 7 1878 г. издателями «Слова» были К. М. Сибиряков и А. А. Жемчужников, с № 2 1880 г. — А. А. Головачов, с № 11 1880 г. — Е. Н. Мальнева-Кривенко; с 1879 г. редактором был Д. А. Коропчевский, с № 11 1880 г. «за редактора» — П. В. Засодимский, с № 4 1881 г. «за редактора» — М. В. Альбов).

В «Слове» многократно подвергались запрещению и вырезывались отдельные статьи, а девятая книжка за 1878 г. была уничтожена «посредством обращения в массу». В 1879 г. журнал получил два предостережения, в январе же 1880 г. во «всеподданнейшем докладе» министра внутренних дел направление «Слова» характеризовалось следующим образом: «нескрываемая, хотя маскируемая различными условными выражениями, ненависть к существующему государственному и общественному порядку, явное сочувствие к социальным переворотам прошедшего времени и к преступной агитационной деятельности» (В. Евгеньев-Максимов, «Из прошлого русской журналистики», Л. 1930, стр. 285). В результате такой характеристики журнал получил третье предостережение, отмечаемое Гаршиным (см. письмо № 183), и был приостановлен на три месяца. Поводом к приостановлению послужили опубликованные в кн. I за 1880 г. рассказ Максима Белинского «На чистоту», где выводилась «личность нигилиста Сергеева, которому завещан лицом его партии значительный капитал на какое-то общее «дело»; стихотворения Мартова (В. П. Михайлова) «Мимо» и Садовникова «Надейся»; статья Андре Лео «Государственное устройство Италии», высказывающая «явное сочувствие социалистическому правительству», и переводные рассказы «Слесарь Гамен» (за подписью «Quidam») и «Генеральша с деревянной ногой» Леона Кладеля, первый — возбуждающий «ненависть к монархическому принципу в лице Людовика XVI», а второй — выражающий «сочувствие подвигам коммунаров».

На страницах «Слова» впервые дебютировал ссыльный в то время В. Г. Короленко «Эпизодами из жизни искателя» (1879, кн. VII); деятельное участие в журнале принимал Н. Н. Зибер, один из первых в России популяризаторов и пропагандистов экономического учения К. Маркса («Экономическая теория К. Маркса 1878, кн. I, III и сл.); наконец в «Слове» были помещены (1880, кн. X, стр. 77 — 142) «Очерки нашего пореформенного хозяйства» Николая — она (Н. Ф. Даниельсона), статьи, написанные под непосредственным руководством К. Маркса и явившиеся первым опытом приложения марксистского анализа к явлениям русской экономической действительности (ср. Переписку К. Маркса с Николаем—оном, «Летописи марксизма» 1930, кн. II, стр. 25 — 131). После 1 марта 1881 г. «Слово» вынуждено было (на четвертом номере) прекратить свое существование. (Справка Н. И. Мордовченко).

[65] В «Стрекозе» Г. напечатал «Очень коротенький роман» («Стрекоза» от 2. и 9. III. 1888 г., №№ 10 и 11). Другие публикации Г. в этом издании нам неизвестны.

[66] Фельетон Г. «Императорская Академия художеств за 1876—1877 учеб. год» напечатан был в «Новостях» от 21. XII. 1877 г., № 332.

1878

Письмо 122.

[67] О разрыве Г. с О. К. Нотовичем, редактором «Новостей», см. далее его письмо к А. И. Эртелю от 17. VII. 1884 г. (№ 332).

[68] «Сравнение» Некрасова с Пушкиным и Лермонтовым, отмеченное Г., сделано было в речи Ф. М. Достоевского: «Когда я вслух выразил эту мысль, — рассказывает последний в «Дневнике писателя», — то произошел один маленький эпизод: один голос из толпы крикнул, что Некрасов был *выше* Пушкина и Лермонтова и что те были всего только «байронисты». Несколько голосов подхватили и крикнули: «да выше!» Я, впрочем, о высоте и о сравнительных размерах трех поэтов и не думал высказываться. Но вот что вышло потом: в «Биржевых ведомостях» г. Скабичевский, в послании своем к молодежи по поводу значения Некрасова, рассказывал, что будто бы когда *кто-то* (т. е. я) на могиле Некрасова «вздумал сравнивать имя его с именами Пушкина и Лермонтова, вы все (т. е. вся учащаяся молодежь) *в один голос, хором* прокричали: «он был выше, выше их». Смею уверить г. Скабичевского, что ему не так передали и что мне твердо помнится (надеюсь, я не ошибаюсь), что сначала крикнул всего один голос: «выше, выше их» и тут же прибавил, что Пушкин и Лермонтов были «байронисты»... И за тем уже, сейчас после первого голоса, крикнуло еще несколько голосов, но всего только несколько, тысячного же хора я не слыхал, повторяю это и надеюсь, что в этом не ошибаюсь. Я потому так на этом настаиваю, что мне все же было бы чувствительно видеть, что *вся* наша молодежь впадает в такую ошибку» («Дневник писателя», декабрь 1877 г., гл. 2, стр. 312—313). Судя по письму Г., последний склонен был поддержать в этом отношении скорее точку зрения Достоевского, чем его оппонентов. Ср. рассказ Г. В. Плеханова: «Я помню, как однажды, заспорив со мною о «Русских женщинах», покойный Всеволод Гаршин, очень невысоко ставивший поэтический талант Некрасова и резко осуждавший тогда (в годы студенчества) «тенденциозность» его поэзии, с насмешкой продекламировал:

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок...

Несмотря на свое пристрастие к поэту «мести и печали», я вынужден был согласиться, что «возок» плохо рифмуется с «легок» (Г. В. Плеханов «Сочинения», том X. Под редакцией Д. Рязанова. Гиз. [1924], стр. 377).

[69] Сатирическую направленность этих строк расшифровывают воспоминания П. М. Ковалевского, литератора из враждебного Некрасову либерально-дворянского строя: «Многое происходило не в лучшем виде на глазах подбиравшейся каждый час смерти. Не в лучшем виде были и возложения на гроб венков, во время погребального шествия по улицам, переодетыми в баб женщинами с направлением. Венки, бабы, — как это одно с другим не ладится!» (П. М. Ковалевский, «Стихи и воспоминания», СПБ. 1912, стр. 300).

Письмо 124.

[70] Диссертация И. И. Дитятина посвящена была чрезвычайно актуальной для оппозиционной буржуазно-либеральной общественности конца 70-х годов теме — «Городское самоуправление в России до 1870 г.».

Письмо 126.

[71] 24 января 1878 г. В. И. Засулич выстрелом из револьвера легко ранила С.-Петербургского градоначальника генерал-адъютанта Ф. Ф. Тре-

пова. Мотивирован этот террористический акт был систематическими истязаниями политических заключенных в петербургских тюрьмах, ближайшим образом наказанием розгами, по распоряжению Ф. Ф. Трепова, участника демонстрации 6. XII. 1876 г. А. П. Боголюбова (Емельянова). О трехмиллионном состоянии Ф. Ф. Трепова, нажитом взятками, злоупотреблениями по должности и хищениями всякого рода, см. в книге В. Д. Новицкого «Из воспоминаний жандарма», Л. 1929, стр. 188—189.

Письмо 128.

[72] Несмотря на то, что письмо Г. не было даже подписано, И. Н. Крамской немедленно ему ответил. Приводим текст этого письма, переданного В. М. Гаршиным В. В. Стасову в августе 1887 г. для печатавшегося тогда посмертного сборника статей и писем И. Н. Крамского:

СПБ., 16-го февраля 1878 г.

«Милостивый государь, к сожалению мне неизвестный, что я могу вам отвечать на поставленный вопрос! И если б я даже ответил категорически, то разрешит ли мой ответ возникший спор, чрезвычайно для меня лестный, то есть убедит ли тех, кто ясно видит (то есть догадывается), положим, не то, что вы видите? И затем, кто возьмется определить, что даже действительное лицо живого человека, не говоря о картине, выражает только вот это, без примеси чего-то другого? Конечно есть состояния, когда человек крупными буквами изображает на своем лице охватившее его чувство, но такие состояния, сколько я понимаю, относятся к категории наиболее простых. А те душевные движения, которые слишком сложны, и в то же время глубоки до того, что глаз, будучи открытым, не передает уже никаких световых впечатлений мозгу,— такие состояния определяемы быть не могут, по крайней мере при настоящих наших знаниях. Вот первая и самая важная причина невозможности отвечать на вопрос.

«На первый раз, получивши ваше письмо, я решился было не отвечать, так как мне показалось, что в данном случае существует пари. Но, прочитав во второй и в третий раз, я уступил следующему соображению. Если картина возбуждает толки, и даже оживленные, значит в ней есть же что-нибудь; стало быть, искусство может исполнять роль несколько более высшего порядка, чем украшение и забава жизни. Кроме того, в виду прямого вопроса зрителя, публики, обращенного к художнику, может произойти небесполезное объяснение для взаимного знакомства...

«Мне уже не в первый раз приходилось слышать вопрос: «Чтó вы именно хотели выразить?» Вопрос этот, по-моему, возникает только по недоразумению. Художник у художника это спросить может, так как они разумеют нечто отличное от того, о чем спрашивает зритель. Позвольте вместо ответа рассказать, кáк произведение является, чтобы вам не было необходимости задавать вопроса.

«Художников существует две категории, редко встречающихся в чистом типе, но все же до некоторой степени различных. Одни — объективные, так сказать, наблюдающие жизненные явления и их воспроизводящие добросовестно, точно; другие — субъективные. Эти последние формулируют свои симпатии и антипатии, крепко осевшие на дно человеческого сердца, под впечатлениями жизни и опыта. Вы видите, что это из прописей даже, но это ничего. Я, вероятно, принадлежу к последним. Под влиянием ряда впечатлений у меня осело очень тяжелое ощущение от жизни. Я вижу ясно, что есть один момент в жизни каждого человека, мало-мальски созданного по образу и подобию божию, когда на него находит раздумье — пойти ли направо, или налево?.. Мы все знаем, чем обыкновенно кончается подобное колебание. Расширяя дальше мысль, охватывая человечество вообще, я, по собственному опыту, по моему маленькому оригиналу, и только по нему одному, могу догадываться о той

страшной драме, какая и разыгрывалась во время исторических кризисов. И вот у меня является страшная потребность рассказать другим то, что̀ я думаю. Но ка̀к рассказать? Чем, каким способом я могу быть понят? По свойству натуры, язык иероглифа для меня доступнее всего. И вот я однажды, когда особенно был этим занят, гуляя, работая, лежа и проч. и проч., вдруг увидал фигуру, сидящую в глубоком раздумье. Я очень осторожно стал всматриваться, ходить около нее, и во все время моего наблюдения, очень долгого, она не пошевелилась, меня не замечала. Его дума была так серьезна и глубока, что я заставал его постоянно в одном положении. Он сел так, когда солнце было еще перед ним, сел усталый, измученный, сначала он проводил глазами солнце, затем не заметил ночи, и на заре уже, когда солнце должно подняться сзади его, он все продолжал сидеть неподвижно. И нельзя сказать, чтобы он вовсе был нечувствителен к ощущениям: нет, он, под влиянием наступившего утреннего холода, инстинктивно прижал локти ближе к телу, и только впрочем; губы его как бы засохли, слиплись от долгого молчания, и только глаза выдавали внутреннюю работу, хотя ничего не видели, да брови изредка ходили — то подымется одна, то другая. Мне стало ясно, что он занят важным для него вопросом, настолько важным, что̀ к страшной физической усталости он нечувствителен. Он точно постарел на 10 лет, но все же я догадывался, что это такого рода характер, который, имея силу все сокрушить, одаренный талантами покорить себе весь мир, решается не сделать того, куда влекут его животные наклонности. И я был уверен, потому что я его видел, что, что̀ бы он ни решил, он не может упасть. Кто это был? Я не знаю. По всей вероятности, это была галлюцинация; я в действительности, надо думать, не видал его. Мне показалось, что это всего лучше подходит к тому, что̀ мне хотелось рассказать. Тут мне даже ничего не нужно было придумывать, я только старался скопировать. И когда кончил, то дал ему дерзкое название. Но если бы я мог в то время, когда его наблюдал, написать его, Христос ли это? Не знаю. Да и кто скажет, какой он был? Напав случайно на этого человека, всмотревшись в него, я до такой степени почувствовал успокоение, что вопрос личный для меня был решен. Я уже знал и дальше: я знал, чем это кончится. И меня нисколько не пугала та развязка, которая его ожидает. Я нахожу уже это естественным, фатальным даже. А если это естественно, то не все ли равно? Да даже лучше, что оно так кончилось, потому что вообразите торжество: его все признают, слушают, Он победил — да разве ж это не было бы в тысячу раз хуже? Разве могли бы открыться для человечества те перспективы, которыми мы полны, которые дают колоссальную силу людям стремиться вперед? Я знаю только, что утром, с восходом солнца, человек этот исчез. И я отделался от постоянного его преследования.

«Итак, это не Христос. То есть я не знаю, кто̀ это? Это есть выражение моих личных мыслей. Какой момент? Переходный. Что̀ за этим следует? Продолжение в следующей книге.

«Извините что я наговорил много и ничего ясного. Очень будет жаль, если все это было вызвано шуткой» («И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и худож.-крит. статьи», СПБ. 1888, стр. 379—382).

Характерно, что некоторые из затронутых В. М. Гаршиным вопросов подняты были еще в статье А. Шкляревского «По поводу картины г. Крамского «Спаситель в пустыне» («Киевлянин» 1873 г., № 147). Ср. замечания И. Н. Крамского по поводу этой статьи в письме его к А. Д. Чиркину от 27. XII. 1873 г. («И. Н. Крамской», СПБ. 1888, стр. 185—188). Принадлежность неподписанного письма от 14. II. 1878 г. Гаршину осталась Крамскому неизвестной и после личных встреч его с Г. Последние, впрочем, были случайны и даже в простое знакомство не перешли. Так, 1. III. 1884 г. И. Н. Крамской писал Ф. И. Булгакову: «Я не был на обеде ⟨передвижников⟩, но знаю, что из литераторов были только двое: Гаршин и Эртель (которых я лично и не знаю: по крайней

мере Эртеля даже никогда не видал), которые об искусстве, кажется, и не пишут, а если пишут, то и об этом я слышу тоже только в первый раз» («И. Н. Крамской». СПБ. 1888, стр. 476). О сношениях с И. Н. Крамским см. письмо Г. к матери от 19. II. 1878 г. и воспоминания И. Павловского «Дебюты В. М. Гаршина» («Красный Цветок», СПБ. 1889, стр. 22—23).

Письмо 129.

[73] «Вещица», о работе над которой упоминает Г., — «Происшествие», второй из опубликованных им в «Отеч. Зап.» рассказов. О печатании его см. далее письма Г. от 19 февраля, 9, 14 и 17 марта 1878 г.

Письмо 130.

[74] См. примеч. 72.

Письмо 131.

[75] О работе над «Происшествием» см. примеч. 73.

[76] См. примеч. 72.

Письмо 134.

[77] «Происшествие» Г. помещено было в «Отеч. Зап.» 1878, кн. III, стр. 129—144. О сомнениях Г. по поводу этого рассказа см. письма Г., перечисленные в примеч. 73.

Письмо 135.

[78] См. примеч. 77.

Письмо 144.

[79] «Маленький рассказец», о работе над которым Г. упоминает в этом письме, — очевидно «Трус». О продолжении работы см. далее письма Г. от 3. X. 5. 11. 17. 23. XI 1878 г.

[80] В самом начале 1880 г. А. Я. Герд выпустил в свет «Определитель птиц Европейской России по Кейзейрлингу и Блазиусу», СПБ. 1880. Мы полагаем, что упоминание Г. относится к участию его именно в этой работе.

[81] Ф. К. Долинин был, как политически неблагонадежный, выслан из Петербурга в Вологодскую губ. по распоряжению министра внутр. дел от 9. VIII. 1878 г. («Деятели рев. движ. в России». Био-библиогр. словарь, т. II, вып. 1, М. 1929, стр. 365), а И. Я. Павловский, высланный из Петербурга в Пинегу еще в апреле 1878 г. за участие в демонстрации после оправдания В. Засулич, бежал из ссылки 30. V. 1878 г. («Деятели рев. движ. в России», т. II, вып. 3, М. 1931, стр. 1132). Воспоминания И. Я. Павловского о встречах его с Г. в конце 1877 и в начале 1878 г. см. в сб. «Красный Цветок», СПБ. 1889, стр. 17—24. Об А. Е. Сентянине, оказавшем вооруженное сопротивление при аресте его в Харькове 29. VIII. 1878 г. см. по указателю.

Письмо 145.

[82] См. примеч. 79.

Письмо 147.

[83] См. примеч. 79 и 87.

[84] Г. имеет в виду реакционный памфлет П. Цитовича «Ответ на письма к ученым людям», Одесса 1878. Полемизируя с Н. К. Михайловским и другими сотрудниками «Отеч. записок», одесский мракобес обвинял русскую радикально-демократическую публицистику между прочим и в том, что «во имя последних выводов науки и рефлексов головного мозга» она «надолго искалечила не только нравственный облик, но даже наружный образ русской женщины»: «Вы, раздаятели «живой воды», раз-

вратили ее ум и растлили ее сердце. В этом уме была игривость, — из нее сделали блудливость; в этом сердце было увлечение, — его превратили в похоть. Она была способна на жертву, — из нее сделали искательницу приключений; она живо соображала, — ее научили бредить. Полюбуйтесь же на нее: мужской плащ, мужская шапка, грязные юбки, оборванное платье, бронзовый или зеленоватый цвет лица, подбородок вперед, в мутных глазах всё: усталость, тоска, злоба, какая-то глубокая ночь с отблеском болотного огня». (стр. 26 — 27). О шуме, вызванном этой брошюрой, см. «Вестник Европы» 1878, кн. XII, стр. 818 — 832.

Письмо 148.

[85] О работе над «Трусом» см. примеч. 79 и 87.

Письмо 149.

[86] Первый рассказ, о котором упоминает Г., это «Трус», а второй, очевидно, «Встреча».

Письмо 150.

[87] Опасения Г. о нецензурности первой редакции «Труса» (Из записной книжки) оправдались. В бумагах Г. сохранилась следующая записка об этом М. Е. Салтыкова:

«Я прочитал вашу вещь, уважаемый Всеволод Михайлович, и она мне понравилась. Но печатать ее в этом виде, при нынешних условиях, решительно нельзя. Поэтому не будете ли вы так любезны зайти ко мне переговорить об этом предмете. Я болен, и еще дня три, во всяком случае, не буду выходить.

Ваш *М. Салтыков*»

26 ноября.

О работе Г. над переделкой рассказа см. его письма от 16, 24 и 29 января 1878 г.

Письмо 151.

[88] Справки, которые наводил Г., связаны были, очевидно, с судьбой арестованных участников волнений в Петербургской Медико-хирургической академии. Данные об И. А. Гаркави см. в указателе.

[89] Рассказ, об окончании которого упоминает Г. в этом письме, очевидно, «Встреча»; о начале работы над нею см. выше письмо Г. от 17 XI. 1878 г. Замысел же повести об «Илларионове и Яше» (см. стр. 169) остался неосуществленным.

[90] Женщина-врач, которую характеризует Г. в этом письме, — вероятно Н. П. Яновская (по мужу Драгневич). См. упоминание о ней в письме Г. от начала августа 1879 г.

[91] О болезни Квитки, использованной в «Трусе», см. примеч. 31.

1879

Письмо 153.

[92] Рассказ «Клен» напечатан в «Семье и школе» 1878 г., № 8 (август), стр. 129 — 132, с подписью «Р. С-кая». Автором рассказа была А. К. Розалион-Сошальская. О «Клене» см. еще письмо Г. от 5. II. 1879 г.

Письмо 155.

[93] О причинах переработки «Труса (Из записной книжки)» см. примеч. 87.

[94] «Протест профессоров Харьковского университета», упоминаемый Г., нам неизвестен. Возможно, что речь идет о записке под названием «Проект отзыва правительству на его сообщение о преступной пропа-

ганде», внесенной в 1878 г. проф. Е. С. Гордеенко в Харьковское губернское земское собрание. См. об этой записке харьковских либералов в книге И. П. Белоконского «Земство и конституция», М. 1910, стр. 13 — 14.

[95] Г. имеет в виду панику в Петербурге в связи с слухами о заносе в столицу чумы из Ветлянки (Астраханской губ.), куда специально для борьбы с эпидемией командирован был 20. I. 1879 с чрезвычайными полномочиями генерал-адъютант М. Т. Лорис-Меликов.

Письмо 156.

[96] О «Трусе» и «Встрече» см. примеч. 87 и 98.

Письмо 157.

[97] См. примеч. 92.

[98] «Встреча» напечатана была в «Отеч. Зап.» 1878, кн. IV, стр. 555—572, а «Трус (Из записной книжки)» — в «Отеч. Зап.» 1878, кн. III, стр. 145 — 164.

Письмо 158.

[99] «Русская Правда» — ежедневная, «политическая, общественная и литературная» газета, издавалась Д. К. Гирсом с 1. X. 1878 г., при ближайшем участии основного ядра сотрудников «Отеч. Зап.» (о редакции «Русской правды», тесно связанной с «Отеч. зап.», см. «Воспоминания Н. С. Русанова», М. 1931, стр. 172 — 174). Первое предостережение «Русская правда» получила 9. X. 1878 г. за фельетон Д. К. Гирса «Открытое письмо к генерал-адъютанту А. Р. Дрентельну» (№ 8) по поводу назначения последнего шефом жандармов и начальником III Отделения вместо Н. В. Мезенцева, убитого С. М. Кравчинским. Второе предостережение — 21. I. 1879 г. за передовую статью (№ 14, от 15. I.) с резкими выпадами против «газетных шовинистов», утверждавшую, что «шовинизм — это в настоящую минуту зло первой для России важности». Несомненно, что «письмо» Д. К. Гирса, адресованное вновь назначенному шефу жандармов, с советами «не ожесточать сердца» и «не создавать излишних недовольных в обществе», равно как и статья против «газетных шовинистов» импонировали автору «Четырех дней», годом спустя, подобно Д. К. Гирсу, и в сходных тонах обращавшемуся к Лорис-Меликову (см. примеч. 125).

14 февраля 1879 г. «Русская правда», «в виду вредного направления», «выразившегося преимущественно в суждениях и отзывах, напечатанных в отделе «Меж газет и журналов», №№ 31, 37, 41 и 43» получила третье предостережение, «с приостановлением издания на четыре месяца» (см. «Голос» от 16. II. 1879 г., № 47). Поводами к приостановлению газеты послужили статьи и обзоры, связанные с характеристикой общего положения России после войны, с неудачами внешней политики и, наконец, высказывания по поводу болгарской конституции и российского бесправия. Полемизируя с органами умеренно-либеральной и реакционной прессы, «Русския правда» писала: «Народ наш думает свою крепку думу без шуму», и оттого-то эта «дума» или игнорируется, или вовсе отрицается, или толкуется вкривь и вкось, сообразно своим собственным излюбленным идеям. Именем народа злоупотребляют все, на его желания опирается каждый, и эта печальная комедия, в которой с равным правом фигурируют и друзья и враги народа, прекратится только тогда, когда наша жизнь даст место для тех или других органов, которые бы могли служить непосредственными выразителями «народного сознания» (№ 31, 1. II.). 16. IV. 1879 г. «Русская правда» была возобновлена, но через четыре месяца вторично приостановлена на пять месяцев; по возобновлении издания 1. III. 1880 г. (пору «диктатуры сердца») вновь получила предостережение 14. III, а 16. III. была закрыта самим редактором-издателем,

заявившим в последнем номере газеты следующее: «Полученное нами сегодня предостережение окончательно убедило нас, что мы, при всей осторожности, не в силах избавить наше издание от цензурных взысканий. При таком убеждении мы не можем уже продолжать наше дело и вынужденно, — с глубокою болью в сердце, — приостанавливаем «Русскую правду» до более благоприятного времени».

Письмо 159.

[100] Дата этого письма, первая страница которого не сохранилась, устанавливается нами на основании, во-первых, связи его с письмом Г. от 17. II 1879 г. (упоминание о справке для Ю. Н. Говорухи-Отрока) и, во-вторых, в виду данных его о «Царевне Софье» И. Е. Репина, впервые появившейся на 7-ой выставке передвижников, открывшейся 23. II. 1879 г. Не противоречит этой датировке и полемика в конце письма о «Больном месте» Салтыкова-Щедрина, напечатанном в январской книге «Отеч. Зап.» 1879 г.

Письмо 160.

[101] «Большое произведение», о начале работы над которым сообщает Г., очевидно, «Надежда Николаевна». См. об этом замысле письмо его от 18. XII. 1879 г.

Письмо 161.

[102] О георгиевском кресте, к которому дважды был представлен Г., см. примеч. 63.

[103] «Фантастическая сказка», об окончании которой упоминает Г., — «Attalea princeps». О причинах ее ненапечатания в «Отеч. Зап.» см. письмо Г. от 29. VIII. 1879 г.

Письмо 162.

[104] «Работа», о которой упоминает Г., очевидно, рассказ «Художники». См. письма Г. от 23. VI. и 3. VII. 1879 г.

Письмо 166.

[105] «Новый рассказ», о начале работы над которым упоминает Г. — «Денщик и офицер», начало хроники «Люди и война». См. письмо Г. от 24. VII. и 29. VIII. 1879 г., от 10. и 22. II. 1880 г.

[106] Дело прапорщика лейб-гвардии саперного баталиона К. Ф. Ландсберга, блестящего офицера, зарезавшего 25. V. 1879 г., с целью грабежа, петербургского ростовщика Власова и его служанку, слушалось в С.-Петербургском окружном суде 5. VII. 1879 г. Убийца был приговорен к лишению всех прав состояния и к пятнадцати годам каторжных работ. О деле Ландсберга см. воспоминания А. Ф. Кони «На жизненном пути», т. I, СПБ. 1912, стр. 77 — 87.

Письмо 167.

[107] Пропуски при публикации письма в 1889 г. объяснялись цензурными условиями. Как объясняет сам В. А. Фаусек, Г. «по приезде в ⟨Амвросиевку⟩ наскочил на неожиданное событие в доме его знакомых, которое и описывает весьма забавно под титулом трагического элемента. Этот «трагический элемент», впрочем благополучно окончившийся, я, к сожалению, должен пропустить... Разговор его с «цыганской мордой», весьма курьезного свойства, к сожалению, тоже относится к категории «трагического элемента и потому должен быть пропущен» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 83 — 84). Под «трагическим элементом» следует, конечно, разуметь бытовые осложнения, обусловленные полицейским террором 1879 г. См. выше письмо Г. от 23. VI. 1879 г. об этой же поездке его в Амвросиевку (обыск у Дорфманов и пр.).

Письмо 170.

[108] «Новый полковник», охарактеризованный Г. как «порядочная дубина», — полковник барон Г. А. Аминов, командир Болховского пехотного полка с 21. IV. 1878 по 6. V. 1881 г.

Письмо 172.

[109] «Attalea princeps» напечатана была Г. в первой книжке «Русского Богатства» 1880 г. Судя по воспоминаниям Н. С. Русанова, «Гаршин был очень огорчен тем, что его грациозная сказочка «Атталеа принцепс» (которая была помещена позже в нашем артельном «Русском Богатстве») была отвергнута Щедриным за ее недоуменный конец: читатель не поймет и плюнет на все!» (Н. С. Русанов, «На родине». Воспоминания, т. I, М. 1931, стр. 231). О резком отзыве М. Е. Салтыкова об «Attalea princeps» после опубликования отвергнутого им рассказа в «Русском Богатстве» см. воспоминания Н. Н. Златовратского («Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», СПБ. 1897, стр. 400—403). Ср. свидетельство В. Г. Короленко: «Большинство своих рассказов Г. отдавал в «Отеч. зап.»; «Attalea princeps» появилась в другом журнале, и говорили, что Щедрин не захотел ее напечатать именно потому, что она «наводит уныние». На фоне общего оптимизма и надежд рассказ этот действительно звучал пророчеством Кассандры» («Ист. русск. лит. XIX в.» под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского, т. IV, М. 1910, стр. 353).

Для настроений революционной общественности 70—80-х гг. очень характерна резкая отповедь Гаршину в журнале «Дело». Для анонимного рецензента этого издания, как в свое время и для М. Е. Салтыкова, была совершенно неприемлема пессимистическая концовка рассказа:

«Симпатии автора, конечно, лежат на стороне его смелой и самоотверженной героини, — отмечал критик. — Но дело в том, что Attalea г. Гаршина, добившись своей цели, тут же и разочаровывается жестоко: «только-то? — думала она. — И это все, из-за чего я томилась и страдала так долго? И этого-то достигнуть было для меня высочайшей целью»?

«Это чисто субъективная черта г. Гаршина, и притом черта, определяющая всю его литературную физиономию. Он страдает, именно страдает каким-то странным скептицизмом, каким-то недоверием к жизни и неверием в людей. Наша борьба представляется ему бессмысленной сутолокой, по поводу наших идеалов он спрашивает «только-то?» Это именно г. Гаршин, а не его Attalea спрашивает, потому что кому же неизвестно, что главная сила людей, подобных этой пальме, заключается в цельности их чувств, в могущественности их мнений и желаний, в их, наконец, *вере*. Достигнув своего идеала, они не спросят «только-то?» и не погибнут с отчаяния, а лягут в могилу, успокоенные и умиротворенные. Так, по крайней мере, вопреки мнению г. Гаршина, говорит нам история» («Дело» 1882, кн. VIII, отд. 2, стр. 45—46).

Письмо 173.

[110] Петр Петрович Кончаловский, старый друг семьи Гаршиных, был арестован в июне 1879 г. по обвинению в революционной пропаганде среди крестьян Харьковской губ. и, «в виду крайней политической неблагонадежности и вредного влияния», выслан в Холмогоры.

Письмо 177.

[111] Работа эта выпущена была А. Я. Гердом (без ссылок на участие В. М. Гаршина) под названием «Определитель птиц Европейской России по Кейзейрлингу и Блазиусу», СПБ. 1880. К ней же относятся упоминания в письмах Г. от 18. IX. 1878 г., и от 2 и 8. XII. 1879 г. и 7. I. 1880 г.

Письмо 178.

[112] См. примеч. 111.

Письмо 180.

[113] План повести «Надежда Николаевна», о начале работы над которой см. примеч. 101, был осуществлен только в 1885 г. О приостановке этой повести см. письма Г. от 7 и 25. I. 1880.

1880

Письмо 182.

[114] О переводе «Определителя птиц» см. примеч. 111.

Письмо 183.

[115] Об участии Гаршина в «Русских Ведомостях» см. письма его от 13. II., 13. III. 1880 г. и примеч. 123.

[116] Третье предостережение, с приостановкой издания на три месяца, объявлено было министром внутренних дел журналу «Слово» 10. I. 1880 г. О мотивах приостановки издания см. примеч. 64.

Письмо 184.

[117] «Маленький рассказ», заканчиваемый Г. для «Отеч. зап.» — «Ночь» (см. примеч. 122), а сказка для второй книжки «Русского Богатства» — «То, чего не было». См. письмо Г. от 11. III. 1882 г.

Письмо 185.

[118] См. примеч. 117 и 122.

Письмо 186.

[119] Террористический акт, организованный Степаном Халтуриным 5 февраля 1880 г. в помещении Зимнего дворца, не дал, как известно, положительных результатов. Александр II на этот раз уцелел, а от взрыва динамита, судя по «правительственному сообщению» от 9 февраля 1880 г.' жестоко пострадали только солдаты дворцовой охраны: «Из бывших в караульной команде нижних чинов лейб-гвардии Финляндского полка 10 человек убито и 44 ранено» («Правительственный вестник» 1880 г., № 34). Вопреки предположениям Г., этот неудавшийся террористический акт был санкционирован Исполнительным комитетом «Народной Воли».

[120] О начале работы Г. над хроникой «Люди и война» см. примеч. 105; «рассказик», сданный М. Е. Салтыкову, — «Ночь».

[121] Личное знакомство Г. с Тургеневым не состоялось: «Я надеялся познакомиться с Вами в Петербурге, через посредство Г. И. Успенского, но Вы тогда уже уехали оттуда», писал Тургенев 14. VI. 1880 г. Гаршину («Атеней», под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана, кн. III, 1926, стр. 125). Свидетельство это, подтверждаемое молчанием об этом знакомстве в письмах самого Г., позволяет отнести к области чистого вымысла известный рассказ Н. С. Русанова о знакомстве и беседе Т. с Гаршиным во время свидания Тургенева с сотрудниками «Русского Богатства» и «Слова» в квартире миллионера К. М. Сибирякова («Былое» 1906, кн. XII, стр. 42—49). Об интересе Тургенева к самой личности Гаршина в 1880 г. см. С. Н. Кривенко, «Из литературных воспоминаний» («Исторический Вестник» 1890, кн. II, стр. 274—276).

Письмо 187.

[122] Рассказ «Ночь» появился в «Отеч. зап.» 1880, кн. VI, стр. 397—412. Письмо Салтыкова, на которое ссылается Г., сохранилось в его архиве:

«Многоуважаемый Всеволод Михайлович!

Прочитав ваш рассказ, я нахожу его весьма хорошим и думаю в мартовской книжке его поместить.

Искренно вам преданный

10 февраля. *М. Салтыков*»

[123] Письмо Г. от 13. II. 1800 г. позволяет установить принадлежность ему двух статей в «Русских Ведомостях» 1880 г., с подписью *В. Г-н.*: 1) «Художественная выставка в Петербурге», («Русские ведомости» от 24. I. 1880 г., № 23) и 2) «Выставка в помещении Общества поощрения художников» («Русские Ведомости» от 21. II. 1880 г., № 49). Обе эти статьи не были известны исследователям Г. и впервые перепечатываются в настоящем издании его сочинений. Об участии Г. в «Русских Ведомостях» см. еще письмо его от 17. I. 1880 г.

Письмо 188.

[124] Имена организаторов и ближайших сотрудников артельного журнала «Русское Богатство» обозначены были в объявлении о подписке: «В журнале принимают участие: гг. Н. Ф. Анненский, Н. Ф. Бажин, В. М. Гаршин, В. А. Гольцев, П. В. Засодимский, Н. Н. Златовратский, С. Н. Кривенко, Н. И. Наумов, Ф. Д. Нефедов, В. И. Орлов, Н. С. Русанов, В. Ю. Скалон, Л. Н. Трефолев, Гл. И. Успенский, А. И. Эртель, Е. И. Якушкин, Н. М. Ядринцев и др.». Как штатные сотрудники «Отеч. зап.» не могли быть обозначены в этом перечне М. А. Протопопов и А. М. Скабичевский, а по опасениям цензурно-полицейского порядка — В. В. Берви-Флеровский и Г. В. Плеханов. Об известном расслоении в рядах сотрудников «Отеч. Зап.» в связи с изданием «Русского Богатства» см. воспоминания Н. С. Русанова («На родине», т. I, М. 1931, стр. 230 — 233 и 254 — 257). Ценную критическую сводку материалов по истории первых лет «Русского Богатства» дает Б. П. Козьмин в сборн. статей «От девятнадцатого февраля» к «первому марта», М., 1933, стр. 214 — 253.

Письмо 189.

[125] Письмо Г. к М. Т. Лорис-Меликову набросано на вложенных один в другой двух листках почтовой бумаги обычного формата. Бумага использована для письма (непомерно крупными буквами) лишь с одной стороны; на оборот листа строки переходят лишь в одном месте, в самом конце. Письменное обращение, а затем и визит Г. к Лорис-Меликову вызваны были следующими обстоятельствами: 20 февраля 1880 г., через восемь дней после учреждения Верховной распорядительной комиссии с генерал-адъютантом М. Т. Лорис-Меликовым во главе, состоялось покушение на жизнь диктатора. Без санкции и даже без ведома Исполнительного комитета «Народной воли», Ипполит Млодецкий, административно-ссыльный, близкий кругам революционного народничества, попытался застрелить Лорис-Меликова у подъезда канцелярии Министерства внутренних дел. Диктатор остался невредим, а И. Млодецкий, схваченный на месте покушения, на следующее же утро предстал перед военным судом. Заседание последнего открылось 21 февраля, в $10^1/_2$ часов утра, а в час пополудни Млодецкий был уже приговорен к смертной казни через повешение. Последнее слово оставалось, однако, еще за самим Лорис-Меликовым.

«За два дня до казни Млодецкого, — рассказывает Н. С. Русанов, — мне пришлось случайно ночевать у Гаршина. Он жил в то время по Садовой, в огромном доме Яковлева, нанимая меблированную комнату вместе с художником Малышевым... Мы уже давно улеглись с художником, а Гаршин все еще был на ногах, нервно бегал по комнате, что-то писал и рвал и опять писал, пил воду стакан за стаканом, ломал в отчаянии руки, сдерживая рыдания, наконец наскоро накинул пальто и шапку и выбежал... Мы заснули... Часов в 9 утра вбегает к нам, как сумасшедшая, коридорная женщина и просит нас встать, так как к нам идут частный пристав с околоточным... Спросонья мы не могли ничего понять. «Здесь квартирует г. Гаршин-с?» — осведомился просунувший свой нос в дверь пристав. — «Здесь... А что?» — «Я прислан справиться, точно ли здесь квартира г-на подпоручика Гаршина и жил ли он здесь до последнего

времени»? — «Не только жил, а живет и вышел несколько часов тому назад и, может быть, сейчас же вернется». Нам показалось, что на последние наши слова полицейский нос улыбнулся, зная, очевидно, об этом больше нашего. Дверь захлопнулась.

«Беспокойство овладело нами. Мы вскочили, наскоро напились чаю и отправились по разным знакомым разыскивать Гаршина. Его никто не видел. Так прошел мучительный день, наступил другой. Я сидел в редакции старого «Русского богатства». Вдруг является туда Гаршин, нервный больше даже, чем по обыкновению, и страшно сконфуженный. Он бросился, как малое дитя к матери, к своему близкому приятелю С. Н. Кривенко и сейчас же потащил его в отдельную комнату: «Мне надо поговорить с вами, голубчик, непременно надо», — твердил он умоляющим голосом. Минут 10 спустя он выскочил в редакционную комнату, а оттуда в переднюю и вдруг, вернувшись на минуту, обнял своего собеседника и снова умоляющим голосом заговорил: «Вы не сердитесь, голубчик, на меня? Нет, не сердитесь? Скажите, что не сердитесь... Ах, мне и без того тяжело...». Получив успокоительный ответ, Гаршин скрылся.

«Вот что, оказалось, сделал внезапно ушедший от нас ночью Гаршин. Когда он узнал, что Млодецкий послезавтра должен быть повешен, он решил сначала написать к Лорис-Меликову письмо, прося в нем помиловать Млодецкого. Но ему все казалось, что у него выходит недостаточно красноречиво, и он рвал лист за листом. Наконец он предпочел пойти к Лорису, чтобы при личном свидании объяснить тому всю необходимость простить стрелявшего. Он, действительно, явился в 6 часов утра и настойчиво просил дежурного офицера передать его, гаршинскую, визитную карточку спавшему еще в то время всемогущему диктатору. Лорис-Меликов, который любил прикидываться человеком образованным и даже следящим за отечественной литературой, вспомнил, что действительно есть такой себе на свете писатель Гаршин, и припомнил, кроме того, что он знал этого Гаршина еще раньше, как добровольца во время русско-турецкой войны. Гаршин был даже ранен там и получил, кажется, чин подпоручика за храбрость. Лорис был заинтересован ранним посещением неожиданного просителя и принял его не в урочный час.

«Сначала Гаршин пытался горячо доказывать диктатору, как было бы гуманно, тактично и даже полезно в общественном смысле с его стороны помиловать Млодецкого, тем более, что этот покушался именно на Лорис-Меликова, да и покушение не удалось. Но Лорис и тут показал себя тем, чем всегда был: дрянным честолюбцем и шкурным человеком, разыгрывавшим роль самоотверженного государственногодеятеля. Он стал прятаться за высшие принципы, за необходимость неукоснительного подавления преступлений, говорил, что будто бы прощение Млодецкого зависит не от него, а от государя. Взволнованный до глубины души Гаршин вздумал прибегнуть к военной хитрости: «Граф, — крикнул он, — а что вы скажете, если я брошусь на вас и оцарапаю: у меня под каждым ногтем маленький пузырек смертельного яда — и вы мертвы». Конечно граф отлично видел своего страшного врага, этого симпатичного, еле державшегося на ногах от волнения юношу, и отлично понимал наивность угрозы. Но все-таки не преминул разыграть великого храбреца: «Гаршин, вы были солдатом, а я и теперь, по воле монарха, солдат на посту; как же вам пришло в голову пугать меня смертью: сколько раз мы смотрели ей с вами в глаза?» Обескураженный Гаршин и не заметил всего комизма этого актерства, был даже тронут ответом Лориса и вдруг, зарыдав, снова стал умолять азиата-царедворца помиловать Млодецкого, дошел чуть не до обморока; наконец добился от Меликова обещания хоть на время отложить казнь и снова рассмотреть дело... Как и следовало ожидать, обещание не было исполнено, и Млодецкого вздернули в заранее назначенный срок» («Былое» 1906, кн. XII, стр. 50—52. Ср. «С родины на родину» № 4, Женева 1894 г., стр. 302—303).

Наблюдать Гаршина после этого визита к «диктатору» привелось и Г. И. Успенскому, несколько более схематичный рассказ которого (цензурные рамки обусловили в нем ряд характерных умолчаний и сокращений) в общем совпадает с версией Н. С. Русанова:

«Несколько писателей собрались где-то в Дмитровском переулке, в только что нанятой квартирке, не имевшей еще мебели, пустой и холодной, чтобы переговорить о возобновлении старого «Русского богатства». В числе прочих был В. М. Гаршин. Его ненормальное возбужденное состояние сразу обратило на себя всеобщее внимание. Никто не видал Гаршина в таком виде, в каком он явился в этот раз. Охрипший, с глазами налитыми и постоянно затопляемыми слезами, он рассказывал какую-то ужасную историю, но не договаривал, прерывал, плакал и бегал в кухню под кран пить воду и мочить голову... Только тогда, когда кто-то из знавших Гаршина ближе меня увез его домой, я мог спросить: что такое с ним случилось? А с Гаршиным было следующее: накануне того дня, когда я его видел в новорождавшейся редакции, он ночью в три часа, также для храбрости, выпил вина (вообще он совершенно не пил вина), почти ворвался к одному высокопоставленному лицу в Петербурге, добился, что лицо это разбудили, и стал умолять его на коленях, в слезах, от глубины души, с воплями раздирающегося на части сердца, о снисхождении к какому-то лицу, подлежавшему строгому наказанию. Говорят, что высокое лицо сказало ему несколько успокоительных слов, и он ушел. Но он не спал всю ночь, быть может, весь предшествовавший день; он охрип именно от напряженной мольбы, от крика милосердия и, зная сам, что по тысяче причин просьба его — дело невыполнимое, стал уже хворать, болеть, пил стаканами рижский бальзам, плакал, потом скрылся из Петербурга, оказался где-то в чьем-то имении, в Тульской губернии, верхом на лошади, в одном сюртуке, потом пешком по грязи доплелся до Ясной Поляны, потом еще куда-то ушел, — словом, поступал «как сумасшедший», пока не дошел до состояния, в котором больного кладут в больницу. Таким образом «*как сумасшедшим*» Гаршин сделался в этот раз не потому только, что он в этом отношении уже испорчен наследственностью, что он только был *болен*, но потому, что его наследственную *болезнь* питали впечатления действительной жизни» («Полн. собр. соч. Гаршина», изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1910, стр. 83—84).

В. А. Фаусек, один из самых близких приятелей Гаршина, видевшийся с ним несколько недель спустя, когда В. М. «на границе полного безумия» привезен был к родным в Харьков, передает, как во время одной из прогулок необычайно возбужденный писатель рассказал ему «вкратце про свое посещение гр. Лорис-Меликова перед отъездом из Петербурга, посещение, странные и трогательные подробности которого я узнал лишь позднее у него же, когда он, уже здоровый, передавал мне все, что было с ним в эту ночь, его поведение, его речи и ответы графа...» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889 г., стр. 91).

Как свидетельствует М. Е. Малышев: Г., рассказывая утром 22 февраля о своем посещении М. Т. Лорис-Меликова, «осыпал горячими похвалами своего собеседника и восторженно ждал от него великих дел» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ, 1889, стр. 128). Даже самая казнь Млодецкого, судя по воспоминаниям И. И. Попова, «как будто бы не вызвала никакой реакции в Гаршине. По словам брата, он как бы одеревенел; о казни Млодецкого ни он, ни его товарищи с ним не говорили» (И. И. Попов, «Минувшее и пережитое», П. 1924, стр. 36).

Сводку и разбор основных материалов, относящихся к выступлению Г. в защиту И. О. Млодецкого, см. в статье Ю. Г. Оксмана «Всеволод Гаршин в дни диктатуры сердца» («Каторга и ссылка» 1925, кн. II, стр. 126—135). Из неизвестных до последнего времени материалов о встрече Г. с Лорис-Меликовым особенно интересны печатаемые нами воспоминания Н. М. Гаршиной. См. далее стр. 526.

Письмо 189.

126 О взрыве в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. см. примеч. 119.

Письмо 191.

127 «Благородный человек» — М. Т. Лорис-Меликов. Об отношении Г. к казни Млодецкого см. примеч. 125.

Рассказ «Денщик Никита» напечатан был в «Русском Богатстве» 1880, кн. III (март), стр. 109—125, с заголовком «Люди и война». Глава первая, а во второй книжке «Рассказов» Г. (1885) он же был перепечатан под названием «Денщик и офицер», О работе Г. над этой вещью см. примеч. 105 и письма № 196, 199, 200, 201.

Письмо 192.

128 Строки письма Гаршина о «миросозерцании», против законности которого он якобы «в безумии спорил» еще недавно с Ю. Н. Говорухой-Отроком, в воспоминаниях последнего охарактеризованы были следующим образом: «Довольно долго мы были с покойным В. М. очень дружны и очень откровенны. Познакомились мы давно — ровно десять лет назад <т. е. весною 1878 г.?>. Были мы почти одних лет, имели одинаковую склонность — к литературе, оба только что пережили ряд тяжелых впечатлений, хотя и разного характера: когда мы познакомились, В. М. только что, раненый, вернулся с войны, а я только что был выпущен на свободу после трехгодичного одиночного заключения по политическому делу. Очень уже много было у нас общих мыслей и общих отвлеченных интересов, и мы сразу сошлись; сразу же, как говорится с первого слова, так и въехали в область «мировых» и «проклятых» вопросов. Мы тогда, подобно многим тогдашним молодым людям, даже свои житейские, сердечные дела и т. п. сводили более к «мировым» и «проклятым» вопросам... Я помню хорошо один наш разговор, так хорошо и отчетливо, будто это происходило вчера, а не восемь лет назад. Было это здесь, в Харькове, как раз в ночь под Светлый праздник. Мы пошли бродить по городу, заходили в полутемные церкви, где читались «Деяния», с университетской горки смотрели на движущиеся по всем направлениям огоньки, мерцавшие в фонариках переходящей из церкви в церковь толпы... А весенний воздух был так мягок и душист, а панорама потонувшего в сиянии луны города так поэтична. Не хотелось говорить — хотелось только дышать этим воздухом, смотреть на эту лунную ночь, на эту движущуюся с глухим гулом толпу... Вспоминалось что-то забытое, замершее... Но, в конце концов, разговор свелся на то же... Как это у Гамлета?

> Кто снес бы бич и посмеянье века,
> Бессилье прав, тиранов притесненья,
> Обиды сильного, забытую любовь,
> Презренных душ презрение к заслугам
> Когда бы все окончить мог один удар...
> Кто нес бы бремя жизни, с проклятьями, слезами...

Вот об этом самом и говорили, конечно, другими словами, в других формах — говорили и о возможности «примирения»... Говорили долго, сидя на ступеньках какой-то церкви. Уже ударили в колокол, уже священники и народ прошли мимо нас с хоругвями и крестами; мы видели, как процессия обошла вокруг церкви, потом услышали пение — «Христос воскресе!»

«Я помню хорошо эту минуту. Луна ярко освещала лицо В. М., крупные слезы катились из его глаз. И сквозь слезы, нестройным голосом вдруг он произнес: «зачем все это из меня вытравили»? Я не нашелся, что ответить. Немного погодя он сказал: «войдем туда». Мы вошли в церковь. Священник стоял перед царскими вратами и, осеняя народ крестом, произнес: «Христос воскрес!» — «Во истину!» — сдержанным гулом тысячной толпы пронеслось по церкви. И снова: «Христос воскрес!» — И снова

тот же гул: «Во истину!» Мы постояли еще немного и вышли из церкви. Ночь была так же чудно хороша, на улицах было совсем пусто. Мы долго шли молча. Вдруг В. М. остановился против меня и выговорил: «*А если все это ложь — что же тогда?*» Я хотел что-то ответить, но он нервно замахавши руками поспешно заговорил: «Нет, нет, не надо, не будем об этом говорить» («Южный Край» от 15 апреля 1888 г., № 2508).

Как свидетельствовал Ю. Н. Говоруха-Отрок в другом своем фельетоне о Гаршине, «повесть, которую в письме В. М. называет «Вязнов», по имени главного действующего лица, и которая имела заглавие «Эпизод из ненаписанного романа», была напечатана в журнале «Слово» за 1880 г. без всяких изменений и поправок. К той рукописи, о которой в письме говорит В. М., я для «Слова» прибавил лишь одну главу» («Южный Край» от 21 апреля 1888 г., № 2514).

Письмо 196.

[129] В Москву Г. приехал из Петербурга уже в полубезумном состоянии и в течение двух недель, как свидетельствует сводка рассказов и воспоминаний о нем в эту пору, данная Я. В. Абрамовым, «совершил ряд странных и нелепых поступков. Зачем-то ему захотелось поговорить с тогдашним московским обер-полицеймейстером Козловым, и он избрал для того такой странный способ. Зайдя поздним вечером в публичный дом, он стал угощать его обитательниц и, накупив на приличную сумму, отказался платить; был составлен протокол, и его самого отправили в участок, причем по дороге он выбросил зачем-то бывшие с ним 25 рублей. В участке он потребовал личного свидания с Козловым и, добившись своего, имел с ним разговор, подобный тому, который был с Лорис-Меликовым. Из Москвы В. М. ездил в Рыбинск, где получил оставшиеся в полку 100 рублей следовавших ему подъемных денег. Деньги эти там же потратил на покупку нового костюма, а бывший на нем подарил коридорному служителю в гостинице. Во время пребывания в Москве он строил самые неосуществимые планы о поездке по разным частям России, в Болгарию и т. п. Много толковал о романе из болгарской жизни, задуманном им в это время, мечтал об издании своих рассказов под заглавием «Страдания человечества» и т. п. В то же время он до такой степени тосковал, что бывший в это время в Москве его старый друг В. Н. Афанасьев должен был посвящать ему все свободное время и хоть немного отвлекать его от тоски. Прожив две недели, В. М. решился еха ь в Харьков, но так как у него не было денег, то пришлось заложить часы и кольцо. Однако В. М. большую часть вырученной этим путем суммы истратил на разные, совершенно ненужные ему покупки, так что только при помощи В. Н. Афанасьева он мог взять билеты до Тулы, где он рассчитывал достать денег на дальнейшую дорогу» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 33 — 34).

Письмо 197.

[130] О первой главе хроники «Люди и война» см. примеч. 128.

Письмо 198.

[131] «Корреспондентские дела», о которых упоминает Г., связаны были, вероятно, с планами его работы в «Русском курьере» (см. письмо Г. от 13. III. 1880 г. к А. Я. Герду). Однако на окружающих он производил то же впечатление полубезумного человека, что и в Москве: «Пробыв несколько времени в Москве, Г. доехал до Тулы, где и остался, — рассказывает В. А. Фаусек. — Родные его в Харькове получили от него оттуда письмо и ждали его со дня на день. Он все не ехал. Наконец, после долгого ожидания и не получая от него больше никаких известий, не получая ответа на письма, они снеслись по телеграфу с тульским полицеймейстером и получили от него ответ следующего содержания: Всеволод

Гаршин проживал в гостинице, взял такого-то числа наемную верховую лошадь и, оставив в гостинице все свои вещи, исчез, неизвестно куда». («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 87). «В это время, — рассказывает Я. В. Абрамов, — он совершил целый ряд странствований то верхом, то пешком, по Тульской и Орловской губерниям, что-то проповедывал крестьянам, жил некоторое время у матери известного критика Писарева, попал в Ясную Поляну, имение гр. Льва Толстого, ставил последнему какие-то мучившие его вопросы, иногда выдавал себя за тайного правительственного агента и т. д. В это время его отыскивал брат его, Евгений Гаршин, которому, наконец, и удалось настигнуть его и уговорить ехать с ним в Харьков. В Харькове он продолжал совершать самые странные поступки, как это можно видеть из воспоминаний В. А. Фаусека. Однако он был настолько тих и спокоен, что окружающие считали излишним помещать его в больницу» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 36).

Письмо 199.

[132] Подробности поездки Г. в Ясную Поляну и беседы его с Л. Н. Толстым известны лишь в передаче третьих лиц. Так, напр., В. И. Бибиков вспоминает рассказ Гаршина (после похорон Надсона) о том, как он, уже «душевно больной, приехал в Ясную Поляну к Льву Толстому и сообщил знаменитому писателю свои планы об устройстве всемирного счастья. Лев Толстой переживал тогда тяжелый нравственный период, разрешившийся всем известной «Исповедью» с ее последствиями, но планы В. М. не показались ему такими несбыточными, какими они казались всем другим, знавшим больного Гаршина. Они долго говорили, подробностей беседы В. М. не помнил, но помнил, что Толстой одобрил и приветствовал его начинания» (В. Бибиков, «Рассказы», СПБ. 1888, стр. 361). В своей статье «О Всеволоде Гаршине» А. И. Эртель счел необходимым отметить, как Всеволод Михайлович «с чувством живейшего умиления вспоминал о том, как с дороги из Тулы пошел он пешком в Ясную Поляну к незнакомому ему в то время графу Л. Н. Толстому, о разговоре с ним, длившемся всю ночь, и о том, что считает эту ночь «лучшей и счастливейшей в своей жизни» (сб. «Красный цветок», СПБ. 1889, стр. 49). Много характерных бытовых деталей этого свидания отмечено в книге Ильи Толстого «Мои воспоминания», М. 1914, стр. 150—156. Об общем отношении Л. Н. Толстого к Г. в это время мы располагаем более точными данными, чем об их встрече в марте 1880 г. «Мне известно, — писал В. А. Фаусек, — и я думаю не будет нескромностью с моей стороны упомянуть об этом — что Л. Н. Толстой относился к нему очень хорошо; он говорил, что Гаршин — одно из самых симпатичных явлений в русской литературе за последние двадцать лет. Когда Гаршин явился к нему в Ясную Поляну, весной ⟨1880 г.⟩, Л. Н. не имел об нем никакого понятия, как о писателе. Но летом, кажется, этого же года Тургенев обратил его внимание на новый талант, появившийся в русской литературе. Л. Н. Толстой прочитал рассказы В. М. и вспомнил тогда о той скромности, с которой он в разговоре мимоходом упомянул, что он «пописывает» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 102). Ср. письмо Тургенева к Гаршину от 14. VI. 1880 г.: «Ваше последнее произведение (к сожалению неоконченное) «Война и люди» окончательно утвердило за вами, в моем мнении, первое место между начинающими молодыми писателями. Это же мнение разделяет и гр. Л. Н. Толстой, которому я давал прочесть «Войну и людей» (Ист.-лит. временник «Атеней», кн. III, Л. 1926, стр. 125).

Письмо 200.

[133] Привезенный братом в конце марта 1880 г. в Харьков, Г. в течение еще двух-трех недель продолжал оставаться «в состоянии крайнего возбуждения». Как вспоминает часто видавшийся с ним в это время

В. А. Фаусек, «Лихорадочная деятельность его, разговор без умолку не прекращались ни на минуту. От его осенней тоски не осталось и следа. Он имел теперь вид человека, уверенного в себе, гордого, довольного, совершенно счастливого. Он вовсе не производил страшного или неприятного впечатления; он был так же мягок в обращении, ласков и любезен, как всегда. По крайней мере, я его видел таким. Мне рассказывали, что иногда он приходил в состояние крайнего раздражения и вспыльчивости. При мне этого не случалось, и в нем не было ничего внушающего беспокойство. Но его чрезвычайное нервное напряжение невольно передавалось и его собеседнику, и присутствие его волновало; разговор с ним, поневоле осторожный и неискренний, был тяжел. Говорил он без умолку, постоянно перескакивая с одного предмета на другой, но безумного собственно в это время в его разговоре еще было мало. Всем впечатлениям внешнего мира он был еще доступен, и бред его больного духа в это время еще не заслонял перед ним действительности, как это было позднее; только отношение к действительности было у него ненормальное. Изредка проскальзывало в его рассказах кой-что такое, чего, может быть, и не было с ним на самом деле, а только казалось или мерещилось ему; в общем же он еще довольно ясно сознавал и себя и действительность. Постороннему, чужому человеку он с первого раза вероятно не показался бы сумасшедшим, а только очень оживленным, счастливым и каким-то странным человеком» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 88—89).

Письмо 201.

[134] «Я знал Гаршина с 1879 г.,— рассказывает А. И. Эртель.— Наше знакомство не было очень близким; случалось, что мы не видали друг друга по целым годам. Но, когда встречались, отсутствие большой близости не мешало ему относиться ко мне с трогательной доверчивостью, вести со мною задушевные разговоры,— черта, свойственная, мне кажется, особенно хорошим людям, которые не нуждаются в дружбе, чтобы иметь возможность быть искренними и откровенными, и не ищут приятелей, чтобы было на кого излить потребность любви и доброжелательства. Мы встречались очень часто до весны 1880 года, затем еще две-три зимы в Петербурге и, наконец, в июне 1884 г. я говорил с ним последний раз, простившись, как оказалось навсегда, в Козлове, до которого ему случилось ехать вместе со мною от самой Москвы. Не было между нами и постоянной переписки; за девять лет мы обменялись только несколькими письмами» (Сб. «Красный цветок», СПБ. 1889, стр. 46—47).

[135] Резкий отзыв о «Жуке» в двух местах письма Г. к А. И. Эртелю от 15. IV. 1880 г. относится, как мы полагаем, к С. Н. Кривенко. С одной стороны, только он, как заведующий организационно-финансовой частью нового издания, мог посылать те «требования» о паевых взносах, о которых упоминает Г. в начале письма, а с другой — данные именно о его внешности ассоциируются легче всего с прозвищем «Жук». Ср., напр., воспоминания Н. С. Русанова: «В конце 70-х годов Кривенко был статным, красивым, уже довольно полным мужчиной лет тридцати, с лицом отчасти Иисуса, но Иисуса брюнета, с густой черной шевелюрой, с густой черной бородой, с добрыми карими, немножко томными глазами южанина, бледным прекрасным лбом, хорошо очерченным носом и ртом и звучным мягким голосом. Доброты этот человек был необыкновенной, а среди столь часто желчных, нервных, завистливых литераторов он поражал своей уравновешенностью и сердечностью. И вместе с тем, когда это было надобно, он обнаруживал редкую в этой среде деловитость и практичность» (Н. С. Русанов, «На родине», М. 1931, стр. 279). О позднейших отношениях Г. и С. Н. Кривенко см. письма № 298, 345 и примечания к ним.

[136] Статья В. В. Ладыженской, о которой упоминает Г., нам неизвестна. О близком знакомстве Г. с В. В. Ладыженской свидетельствует и письмо

к нему Тургенева от 14. VI. 1880 г. из с. Спасского-Лутовинова: «Мне много говорила о вас Варвара Васильевна Ладыженская, с которой я недавно познакомился и которая также одарена замечательным талантом» («Атеней», кн. III, Л. 1926, стр. 125).

Письмо 202.

[137] План хроники «Люди и война» остался неосуществленным. Материал, собранный для нее, частично был использован для повести «Из воспоминаний рядового Иванова» (1882 г.).

Письмо 203.

[138] Многомесячный перерыв в переписке Гаршина объясняется обострением его душевной болезни. «Прожив в Харькове три недели, — рассказывает Я. Абрамов, — В. М. неожиданно исчез из него, и брату его снова пришлось отыскивать его. Он оказался в Орле, в доме умалишенных, куда посадили его после нескольких его чудачеств. Состояние его в это время было буйное, и его пришлось везти связанным, в отдельном купе. В Харькове он прямо был доставлен в больницу умалишенных на Сабуровой даче, куда за год до того он ходил слушать лекции по психиатрии. Он узнавал всех, сознавал, что он душевно болен, но вместе с тем постоянно жил в мире фантазий и говорил посетителям самые невероятные вещи. На Сабуровой даче он прожил несколько месяцев» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 37).

7 июня 1880 г. Е. С. Гаршина обратилась через М. Е. Салтыкова в Литературный фонд за пособием для проектированной ею перевозки больного в Вену. «Положение Всеволода, — мотивировала она эту поездку, — становится с каждым днем хуже, и даже не предвидится никакого улучшения. Лечебница, где он помещен, скорее может быть названа местом предупреждения и пресечения. Их <больных> держат за решетками, исправно таскают и не пущают, но не лечат или, по крайней мере, употребляют одинаковые приемы с спившимися с круга офицерами или мастеровыми и с интеллигентным человеком. Здешний «психиатр» Ковалевский до такой степени мало заинтересован личностью *молодого выдающегося писателя,* что даже не поместил его в свое отделение, а поручил его своему помощнику, заурядному молодому врачу, который в свою очередь поручил его фельдшеру. По совершенно бессмысленной жестокости, Всеволоду не дают ни бумаги, ни карандаша, ни газеты. Все это под предлогом парализовать умственную деятельность. Но взамен этого нет ничего для деятельности физической: не только какого бы то ни было занятия, биллиарда, игры, нет даже гимнастики. И вот 25-летний человек сидит день-деньской за решеткой, при адской южной температуре, один, без дела, без общества. Меня к нему не пускают, хотя я переехала на дачу рядом с ним и только раз случайно мне удалось увидеть его в окно. О, Михаил Евграфович, если бы вы слышали его крик: «Мама!» когда он увидел меня. Как он схватил *через решетку* мою руку своими исхудалыми руками, как горько зарыдал. И через минуту два сторожа оттащили его от окна» (М. Е. Салтыков-Щедрин, «Письма», Л. 1921, прилож., стр. 19—20). Проект поездки в Вену остался неосуществленным, так как состояние В. М. Г. резко ухудшилось. Вызванная в Харьков невеста Гаршина, Н. М. Золотилова, прожила на даче у Е. С. Г. с 8 июня по 8 июля, но даже не была допущена к больному. О положении последнего в течение июля — августа 1880 г. чрезвычайно ценный материал дают сохранившиеся в бумагах Н. М. Гаршиной письма к ней П. Г. Попова, студента-медика, беспрепятственно допускавшегося к В. М. Гаршину во время его болезни <См. приложения к настоящему изданию, стр. 528—533>

В первых числах сентября 1880 г. В. М. Гаршин был перевезен в Петербург, в психиатрическую лечебницу д-ра А. Я. Фрея, где к концу

октября несколько поправился. 9 ноября 1880 г. П. Г. Попов писал Н. М. Золотиловой:

«Получил письмо от Екатерины Степановны, в котором она описывает состояние Всеволода со слов Рейнбота и высказывает желанье спровадить его, т. е. Всеволода, в деревню для полного освежения мозгов. Я думаю, что Всеволод едва ли уедет в деревню, а впрочем не могу дать должное суждение по этому вопросу. Передайте от меня ему почтение и искренное пожелание не томить себя напрасно из-за того, что наделал. Все, что он ни делал, выходило очень хорошо. Одно скверно, что окружающие его в то время не сумели поставить себя в надлежащее к нему отношение и кроме бестактности да лишних пыток не оказали ничего. Распространяться, впрочем, об этом не стоит» (Бумаги Н. М. Гаршиной).

Из Петербурга Г. был увезен 11. XI. 1880 г. в Харьков, а оттуда в Херсонскую (близ Днепровско-Бугского лимана) деревню дяди писателя, В. С. Акимова. Как свидетельствуют воспоминания последнего, он «нашел Всеволода в ужасном положении: у него был столбняк, прерываемый иногда только беспричинными слезами, вызвать его на разговор, даже мне, которому он показывал столько дружбы, не удавалось. Тогда, в виду особых причин, о которых здесь считаю лишним распространяться, у меня родилась мысль увезти его к себе за 600 верст и поставить в совершенно другую обстановку и другие условия жизни, устранив от него все то многое, что в Харькове никаким образом не могло способствовать улучшению его бедственного положения. Получив согласие сестры и Евгения, я предложил Всеволоду погостить у меня в Ефимовке, пока не надоест, на что он отвечал: «Вы ведь знаете, дядя, что я не имею ни воли, ни желаний; если вы находите нужным взять меня, я поеду, если нет— мне все равно». Я объяснил ему, что нахожу нужным, и увез» («Красный цветок», СПБ. 1889, стр. 11).

1881

Письмо 204.

[139] Образ жизни Г. в Ефимовке охарактеризован в воспоминаниях В. С. Акимова следующим образом:

«День у нас начинался обыкновенно катаньем на коньках до 8 часов утра, несмотря ни на какую погоду; в этом отношении Всеволод достиг огромных успехов: ему нипочем было сбегать к Святотроицкому маяку, в 5 верстах, и обратно в 40 минут. После чая он приходил ко мне в камеру и наблюдал бытовые сцены, записывая в то же время протоколы свидетельских показаний. Перед обедом опять катанье на коньках, потом возня с детьми, которых он очень любил, перевод, чтение газет и журналов и наконец вечерняя партия в шахматы, к которой он приступал с неизменным предложением: «не хотите ли меня когтить?» (выражение Тургенева); кроме того, один час всегда посвящался пикету с больной бабушкой. Почта приходила по понедельникам и пятницам и ожидалась с любопытством; мы получали: «Русский Вестник», «Голос», «Старину», «Вестник Европы», «Ниву», «Огонек» и одну местную газету; кроме того, Всеволоду присылались из Харькова «Отечественные записки» и из Петербурга — «Русское богатство» и «Устои»; впрочем, зачитываться я ему не давал, и как только он кончал своих излюбленных Щедрина и Г. И. Успенского — я книги прятал.

«С восторгом я видел, как мой Всеволод возвращался к жизни не по дням, а по часам; к весне он был уже неузнаваем; земляной цвет лица уступил место прекрасному здоровому румянцу, аппетит и сон — отличные, внезапная задумчивость и рыдания давно исчезли; явился настоящий Всеволод, с его чудесной душой, мягким, покладистым характером и добродушным юмором — словом, драгоценный сожитель. Теперь он самым спокойным образом и до мельчайших подробностей рассказывал мне самые

*

тяжелые эпизоды из своей несчастной жизни — Сабурову дачу, лечебницу Фрея и проч.» («Красный цветок», СПБ. 1889, стр. 13).

Письмо 205.

140 Письмо Г. от 30. III. 1881 г. является трехстраничной припиской к письму А. Акимовой к Е. С. Гаршиной.

Письмо 215.

141 Письмо Г. к Тургеневу не сохранилось, но ответ последнего, хотя Г. и не рассчитывал на его получение, известен. (Сборн. «Памяти В. М. Гаршина», СПБ, 1889, стр. 68 — 69). Приводим его по автографу, находящемуся в архиве Гаршина.

50. Rue de Douai
Paris.

24/12 февр. 82.

Любезнейший Гаршин,

Как мне было приятно получить от вас (правда, давно уже) письмо и как мне совестно, что я так долго не отвечал вам. Посылаю теперь к вам несколько строк через вашего брата Евгения. Сведения, которые он мне доставил о вас — были утешительного свойства. Вы очевидно поправились, были более бодры, принимались за работу. Надеюсь, что все это продолжалось и продолжается и что недалеко то время, когда вы опять будете в состоянии вернуться к русской литературе, на страницах которой вы, в этом уверен, оставите заметный след. Пусть не смущает вас перерыв, происшедший в вашей деятельности. Вот вам пример: известный всему свету композитор Гуно (хороший мой приятель) впал, будучи лет 25, в болезнь, совершенно подобную вашей — что не помешало ему потом написать Фауста и т. д., и т. д. и быть совершенно нормально здоровым. Я слышу, что вы очень успешно занимаетесь английским языком; это прекрасно... а там в одно прекрасное утро и перо в руки возьмете.

Я думаю в начале апреля выехать отсюда — а с первых чисел мая я уже в деревне, в которой проведу лето. Я и в прошлом году рассчитывал на то, что авось вы у меня погостите; а уже в нынешнем вы наверное мне не откажете. Воздух там отличный, гулять есть где — спокойствие и тишина полные... Словом все, что нужно для того, чтобы окончательно поправиться и работать.

Напишите мне, где вы теперь находитесь и какие ваши планы? Из письма вашего брата ко мне я мог заключить, что вы собирались приехать в Петербург на месяц. Исполнили ли вы ваше намерение?

Позвольте вам сказать: до свидания — и будьте уверены в том чувстве дружественного участия, которое к вам питает

преданный вам

Ив. Тургенев.

На обороте адрес: Всеволоду Гаршину.

Письмо 217.

142 Покушение на жизнь помощника шефа жандармов и начальника дворцовой охраны ген.-адъют. П. А. Черевина произошло 3 ноября 1881 г. Об этом неудавшемся террористическом акте см. «Из воспоминаний жандарма» В. Д. Новицкого, Л. 1929, стр. 200.

143 О работе Г. над переводом «Коломба» Мериме см. примеч. 148.

144 4 ноября 1881 г. Е. П. Кадмина, известная провинциальная оперная и драматическая актриса, исполняя на сцене харьковского театра главную роль в «Василисе Мелентьевой» А. Н. Островского, за час до последнего действия приняла яд (фосфор). Дурно ей стало, однако, уже во время действия, и пьеса доиграна до конца не была. Умерла Е. П. Кадмина 7 ноября 1881 г. О ней, как о прототипе «Клары Милич» Тургенева

(1882 г.), «Евлалии Радминой» Н. Соловцова (1884 г.) и «Татьяны Репиной» А. С. Суворина (1886 г.) см. материалы Л. М. Поляк в сб. «Творческая история» под ред. Н. К. Пиксанова, М. 1927, стр. 232—239 и «Воспоминания о театре» С. Г. Ярона, Киев 1898, стр. 214—218.

Письмо 220.

[145] Эпизод этот в воспоминаниях В. С. Акимова освещен следующим образом:

«После пятичасовой беготни по городу, я нашел Всеволода уже собравшимся в обратный путь и очень сконфуженным. Он рассказал мне, что за полчаса перед тем он тут же в ресторане пил кофе и уселся напротив стеклянной двери, за которой, в швейцарской, висело его пальто, и прежде, чем он выпил свой кофе, пальто было украдено у него под носом. Успокоив его и посмеявшись над его рассеянностью, я хотел выйти, чтобы распорядиться о лошадях, как вдруг он бросился ко мне на шею и со слезами заговорил: «*Дядя, дядя, я чувствую, что все это* прошло; никаких «проклятых вопросов» нет и вся моя горькая и несчастная жизнь с реального училища где-то потонула». То была кульминационная точка. Увы! — скоро после этого порыва, наполнившего мою душу гордой радостью, я начал замечать, что с каждой почтой, приносившей Всеволоду множество объемистых писем, он стал грустить, задумываться и заговаривать со мной о том, что он совершенно здоров и что невозможно долее продолжать dolce far niente» («Красный цветок», СПБ. 1889, стр. 16).

[146] Цитаты из повести И. И. Ясинского (М. Белинского) «Тайна Оленьки» в «Новом Обозрении» 1881, кн. 1, стр. 19—48. См. также об этой повести письма Г. от 10. и 22. XII. 1881 г. и от 24. I. 1882 г.

Письмо 221.

[147] Автором повести «Первое сражение», сочувственно отмеченной Г., был И. Л. Щеглов-Леонтьев («Новое Обозрение» 1881, кн. 3, стр. 69—109), Иронические замечания о повести И. И. Ясинского см. еще в письмах Г. от 9. и 22. XII. 1881 г. Как «свиные рыла» обобщены в письме Г., очевидно, И. И. Ясинский, А. Осипович и П. Д. Боборыкин, произведения которых («Тайна Оленьки», «Сувенир» и «Псарня») помещены в трех книжках «Нового Обозрения» за 1881 г.

Письмо 223.

[148] «Коломба» Мериме в переводе Г. напечатана была в «Изящной Литературе» 1883 г., № 10 (октябрь), стр. 1—151. О работе Г. над этим переводом см. письма №№ 217, 220, 223, 225, 227, 234, 236, 241.

1882

Письмо 227.

[149] «Анекдот», о котором упоминает Г., связан с манифестацией в честь приехавшего в Петербург Тургенева (на вечере в пользу Литературного фонда 16. III. 1879 г.). «Ивана Сергеевича, — вспоминает М. Г. Савина, — забросали лаврами и вызывали без конц»а. Однако часть публики, враждебная Тургеневу, пыталась на этом же вечере подчеркнуть свое сочувствие Достоевскому. «Одна известная дама Ф. <А. П. Философова>, — рассказывает М. Г. Савина, — подвела к эстраде свою молоденькую красавицу дочь, которая подала Федору Михайловичу огромный букет из роз, чем поставила его в чрезвычайно неловкое положение. Фигура Достоевского с букетом была комичная — и он не мог не почувствовать этого, как и того, что букетом хотели сравнять овации. Вышло бестактно по отношению «гостя», для чествования которого все собрались» («Тургенев и Савина», П. 1918, стр. 69). Ср. материалы А. В. Тырковой, «А. П. Философова и ее время», П. 1915, стр. 258—267.

[150] В. Микулич, вспоминая беседу с Гаршиным летом 1882 г., отмечает: «О Достоевском он отзывался в тоне «Отеч. Зап.» и статьи Михайловского «Жестокий талант». Он прибавил, что Достоевский был безнравственный человек. Мы с Вячеславом, как горячие поклонники Достоевского, поспешили заступиться за него. «Я не бросаю камнем, — мягко сказал Гаршин,— но я слышал о таких фактах его жизни... Было бы лучше, если бы их не было» (В. Микулич, «Встречи с писателями», Л. 1929, стр. 220). Об отрицательном отношении Г. к Достоевскому см. кроме высказываний Г. в письме от 15. I. 1882 г. его же письма №№ 158, 159, 292 и 293. Анекдоты о «мерзостях, деланных покойным Достоевским», о которых глухо упоминает Г. со слов Г. И. Успенского, см. в воспоминаниях И. И. Ясинского «Роман моей жизни», Л. 1926, стр. 168—169.

Письмо 228.

[151] Положительные отзывы Г. относятся к рассказу Элизы Оржешко «Чудак» (Из воспоминаний адвоката) и к повести П. Д. Боборыкина «Пристроился». Автором «Набросков карандашом», характеризуемых в этом же письме Г., была А. С. Шабельская. Все три произведения напечатаны были в «Отеч. зап.» 1881, кн. XII, стр. 297—400 и 441—470.

[152] Г. имеет, вероятно, в виду отзыв о его творчестве Н. Д. Хвощинской-Заиончковской. В одном из своих критических фельетонов Н. Д. Хвощинская (В. Крестовский — псевдоним) еще в 1880 г. отмечала: «Есть у нас такое молодое, мучительное, прелестное дарование — г. Всеволод Гаршин. У него все небольшие вещи и всякая из них памятна, потому что всякая *повернула душу* читателя. Читать его — надо решиться, и кто желает себе покоя, тот не берись» («Рус. Ведомости» 1880 г., № 307). В июне 1882 г., получив письмо от В. М. Гаршина, Н. Д. писала о нем одному из своих знакомых: «Он хочет побывать в Рязани на день, на два, со мной повидаться. Вот человек, гибнущий от избытка таланта (я определяю талант — способность впечатлительности), от избытка честности, от избытка молодой восторженности. Он болен болезнью, от которой совестно выздороветь. Это, пожалуй, очень непрактично, но, знаете, мученики были и есть лучший пример счастливым, чтобы счастливые не деревенели». («Русская Мысль» 1890, кн. XI, стр. 104).

Письмо 229.

[153] О ближайшем участии Г. в работах по постройке речной пристани у Ефимовки вспоминает В. С. Акимов:

«Осенью 1881 года мы предприняли капитальную работу — постройку длинной пристани на сваях. Мы сделали на шлюпке самый тщательный промер с целью найти подходящую глубину и после нового года приступили к забивке свай. Я не переставал радоваться при виде горячего участия, с которым Всеволод относился к этому делу; он почти неотлучно находился на работе и каждый день должен был давать на водку рабочим, которые в своей неизменной «Дубинушке» импровизировали в честь его дифирамбы вроде того, что «Всеволод Михайлыч, наш милый паныч, даст нам на могорыч» и т. п. Особенную дружбу он питал к старику-коперщику, известному под названием «дяди», главная обязанность которого была следить за вертикальным направлением сваи, пока ее вбивают. Всеволод часто прибегал в дом полюбоваться из окна оптической несообразностью, вследствие которой казалось, что чугунная баба не вбивает сваю, а колотит «дядю» по голове» («Красный цветок», СПБ. 1889, стр. 15—16). См. об этом также письмо Г. от 8. II. 1882 г.

[154] Имя Гаршина не значилось в списке сотрудников журнала «Устои», организованного С. Н. Кривенко, Н. С. Русановым и С. А. Венгеровым. Ср. «Объявление об издании в 1882 г. журнала «Устои»: «В журнале будут

участвовать: К. Баранцевич, А. Л. Боровиковский, С. А. Венгеров, Ф. Ф. Воропонов, В. В. ⟨Воронцов⟩, проф. Алексей Ник. Веселовский, А. Ефименко, Н. Н. Златовратский, проф. И. И. Иванюков, проф. В. О. Ключевский, проф. П. А. Костычев, Н. С. Курочкин, П. Лафарг, проф. В. А. Лебедев, Н. В. Максимов, Н. М. Минский, Д. Л. Мордовцев, Н. Морозов ⟨М. А. Протопопов⟩, Н. И. Наумов, Ф. Д. Нефедов, В. И. Орлов, А. В. Погожев, Г. Н. Потанин, Н. С. Русанов, В. И. Семевский, Л. З. Слонимский, проф. Н. И. Стороженко, проф. К. А. Тимирязев, Г. И. Успенский, Ф. А. Щербина, Ф. Ф. Эрисман, проф. И. И. Янжул, Я. В. Федосеевец ⟨Абрамов⟩ и др. («Устои», № 3—4, стр. 1—2). О крахе «Русского богатства» см. воспоминания Н. С. Русанова: «Наш артельный журнал «Русское богатство», постепенно обескровленный усиливающимся участием его лучших сотрудников в других больших изданиях и превратившийся в складочное место для длинных и плохих романов и никчемных вещей случайных сотрудников, хирел с каждым номером и в 1881 г. отдал богу душу» (Н. С. Русанов, «На родине», М. 1931, стр. 279). Общую характеристику «Устоев» см. в статье об этом журнале Б. П. Козьмина (Сборн. «От девятнадцатого февраля к первому марта», М. 1933, стр. 254—283.

Письмо 230.

[155] См. письмо Г. от 15 января 1882 г.

[156] «Сказочка», глухо упоминаемая в письме Г. от 2. II. 1882 г., — «То, чего не было». О работе Г. над нею и об истории ее опубликования см. далее письма №№ 231, 234, 235, 236, 237, 239, 243, 244 и примеч. 164 и 173.

[157] Намек на увлечение Е. М. Гаршина свояченицей певца Хохлова, Лидией Николаевной Коротневой. Знакомство Г. с семьей Хохловых произошло летом 1878 г. в «Окуневых горах» — имении А. Е. Костромитиной, тетки Г. Как свидетельствуют воспоминания О. Н. Хохловой, Л. Н. Коротнева была влюблена в В. М. Гаршина, который относился к ней «хорошо и приветливо», но в то время еще увлечен был Р. В. Александровой (Справка С. Н. Дурылина.)

[158] Г. имеет в виду проект назначения М. Н. Каткова, редактора и вдохновителя реакционно-дворянских «Московских Ведомостей», членом Государственного Совета. Об этом проекте министра внутренних дел гр. Н. П. Игнатьева и о причинах его неосуществления см. сводку материала в «Воспоминаниях Е. М. Феоктистова» под ред. Ю. Г. Оксмана, Л. 1929, стр. 127.

Письмо 231.

[159] Заметка в «Петербургском Листке», взволновавшая Г., гласила следующее: «На молодого писателя В. Гаршина, недавно только оправившегося от душевного расстройства и вышедшего из дома умалишенных, где он находился на излечении почти целый год, знаменитая статья графа Л. Н. Толстого имела такое неотразимо тяжелое впечатление, что страстный до безумия поклонник автора «Войны и мира» опять, говорят, близок к сумасшествию. В. Гаршин находится в Херсонской губ., у дяди своего, состоящего в должности мирового судьи» («Петербургский Листок» от 29 января 1882 г., № 23). «Знаменитая статья» Л. Н. Толстого или, как Г. называет ее «речь», очевидно, «О Московской переписи».

Другая газетная заметка о Гаршине, отмечаемая последним в письме от 2. II. 1882 г., гласила: «Всеволод Гаршин, молодой писатель, находящийся в доме умалишенных» в Харькове, ныне, как передают, совершенно выздоровел и готовит продолжение прелестных своих этюдов «Люд⟨и⟩ и война» («Южный край» от 27 янв. 1882, № 375).

[160] «Говорухинский скандал», отмечаемый В. М. Гаршиным, был описан без упоминания имени Ю. Н. Говорухи-Отрока в «Голосе»:

«Харьков, пятница 29-го января, 3 часа 50 минут пополудни. Распоряжением попечителя учебного округа, основанным на § 26-м университетского устава, лекции и занятия в университете прекращены впредь до особого извещения. Причина «волнения среди учащейся молодежи», как выражается газета «Южный Край», имеет, по собранным мною сведениям, чисто домашний характер. Дело в том, что в прошлую субботу, 23-го января, в зале дворянского собрания был студенческий вечер. На этом вечере произошло столкновение, вследствие личной обиды, между несколькими студентами и одним местным литератором. Столкновение приняло размеры побоища, и три студента, уличенные в том, что принимали участие в побоище, временно удалены из университета. Эта печальная сцена, случившаяся на студенческом вечере, вызвала толки и споры среди студентов; «волнения» эти продолжались двое суток и привели к временному закрытию университета» («Голос» от 30. I. 1882, № 25 — Телеграммы).

Харьковский корреспондент «Голоса», указывая на «чисто домашний характер» причин «студенческих волнений», совершенно затушевал их общественно-политическую подоплеку, связанную с именем Ю. Н. Говорухи-Отрока, именно в это время прокламировавшего свой отход с позиций радикального народничества. Как свидетельствует будущий соратник Ю. Н. Говорухи-Отрока по «Московским Ведомостям» Л. Тихомиров, искаженно и тенденциозно изложивший харьковский «скандал» — «революционеры... еще делали попытки снова завербовать себе отшатнувшуюся крупную силу. Так, к нему (Говорухе-Отроку) нарочно ездил известный уже и тогда Желябов... Но неугомонный человек не мог не только повернуть назад, а даже сидеть смирно, в «скромности»... («Памяти Ю. Н. Говорухи-Отрока». Сборник статей из «Русского Обозрения», М. 1896, стр. 6). Первым публичным выступлением Ю. Н. Говорухи-Отрока, которое произвело отрицательное впечатление в кругах радикальной харьковской общественности, была его речь 15 ноября 1881 г. на диспуте прив.-доц. К. Н. Яроша, защищавшего «при громадном стечении публики» магистерскую диссертацию: «История идеи естественного права, ч. I — Естественное право в Греции и Риме», Х. 1881 («Южный Край» от 16. XI. 1881 г., № 306). Взгляды и утверждения К. Н. Яроша встретили резкие возражения со стороны одного из неофициальных оппонентов, университетского стипендиата Н. Коссовского, с протестом против речи которого и выступил Ю. Н. Говоруха-Отрок («Южный Край», 17. XI. 1881 г., № 307). Большой шум произвело второе публичное выступление Ю. Н. Говорухи-Отрока — его «святочный рассказ» — «Повесть о том, как Сеничка и Веточка в народ ходили», опубликованный в «Южном Крае» в №№ 350, 351 и 353 от 1, 3 и 5 янв. 1882 г. Еще первые главы «рассказа», памфлета против приспособленцев в народническом лагере, вызвали, повидимому, толки и осуждение, и Ю. Н. Говоруха-Отрок вынужден был в post-scriptum'е к «рассказу» уточнить его направленность, подчеркнув свое уважение к «заблуждавшимся, но заблуждавшимся искренно, а потому страшною и дорогою ценою заплатившим за свои ошибки и увлечения». Все оговорки, однако, не могли изменить устанавливающихся суждений об их авторе, бывшем участнике процесса 193-х, эволюционировавшем, как правильно сигнализировала радикальная общественность, в лагерь реакции. Точную передачу того, что произошло на традиционном студенческом вечере, 23 янв. 1882 г., посвященном дню основания Харьковского университета (с 17 янв. вечер был перенесен на 23-е), дал сам Ю. Н. Говоруха-Отрок в письме в редакцию «Южного Края»: «Распространившиеся в городе слухи о скандале, происшедшем на студенческом вечере, заставляют меня просить вас напечатать нижеследующее разъяснение всего дела, поскольку оно касалось до меня. В конце вечера, когда я сидел за ужином с некоторыми из своих знакомых (гг. Ярош, Иозефович, Даневский и др.), к профессору Даневскому подошли три студента и спросили у него, указывая на меня — я ли это? После утвердительного ответа с его стороны они выразили желание

познакомиться со мной, об чем мне и передал г. Даневский. Когда я встал и подошел к их группе, между мною и одним из гг. студентов последовал следующий диалог: «это вы участвовали в процессе 193-х»? — «Я». — «Вот видите, вы когда-то были честным человеком, а теперь на диспуте Яроша сделали первую *подлость*. При этих словах я стаканом, бывшим у меня в руках, ударил по лицу говорившего и, затем, переждавши несколько минут, ушел, так что свидетелем дальнейшего мне быть не пришлось. Из всего вышесказанного, думаю, ясно, что мне, в качестве жертвы нелепого скандала, устроенного тремя-четырьмя полупьяными людьми, ничего другого не оставалось сделать, кроме того, что я сделал. Примите и проч. *Юрий Говоруха-Отрок*» («Южный Край» 25. I. 1882, № 373; ср. передовую «Южного Края», посвященную начавшимся «волнениям» в университете — 26. I. 1882, № 374; письмо проф. В. Даневского в редакцию по поводу «скандала» — в том же номере; объявление о прекращении занятий в университете — там же 31. I. 1882, № 379).

О волнениях в Харьковском университете писал Е. М. Гаршину «30 января утром» проф. А. И. Кирпичников. Письмо это переслано было в Ефимовку В. М. Гаршину и сохранилось в его архиве:

«Университет закрыт вчера в 3 часа по распоряжению попечителя с согласия другого начальства. «Войска достаточно» велел передать Максимовскому военный начальник. Из «Южного края» вы знаете о скандале с Говорухой. В среду была громадная сходка, самовольно занявшая № 1 от 12 до 8 вечера. Овладели толпой красные больше из москвичей и киевлян. Напрасно благоразумные, напр., Фаусек и Лившиц, пытались действовать; их не слушали. Проректор (Щелков) не показывался. В четверг был совет, судивший, по рапорту Щелкова, — Подольского, Мануйлова и Сашецкого (подходивших к Говорухе). В совет явились (без доклада, но и без насилия) депутаты от сходки с Рейнботом во главе прочитать нам решение сходки (не судить Подольского и пр., ибо они их рассудили — выразили порицание; на самом деле их признали исполнившими нравственный долг). Председатель (Щелков) спросил: «Как вы смели войти?» и позвал служителей. Некоторые из профессоров кричали: «вон! вон!» Рейнбота и др. выперли вон, при чем Рейнбот успел сказать: «Вы чернильницами скоро начнете бросать». Судили и тех троих и депутатов. Большинством решили из тех троих двух уволить (не исключить), одному сделать выговор от совета. Из депутатов только один был студент; его решено предать унив. суду; вольному слушателю (Савичу) запретить вход в университет с пропечатанием. Дело о Рейнботе, как лице постороннем, препроводить к прокурору. Вчера опять громадная сходка под предводительством Рейнбота (в 2 дня из врага толпы и крайних стал Робеспьер); несмотря на отчаянные усилия умеренных (Фаусек говорит, что не слезал с кафедры целый день) постановили выразить профессорской коллегии строгое порицание за обращение с депутатами и за суд. В 3-м часу в профессорскую пришло известие о закрытии университета. Профессора частным образом дали об этом знать сходке, а также и о том, что войска в движении. Сходка разошлась часов около 4-х за истощением материала и утомлением участников.

«Сейчас иду к университету (унив., говорят, тщательно закупорен), оставлю письмо незапечатанным до возвращения.

«Трудно разобраться в сутолоке событий. Кажется, что все наглупили, как это и всегда бывает во всякой истории. Не будь *a*, не было бы *b*; не будь *b*, не было бы *c*. Говорухе в Харькове не жить; Рейнботу тоже; 2-х уволенных, конечно, вышлют. Усердие не по разуму со стороны начальства может погубить и других.

«Все, кто способен хоть несколько размышлять, убеждены, что упоминание о процессе 193-х в письме Говорухи было великой глупостью со стороны его, редакции, цензора. Признает это и редакция и Говоруха (прежде других), и все валят друг на друга. Излишне и все письмо, раздувшее столкновение полупьяных людей в громадную историю.

«Курьезно, что бывшие красные (Чугуевский, Ванчаков) оказались умеренными, ругали сходку и были ею руганы.

1 февраля, утро.

«Прошло двое суток. Все покойно. Арестов, повидимому, нет. Вчера было заседание совета от 12 до 7 вечера. Сегодня опять. Надеемся настоять на открытии с первой недели поста. Слухи о скандале в Ветеринарном институте не подтверждаются. Разве нынче что будет.

«Черняев в «Мир» не заглядывал, а искать его неудобно.

Ваш *А. Кирпичников*».

Харьковский университетский «скандал» был администрацией замят, и даже Ю. Н. Говоруха-Отрок, вынужденный на некоторое время прекратить сотрудничество в «Южном Крае», возобновил свою работу в этой газете уже с июля 1882 г.

Письмо 231.

[161] «Уеллер младший» — один из персонажей «Замогильных записок Пикквикского клуба» Диккенса. О сказке Г. «То, чего не было» см. примеч. 156.

Письмо 232.

[162] Об этой постройке см. примеч. 153.

Письмо 233.

[163] См. примеч. 160.

Письмо 234.

[164] В воспоминаниях В. С. Акимова, на впечатления которого ссылается Г., о сказке «То, чего не было» записано следующее: «Помню я, как он, конфузясь и затворяя все двери, прочитал мне этот рассказ и еще более сконфузился, когда увидел на моем лице незавидное мнение об этом произведении. Он поспешил уверить меня, что рассказ написан исключительно для детей г. Герда и что он никогда не будет напечатан, при этом он сам указывал на разные несообразности рассказа и прежде всего на отсутствие мысли. «Знаете ли, дядя, — говорил он: — я написал этот вздор только потому, что мне до ребячества нравится это звукоподражание: «Какой скандал!» и выражение «хвостяка», хотя это последнее и вставлено здесь ни к селу ни к городу. «Хвостяка» — слово чисто хохлацкое и выражает собой понятие о тощей, забитой и запаршивевшей мужицкой лошаденке; у меня же приведен гнедко — правда, очень старый, но статный и сытый конь, и Антон Дюльдин — настоящий орловский кацап, который незнаком с таким выражением; но что ж делать, когда оно кажется мне таким характерным» («Красный цветок», СПБ. 1889, стр. 14).

Несмотря на протесты Г. против трактовки его сказки как аллегории (см. письмо его № 233, 234, 236), она остро публицистически интерпретирована была не только в отзыве С. Н. Кривенко, не попавшем в печать, но и в «Литературной летописи» Арс. Введенского, рецензента «Голоса». «Какой-то безнадежною, фаталистскою моралью дышит последний микроскопический рассказ одного из талантливейших молодых писателей наших, г. Гаршина, — писал Арс. Введенский. — Мы не будем уже говорить, что сказка эта — совершенно сырое, необделанное произведение. Но что значит она? Не то ли, что придет «Антон», и все мы будем «там», откуда никто не приходит? Нет, пусть приходит Антон, а пока мы живы, будем мыслить и говорить не то, конечно, что говорят кузнечики и ящерицы; но ведь не в них и дело. Пусть мы будем ошибаться; но «ошибаться свойственно человеку», без ошибок не будет и истины, если только она возможна» («Голос» от 20. V. 1883, № 133).

[165] См. примеч. 160.

[166] О работе Г. над переводом «Коломбы» Мериме см. примеч. 148.

[167] «Власть земли» Г. И. Успенского печаталась отдельными главами в «Отеч. зап.» 1882 г., кн. I, стр. 123—147; кн. II, стр. 285—316; кн. IV, стр. 403—446.

[168] Письмо И. С. Тургенева, о котором упоминает Г., см. в примеч. 141.

Письмо 235.

[169] О толкователях и рецензентах сказки Г. «То, чего не было» см. примеч. 164.

Письмо 236.

[170] См. примеч. 141.

[171] О сказке «То, чего не было» см. примеч. 164.

Письмо 237.

[172] Проект издания первого сборника рассказов Гаршина возник у родных его еще осенью 1880 г. С просьбой о предисловии к этому изданию Е. С. Гаршина обратилась к И. С. Тургеневу, который 1/13 октября 1880 г. отвечал ей: «Что же касается до желаемого вами предисловия к собранным его статьям, то я с великим удовольствием исполню это желание — и только прошу вас переслать мне из Петербурга корректурные листы для того, чтобы я мог написать это предисловие «en connaîssance de cause» и указывая на содержание. Могу обещать вам, что и трех дней не задержу этой работы и тотчас отправлю ее по надлежащему адресу в Петербург» (Бумаги В. М. Гаршина в Пушкинском доме). Надежды на скорое выздоровление Г., появившиеся в ноябре 1880 г., задержали реализацию этого плана. Вопрос об издании сборника рассказов Г. вновь поставлен был во время свидания В. С. Акимова с матерью и братом писателя в марте 1882 г., но положительное разрешение получил лишь после возвращения самого автора в Петербург летом того же года. Вымарки, сделанные М. Е. Салтыковым в журнальных текстах «рассказов» Г., не были восстановлены в их отдельном издании. Как свидетельствуют воспоминания Е. М. Гаршина, когда он напомнил брату в 1882 г. о возможности устранить все те редакционные «поправки и перечеркивания», от которых «так страдал Всеволод после выхода в свет его рассказов «Происшествие» и «Трус», он сказал мне: «Нет, не надо, М. Е. был прав. Художественная цельность выиграла от этих пропусков» («Солнце России» от 23 марта 1913 г., № 13, стр. 5). О подготовке издания первого сборника «Рассказов» Г. см. письма №№ 242, 243, 247, 248, 249, 250, 252, 253.

[173] Сказка «То, чего не было» опубликована была в «Устоях» 1882 г. кн. III—IV, стр. 266—270. О работе над ней и толках, ею вызванных, см. примеч. 156 и 164, а также письмо № 239.

[174] О впечатлениях Г. от «Власти земли» Г. И. Успенского см. примеч. 167.

Письмо 239.

[175] «Маланья» — пародическое название сентиментальных либерально-дворянских повестей из крестьянского быта, термин Салтыкова-Щедрина в «Дневнике провинциала в Петербурге» (1872 г.) Ср.: Я даже написал одну повесть (я помню, она называлась «Маланьей»), в которой самыми негодующими красками изобразил безвыходное положение русского крепостного человека... Я помню, что в «Маланье» я очень живо изобразил, как некоторый Силантий томится в темной вонючей конуре. И за что томится! — за то только, что не хочет «с великим своим удовольствием»

предоставить свою дочь Маланью любострастию помещика Пеночкина! (гл. IV)... Увы! время «Маланий» прошло безвозвратно! Никто теперь так не пишет, никто так не мыслит, и уж, конечно, никто не переписывает своих «Маланий» набело и не переплетает их! Очевидно, что вход в литературу закрыт для меня навсегда и что мне остается только скитаться по берегу вечно кипящего моря печатного слова и лишь издали любоваться, как более счастливые пловцы борются с волнами его!» («Дневник провинциала», гл. V).

Письмо 240.

[176] О работе Г. над переводом повести «Коломба» Мериме см. примеч. 148.

Письмо 241.

И. Т. Поляков, крестьянин Тарусского уезда Калужской губернии, служивший писарем у земского начальника в Воронеже, был страстным собирателем автографов и фотографий современных ему русских писателей. Просьбу о присылке ему фотографической карточки Г. заключало в себе и письмо, полученное Г. от этого «друга-читателя» в Ефимовке. Характеристику И. Т. Полякова и биографические сведения о нем см. в статье Н. К. Гудзия в сб. «Звенья», т. IV. Второе письмо Г. к Полякову послано было вместе с первой книжкой «Рассказов», 26. IX. 1882 г.

Письмо 243.

[177] Об истории опубликования сказки «То, чего не было» см. примеч. 164 и 173.

[178] Статья Е. М. Гаршина «Академический немец прошлого столетия» (о бар. А. Л. Николаи) напечатана была в «Историческом вестнике» 1882, кн. IV, стр. 127 и сл.

Письмо 244.

[179] См. примеч. 173.

Письмо 247.

[180] И. С. Тургенев в письме к В. М. Гаршину от 27 мая (8 июня) 1882 г. из Буживаля осведомлял его о своей болезни, мешающей ему приехать летом в Россию (сб. «Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 69—70). В бумагах Г. (на обороте одного из листков, занятых черновым письмом к Ф. Ф. Павленкову) сохранился набросок начала его ответного письма Тургеневу:

«Простите, дорогой Иван Сергеевич, что долго не отвечал на ваше письмо: я оставался в Петербурге до 15 июля, все время проводя в возне с изданием книжки». (На этих строках набросок обрывается).

Письмо 248.

[181] Фельетоны Г. под названием «Петербургские письма» печатались в газ. «Южный Край» от 2. и 20. VI. 1882 г.

[182] Г. печатал в это время первую книжку своих рассказов: *Всеволод Гаршин. Рассказы. С.-Петербург 1882 г.*, типография А. М. Котомина и К°, у Обухова м., д. 93. Стр. 217. О материальном успехе этой книги см. письмо 285.

Письмо 249.

[183] О фельетонах Г. в газ. «Южный Край» см. примеч. 181. «Третий фельетон», упоминаемый в этом письме, написан, вероятно, не был. См. письмо № 252.

Письмо 250.

[184] См. примеч. 182.

[185] См. примеч. 187.

Письмо 251.

[186] Дата записки Г. к С. А. Венгерову устанавливается на основании связи ее содержания с письмом Г. к матери от 25. VI. 1882 г.

[187] Перевод «Эскизов» Луи Полья, предназначавшийся Е. С. Гаршиной для «Заграничного вестника» В. Ф. Корша и переданный в «Устои», в печати не появился. Статья А. Е. Рейнбота («Основы русской земледельческой статистики») напечатана была в «Отеч. зап.» 1882, кн. XII, отд. 2, стр. 141—170.

Письмо 252.

[188] Об издании первой книжки «Рассказов» В. М. Гаршина см. примеч. 182.

[189] О фельетонах Г. см. примеч. 181 и 183.

[190] Катастрофа, о которой упоминает Г., произошла 30. VI. 1882 г. около деревни Кукуевки, между станциями Чернь и Бастыево Московско-Курской жел. дороги. Вследствие обвала насыпи, размытой дождями, на этом перегоне потерпел крушение почтовый поезд № 3, большая часть вагонов которого ушла глубоко в землю, заживо похоронив не менее 150 пассажиров. Раскопки на месте крушения начались только через несколько дней. Судебное следствие о причинах катастрофы и отчеты корреспондентов либеральных газет вскрыли вопиющие злоупотребления при постройке и чисто хищнический характер эксплоатации русских частных железных дорог. См., напр., обзор Н. Шелгунова «Кукуевская катастрофа и общественное сознание» («Дело» 1882, кн. VIII, отд. 2, стр. 73—82). Корреспонденции Е. М. Гаршина с места катастрофы, о которых упоминает Г., см. в «Голосе» 1882, №№ 180, 183, 185—188, 191, 195.

Письмо 253.

[191] См. примеч. 190.

[192] Из этих проектов осуществлен был только второй («Из воспоминаний рядового Иванова»); план «Новой сказки» связан, возможно, с «Фиалкой», над которой работал Г. в 1878 г., или с «Лягушкой-путешественницей», написанной в 1887 г.; замысел повести «Об Венедикте» (см. о нем еще в письме к матери от 3. IX. 1882 г.) остался нереализованным.

Письмо 254.

[193] Повесть «Из воспоминаний рядового Иванова», законченная в последних числах сентября 1882 г., напечатана была в «Отеч. Зап.» 1883 г., кн. I, стр. 135—176. О работе над нею см. письма №№ 255, 256, 257, 258, 261, 262, 264, 265, 267.

[194] План повести «с фигурой Радонежской» остался неосуществленным. Как свидетельствует рукописная справка Е. М. Гаршина, «Раиса Родионовна Радонежская, народница, сельская учительница Черниговской губернии, где пользовалась исключительной популярностью. Автор повести «Отец Иван и отец Степан» в «Вестнике Европы». Вследствие служебных столкновений и личных неприятностей, при повышенной нервной чувствительности, покончила с собой, бросившись в колодезь». О трагическом конце Радонежской см. письмо Г. к матери от 29. IX. 1884 г. О возвращении Г. к планам повести о Р. см. письма №№ 367 и 389.

Письмо 255.

[195] О начале работы над повестью «Из воспоминаний рядового Иванова» см. примеч. 193.

Письмо 256.

196 Разбор книги «Наш Друг» бар. Н. А. Корфа см. в письме Г. к Ф. Ф. Павленкову № 260.

197 Г. неточно цитирует письмо Тургенева к Ж. А. Полонской от 13. VIII. 1882 г.: «Я уверен, что проживу еще 20 лет — правда, проживу их больной; но ничего в моем состоянии не изменится — и никакой новизны не предвидится. Будет известно в течение этих 20 лет, что сидит где-то хворый старик; ну и пущай его сидит!» («Первое собрание писем И. С. Тургенева», СПБ. 1884, стр. 468). Ср. письма Тургенева к Ж. А. Полонской за время с 6. VI. по 27. IX. 1882 г. (там же, стр. 440 — 499).

Письмо 257.

198 Рецензия, о которой упоминает Г., появилась в восьмой книжке «Дела» за 1882 г.

«Небольшая книжка Г. Гаршина производит впечатление, — отмечал анонимный критик. — Талант автора не велик и не ярок, но чрезвычайно симпатичен. Что-то грустное, элегически задумчивое есть в этом таланте, какою-то тайною скорбью проникнуты почти все «рассказы» г. Гаршина, и эти свойства привлекают читателя. В беседе читателя с автором общественные интересы и всякого рода злобы дня остаются как-то почти совсем в стороне, а место их занимают общие и вековечные вопросы о человеке, о его назначении, о высших идеалах нравственной жизни, о том, что «люди — жалкий род, достойный слез и смеха» и о том, что «умереть — уснуть, не более». В своих «Рассказах» г. Гаршин является не учителем, а как бы конфидентом читателя. Учить он не берется, потому что сам стоит на перепутьи, удручаемый сомнениями, а вместе с тем по странному, но обычному противоречию психической природы человек, снедаемый жаждою самой глубокой и живой веры. И вот он изливается на груди друга-читателя. Он передает ему свои сомнения в неподдельно-поэтических образах, в элегических признаниях, старается — и не без успеха — привлечь его внимание к тем вопросам, которые мучат его самого. Иногда это выходит наивно, иногда серьезно, но всегда искренно, трогательно, а в известной мере даже и поучительно, потому что, в конце концов, вопросы, тревожащие г. Гаршина, имеют свой интерес, никогда не преходящий, как интерес всех вообще вопросов, которым навсегда суждено остаться нерешенными. Это те самые «проклятые вопросы», на которые безуспешно требовал «прямых ответов» Гейневский юноша, вопросы, мимо которых не пройдет ни один мало-мальски пытливый ум, но которые, однакоже, не должны и не могут служить исключительной пищей для действительно деятельной и здоровой мысли».

Впрочем концовка этого тщательного и, местами, довольно сурового разбора была не менее благоприятна, чем начальные его строки: «Мы только опасаемся за литературное будущее г. Гаршина, но не отчаиваемся в нем, — резюмировал критик. — В его книжке есть рассказ «Художники», свидетельствующий, что автору далеко не чужды волнующие всех нас интересы и идеи, и не только не чужды, но и симпатичны ему. С живой и тонкой иронией он осмеивает одного завзятого эстетика, художника Дедова, для которого в жизни нет ничего выше разных пейзажей, — «вечеров», «закатов», тонов, колеров и пр., и с очевидной симпатией относится к другому художнику, Рябинину, который, несмотря на свой большой талант и громкий художественный успех, пошел по совсем другой дороге. Г. Гаршин, как мы уже заметили выше, очевидно, стоит на перепутьи. Чувство жизни и братства с людьми влечет его, очевидно, к нам, в толпу, на общую работу, но слишком еще молодая мысль не справилась с удручающими ее противоречиями, и г. Гаршин тоскливо спрашивает: «есть ли в сем поле жив человек?» С этим века не проживешь. Изнывать по поводу бренности и ничтожности всего земного и людского — значит

терять и силы, которые так нужны, и время, которого так мало» («Дело» 1882, кн. VIII, отд. 2, стр. 44—49).

[199] О «Нашем друге» бар. Н. А. Корфа см. письмо Г. к Ф. Ф. Павленкову № 260 и примеч. 204.

[200] О работе над «Воспоминаниями рядового Иванова» см. примеч. 202 и 193.

Письмо 258.

[201] 5 августа 1882 г. состоялось «Высочайшее повеление» об упразднении Высших женских врачебных курсов. Подоплека этого государственного акта обнажена была лишь в 1886 г., когда особое совещание чинов министерств народного просвещения и внутренних дел под председательством министра народного просвещения И. Д. Делянова официально установило, что «пока не будет выработан устав, программы и правила предполагаемого высшего женского учебного заведения, необходимо пресечь дальнейшее скопление в больших городах молодых девиц, ищущих не столько знания, сколько превратно понимаемой ими свободы». На докладе этом 12. V. 1886 г. Александр III положил следующую резолюцию: «Совершенно разделяю мнение совещания» (С. В. Рождественский, «Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения», СПБ. 1902, стр. 627—628).

[202] В воспоминаниях Е. М. Гаршина «Как писался «Рядовой Иванов» отмечены некоторые сомнения идеологического порядка, возникшие у Г. при окончании им тех страниц повести, которые были посвящены картине царского смотра в Плоэштах:

«Брат меня спрашивал, можно ли этот кусок его чудной картины оставить на ее полотне?

«—Но почему же нельзя? Ведь это лучшее, что ты до сих пор создал, ведь здесь твое творчество поднялось до апогея.

— «До сих пор я отдавал все свое в «Отечественные записки», а пройдет ли там эта сцена, и даже больше — могу ли я, как сотрудник «Отечественных записок», выдавать в свет такие сцены?»

«— Но ведь ты чувствовал и чувствуешь то, что ты здесь написал?

«— Да, чувствовал и чувствую».

«— Дорогой мой, веришь ли ты в незыблемость либерализма Михаила Евграфовича? — «Верю».

«— В таком случае обещай мне, что ты эту свою рукопись передашь не прямо в редакцию, а лично ему.

«— Да, это верно. Его суд решит все».

«Рукопись, действительно, миновала всех остальных олимпийцев «Отеч. зап.» и оказалась в руках лично самого М. Е. Салтыкова-Щедрина... передавшего ее в набор без каких-либо поправок и перечеркиваний, от которых так страдал покойный Всеволод после выхода в свет его рассказов «Происшествие» и «Трус» («Солнце России» от 23 марта 1913 г., № 13, стр. 5).

Письмо 259.

[203] См. примеч. 201. В конце абзаца «торжествующей <свиньей>» названо правительство Александра III.

Письмо 260.

[204] Дата чернового письма Г. к Ф. Ф. Павленкову нами устанавливается на основании упоминания о предложении последнего в письмах Г. к Н. М. Золотиловой от 20. VIII (№ 256) и к Е. С. Гаршиной от 21. VIII. 1882 г. (№ 257). Из зачеркнутых слов автографа нами даются (в квадратных скобках) лишь самые существенные в тематическом или стилистическом отношении. Первое издание книги, о которой пишет Г., вышло

в свет еще в 1871 г., под названием: «Наш друг. Книга для чтения учащихся в школе и дома. Составлено бароном Н. А. Корфом», СПБ. 1871, изд. Д. Е. Кожанчикова. К началу 1882 г. книга эта выдержала уже *девять* изданий и принадлежала к числу популярнейших школьных пособий (см. книгу М. Я. Песковского «Барон Н. А. Корф в письмах к нему разных лиц», СПБ. 1895, стр. 137, 176, 246).

[205] «Последняя фраза статейки», которая, по мнению Г., «никуда не годится»: «С тех пор установлен праздник Покрова, для того чтобы люди вспоминали о том, что матерь божия, которой они молятся, им заступница».

Письмо 261.

[206] «Рассказ, которого писать мне осталось несколько страничек» — «Из воспоминаний рядового Иванова». См. примеч. 193.

[207] План повести «О Чернопольских и Венедикте» остался нереализованным. См. о нем еще примеч. 192.

Письмо 264.

[208] Письмо Тургенева, о котором упоминает Г., опубликовано в сборн. «Памяти В. М. Гаршина», СПБ, 1889, стр. 71—72. Печатаем его по автографу:

Bougival (Seine et Oise) Les Frênes.

Пятница 15/3 сент. 82.

Любезнейший Гаршин, я получил ваше письмо, а перед тем вашу книгу, которую прочел немедленно. Могу повторить то, что я, кажется, писал вашей матушке: изо всех наших молодых писателей вы тот, который возбуждает бо́льшие надежды. У вас есть все признаки настоящего, крупного таланта: художнический темперамент, тонкое и верное понимание *характерных* черт жизни — человеческой и общей, чувство правды и меры, простота и красивость формы и — как результат всего — оригинальность. Я даже не вижу, какой бы совет вам преподать; могу только выразить желание, чтобы жизнь вам не помешала, а напротив дала бы вашему созерцанию ширину, разнообразие — и спокойствие, без которого никакое творчество немыслимо.

Насчет же того, что вы мне говорите о моем призвании в отношении к молодому поколению писателей — скажу вам, что теперешняя невозможность исполнить это призвание — вот главная причина моей досады на глупую болезнь, осудившую меня на невозможное прозябание вдали от России. Тяжело также и то, что я не могу даже предвидеть, когда прекратится это прозябание, — облегчение моих припадков не настолько значительно, чтобы я мог предаваться надеждам. Остается не думать об этом — и ждать у моря погоды.

Радуюсь, что пребывание ваше в деревне пошло вам в пользу и возвратило вас к литературной работе.—Не думаете ли вы продолжать историю одного денщика (заглавия не помню), которая появилась в одном ныне прекратившемся журнале? Помнится, начало мне очень нравилось.

Прошу вас поклониться от меня всем Спасским жителям. Крепко и дружески жму вам руку.

Ив. Тургенев

Зачем у вас в конце «Ночи» сказано: лежал «человеческий *труп*»? Ведь он себя не убил — да и не видно, чтобы он умер от других причин.—Эта неясность производит в читателе впечатление недоумения, чего особенно следует избегать».

Письмо 265.

[209] О работе Г. над повестью «Из воспоминаний рядового Иванова» см. примеч. 206 и 193.

Письмо 266.

[210] См. примеч. 193, 206 и 209.

[211] Перевод латинской сентенции: «Что бы ты ни делал, делай разумно и смотри на конец». Поговорка эта восходит к «Gesta romanorum» («Римские деяния»), а не к Горацию.

Письмо 267.

О письмах Г. к И. Т. Полякову см. примеч. к письму № 241. Рассказ, о недовольстве которым упоминал Г., — «Из воспоминаний рядового Иванова».

Письмо 268.

[212] «Свадьба», упоминаемая в письме Г., — венчание Н. М. Минского (Виленкина) с Ю. И. Яковлевой; свидетелями были М. Н. Альбов, Е. К. Рапп, В. М. и Е. М. Гаршины. (Сообщение Е. М. Гаршина).

Письмо 271.

[213] Для сборника «Сказки для детей, Уйда», СПБ. 1883, Г. перевел «Нюренбергскую печь» (стр. 61—148) и «Честолюбивую розу» (стр. 199—218).

Письмо 272.

[214] С осени 1882 г. Г. служил в течение нескольких месяцев в Гостином дворе помощником управляющего бумажного склада Анноловской фабрики К. Липгард и К°. Как свидетельствует Я. В. Абрамов, «обязанности В. М. были чем-то вроде обязанностей конторщика и отнимали у него по несколько часов каждый день, иногда делаясь довольно тяжелыми и отнимавшими почти целый день. За это В. М. получал 50 р. в месяц» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 42). О службе в Гостином дворе см. еще письмо Г. от 9. VII. 1883 г. к В. А. Фаусеку, № 282.

1883

Письмо 274.

[215] «Бедная Надя» — Надежда Всеволодовна Александрова, младшая сестра бывшей невесты Г., покончившая с собой в Харькове весною 1883 г. О ней см. выше письмо № 173.

[216] Цитата из «Братьев Карамазовых» Достоевского.

[217] Цитата из «Ревизора» Гоголя (действ. I, явл. 1).

Письмо 276.

[218] «Первая длинная большая вещь», о работе над которой упоминает Г., дала материал, судя по замечанию «описываю Старобельск», лишь для рассказа «Медведи» («Отеч. Зап.» 1883, кн. XI, стр. 199 — 213). Ср. письма №№ 276, 279, 282.

[219] От той или иной конъюнктуры на шерстяной ярмарке в Харькове зависело возвращение Г. денег, ссуженных им И. Т. Струкову. Ср. письма №№ 278 и 280.

Письмо 277.

[220] О работе Г. над «Медведями» см. примеч. 218.

Письмо 279.

[221] Рассказ Г. И. Успенского, отмеченный в письме Г., напечатан был под названием «Из путевых заметок. Мелочи путевых воспоминаний» («Отеч. Зап.» 1883, кн. V, стр. 243—262).

[222] «Большая вещь», вероятно, «повесть о Радонежской» (см. примеч. 194) или «Медведи» (см. примеч. 218), а рассказ — «Красный цветок» (см. примеч. 224).

Письмо 281.

[223] Об успешном окончании переговоров Г. с Ф. Ф. Павленковым по поводу издания «Собрания сочинений» Г. И. Успенского см. письма Г. от 10. и 14. VII. 1883 г. Резкое замечание Г. о книгопродавце Н. П. Карбасникове объясняется, вероятно, тем, что в начале 70-х годов в минуту нужды Успенский продал этому издателю за 300 р. право собственности на свои сочинения, а через некоторое время должен был выкупить это самое обязательство за 1100 р. (Г. И. Успенский «Сочинения и письма в одном томе», М. 1929, стр. 588).

Письмо 282.

[224] «Красный цветок», о работе над которым упоминает Г., напечатан был в «Отеч. зап.» 1883, кн. X, стр. 297—310. «Большой рассказ» — вероятно, первая редакция «Медведей» (см. примеч. 218); третье литературное начинание — неосуществленная повесть о Р. Р. Радонежской (см. примеч. 194).

[225] О службе Г. в Гостином дворе см. примеч. 214.

Письмо 285.

[226] Условия, о которых писал Г., были немедленно приняты Г. И. Успенским, как необычно для него выгодные. См. письмо Г. № 284 и примеч. 223. Трехтомное собрание «Сочинений Глеба Успенского» в издании Ф. Ф. Павленкова вышло в свет осенью 1883 г.

Письмо 293.

[227] Письмо Г. является ответом на письмо к нему С. Я. Надсона от 7. XI. 1883. На основании последней даты определяется нами и дата письма Г. Упоминаемая в конце трагедия Н. М. Минского — вероятно, «Осада Хотина», о чтении которой см. еще письмо Г. к брату от 24. I. 1884 г.

Письмо 294.

[228] Доктор И. Л. Сикорский поместил в «Вестнике клинической и судебной психиатрии и невропатологии» за 1884 г. специальный разбор «Красного цветка», как «правдивого, чуждого аффектации и субъективизма описания маниакального состояния, сделанного в художественной форме». Статья эта перепечатана была в сб. «Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 208 — 214. Об отклике Г. на статью Сикорского о «Красном цветке» см. письмо № 343.

[229] Г. имеет в виду «Биографию письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского», СПБ. 1883. Об этой книге см. примеч. 235.

Письмо 295.

[230] Эти строки письма Г. являются, как мы полагаем, откликом его на убийство 16. XII. 1883 г. в квартире провокатора С. П. Дегаева жандармского полковника Судейкина. Террористический акт был приведен в исполнение народовольцами Стародворским и Конашевичем.

Письмо 296.

[231] «Статья г. Венгерова», о которой упоминал и которую приложил к своему письму Гаршин, была изъята (вырезана) из первого тома «Полн. собр. соч. А. Ф. Писемского», СПБ. 1883, изд. товарищества М. О. Вольф и вышла впоследствии отдельным изданием под названием «Алексей Феофилактович Писемский. Критико-биографический очерк С. А. Венгерова»,

1884. Кампания против очерка С. А. Венгерова в реакционной прессе началась статьей Н. Б-ва в «С.-Петербургских ведомостях» 1883, № 347, сочувственно перепечатанной в «Новом времени» от 24. XII. 1883 г., как изобличение «наглейшего шарлатанства, какого еще не видали в нашей литературе». («Новое время», № 2811, «Среди газет и журналов»). Автор новой биографии А. Ф. Писемского обвинялся в «узкой партийности и полном незнании русской жизни и русских характеров», причем конкретный разбор его труда заменялся площадной руганью и резкими антисемитскими выпадами по адресу как самого С. А. Венгерова, так и руководителей издательства М. О. Вольф. Очевидно обращение Гаршина к А. С. Суворину вызвано было надеждой на то, что последний согласится принять на себя роль литературного арбитра в этом деле и тем самым положит конец непристойной травле С. А. Венгерова в официозной и бульварной печати. Расчеты Гаршина, однако, не оправдались, и хотя А. С. Суворин очень быстро выступил в своей газете со специальным фельетоном «Критик Писемского из новых», но статья эта подчеркивала полную солидарность ее автора с той квалификацией работы С. А. Венгерова, которая дана была уже на страницах черносотенных «С.-Петербургских ведомостей»: «г. Венгеров, — резюмировал А. С. Суворин, — никогда не сделается сколько-нибудь заметным критиком не только потому, что у него нет для этого таланта и ума критического, но и потому, что он еврей. Чтоб судить о выдающихся русских писателях, надо быть русским, надо иметь русскую душу, чтоб понимать явления русской жизни в их целом, понимать их в самом себе, в своем сердце. Иностранец даже с талантом Белинского и Добролюбова никогда бы не мог сказать того, что они сказали, и сказать так, как они, то есть чтоб слово их проникало не только в ум читателя, но и в сердце. Будь г. Венгеров русским, он даже при своих знаниях, при своем маленьком таланте сказал бы о Писемском цельнее, лучше, определеннее и избежал бы тех пошлостей и оскорбительных для памяти писателя вздоров, какие он наговорил в своем бездушном резонерстве» («Новое время» от 5. I. 1884 г., № 2821). Во вступительных строках к своему фельетону А. С. Суворин счел необходимым отметить, не называя, правда, имен, обращение к нему «двух молодых писателей», которым он «дал слово» печатно откликнуться на инцидент с новой биографией А. Ф. Писемского. Таким образом, ответственность за свою неудачную инициативу Гаршин нес не один. Фельетон же имел своим следствием вызов А. С. Суворина на дуэль С. А. Венгеровым («Заря» от 11. I. 1884 г.), но, как отмечал И. И. Ясинский в своей рецензии на злополучную биографию А. Ф. Писемского, «вместо крови было пролито несколько больше, чем следует, чернил, и обе стороны, повидимому, успокоились» («Заря» от 6 мая 1884 г.). С инцидентом этим связаны последние строки письма Г. к С. А. Венгерову от 8 октября 1884 г. См. примеч. 347.

1884

Письмо 298.

[282] Беспокойство Е. С. Гаршиной вызвано было массовыми арестами в Петербурге после убийства полковника Судейкина и бегства С. П. Дегаева. Упоминаемый в конце письма С. Н. Кривенко арестован был 3. I. 1884 г. как сотрудник нелегального «Листка Народной воли» и участник организации подпольного «Красного Креста». Слухи об его высылке, о которых упоминает Г., были преждевременны (см. далее письмо № 345). О встречах с Г. «весною 1883 г.» на вечерах у С. Н. Кривенко вспоминает Евг. Шольп, близкий в ту пору кругам революционного народничества. Как свидетельствует мемуарист, единомышленники Кривенко «чувствовали, что Г. человек иного духовного склада и при нем как-то смолкали», тем более, что от общения с ними Г. явно уклонялся и «никакого сочувствия к пострадавшим народовольцам не выражал» («Киевская Мысль» от 24 марта 1913 г., № 83).

*

Письмо 300.

[233] Дата письма определяется на основании календарных данных о том, что во все время знакомства Г. с А. И. Эртелем пятница приходилась на 27. I. только в 1884 г.

Письмо 301.

[234] О драме Н. М. Минского см. письмо Г. от 27. I. 1884 г. к Е. М. Гаршину.

[235] Сочувственно отмечены Г. в первой книжке «Отеч. зап.» 1884 г. след. произведения: 1. «Волей-неволей (отрывки из заметок Тяпушкина)» Г. И. Успенского; 2. Сказки «Самоотверженный заяц», «Бедный волк» и «Премудрый пискарь» М. Е. Салтыкова-Щедрина; 3. «Письмо в редакцию» Постороннего ⟨Н. К. Михайловского⟩ по поводу «Материалов для биографии Достоевского». О впечатлениях Г. от последней книги, близких заключению Н. К. Михайловского, см. письмо Г. № 294.

Письмо 302.

[236] «Сказка о жабе и розе» Г. появилась не в «Павленковском сборнике», для которого была написана, а в юбилейном сборнике Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым «XXV лет», вышедшем в свет в самом конце 1884 г.

[237] Возможно, что Г. имеет в виду план повести о Р. Р. Радонежской, см. примеч. 194.

Письмо 304.

[238] О свидании Г. с Толстым в 1880 г. см. примеч. 132. Упоминание о занятиях переплетным мастерством не случайно: «Переплетным мастерством, — свидетельствует В. А. Фаусек о Гаршине, — он занимался с большою любовью и посвящал ему обыкновенно почти каждый день предобеденные и послеобеденные часы. Он был вообще большой любитель всяких физических упражнений и особенно разных ручных работ; постоянный житель города, он имел мало случаев удовлетворять своим наклонностям, но был очень способен на всякую физическую и механическую работу» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 97).

Письмо 307.

[239] «Рассказ», о начале работ над которым упоминает Г., нам неизвестен, возможно, что это «Сон Павла Павловича». См. т. II настоящего издания.

Письмо 310.

[240] Ф. Ф. Фидлер напечатал в мартовской книжке «Nordische Rundschau» за 1884 г. свой перевод «Attalea princeps» Гаршина, а за несколько месяцев перед тем перевод «Красного цветка» в лейпцигском ежемесячнике «Auf der Höhe». Просмотренный Ф. Ф. Фидлером немецкий перевод, о котором упоминается в письме, принадлежал Н. Баумбаху («Ночь»). О дружественных отношениях Г. и Ф. Ф. Фидлера см. воспоминания последнего («Новое Слово» 1914, № 1, стр. 68—75) и письмо Г. к матери от 11. II. 1884 г. (№ 305).

Письмо 311.

[241] Первый портрет В. М. Гаршина, написанный И. Е. Репиным, как этюд для картины «Иван Грозный», хранится ныне в Третьяковской галлерее в Москве. См. его воспроизведение в «Солнце России» от 23. III. 1913 г., стр. 5, и в настоящем издании. Общеизвестная дата этюда «1883 г.» — неточна, судя по письму Г. к матери от 15. III. 1884 г. Большой портрет Г., написанный Репиным летом 1884 г. и выставленный на

15-й передвижной выставке 1887 г., воспроизведен в настоящем издании, т. I. О знакомстве Г. с Репиным см. еще письма № 335, 338 и 339, воспоминания И. Е. Репина «Мои встречи с В. М. Гаршиным» («Солнце России» от 23. III. 1913 г., № 13, стр. 10—11) и критическую сводку материалов С. Н. Дурылина «Гаршин и Репин», М., ГАХН, 1926, стр. 45—71.

Письмо 313.

[242] А. И. Эртель был арестован 3. IV. 1884 г., в связи с раскрытием организации так называемой молодой «Народной воли» (процесс 21). Под арестом пробыл до 28. VI. 1884 г. В официальной полицейской справке об А. И. Эртеле от 21. II. 1886 г. значится, что «зашифрованный адрес Эртеля найден был в письмах Шебалина и Макара Васильева. Шебалин должен был его уведомить телеграммой о выезде своем из Киева в условных выражениях. Вследствие сего в апреле 1884 г. Эртель был арестован в С.-Петербурге, заключен под стражу и привлечен к дознанию по обвинению в государственном преступлении. Дознанием было установлено, что хотя Эртель и оказал некоторые услуги преступной организации, но тем не менее данные им на допросе чистосердечные показания и сделанные им указания на лиц, коим предназначались получаемые через его посредство письма, привели к убеждению, что ему могли быть неизвестны конспиративный характер переписки и преступное направление тех лиц, коим таковые предназначались. По всеподданнейшему докладу обстоятельств дела, государь император, в 22 день января текущего года, высочайше повелеть соизволил разрешить означенное дело административным порядком, причем Эртелю был вменен в наказание предварительный арест, с подчинением гласному надзору полиции в избранном месте жительства на два года» («Былое» 1917, кн. IV, стр. 105). Ср. «Красный архив», т. XXXVI (1929 г.), стр. 165 и «Письма А. И. Эртеля», М. 1909, стр. 32 и сл. О встрече Г. с Эртелем после освобождения последнего см. письмо № 325.

Письмо 314

[243] К. М. Станюкович был арестован в середине апреля 1884 г. по обвинению в связях с деятелями революционного подполья и эмиграции. Как установлено было при полицейском просмотре конторских книг редактируемого им журнала «Дело», в последнем печатались (под псевдонимами) статьи и переводы С. М. Кравчинского, А. Л. Эльсница, Н. С. Русанова, Л. И. Мечникова, Добровольского и Льва Тихомирова. Об этом дознании см. еще примеч. 252.

Письмо 315.

[244] Постановление особого совещания четырех министров о закрытии «Отеч. Зап.» опубликовано было 20. IV. 1884 г. Необходимость ликвидации журнала мотивировалась официально тем, что «в редакции «Отеч Зап.» группировались лица, состоящие в близкой связи с революционной организацией; еще в прошлом (1883) году один из руководящих членов редакции означенного журнала ⟨Н. К. Михайловский⟩ подвергся высылке из столицы за крайне возмутительную речь, с которой он обратился к воспитанникам высших учебных заведений, приглашая их противодействовать законной власти. Следствием, кроме того, установлено, что заведующий одним из отделов этого же журнала ⟨С. Н. Кривенко⟩ до времени его ареста был участником преступной организации. Еще на сих днях полиция поставлена была в необходимость арестовать двух сотрудников ⟨М. А. Протопопова и А. И. Эртеля⟩ этого журнала за доказанное пособничество с их стороны деятельности злоумышленников. Нет ничего странного, что статьи самого ответственного редактора, которые по цензурным условиям не могли быть напечатаны в журнале, появлялись в подпольных изданиях у нас и за границей. Присутствие значительного числа

лиц с преступными намерениями в редакции «Отеч. Зап.» не покажется случайным ни для кого, кто следил за направлением этого журнала, внесшего немало смуты в сознание известной части общества. Независимо от привлечения виновных к законной ответственности, правительство не может допустить дальнейшее существование органа печати, который не только открывает свои страницы распространению вредных идей, но и имеет ближайшими своими сотрудниками людей, принадлежащих к составу тайных обществ» («Правит. Вестник» от 20. IV. 1884 г.). О закрытии «Отеч. Зап.» см. материалы книги В. Е. Максимова «В тисках реакции», Л. 1926, стр. 103 — 128; статью П. Анатолиева «К истории закрытия журнала «Отеч. Зап.» («Каторга и ссылка» 1929, № 8—9, стр. 169—202) и «Воспоминания Е. М. Феоктистова», Л. 1929, стр. 241—242 и 282.

Письмо 316.

[245] Журнал, в который приглашен был Г., начал выходить в свет с ноября 1884 г. под названием «Новь» (Иллюстрированный двухнедельный Вестник современной жизни, литературы, науки и прикладных знаний). Ответственным редактором подписывался А. М. Вольф. Визит последнего к Г. имеет, вероятно, в виду М. Е. Малышев, отмечая в своих воспоминаниях: «Убеждениям своим и долгу Всеволод Михайлович не изменял никогда. Несмотря на самые заманчивые, лестные и выгодные предложения, он наотрез отказался работать в журнале «Новь», не сходясь с ним во взглядах». (Сб. «Памяти В. М. Гаршина, СПБ. 1889, стр. 128).

Письмо 317.

[246] 6. I. 1885 г. М. Е. Салтыков, рекомендуя М. М. Стасюлевичу привлечь в «Вестник Европы» Н. Д. Хвощинскую-Заиончковскую, писал: «Есть и еще один писатель, который пишет не много, но хорошо. Это — Гаршин. Не в качестве вмешательства, но просто в виде благожелательного мнения я думал бы, что ежели бы вы или Александр Николаевич Пыпин написали ему пригласительное письмо, то он примкнул бы к «Вестнику Европы» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. V, СПБ. 1913, стр. 18). Однако в «Вестник Европы» Гаршин так и не был приглашен и вместе с большей частью сотрудников «Отеч. Зап.» примкнул на время к «Русской Мысли».

О переходе сотрудников «Отеч. Зап.» в «Русскую Мысль» см. также письмо № 325.

Письмо 321.

[247] Воспоминания Н. В. Рейнгардта о встречах его с Г. в 1866 и 1884 гг. опубликованы в сб. «Красный цветок», СПБ. 1889, стр. 54—59.

Письмо 325.

[248] Дата этого письма Г. к Н. М. Минскому устанавливается на основании связи его концовки с письмом Г. к матери от 1. VII. 1884 г. (Данные о поездке «в прошлое воскресенье» на Сиверскую). Последнее воскресенье приходилось в июне 1884 г. на 24-е число, Г. же писал Минскому за день до воскресной поездки, т. е. 23 июня.

Письмо 328.

[249] См. примеч. 242.

Письмо 330.

[250] Дата записки Г. к А. В. Успенской устанавливается предположительно, на основании данных о пребывании Г. в Москве в самом начале июля 1884 г. и о возможной встрече его там в это время с Г. И. Успенским, возвращавшимся с Урала. Судя по тому, что выехал Гаршин из Москвы 5 июля 1884 г., а записка его к А. В. Успенской заключала в себе

спешную информацию о предстоящем приезде Г. И. «сегодня, в пятницу» или «завтра, в субботу», мы и относим ее к 6 июля (пятница приходилась именно на это число).

Письмо 331.

251 Об отношениях Г. и Н. Д. Хвощинской-Заиончковской (Крестовский — псевдоним) см. примеч. 152.

252 Н. В. Шелгунов был арестован 28. VI. 1884 г. в связи с дознанием об участии в журнале «Дело» деятелей революционного подполья и эмигрантов (см. выше примеч. 243). В связи с этим же дознанием был арестован 20. VI. 1884 г. В. А. Гольцев, обвинявшийся в передаче денег Льву Тихомирову от К. М. Станюковича (Сб. «Памяти В. А. Гольцева», М. 1910, стр. 48).

Письмо 332.

253 О причинах разрыва Г. с редакцией «Новостей» см. письмо Г. от 1. I. 1878 г., № 122.

Письмо 335.

254 Об этом визите писал 23. VII. 1884 г. М. Е. Салтыков Н. К. Михайловскому: «Сегодня был у меня Гаршин. Он несколько уныл и говорит, что ему не пишется. Видел вас и вы здоровы. Об Успенском говорит, что он хочет переселиться на Урал. Кривенко все еще сидит» (М. Е. Салтыков-Щедрин, «Письма», Л. 1924, стр. 273).

О работе И. Е. Репина над портретом Г. см. примеч. 241.

Письмо 336.

255 В. А. Фаусек, включая этот отрывок из письма Г. в свои воспоминания, относит его к «лету» 1884 г., а Я. В. Абрамов, цитируя две строки этого же отрывка, датирует их «1 июня» 1884 г. («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 111 и 51).

Письмо 337.

256 О поездке Г. к Салтыкову-Щедрину см. примеч. 254.

Письмо 339.

257 О портрете Г. см. примеч. 241.

258 О начале работы Г. над повестью «Надежда Николаевна» см. его письма к матери от 5. III. и 18. XII. 1879 г. Вернувшись к этому замыслу в августе 1884 г., Г. закончил повесть в январе 1885 г. См. письма №№ 340, 341, 347, 352, 356, 357, 359.

Письмо 340.

259 См. примеч. 253.

260 О разгроме редакции журнала «Дело» см. примеч. 243 и 258.

Письмо 341.

261 «Повестушка» эта — «Надежда Николаевна». См. примеч. 258.

Письмо 342.

262 Точное название «Книжки», упоминаемой в письме Г. к Н. М. Минскому: «Типы Всеволода Гаршина. Критический этюд Н. Шмакова». Тверь 1884, стр. 29 (Цензурное разрешение: С. Петербург 21 марта 1884 г.). Брошюра посвящена была не столько критическому разбору рассказов Г., сколько резкой полемике со статьей Н. Я. Николадзе о Г. в «Отеч. зап.» 1882 г. Протестуя против высокой оценки литературного мастерства Г. и не соглашаясь с установленным Н. Я. Николадзе тезисом об «особом

гаршинском типе современного российского интеллигента», Н. Шмаков замечал: «Благо г. Гаршину и нам, что перлы его появляются редко, по зернышку. После некоторого антракта еще сильнее достигается видимая цель: поразить читателя, вздернуть его на четверть часика на дыбы, провести стальным гребнем по его нервным путям. Странная задача!.. Не умиления мы ищем, не удовольствия в прямом смысле ждем от хорошего рассказа, нет; мы готовы отдать полное внимание талантливому изображению зла во всей его непривлекательной наготе, но... пощадите же наши нервы, г. Гаршин! Что за странность, что за эпидемия такая: *девять* из *десяти* миниатюр *заполнены трупами;* в десятой («Художники»), если и нет настоящей смерти, то есть смертельная болезнь, не говоря уже о полумертвом «глухаре» (стр. 26).

Выводы этой претенциозной и по всем своим литературным и политическим установкам явно реакционной брошюры сводились к тому, что Гаршин «может написать много очень хороших мелких произведений, может создать и нечто крупное, ценное, а может и стушеваться. Надо выждать и, как бы руки ни чесались, потерпеть звонить во все колокола» (стр. 29).

Письмо 343.

[263] О статье И. Л. Сикорского см. примеч. 227. Презрительный отзыв Г. о рецензиях «Кигнов, Чуек и пр.» на «Красный цветок» вызван следующими суждениями его критиков.

«Душевная болезнь, — писал В. Чуйко в «Новостях», — хотя и дает художнику богатый материал для психического анализа, тем не менее не должна быть предметом художественного анализа, потому что в этой области — все загадка не только для художников, но и для психиатра... Почтенный автор не посетует на меня, если я прямо и откровенно скажу, что его последний рассказ, напечатанный в «Отеч. зап.», кажется мне очень слабым, бессильным поддержать его репутацию. Г. Гаршин всегда обнаруживал большую наклонность к так называемому психическому анализу; и на этот раз, если хотите, психический анализ составляет содержание рассказа, но самый предмет исследования выбран чрезвычайно неудачно. Гаршин дает нам *голый патологический этюд* и не поступает даже так, как поступает всякий осмотрительный психиатр, который прежде, чем поставить диагноз, осведомляется об антецендентах больного и доискивается причин болезни. Автор-художник должен был обратить все свое внимание не на симптомы самой болезни, а на обстоятельства, вызвавшие ее, и не забывать, что натура, темперамент, если и не обусловливают психического и умственного строя человека, то во всяком случае определяют его. Тургенев, которому рассказ посвящен, не сделал бы такой крупной ошибки, а тем более не сделал бы ее ни Достоевский, ни Толстой. Они бы нам дали не простой, предположительный этюд из области психиатрии, а глубокую картину молодой натуры, которая вступает в жизнь с надеждами и розовыми мечтаниями, которая не выносит напора грубой действительности и падает в конвульсиях, сломанная и уничтоженная собственной внутренней силой» («Новости» от 20. X. 1883 г., № 200).

Отзыв В. Л. Кигна, критика «Недели» (псевдоним «I»), был еще более резок: «Что сказать о «Красном цветке» г. Гаршина («Отеч. зап.», № 10)?.. Опять мрачный лиризм, опять психология чувства, болезненного и безрезультатного. От лиризма до объективного творчества — огромное расстояние; от самонаблюдения до наблюдения внешнего мира очень далеко. И пока г. Гаршин не дал нам чего-либо объективнее, чем его произведения до сих пор, — ничего нового о нем сказать нельзя. Ново разве то, что читатель начинает уже уставать от чтения г. Гаршина, работающего исключительно нервами, без участия мысли. Лиризм хорош в коротеньких вещах, но страницы, листы, — том, наконец, этой острой духовной

пищи производят действие одуряющее»... Особенно же возмутить автора должны были заключительные строки рецензии Кигна: «Сумасшедший г. Гаршина порядочно-таки сочинен, механически составлен из довольно-таки обыкновенных болезненных психических явлений и неизмеримо далек от безумных Гоголя и Достоевского, с безумно мощной фантазией или безумно сильным, тонким, изворотливым, энергичным умом. Сумасшедший г. Гаршина больше напоминает даму в истерическом припадке: плачет да кричит, да царапается» («Неделя» от 13. XI. 1883, № 46, стр. 1518).

Письмо 344.

[264] О занятиях Г. английским языком см. письма его №№ 212, 215, 444. Как свидетельствует в своих воспоминаниях В. А. Фаусек, «английский язык особенно привлекал его; национальный гений английского народа был для него всегда предметом уважения и глубокого интереса. Когда он мечтал о поездке за границу, то на первом плане всегда стояли Англия и Лондон. Шел как-то разговор о великих людях; ни один народ, по его мнению, не мог выставить двух таких имен, как Ньютон и Дарвин: «и если я прибавлю к ним еще третье великое имя — Шекспира, то должно сказать, что это действительно первый народ на земле» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 103.)

Письмо 345.

[265] Об аресте С. Н. Кривенко см. примеч. 232. Допросы его, о которых вскользь упоминает Г., вызвали иронический отклик М. Е. Салтыкова в письме от 19. VIII. 1884 г. к Н. К. Михайловскому: «Е. П. Елисеева рассказывает, что Кривенко — молодец. Совершенно обворожил следователей своим умом. Выразил будто бы мысль, что их всех ⟨революционных народников⟩ надлежало бы сосредоточить в одной губернии («а губернатором назначить, конечно, г. Салтыкова?» — добродушно шутят следователи. — Нет, — говорит Кривенко, — не Салтыкова, а высокопоставленное лицо). И теперь пишет записку, в которой излагает, чего он ожидает от правительства. И наверное, изложит так убедительно, что все так и будет исполнено, как он напишет» (М. Е. Салтыков-Щедрин «Письма», Л. 1924, стр. 276). О показаниях С. Н. Кривенко, в которых он резко отмежевывался от вождей «Народной воли», см. еще «Красный Архив», т. 36, стр. 166. «Плющ», на информацию которого ссылается Г., — Я. А. Плющевский-Плющик — юрисконсульт министерства внутренних дел, бывш. чиновник Харьковской судебной палаты, театральный рецензент «Новостей» и «Нового Времени».

Письмо 347.

[266] Г. в это время работал над повестью «Надежда Николаевна». См. примеч. 258.

Письмо 348.

[267] О знакомстве Г. с Н. А. Демчинским см. отрывки из воспоминаний последнего, опубликованные в «Журнале театра Литературно-художественного общества» 1910 г., № 1, стр. 18—19 и в «Солнце России» 1913, № 13, стр. 9, а также письма Г. №№ 350, 360 и 364. Замечание Г. о том, что «Надежда Ивановна» (гражданская жена Н. А. Демчинского) приходится сестрой Ю. И. Яковлевой (жене Н. М. Минского) — ошибочно.

Письмо 350.

[268] К письму Г. от 20. IX. 1884 г. сделана была Н. М. Гаршиной следующая приписка:

«Дорогая Екатерина Степановна. Благодарю Вас за память обо мне и за подарки — платок и полотенца прелесть как хороши. Всеволоду же

носки очень кстати. Я так рада, что вернулся Всеволод — вчера он приехал только, пробыл там 11 дней, я соскучилась без него, — но и вместе с тем рада была за него; эти поездки освежают его — он вернулся бодрым и веселым. Очень я порадовалась за Вас по случаю свадьбы Егора Мих. — Вам можно будет теперь вернуться в Петербург. Поцелуйте пожалуйста Сашу — спасибо милому мальчугану за письмо его и за пожелание быть доктором. Теперь я готовлюсь к экзаменам — 12 окт. назначен первый. До скорого свиданья, дорогая Екатерина Степановна.

Ваша *Н. Г.*»

[269] Этот фотографический снимок воспроизведен был в журн. «Беседа» 1903 г. с пояснительной заметкой И. И. Ясинского, который, вспоминая свою встречу с Гаршиным в Киеве в сентябре 1884 г., писал: «Ко мне приехал Всеволод Гаршин — красивый, молодой, знаменитый, и приехал Минский, бывший тогда первым русским поэтом. Мы все утро провели в живой беседе. Всеволод был возбужден. Он острил, над чем обыкновенно острят литераторы, рассказывал анекдоты о цензуре и о братьях писателях и продекламировал несколько юмористических стихотворений Буренина, к которому «питал слабость». После завтрака мы отправились бродить по Киеву, увидели фотографию, зашли и снялись. Всеволод все время смешил нас и фотографа. Один Минский выдержал характер во время сеанса» («Беседа» 1903, № 6, стр. 246). Ср. воспоминания об этом же эпизоде в книге В. Бибикова «Рассказы», СПБ. 1888, стр. 351 — 352.

[270] Студенческие антиправительственные демонстрации 7 и 8 сентября 1884 г. в Киеве были связаны с казенными торжествами по случаю 50-летнего юбилея Киевского университета: В прокламации, выпущенной накануне «торжеств» руководителями демонстрации, мотивы последней были определены следующим образом: «Товарищи! В тяжелую смуту, переживаемую всем русским обществом, наш университет собирается праздновать свой юбилей! Закрываются одни за другими лучшие русские журналы, из библиотек выключаются лучшие книги, вводится новый устав, с помощью которого университет и вообще всякую мысль хотят подавить; нет честного человека, который бы, по выражению Щедрина, не имел тревоги в сердце; и в такое время Ренненкампф говорит свое приветственное, ликовательное слово. Мы должны заявить о своих мнениях, и мы сделаем это». Особая охрана квартиры ректора университета проф. Ренненкампфа, отмечаемая в письме Гаршина, обусловлена была тем, что в первый день «торжеств» в ректорском доме «облили дегтем входную дверь», а на второй день, судя по официальной справке, «студенты, безнаказанно бесчинствовавшие днем на улицах, в 7 ч. вечера напали на дом ректора, во время обхода его с гостями, камнями разбили ставни и окна». См. А. К. Бороздин, «Юбилей Киевского университета» («Былое» 1917, кн. III, стр. 156 — 165). Ср. В. Д. Новицкий, «Из воспоминаний жандарма», Л. 129, стр. 150 — 159.

Письмо 351.

[271] О проекте Г. еще в 1882 г. написать повесть «с фигурой Радонежской» см. примеч. 194. К этим планам Г. возвратился, судя по письму его к В. М. Латкину от 1. IV. 1885 г., после окончания «Надежды Николаевны». Последнее упоминание об этом начинании см. в письме № 390.

Письмо 352.

[272] Дата этого письма Г. к Е. М. Гаршину определяется нами на основании упоминания: «Вчера я был с Давыдовым на сотом представлении «Демона». В виду того, что спектакль этот состоялся 1 октября 1884 г. («Летопись событий в жизни и деятельности А. Г. Рубинштейна». Составил Н. М. Лисовский, СПБ. 1889, стр. 43), письмо относится к 2. X. 1884 г.

[273] Повесть «Надежда Николаевна» опубликована была в «Русской Мысли» 1885, кн. II (февраль), стр. 348 – 368 и кн. III (март), стр. 224 — 261. К январю Г. работу закончить не успел.

Письмо 353.

[274] См. примеч. 273.

[275] Под впечатлением игры А. Г. Рубинштейна в конце этого же года на концерте в пользу больного С. Я. Надсона написано было Г. стихотворение в прозе «Когда он коснулся струн смычком», впервые опубликованное в «Современном мире», кн. XI, стр. 39. См. т. II настоящего издания.

Письмо 359.

[276] Этот «Зал общедоступных увеселений» описан в четвертой главе повести «Надежда Николаевна».

[277] «Некоторая тайная вещь», заканчиваемая к Новому году, — вероятно, драма, над которой Г. работал в это время с Н. А. Демчинским. См. следующее письмо и примеч. 279.

Письмо 361.

[278] Ф. Н. Гаршин, — как свидетельствует справка Я. В. Абрамова, — «председатель одной уездной земской управы, скрывшийся без вести и оставивший после себя земскую кассу расхищенною» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 53).

1885

Письмо 363.

«Рассказ», упоминаемый Гаршиным, — «Надежда Николаевна», о публикации которого в «Русской Мысли» см. примеч. 273.

Письмо 364.

[279] Драма, о совместной работе над которой с Н. А. Демчинским пишет Г., задумана была им в пору сближения его с Н. А. Демчинским осенью 1884 г. (см. примеч. 267). «После нескольких собеседований, — отмечает в своих воспоминаниях Н. А. Демчинский, — мы остановились на теме, которую давала нам сама жизнь: один молодой техник, в погоне за деньгами, продал свою жену; все действующие лица были тогда живы, и даже наша героиня жива и до сих пор». Предполагалось, что Г. напишет второе и четвертое действия, а Н. А. Демчинский — первое и третье. В приложениях к своим воспоминаниям Н. А. Демчинский опубликовал из написанных Гаршиным частей драмы пять явлений второго и семь явлений четвертого акта («Журнал Театра Литерат.-худож. общества» 1910 г., стр. 19—24). В архиве Г. сохранился перебеленный Е. С. Гаршиной полный текст IV акта и несколько черновых его набросков (явления 2, 4 и заключительные сцены), писанных самим Г. О чтении четвертого акта «рукописной пьесы» Г. под назв. «Деньги» в квартире И. И. Ясинского «через два дня после похорон Г.» см. воспоминания Ф. Ф. Фидлера («Новое слово» 1914, № 1, стр. 73). Об отказе Г. от завершения работы над пьесой см. еще письмо № 375.

[280] «Последняя вещь» Толстого, упоминаемая в письме Г., — вероятно, «В чем моя вера», бывшая в центре общественно-литературных дискуссий 1884—1885 г. Как свидетельствует в своих воспоминаниях о Гаршине В. А. Фаусек: «Настоящим властителем его дум был Лев Толстой. Его произведения были для него настольною книгой, несравненным образцом художественного творчества. Человеческая жизнь, изображенная в романе Толстого, была для него как бы еще более реальной, еще более действительной, чем настоящая жизнь. С субъективным отношением Толстого,

с его оценкой жизни и жизненных явлений (в его романах) он не всегда соглашался; но художественный материал, но поэзия его — были для него предметом безусловного поклонения... Он перечитывал его десятки раз и помнил всякую подробность. О героях и об разных событиях из романов Толстого он часто в разговоре упоминал таким тоном, как будто это был не вымысел, а действительные люди, истинные происшествия. Говоря о Толстом, нельзя обойти молчанием е о сочинений последнего времени, посвященных вопросам морали. Вс. М. внимательно читал их, интересовался всем, что выходило из-под пера Льва Толстого, но не соглашался с его выводами... Учение о «непротивлении злу» было ему несимпатично; он не одобрял Толстого за его презрение к историческому развитию нравственности, к «историческому взгляду» на жизнь. Он любил ссылаться при этом на русскую историю, на нашествие татар, напр., и применять к таким явлениям теорию непротивления злу, в виде deductio ad absurdum» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 101). О свидании Г. с Толстым в марте 1880 г. см. выше примеч. 132. Об увлечении Г. «Властью тьмы» и отношении его к работе толстовцев в «Посреднике» см. примеч. 318, 335 и 348.

[281] О впечатлениях Г. от картины Репина «Иван Грозный» см. воспоминания Н. А. Демчинского «В. М. Гаршин перед картиной И. Е. Репина» («Солнце России» от 23. III. 1913 г., № 13, стр. 9). Как известно, с Г. писал Репин в этой картине царевича Ивана, убиваемого Грозным: «Для молодого царевича позировал Гаршин, — рассказывает В. И. Репина. — Когда Гаршин входил, то смотрел прямо, как бы не видя, своими грустными, черными глазами, и на них как будто были слезы. И я всегда спрашивала сама себя: что с ним? Почему так скорбно приподняты брови? Кто его обидел?» («Нива» 1914 г., № 29, стр. 573). Сам художник впоследствии объяснял: «В лице Гаршина меня поразила обреченность: у него было лицо обреченного погибнуть. Это было то, что мне было нужно для моего царевича» (С. Н. Дурылин, «Репин и Гаршин», М. 1926, стр. 56). Об отношениях Г. и Репина см. выше примеч. 241.

Письмо 366.

[282] О первых откликах на «Надежду Николаевну» в печати см. примеч. к последней во II томе настоящего издания. Особенно болезненно реагировал Гаршин на статью А. М. Скабичевского, который, характеризуя творчество Гаршина, Баранцевича, Альбова и Ясинского, в серии критических фельетонов под названием «Наши новые белл тристические силы» первых двух упрекал за «возрождение некоторых свойств давно уже отжившего, казалось бы, романтизма», а последних уличал в «подражании французскому натурализму, в стремлении к холодному и бесстрастному протоколизму, в страсти к скабрезным сценкам» и пр. С этих позиций была рассмотрена и «Надежда Николаевна», разбор которой заканчивался следующим приговором: «Прочтя всю эту романтическую и мелодраматическую чепуху, невольно восклицаете вы: все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Как вы объясните подобное безалаберное топтание наших молодых беллетристов то по областям совре енного французского натурализма, то в эмпиреях до-гоголевского романтизма? Они положительно являются какими-то непомнящими родства и сбившимися со всякой дороги путниками, совершенно потерявшими всякое сознание, где север, где юг, где восток, где запад? Это положительно какое-то одичание. Берет даже порою сомнение — читали ли они Гоголя, Тургенева, Гончарова, Писемского и пр., и если читали, то как же это случилось, что все эти писатели не оставили в них никакого следа, и всякая литературная традиция, обусловливающая естественное развитие каждой литературы, вдруг как-то обрывается на них, и они то ищут себе образцов у Золя и Флобера, то воскрешают 30-е годы, как будто после этих годов ничего в литературе нашей не было? Я положительно отказываюсь

объяснить это как бы то ни было иначе, как объяснял уже выше: полным отсутствием у них всякого солидного и основательного образования» («Новости» от 28. III. 1885 г., № 84). См. об этой статье замечания Г. в письмах №№ 366 и 371.

Письмо 367.

[283] О проекте повести «с фигурой Р.» (т. е. Р. Р. Радонежской) см. примеч. 271, 194 и 306. План этот остался неосуществленным.

Письмо 368.

[284] Юлия Степановна Миссори-Пащенко, кузина Г. и большая поклонница С. Я. Надсона, пригласила последнего на отдых и поправку в свою усадьбу, с. Носковцы, Подольской губ. О пребывании С. Я. Надсона в усадьбе В. М. и Ю. С. Пащенко см. статью Павла Тулуба «Гаршин и Надсон» («Путь» 1913, № 3, стр. 34—37).

[285] «Книжка», упоминаемая Г., — первое издание «Стихотворений С. Надсона», вышедшее в свет в марте 1885 г.

Письмо 369.

[286] О службе Г. в канцелярии Общего съезда представителей русских железных дорог, под начальством заведующего делами Общего съезда Ф. Г. Фельдмана см. воспоминания А. Т. Васильева «В. М. Гаршин на службе» (сб. «Красный цветок», СПБ. 1889, стр. 24—29), данные А. Лемана об устройстве Г. на службу И. А. Вышнеградским («Рассказы», СПБ, 1888, стр. 56), а также письма Г. №№ 273, 279, 282, 305, 306, 309, 313, 314, 317, 319, 366, 373, 374.

Письмо 371.

[287] «N», о разрыве с которым сообщает Г. в письме к В. М. Латкину от 1 мая 1885 г. — очевидно, Н. М. Минский, с которым Г., по свидетельству В. А. Фаусека, «разошелся и прекратил отношения после рецензии его на стихотворения С. Я. Надсона» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 100). Об этом же конфликте С. Я. Надсон писал в мае 1885 г. А. Н. Плещееву: «Боюсь только, как бы недавняя ссора Минского с Гаршиным не послужила для нас предметом столкновений с <А. А. Давыдовой>, ибо я, конечно, на стороне Гаршина, а она заступается за Минского» («С. Я. Надсон. Проза. Дневники. Письма», СПБ. 1912, стр. 597). Рецензия Н. М. Минского (Н. Виленкина) появилась в апрельской книжке журнала «Новь»:

«Надсон — поэт, и песни его «жгутся», — отмечал критик, — в них нет сочиненности, риторики: стих звучен и легок, местами даже слишком легок и гладок, что называется без сучка и задоринки, и тогда скользит по душе читателя, не задевая ее. Но зато нет недостатка в истинно прекрасных и мощных стихах, напоминающих и по форме и по содержанию Лермонтова». Далее, переходя к характеристике отдельных произведений сборника, Н. М. Минский с особенным вниманием отнесся к разбору стихотворения «Цветы», прежде всего потому, что «в нем поэт не только говорит, что ему грустно, что его терзают сомнения, безнадежное отчаяние, воспоминания, страх, раскаяние, — но вместе с тем указывает и на ближайшую реальную причину, породившую в его сердце этих фурий. Его возмущает вид наглой, искусственно-взлелеянной красоты рядом с темной, намокшей под дождем улицей. Он, как пролетарий, смотрит на безумную роскошь века с злобной завистью. Эта нота слишком часто звучит в стихах г. Надсона, чтобы ее не заметить, и, по нашему мнению она весьма выгодно запечатлевает его поэзию характером современности... Если поэт горько ошибался, думая, что призванье людей — жизнь борьбы и труда, — то в чем же заключается истина? Не в том ли,

чтобы самому присоединиться к баловням судьбы, которым она бросает свет и счастье, и розы, предоставляя бороться и трудиться другим?.. Нас удивило, что мы не нашли в книге г. Надсона его прекрасного стихотворения: «Из тьмы веков», где в образе Герострата, сожигающего храм Дианы, весьма художественно выражена эта зависть и злоба умного пролетария при виде чужого бессмысленного счастия... Впрочем, думаем, что поэт, от преувеличенного стремления быть искренним и нравственной щепетильности, свойственной всем честным и чистым натурам, немного на себя наклеветал. Едва ли зависть и злоба были колыбелью его поэзии: слишком она для этого элегична, человечна, женственна» («Новь» 1885, № 11 (1 апреля), стр. 488—490). Судя по указанию, сделанному нам Н. М. Гаршиной, возмущение Г. было вызвано характером интерпретации в этой рецензии стихотворения С. Я. Надсона «Цветы».

[288] О статье А. М. Скабичевского по поводу «Надежды Николаевны» см. примеч. 282. Очень характерен отклик на эту статью в неизданном письме С. Я. Надсона к В. М. Гаршину от 3 (15). IV. 1885 г.: «Скабичейство» о вашей повести я читал. Удивляюсь, как вы раньше не рассмотрели, какой узкий и ограниченный человек сей критик, — при всей его солидности и симпатичности. Вполне согласен с вами, что на современных Белинских не стоит обращать много внимания. Но ведь сердце — не камень. Все-таки они «печатают» свои произведения, а печатному слову, по старой памяти, невольно придаешь значение и несколько смущаешься. Но есть одно, в чем я с ним согласен: действительно никто из семидесятников до сих пор вперед не идет. Что бог им дал, то у них и осталось, но процента на свой талант у жизни они не заработали. (Вы понимаете, что я и себя не исключаю из этого числа). Я теперь много и *горько* над этим думаю: что это значит, откуда такая кара?» (Архив В. М. Гаршина).

Письмо 375.

[289] О пьесе, над которой Г. работал в сотрудничестве с Н. А. Демчинским, см. примеч. 279.

Письмо 377.

[290] «Рассказ, давно сложившийся в голове, да и на бумаге» — вероятно, «Сказание о гордом Аггее», опубликованное в «Русской Мысли» 1886, кн. IV, стр. 225—233. Рукописная дата окончания этого рассказа: 9 марта 1886 г.

Письмо 378.

[291] Издание «Обзоров детской литературы» начато было по инициативе А. Я. Герда и В. М. Гаршина кружком лиц, интересовавшихся вопросами детского чтения (Я. В. Абрамов, Н. М. Герд, Н. С. Дрентельн, А. В. Дудышкина, С. И. Дьячкова, М. В. Керножицкая, М. М. Латкина, О. Х. Павлович, А. В. Пешехонова, Е. А. Разина, Е. П. Репина, О. И. Синицына, В. А. Фаусек, С. А. Яковлева). При ближайшем участии А. Я. Герда и В. М. Гаршина были составлены и выпущены в свет два выпуска «Обзора», содержащие рецензии на детские книги, вышедшие в 1883 и 1884 г. После смерти Г. издан был тем же кружком «Обзор детской литературы» за 1885—1888 г.», СПБ. 1889. Все рецензии в «Обзорах» были анонимны, никаких материалов, связанных с участием Г. в этом издании, в его архиве не сохранилось, а потому вопрос о принадлежности ему тех или иных разборов детских книг до сих пор остается неразрешенным. О работе Г. над вторым выпуском «Обзора» см. письма №№ 365 и 380.

[292] Впечатления Г. от участия его, в качестве присяжного заседателя, в сессии СПБ. окружного суда дали материал для набросков не озаглавленного рассказа «Назовите суду ваше имя — порывисто спросил председ-

датель» и пр. (см. т. II настоящего издания). Дата наброска — 18 декабря 1885 г. О деле Д. Т. и М. П. Немчиновых, разбиравшемся с 2 по 10 декабря 1885 г., см. по указателю.

[293] О настроениях Г. в эту пору свидетельствует письмо В. А. Фаусека от 15. XII. 1885 г. к С. Я. Надсону: «Всев. Мих. <Гаршин> попрежнему порхает как папильон. Когда М. В. <Ватсон> уезжала из Пет., он был в угнетенном настроении, плох был. Теперь он опять здоров или, вернее, более, чем здоров — в возбужденном состоянии духа, весел, беспечен, бегает по всему городу, хотя и отзывается про Александру Аркадьевну <Давыдову>, цитируя ваши стихи: «Не влечет меня красота этой чудной природы». Работает он, к сожалению, очень мало и ничего не пишет — или почти ничего» («Невский Альманах», вып. 2, П. 1917, стр. 132).

Письмо 379.

[294] В сборнике В. П. Авенариуса «Образцовые сказки русских писателей». Собрал для детей В. П. Авенариус. С рисунками Н. Н. Каразина, М. В. Нестерова и др., изд. 2, М. 1887, перепечатана была «Сказка о жабе и розе» Г. (см. изд. 3-е этого же сборника, М. 1892, стр. 200 — 210). «Кузнечик-музыкант» Я. П. Полонского, перепечатанный в первом издании «Образцовых сказок» В. П. Авенариуса (стр. 153 — 167), из последующих изданий был изъят.

Письмо 380.

[295] О «Комиссии», работавшей над «Обзорами детской литературы», см. примеч. 291. Об отношениях Г. и В. Г. Черткова см. письма №№ 431 и 450 и примеч. к ним.

1886

Письмо 381.

[296] Юбилей А. Н. Плещеева праздновался 15. I. 1886 г. См. еще о нем в письме № 382. За два месяца до этого Г. участвовал в составлении адреса А. Н. Плещееву, о котором последний писал 23. XI. 1885 г. С. Я. Надсону: «Вы, конечно, не подозреваете, что вчера, в день моего рождения (мне исполнилось 60 лет. Невеселый возраст!), вы, вместе с некоторыми юными поэтами, преподнесли мне адрес с выражением сочувствия за то, что я на старости лет не исподлился. Инициатива шла от милейшего В. М. Гаршина, который не только сочинил и собственноручно написал этот задушевный и очень меня тронувший адрес, но и подписался за вас, да так удачно, что не отличишь его подписи от вашей» («Невский альманах», вып. 2. «Из прошлого», П. 1917, стр. 128).

[297] Отзыв С. Я. Надсона о «Надежде Николаевне» сохранился в письме его от начала мая 1885 г. к В. А. Фаусеку: «очень мне не хочется писать Всеволоду Михайловичу об его повести. Она мне, после вторичного чтения, решительно не нравится, — за исключением мелочей: во-первых, типичен капитан, во-вторых, мелочь с романом «Она думала», а в-третьих, недурно сделаны отношения Бессонова к герою. Героиня положительно бледна. Конечно хорош язык и симпатичен тон, но переменный дневник — прием, в «Художниках» уже использованный. Конечно неуспех и неудачность повести — пустяки. Кто не писал бледных вещей? Но вот еще что: мне кажется, повесть *выдумана;* выдуман сюжет ее. Я знаю, это странный взгляд, — как раз в разрез Тургеневскому, но *мне* кажется, этого делать не нужно. Это то же самое, что писать Шарлотту Корде «от себя» (Письмо С. Я. Надсона цитируем по автографу, хранящемуся в архиве В. М. Гаршина).

298 «Моя книжка», упоминаемая в письме, — «Вторая книжка рассказов» В. М. Гаршина, вышедшая в свет в 1885 г.

Письмо 382.

299 М. О. Меньшиков, приглашенный зимою 1885 г. вНосковцы, где гостил уже С. Я. Надсон (см. примеч. 284), судя по письму последнего к Г. от 23. XI. 1885 г., первое время являлся в деревенском обществе «культурным ферментом», ибо «бредил наукой и бредил вслух» (Бумаги В. М. Гаршина). Как свидетельствуют воспоминания Ю. С. Пащенко, записанные П. Тулубом, М. О. Меньшиков слишком, однако, «горячился, спорил, ораторствовал, не соглашаясь с Надсоном чуть ли не по всем вопросам литературной и общественной жизни, и уехал, оставив впечатление утомления и шума» («Путь» 1913, № 3, стр. 36).

Письмо 383.

300 Письмо Г. к В. А. Манасеину связано с исполнением поручений литературного фонда: в прошении своем на имя председателя последнего от 28. I. 1886 г. Н. П. Гуров (в письме Г. его инициалы обозначены неверно), именовавший себя постоянным сотрудником «Нового времени» и С.-Петербургских ведомостей» (под редакцией В. Г. Авсеенко) и упоминавший также о былом сотрудничестве своем в газетах «Русский курьер» и «Порядок», ходатайствовал об оказании ему «какого-либо денежного пособия», так как тяжелая болезнь заставила его не только прекратить сотрудничество в указанных им газетах, но и оставить место корректора в конторе Сенатской типографии, в результате чего он, вместе с женой и 9-месячным сыном, остался без всяких средств к существованию. Комитет общества, рассмотрев прошение Гурова в заседании от 2. II. 1886 г., постановил: «Просить члена комитета Гаршина и секретаря Кобеко собрать о г. Гурове сведения в редакциях «Нового времени» и «С.-Петербургских ведомостей» и сообщить их В. А. Манасеину, которому предоставить посетить г. Гурова, в случае, если по собранным сведениям он будет признан имеющим право на пособие».

Отзыв Гаршина (см. стр. 366) смутил В. А. Манасеина, и он поспешил запросить о литературных правах Гурова председателя. Последний разъяснил, что «у г. Гурова никаких литературных прав нет», и Манасеин, не считая себя в праве выдать ему пособие, от посещения его воздержался. Не получая известий о результатах своего ходатайства, Гуров вновь обратился к Н. С. Таганцеву, который просил Манасеина «все-таки заехать к Гурову, но уже просто как к больному». Манасеин застал Гурова в очень тяжелом состоянии и 11-го числа поместил его в клинику Медико-хирургической академии. Жена и грудной ребенок Гурова остались, по отзыву Манасеина, «в ужасном положении — без копейки денег, в холодной и сырой квартире». Отзывы Гаршина, Кобеко и Манасеина были заслушаны 17 февраля. Исходя из тех соображений, что медицинская помощь Гурову уже оказана, а занятия его в редакциях «Нового времени» и «С.-Петербургских ведомостей» не могут давать ему права на пособие со стороны Общества, комитет постановил: «В просьбе г. Гурова отказать». На основании же отзыва Г. о В. Н. Исполатове, в том же заседании постановлено было «выдать г. Исполатову в единовременное пособие пятьдесят рублей». (Справки Е. В. Базилевской по материалам архива Литературного фонда). Сводку данных о работе Г. в Комитете Литературного фонда см. в примеч. 303.

Письмо 384.

301 Конфликт Г. с К. М. Окуневым, получивший отражение в этом письме, связан с участием Г. в разработке проекта одного транспортного усовершенствования. Как свидетельствует В. А. Фаусек, Гаршину «пришлось быть как-то вечером у одного старого знакомого своего, инженера;

разговор зашел у них о премии, которая была в это время назначена за устройство особого приспособления к вагонам для перевозки хлеба. Пустившись в обсуждение требуемых условий и придумывая по очереди то или другое приспособление, они мало-по-малу договорились до таких подробностей, что у них вышел целый проект вагона, и они решили представить его на премию. Проект был тут же написан и составил кажется всего один лист бумаги. Сестра его товарища-инженера переписала его, и они решили, если получат премию, разделить ее на три части, по числу сотрудников. Все это было сделано в один вечер. И что же? Премия в самом деле досталась их проекту, и В. М. получил третью часть, что-то около 700 р. Надсон, живший тогда за границей, в шуточном письме к В. М. поздравлял его с успехом на инженерском поприще и предсказывал ему великую железнодорожную будущность» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 98). О полученной Г. премии за участие в изобретении «приспособления к перевозке хлеба в ссыпную» см. также воспоминания А. Т. Васильева «В. М. Гаршин на службе». («Красный цветок», СПБ. 1889, стр. 26). Письмо К. М. Окунева, на которое Г. отвечал в приписке к своему письму, гласило следующее:

«Милостивый государь!

Меня крайне сегодня удивило, что, послав узнать, не приехал ли г. Глебов, получил ответ «был и уехал». Если я хорошо понял, вы изволили мне сказать, что дадите мне знать, как он приедет. Поверив вам, я не справлялся до сегодня и потому поставлен в такое ⟨*неразб.*⟩ ехать его отыскивать на станцию Харцызская. Прошу вас покорно уведомить меня по крайней мере, что он вам передал; тем более, что и вас это должно интересовать, так как оказывается, что и вы компанион г. Глебова по этому делу, — судя по словам г. Фельтмана. Мне необходимо знать, поддерживаете ли вы и теперь, что г. Глебов возвратит премию. Это мне необходимо для дальнейшего действия по восстановлению нарушенных г. Глебовым моих прав». (Архив В. М. Гаршина в Пушкинском доме).

Письма 385 и 386.

[302] Согласно отзыву Г., вдове литератора Н. С. Розанова назначено было 3. III. 1886 г. пособие в 100 р., с выдачей в два срока. Пособие это было в следующем заседании увеличено до 150 р. 9. II. 1887 г. Р. В. Розановой вновь было выдано пособие «на воспитание детей» в размере 100 р. (Справка Е. В. Базилевской по материалам архива Литер. фонда).

17. III. 1886 г., согласно отзыву Г., вдове беллетриста и драматурга Р. Д. Ступишина назначено было единовременное пособие в размере 100 р.; 12. V. 1886 г., в виду тяжелой болезни сына, ей же выдано было дополнительно еще 50 р. (Справка Е. В. Базилевской).

Письмо 387.

[303] Членом общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд) Гаршин сделался в конце 1884 г. По предложению А. Н. Плещеева, 11 ноября он был внесен комитетом в список кандидатов и 23 декабря общим собранием членов общества избран единогласно. В 1884 г. Г. принял участие в юбилейном сборнике общества «XXV лет» («Сказка о жабе и розе»).

В конце 1885 г. Гаршин был избран комитетом общества одним из 12 кандидатов в члены комитета, на место пяти, выбывающих из состава его по очереди; 27. XII. имя его было объявлено в общем собрании членов, а 2. II. 1886 г. в годовом общем собрании общества состоялось его избрание, причем он получил второе по количеству число голосов (24). В качестве члена комитета Гаршин работал усиленно в течение большей части 1886, первой половины 1887 и даже в начале 1888 г., почти до самой трагической своей кончины.

В 1886 г. Гаршин присутствовал на всех трех общих собраниях членов общества, участвовал в 13 заседаниях комитета, выполнил до 13 возложенных на него комитетом поручений, предложил обществу пять новых членов, высказался по поводу одной вызвавшей разногласия среди членов комитета ссуды и явился одним из инициаторов, устроителей и непосредственных участников музыкально-литературного вечера в пользу Общества. В том же 1886 г., согласно поручению Комитета от 29 сентября, Г. принял участие в устройстве вечера Литературного фонда в память А. Н. Островского.

В 1887 г. участие его в работе комитета выразилось: в присутствии на годовом и одном обыкновенном общих собраниях членов общества, в посещении 10 заседаний комитета, в том числе одного экстренного заседания, 23. V. по поводу литературной конвенции с Францией, в выполнении шести возложенных на него комитетом поручений, в предложении шести новых кандидатов в члены общества и в семи различного рода заявлениях и сообщениях. В мае 1887 г. Г. воспользовался ссудой комитета в размере 100 р., которую возвратил 11 июня 1887 г.

В 1888 г. Гаршин посетил только два заседания комитета и успел выполнить только одно возложенное на него комитетом поручение. Заседание 9. III. было последним, на котором он присутствовал (Справки Е. В. Базилевской). Более подробно о деятельности Гаршина, в качестве члена комитета общества, см. в примечаниях к письмам его: к В. А. Манасеину (№ 383), к Н. С. Таганцеву (№№ 385, 386, 393, 394, 403, 416), к Г. И. Успенскому (№ 391), Н. А. Лейкину (№ 392), Д. Ф. Кобеко (№ 407) и к Л. Ф. Пантелееву (№ 452). Воспоминания В. И. Дмитриевой о деятельности Гаршина в качестве члена общества в 1885 г. («Так было», М. 1930, стр. 218) данными журналов комитета Общества непосредственно не подтверждаются.

Письмо 388.

304 Записка Г. от 30. III. 1886 г. к Ф. Д. Батюшкову комментируется последним в статье «Памяти Гаршина»: «Заинтересовавшись старинной легендой об Аггее и пересказав ее по своему, Гаршин пожелал прочесть свое переложение в одном научном обществе (Неофилологическое) при Петербургском университете. Он изменил конец легенды: в подлиннике Аггей наказан за гордость и должен в течение трех лет вести образ жизни нищего, пока ангел, принявший его облик, правит за него страной. Потом Аггей, прощенный богом, возвращается на царство и становится добрым царем, познав настоящую жизнь и настоящее горе; страданиями он очистился, приобрел мудрость и научился творить добро, — таков смысл старинного сказания. У Гаршина, как известно, царь отказывается вернуться на престол... И ангел отвечает ему — «иди с миром» — и вернулся Аггей к слепым, которым служил поводырем, и работал всю жизнь на них и на других бедных, слабых и угнетенных...

«Гаршин, прочитав свое переложение легенды, не принимал участия в прениях по поводу допустимости или уместности такого изменения сюжета. Но, выходя из собрания, он сказал мне: «Я не знаю, как у меня сложился другой конец. Это делается бессознательно. Сюжет мне запал в голову, я пережил его и не мог закончить иначе. Просто, мне кажется, что это выше» («Современный Мир» 1908, кн. IV, стр. 99).

И. А. Шляпкин, бывший на этом же чтении «Сказания о гордом Аггее», вспоминает: «Возникли, по предложению автора, дебаты по поводу окончания: по прологу царь возвратился мудрым и хорошо правил своим народом; по Гаршину — он, узнав сладость бедной, но независимой жизни, решил остаться бедняком до конца своей жизни, каясь в своих грехах. Помню, как молодежь спорила с В. М. и указывала, что это буддизм, что это личный эгоизм и что он, как мудрый царь, больше бы мог внести добра в жизнь, чем как простой нищий. Не помню точно, но конец был

изменен, и Аггей оказался поводырем слепых. Поместить повесть В. М. хотел в изд. «Посредника», но ее запретили, и она появилась в «Русской Мысли» 1886 г., с этим именно концом» («Русской библ.» 1913, IV, стр. 84). Дата заседания Неофилологического общества, в котором выступал Г., определяется на основании упоминания в записке последнего о «четверге»: 3 апреля 1886 г.

Письмо 389.

305 Массовое издание «Четырех дней» разрешено было цензурой 17. III. 1886 г. и вышло в свет под названием «Четыре дня на поле сражения. Рассказ солдата с отрезанной ногой. В. М. Гаршина». Изд. «Посредник», М. 1886. Общеизвестный текст рассказа был в этом издании несколько сокращен и частично переработан. См. т. I настоящего издания.

306 О неосуществленном проекте повести Г. «с фигурой Р. Р. Радонежской» в центре см. примеч. 194 и 271.

Письмо 391.

307 Об аресте и ссылке С. Н. Кривенко см. примеч. 232 и 265. Следует отметить, что по словесным заявлениям Г. в заседаниях комитета Литературного Фонда от 18. V. и 11. VI. 1887 г. С. Н. Кривенко и Л. Н. Кривенко выдано было в единовременное пособие по 100 р. (Справка Е. В. Базилевской).

Письмо 392.

307 * Об издании «Полн. собр. сочин. Пушкина», предпринятом Литературным Фондом, см. письмо Г. № 410 и примеч. 322. Об участии Г. в организации «вечера в память А. Н. Островского» см. примеч. к письму № 387.

Письмо 393.

308 В том же заседании Комитета Литературного Фонда от 27. X. 1886 г., в котором Г. поручено было обследовать положение Е. Ф. Лидтке (дочери профессора Московского унив. Ф. И. Чумакова), он принял деятельное участие в дискуссии по поводу просьбы приват-доцента Петербургского унив. П. Сырку о ссуде ему в размере 150 р., под поручительство В. Г. Васильевского и А. И. Незеленова. Неисполнение просителем прежде взятых им на себя перед комитетом обязательств обусловило отрицательное отношение к его просьбе Н. С. Таганцева и В. А. Манасеина, но большинство членов комитета, в том числе и Гаршин, настояли на удовлетворении просьбы П. Сырку. Не оставило письменных следов в делах комитета участие В. М. Гаршина в обследовании «крайне бедственного положения писательницы С. М. Лобковской» (поручение комитета от 27. IV. 1886 г., на основании заявления Л. П. Шелгуновой, М. Цербриковой и В. П. Гаевского). 10. XI. 1886 г. Комитет просил Г. поместить сына Лобковской в приют гр. Толстой. 23. III. 1887 г. Н. С. Таганцев доложил комитету о самоубийстве Лобковской, о том, что необходимо назначить опекуна к ее маленькому сыну, оставшемуся на попечении полиции, и о том, что «обязанность опекуна, по заявлению В. М. Гаршина, изъявил готовность принять на себя А. Я. Герд» (Справка Е. В. Базилевской по материалам Литературного фонда).

Письмо 396.

309 С неизвестным нам ответом И. Д. Сытина на предложение Г. от 17. XI. 1886 г. связано письмо № 398. Следует отметить, что с чтением отрывков из «Красного цветка» Г. выступил 16. III. 1886 г. на организованном по инициативе его и Е. И. Утина вечере в пользу Литературного фонда в зале Кононова. Об исключительном успехе этого выступления Г. см. воспоми-

нания В. И. Бибикова («Рассказы», СПБ. 1888, стр. 353—354). Чистый доход с этого вечера, как свидетельствует отчет председателя, определялся суммой в 1461 р. 70 к. Ср. «Новое время» от 17. III. 1886 г.

Письмо 397.

310 Согласно заключению В. М. Гаршина, О. А. Иолшиной, обратившейся в комитет Литературного фонда 19. XI. 1886 г. с мотивированным заявлением о единовременном пособии, выдано было 50 р. на лечение дочери (Справка Е. В. Базилевской.)

Письмо 399.

311 Собрание у Н. С. Таганцева, о котором Г. осведомлял С. А. Венгерова, связано было, очевидно, с товарищеским судом, разбиравшим распрю С. А. Венгерова и Ф. Ф. Павленкова. См. далее письма №№ 409 и 410.

Письмо 400.

312 Эти строки являются ответом Г. на письмо к нему С. Я. Надсона от 5. XII. 1886 г.: «У меня к вам просьба: в Петербург едет некто Николай Егорович Кулябко-Корецкий, бывший в «Заре» помощником редактора. Примите его по-дружески и введите в литературный круг. Это очень симпатичный и честный человек, а самое главное то, что он не болтун». (Архив Гаршина в Пушкинском Доме.)

313 «Большая-пребольшая работа», о которой упоминает Г. — исторический роман из эпохи Петра I. Как свидетельствует Я. В. Абрамов, фабула начатого произведения определялась «борьбой старой и новой России». Представителями последней должны были быть сам Петр и «пирожник», а впоследствии князь Меншиков, а представителем первой — известный подьячий Докукин, решившийся поднести столь страшному для современников Петру знаменитое «письмо», в котором он прямо и решительно указал великому преобразователю все темные стороны его богатырской деятельности, падавшие тяжелым гнетом на народные массы («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 43). Как свидетельствует В. Г. Чертков, «Гаршин собирался писать для «образованных» людей повесть из эпохи Петра I и говорил мне, что считает вполне возможным и намерен изложить ее тою же простою народною речью, которою писал для «Посредника» (Заметка В. Черткова от 4. II. 1909 г. в примеч. к «Письмам А. И. Эртеля». М. 1909, стр. 405). О работе Г. над историческим романом см. еще письма №№ 302, 422 и 430.

314 «Рассказик» этот — «Сигнал», напечатанный в «Северном Вестнике» 1887 г., кн. I, стр. 1—9.

Упоминая далее о В. Г. Короленко, Г. имеет, вероятно, в виду первую книжку его «Очерков и рассказов», вышедшую в свет в конце 1886 г.

315 Юбилей Я. П. Полонского, отпразднованный 10 апреля 1887 г., вызвал очень сдержанное отношение к себе широких общественно-литературных кругов и носил даже несколько официозный характер: Александр III пожаловал юбиляру пенсию в двойном размере, в числе приветствовавших поэта были министры И. А. Вышнеградский и Т. И. Филиппов, а из Москвы поздравительную телеграмму прислал М. Н. Катков. На адрес Я. П. Полонскому от литераторов и художников, прочитанный А. Н. Плещеевым, очень гневно откликнулся М. Е. Салтыков в письме от 13. IV. 1887 г. к В. М. Соболевскому: «Плещеев вкупе с Вышнеградским, Катковым и Тертием Филипповым — это ли не умилительно» (М. Е. Салтыков-Щедрин «Неизданные письма», М.—Л. 1932, стр. 281). Ср. отчет и заметки о юбилее Я. П. Полонского в «Новом Времени» 11 и 12 апреля 1887 г. Как свидетельствуют воспоминания Ф. Ф. Фидлера, на чествова-

нии Я. П. Полонского вечером 10 апреля был и возвратившийся в этот день из Крыма В. М. Гаршин («Новое слово» 1914, № 1, стр. 68—75).

Письмо 401.

[316] На основании заключения Г., Комитет Литературного фонда постановил 28. XII. 1886 г. выдать А. К. Железнову «в единовременное пособие 30 рублей». В этом же заседании комитета Г. получил предложение обследовать положение литератора Алексея Ходнева, и «выдать ему, в случае надобности, пособие 25 руб.» (Справки Е. В. Базилевской).

Письмо 402.

[316*] Записка Г. к С. А. Венгерову датируется нами зимой 1886—1887 г., во-первых, на основании указанного в ней адреса Г. и, во-вторых, на основании упоминания об «Аксакове», статью о котором для «Крит.-библ. словаря русских писателей» С. А. Венгеров заканчивал в начале 1887 г. Единственное в это время женевское издание «Сочинений А. И. Герцена» (1875—1879), о возвращении одного из томов которого просил Г., в России было запрещено и являлось поэтому большой редкостью.

1887

Письмо 403.

[317] Просьба Н. П. Устьянцева о пособии была комитетом Литературного фонда отклонена (Справка Е. В. Базилевской).

Письмо 404.

[318] В дате письма, очевидно, описка. О «пьесе Л. Н. Толстого», корректуру которой просил Г., см. примеч. 318.

Письмо 406.

[318*] Пьеса Л. Н. Толстого, на чтение которой Г. приглашал Г. И. Успенского, в это время еще не успела поступить в продажу. Первое ее издание — «Власть тьмы, или коготок увяз, всей птичке пропасть». Драма в пяти действиях Льва Толстого. (Для взрослых). Изд. «Посредника». Москва. Тип. И. Д. Сытина и К°, 1887 — было разрешено цензурой только 13 января 1887 г. Одновременно с отдельным изданием текст «Власти тьмы» был припечатан, без обозначения об этом на обложке, к тому «Сочинений гр. Л. Н. Толстого. Декабристы. Холстомер. Смерть Ивана Ильича». Изд. 6-е, М. 1886, стр. 207—392.

«Драму Льва Толстого «Власть тьмы», — рассказывал В. И. Бибиков, — В. М. Г. читал еще в рукописи, выучил почти наизусть, постоянно приводил выдержки из пьесы, считал ее шекспировской и сулил ей колоссальный успех» (В. Бибиков «Рассказы», СПБ. 1888, стр. 362). Об этом же вспоминает и В. А. Фаусек: «Власть тьмы» он встретил с величайшим энтузиазмом. Кажется, один только раз в жизни Гаршину пришлось выступить в качестве оратора, и это именно по поводу «Власти тьмы». В одном небольшом обществе была прочитана автором рецензия на «Власть тьмы», возмутившая В. М., и он возражал на нее целою речью, произнесенною экспромтом. Речь эта была опровержение рецензии и подробный разбор «Власти тьмы», и говорил он превосходно. Казалось, он вложил всю душу в защиту своего любимого писателя; в сильном волнении быстро и страстно, сыпля цитатами, но несмотря на страстное чувство, на негодующий, восторженный, взволнованный тон его речи, тон, невольно забиравший за сердце и подымавший нервы, он с строгой логической последовательностью приводил один аргумент за другим, и речь его вышла стройною, законченною, логически цельною. Автора рецензии и многих из слушателей он, впрочем, не убедил; но никто уже не возражал ему.

Он защищал пьесу Толстого против обвинения в безнравственности; по его мнению, «Власть тьмы» была настоящая, истинная трагедия, как ее понимали греки: по Аристотелю, трагедия должна вызывать в зрителе «ужас и сострадание». «Власть тьмы» именно и вызывает ужас и сострадание». («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 101—102). Об отношении Г. к «Власти тьмы» см. еще письма №№ 431 и 452.

Письмо 407.

[319] 26 января 1887 г. Г. предложил в члены Общества пособия нуждающимся литераторам и ученым И. Е. Репина, А. П. Чехова, В. В. Билибина (инициатива избрания двух последних исходила от него и Н. А. Лейкина). Выборы всех названных Г. кандидатов (в том числе и дополнительно выдвинутого Ф. Ф. Павленкова) происходили 2. II. 1887 г. В заседании комитета от 9 марта и 18 мая Г. предложил еще в члены общества И. Н. Скороходова и В. М. Михеева (Справки Е. В. Базилевской).

Письмо 408.

[320] См. примеч. 322.

Письмо 410.

[321] О товарищеском суде по делу С. А. Венгерова и Ф. Ф. Павленкова см. примеч. 323.

[322] Строки Г. об «укрощенном Суворине» имеют в виду ликвидацию конфликта между комитетом Литературного фонда и типографией А. С. Суворина, в которой печаталось затеянное фондом к пятидесятилетию со дня смерти поэта новое критическое издание «Сочинений А. С. Пушкина» под ред. П. О. Морозова. Как свидетельствует историческая справка А. А. Корнилова, «Одновременно с печатанием издания Литературного фонда в типографии г. Суворина печаталось его собственное издание Пушкина, при чем, по выходе последнего в свет, обнаружилось, что целый ряд текстов, проредактированных П. О. Морозовым и отчасти восполненных по новым, до сих пор неизвестным данным, был целиком перепечатан в изд. Суворина. Возникло обвинение в плагиате и для расследования дела был наряжен третейский суд между г. Сувориным и Комитетом фонда. Г. Суворин не отрицал факта перепечатки, но объяснил, что сам он узнал о ней лишь тогда, когда оба издания были уже отпечатаны. Признавая, что таким образом права Фонда нарушены, он предложил купить немедленно все издание Фонда, находившееся у него на складе, за чистые деньги, с уступкой лишь 30%, как это делается в отношении книгопродавцев. Предложение Суворина признано было и Комитетом Литературного фонда и третейскими судьями достаточно выгодным и вознаграждающим Фонд за нарушение его издательских прав, и сделка эта немедленно состоялась. Действительно, Литературный фонд получил тогда же от г. Суворина наличными деньгами 41 974 р. 80 к., весь же действительный расход по изданию выразился в сумме 28 131 р. 34 к., так что Литературный фонд тотчас же по выходе издания в свет получил чистой прибыли от этого предприятия 13 843 р. 46 к. («Юбилейный сборник Литературного фонда», СПБ. 1909, стр. 34).

Письмо 411.

[323] Заседание товарищеского суда по делу С. А. Венгерова и Ф. Ф. Павленкова состоялось 9. II. 1887 г. В бумагах Г. сохранился веденный им черновой протокол этого заседания, позволяющий установить, что С. А. Венгеров обвинял Ф. Ф. Павленкова в «неблаговидном поступке», выразившемся в передаче находящегося у него векселя Венгерова третьему лицу, предъявившему вексель к оплате и в обеспечение последней наложившему арест на имущество Венгерова. Действия эти Венгеров определял, как неблаговидные и противоречащие прежде состоявшемуся уже

решению товарищеского суда о порядке удовлетворения денежных требований Ф. Ф. Павленкова (см. письмо Г. № 399). Постановление товарищеского суда от 9. II. 1887 г. конспектировано было Гаршиным следующим образом: «Передача векселя не представляет ничего безнравственного (отсутствие желания наладить дело со стороны В. и прежнее его согласие на передачу <векселя>). В. должен был изыскивать средства, а не уклоняться от уплаты. К<омиссия> не может не выразить, что поведение Венгерова, как вне суда, так и на суде, в высшей степени оскорбительно и несправедливо по отношению к Павленкову. Обвинения же во лжи, употребление слова *низость* суд считает по меньшей мере неуместными» (Архив В. М. Гаршина). С этим же конфликтом связано постановление комитета Литературного фонда от того же 9. II. 1887 г. о выдаче С. А. Венгерову в бессрочную ссуду 300 р., с тем, чтобы эта сумма использована была для уплаты долга Ф. Ф. Павленкову по 25 р. в месяц (Справка Е. В. Базилевской).

Письмо 413.

[324] В изданиях «Посредника» появились рассказы Г. «Четыре дня», «Медведи», «Сигнал». Запрещено было для этой серии его же «Сказание о гордом Аггее». О связи Г. с изд. «Посредника» см. письмо № 431 и примеч. к нему.

Письмо 414.

[325] Деньги эти являлись гонораром, полученным С. А. Венгеровым за публикацию в «Вестнике Европы» 1887 г. кн. III автобиографии С. Я. Надсона. См. протокол комитета Литературного фонда от 9. III. 1887 г. В этом же заседании В. М. Г., как свидетельствует справка Е. В. Базилевской, выступил с составленным им отчетом по устройству вечера в пользу С. Я. Надсона:

ОТЧЕТ

По устройству 27 февраля 1887 г. литературно-музыкального вечера в пользу С. Я. Надсона.

Приход	р.	к.
Продано билетов	960	—
» афиш	38	15
	998	15

Расход	р.	к.
Зал и полиция	153	—
Афиши	18	—
Билеты и программы	12	—
Чай, вино и пр.	9	50
Прислуга	4	20
	196	70

	р.	к.
Приход	998	15
Расход	196	70
Чистый доход	801	45
В том числе:		
Наличными	699	95
За Е. И. Утиным	65	—
За П. А. Гайдебуровым	11	50
В квитанции за взнос платы за Л. Маркова	25	—
	801	45

каковая сумма должна быть дополнена пожертвованиями, полученными Е. И. Утиным (судя по его записке 45 р.)

Итого чистого дохода — 846 р. 45 к.

28. II. 87 г.

В. Гаршин.

Письмо 415.

[326] Ходатайство К. С. Баранцевича было Комитетом Литературного фонда удовлетворено в заседании 9. III. 1887 г. О знакомстве Г. с К. С. Баранцевичем см. воспоминания последнего «В. М. Гаршин (к 25-летию

со дня смерти)» в журнале «Путь» 1913, № 3, стр. 32—34 (сокращенная редакция этих воспоминаний появилась в «Солнце России» от 23. III. 1913, стр. 8—9) Как свидетельствует мемуарист, его встречи с Г. «были редки, случайны и незначительны».

Письмо 416.

[327] Согласно представлению Г., Комитет Литературного фонда постановил 9. III. 1888 г. выдать Н. А. Лебедеву «в единовременное пособие» 50 рублей. В этом же заседании комитета, на основании сведений, собранных о просителе В. М. Гаршиным, было отклонено ходатайство о пособии, с которым обратился в Литературный фонд студент юрид. фак. Харьковского унив. А. В. Валакос. 3. V. 1887 г. комитет поручил Г. посетить литератора П. И. Пашино и «выдать ему 50 руб.»; 18. V. 1887 г. просил Г. взять на себя переговоры о помещении в больницу для душевнобольных литератора А. К. Мниховского. Последнее поручение, исполненное Г. по заданиям комитета, были переговоры его в конце января 1888 г. с А. Я. Гердом о зачислении стипендиатами Литературного фонда в гимназию кн. Оболенской дочерей писателя Г. И. Кульжинского. (Справка Е. В. Базилевской).

Письмо 417.

[327*] «Медвежья казнь» — рассказ Г. «Медведи», переделанный им в 1887 г. для массового издания товарищества «Посредник». См. примеч. 335.

Письмо 418.

[328] О работе Г. во время поездки в Крым над статьей «Заметки о художественных выставках» см. далее письмо № 421. Спутниками Г. были А. Я. Герд с дочерью (Ниной Александровной) и Николай Федорович Никонов, инженер-технолог, дядя Н. М. Гаршиной.

Письмо 421.

[329] Михаил Федорович Никонов — командир парохода «Ген. Коцебу».

[330] Варя — дочь З. Ф. Золотиловой, умершая от тифа. (Сообщение Н. М. Гаршиной).

Письмо 422.

[331] См. примеч. 328.

Письмо 425.

[332] О работе Г. над историческим романом см. примеч. 313.

Письмо 426.

[333] О юбилее Я. П. Полонского см. примеч. 315.

Письмо 429.

[334] Принадлежность этих инициалов Ревякиной указал Б. Г. Успенский.

Письмо 431.

[335] Об отношении Г. к Л. Н. Толстому и толстовцам см. примеч. 132, 280 и 318. О близости же его с руководителями изд. «Посредник» свидетельствует относящаяся, очевидно, к середине апреля 1887 г. записка к нему от В. Г. Черткова на обложке отдельного издания «Сигнала» (дата цензурного разрешения книжки: 19. III. 1887 г.), хранящегося ныне в библиотеке Пушкинского дома:

«Очень я рад, дорогой В. М., что вы вернулись и здоровы. Для себя рад: я соскучился по вас.

Без вас мало сделал с вашими рассказами. Вот «Сигнал» — он поступит в продажу на этих днях. Но мне ужасно жаль и совестно перед вами и читателями, что я не справился с корректурою и пропустил отмеченные мною в этом экземпляре опечатки. Впрочем может быть не я тут виноват, а ошибка случилась в типографии. Я справлюсь там и попрошу их (или себя, если это я) быть на будущее время внимательнее.

«Медведи» всё не возвращает цензор, и ничего не мог до сих пор узнать в комитете о их судьбе. Нас стали еще больше прижимать. Мне надо с вами поговорить об этом. Если здесь не пропустят или сделают урезки, то можно испробовать другой путь. Впрочем мы с вами вместе сообразим. Постараюсь зайти к вам утром.

Моя жинка все хворает. Ослабла очень. Несколько дней совсем пролежала. И все прекрасно: потому что у нас с ней *хорошо* на душе. И я уже перестаю сердиться на цензурную стихию, а почти уже жалею цензоров. Но не совсем еще добрался до этого. А тогда будет еще лучше.

Знаете ли, я знал, что люблю вас; но не думал, что так много люблю вас, как я почувствовал, вследствие вашего отсутствия. Галя просила передать вам привет. *В. Ч.*

Опечатки: стр. 11 и 13 (Может быть еще есть. Хотелось сказать: как досадно, но не могу сейчас ни о чем жалеть — все так хорошо)».

Письмо 433.

336 О работе Г. над романом из Петровской эпохи см. примеч. 313. Статья А. Н. Пыпина «Новый вопрос о Петре Великом». (По поводу книги В. Гольцева «Законодательство и нравы в России XVIII в.»), упоминаемая в письме Г., появилась в «Вестн. Европы» 1886, кн. V, стр. 317—350.

337 План повести, над которой работал Г. летом 1887 г., был подробно изложен им при свидании его с В. А. Фаусеком в сентябре того же года:

«Это была странная история, с ярким фантастическим характером, с медиумическими явлениями и пространными диалогами научного и философского характера, — вспоминает В. А. Фаусек. — Общий смысл ее был — защита ересей в науке, протест против научной нетерпимости, против исключительной ортодоксальности людей ученого мира. Действующие лица повести были ученые, старые и молодые, профессора университета и ученики их, начинающие, но гордые знанием и враждебные ко всему, что «не научно», химики и физики. Между прочим, там появлялись с своими теоретическими взглядами и действительные лица, не названные конечно, но описанные с полным сохранением всех их индивидуальных черт, и между ними профессора Менделеев и Манасеин. Оба они были всегда предметом глубокого уважения В. М., и, лично знакомый с пр. Манасеиным, он отзывался об нем с симпатией, но, не будучи нисколько ни спиритом, ни гомеопатом, не одобрял их отношений к этим «ересям». В повести аргументация его основывалась главным образом на истории науки, на том, сколько раз уже учения и теории, казавшиеся и всеми признаваемые за нелепость, за грубые заблуждения, за суеверия, оказывались основанными на вполне реальных фактах и открывали для научного исследования такие области, такие явления, самое существование которых никем не подозревалось. Главными действующими лицами рассказа были два молодых приятеля, один начинающий ученый, молодой самодовольный педант, другой — тоже натуралист по образованию, но не занимающийся специально наукой, замкнутый в себе, странный, болезненный чудак, может быть, тоже с легким «психозом» и с сильною наклонностью к отвлеченному мышлению. Он вечно сидит один в своей комнате и думает, и додумался до медиумических явлений. По просьбе своего ученого друга, пораженного новыми и таинственными явлениями, он показал то, до чего он додумался, избранному обществу ученых скептиков — и поплатился, заранее это зная, за обнаружение своей «творческой силы» всей

своей душевной деятельностью: после сеанса он впал в неизлечимое слабоумие. При этом в повести был описан Петербургский университет, здание физического кабинета, старинное здание, которое всегда интересовало Всеволода Михайловича. Он передал мне весь рассказ последовательно и подробно, во многих местах, вероятно, прямо подлинными словами, как было написано, и все, что он рассказывал, было очень умно и очень интересно; несмотря на отвлеченные рассуждения, самый интерес рассказа и фабулы все более и более возрастал, а фантастический элемент, полный странной, несколько болезненной поэтичности, придавал всему рассказу особенный оригинальный оттенок. Вообще это была вещь в высшей степени оригинальная. Он написал ее в июне, кажется, всего в несколько дней, а когда заболел, то сжег рукопись: и теперь, рассказывая мне, глубоко сожалел об этом и говорил, что не сможет уж вновь написать позднее, «когда поправится» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889,стр. 117—118).

Письмо 433.

[337*] Об отношении Г. к рецензиям А. М. Скабичевского см. письмо № 371 «Бирюлевские барышни» — персонажи «Затишья» Тургенева.

Письмо 434.

[338] В библиотеке Г. сохранилась книга: Wssewolod Garschin, «Pessimistische Erzählungen. Aus dem russischen übersetzt von Wilhelm Henckel», München. Verlag von Fr. Bassermann, с надписью: «Высокоуважаемому автору от преданного переводчика. В. Генкель. Мюнхен. 8. VI. 1887 г.» Дата эта позволяет нам более или менее точно датировать и письмо Гаршина.

В издание В. Генкеля вошли переводы пяти произведений Г. («Художники», «Трус», «Происшествие», «Встреча» и «Красный цветок»; в приложении к книге дан был еще перевод повести П. А. Крушевана («Sie ging nicht zu Grunde»). Краткая вводная статья переводчика очень характерна для отношения к Г. первых его зарубежных интерпретаторов:

«Wssewolod Garschin, der talentvollste unter den jüngeren Belletristen Russlands, ist ein Nachfolger des Grafen Leo Tolstoj. Seine Erzählungen zeigen eine hervorragende Begabung für die Schilderung des menschlichen Seelenlebens, von dem er übrigens nur die Nachtseiten zu kennen scheint. Durch alle seine bisher veröffentlichten Erzählungen (vierzehn derselben sind in zwei Bändchen 1882 und 1886 gesammelt erschienen) geht ein demokratischer und pessimistischer Zug und ihre Tendenz ist direkt gegen die heutige Gesellschaftsordnung gerichtet. Namentlich sind es die Gräuel des Krieges, gegen die er ähnlich wie Wassilij Wereschtschagin auf seinem Gebiet an zu Kämpfen sucht und die er in mehreren seiner Erzählungen brandmarkt. Garschins Skizzen sind durchaus realistisch, allen Pathos, alles Gemachte, Gekünstelte, Unwahre verschmäht er. Zu einem abgerundeten Kunstwerk, einer Novelle oder einem Roman, hat es dieses junge Talent bis jetzt noch nicht gebracht, seine Erzählungen, obschon sie von unbestreitbarem Werth sind, kann man doch nur als Skizzen bezeichnen. Ober, wie seine Vorbilder, Graf Leo Tolstoj und Dostojewskij befähigt ist, grössere, vollkommenere Kunstwerke hervorzubringen wird erst die Zukunft zeigen. Es ist eine Eigenthümlichkeit der jüngeren Generation unter den russischen Belletristen, dass sie sich meist auf Skizzen beschränken, grösseren und ernsten Aufgaben aber aus dem Wege gehen».

Письмо 435.

[339] Дата записки Г. к В. В. Стасову определяется карандашной отметкой последнего «1887, авг.». Письмо И. Н. Крамского, о котором упоминает Г., см. в примеч. 72.

Письмо 436.

[340] Мы полагаем, что в записке Г. речь идет о портрете С. Я. Надсона, отпечатанном в типографии и фототипии В. И. Штейна для книги «С. Я.

Надсон. Сборник журнальных и газетных статей, посвященных памяти поэта», СПБ. 1887. Дата цензурного разрешения сборника — 21. VIII. 1887 г. позволяет этим же месяцем условно датировать и записку Г.

Письмо 437.

[341] «Свояченицей» И. Ф. Анненского являлась Софья Никитична Ткачева (по мужу Криль), деятельница революционного движения 70-х годов. и переводчица романа Швейцера «Эмма» (1872).

1888

Письмо 438.

[342] Об обстоятельствах получения этой записки В. А. Фаусек рассказывает следующее:

«Однажды, в первых числах марта, утром, в неурочное время, часов в 8, он <Гаршин> вдруг явился ко мне. Вид у него был веселый, глаза его блестели. Он сказал, что не спал всю ночь и рано утром вышел из дому погулять и зашел ко мне, думая, что я уже встал. Он показался мне в крайне возбужденном состоянии; я с беспокойством смотрел на него и неприятно звучали для меня слова его: «простите сумасшедшего, который вас потревожил». Он сел и обратился ко мне с некоторою торжественностью: «я пришел сообщить тебе замечательную новость». Я подумал, что это что-нибудь новое в его отношениях к своим родным. «Нет, — сказал он, — это вовсе ни меня, ни наших не касается. Новость вот какая: в России появился новый первоклассный писатель». Он говорил про «Степь», рассказ г-на Чехова, только что появившийся в «Северном вестнике». Он познакомился с рассказами г-на Чехова с тех пор, как они стали появляться в «Новом времени», и высоко оценил его талант. «Степь» он прочитал накануне, и она произвела на него чрезвычайное впечатление. На него, любителя и поклонника русского юга, пахнуло широким дыханием летней степной природы, и он пришел в болезненный восторг; случайно ли совпало временное оживление его духа с прочтением этой повести, или же действительно вынесенное сильное впечатление дало толчек его душевному состоянию, но он относился к ней с суеверным чувством благодарности. Чехов как будто воскресил его: «у меня точно нарыв прорвало, — говорил он, — и я чувствую себя хорошо, как давно не чувствовал»... Он пригласил меня притти к нему вечером прочитать «Степь» вслух. Но после обеда я получил от него записку <следует текст, печатаемый нами под № 438>. На другой день я был у него вечером. Состояние возбуждения, в котором я его видел накануне, прошло, но он действительно чувствовал себя много лучше. Я выразил ему мою радость, что вижу его в хорошем настроении и свежим, но он поморщился в ответ и сказал, что в глубине души ему еще не хорошо. Но все-таки тоска, повидимому, почти вполне его оставила; он хорошо спал, был оживлен, бодр телом, мог курить — всегдашний симптом его выздоровления. У него было несколько человек его друзей, и он читал нам вслух «Степь»; это чтение доставляло ему большое наслаждение. В образе отца Христофора он узнавал тех южно-русских попов, о которых он писал мне когда-то из Ефимовки; он говаривал часто, что вообще не может даже представить себе священника, который говорил бы: «нэ врэдно» и нэбезполэзно» (как он привык слушать на юге). В таком тоне читал он, с большим юмором и добродушием, и отца Христофора, — и рассмеялся веселым, почти совсем здоровым смехом словам добрейшего старика в его поучении мальчику-гимназисту: «и сочинителем тоже быть хорошо» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 119 — 121). Об увлечении Г. «Степью» Чехова см. еще воспоминания В. И. Бибикова («Рассказы», СПБ. 1888, стр. 375 — 376 и «Несколько слов о Гаршине по поводу десятилетия его смерти» Н. М. Минского («Новости» от 9. IX. 1898 г.). О личном знакомстве Г. с А. П. Чеховым см. «Письма А. П. Чехова», т. II, стр. 55 и 58.

Письмо 439.

[343] О разрыве Г. с матерью и братом см. письма №№ 418 и 427. Как свидетельствуют воспоминания И. Е. Репина о последней встрече его с Г. «за неделю до катастрофы», он был «особенно грустен, убит и расстроен». Чтобы отвлечь мой упорный взгляд на него, Г. сначала пытался шутить, затем стал вздыхать, и страдание — глубокое страдание изобразило его красивое, но сильно потемневшее в это время лицо.

«— Что с вами, дорогой Всеволод Михайлович? — сорвалось у меня, и я увидел, что он не мог сдержать слезы... Он ими захлебнулся и, отвернувшись, платком приводил в порядок свое лицо.

«... Ведь главное, нет, нет, этого даже я в своих мыслях повторить не могу! Как она оскорбила Надежду Михайловну! О, да вы еще не знаете и никогда не узнаете... Ведь, она прокляла меня!

«Как потерянный слушал я эти слова, ничего не понимая в них» («Солнце России» от 23. III. 1913, стр. 11).

Письмо 440.

[344] Братья Гаршины были женаты на родных сестрах. Через несколько месяцев после брака Вера Михайловна Гаршина из-за столкновений с свекровью оставила мужа и поселилась у сестры. История эта произвела сильнейшее впечатление на больного писателя. 20 октября 1887 г. Н. М. Гаршина писала В. Г. Черткову: «Всеволод Михайлович до сих пор болен, — ничего не может делать, не служит, лежит целыми днями в кровати; я боюсь, что и службу-то он потеряет; и не отвечал он В. м на Ваше письмо по причине же своей болезни. У нас теперь живет наша сестра, жена Евгения Михайловича, у которой на-днях должен родиться ребенок. Бедному Всеволоду поступок его брата доставляет постоянную муку и не дает ему оправиться. — Так что, видите, у нас мало радости». («Звенья», книга IV).

Письмо 442.

[345] «Почувствовав себя лучше, В. М. решился уехать и стал собираться в дорогу, — рассказывает В. А. Фаусек. — Он хотел воспользоваться приглашением друзей своих, г-д Ярошенко, и поехать в Кисловодск. Там он собирался всецело посвятить себя отдыху и подъему своих физических сил, строил планы прогулок и экскурсий, хотел возобновить свои юношеские ботанические занятия и собирать гербарий. Во вторник, 15 марта, возвращаясь откуда-то из гостей, он довольно поздно вечером зашел ко мне вместе с Надеждой Михайловной. Он имел вид несколько утомленный, более скучный, чем в предыдущие дни, и с неудовольствием говорил о сборах к путешествию, которые его утомляли. Между прочим, он хотел до отъезда написать духовное завещание; зная его отношения с родными, я одобрил его намерение и старался в то же время, чтобы он не придавал этому значения каких-либо мрачных опасений и смотрел как на обеспечение против какой-либо несчастной случайности... Это было мое последнее свидание с ним. На другой день я зашел к нему, но не застал его дома, и узнал от сестры его жены, что ему опять стало гораздо хуже и он опять мрачен. Болезнь, после короткого перерыва, пошла вперед быстрыми и решительными шагами; он стал бояться за себя, поехал с женой к д-ру Фрею и советовался с ним. Доктор еще надеялся на улучшение и уговаривал его немедленно уехать. У него стали, как кажется, проскальзывать безумные идеи — так как в последние дни у него вырывались замечания и слова, непонятные для слушателей; он чувствовал, вероятно, приближение безумия, не выдержал страшного ожидания и, накануне назначенного отъезда, когда всё уже было готово и вещи уложены, после мучительной, бессонной ночи, в припадке безумной тоски, он вышел из своей квартиры, спустился несколько вниз и бросился с лестницы» («Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 122).

Письмо 443.

346 Дата этой записки Г. (на визитной карточке) определяется пометой Л. Ф. Пантелеева: «Получена 19 марта 1888. † 3 ч. утра 24. III. (Автографы В. М. Гаршина в Пушкинском доме). Ср. воспоминания Л. Ф. Пантелеева о Г. в «Современной Иллюстрации» от 24. III. 1913 г., № 3, стр. 38 и в «Голосе минувшего» 1913, кн. VII, стр. 248.

1881—1888

Письмо 445.

347 Дата письма определяется материалами Литературного фонда об избрании В. М. Гаршина зимою 1884 г., согласно предложению А. Н. Плещеева, членом Общества пособия нуждающимся литераторам и ученым. Шуточное упоминание в конце этого письма о дуэли и секундантах связано, вероятно, с обстоятельствами вызова С. А. Венгеровым на дуэль А. С. Суворина в начале 1884 г. Об этом примеч. 231.

Письмо 450.

348 Как свидетельствует В. Г. Чертков, «письмо это было получено в ответ на доставленные мною В. М. Гаршину некоторые писания Толстого, которые не были разрешены для всеобщего распространения». Однако, замечание Г. о «последнем томе» естественно было бы связать не с зарубежными брошюрами, а с вышедшим в Москве в 1886 г. новым изданием «Сочинений Л. Н. Толстого» в двенадцати томах. В последнем томе помещены были писания Л. Н. Толстого 80-х гг. («Народные рассказы и легенды», «Статьи о переписи в Москве», «В чем счастье», «Смерть Ивана Ильича», «О народном образовании»). Об отношении Г. к проповеди Толстого и толстовцам см. выше примеч. 280.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письмо 451.

349 Стишки эти, как свидетельствует В. Г. Чертков, были написаны на пишущей машинке, обратившей на себя внимание Г. во время одного из его посещений Черткова, когда последнего не оказалось дома.

Письмо 50.

350 Книжный магазин Е. М. Гаршина, в котором работала и мать писателя, открыт был летом 1886 г., но уже 9 апреля С. Я. Надсон писал об этом начинании В. А. Фаусеку: «А каков наш Евгений Михайлович? В коммерцию пустился. Если это предприятие задумано так же практично, как и полное издание стихотворений Полонского, я не очень-то верю в успех его книжного магазина» (Письма С. Я. Надсона», СПБ. 1912, стр. 617).

Первая печатная информация о лавке Е. М. Гаршина гласила следующее: «С наступающего июля месяца библиотекарь Императорского общества любителей древней письменности, кандидат филологии Евгений Михайлович Гаршин открывает книжный магазин в г. С.-Петербурге, по Греческому проспекту в д. № 14, кв № 1. Имея в виду удовлетворять требования покупателей по всем отраслям знания и литературы, г. Гаршин вместе с тем ставит своей задачей сосредоточить в своем магазине возможно полный подбор книг по истории и археологии. Собирая у себя в магазине все ново-выходящие сочинения такого рода, г. Гаршин открывает также и антикварную торговлю и покорнейше просит лиц, желающих купить или продать имеющиеся у них старинные книги, обращаться по вышеозначенному адресу («Библиограф» 1886 г., № 6—7, стр. 107).

Издание, о котором писали братья В. М. и Е. М. Гаршины Д. В. Григоровичу, выходило с 1885 г. особыми выпусками in 8, печатавшимися в количестве от 100 до 200 экземпляров каждый в типографии В. Киршбаума. Ср. «Зимний дворец. Опись предметам, имеющим преимущественно художественное значение», СПБ. 1885; «Дворец в Ропше. Опись предметам, имеющим преимущественно художественное значение», СПБ. 1886.

ПОЯСНЕНИЯ Н. М. ГАРШИНОЙ К ПИСЬМАМ 1880—1882 г.

В письмах Всеволода Михайловича, относящихся к 1882 г., выражено, между прочим, горячее чувство любви его ко мне, и из этих же писем проглядывает не то недостаток любви с моей стороны, не то невнимание к его просьбам писать ему чаще, недоверие к высказываемой им любви, в фантазировании им, или в преувеличеньи им этой любви и т. д.

А на самом деле у меня была боязнь опять поверить и отдаться вполне этой любви, вновь пережить те страдания, которые мне пришлось испытать в течение почти двух лет.

Постараюсь рассказать покуда в коротких словах одну из тех тяжелых страничек истории нашей любви с Всеволодом Михайловичем, о которой теперь, из такого далека, я вспоминаю не со скорбью и не с мукой, а с радостным чувством глубокого былого счастья и глубокой благодарности богу и судьбе, пославшей мне это счастье в любви такого благородного, прекрасного человека, каковым был Всеволод Михайлович.

Письма Всеволода Михайловича относятся к летним месяцам 1882 г.; а вот что пришлось мне пережить с января 1880 г. по май 1882 г.

В конце января 1880 г. — в кругу наших родных и друзей — мы с Всеволодом Михайловичем стали женихом и невестой. Между тем общественная жизнь того времени была тревожна, а всем известный кроткий, мягкий, отзывчивый характер Всеволода Михайловича откликался на всякую злобу дня; всякое насилие мучило его сердце и ум; он протестовал против насилий, как только мог; но это вызывало и поднимало в нем сильное душевное волнение; так было и 20 или 21 февраля 1880 г., когда Всеволод Михайлович пошел к Лорис-Меликову убеждать его не казнить Млодецкого, покушавшегося на его жизнь. Всеволода Михайловича долго не допускали до этого свидания, может быть боясь нового покушения; но его возбужденный вид, настойчивость, просьбы, важность его переговоров и сообщений, которые он — по его словам — имел сделать Лорис-Меликову, все это заставило допустить его до этого свидания; но предварительно его тщательно всего осмотрели, раздевши до нага (осматривали даже под ногтями — нет ли яду). Продержали его в этом напряженном состоянии в продолжение 6 — 8 часов, до глубокой ночи, и надо сказать, что сам Лорис-Меликов был очень внимателен к Всеволоду Михайловичу и произвел на него хорошее впечатление. И для здорового человека выдержать такое испытание не шутка, а Всеволода Михайловича вся эта история, конечно, вывела из более или менее нормальной колеи душевного равновесия; он пришел домой до крайности взволнованным, не мог спать, и на следующий день я и его друзья старались всевозможными средствами успокоить его, но его ужасная психическая болезнь брала свое; а я, бывши тогда студенткой-медичкой 2-го только курса, совершенно еще неопытная, плохо поняла и решила вместе с другими близкими отпустить его для успокоения и развлечения проехаться в Москву, повидать друзей, знакомых; Всеволод Михайлович стремился и к Л. Н. Толстому.

В начале марта он уехал в Москву, и болезнь захватила его там окончательно; совершенно уже больным, как говорится, прямо сумасшедшим он скитался и метался верхом по Тульской и Орловской губ. (в таком виде он заезжал и к Толстому), попадал, кажется, в руки полиции, пере-

плывал вплавь реку во время ледохода и т. д. и т. д. — пока один из друзей не доставил его в Орловскую психиатрическую больницу; в то же время и брат его — Евгений Михайлович ездил и разыскивал его; он же и перевез его вскоре в Харьковскую психиатрическую больницу; это было, кажется, в апреле уже месяце 1880 г. Всеволод Михайлович просил свидания со мной; его родные вызвали меня из Петербурга; я приехала в Харьков, но до моего приезда состояние его настолько ухудшилось, что доктором были запрещены свидания его с кем бы то ни было, и я, пробывши ровно месяц (с 8 июня по 8 июля 1880 г.) рядом со Всеволодом Михайловичем (т. к. дача Гаршиных была смежная, за стеной Сабуровой психиатрической больницы), — так ни разу и не видала Всеволода Михайловича и уехала. Увидала я его только в сентябре, когда его перевезли в Петербург, в частную психиатрическую лечебницу д-ра Александра Яковлевича Фрея, где он за несколько лет перед тем лежал и поправился. Тут постепенно здоровье Всеволода Михайловича начало восстанавливаться; но после перенесенного им сильного маниакального возбуждения началась депрессия, и постепенно Всеволод Михайлович впадал в сильнейшее угнетенное состояние. Я жила тогда с сестрами, с которыми Всеволод был также дружен; д-р Фрей отпускал его погостить к нам; но угнетение его было уже настолько велико, что ни я, ни общество дружественных и знакомых лиц ничто его почти не развлекало и не радовало; он был грустен, часто плакал; а я была как врач совершенно еще неопытна и думала, что если уж и любовь моя его не утешает и не радует, то значит он и не любит меня, а то, что принималось им за любовь, — была только больная фантазия, воображение; и я боялась, что Всеволод Михайлович уже тяготится моей любовью, старалась успокаивать его, просила не думать и не мучить себя никакими обязательствами по отношению ко мне; и при прощании сказала ему, что буду ждать письма от него; а если ему тяжело будет писать, то пусть и не затрудняет себя. Впоследствии-то, бывши в продолжение пяти лет женой Всеволода Михайловича, я знала, что в периоды его угнетения, при полном, ясном сознании, но и при полнейшем безволии, он совершенно не мог писать, — до того, что отказывался подписать даже свою фамилию на какой-нибудь деловой бумаге; подписи его нужно было ждать иногда несколько часов. В таком сильнейшем угнетении, но уже поправляющегося, вполне сознательного Всеволода Михайловича перевез домой, к матери их в Харьков,[1] брат его Евгений Михайлович, откуда вскоре, поздней осенью или уже зимой 1880 года, дядя его Владимир Степанович Акимов увез Всеволода Михайловича к себе на поправку в деревню, в Херсонскую губернию, где он и пробыл до окончательного своего выздоровления, в продолжение почти двух лет, т. е. до весны 1882 г.

За все это время мы не переписывались со Всеволодом Михайловичем: сначала я ждала от него условного письма; сама же первая писать ему не хотела, стеснялась даже подавать весть о себе, боялась навязываться ему даже своими письмами, не хотела напоминать ему о себе. А он не писал (как впоследствии я поняла и выяснилось) сначала потому, что он и пера в руки, вероятно, не мог взять, а потом потому, что были доведены до его сведения нелепые ложные вести о том, будто он мне совершенно не нужен, что я запретила даже своим родным и знакомым спрашивать меня о нем. И Всеволод Михайлович — в свою очередь — из чувства деликатности тоже боялся навязываться мне. И так мы молчали два года... Правда выяснилась только при нашем личном, радостном, простом, дружеском свидании в мае 1882 г., когда Всеволод Михайлович приехал в Петербург вполне поправившимся и совершенно неожиданно для меня пришел ко мне. Страшный беспорядок был в моей комнате, так как на-

[1] Из дневника моего видно, что из Петербурга и больницы Фрея Всеволод Михайлович был увезен 11 ноября 1880 г.

кануне был пожар в доме, где мы жили; пострадала и наша квартира, мы перебрались в другую, в мою комнату свалили в беспорядке все мои пожитки, и приводить их в порядок мне было некогда, так как в этот день я сдавала экзамен; покончив благополучно с этим делом, я уехала к своим родным, а вернувшись на другой день в свою неубранную комнату, застала в ней Всеволода Михайловича... И вот в этой-то совсем уже не казистой, антипоэтической обстановке произошло наше радостное свидание. Чудная, высокая поэзия была в сердцах наших. Мы встретились с таким искренним восторгом и как старые друзья, просто, без объяснений, без упреков; пережилось такое светлое, хорошее, счастливое время. Было полное вознаграждение. И при таком-то свидании, конечно, ничего не было похожего на какое-то «примирение» (глупое слово), о котором упоминается в письме из Мураевки, где другу Всеволода Михайловича Латкину в Баку сообщил их общий знакомый, что мы «помирились». Из всего написанного ясно, что не было никакой ссоры, размолвки, после которой нужно и можно было бы примириться и что-либо говорить о примирении. Всеволод Михайлович застал меня за сдачей последних экзаменов, при переходе на четвертый курс; а я уже заранее списалась со своим дядей, инженером-технологом Н. Ф. Никоновым, работавшим на керосиновом заводе Рагозина, на Волге: там была больничка, где я хотела немного присмотреться и поработать около больных. Как ни просил меня Всеволод Михайлович отложить эту поездку, я не согласилась, боясь опять и так неожиданно отдаться хотя и милому, драгоценному, но такому непрочному, как мне казалось, чувству любви. Я ведь очень настрадалась за время двухгодичного нашего молчания. Я дала срок испытать силу и действительность нашего чувства, не стесняя себя. Вот почему мои письма были и редки, и довольно сдержанны, и в них постоянно высказывались опасения и подозрения в преувеличении чувства любви со стороны Всеволода Михайловича... Но, конечно, я и сама очень любила Всеволода Михайловича; поторопилась приехать в Петербург из Крыма; и как меня ни останавливали некоторые родные и знакомые — я решила выйти за него замуж, и в начале февраля 1883 г. мы повенчались.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ П. Г. ПОПОВА К Н. М. ЗОЛОТИЛОВОЙ (ГАРШИНОЙ) О В. М. ГАРШИНЕ В ИЮЛЕ — АВГУСТЕ 1880 г.

12 июля 1880 г. .. Был вчера у Всеволода. При встрече он показался мне совершенно здоровым, но это впечатление продолжалось не более одной минуты. Я просидел в его комнате часа $1^1/_2$ и не мог понять, что он говорил. Он то смеялся, то был мрачен, но не плакал. Говорил отрывисто отдельные фразы и без всякой связи. Я намекнул ему о вас, передав поклон. «Где она?» (спросил). — В Москве. Что ей передать? — «Что хочешь». Я стал рассказывать ему о других его знакомых, но он равнодушно относился ко всему, ничто его, повидимому, не интересовало. Он чертил на стене какие-то знаки, носился с бумажкой и мало обращал внимания даже на мое присутствие. Положение его, можно сказать, критическое. Думать о том, чтоб он выздоровел, — нет почти никакой надежды. А потому еще в последний раз скажу вам, что вам неизбежно расстаться с мыслью быть когда-нибудь женою Всеволода. Я бы вам этого и не говорил, если бы был хоть сколько-нибудь уверен в возможности выздоровления его. Мне не хотелось бы становиться в фальшивое положение к вам, я желал бы, чтобы вы мне верили так же, как и я вам. Когда вы жили на даче, я постоянно, как бы с предвзятой целью, стремился рассеивать ваши иллюзии относительно Всеволода и в то же время как бы заискивал вашего внимания к себе. Если посмотреть со стороны, то оно как будто и так выходит. Так, вероятно, думает обо мне и Екатерина Степановна. Она, нужно сказать, лелеяла ту мысль, что Всеволод поправится,

вы будете его женою, т. е. разделите с ними труд заботиться о нем, а может быть даже и более — отделаться от Всеволода в пользу Евгения, ибо она знает, что последнему не мало придется возиться с своими братцами. Видя вас постоянно со мною, не скучающую, иногда даже веселую, она решила, что вы не любите Всеволода, и даже не любили, а желаете этого брака потому, что лестно быть женою прославившегося литератора. По ее словам, если вам теперь и тяжело, то потому только, что вы очутились в довольно комичном положении, вам совестно будет знакомых, считающих вас невестою сумасшедшего, а не потому, что теряете любимого человека. И ко мне она стала относиться несколько иначе. Она необыкновенно вежлива со мною и старается насколько возможно облегчить мой труд относительно забот о Всеволоде. На первых порах, когда я был еще в Белгороде, она вошла в сделку с служителями Сабуровой дачи, чтобы они приходили за бельем, и хотела еще, чтобы фельдшер ходил к ней и сообщал о здоровьи Всеволода. Одним словом она, в видах моих занятий, старалась избавить меня вовсе от частых посещений Сабуровой дачи. Я ей за это очень и очень благодарен, так как теперь могу ходить на Сабурову дачу за тем только, чтобы видать Всеволода, и то скорее не для нее, а для себя, Евгения, да еще для вас. Я думаю, что вам все-таки будет интересно знать о нем, помимо всяких эгоистических целей, и потому я от времени до времени буду сообщать об его состоянии, а также и о наших предприятиях. Екатерина Степановна высказала, что его нужно отправить в Париж, где нам может оказать содействие Тургенев. А я думаю, что едва ли его придется везть за границу, а скорее в Петербург или другой город, но в России. Мне, впрочем, все равно. Вена, Берлин, Париж, хоть и Америка. Пользы я мало вижу в его перевозке и склонен думать так же, как и мой милый братец, что громкие названия не спасут его. Все-таки я поеду, если будет решено так или иначе, хотя бы пришлось отложить все экзамены и остаться еще на 1 год в Харькове...

17 июля 1880 г. Харьков... ⟨Екатерина Степановна⟩ рассказала мне, что была у Всеволода, видела его, говорила с ним, что это свидание позволено Ковалевским в виде опыта, и в общем вынесла такое же впечатление, какое и я, т. е. что положение его почти безнадежное. Ковалевский же находит улучшение в том, что Всеволод сделался спокойнее, и когда наступит полное затишье, то можно надеяться на просветление мозга, а до этой поры думать о том нельзя; что бред, который замечается у него, мало имеет значения, и, наконец, что хотя ему и приятно бы было, чтобы Всеволод выздоровел у него в больнице, так как это составило бы его гордость, но средства больницы не позволяют думать об этом, и потому, в видах пользы для Всеволода, необходимо поместить его в больницу с лучшею обстановкою. Потом я пошел на другой день к Всеволоду без позволенья докторов и, скажу откровенно, вынес лучшее впечатление, чем от прежних посещений. Я принес ему различных фруктов. Он отложил четыре груши и сказал: «это для английского лорда».

— Какого, Всеволод?

— Разве ты не знаешь?.. А тот, что вот в этой комнате сидит! Настоящий английский лорд... Хочешь я тебя познакомлю?

— Лучше в другое время.

— Ну хорошо... Не понимаю, зачем это мне носят такие сорочки... Нужно или совсем полотняные, или бумажные... Ведь через это может быть разряжение электричества... а мама этого не знает... Из этого вот (показывая на цинковую пластинку) я сделаю телеграф... Проведу его в окно... Электричества у меня достаточно... У меня оно в волосах (он стал соединять волосы с носом). Вот стоит только так сделать и получится искра... Смотри вот сейчас... видишь? Ты не видишь, а я чувствую, как электричество разряжается... вот сейчас искра ударила в затылок. Скажи маме, чтобы она мне русские сорочки присылала. (Он увидал на Терентьеве русскую сорочку). Давай поменяемся!.. Ты смотри, ведь это мне

вышивала моя бывшая невеста (Р. В.) ... Дай сюда платок!.. Это мой... Это мама мне прислала (он вырвал платок у Терентьева. Взял у меня порттабак). — Это тоже мой... Помнишь, когда мы с тобою ехали, у меня было что-то подобное, а ты взял... Отдай мне сейчас... Принеси мне мои книги, карточки, штатское платье, да скажи, где ты живешь... Мне нужно знать... А казак где?

— Какой казак?

— А тот, что тут был?.. Ты не знаешь, а дело чрез это может погибнуть... Он мне необходим... (Лицо его приняло мрачный вид).

Я постарался утешить его тем, что обещался найти его квартиру.

— Ешь фрукты, Всеволод!

— Ты знаешь, это что... Это не фрукты, а монады... Весь мир состоит из монад... И ты монада, и я монада... Ты ведь читал философию Лейбница?.. А где моя философия?.. Цела?.. Принеси ее!..

— Цела... А знаешь, Всеволод, что делает теперь Рейнбот?.. Он ищет точку...

— И не нашел еще?

— Пока нет.

— Ради бога, сюда его!.. Давай его нам... он необходим... здесь его место... (Он пришел в экстаз). Перо сюда! Дам полцарства за перо!.. Нет ли карандаша? (Он стал объяснять рисунки в комнате). Это вот мой патрон... Это бутылка шампанского (на печи нарисовано подобие бутылки)... Это... «ничего в волнах не видно»... А это... «на севере диком пальма растет»... А это вот Сатурн... Когда Солнце сойдется с Сатурном и если в центр положить спичку, произойдет взрыв, и все исчезнет. Вот где вся суть... А этого никто не знает...

Разговор продолжался в том же духе долго. Он пел песни, декламировал из «Гамлета», старался говорить остроты, что ему не всегда удавалось. В довершение описанной картины я еще прибавлю то, что он передавал Екатерине Степановне.

— А знаешь, мама, кто тут сидит... Тут сидит сам Луи-Наполеон, тот самый, которого убили зулусы... Он здесь... А эту сорочку вышивала мне Раиса Всеволодовна. Какая она дурная... развратная, безнравственная, пошлая... и все это от того, что положение ее отвратительное...

Мне не хотелось бы верить, что Всеволод не поправится... Я нахожу, что положение его несколько улучшилось. По крайней мере с ним теперь можно говорить, хотя, как можете сами судить, из разговора нельзя вывести для себя ничего утешительного. Вероятно, Екатерина Степановна предполагала, что я намеренно сообщал о Всеволоде более в дурном тоне, чем на самом деле. Теперь она воочию убедилась, что я прав, и сожалеет о том, что она навестила его, ибо до этой поры у нее все-таки был луч надежды, а теперь он исчез. Так как, по словам Ковалевского, в Москве лучшая больница в России, только психиатры, как люди, не очень порядочные, то интересно знать все подробности об этой больнице. Интересно потому, что если не удастся везти Всеволода за границу, в чем я почти уверен, — то Москвы ему не миновать; здесь же, в Харькове, оставить его нет никакого расчета. В видах этих я прошу вас помочь нам насколько возможно, т. е. узнать, что это за больница из достоверных источников, — какая плата, каковы доктора, палаты и т. п., и сообщить мне к августу. Я думаю, что вам это не составит большого труда... Вы слышали, что Турция отвергает контракт, предписанный Берлинским конгрессом? Если это случится, то войны не миновать. Мы, т. е. я с Всеволодом, отправимся тогда на поле сраженья и вступимся за оскорбленную честь России. Вас также не оставим в покое, а потянем за собою в качестве друга человечества. По мнению Екатерины Степановны, война для Всеволода лучшее лекарство и чуть ли не единственное...

P. S. 18 июля. *Раичка* приехала. Я видел ее мельком. В воскресенье порешил с нею познакомиться, если будут к тому благоприятные условия.

Сегодня Екатерина Степановна была еще раз у Всеволода. Ее посещения не имеют такого влияния, как прежде, на Всеволода, т. е. раздражающего. Хорошего ничего не вынесла. Пред этим он был в очень раздраженном состоянии. Если бы вы были в Харькове, то вероятно и вам позволено бы было видеть Всеволода, только толку от этого никакого не было бы.

8-го августа 1880 г. Харьков. Ковалевский оказался во всех отношениях прав. В то время, когда все, может быть, кто видел Всеволода, отчаивались в возможности его выздоровления, он один только настаивал, что «он хорош — и надеется»... Теперь эта надежда несомненна. С каждым днем состояние его прогрессивно улучшается и быстро делает скачки вперед. 5-го августа я был у него с Всеволодом Александровым. Мы провели часа $1^{1}/_{2}$, — и ни одной почти чепухи не сказал. Я говорю *почти*, потому что бред его не прекратился еще вполне: он еще высказывает, что Кончаловский и Филиппов на Сабуровой даче, и сам он сидит, как политический преступник. 6-го августа была у него Антонина Всеволодовна с Екатериной Степановной. Он рад каждому новому лицу и нисколько не волнуется; рад, впрочем, только когда увидит, а потом мало обращает внимания. Екатерине Степановне хочется, чтобы Раиса Всеволодовна пошла к нему. Мне никогда Всеволод не высказывал, что он хочет видеть ее, но Екатерина Степановна говорила, что он умолял передать ей, чтоб она навестила его. Сама Раиса также желает его видеть и просит меня повесть ее дня через два или раньше, смотря по тому, как отнесется Андрузский к ее посещению. Я не хочу без позволения доктора вести, дабы, в случае неблагоприятных результатов, вся вина не пала на меня. Мне уже и так надоело из-за других испытывать неприятность... Очень кстати будет, если вы напишете несколько слов утешительных Всеволоду, которыми дали бы понять ему, что у него есть друзья, искренно сочувствующие его выздоровлению, и т. п. Я беру на себя труд передать ему, хотя это будет шаг с моей стороны чуть ли не подлый в глазах Екатерины Степановны, если она узнает; но в то же время может большую оказать услугу Всеволоду для его нравственного успокоения. Он теперь считает себя покинутым, что у него нет друзей. Те, кого он считал друзьями, забыли о нем и т. п. — В видах быстрого улучшения здоровья Всеволода, понятно, и вопрос об его отправлении куда бы то ни было должен считаться преждевременным. Теперь поговариваем о том, что не мешает брать его к себе на дачу на время, а потом, в сентябре, и вовсе взять домой, учредив строгий надзор за ним. Екат. Степ., конечно, рассчитывает на меня теперь больше, чем когда бы ни было, а у меня одно желанье — поскорее уехать из Харькова. Думаю, что не выдержу до конца свою роль, ибо очень я уж зол сделался. Евгений Михайлович сегодня приедет и тогда виднее будет...

20-го августа 1880 г. Харьков... Во время моего отсутствия была у Всеволода Раиса с Екатериной Степановной. Всеволод обрадовался очень, но затем перестал обращать вниманье на ее присутствие. Рассказывал обо мне им, что я влюблен в Галину, что он сильно сожалеет, что Рогальский встал на пути и отбил то, что принадлежало по праву мне. Это самое не только им, но даже и Ковалевскому рассказал. Так как я часто ему говорил о Галине, то он и вообразил, что я влюблен в нее. Я ему рассказывал, что раз играл в карты и выиграл 5 р. и поэтому купил сигар для него 25 штук в 90 к. Екатерине Степановне он стал рассказывать, что я угощал его отличными сигарами в 9 к. за одну и это потому, что выиграл 5 р. у него же. Одним словом, он перепутал то, что я говорил ему, и весьма трудно убедить в противном, да вообще и стоит ли... Я думаю, он и сам когда-нибудь поймет все несообразности. Кстати скажу мнение Кавалевского. Он дает голову на отсечение, что к концу сентября выпишет Всеволода здоровым и восстает против того, чтобы везти его куда бы то ни было. Этою поездкою, говорит, мы ничего не сделаем, кроме того, как наглупим. После выписки ⟨нужно⟩ сейчас же отправить

в деревню и там дать время ему вполне успокоиться и прийти в норму. Екатерина Степановна написала Фрею письмо. Тот ответил, что рад, что не повезли в Вену, т. к. это лишняя трата. Если повезут к нему, то ручается, что хуже от этого не будет, а если еще куда в Россию, обещается оказать свое содействие. — Рассуждая беспристрастно о мнении Ковалевского, нельзя не видеть, что у него одно желание эгоистическое, — чтоб Всеволод выздоровел у него в больнице, — чем может составить себе репутацию. Он поэтому и старается запугать. Фрей ручается, что хуже ему не будет от того, если перевезут, а Фрей все-таки знает его. Да это и так очевидно... Оставить здесь — мало утешительного, ибо вследствие перехода на другую квартиру, ко Всеволоду нельзя будет ходить два раза в сутки, а также кормить, как теперь. Потом, если и выпишет Ковалевский, то куда его везти и в какую деревню? Можно ли его удержать в деревне. — Екатерина Степановна стоит за то, чтобы везти в Петербург... А я, конечно, очень рад буду сопутствовать. Одним словом, настроение такое, что везти в Петербург, и трудно Ковалевскому будет удержать Всеволода в своей больнице. Вопрос о времени не решен еще. Вероятно числа 2 — 3 сентября.

Ваше письмо я передал Всеволоду. Он прочел, нахмурил брови, взял карандаш и сейчас же стал писать ответ. Я не могу вам выслать его, так как он передал не мне, а Евгению. В этом ответе он пишет, что никогда не был больным, т. е. сумасшедшим, а попал потому, что посадили. Была, дескать, два раза нервная горячка, но прошла бесследно и теперь он здоров. Далее что то такое туманное, что и не поймешь. Меня обозвал легкомысленным мальчишкой Чигой. Из письма нетрудно понять об его обыкновенном ненормальном состоянии. Евгений хочет показать его Ковалевскому. В нем даже нет вашего имени. — Раиса Всеволодовна вынесла из посещения самое дурное впечатление. Ей он показался настоящим дурачком: чистосердечно смеется и долго — от всякого пустяка, взор светлый, чистый, мелет чепуху и т. п. Я нашел его все-таки несколько в лучшем виде, чем до этого. Мнение Раисы справедливо... Такое всякий вынес бы, кто не следил за ним постоянно, как мы. Конечно, очень будет прискорбно, если он и останется таким навсегда, но у нас есть надежда, что не останется, а прогрессивно будет просветление мозгов... Сегодня <я> смотрел на царя и Лориса-Меликова. Город украшен флагами и народу пропасть было. Вечером иллюминация. Если будете писать Всеволоду еще, то не пишите, что он болен. Лучше о себе что-нибудь...

30 го августа 1880 г. Харьков... Скоро и я буду в Петербурге и, надеюсь, разыщу вас там. 4-го сентября решено везти Всеволода в больницу к Фрею. Последнего уж известила о том Екатерина Степановна письмом. При свидании я подробно расскажу о Всеволоде, а теперь ограничусь краткими сообщениями. Выздоровление не двигается ни на шаг вперед и стоит в одном положении. Вас он вспоминает часто и считает своею женою. Вы уже не Золотилова, а Гаршина по его соображениям. — Так как время не позволяет, чтобы я мог дождаться от вас ответа на письмо, в котором вы могли бы сообщить свой адрес, то я попрошу, чтобы вы сообщили его в редакцию «Русского Богатства» Русанову. С последним я надеюсь видеться и через него отыскать Вас. По приезде от брата я писал вам письмо в Москву. Мы еще на даче. 1-го или 2-го сентября переберемся в город. Желаю Вам выдержать экзамен. *П. Попов.*

P. S. Сегодня был у Всеволода. Ходили с ним по саду и разговаривали. Сидел на скамье некто Алексеев. Последний подал мне руку. Когда я протянул свою, то он поцеловал.

— Это зачем же? — спрашиваю я... — Кажется лишнее...

— Нет. Теперь целуйте мою...

Я не хотел целовать.

— Если не хотите, то в морду...

Я принужден был поцеловать. Когда я сделал это, Алексеев кинулся ко мне на шею, стал обнимать, целовать и в то же время сильно рыдал.

— Здесь кровопийцы живут, варвары... Они сосут нашу кровь, мучают, бьют, а мы страдаем и терпим...

Всеволод стоял около и вторил ему. Вышла очень трогательная сцена. Я постарался увести Всеволода и рассеять его мрачное настроение.

Странный народ этот — господа сумасшедшие... На меня они всегда производят отрезвляющее действие. Этот Алексеев поистине мученик. Ежедневно его сажают в темную комнату и оставляют на сутки и даже более. На шее постоянно мушка и вдобавок — побои от служителей. Не смотря на такое радикальное лечение, он всегда бунтует, рвет все, что попадется под руку. Всеволод дружен с ним и называет его братом по страданию.

Оставлять Всеволода здесь мало толку. Сцены с служителями сильно его волнуют и препятствуют выздоровлению. Вчера он подрался с служителем, и, как говорят, едва не нанес раны ножем.

Получил от вас письмо, из которого узнал, что вы уехали в Петербург. Сегодня Раиса А<лександрова> прислала из Москвы письмо своим родным, в котором пишет, что в Москве есть такая знаменитость психиатр, знакомый с Колударовым, что сразу может определить, — выздоровеет ли Всеволод или нет. В видах этих она предлагает заехать к Колударовым с Всеволодом, где будет и психиатр.

Нашли было квартиру, дали задаток, и теперь приходится бросать ее, так как контракт предлагается подписать очень невыгодный для Екатерины Степановны; поэтому 2-го сентября мы, вероятно, будем еще на даче, и отсюда придется прямо ехать, в Петербург, а квартиру искать после. Решили 4-го выехать из Харькова — и выедем. Разве обстоятельства непредвиденные какие-нибудь помешают. А почему так решено, я уж, кажется, писал.

Всеволод держится прежних взглядов на все, т. е. тех самых, какие явились во время сумасшествия, и не видно никакого поворота в противоположную сторону. Ему теперь вообразилось, что мать нарочно держит его в этом доме и хочет на всю жизнь закабалить в нем. Он считает себя здоровым и с нетерпеньем желает быть в Петербурге, видеть своих знакомых и продолжать заниматься литературой. Харьков считает самым противным в мире городом, так как в нем произошли все несчастья для него. В другое время он мирится со всем и не желает выходить из сумасшедшего дома, где обитают знаменитости всего мира (Пирогов, Боткин)...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ВОСПОМИНАНИЙ О В. М. ГАРШИНЕ *

1. Абрамов, Я. Всеволод Михайлович Гаршин. (Материалы для биографии). — «Памяти В. М. Гаршина». Художественно-литературный сборник. СПБ 1889, стр. 1—60. (Первый опыт биографической сводки на основании писем Г. и мемуарных свидетельств его друзей и близких).

2. А⟨кимов⟩, В. Всеволод Гаршин и его пребывание в Ефимовке 1880—1882. — «Красный Цветок». Литературный сборник в память В. М. Гаршина. СПБ. 1889, стр. 10—16. Перепечатано: Полн. собр. соч. В. М. Гаршина. Прилож. к журн. «Нива» 1910, стр. 15—20.

3. Баранцевич, К. В. М. Гаршин. (К 25-летию со дня смерти).— «Путь» 1913, кн. 3, стр. 32—34. То же, в другой редакции: Из воспоминаний о В. М. Гаршине. — «Солнце России» от 23 марта 1913, № 13, стр. 8—9. (Случайные встречи с Г. в 1884—1888 гг.).

4. Батюшков, Ф. Памяти Гаршина. — «Современный Мир» 1908, кн. IV, стр. 99. (Чтение Г. «Сказания о гордом Аггее» в Петербургском неофилологическом обществе 3 апреля 1886 г.).

5. Б⟨ибиков⟩, В. Всеволод Гаршин. Воспоминания.—«Всемирная Иллюстрация» 1888, №№ 15 и 17 от 9 и 23 апреля, стр. 281—290 и 331—334. Перепечатано: Виктор Бибиков. Рассказы. СПБ. 1888, стр. 347—381; Полн. собр. соч. В. М. Гаршина. Прилож. к журн. «Нива» 1910, стр. 67—77. (Г. в Киеве в 1884 г. Выступление Г. на вечере в пользу Литературного Фонда 16 марта 1886. Встречи и беседы с Г. в 1886—1888 гг.). Резко-отрицательную оценку воспоминаний В. Бибикова см. в письме А. П. Чехова к И. Л. Щеглову от 18 апреля 1888 г. (Письма А. П. Чехова, т. II, М. 1913, стр. 75), см. также отзывы Е. М. Гаршина («Биржевые Ведомости» 1888, № 91 от 1 апреля) и анонимного рецензента книги «Рассказов» В. Бибикова («Неделя» от 29 мая 1888, № 22, стлб. 704).

6. Быков, П. Лучезарной памяти (Мои воспоминания).—«Солнце России» от 23 марта 1913, № 13, стр. 5—7. (Случайные встречи с Г. в 1878—1888 гг.). Перепечатано: П. В. Быков, «Силуэты далекого прошлого», М. 1930, стр. 200—203.

7. В., О. Смерть Гаршина. — «Речь» от 18 марта 1913, № 75 (Детали трагической смерти Г. со слов В. М. Латкина).

8. Васильев, А. В. М. Гаршин на службе.—«Красный Цветок». Литературный сборник в память В. М. Гаршина. СПБ. 1889, стр. 24—29.

* Составлен Н. И. Мордовченко.

Перепечатано: Полн. собр. соч. В. М. Гаршина. Прилож. к журн. «Нива» на 1910, стр. 63—66. (Г. на службе в секретариате Общего съезда представителей железных дорог в 1883—1887 гг.).

9. Гарин, Д. Моя единственная встреча с Гаршиным.—«Красный Цветок». Литературный сборник в память В. М. Гаршина. СПБ. 1889, стр. 29—32. (Случайная встреча с Г. в Пушкинском литературном кружке).

10. Гаршин, Е. М. «Литературные беседы».—«Биржевые Ведомости» 1888, № 91, от 1 апреля. (Краткие биографические данные о Г.; начало его писательской работы).

11. Гаршин, Е. М. В. М. Гаршин. Воспоминания. — «Родник» 1888, кн. 6, стр. 559—569. Перепечатано: Полн. собр. соч. В. М. Гаршина. Прилож. к журн. «Нива» 1910, стр. 9—15. (Г. в 1867—1879 гг. — детство и юношество Г. Возвращение Г. с русско-турецкой войны).

12. Гаршин, Е. М. Как писался «Рядовой Иванов».— «Солнце России» от 23 марта 1913, № 13, стр. 4—5. (Г. в 1882 г. в Спасском-Лутовинове, в усадьбе И. С. Тургенева).

13. Гаршин, Е. Литературный дебют Всеволода Гаршина. — «Русская Мысль» 1913, кн. V, стр. 105—111. (Г. в 1875—1876 гг.; начало писательской работы Г.).

14. Гаршина, Е. Из письма к редактору «Русского Обозрения». — «Русское Обозрение» 1895, кн. II, стр. 877—879. (Отправление Г. на театр русско-турецкой войны в 1877 г.).

15. Герман, А. Из воспоминаний о Всеволоде Гаршине.—«Беседа» 1904, кн. V, стр. 519—523. (Г. в I петербургском реальном училище).

16. Г<оворуха-Отрок, Ю. Н.>. Г. Успенский о В. Гаршине.— «Южный Край» от 15, 16, 17, 19, 21 и 22 апреля 1888, №№ 2508, 2509, 2510, 2512, 2514, 2515. (Встречи с Г. в Харькове; беседы о мировоззрении).

17. Дейч, Л. Молодость Г. В. Плеханова. Воспоминания.—«Былое» 1918, кн. 7, стр. 127. (Знакомство Плеханова с Г. в Горном институте, в 1874 г.).

18. Демчинский, Н. А. Сладкие грезы. Воспоминания о В. М. Гаршине. — «Журнал Театра литературно-художественного общества» 1910, № 1, стр. 16—19. (Совместная работа с Г. над драмой в 1884 г.).

19. Демчинский, Н. А. В. М. Гаршин перед картиной И. Е. Репина. — «Солнце России» от 23 марта 1913, № 13, стр. 9. (Впечатления Г. от картины И. Е. Репина «Иван Грозный»).

20. Дмитриева, В. И. Так было. (Путь моей жизни). — М. «Молодая Гвардия» 1930, стр. 121, 197, 217—219, 274, 276, 280, 445, 453. (Знакомство с Г. в 80-е гг.).

21. Засодимский П. На могиле Гаршина. 26 марта. 1888 г.— «День» от 30 марта 1888 г., № 39. Перепечатано: П. Засодимский. Из воспоминаний. М. 1908, стр. 324—331. (Встречи с Г. в 1886 г. и беседы с ним).

22. Златовратский, Н. Из литературных воспоминаний. (Читано в публичном заседании Общ. люб. росс. слов. 27 апреля 1897).— «Русские Ведомости» от 4 июня 1897, № 152. Перепечатано: Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. СПБ. 1897, стр. 394—403. (Г. в 1879—1880 гг.;

история опубликования «Attalea princeps»; Г. перед посещением М. Т. Лорис-Меликова).

23. Кирпичников, А. Всеволод Михайлович Гаршин. (Личные воспоминания). — «Вестник Воспитания» 1903, кн. 1, стр. 15—37. (Г. по рассказам его харьковских друзей, университетской молодежи 1880—1884 гг.; встречи с Г. в Петербурге). См. отзыв: «Мир Божий» 1903, кн. 4, стр. 60—61.

24. Краткая история 138-го пехотного Болховского полка. Рязань 1892, стр. 32. (Г. в действующей армии в 1877—1878 гг. по воспоминаниям его сослуживцев). Ср. № 33.

25. К<ривенко>, С. Н. Из литературных воспоминаний.—«Исторический Вестник» 1890, кн. 2, стр. 274, 276—277. (Г. о своих побуждениях итти на войну. Тургенев о Г.).

26. Кулешов, М. Н. [Автобиография]. — «Русская Мысль» 1902, кн. XI, стр. 117—121 в статье А. И. Яцимирского «Воспоминания писателей-самородков о их старших собратьях». (Г. в 1877 г. в действующей армии; Г. в психиатрической лечебнице в мае 1880 г.).

27. де-Л<азари>, Н. В. Воспоминания о В. М. Гаршине. — «Русская Мысль» 1917, кн. I, стр. 44—52. (Г. в Старобельске и Харькове в 1875—1880 гг.).

28. Л<аткина>, М. Писатель. (Памяти Всеволода Михайловича Гаршина). — «Памяти В. М. Гаршина». Художественно-литературный сборник. СПБ. 1889, стр. 130—146. (Высказывания Г. о писательском труде летом 1887 г.; Г. перед смертью).

29. Леман, А. Статья о Гаршине. — Рассказы. СПБ, 1888, стр. 23—133. (Знакомство с Г. в 1886—1888 гг. Г. на вечере у Я. П. Полонского. Выступление Г. на вечере в пользу Литературного фонда 16 марта 1886 г. Квартира Г., Г. у И. И. Ясинского за несколько дней до смерти).

30. Малышев, М. О Всеволоде Гаршине.— «Памяти В. М. Гаршина». Художественно-литературный сборник. СПБ. 1889, стр. 124—129. Перепечатано: Полн. собр. соч. В. М. Гаршина. Прилож. к журн. «Нива» 1910, стр. 20—24. (Г. в реальном училище. Г. в Горном институте. Г. в действующей армии в 1877 г. Г. у М. Т. Лорис-Меликова. Болезнь Г.).

31. Микулич, В. Всеволод Гаршин. — «Исторический Вестник» 1914, кн. I, стр. 120—134. Перепечатано с некоторой переработкой: «Дуся». П. 1915, стр. 235—255; Встречи с писателями. Л. 1929, стр. 221—229. (Г. в 1882 г. по рассказам Т. В. Акимовой. Встречи с Г. в Царском Селе в 1882 г. и в Петербурге).

32. Минский, Н. Несколько слов о Гаршине по поводу десятилетия его смерти. — «Новости» от 9 апреля 1898, № 96 (Мировоззрение Г. Встреча с Г. незадолго до смерти. Неосуществленная сказка Г. о фиалке).

33. Михеев, С. История 138-го пехотного Болховского полка, 1903, стр. 111—114, 208, 221. Первоначально: «Полковые воспоминания о Всеволоде Гаршине». — «Разведчик» от 16 сентября 1903, № 673, стр. 790—791; перепечатано в сокращении — «Новое Время» 1903, № 9897 от 17 сентября и «Север» от 28 сентября 1903, № 39, стр. 306. После выхода книги перепечатано с незначительными изменениями: «Полковая характери-

стика Всеволода Гаршина». — «Офицерская Жизнь» от 23 марта 1913, № 11, и «Русская Молва» от 31 марта 1913, № 108. (Г. в действующей армии в 1877—1878 гг.).

34. Налимов, А. К воспоминаниям о Всеволоде Гаршине. — «Образование» 1898, кн. 3, стр. 51—53. (Г. в 1864—1873 гг. в реальном училище).

35. Налимов, А. Гаршин-гимназист. — «Задушевное Слово» для старшего возраста от 9 февраля 1908, № 15 и № 16 от 16 февраля 1908, стр. 227—229 и 247—249.

36. П. А. Гаршин в ночь смерти. (Из воспоминаний). — «Раннее утро» от 29 июля 1909, № 173. Перепечатано в сокращении: «Одесский Листок» от 2 августа 1909, № 176. (Г. в действующей армии в 1877 г. Встречи с Г. в Петербурге. Последний визит автора к Г. в «ночь смерти»).

37. Павловский, И. Дебюты В. М. Гаршина. — «Красный Цветок». Литературный сборник в память В. М. Гаршина. СПБ. 1889, стр. 17—24. (Г. в Петербурге в 1878 г.).

38. Пантелеев, Л. Памяти В. М. Гаршина. — «Современная Иллюстрация» от 24 марта 1913, № 3, стр. 37—39. (Г. и круги художников. Г.— переводчик. Судьба литературного наследства Г.).

39. Пантелеев, Л. Дополнение к статье «Новое о Гаршине». — «Голос Минувшего» 1913, кн. 7, стр. 248. (Отношение Г. к революционному движению).

40. Плеханов, Г. В. Н. А. Некрасов. К 25-летию его смерти. — Соч Г. В. Плеханова, том X, 1925, стр. 377. Первоначально: Н. А. Некрасов. К 25-летию его смерти. Изд. «Загр. лиги русск. рев. соц.-дем.». Женева. 1903. (Спор автора с Г. о «Русских женщинах» Некрасова в годы студенчества).

41. Попов, И. И. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет ч. 1. Детство и годы борьбы. Л. «Колос» 1924, стр. 31—37, гл. V. В. М. Гаршин и Н. С. Дрентельн. (Г. в реальном училище. Г. перед отправлением в действующую армию. Визит Г. к Лорис-Меликову. Отношение Г. к террору и народовольцам).

42. Рейнгардт, Н. В. Две встречи. (Воспоминания о В. М. Гаршине). — «Волжский Вестник» от 19 апреля 1888, № 101. Перепечатано: «Красный Цветок». Литературный сборник в память В. М. Гаршина. СПБ. 1889, стр. 54—59; Полн. собр. соч. В. М. Гаршина. Прилож. к журн. «Нива» 1910, стр. 24—28. (Встречи с Г. в феврале 1866 г. в Петербурге и в конце мая 1884 г. на ст. Любань).

43. Репин, И. Е. <Воспоминания о В. М. Гаршине, написанные по просьбе С. Н. Дурылина в 1906 г.>. — С. Н. Дурылин. Репин и Гаршин. (Из истории русской живописи и литературы). М. 1926, стр. 45—47, 51—52, 56, 65—68. (Знакомство с Г. в 1882—1888 гг. Репин в работе над портретом Г. и над картиной «Иван Грозный»).

44. Репин, И. Е. Мои встречи с В. М. Гаршиным. — «Солнце России» от 23 марта 1913, № 13, стр. 10—11. (Знакомство с Г. в 1882—1888 гг.).

45. Репина, Вера. Из детских воспоминаний дочери И. Е. Репина.— «Нива» 1914, № 29, стр. 573. (Г. позирует И. Е. Репину для его картины «Иван Грозный»).

46. Русанов, Н. С. Из литературных воспоминаний. — «Былое» 1905, кн. 12, стр. 42, 46, 49—53. Первоначально: «С родины на родину», № 4 Женева 1894, стр. 302—303. (Г. в 1880 г. Визит Г. к М. Т. Лорис-Меликову и нервное заболевание Г.).

47. Сахаров, В. П. Воспоминания о В. М. Гаршине. — «Русская Молва» от 24 марта 1913, № 102. (Г. в 1877 г. в действующей армии. Свидание с Г. в Петербурге в 1883 г.).

48. Соколов, В. П. Гаршины. — «Исторический Вестник» 1916, кн. 4 и 5, стр. 130—158 и 399—426. (Г. в 1883—1888 гг. Быт семьи Г., мать Г., братья, друзья и знакомые).

49. Сухотина-Толстая, Т. Л. Друзья и гости Ясной Поляны. М. 1923, стр. 14—15. (Посещение Г. Ясной Поляны в марте 1880 г.).

50. Толстой, Илья. Мои воспоминания. М. 1914, стр. 150—156, гл. XV. Гаршин. (Посещение Г. Ясной Поляны в марте 1880 г.).

51. Тыркова, А. Отрывок. — «Русская Молва» от 24 марта 1913, № 102. (Г.—посетитель петербургского литературно-музыкального салона А. А. Давыдовой середины 80-х гг.).

52. Успенский, Глеб. Смерть В. М. Гаршина. — «Русские Ведомости» от 12 апреля 1888, № 101. Перепечатано: «Памяти В. М. Гаршина». Художественно-литературный сборник. СПБ. 1889, стр. 147—160; «Красный Цветок». Литературный сборник в память В. М. Гаршина. Прилож. к журн. «Нива» 1910, стр. 77—87. Ср. также перепечатки во всех «полных собраниях сочинений» Г. И. Успенского. (Г. в 1880—1888 гг. Наследственность Г. и особенности его нервного расстройства Миросозерцание Г. Посещение Г. Лорис-Меликова). Ср. возражения на статью Г. И. Успенского в мемуарном очерке Ю. Н. Говорухи-Отрока, № 16.

53. Фаусек, Виктор. Памяти Всеволода Михайловича Гаршина. — «Памяти В. М. Гаршина». Художественно-литературный сборник. СПБ. 1889, стр. 77—123. Перепечатано: Полн. собр. соч. В. М. Гаршина. Прилож. к журн. «Нива» 1910, стр. 28—63. (Г. в 1876—1888 гг., его жизнь, литературные интересы и вкусы, замыслы и творчество).

54. Фаусек, Вячеслав. Из воспоминаний о В. М. Гаршине. — «Современный Мир» 1913, кн. 3, стр. 57—65. (Дополнительные данные к материалам воспоминаний брата автора, Виктора Фаусека).

55. Фаусек, Ю. И. Последний год жизни В. М. Гаршина. — «Русская Молва» от 24 марта 1913, № 102. Ср. С. Караскевич «Семья Ярошенок» «Рус. Записки», 1915, кн. X, стр. 22—24.

56. Фидлер, Ф. Ф. Литературные силуэты. Из воспоминаний. — «Новое Слово» 1914, кн. I, стр. 68—75. (Г. в 1883—1888 гг. по дневнику автора).

57. Чертков, В. Г. ⟨Примечания к письмам А. И. Эртеля⟩. — Письма А. И. Эртеля. М. 1909, стр. 405. (Замысел Г. повести из эпохи Петра I).

58. Шелгунов, Н. В. Очерки русской жизни. — «Русская Мысль» 1888, кн. 5, стр. 126—137. Перепечатано: Соч. Н. В. Шелгунова, т. III, изд. 3-е, СПБ, стр. 514—519. (Случайные встречи с Г. в 80-е гг.).

59. Шиле, Ал. Всеволод Гаршин. (Страничка воспоминаний). — «Биржевые Ведомости» от 23 марта 1913, вечерний вып. № 13463 (Мать и отец Г. 14-летний Г.).

60. Шляпкин, И. Памяти В. М. Гаршина. — «Русский Библиофил» 1913, № 4, стр. 83—86. (О чтении Г. «Сказания о гордом Аггее» в Петербургском неофилологическом обществе 3 апреля 1886 г.).

61. Шольп, Евг. Отрывки воспоминаний о В. М. Гаршине. — «Киевская Мысль» от 24 марта 1913, № 83. (Встречи с Г. в 1883 г. у С. Н. Кривенко. Отношение Г. к революционному народничеству).

62. Эртель, А. О Всеволоде Гаршине. (Речь, произнесенная 1 мая в Общ. люб. росс. слов.). — «Русские Ведомости» от 2 мая 1888, № 119. Перепечатано: «Красный Цветок». Литературный сборник в память В. М. Гаршина. СПБ. 1889, стр. 45—53. (Встречи и беседы с Г. в 1879—1884 гг.).

63. Ярон, С. Г. Воспоминания о театре (1867—1897). Киев 1898, стр. 198—199. (Г. на любительских спектаклях в Харькове в 1880 г.).

64. Ясинский, И. Последние встречи с Гаршиным. (Из воспоминаний). — «Биржевые Ведомости» от 26 марта 1898, приложение № 13, стр. 102. (Г. у Ясинского за несколько дней до смерти).

65. Я⟨синский⟩, И. Это было давно. — «Беседа» 1903, № 6, стр. 246. (Г. в сентябре 1884 г. в Киеве).

66. Ясинский, И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М.—Л. Госизд. 1926, стр. 138—139, 147—148, 150, 170, 172—173, 180, 214—215, 233—236. (Г. в 1878—1888 гг. Г. в редакции «Слова». Работа Г. над «Надеждой Николаевной». Г. в Киеве. Последние встречи с Г.).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ПРОИЗВЕДЕНИЙ, УПОМИНАЕМЫХ В ВОСПОМИНАНИЯХ О ГАРШИНЕ *

Абрамов, Я. В. — 1, 55, 58.
Аввакум, протопоп — 53.
Акимов, В. С. — 2, 53.
Акимов, Е. И. — 31.
Акимова, А. С. — 2, 11.
Акимова, О. И. — 31.
Акимова, Т. В. — 31, 38.
Александр II — 12.
Александрова, Н. В. — 27.
Александрова, Р. В. — 14, 27, 56.
Аленицын, В. Д. — 29.
Альбов, М. Н. — 3, 5, 29, 44, 48.
Андерсен, Г. Х. — 58.
Арсеньев, К. К. — 29.
«Attalea princeps» — 22, 56.
Афанасьев, В. Н. — 1, 14, 30, 33, 47.
Афанасьев, И. Н.—47.

Баранов, ген. — 36.
Баранцевич, К. С. — 3, 29, 44, 48, 60.
Баталин, А. Ф. — 15.
Батюшков, Ф. Д. — 4.
Баумбах, Н. — 56.
Белинский, В. Г. — 53, 56.
Белинский, М. — см. Ясинский, И. И.
Берви — см. Флеровский, В. В.
Бибиков, В. — 5, 10, 29, 44, 56, 64, 65, 66.
Боборыкин, П. Д. — 48.
Богданов, Н. — 29.
Брандес, Г. — 5.
Буренин, В. П. — 48, 64, 65, 66.
Быков, П. В. — 6.

Валуев, П. А. — 48.
Васильев, А. Т. — 8.
Вейнберг, П. И. — 38, 56.
Венгеров, С. А. — 56.
Веревкин — 29.
Верещагин, В. В. — 21.
Веселовский, А. Н. — 60.
Вовчок, М. — 13.

* Цифры в указателе обозначают номера воспоминаний в предыдущем перечне.

Вольф, А. М. — 30, 48.
Воронов — 36.
Вышнеградский, И. А. — 29.

Гарин, Д. — 9.
Гартман — 32.
Гаршин, В. М. — 27, 34.
Гаршин, Г. М. — 27, 38, 48, 54, 59.
Гаршин, Е. М. — 2, 5, 10, 11, 12, 13, 23, 27, 29, 38, 48, 53, 56, 59.
Гаршин, М. Е. — 11, 13, 27, 59.
Гаршин, Ф. Н. — 1.
Гаршина, Е. С. — 2, 6, 12, 13, 14, 27, 42, 43, 44, 48, 54, 59.
Гаршина, Н. М. — 8, 20, 29, 30, 38, 39, 43, 44, 48, 53, 54, 56, 60, 66.
Гатцук, А. А. — 66.
Гейне, Г. — 6.
Генкель, В. — 56.
Геннинг, В. П. — 34.
Герд, А. Я. — 2, 38, 39, 53, 56.
Герман, А. — 15.
Говоруха-Отрок, Ю. Н. — 16.
Гоголь, Н. В. — 27, 62.
Гончаров, И. А. — 48, 51.
Горбунов, И. И. — 29, 60.
Гофман, Э. Т. А. — 66.
Грегенгер, И. — 33.
Грей — 13.
Гришин, Р. Н. — 34.
Гуревич, Я. Г. — 38.

Давыдов, К. Ю. — 51.
Давыдова, А. А. — 48, 51.
Давыдова, Л. К. — 51.
Данилевский, Г. П. — 29, 48.
Данилевский, Н. Я. — 53.
Дарвин, Ч. — 53.
Дебур, М. Д. — 37.
Дедлов, В. — см. Кигн, В. Л.
Дейч, Л. — 17.
Демчинский, Н. А. — 18, 19, 66.
Державин, Г. Р. — 53.
Дефо, Д. — 53.
Диккенс, Ч. — 13, 23, 31, 53.
Дмитриева, В. И. — 20, 48.
Добролюбов, Н. А. — 48, 56.
Достоевский, Ф. М. — 31, 48, 56.
Дрентельн, Н. С. — 41.
Дрожжин, С. Д. — 29, 60.
Дурылин, С. Н. — 39.
Дьяков («Житель») — 48.

Евреинова, А. М. — 29.
Екатерина II — 32.
Елисеев, Г. З. — 22.

Жемчужников, А. А. — 13, 66.
Жуков, М. Я. — 11.
Жуковский, В. А. — 13.

Завадские — 11.
Зайончковская — см. Хвощинская, Н. Д.
Засодимский, П. В. — 21, 48.
Златовратский, Н. Н. 22.
Захер-Мазох — 56.
Златковский — 29.

«Из воспоминаний рядового Иванова» — 12.

Каирова, Н. В. — 48.
Кант, И. — 22.
Каразин, Н. Н. — 29, 48.
Караскевич-Ющенко, С. С. — 55, 56.
Кауфман. Н. Н. — 11.
Квитка, С. — 37.
Кигн, В. Л. — 29, 66.
Кирпичников, А. И. — 23.
Ковалевский, П. И. — 26.
Козлов, моск. обер-полицеймейст. — 1
«Коломба» Мериме — 2, 38, 48.
Кондратьев — 15.
Короленко, В. Г. — 53.
Корш, В. Ф. — 13, 48.
Костомаров, Н. И. — 66.
Костромитина, А. Е. — 11.
Краевич. К. Д. — 17.
Крамской, И. Н. — 37.
«Красный Цветок» — 5, 29, 53, 56.
Крачковский, И. Е. 48, 53.
Кривенко, С. Н. — 25, 46, 61.
Кропоткин, Д. П., кн. — 13, 14.

Лавров, П. Л. — 61.
Лаврова, певица — 51.
Лазари-де, Н. В. — 27.
Латкин, В. М. — 7, 14, 48, 53.
Латкина, М. М. — 28, 38.
Лейкин, Н. А. — 56.
Лейкина, П. Н. — 56.
Леман, А. И. — 29, 64, 66.
Лео, Андре — 38.
Лермонтов, М. Ю. — 5, 53.
Лесевич, В. В. — 48.
Лесков, Н. С. — 29.
Лессинг, Г. — 37.
Липгард и К° — 1, 8.
Лихачев, В. С. — 3.
Ломоносов, М. В. — 53.
Лорис-Меликов, М. Т. — 21, 22, 30, 41, 43, 44, 46, 51, 53.
Льдов, К. Н. — 44.

Маккиавели — 29.
Малышев, И. Е. — 26.
Малышев, М. Е. — 30, 46, 53.
Манасеин, В. А. — 53.

Марков, Евг.—48.
Матушинский —38.
«Медведи»— 13, 48.
Менделеев, Д. И.— 53, 55.
Мережковский, Д. С.—29.
Мержеевский И. П.—51.
Мериме, П.—2, 38, 48.
Микулич, В.—31.
Минский, Н. М.—11, 21, 29, 32, 48, 50, 56, 60, 65, 66.
Миссори, Ю. С. — см. Пащенко.
Михайловский, Н. К. — 42, 48, 56, 61.
Михеев, С.—33.
Млодецкий, И. О.— 1, 21, 41, 46.
Монтескье —38.
Мопассан, Г.—31.
Мясоедов, Г. Г.—43, 44.

«Надежда Николаевна»— 5, 18, 48.
Надсон, С. Я.—5, 31, 53, 54, 56, 66.
Налимов, А. П.—15, 34, 35.
Некрасов, Н. А.—40.
Никонов, Н. Ф.—6.
Ньютон—53.

Оболенская, А. А., кн. — 56.
Оболенский, Л. — 44.
Олешкевич — 33.

П., А., — 36.
Павленков, Ф. Ф. — 48.
Павловский, И. Я. — 37.
Панаева, певица — 51.
Пантелеев, Л. Ф. — 38, 39.
Пащенко, В. М. — 31.
Пащенко-Миссори, Ю. С. — 31.
«Персидские письма» Монтескье — 38.
Петр I — 1, 5, 29, 48, 53, 57, 66.
Писарев, Д. И. — 48, 56.
Писарева, В. — 1, 48.
Плеханов, Г. В. — 17, 40.
Плещеев, А. А. — 48, 56.
По, Эдг. — 66.
«Подлинная история N-ского земского собрания» — 13, 15.
Позоровский, А. И. — 34.
Поленов, В. Д. — 38.
Полонский, Я. П. — 12, 29, 48, 53, 54, 56.
Помяловский, Н. Г. — 21.
Попов, И. Й. — 41.
Попов, Илья И. — 41.
Попов, Ф. Г. — 53.
Попова, В. И. — 41.
Пресняков, П. — 41.
«Происшествие» — 37.
Прохоров, ген.-маиор — 47.
Пушкин, А. С. — 5, 53, 54, 56.
Пыпин, А. Н. — 48.

Разин, А. Е. — 2, 48.
Регель, Э. Л. — 60.
Рейнгардт, Н. В. — 42.
Репин, И. Е. — 5, 19, 23, 29, 43, 44, 53, 61, 66.
Репина, В. И. — 45.
Родионова, В. Е. — 60.
Розе, А. Р. — 34.
Рубинштейн, А. Г. — 51, 53.
Русанов, Н. С. — 46.

Салтыков, М. Е. — 2, 12, 22, 31, 48, 61.
Сарасате — 51.
Сахаров, В. П. — 47.
Семирадский, Г. — 6, 61.
Сентин — 53.
Серао, М. — 53, 55.
Сергеевич, В. И. — 29, 48, 60.
Серов, М. С. — 56.
Сибиряков, К. М. — 22, 46.
«Сигнал» — 29, 48.
Сикорский, И. А. — 51.
Скабичевский, А. М. — 48.
«Сказание о гордом Аггее» — 4, 43, 44, 48, 60.
«Сказка о жабе и розе» — 48, 53.
Слепцов, В. А. — 22.
Случевский, К. К. — 56.
Соколов, А. П. — 48.
Соколов, В. П. — 48.
Соловьев, Вл. С. — 50, 55.
Стасов, В. В. — 38.
Страхов, Н. Н. — 29.
Стрепетова, П. А. — 51.
Суворин, А. С. — 10, 13, 14.
Сухоровский — 29.
Сухотина-Толстая, Т. Л. — 49.

Тарновский, И. М. — 53.
Тимирязев, К. А. — 53.
Тимофеев, — 27.
Тимофеева, А. Ф. — 53.
Тихонов, В. А. — 61.
Тиц — 41.
«То, чего не было» — 2.
Толстая, С. А. — 49, 50.
Толстой, А. К. — 38.
Толстой, И. Л. — 50.
Толстой, Л. Н. — 1, 5, 25, 26, 29, 31, 34, 39, 46, 48, 49, 50, 51, 53.
Топоров, А. В. — 48.
Трушталевский, — 15.
Туранский — 26.

Тургенев, И. С. — 12, 22, 25, 31, 34, 37, 41, 46, 48, 53.
Турчанинов — 15.
Тыркова, А. — 51.

Успенский, Г. И. — 2, 16, 22, 41, 42, 48, 53, 56, 62.
Утин — 48.

Фаусек, В. А. — 1, 26, 48, 53, 54, 55.
Фаусек, Вяч. А. — 54.
Фаусек, Ю. И. — 55.
Федоров, С. — 33.
Фельдман, Ф. Е. — 8.
Фидлер, Ф. Ф. — 56.
Флеровский, В. В. — 13.
Фло ер, Г. — 5, 56.
Фофанов, К. М. — 38, 44, 56.
Фрей, А. Я. — 2, 13, 53, 54.

Хвощинская, Н. Д. — 48.
«Художники» — 53.

Цебрикова М. К. — 48.

Чертков, В. Г. — 50, 57.
«Четыре дня» — 11, 20, 30, 53, 66.
Чехов, А. П. — 5, 29, 32, 43, 44, 48, 53, 55, 56.

Шашков, С. С. — 48.
Шевырев, П. Я. — 27, 48, 54.
Шекспир, В. — 16, 32.
Шелгунов, Н. В. — 48, 58.
Шеллер-Михайлов, А. К. — 48.
Шиле, Ал. — 59.
Шляпкин, И. А. — 60.
Шольп, Евг. — 61.

Щеглов, Ив. — 5.
Щапов, А. П. — 48.
Щедрин, Н. — см. Салтыков, М. Е.

Эвальд, В. Ф. — 13.
Эльпе — 51.
Эпов — 15.
Эртель, А. И. — 57, 62.
Эспироль — 51.

Яблочкин, В. А. — 60.
Языков, Н. Н. — 60.
Якубович, П. Ф. — 41.
Ярон, С. Г. — 62.
Ярошенко, Н. А. — 38, 53, 55, 56.
Ясинский, И. И. — 5, 15, 29, 44, 48, 56, 60, 64, 65, 66.

УКАЗАТЕЛЬ АДРЕСАТОВ И АРХИВНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ О ПИСЬМАХ ГАРШИНА

1. Авенариусу, В. П., № 379 (всего 1). Печатается впервые с автографа, хранящегося в архиве В. П. Авенариуса в Пушкинском Доме Академии Наук СССР.

2. Александровой, Р. В., №№ 31, 35, 39, 43, 45, 51, 66, 71 (всего 8). Печатаются по копиям, сообщенным Р. В. ⟨Александровой-Несмеяновой⟩ Н. В. Крашенинникову и опубликованным, без фамилии адресата, в «Русской Мысли» 1917, кн. I, стр. 53 — 65. Местонахождение автографов как этих писем, так и многих других, адресованных Гаршиным Р. В. Александровой за время с 1875 по 1879 г., неизвестно.

3. Афанасьеву, В. Н., №№ 115, 116, 119, 125, 132, 137, 138, 140, 141, 224 (всего 10). Печатаются по цитатам, включенным в биографическую сводку Я. В. Абрамова «Всеволод Михайлович Гаршин» (сб. «Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 23, 25, 26, 28, 29, 30, 40). Местонахождение автографов неизвестно. О В. Н. Афанасьеве, товарище Г. по гимназии, Горному институту и Болховскому полку, см. многочисленные упоминания в письмах Г.

4. Батюшкову, Ф. Д., № 388 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, хранящегося в бумагах Ф. Д. Батюшкова в Пушкинском Доме Академии Наук СССР. О знакомстве с Г. см. статью Батюшкова «Памяти Гаршина» («Современный Мир» 1908, кн. IV), выписки из которой приведены нами на стр. 514, примеч. 304.

5. Бахметеву Н. Н., № 363 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, хранящегося в Государственном Театральном Музее им. Бахрушина в Москве. О знакомстве Г. с Бахметевым см. письма Г. № 317 и 387.

6. Ватсон, М. В., № 436 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, хранящегося в Пушкинском Доме. О знакомстве Г. с М. В. Ватсон см. упоминания в письмах его к С. Я. Надсону и Ю. С. Миссори (по указателю).

7. Венгерову, С. А., №№ 251, 399, 402, 411, 414, 437, 445 (всего 7). Печатаются впервые, с автографов, хранящихся в архиве С. А. Венгерова в Ленинградском институте книговедения. Начало личного знакомства Г. с С. А. Венгеровым относится, вероятно, к 1878 — 1879 г. Высокая оценка творчества Г. «свободного от тенденциозного дидактизма 60-х годов», дана была С. А. Венгеровым в критическом обзоре «На смену. Беллетристы-дебютанты» («Слово» 1880, кн. II — III, стр. 115 — 128). Ср. его же позднейшие справки о Г. в «Очерках по ист. русск. литер.», СПБ. 1907 и в двух изданиях «Энциклоп. словаря» Брокгауза-Ефрона. В 1889 г. С. А. Венгеров опубликовал автобиографию Г. (сб. «Красный Цветок», стр. 60 — 65), а в 1913 г. стихотворения Г. («Русское Слово» 1913, № 70).

8. Винницкой-Будзианик А. А., № 375 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, хранящегося в Рукописном отделении Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде.

9. Гаршиной, Е. С., №№ 1 — 21, 23 — 30, 32 — 34, 36 — 38, 40— 42, 44, 46 — 50, 52 — 61, 65, 67 — 70, 72 — 93, 95 — 98, 100 — 102, 104 — 106, 108 — 111, 113, 114, 123, 124, 126, 127, 129, 131, 133 — 136, 143 — 161, 163 — 166, 168 — 187, 191, 195, 196, 198, 199, 204 — 212, 214, 216, 218, 219, 220, 223, 225,

227, 228, 229, 231, 233, 236 — 238, 241, 242, 244 — 247, 250, 257, 259, 261, 265, 266, 273, 276, 278, 285, 286, 288, 289, 298, 301, 303 — 307, 308, 309, 319, 321 — 324, 326, 331, 334, 335, 338, 340, 343, 345, 350, 351, 353 — 355, 376, 404, 439 (всего 236). Сверх того в приложениях даны детские и юношеские письма Г. к матери за время с 1861 по 1874 г., в количестве 48. Все письма Г. к Е. С. Гаршиной печатаются с автографов, хранящихся в архиве Г. в Пушинском Доме. Из 284 писем до сих пор известны были только 17 (за время с 5. V. по 29. VIII. 1877 г.), опубликованные с некоторыми сокращениями Е. С. Гаршиной в «Русском Обозрении» 1895, кн. II, стр. 877 — 887; кн. III, стр. 404 — 413; кн. IV, стр. 883 — 897 и перепечатанные в «Полн. собр. соч. В. М. Гаршина», приложение к «Ниве» 1910, стр. 481 — 505. Факсимиле первых строк письма Г. к матери от 21. IV. 1884 г. см. в газ. «Речь» от 24. III. 1913 г. Цитаты из некоторых других писем Г. к матери см. в статье Е. М. Гаршина «Литературный дебют В. Гаршина» («Русская Мысль» 1913, кн. V, стр. 105 — 111) и во введении и комментариях к «Рассказам В. М. Гаршина» под ред. и с прим. Ю. Г. Оксмана, ГИЗ, М. — Л. 1928. О Е. С. Гаршиной см. материалы, отмеченные нами выше, в примечаниях к автобиографии Г., на стр. 447 — 448.

10. Гаршиной-Золотиловой, Н. М., №№ 190, 194, 202, 203, 248, 249, 252 — 256, 258, 262, 263, 268 — 272, 327 — 329, 345, 347 — 349, 349а, 362, 362а, 371, 390, 409, 418 — 428, 432, 448 (всего 45). Печатаются впервые, с автографов, хранящихся у Н. М. Гаршиной. Ее воспоминания о В. М. Гаршине см. выше, в прилож. к настоящему изданию, стр. 526 — 529.

11. Гаршину, Г. М., № 279 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, хранящегося в архиве В. М. Гаршина в Пушкинском доме. О Г. М. Гаршине («Жорже» «Егоре Михайловиче») см. многочисленные упоминания в письмах Г., а также общую характеристику его в воспоминаниях В. П. Соколова «Гаршины» («Исторический Вестник» 1916, кн. IV, стр. 130 — 158; кн. V, стр. 399 — 426).

12. Гаршину, Е. М., №№ 188, 193, 214, 230, 234, 239, 243, 247, 280, 283, 287, 290, 291, 299, 320, 333, 337, 341, 344, 345, 352, 357, 358, 372, 430, 431, 440, 441, 447 (всего 29). Печатаются впервые, с автографов, хранящихся в архиве Е. М. Гаршина в Пушкинском Доме. Более ранние письма Г. к брату (о них см. упоминания в письмах Г. к матери) не сохранились. Несколько строк из печатаемых нами полностью писем Г. от 24. II. и 14. IX. 1882 г. Е. М. Гаршин цитировал в своих воспоминаниях «Как писался рядовой Иванов» («Солнце России» от 23. III. 1913 г.). Кроме того Е. М. Гаршин опубликовал воспоминания о детстве и юности В. М. Г. в журн. «Родник» 1888, кн. VI, стр. 559 — 569; перепечатано, с незначительными сокращениями, в «Полн. собр. соч. В. М. Гаршина» прилож. к «Ниве» 1910, стр. 9 — 15. В «Биржевых Ведомостях» от 24. IV. 1886 г. Е. М. Гаршин рецензировал «Сказание о гордом Аггее» Г. (см. перепечатку этой рецензии в «Критич. опытах» Е. Гаршина. СПБ. 1888, стр. 156 — 158), а в январе 1887 г. издал отдельной брошюрой «Из записок рядового Иванова о походе 1877 г. Сочинение Всеволода Гаршина», СПБ. 1887. Общую литературно-бытовую характеристику Е. М. Гаршина эпохи 80-х годов см. в воспоминаниях В. П. Соколова «Гаршины» («Исторический Вестник» 1916, кн. IV, стр. 153 — 154; кн. V, стр. 408 — 410).

13. Генкелю, В. Э., № 434 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, хранящегося в архиве В. М. Гаршина в Пушкинском Доме. В 1887 г. В. Генкель выпустил отдельным изданием свои переводы пяти рассказов В. М. Г. с очень сочувственной общей характеристикой всего его творчества (Wssewolod Garschin, «Pessimistische Erzählungen. Aus dem russischen übersetzt von Wilhelm Henckel», München. Verlag von Fr. Basserman).

14. Герду, А. Я., №№ 22, 103, 162, 197, 200, 222 (всего 6). Печатаются по цитатам, включенным в биографическую сводку Я. В. Абрамова «В. М. Гаршин» (сб. «Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 12 — 13, 16 — 17,

32, 34—35, 36, 39). Автографы как этих писем Г. к А. Я. Герду, так и многих других к нему же, по свидетельству С. В. Герда (внука А. Я. Г.) частью погибли, частью, может быть, сохранились в архиве П. Б. Струве, женатого на Н. А. Герд. Фотография, о которой упоминает Г. в письме от 1876 г. (группа: Г., А. Я. Герд и В. М. Латкин) воспроизведена была впервые в журн. «Солнце России» от 23 марта 1913 г., № 13.

15. Говорухе-Отроку, Ю. Н., № 192 (всего 1). Печатается по тексту, включенному в критико-полемическую и мемуарную статью Ю. Н. Говорухи-Отрока. «Г. Успенский о В. Гаршине» («Южный Край» от 21. IV. 1888, № 2514). В первопечатном тексте письма дата его извращена опечаткой («март» вместо «февраля»). Местонахождение автографа как этого, так и многих других писем Г. к Ю. Н. Говорухе-Отроку, неизвестно.

16. Гольцеву, В. А., № 413 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, хранящегося в архиве В. А. Гольцева в Публичной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве.

17. Григоровичу, Д. В., приложения, № 50 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, хранящегося в Пушкинском Доме Академии Наук СССР. О том, что текст этого письма заготовлен Е. М. Гаршиным, а рукою В. М. Г. только подписан, см. выше, стр. 444.

18. Демчинскому, Н. А., № 360 (всего 1). Печатается по факсимильному тексту, опубликованному Н. А. Демчинским в его «Воспоминаниях о В. М. Гаршине» («Журнал Театра Литератур.-Худож. Общества» 1910, № 1, стр. 24). Нынешнее местонахождение автографа неизвестно. Об отношениях Г. к Демчинскому см. выше примеч. 267 и 279.

19. Дрентельну, Н. С., №№ 62, 63, 64, 118, 139, 142 (всего 6). Печатаются по цитатам, включенным в биографическую сводку Я. В. Абрамова «В. М. Гаршин» (сб. «Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 13—14, 24—25). Местонахождение автографов как этих, так и более поздних писем Г. к Н. С. Дрентельну неизвестно.

20. Засодимскому, П. В., № 412 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, хранящегося в собрании А. П. Оксман. О встречах с Г. см. книгу П. Засодимского «Из воспоминаний», М. 1908, стр. 324—331.

20.* Золотиловой, Н. М. см. Гаршиной Н. М.

21. Каировой, Н. В., № 365 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, хранящегося в Пушкинском Доме. О связи Н. В. Каировой с семьею Г. см. воспоминания В. П. Соколова «Гаршины» («Исторический Вестник» 1916, кн. V, стр. 407).

22. Кобеко, Д. Ф., № 407 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, хранящегося в архиве Литературного фонда в Пушкинском Доме.

23. Комитету Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд), №№ 387, 395, 398, 415 (всего 4). Печатаются впервые, с автографов, сохранившихся в приложениях к журналам комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, находящихся ныне в Пушкинском Доме. О работе Г. в Литературном Фонде см. выше, примеч. 303.

24. Крамскому, И. Н., №№ 128 и 130 (всего 2). Печатаются полностью впервые, с автографов, хранящихся в Пушкинском Доме. Первое письмо частично было опубликовано в сводке Я. В. Абрамова «В. М. Гаршин» (сб. «Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 27), откуда перепечатано в «Полн. собр. соч. В. М. Гаршина», прилож. к «Ниве» 1910, стр. 506. Ответное письмо И. Н. Крамского к Г. опубликовано в сб. «И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и худож.-критич. статьи». СПБ, стр. 379—382. О том, что в редакцию этого сборника текст письма доставлен был самим Г., свидетельствует письмо последнего к В. В. Стасову (см. № 435).

25. Кулешову, М. Н., № 114а (всего 1). Печатается по цитате, включенной в статью А. И. Яцимирского «Воспоминания писателей-самородков о их старших собратьях» («Русская Мысль» 1902, кн. XI, стр. 121). Местонахождение автографа неизвестно.

26. Латкину, В. М., №№ 275, 279, 294, 295, 302, 339, 356, 359, 361, 364, 366, 367, 371, 374, 378, 379 (всего 16). Печатаются по цитатам, включенным в сводку Я. В. Абрамова «В. М. Гаршин» (сб. «Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 44, 46, 37 и 47, 50—58). Автографы как этих, так и многих других писем Г. к В. М. Латкину, по свидетельству последнего, погибли в 1919—1920 г. Группа, о которой упоминает Г. в письме от 1876 г. (Г., А. Я. Герд и В. М. Латкин), впервые воспроизведена в журнале «Солнце России» от 23 марта 1913, № 13.

27. Лейкину, Н. А, № 392 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, хранящегося в собрании А. П. Оксман. Местонахождение других писем Г. к Лейкину, принимавшему вместе с ним деятельное участие в организации вечеров Литературного фонда в 1886—1887 г., нам неизвестно.

28. Лорис-Меликову, М. Т., № 189 (всего 1). Печатается с автографа, хранящегося в Ленинградском отделении Центрархива РСФСР (Дело канцелярии министра внутренних дел, 1880, № 368, лл. 166—169). Впервые опубликовано в статье Ю. Г. Оксмана «Всеволод Гаршин в дни диктатуры сердца» («Каторга и Ссылка» 1925, кн. 2, стр. 126—135).

29. Малышеву, И. Е., №№ 94, 99, 107, 112 (всего 4). Печатаются по цитатам, включенным в сводку Я. В. Абрамова «В. М. Гаршин» (сб. «Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 15—16, 17—19 и 21—22). Местонахождение автографов неизвестно.

30. Манасеину, В. А., № 383 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, хранящегося в архиве Литературного фонда в Пушкинском Доме. Об отношениях Г. к В. А. Манасеину см. воспоминания В. А. Фаусека (сб. «Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 117).

31. Минскому (Виленкину), Н. М., №№ 221, 325, 342 (всего 3). Печатаются впервые с автографов, хранящихся в бумагах Н. М. Минского в Пушкинском Доме. Дружеские отношения Г. и Минского, завязавшиеся, вероятно, в 1879 г., оборвались весной 1885 г. из-за враждебной рецензии М. на «Стихотворения С. Я. Надсона» («Новь» 1885, № 11, стр. 488—490). См. об этом в сб. «С. Я. Надсон. Проза. Дневники. Письма», СПБ. 1912, стр. 597. Характеристика Г. дана была Н. М. Минским в стихах «Ты грустно прожил жизнь, Больная совесть века Тебя отметила глашатаем своим» и проч. (1888). Воспоминаниям о Г. посвящена была его же статья «Несколько слов о Гаршине» («Новости» 1898, № 96).

32. Миссори-Пащенко, Ю. С., №№ 368 и 381 (всего 2). Печатаются по тексту, опубликованному Павлом Тулубом в журнале «Путь» 1913, № 3, стр. 34—37. Нынешнее местонахождение автографов этих писем нам неизвестно.

33. Надсону, С. Я., №№ 293, 382, 400, 446 (всего 4). Первое письмо печатается с автографа, опубликованного в сб. «Невский альманах», вып. 2, 1917, стр. 130, и ныне находящегося в Пушкинском Доме (собрание В. Л. Бурцева); второе и третье печатаются впервые с автографов, хранящихся в Пушкинском Доме — в архиве В. М. Гаршина (письмо 2-е) и в бумагах М. В. Ватсон (письмо 3-е); четвертое печатается впервые, с автографа, хранящегося в собрании А. П. Оксман. Местонахождение прочих писем Г. к С. Я. Надсону (еще не менее 5—6, судя по ответам последнего и воспоминаниям их общих друзей) неизвестно. О близких личных и литературных взаимоотношениях Г. и Н., познакомившихся друг с другом около 15. VI. 1883 г. (см. письма № 278 и 279) см. воспоминание В. А. Фаусека (сб. «Памяти Гаршина», СПБ. 1889, стр. 100) и В. Бибикова («Рассказы», СПБ. 1888, стр. 358). Из писем С. Я. Надсона к Г. опубликовано только шуточное послание в стихах из Кронштадта (1883—1884), письмо из Турина (1884) и отрывки из трех писем 1884—1885 г. («С. Я. Надсон. Проза. Дневники. Письма», СПБ. 1912, стр. 588—590, и «Стихотвор. С. Я. Надсона» издание стереотипное, стр. LVI и LXII). В 1886 г. С. Я. Надсон напечатал в Киевской газете «Заря» рецензию на «Сказание о гордом Аггее» Г. Об отношении его же к повести Г. «Надежда Николаевна» см.

выше стр. 511. Под впечатлением концерта в пользу умирающего С. Я. Надсона написано Гаршиным 26. XII. 1884 г. стихотворение в прозе «Когда он коснулся струн».

34. Налимову, А. П., № 46, прилож. (всего 1). Печатается по тексту, включенному в статью А. Налимова «К воспоминаниям о Всеволоде Гаршине» («Образование» 1898, кн. III, стр. 52—53). О дружеских отношениях Г. и Налимова см. также мемуарный очерк последнего «Гаршин-гимназист» («Задушевное Слово» 1908, № 15 и 16) и письма Г. № 4, 15, 28.

35. Окуневу, К. М., № 384 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, хранящегося в архиве В. М. Гаршина в Пушкинском Доме. Выдержки из письма К. М. Окунева, на которое отвечает Г., см. выше стр. 513.

36. Павленкову, Ф. Ф., № 260 (всего 1). Печатается впервые с чернового автографа, хранящегося в архиве В. М. Гаршина в Пушкинском Доме. Местонахождение белового автографа этого письма, равно как и других писем Г. к Ф. Ф. Павленкову, нам неизвестно. О близких литературных и личных отношениях Г. и Ф. Ф. Павленкова свидетельствуют письма Г. См., напр., №№ 271, 281, 284.

37. Пантелееву, Л. Ф., №№ 443 и 452 (всего 2). Печатаются с автографов, хранящихся в архиве Л. Ф. Пантелеева в Пушкинском Доме. Факсимильное воспроизведение первой записки (на визитной карточке Г.) дано было при публикации воспоминаний Л. Ф. Пантелеева в «Современной Иллюстрации» от 24. III. 1913 г., № 3, стр. 38. Дополнения к воспоминаниям Л. Ф. Пантелеева о Г. см. в его же «письме» в ред. «Голос Минувшего» 1917 г., кн. V, стр. 248.

38. Полонской, Ж. А., № 405 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, сохранившегося в архиве Я. П. Полонского в Пушкинском Доме.

39. Полонскому, Я. П., № 264 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, сохранившегося в архиве Я. П. Полонского в Пушкинском Доме. Об отношении Г. к Полонскому и его творчеству см. письма Г. к С. Я. Надсону (№ 400) и В. П. Авенариусу (№ 379).

40. Полякову, И. Т., №№ 240 и 267 (всего 2). Печатаются впервые, по копиям, предоставленным Н. К. Гудзием. Автографы обоих писем хранятся ныне в Литературном музее союза советских писателей в Москве. О переписке Г. с И. Т. Поляковым см. статью Н. К. Гудзия в сб. «Звенья», т. IV.

41. Родионовой, В. Е., № 442 (всего 1). Печатается по факсимильному воспроизведению автографа в «Русском Библиофиле» 1913, кн. IV, стр. 84. Автограф, принадлежавший И. А. Шляпкину, ныне хранится в Пушкинском Доме Академии Наук СССР. Об отношениях Г. с В. Е. Родионовой см. выше письмо его к Е. М. Гаршину, стр. 390.

42. Случевскому, К. К., № 308 (всего 1) Печатается впервые, с автографа, хранящегося в Рукоп. отдел. Государственного исторического музея в Москве. Об отрицательном отношении Г. к творчеству К. К. Случевского см. воспоминания Ф. Ф. Фидлера («Новое Слово» 1914, кн. I, стр. 72).

43. Стасову, В. В., № 435 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, хранящегося в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде. Об отношениях Г. и В. В. Стасова см. выше примеч. к настоящему письму, а также упоминания о «критике В. С.» в «Надежде Николаевне» (1885).

44. Суворину, А. С., № 296 (всего 1). Печатается по тексту издания «Письма русских писателей к А. С. Суворину». Приготовил к печати Д. И. Абрамович. Л. 1927, стр. 21. Автограф, хранившийся в Ленинградской Государственной Публичной библиотеке, передан в 1930 г. в Центрархив РСФСР. О знакомстве Г. с Сувориным в 1875 г. см. письма Г. №№ 35—37, 44, 47, 51.

45. Сытину, И. Д., № 396 (всего 1). Печатается впервые с чернового автографа, хранящегося в архиве В. М. Гаршина в Пушкинском Доме. Местонахождение белового автографа нам неизвестно. О положительном

ответе И. Д. Сытина на предложение Г. свидетельствует письмо Г. в Комитет Литературного фонда. См. выше стр. 374.

46. Таганцеву, Н. С., №№ 385, 386, 393, 394, 397, 401, 403, 410, 416 (всего 9). Печатаются впервые, с автографов, хранящихся в архиве Литературного фонда (восемь нумеров) и в бумагах Н. С. Таганцева (№ 410) в Рукописном отделении Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде.

47. Успенской, А. В., №№ 339 и 426 (всего 2). Печатаются впервые, с автографов, хранящихся в Пушкинском Доме Академии Наук СССР.

48. Успенскому, Г. И., №№ 281, 284, 391, 406 (всего 4). Печатаются впервые, с автографов, сообщенных нам М. Г. Успенской и хранящихся ныне в Пушкинском Доме. Об отношениях Г. и Г. И. Успенского см. письма Г. №№ 227, 234, 239, 285. Общая психологическая характеристика Г. дана была в статье Г. И. Успенского «Смерть В. М. Гаршина» в сб. «Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 147—160. Сокращенная редакция этой статьи появилась в «Русских Ведомостях» от 12. IV. 1888, № 101.

49. Фаусеку, В. А., №№ 167, 213, 218, 226, 232, 235, 242, 274, 282, 292, 303, 336, 389, 433, 438 и 444 (всего 16). Печатаются по цитатам, включенным в биографическую сводку Я. В. Абрамова «В. М. Гаршин» (сб. «Памяти В. М. Гаршина», стр. 45—46, 25—26, 38—39, 40, 41, 47, 48—49, 51, 59) и в мемуарную статью В. А. Фаусека «Памяти В. М. Гаршина» (там же, стр. 83—84, 94, 96, 103, 101, 115—116, 120). Автографы как этих, так и вовсе еще неиспользованных в печати писем Г. к В. А. Фаусеку, по свидетельству вдовы последнего, Ю. И. Фаусек, погибли в Ленинграде в первые годы Октябрьской революции. Об отношениях Г. и В. А. Фаусек, кроме воспоминаний последнего, исключительных по своей биографической значимости, см. также воспоминания Вяч. А. Фаусека («Современный Мир» 1913, кн. III, стр. 57—65), статьи Ю. И. Фаусек «Памяти В. М. Гаршина» («Русская молва» от 24. III. 1913) и В. П. Соколова «Гаршины» («Исторический Вестник» 1916, кн. V, стр. 399—426).

50. Фельдману, Ф. Е., №№ 369, 373 (всего 2). Печатаются впервые, с автографов, хранящихся в Пушкинском Доме. О службе Г. в канцелярии Общего съезда представителей русских железных дорог см. воспоминания А. Васильева (сб. «Красный Цветок», СПБ. 1889, стр. 24—29), а также примеч. 286.

51. Фидлеру, Ф. Ф., № 310 (всего 1). Печатается впервые, с автографа, хранящегося в собрании А. Е. Бурцева. Обстоятельства, связанные с помещением этого письма, отмечены в воспоминаниях Ф. Ф. Фидлера «Литературные силуэты» («Новое Слово» 1914, № 1, стр. 68—75).

52. Черткову, В. Г., №№ 380, 404, 417, 449, 450, 451 (всего 6). Печатаются впервые, с автографов, хранящихся в архиве В. М. Гаршина в Пушкинском Доме (первое письмо) и в архиве В. Г. Черткова. О личных и литературно-общественных отношениях Г. и В. Г. Черткова см. примечания к письму № 380 и воспоминания В. Г. Черткова о Гаршине, печатающиеся в сб. Звенья», под ред. В. Д. Бонч-Бруевича, Л. Б. Каменева и А. В. Луначарского, т. IV, М. 1934.

53. Эртелю, А. И., №№ 201, 300, 332 (всего 3). Печатаются впервые, с автографов, хранящихся в архиве А. И. Эртеля в Публичной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве. Цитата из письма Г. от 17. VII. 1884 г. использована была в поминальной статье А. И. Эртеля «О Всеволоде Гаршине» в Русских Ведомостях» от 2. V. 1888, № 119; перепечатана в сб. «Красный Цветок», СПБ. 1889, стр. 49. В архиве А. И. Эртеля сохранилась еще визитная карточка В. М. Г., с адресом его, относящаяся к 1879—1880 г.: Б. Садовая, д. 51, кв. 10.

К неизвестным нам адресатам

54. Агнесе Борисовне, № 453. Печатается впервые, с автографа хранящегося в архиве В. М. Гаршина в Пушкинском Доме. Письмо не закончено и видимо не было отправлено по адресу.

55. Начинающей писательнице. № 370. Печатается с автографа, хранящегося в коллекции Э. П. Юргенсона в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде. Несколько строк из этого письма процитировал Н. О. Лернер в статье «Собрание Э. П. Юргенсона» («Столица и усадьба» 1913, № 42, стр. 5).

56. Одному из друзей ⟨Н. С. Дрентельну или В. М. Латкину?⟩, № 117. Печатается по цитате, включенной в биографическую сводку Я. В. Абрамова «В. М. Гаршин» (сб. «Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, стр. 22 — 23). Автограф неизвестен.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К ПИСЬМАМ ГАРШИНА

Абрамов, Яков Васильевич, псевдоним «Федосеевец» (1858—1906) — беллетрист, статистик и публицист право-народнического лагеря, первый биограф Гаршина. Будучи студентом Медико-хирургической академии, был привлечен по «делу о распространении книг преступного содержания» и в 1878 г. выслан из Петербурга. По возвращении, с начала 1881 г. принимал участие в «Слове», а с середины 1881 г. стал постоянным сотрудником «Отеч. Зап.», где после ареста С. Н. Кривенко 3. I. 1884 г. вел «внутреннее обозрение» до закрытия журнала. С 1882 г. сотрудничал в «Деле» и «Устоях», а с июля 1885 г. — в «Неделе», где стал одним из выразителей оппортунистической теории «малых дел», предлагая «отодвинуть на второй, на третий план широкие общественно-политические вопросы» («абрамовщина»). В конце 90-х гг. отошел от публицистики и писал преимущественно по вопросам народного образования, 312, 319, 326, 463, 479, 480, 482, 487, 497, 507, 510, 516.

Авенариус, Василий Петрович (1839—1924)— беллетрист и детский писатель. Автор нашумевших реакционных повестей, где высмеивалась материалистически настроенная молодежь («Современная идиллия», 1865 г.) и обличался Чернышевский с его последователями («Поветрие», 1867 г.). С конца 70-х гг. специализировался в области детской литературы («Сказка о пчелке-мохнатке», «Что комната говорит» и др.); известностью пользовались и его биографические повести для юношества («Отроческие годы Пушкина», 1886; «Юношеские годы Пушкина», 1888; «Гоголь-гимназист», 1896 и др.), *360—361*, 541.

Аверкиев, Дмитрий Васильевич (1836—1905) — драматург, театральный критик и беллетрист. Сотрудничал в «Эпохе» Достоевского, «Всемирном Труде», «Русском Вестнике»; был театральным критиком «Моск. Вед.», «Голоса» и «Нового Времени»; с 1882 г. состоял членом литературно-театрального комитета; издатель «Дневника писателя» в 1885—1886 г., 288.

Агнесса Борисовна — неизвестная, к которой адресовано письмо Г. *398*.

Ададуров, Иван Евграфович — известный железнодорожный деятель 70—80-х гг., инициатор технических съездов железных дорог в России, 328, 329, 357.

Айдарский — харьковский актер 70-х гг., 101.

Акимов, Владимир Степанович — дядя Гаршина по матери; помещик Херсонской губ., мировой судья; жил в с. Ефимовке (близ Днепровско-Бугского лимана), где с конца 1880 г. до середины 1882 г. гостил Гаршин; автор воспоминаний о Г., 13, 64, 104, 158, 180, 216—219, 221, 223—227, 229, 230, 233, 235 237—243, 245, 246, 248—251, 256, 259, 261—264, 269, 276, 282, 283, 483, 485, 486, 490—491, 528.

Акимов, Дмитрий Степанович — дядя Гаршина по матери, «герой Синопа и Севастополя», застрелившийся в 1879 г. 26, 27, 28, 33, 36, 63, 77, 125, 158, 172, 173, 182, 404—413.

Акимов, Егор Иванович — двоюродный брат матери писателя, Е. С. Гаршиной, 59, 72, 238, 239, 248, 250, 262.

Акимов, Коля — сын В. С. Акимова от второй жены, 216, 218, 230, 244, 245, 250.

Акимов, Николай Степанович — отставной лейтенант, участник Севастопольской кампании, дядя Гаршина по матери, 21, 25, 26, 57, 158, 218, 219, 237, 248, 408—412, 415, 416.

Акимов, Сережа — сын С. С. Акимова, 21, 25, 54, 158, 219, 220, 257, 403, 407—410, 416.

Акимов, Степан Степанович — дядя Гаршина по матери, 403, 404.

Акимова, А. С. (ум. в 1881 г.) — бабка писателя, мать Е. С. Гаршиной, 23, 25, 28, 30, 31, 34, 35, 49, 50, 53, 54, 58, 60, 91, 93, 125, 158, 217, 218, 404, 405, 409—413, 415, 417, 418, 424, 429, 431, 434, 436, 439—443, 484.

Акимова, Антонина Тимофеевна (ум. в 1871 г.) — жена С. С. Акимова, 401, 403—405, 407, 412, 415.

Акимова, Надя — дочь Н. С. Акимова, 220.

Акимова, Наталья — дочь В. С. Акимова от второй жены, 238, 244, 245.

Акимова, Ольга Ивановна — жена Е. И. Акимова, сестра писательницы В. И. Микулич, 236, 238, 244, 262.

Акимова, Татьяна Владимировна — дочь В. С. Акимова от первой жены, «умерла от чахотки в молодых годах», 217—225, 227, 229, 230, 233, 234, 236, 238, 240—244, 249, 250, 253, 254, 257, 260, 264, 275, 276, 282, 283, 285, 288, 289, 290, 327, 346.

Акимова, Устинья Степановна — вторая жена В. С. Акимова, 216, 217, 218, 221, 224, 229, 237, 238, 244, 250, 253, 260, 264.

Аксаков, Иван Сергеевич (1823—1886) — поэт, публицист и общественный деятель славянофильского лагеря; один из вождей Славянского комитета 1875—1878 гг.; с ноября 1880 г. до смерти — редактор-издатель газеты «Русь», 376, 516—517.

Александра Аркадьевна — см. Давыдова, А. А.

Александра Григорьевна — см. Маркелова (Каррик), А. Г.

Александра Егоровна — см. Костромитина, А. Е., тетка Гаршина по отцу.

Александра Иосифовна (1830—1911) — жена великого князя Константина Николаевича, 144.

Александра Семеновна — см. Пузино, А. С.

Александра Федоровна — старобельская знакомая Г., 183, 416, 420.

Александр II Николаевич (1818—1881) — император с 1855 по 1881 г. Идеализированная зарисовка его внешнего образа дана Г. в рассказе «Из воспоминаний рядового Иванова», 122, 127, 277, 405, 449, 495.

Александр III Александрович (1845—1894) — император с 1881 по 1894 г. Резко отрицательная характеристика его дана Г. в письме № 259, 278, 284, 451, 495, 516.

Александр Дмитриевич — см. Дмитриев, А. Д., инспектор Петербургского реального училища.

Александр Евгениевич — см. Рейнбот, А. Е.

Александр Иванович — см. Кирпичников, А. И.

Александр Миронович — см. Мартьянов, А. М.

Александр Тимофеевич — см. Васильев, А. Т. — сослуживец Гаршина по канцелярии общего съезда представителей русских железных дорог.

Александр Яковлевич — см. Герд, А. Я.

Александров, Всеволод Александрович — старобельский и харьковский знакомый Гаршиных, отец невесты Г., 157, 165, 169, 187, 201, 205, 222, 228, 253, 263, 434.

Александрова, Антонина Всеволодовна, сестра Раисы Всеволодовны, впоследствии де-Лазари, автор воспоминаний о Г., 531.

Александрова, Мария Николаевна — жена В. А. Александрова, мать невесты Г., 28, 157, 158, 162, 165, 171, 183, 228, 253, 263, 434.

Александрова, Надежда Всеволодовна («Надя») — сестра Раисы Всеволодовны, покончившая с собой весною 1883 г. в Харькове, 190, 291—292, 497.

Александрова, Раиса Всеволодовна («Рая») — дочь В. А. и М. Н. Александровых, невеста Всев. Мих. Г., 28, 30, 43—47, 49, 50, *51—52*, 53, *55—57*, 58, *60—61*, 62, *64—65*, *67—69*, *75—77*, *87—88*, 89, 92, *94—96*, 97, 103, 105, 109, 116, 118, 122—127, 129, 130, 132, 134, 138, 149, 150, 151, 155, 159, 162, 163, 164, 172, 177, 179, 183, 186, 191, 202, 322, 455—456, 487, 530, 531, 532, 535.

Алексей Назарович — см. Афанасьев, А. Н. — брат приятеля Гаршина.

Аленицын, Владимир Дмитриевич (1846—1910) — зоолог и статистик; приват-доцент С.-Петербургского университета. С 1878 г. служил в Центральном статистическом комитете; был посетителем литературно-художественных вечеров у Я. П. Полонского; прототип Аратова в «Кларе Милич» Тургенева (1882), 249, 338.

Аля — см. Полонский, А. Я. — сын поэта.

Альбедиль, Федор Константинович — генерал-майор, директор 2-го Московского Кадетского корпуса в 80-х гг., 179.

Альбов, Михаил Нилович (1851—1911) — беллетрист, автор «Пшеницыных» (1873), «Дня итога» (1879) и др. повестей. Сотрудничал в «Слове», «Деле», «Устоях», «Вестнике Европы». В критике 80-х гг. причислялся к группе виднейших молодых беллетристов (Ясинский, Баранцевич, Гаршин) и рассматривался как последователь Достоевского («День итога») и французских натуралистов («Сутки на лоне природы»), 177, 326, 465, 497, 508.

Аминов, Густав Александрович (1844—1900), — барон, полковник, командир 138-го пехотного Болховского полка с 21. IV. 1878 по 6. V. 1881; впоследствии начальник штаба Закаспийской области, а затем Куопиосский губернатор, 188, 473.

Андерсен, Ганс-Христиан (1805—1875) — датский поэт и новеллист, автор знаменитых «Сказок», 304.

Андриевский, Иван Ефимович (1831—1891) — профессор государственного и полицейского права, член следственной комиссии для исследования студенческих волнений 1861 г., ректор С.-Петербургского университета, 150.

Андрей Васильевич — см. Каменский, А. В. — приятель Г. И. Успенского.

Анна Владимировна — см. Гаршина, А. В. — третья жена Г. М. Гаршина.

Анна Карловна — см. Розальон-Сошальская, А. К.

Анна Михайловна — см. Евреинова, А. М.

Анненский, Николай Федорович (1843—1912) — статистик и публицист народнического лагеря, сотрудник «Отеч. Зап.» и «Русского Богатства», впоследствии один из организаторов партии «народных социалистов», 393, 475, 523.

Аннонимов, Иван Николаевич — преподаватель истории I петербургского реального училища в 60-х гг., 414.

Антонина Тимофеевна — см. Акимова, А. Т.

Анюта — см. Галина, Анюта.

Афанасьев, Александр Николаевич (1820—1871) — этнограф, исследователь и собиратель памятников народной словесности, редактор «Библиогр. Записок», 102, 459.

Афанасьев, Алексей Назарович — брат приятеля Г., 78, 126.

Афанасьев, Василий Назарович (185?—1896) — товарищ Гаршина по реальному училищу и Горному институту; прапорщик 138-го Болховского полка, впоследствии штабс-капитан, 15, 24, 26, 38, 39, 46, 50, 58, 66, 78, 81, 88, 89, 95, 96, 98, 100, 106, 113, 116, 117, 120, 122, 123, 125—132,

134—138, 141, *143—144, 145 150—151, 157, 160, 161*, 175, 180, 182, 187, 188, 190, 197, 217, *234*, 252, 257, 261, 265, 320, 407—411, 419, 424, 425, 434, 436, 442, 464, 479.

Афанасьев, Иван Назарович — брат предыдущего, командир 5-й роты 138-го Болховского полка в 1877—1878 гг., 97, 116, 117, 118, 120, 121, 124, 129, 134, 187, 434.

Афанасьев, Назар Николаевич (ум. в 1874 г.) — отец приятелей Гаршина, 21, 404—406, 410, 412, 414, 416, 419, 420.

Афанасьева, Мавра Федоровна — мать приятелей Гаршина, 127, 402, 407, 409, 411, 413, 415, 431, 433.

Ашерзон, Павел-Фридрих-Август — немецкий ботаник, 106.

Базунов, Александр Федорович (18??—1876) — известный книгопродавец и издатель, 260.

Баймаков, Федор Петрович (1834—1907) — биржевой деятель, издатель «Финансового Обозрения» и «Коммерческого Календаря», арендатор «СПБ. Ведомостей» 1875—1877 гг. Разорившись во время русско-турецкой войны, вел биржевую хронику в «Новостях» и «Новом Времени», 35, 452.

Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876) — основоположник и теоретик анархизма, один из вождей революционной эмиграции 60—70-х гг., 94.

Балакирев, Милий Алексеевич (1837—1910) — композитор, пианист, дирижер и музыкально-общественный деятель. Глава и организатор «Новой русской музыкальной школы», в которую входили Ц. А. Кюи, М. П. Мусоргский и Н. А. Римский-Корсаков («могучая кучка»), 45, 46.

Баллина — харьковская знакомая Гаршина 70-х гг., 158.

Бальзак, Онорэ (1799—1850) — французский романист, 295.

Баранов — генерал-майор, начальник 35-й дивизии 13-го армейского корпуса в войну 1877—1878 гг., 117.

Баранцевич, Казимир Станиславович (1851—1927) — беллетрист. Сотрудник «Отеч. Зап.», «Дела», «Вестника Европы», автор воспоминаний о Г., 326, 380, 487, 508, 519—520.

Барская — петербургская знакомая Гаршина 70-х гг., 98.

Бартош, Екатерина Григорьевна — петербургская знакомая Гаршина 70-х гг., 115.

Баталин, Александр Федорович (1847—1896) — преподаватель Горного института с 1870 по 1879 г., автор «Механики насекомоядных растений» (СПБ. 1876). Впоследствии профессор Военно-медицинской академии и директор Ботанического сада, 25, 31, 71, 84.

Батюшков, Федор Дмитриевич (1857—1920) — историк всеобщей литературы и критик; с 1885 по 1898 г. — приват-доцент Петербургского университета; впоследствии — редактор «Мира Божьего» (1902—1906), автор воспоминаний о Г., *369*, 514.

Бахметьев, Николай Николаевич (1847—1902) — секретарь редакции «Русской Мысли» 80-х гг., 320, 326, *352*, 368.

Безант, Яков Яковлевич — служащий бумажной фабрики К. Липгард и К°, 299, 330, 333.

Безродная, Ю., псевдоним Юлии Ивановны Яковлевой (1859—1910), жены Н. М. Минского — беллетрист. Начала литературную деятельность в «Свете» Н. П. Вагнера 1878 г.; сотрудничала в «Вестнике Европы», «Русской Мысли», «Мире Божьем», «Северном Вестнике» и др. изд., 261, 327, 343, 347, 497, 505.

Бекетов, Андрей Николаевич (1825—1902) — ученый ботаник; в юности член подпольного социалистического кружка, близкого петрашевцам; с 1876 по 1883 г. — ректор Петербургского университета, 192.

Белецкий — петербургский знакомый семьи Гаршиных, 163.

Белинский, Виссарион Григорьевич (1810—1848) — критик и публицист, 272, 499.

Белинский, Максим — см. Ясинский, Иероним Иеронимович.

Беллини, Винченцо (1801—1835) — итальянский композитор, автор опер «Ромео и Джульетта» (1830) и «Пуритане» (1835), 432.

Бен — инспектор Горного института в 70-х гг., 20.

Беранже, Пьер-Жак (1780—1857) — французский поэт, 198.

Берви, Вильгельм Вильгельмович, литературный псевдоним «Флеровский» (1829—1918) — публицист народнического лагеря; с 1862 г. в течение многих лет подвергался преследованию правительства, арестам и ссылкам. Автор книг «Положение рабочего класса в России» (1869) и «Азбука социальных наук» (1871), уничтоженных правительством и пользовавшихся огромной популярностью в революционно-демократических кругах, 424, 475.

Бергард, Сашенька — петербургский приятель Гаршина 70-х гг., 32, 33.

Беренс, Евгений Андреевич (1805—1878) — вице-адмирал, член адмиралтейского совета, 57, 75.

Бернар, Клод (1813—1878) — французский физиолог, один из величайших естествоиспытателей XIX в., 292.

Бертенсон, В. Б. — модный петербургский врач 80—90-х гг., 327.

Бессонов, Петр Алексеевич (1828—1898) — славист и исследователь памятников народного творчества, профессор Харьковского университета, 192.

Бирштадт, Альберт — американский художник-пейзажист, 408.

Бирюков, Павел Иванович (1860—1931) — один из руководителей изд. «Посредник», последователь Л. Н. Толстого, впоследствии автор четырехтомной биографии Л. Н. Толстого, 373.

Бисмарк, Отто-Эдуард-Леопольд (1815—1898) — князь, прусский государственный деятель, один из создателей Германской империи под главенством юнкерской Пруссии, 34.

Бичер-Стоу, Гарриэт (1811—1896) — американская писательница, автор известных социально-филантропических романов «Жизнь негров» и «Хижина дяди Тома», 13.

Боба — см. Золотилова, В. К.

Боборыкин, Петр Дмитриевич (1839—1921) — романист; редактор-издатель «Библиотеки для Чтения» (1862—1865), впоследствии сотрудник «Отеч. Зап.», «Слова», «Вестника Европы» и др. изд., 239, 350, 457, 464, 486.

Бобровниковы — Старобельские знакомые Гаршина начала 70-х гг., 434.

Болдаков, Иннокентий Михайлович — историк литературы и переводчик, 296.

Борис Михайлович — см. Гинзбург, Б. М. — харьковский знакомый Гаршиных 70-х гг.

Боткин, Сергей Петрович (1832—1889) — знаменитый клиницист, профессор Военно-медицинской академии, 175.

Брагина, Анна Дмитриевна — актриса, знакомая Гаршина 70-х гг., 97.

Брамс, Иоганнес (1833—1897) — немецкий композитор, 114.

Брандес, Георг (1842—1927) — датский критик, историк литературы и публицист, переводившийся в журналах 80—90-х гг. и популярный в буржуазно-демократических кругах. Автор многочисленных статей о русских писателях; в 1887 г. посетил Россию, выступал с лекциями в Москве и Петербурге и был избран почетным членом Общ. люб. росс. слов., 257.

Бржеский — студент петербургского Технологического института 70-х гг., 74, 75.

Бржестовские — петербургские знакомые Гаршина в 80-е гг., 265, 269.

Брянский, Николай Петрович — учитель пения I петербургского реального училища, 417.

Булычев, Федор Степанович — капитан-лейтенант, в семье которого Гаршин давал уроки в 1876 г.; прототип капитана-лейтенанта Жеркова, в одной из неоконченных повестей Г., 92, 93, 102, 459.

Буренин, Виктор Петрович (1841—1926)—критик, публицист, поэт, драматург и переводчик (псевдонимы «граф Алексис Жасминов», «Маститый беллетрист» и др.); литературную деятельность начал в 1862—1863 гг. в «Искре» и «Современнике» как автор юмористических стихотворений и фельетонов; с 1865 по 1874 г. был фельетонистом «СПБ. Ведомостей», выдвинувшись как видный публицист либерального лагеря. Состоя с 1876 г. одним из ближайших сотрудников «Нового Времени», вместе с А. С. Сувориным постепенно эволюционировал вправо и в начале 80-х гг. стал уже одной из центральных фигур рептильно-реакционной печати, причем самое его имя сделалось синонимом политической и литературной бесчестности. В либеральную пору своей деятельности Буренин одним из первых приветствовал «Четыре дня» Гаршина и неизменно положительно оценивал все его позднейшие произведения, 47, 177, 226, 354, 452, 506.

Буссе, Владимир Васильевич, полковник, командир 138-го пехотного Болховского полка с 29. VI. 1876 г. по 21. IV. 1878 г., впоследствии Плоцкий губернский воинский начальник, 117.

Буткевич, М.— петербургский знакомый Гаршина 80-х гг., 296, 9, 300, 307.

Бутков, Владимир Васильевич— харьковский знакомый Гаршина 70-х гг., 104, 315.

Вагнер, Николай Петрович (1829—1907) —ученый зоолог, профессор петербургского университета, беллетрист и популярный детский писатель (псевдоним «Кот Мурлыка»). В 1876—1878 гг. издавал журнал «Свет», позднее участвовал в «Вестнике Европы» и «Северном Вестнике», а с конца 80-х гг. только в органах реакционной печати, 41, 320, 454—455.

Валентина Эрмнигельдовна—знакомая Г. в 80-х гг., 341.

Валериан Александрович — см. Яблочкин, В. А.— художник.

Валуев, Петр Александрович (1814—1890). С 1861 по 1868 г. — министр внутренних дел; с 1872 по 1877 г. — государственных имуществ; с 1877 по 1881 г. — председатель комитета министров. Был председателем правительственной комиссии для расследования причин, вызвавших студенческие беспорядки осенью 1874 г., 19, 20, 449.

Варвара Егоровна — см. Родионова, В. Е., тетка Гаршина по отцу.

Варвара Николаевна — см. Завистовская, В. Н., урожд. Коротнева — дальняя родственница Гаршиных.

Василий Корнеевич — петербургский знакомый Гаршина 70-х гг., 38, 59.

Василий Лукич — см. Спасский, В. Л. — харьковский педагог.

Василий Михайлович — см. Латкин, В. М. — брат приятеля Гаршина.

Василий Назарович («Вася»)— см. Афанасьев, В. Н. — приятель Гаршина.

Василий Петрович — см. Геннинг, В. П. — преподаватель русского языка в I петербургском реальном училище.

Василий Прокофьевич — см. Медведев, В. П. — присяжный поверенный.

Васильев, Александр Тимофеевич —сослуживец Гаршина по канцелярии Общего съезда представителей русских железных дорог; автор воспоминаний о нем, 311, 391, 509, 513.

Васильев I, Владимир Иванович (1829—1901) — знаменитый певец (бас), артист Мариинского театра, 36, 317.

Василеьв II, Василий Михайлович (1837—1891) — петербургский певец-тенор, 404.

Васильковский — харьковский гимназист 70-х гг., 43.

Вася Аксенов — родственник В. М. Латкина, 305.

Ватсон, Мария Валентиновна, урожд. де-Роберти-Ласерда (1851—1931), поэтесса и известная переводчица; приятельница С. Я. Надсона; сотрудничала в «Отеч. Зап.», «Слове», «Деле», «Русском Богатстве», 363, 375, *393*, 511.

Ватсон, Эрнест Карлович (1839—1891) — публицист либерального лагеря и переводчик; сотрудничал в «Современнике», с 1866 по 1887 г. был соредактором В. Ф. Корша по «СПБ. Ведомостям». Впоследствии сотрудничал в «Биржевых Ведомостях», «Неделе», «Голосе» и др., 47.

Вахрушев — железнодорожный деятель 80-х г. — сослуживец Гаршина, 328, 329, 357.

Вейнберг, Петр Исаевич (1831—1908) — историк всеобщей литературы, поэт и переводчик; с 1883 по 1885 г. — редактор-издатель «Изящной литературы», 203, 204, 205.

Венгеров, Семен Афанасьевич (1855—1920) — историк русской литературы и библиограф, критик и публицист либерально-народнического лагеря. В 1876 г. вел литературный фельетон в «Новом Времени» (под псевдонимом «Фауст Щигровского уезда»), сотрудничал в «Неделе», «Русском Мире», «Слове», «Вестнике Европы», «Русской Мысли». В 1882 г. редактировал «Устои». Автор книг «Русская литература в ее современных представителях. И. С. Тургенев» (СПБ. 1875), «А. Ф. Писемский» (СПБ. 1884) и «История новейшей русской литературы», ч. I (1885), уничтоженной по постановлению комитета министров. С 1886 г. составлял «Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых»; впоследствии профессор С.-Петербургского университета и один из виднейших деятелей литературной общественности предреволюционной поры, 226, 232, 252, *269*, 305, 327, *374*, *376*, *379*, *380*, *395*, *396*, 447, 486, 493, 498—499, 516, 517, 518—519.

Вениг, Карл Богданович (1830—1908) — исторический живописец, ученик Ф. Бруни, профессор Академии художеств, 201.

Вера Константиновна («Боба») — см. Золотилова В. К. — кузина Н. М. Гаршиной.

Вера Михайловна («Верочка») — см. Гаршина, В. М., урожд. Золотилова, жена Е. М. Гаршина.

Вера Михайловна — см. Золотилова, В. М., урожд. Латкина — жена К. Е. Золотилова.

Вера Орестовна — см. Пузино, В. О.

Верещагин, Василий Васильевич (1842—1904) — живописец-баталист, близкий по направлению к «передвижникам»; автор «туркестанских» этюдов и написанных по ним военных картин, под впечатлением которых явилось стихотворение Гаршина («Толпа мужчин, детей и дам нарядных»), 205.

Виктор Андреевич — см. Фаусек, В. А.

Виктор Михайлович — см. Гаршин, В. М. — старший брат писателя.

Виктор Петрович — см. Соколов, В. П.

Виллер — харьковский знакомый Гаршина 70-х гг., 87, 107.

Вильям Андреевич — см. Каррик, В. А.

Вилочка — см. Минский, Н. М.

Вильберс — музыкант, учитель Р. В. Александровой, 164.

Виницкая (Будзианик), Александра Александровна (1847—19??) — романистка; литературную деятельность начала в 1881 г.; сотрудничала в «Отеч. Зап.», «Вестнике Европы», «Русской Мысли», «Северном Вестнике» и др., 359.

Владимир Александрович — см. Иванов, В. А.

Владимир Григорьевич — см. Чертков, В. Г.

Владимир Михайлович — см. Пащенко, В. М.

Владимир Орестович — см. Пузино, В. О.
Владимир Степанович — см. Акимов В. С. — дядя Гаршина по матери.
Владимир Федорович — см. Никонов, В. Ф. — дядя Н. М. Гаршиной, б. управляющий петербургской таможней.
Владимир Федорович — см. Эвальд, В. Ф. — директор I петербургского реального училища.
Владимиров, Леонид Евстафьевич — криминалист, профессор Харьковского университета в 70—80-е гг., 192.
Владиславлев, Михаил Иванович (1840 — 1890) — профессор философии, с 1887 г.— ректор С.-Петербургского университета, переводчик «Критики чистого разума» Канта (СПБ. 1867) и др., 318.
Вовчок, Марко, псевд. Марии Александровны Маркович (1834 — 1907) — беллетрист и переводчик, 74, 457.
Волков — знакомый семьи Гаршиных 80-х гг., 315, 337.
Волконский, Михаил Сергеевич (1832 — 1909) — князь, сын декабриста С. Г. Волконского; попечитель Петербургского учебного округа; впоследствии товарищ министра народного просвещения, 192.
Володя — см. Латкин, В. М. — приятель Гаршина.
Вольский, А. — издатель 70-х гг., 29.
Вольтер, Франсуа-Мари (1694 — 1778) — французский философ, публицист, драматург и новеллист, 265, 270.
Вольф, Александр Маврикиевич — директор книгоиздательского товарищества «М. О. Вольф и К°», издатель «Нови», 198, 305, 319, 320, 498—499, 502.
Воскресенский, Александр Абрамович (1809 — 1880) — профессор химии С.-Петербургского университета; впоследствии попечитель Харьковского учебного округа, 38.
Востоков, Александр Христофорович (1781 — 1864) — филолог-славист, академик, 411.
Всеволод Александрович — см. Александров, В. А., отец невесты Гаршина.
Вукотич — ученик I петербургского реального училища начала 70-х гг., 443.
Вышнеградский, Иван Алексеевич (1831 — 1892) — профессор Петербургского технологического института; банковский и биржевой делец, при содействии которого Г. получил службу в канцелярии общего съезда представителей железных дорог; министр финансов с 1886 по 1892 г., 289, 516.
Вячеслав — см. Латкин, В. В.
Вячеслав Авксентьевич — см. Манасеин, В. А.
Вячеслав Андреевич («Вячеслав») — см. Фаусек, В. А.

Гавловский — знакомый Г., 165, 176.
Гайдебуров, Павел Александрович (1841 — 1893) — публицист право-народнического лагеря; принимал участие в студенческих беспорядках 1861 г., а в 1868 г. привлекался за произнесение речи на могиле Д. И. Писарева. Сотрудничал в «СПБ. Ведомостях» (1863 — 1865), «Современнике» (1866), «Деле» (1867 — 1869). С 1869 г. — один из издателей «Недели», а с 1875 г. — собственник ее, 389, 519.
Галахов, Алексей Дмитриевич (1807 — 1892) — историк русской литературы и педагог; в молодости был близок кружку Белинского; сотрудничал в «Отеч. Зап.», «Современнике» и др.; с 1865 по 1892 г. — профессор русской словесности в Петербургском историко-филологическом институте; автор «Истории русской словесности древней и новой» (1863 и 1875) и других учебных руководств и пособий, 331, 332.
Галина, Анюта — домашняя учительница в семье поэта Я. П. Полонского, 216, 272, 275, 276, 282, 285, 299, 311, 312, 318, 322, 339.

Ган Александр Федорович (1809—1895)—генерал-лейтенант, командир корпуса в русско-турецкую войну 1877—1878 гг., 117.

Ган, Федор Васильевич — доктор медицины, харьковский врач 70-х гг., в доме которого жили Гаршины в 1877 г., 129, 149, 150, 151.

Гано, А. — автор «Полного курса физики» (пер. В. Павленкова и В. Черкасова. Изд. 3-е СПБ. 1873—1874, 5 вып.), 435.

Гаркави, Илья Ааронович (род. ок. 1857 г.) — участник процесса 193-х; в 1878 г. принимал участие в Петербурге в волнениях студентов Медико-хирургической академии; был арестован и выслан на родину в Могилев. В декабре 1879 г. освобожден от надзора и получил право повсеместного жительства, 169, 470.

Гартвиг, — немецкий популяризатор естествознания, автор многократно переиздававшихся книг: «Тропический мир в очерках животной и растительной жизни» (пер. С. Усова, изд. 2-е. М. 1873); «Воздух и его жизнь» (изд. 2-е. М. 1875); «Море и его жизнь» и т. д., 102.

Гартман, Эдуард (1842—1906) — немецкий философ-идеалист, автор книги «Сущность мирового процесса или философии бессознательного» (пер. с нем. А. Козлова. М. 1873), где была сделана попытка объединить учение Гегеля с пессимистической философией Шопенгауэра, 86.

Гартов — харьковский гимназист 70-х гг., 43.

Гаршин, Александр Георгиевич («Саша») (род. в 1876 г.) — сын старшего брата писателя от первого брака; воспитанник Е. С. Гаршиной, впоследствии ученый агроном, 182, 187, 194, 197, 198, 200—208, 221—230, 236, 238, 240—245, 249, 253, 254, 257, 261—268, 276—285, 293, 295, 299—301, 310—325, 327, 328, 330, 334, 336, 337, 340, 341, 344—349, 505.

Гаршин, Виктор Михайлович — второй брат писателя, застрелившийся 30. XII. 1873 г., 404, 407, 412, 417—420, 422, 425—427, 437—440.

Гаршин, Владимир Георгиевич — сын старшего брата писателя от третьего брака.

Гаршин, Георгий (Егор) Архипович — дед писателя, 11.

Гаршин, Георгий (Егор) Михайлович («Жорж») (1849—189?) — старший брат писателя, судебный следователь, сначала в Старобельске, а затем в Харькове и Мстиславле. Застрелился в 189? г., 23—38, 42, 43, 45, 51, 52, 57, 59, 60, 62, 66, 69, 77, 80, 82, 104, 111, 113, 114, 132, 150, 153, 178, 182, 189—194, 197, 204, 205, 208, 221, 237, 273, 278, 293—299, 301, 306, 311—323, 325, 327, 330, 339, 341, 344—349, 370, 401, 404—413, 419, 420, 421, 425, 436, 442, 452, 506.

Гаршин, Евгений Михайлович (1861—1931) — младший брат писателя; педагог, историк литературы и публицист умеренно-либерального лагеря, автор повестей для детского чтения. Сотрудничал в «Отеч. Зап.», «Заграничном Вестнике», «Историческом Вестнике», «Биржевых Ведомостях»; важнейшие из его историко-литературных и литературно-бытовых очерков собраны в книге «Критические опыты» (СПБ., 1888). Впоследствии был директором Таганрогского коммерческого училища; с 1922 г. жил в Ленинграде, 21—25, 28, 30, 31, 33, 34, 35, 37—42, 44—47, 49, 50—54, 57—64, 67, 70—73, 78—80, 82—87, 89—94, 98, 101, 104, 107, 109, 110, 112—116, 123, 125—132, 138, 141, 143, 147, 148, 153, 155—159, 163, 165, 171—173, 177, 182, 188—191, 194, 197, 203—205, *206*, 208, *209—210*, 216, 217, 219—223, *224*, 225—230, 233—240, *241—243*, 244, 245, *246—249*, 250—253, *254—255*, 257, 259, *260—261*, 262, 263, 273, 275, 276, 278, 279, 282, 283, *285—286*, 294, 295, *296*, *297—298*, 299, *300*, 301, *302—303*, 306, *307*, 308, 311—322, *323*, 324, 327, 330, *331—332*, 333, *334—335*, 336, 337, *338—340*, 343, 344, *347—349*, *350*, *357*, 378, 383, 387, *390—391*, *394*, *397*, 401, 404—412, 413—420, 422, 424, 425, 427—429, 431—434, 439, 441—443, 447, 480, 483, 491, 493, 495, 497, 506, 523, 524—525, 526—527, 528, 531.

Гаршин, Михаил Георгиевич — отец писателя, 11, 12, 148, 402, 404, 405, 447.

Гаршин, Михаил Георгиевич — сын старшего брата писателя, Г. М. Гаршина, от второго брака.

Гаршин, Федор Николаевич — сын старшего дяди Г., Н. Г. Гаршина, 351, 507.

Гаршина, Анна Владимировна — третья жена старшего брата писателя, 339, 346, 347, 348, 349, 370.

Гаршина, Вера Георгиевна, впоследствии Андреева — дочь старшего брата писателя от второго брака.

Гаршина, Вера Михайловна (1862 — 1920), урожд. Золотилова — первая жена младшего брата писателя, Е. М. Гаршина, слушательница Бестужевских курсов с 1887 г., через несколько месяцев после брака оставившая мужа и жившая с дочерью у В. М. и Н. М. Гаршиных, 184, 188, 192, 289, 381, 394, 524.

Гаршина, Глафира Васильевна — первая жена старшего брата писателя, 23, 25, 26, 28, 30, 31, 33, 34, 35, 38, 43, 51, 57, 182, 190.

Гаршина, Екатерина Степановна, урожд. Акимова (1828 — 1897) — мать писателя, 11, 12, *19—42, 43—50, 52—55, 57—60, 61—64, 66—67, 69—75, 77—85, 86—87, 88—94, 96—117, 118—123, 124—130, 130—135, 136—141, 142—143, 145—150, 151—153, 154—155, 156—159, 162—180, 181—184, 185—205, 208, 210, 212, 216—230, 232—241, 243—245, 246, 250—254, 256—265, 268—269, 276, 278—279, 282—283, 285, 291, 292—295, 298—302, 306—325, 327, 330, 332—334, 335—337, 339—341, 345—346, 347—349, 359, 378,* 383, *394, 401—440, 441—444,* 447—448, 458, 461, 464, 482, 483, 484, 491, 493, 499, 505, 523, 528—533.

Гаршина, Надежда Михайловна, урожд. Золотилова (род. в 1859 г.) — жена писателя с 11. II. 1883 г.; слушательница Надеждинских акушерских курсов 1877—1878 гг. и врачебных курсов при Николаевском военном госпитале с 1878 по 1885 г., врач, сверхштатный ординатор акушерской клиники И. М. Тарновского; в настоящее время живет в Ленинграде, 15, 192, *207, 210,* 211, 213, *214—215,* 236, 264, *265—268, 269—278, 283, 287—290,* 293, 294, 295, 299, 300, 301, 302, 306, 307, 308, 310, 311, 312, 313—318, 320—327, *328—329,* 330, 332—337, 338, 340, *341—344,* 346, 347, 348, 351, *352,* 353, 354, 355, 358, 359, 363—366, *370—371, 378, 381—389, 391,* 392, 394, 395, *397, 447,* 482—483, 505, 509—510, 524, 525—535.

Гаршина, Наталия Евгениевна (1887—1930) — дочь младшего брата писателя, жившая в 1887—1888 гг. у В. М. и Н. М. Гаршиных, 524.

Гаршина, София Мартыновна (ум. в 1884 г.) — вторая жена старшего брата писаталя, 237, 278, 293, 311.

Гасснер — организатор частного естественно-исторического и медицинского музея в Петербурге начала 70-х гг., 76.

Ге, Николай Николаевич (1831—1894) — исторический живописец и портретист, член «Товарищества передвижных выставок». В 90-е гг. — последователь Л. Н. Толстого и автор картин на евангельские сюжеты («Что есть истина», «Голгофа» и др.), 36.

Геккель, Эрнст (1834—1919) —немецкий естествоиспытатель, реформатор биологии на эволюционной основе, автор «Natürliche Schöpfungsgeschichte» (Berlin 1868), переведенной на все европейские языки, 63.

Гельфрейх, Павел Григорьевич — харьковский знакомый Г. 70-х гг., 89, 100.

Генкель, Вильгельм (Василий Егорович) (1825—1910) — книгоиздатель и переводчик. В 1854 г. вместе с А. Смирдиным-сыном основал известную фирму А. Смирдин и К°, в 60-х гг. выделился в самостоятельную фирму, издал художественный альбом «Северное Сияние», первые сборники произведений Левитова, Гл. Успенского и др. После расстройства своих финансовых дел в 70-е гг. поселился в Мюнхене, занимаясь переводом русских писателей на немецкий язык. Всего им издано около 30 томов переводов Тургенева, Достоевского, Толстого, Гл. Успенского, Гаршина, *392,* 522.

Геннинг, Василий Петрович — преподаватель русского языка в I петербургском реальном училище в 70-е гг., 14, 195, 407, 410, 413, 430, 431, 432.

Гергейст, Иван Федорович — петербургский квартирохозяин Гаршина в 1874—1875 гг., 21, 27, 31, 36, 38, 45, 146.

Герд, Александр Яковлевич (1841 - 1888) — педагог-натуралист и общественный деятель либерального лагеря, переводчик и популяризатор Дарвина и Спенсера, пропагандист трудовых методов обучения. Автор ряда учебных руководств и пособий по естествознанию («Первые уроки минералогии». СПБ. 1869; «Определитель растений», 1 и 2 ч. СПБ. 1868—1869; «Определитель минералов». СПБ. 1870; «Определитель птиц Европейской России». СПБ. 1880; «Учебник минералогии для реальных училищ и военных гимназий», ч. 1, 2 и 3, СПБ. 1875—1877; «Учебник зоологии», 2 ч. СПБ. 1877—1883; «Краткий курс естествоведения», СПБ. 1878; «Мир Божий, земля, воздух и вода». СПБ. 1883). Состоя с 1882 г. председателем Комитета высших женских курсов, пользовался широкой известностью и как лектор-популяризатор своими публичными чтениями в Соляном Городке на темы «Силы природы», «О небесных телах» и др. Под идейным воздействием Г. находился Гаршин с 1872 г. и до конца своей жизни поддерживал дружеское общение как с ним самим, так и с семьею Г. В 1885—1888 гг. Гаршин принял ближайшее участие в «Обзоре детской литературы» (вып. I, II и III), составленном кружком петербургских педагогов по инициативе Герда, 21, 24, 25. 26, 30, 32, 34, 38, *42—43*, 48, 52, 57, 59, 61, 62, 63, 64, 66, 67, 73, 74, 86, 97, 98, 100, 106, 126, *130*, 146, 155, 162, *180—181*, 182, 183, 185, 186, 194, 195, 199, *211—213*, 214, 222, 232, 233, 241, 249, 255, 259, 260, 261, 262, 278, 282, 299, 300, 318, 321, 338, 339, 354, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 397, 424, 428, 430, 435, 442, 449, 452, 460, 469, 473, 490, 510, 519, 520.

Герд, Нина Александровна — дочь А. Я. Герда, впоследствии жена П. Б. Струве, 108, 110, 338, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 510, 520.

Герд, Нина Михайловна, урожд. Латкина — сестра Влад. Мих. Латкина — жена А. Я. Герда, 25, 32, 66, 67, 74, 98, 146, 387, 397.

Герд, Юлия Яковлевна — см. Филатова, Ю. Я. сестра А. Я. Герда.

Герцен, Александр Иванович (1812—1870), 94, 376, 517.

Гизо, Франсуа-Пьер-Гильом (1787—1874) — французский историк и политический деятель, идеолог буржуазной монархии и один из ближайших сотрудников Луи-Филиппа. Глава кабинета, свергнутого революцией 1848 г. Автор «Histoire de la civilisation en France depuis la chute de l'Empire Romain usqu'en 1789, 5 v. Paris, 1829—1832» (русск. пер. «История цивилизации во Франции», 4 тт. М. 1877—1881), 240.

Гинцбург, Б. М. — харьковский знакомый Гаршиных 70-х гг., 92, 93, 100, 105, 113, 127, 152.

Гинцбург, Матильда Борисовна («Маничка») — дочь Б. М. Гинцбурга, 93, 105, 127, 141, 152.

Глафира Васильевна — см. Гаршина, Г. В. — первая жена старшего брата писателя.

Глебов, А. Н. — железнодорожный деятель 80-х гг., 366—367, 513.

Глебовы — семья, в которой Гаршин давал уроки в 1876—1877 гг., 102, 104, 109, 112, 114.

Глинка, Михаил Иванович (1804—1857) — композитор, автор «Жизни за царя» и «Руслана и Людмилы», 56, 149, 150.

Глушков — петербургский студент, репетитор кн. Кочубея (см.), 80.

Говоруха-Отрок, Юрий Николаевич (1852—1896), псевдонимы: Ю. Николаев, Юрко, Елагин, Никто — деятель революционного движения 70-х гг., беллетрист, критик и публицист, харьковский знакомый семьи Гаршиных. Окончил харьковскую гимназию и поступил в Харьковский университет; с апреля 1874 г. руководил революционным кружком организованным С. Ф. Коваликом и имевшим целью пропаганду среди семинаристов. Арестованный в Екатеринославе, 24. XII. 1874 г. был заключен в Петро-

павловскую крепость и 5. V. 1877 г. предан суду Особого присутствия Сената по обвинению в участии «в противозаконном сообществе и в распространении преступных сочинений» («процесс 193-х»). Был в ссылке в Тобольской губернии, а с 11. V. 1878 г. по ходатайству о вменении предварительного заключения отдан под надзор полиции. С конца 70-х гг. жил в Харькове, отойдя от подпольной работы и начав деятельное сотрудничество в «Южном Крае», харьковском журнале «Мир», а через Гаршина нащупывая связи и с петербургской журналистикой. Автор отрывка «Из неоконченного романа» («Слово» 1880, кн. 11), сцен «Из жизни провинциального захолустья» — «В болоте» («Мир» 1881, кн. 1), рассказов «Fatum» («Полярная Звезда» 1881, кн. 6), «Юнкер Дубяга» («Мир» 1881, кн. 1), «До горького конца» («Несколько глав из «Пролога») («Мир» 1882, кн. 1), «Развязка» и «Отъезд» («Вестник Европы» 1882), мемуаров о тюремной жизни «Наблюдения и впечатления» («Южный Край» 18. III. 1886 и сл.) и др. С начала 80-х гг. постепенно эволюционировал в лагерь дворянско-крепостнической реакции. В критико-публицистической деятельности (еженедельные литературные фельетоны в «Южном Крае») продолжал традиции Апп. Григорьева и Н. Н. Страхова. В 1889 г. переехал в Москву и до смерти состоял заведующим литературным и театральным отделом «Московских Ведомостей», сблизившись с ренегатом Л. Тихомировым, В. В. Розановым и др. Автор воспоминаний о Гаршине, 166, 172, 176, 177, 178, 180, 182, 183, 186, 188, 189, 190, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 202, 203, 204, 205, 206, *208—209*, 216, 228, 235, 244, 246, 248, 257, 262, 465, 478—479, 487—490.

Гоголь, Николай Васильевич (1809—1852), 13, 292, 497.

Голодолинский, Леонид Петрович — секретарь Старобельской уездной земской управы в 80-е гг., 80.

Гольцев, Виктор Александрович (1850—1906) — ученый правовед, публицист и общественный деятель либерального лагеря, автор открытого письма (за подписью «Русской конституционалист») редактору «Вперед!» П. Л. Лаврову (1875). После нескольких попыток начать профессорскую деятельность (в 1879 г. в Новороссийском, а в 1881—1882 гг. в Московском университете) прекратил ее по приказанию правительства. Сотрудничал в «Голосе», «Вестнике Европы» и др. изд., пропагандируя умеренную конституционно-демократическую программу. 20 июня 1884 г. был арестован по обвинению в передаче денег от редактора «Дела» К. М. Станюковича сотрудничавшему в «Деле» революционеру-эмигранту Л. Тихомирову. С 1885 г. — редактор «Русской Мысли» и ближайший сотрудник «Русских Ведомостей», 330, *379—380*, 475, 503, 521.

Гомер — легендарный автор древне-греческих эпопей «Одиссеи» и «Илиады», 14.

Гонецкая — артистка Мариинского театра в 70-х гг., 46.

Гонкур, братья — Эдмонд (1822—1896) и Жюль (1830—1870) — французские писатели реалистической школы, 261.

Гончаров, Иван Александрович (1812—1891) — романист, 288.

Гораций (Квинт Гораций Флакк) (65—68 до н. э.) — римский поэт, 286, 497.

Горбунов, Иван Федорович (1831—1895) — актер и беллетрист, автор «сцен» и «рассказов» из мещанского быта, 75.

Горбунов-Посадов, Иван Иванович (род. в 1864 г.) — литератор и педагог, один из последователей Л. Н. Толстого; в 1885 г. начал работу в изд. «Посредник», сперва книгоношей в районе Петербурга, затем редактором народных изданий; впоследствии (в 1897 г.), после высылки П. И. Бирюкова и В. Г. Черткова за границу, стал во главе издательства, 326.

Горев, Федор Петрович (1850—1910) — драматический актер, дебютировавший в 1876 г. на сцене Александринского театра. Впоследствии — актер московского Малого театра, 73, 77, 80.

Горчаковы, князья — семья, в которой состоял воспитателем В. М. Латкин (см.) в 80-х гг., 333, 335.

Гохгейм, фон, София Михайловна, урожд. Геради-Валькевич — гражданская жена писателя П. П. Сухонина (см.); после смерти мужа, находясь в большой нужде, пользовалась поддержкой Комитета Литературного фонда, сносясь с последним через Гаршина, 372.

Грамматн — сотрудник редакции «Заграничного Вестника», 264.

Грессер, Петр Аполлонович (1832—1892) — генерал-лейтенант, петербургский градоначальник с 1883 по 1892 г., 306.

Григорий Борисович — см. Ительсон, Г. Б.

Григорий Григорьевич — см. Дроботухин, Г. Г.

Григорович, Дмитрий Васильевич (1822—1899) — известный писатель, автор «Деревни» (1846) и «Антона-Горемыки» (1847). С 1864 по 1884 г. — секретарь петербургского Общества поощрения художеств; с 1870 г. до конца жизни — заведующий Музеем прикладных искусств, 113, 288, *444*, 525.

Гризингер, Вильгельм (1817—1868) — немецкий психиатр, автор книги «Душевные болезни» (для врачей и учащихся. Перевод со 2-го нем. изд. под ред. проф. Ф. В. Овсянникова. СПБ. 1867. 4 вып. Ср. рец. в «Отеч. Зап.» 1869, кн. 1), 181.

Гриша — см. Каррик, Григорий.

Гриша — см. Коротнев, Г. Н.

Гришин, Ростислав Николаевич — преподаватель математики I петербургского реального училища в 70-е гг., 440, 441, 443.

Грубе, Август-Вильгельм (1816—1884) — немецкий педагог, составитель общеобразовательных книг для юношества; автор «Очерков по истории народных сказаний» (3-е изд.) и др. изд., популярных в России в 60—70-е гг., 415.

Груберт — товарищ Гаршина по реальному училищу, 156, 428.

Гуинплен — герой романа Виктора Гюго «Человек, который смеется» (1868 г.), 38, 453.

Гуно, Шарль-Франсуа (1818—1893) — французский композитор, автор опер «Фауст» и «Ромео и Джульетта», 403.

Гуревич, Яков Григорьевич (1843—1906) — педагог, историк и общественный деятель умеренно-либерального лагеря; директор петербургской частной гимназии и реального училища его имени; с 1880 г. — редактор-издатель педагогического журнала «Русская Школа». В 1881—1882 гг. — лектор новой истории на Петербургских высших женских курсах, а с 1885 г. — приват-доцент Петербургского университета, автор ряда учебных пособий и руководств по всеобщей и русской истории, 372.

Гурко, Иосиф Владимирович (1828—1901) — генерал-от-кавалерии, командующий войсками гвардии во время войны 1877—1878 гг.; петербургский временный генерал-губернатор с 7 апреля 1879 г. по 14 февраля 1880 г., 192.

Гуров, Николай Петрович (род. в 1837 г.) — корреспондент и репортер «Нового Времени», «СПБ. Ведомостей», «Русского Курьера» и «Порядка»; автор рассказа «Либеральный консерватор» в «Искре» 1861 г.; вольнонаемный корректор Сенатской типографии, 366, 512.

Гюго, Виктор (1802—1885) — французский поэт, драматург и романист, глава романтической школы; автор «Собора Парижской богоматери» (1831), «Несчастных» (1862); «Тружеников моря» (1866), «Человека, который смеется» (1868), 13, 38, 132, 222, 228, 259, 295, 442, 453.

Давыдов, Владимир Николаевич (1849—1925) — знаменитый драматический актер; с 1880 г. работал на сцене Александринского театра. После Октябрьской революции — народный артист Республики, 364, 365.

Давыдов, Карл Юльевич (1838—1889) — виолончелист, композитор и педагог; с 1876 по 1887 г. — директор Петербургской консерватории, 308, 317, 327, 348, 372.

Давыдова, Александра Аркадьевна (1848—1902) — жена К. Ю. Давыдова; секретарь редакции «Северного Вестника», хозяйка петербургского литературно-художественного салона 80-х гг. Впоследствии основательница и издательница журнала «Мир Божий», 307, 308, 317, 327, 346, 347, 348, 364, 365, 509, 511.

Давыдова, Лидия Карловна — дочь А. А. и К. Ю. Давыдовых, 364.

Дагмара — жена наследника престола (будущего Александра III), 25, 155.

Даладов — студент Горного института, исключенный за участие в волнениях в 1874 г., 19.

Данилевский, Андрей Иванович — студент Академии художеств с 1870 по 1877 г.; 31 октября 1877 г. получил звание классного художника 2 ст. за картину «Адам и Ева находят убитого Авеля», резко раскритикованную Гаршиным в статье «Императорская академия художеств за 1876—1877 учебный год» (1877), 46.

Данилевский, Григорий Петрович (1829—1890) — романист, помещик Изюмского уезда Харьковской губ., в 60-е гг. служил в Харькове сначала в Крестьянском комитете, а затем в Харьковском губернском земстве. С 1868 г. — помощник главного редактора, а с 1881 г. — главный редактор «Правительственного Вестника». Сотрудничал во «Времени», «Эпохе», «Вестнике Европы» и др. изд., 261.

Данилович, Григорий Григорьевич (1825—1906) — генерал-от-инфантерии, военный педагог, 386.

Дарвин, Чарльз (1809—1882) — английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного метода в биологии, автор «Происхождения видов» (пер. под общей ред. И. М. Сеченова, в ботанической части — А. Я. Герда, СПБ. 1867—1868, 7 вып.). Широко популяризировался «Отеч. Зап.» (ср. статью Н. К. Михайловского «Теория Дарвина и общественная наука» — «Отеч. Зап.» 1874, кн. 1 и 3) и «Знанием». Высоко ценился Гаршиным и в пору первых чтений в студенческие годы, под воздействием А. Я. Герда, и впоследствии не переставал привлекать внимание писателя, особенно в разгар русских споров о дарвинизме в связи с книгой Н. Я. Данилевского «Дарвинизм» (СПБ, т. I, ч. 1—2, 1885), 46, 505.

Даргомыжский, Александр Сергеевич (1813—1869) — композитор, автор оперы «Русалка», и др., 36.

Дебур, Мария Дмитриевна — петербургская приятельница Гаршина в 70-е гг., 72, 89, 90, 97, 98, 100, 105, 106, 107, 108, 110, 115, 146, 153, 175, 176, 182, 187, 190, 202, 222, 224, 225, 226, 229, 234, 235, 238, 239, 241, 249.

Делянов, Иван Давыдович (1818—1897) — министр народного просвещения с 16 марта 1882 г., один из столпов дворянской крепостнической реакции 80—90-х гг., 14, 495.

Демчинская, Надежда Ивановна — гражданская жена Н. А. Демчинского, 343, 344, 347, 505.

Демчинский, Николай Александрович (1851—1915) — инженер путей сообщения и литератор, впоследствии известный метеоролог и прожектер, сотрудник реакционной прессы, автор воспоминаний о Гаршине, 343, 344, *350—351*, 352—353, 359, 505, 507.

Дервиз, С. П. — сын известного железнодорожного дельца, давший деньги на поездку С. Я. Надсона за границу, 328, 346, 347.

Диккенс, Чарльз (1812—1870) — английский романист, один из любимейших писателей Гаршина, 70, 245, 260, 408, 425, 490.

Дитятин, Иван Иванович (1847—1892) — профессор Харьковского университета (с 1878 г.) и общественный деятель либерального лагеря, историк русского права, сын калужского мещанина, содержателя каретного извоза в Петербурге; автор книг «Устройство и управление городов России» (1875 г. — магистерская диссертация) и «Городское самоуправление в России до 1870 г.» (1877 г. — докторская диссертация), 150, 466.

*

Дмитриев, Александр Дмитриевич — инспектор I петербургского реального училища, 414, 417, 420, 435.

Дмитрий Иванович — старобельский знакомый Гаршина в 70—80-е гг. 183.

Дмитрий Степанович — см. Акимов, Д. С.

Добролюбов, Николай Александрович (1836—1861) — знаменитый критик и публицист, друг и единомышленник Н. Г. Чернышевского, 333, 499.

Долгорукова, Наталья Владимировна — деятельница революционного движения 60-х гг., привлекалась к дознанию об участниках «Рублевого общества», организованного Г. А. Лопатиным и Ф. Волховским, 32, 448.

Долинин, Федор Капитонович (род. ок. 1856 г.) — приятель Гаршина, студент Горного института, на квартире которого в 1878 г. собирались нелегальные сходки, участник сербо-турецкой войны 1876 г. По распоряжению министра внутренних дел, вследствие политической неблагонадежности выслан 9. VIII. 1878 г. из Петербурга под гласный надзор полиции в Вологодскую губ., а с 21. VIII поселен в Никольске. В марте 1879 г. устроил «праздник с иллюминацией» по поводу покушения на Дрентельна. Как «личность крайне враждебных убеждений», по распоряжению министра внутренних дел от 22. X. 1879 г. выслан в Восточную Сибирь, поселен в Киренске (Иркутской губ.), откуда бежал, но был пойман. За «тайную передачу писем» в 1882 г. выслан в Якутскую область и водворен в Намском улусе. Возвратился из ссылки после 1884 г., 72, 86, 92, 104, 105, 106, 113, 115, 163, 469.

Дорошенко, Алексей Семенович — горный инженер, приятель Гаршина и Латкина; окончил Горный институт в 1876 г. и с этого же года состоял в Главном горном управлении с откомандированием в Бакинское нефтяное общество для технических занятий, 89, 271.

Дорфман, Екатерина Львовна («Катя») — младшая сестра С. Л., 182, 185.

Дорфман, Лев Михайлович — отец С. Л. и Е. Л., 185.

Дорфман, Софья Львовна — петербургская знакомая Гаршина в 70-е гг., слушательница Бестужевских курсов, 180, 181, 182, 185, 197.

Достоевский, Федор Михайлович (1821—1881) — знаменитый романист (об отрицательном отношении к нему Г. см. прим. 150, 156), 177, 178, 216, 237, 260, 292, 304, 449, 466, 485—486, 497, 498, 500.

Драгомиров, Михаил Иванович (1830—1905) — генерал-адъютант, известный военный писатель. В войну 1877—1878 гг. командовал 14-й пехотной дивизией, которая первой в ночь с 14 на 15 июня 1877 г. переправилась через Дунай, 127.

Дрентельн, Александр Романович (1820—1888) — генерал-адъютант, с сентября 1878 г. по февраль 1888 г. — шеф жандармов и главный начальник III Отделения; 13 марта 1879 г. на него было произведено покушение Л. Ф. Мирским, 180, 471.

Дрентельн, Анастасия Сергеевна — сестра Н. С. Дрентельна, 327.

Дрентельн, Екатерина Сергеевна, урожд. Бирюкова — жена Н. С. Дрентельна, 190, 220, 236, 264, 265, 268, 324, 327, 337, 341.

Дрентельн, Елизавета Сергеевна (род. в 1857 г.) — сестра Н. С. Дрентельна; с 1884 г. — врач; впоследствии работала в Харькове и Кисловодске, 236, 266, 341.

Дрентельн, Наташа — дочь Н. С. Дрентельна, 327, 330, 337.

Дрентельн, Николай Сергеевич — петербургский приятель Гаршина; преподаватель земской учительской школы в Петербурге, переводчик книг по физике и химии, 83, *85—86*, *144—145*, *161—162*, 190, 213, 214, 220, 233, 23?, 236, 244, 259, 264, 265, 266, 268, 510.

Дробогухин, Григорий Григорьевич — петербургский знакомый Гаршина в 70-е гг., родственник его приятелей Афанасьевых, 126, 127, 186, 257, 265, 300.

Дубровский, Е. И.— преподаватель I петербургского реального училища в 70-е гг., 441.

Дьяченко, Виктор Антонович (ум. в 1876 г.) — драматург; большую часть жизни провел в Харькове, 403.

Дюков, Николай Николаевич — антрепренер драматической труппы, в Харькове в 70-е гг., пользовавшийся большой популярностью, 101, 103, 166.

Евневич, Ипполит Антонович (1831—1903)— профессор прикладной механики Петербургского технологического института, 85.

Евреинова, Анна Михайловна (1844—1897) — издательница «Северного Вестника» (1885—1890); известная общественная деятельница либерального лагеря; первая из русских женщин, получившая за границей степень доктора прав, 365, 366, 384, 387.

Егор — см. Гаршин, Георгий Михайлович.

Егор Иванович — см. Акимов, Е. И.

Егор Тимофеевич — см. Струков, Е. Т.

Егоровы — петербургские знакомые Гаршина в начале 70-х гг., 411, 423.

«Единица» — литературный псевдоним Кигн, В. Л.

Екатерина Ивановна — знакомая Гаршина в 70-е гг.

Екатерина Сергеевна — см. Дрентельн, Е. С.

Елена Дмитриевна — см. Троцина, Е. Д.

Елизавета Ивановна — см. Латкина, Е. И.

Елизавета Ивановна — см. Малышева, Е. И.

Елизавета Сергеевна — см. Дрентельн, Е. С.

Елисеев, Григорий Захарович (1821—1891) — публицист народнического лагеря, сотрудник «Современника» и «Отеч. Зап.», ведший в обоих журналах «Внутреннее обозрение». После смерти Некрасова (1877) один из трех редакторов «Отеч. Зап.» (совместно с Н. К. Михайловским и М. Е. Салтыковым) до 1881 г., когда, по болезни, отошел от литературной деятельности, 148, 188, 199.

Елисеева, Екатерина Павловна — жена Г. З. Елисеева, 116, 148, 149, 188, 448.

Ермолинский — товарищ Гаршина по реальному училищу; студент Петровской сельскохозяйственной академии в Москве, 191.

Ефимов, Александр — товарищ Гаршина по Горному институту; организатор студенческих естественно-научных «четвергов», собиравшихся на его квартире, 62, 63.

Ефимов, Иннокентий — товарищ Гаршина по реальному училищу; студент Петровской сельскохозяйственной академии в Москве, 191, 316.

Жандр, Николай Павлович — писатель, автор исторических драм в стихах «Нерон» и «Марфа Посадница», 404.

Железнов, Андрей Кириллович (1860—1891), псевдонимы: «Аввакум Иеризанский», «Благовещенский», «Водолей» — очеркист и фельетонист, сотрудник «Минуты», «Сына Отечества», «Петербургского Листка», «Эхо», 375, 516.

Жемчужников, Аполлон Александрович (1839—1891) — земский деятель и журналист, сотрудничал в «Отеч. Зап.», в 1876 г. издавал газету «Молва», а в 1878—1879 гг.— вместе с крупным золотопромышленником К. М. Сибиряковым — журн. «Слово». Привлекался к дознанию по подозрению в печатании революционных прокламаций в типографии «Слова», а также в связи с покушением А. К. Соловьева на Александра II, 70, 82, 457, 464.

Женя — см. Гаршин, Е. М.

Женя — см. Пузино, Е. О.

Жорж — см. Гаршин, Георгий Михайлович.

Жук — член правления Новгородской железной дороги в 80-е гг., 348.

Жуковский, Василий Андреевич (1783—1852)—знаменитый поэт, 13.

Жюдик (Judique) Анна — парижская актриса, дебютировавшая в Петербурге на сцене оперы «Буфф» в 70-е гг., 38, 453.

Завадский, Петр Васильевич (род. ок. 1835 г.—ум. в конце 70-х гг.)— домашний учитель Гаршиных, второй муж Е. С. Гаршиной, член тайного общества, основанного в Харькове в 1855 г. Я. Н. Бекманом и М. Д. Муравским «с целью произведения переворота существующего образа правления в России». Арестованный 26. I. 1860 г., содержался в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, а затем по постановлению следственной комиссии был выслан в Олонецкую губернию под надзор для определения на службу в одном из уездных городов. Жил сначала в Каргополе, а затем в 1862 г. в Петрозаводске, где служил чиновником Олонецкого губернского правления. В июле 1862 г. был снова арестован и 29 июля заключен в Петропавловскую крепость вторично, где и содержался до 22. I. 1863 г. По постановлению следственной комиссии от 18. I. 1863 г. был возвращен на место ссылки под усиленный надзор, 12, 13, 447—448.

Завистовская, Варвара Николаевна, урожд. Коротнева — дальняя родственница Гаршиных, 176.

Зайончковская, Надежда Дмитриевна (1825—1889) (псевд. В. Крестовский), урожд. Хвощинская—романистка; сотрудница «Отеч. Зап.», 239, 320, 330, 332, 424, 486, 502.

Зак, А. И. — директор царскосельского банка в 80-е гг., 49.

Запорощенко — петербургский знакомый Гаршина 70-х гг., 142.

Засодимский, Павел Владимирович (Вологдин) (1843—1912) —беллетрист-народник; сотрудничал в «Деле», «Отеч. Зап.», «Русском Богатстве»; автор «Хроники села Смурина» (1874), популярной в народнических кругах. Впоследствии детский писатель, 209, 241, *379*, 457, 465, 475.

Засулич, Вера Ивановна (1851—1919) — видная деятельница «Черного передела», группы «Освобождение Труда» и Р. С.-Д. Р. П. Стреляла 24. I. 1878 г. в Петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова за наказание розгами, по его распоряжению, политического арестанта А. П. Боголюбова (Емельянова). После вынесения оправдательного приговора судом присяжных 31. III. 1878 г. бежала за границу, 151, 154, 466—467.

Зварыкины — ученики Е. М. Гаршина, 299, 300, 302.

Звонарев, Семен Васильевич (ум. в 1875 г.) — петербургский книгопродавец, 430, 432.

Зилотти, Илья Матвеевич, штабс-капитан—непременный член уездного по крестьянским делам присутствия в Старобельске в 70-е гг.; впоследствии предводитель дворянства и председатель Старобельской земской управы, 29, 452.

Зинаида Евграфовна—см. Каблукова З. Е., урожд. Золотилова,— тетка Н. М. Гаршиной.

Зинаида Ивановна («Зина») — подруга Р. В. Александровой, невесты Гаршина, 62, 64, 69, 111, 115.

Зиновьев—знакомый Гаршина, студент Академии художеств, исключенный в 1877 г., 112.

Златовратский, Николай Николаевич (1845—1911) — беллетрист-народник; сотрудник «Отеч. Зап.» и редактор «Русского Богатства», автор «Устоев. История одной деревни» (1878—1882) и др., 333, 473, 475, 487.

Зола, Эмиль (1840—1902) — французский романист, вождь и теоретик «натурализма», широко популярный в России в 70-е гг., 154, 318, 508.

Золотилова, Варвара Михайловна («Варя») — дочь З. Ф. и М. Д. Золотиловых, умершая в 1886 г., 192, 312, 383, 520.

Золотилова, Вера Константиновна (1860—1889) — кузина Н. М.

Гаршиной («Боба»), впоследствии женщина-врач; умерла от сыпного тифа, 189, 215, 287, 289, 312, 313, 318, 322, 323, 340, 341, 371.

Золотилова, Вера Михайловна — см. Гаршина, В. М.

Золотилова, Зинаида Евграфовна — см. Каблукова, З. Е.

Золотилова, Зинаида Федоровна, урожд. Никонова — жена М. Д. олотилова, 383, 387.

Золотилова, Надежда Михайловна — см. Гаршина, Н. М., — жена писателя с 23. II. 1883 г.

Иван Егорович — см. Малышев, И. Е.

Иван Михайлович — см. Латкин, И. М.

Иван Тимофеевич — см. Струков, И. Т.

Иван Федорович — см. Гергейст, И. Ф.

Иваненковы — дальние родственники Гаршиных, 180.

Иванов, Владимир Александрович — сослуживец Г. в 80-е гг., 349, 355, 391.

Илларионов — прототип в одной из задуманных Гаршиным повестей, 169, 470.

Иозефович, Александр Александрович (1849—193?) — владелец «Публичной библиотеки и кабинета для чтения» в Харькове, издатель «Южного Края» (1880—1917), впоследствии известный черносотенный публицист, 177, 213, 265, 269, 272, 488.

Иолшина, Ольга Александровна, псевд. «Антонина Белозор», «Провинциал», «Очевидец» — беллетрист и детская писательница; сотрудничала в «Живописном Обозрении», «Роднике», «Новостях», «Петербургском Листке», «Петербургской Газете», «Минуте» и др. Автор сборников рассказов для детей «Были и небылицы» и «Рассказов бабушки-всезнаюшки», 373—374, 515.

Исполатов, Василий Николаевич — газетный работник; изредка сотрудничал в «Деле», «Отеч. Зап.», «Слове». С 1883 г. — постоянный сотрудник «Нового Времени» по иностранному отделу, а с 1885 г., «Петербургских Ведомостей» по тому же отделу, 366, 512.

Ительсон, Григорий Борисович — студент Петербургского университета в 80-х гг., большой эрудит в области философии и деятельный участник философских диспутов. Прослушав несколько факультетов — ни одного не окончил. На средства С. П. Дервиза уехал в Берлин изучать философию (сообщ. Е. М. Гаршина), 289.

Каблукова, Зинаида Евграфовна, урожд. Золотилова — тетка Н. М. Гаршиной, 384.

Каблукова, Катя — кузина Н. М. Гаршиной, 388.

Кавелин, Константин Дмитриевич (1818—1885) — правовед, социолог и публицист, один из виднейших представителей буржуазно-дворянского либерализма 50—60-х гг., впоследствии член редакции «Петербургских Ведомостей» и один из ближайших сотрудников «Вестника Европы», 47.

Кадмина, Евлалия Павловна (1853—1881) — провинциальная оперная и драматическая актриса, прототип «Клары Милич» Тургенева, 228, 484—485.

Казимир («Казя») — ученик Гаршина в 1878 г., 151, 175.

Каирова, Настастья Васильевна (1844—1888) — журналистка и переводчица; в 1876 г. судилась за покушение на убийство из ревности своей соперницы. В 1877—1878 гг. была корреспонденткой «Нового Времени»; в начале 80-х гг. сотрудничала в «Голосе», 353.

Каменев — преподаватель черчения I петербургского реального училища в 60-е гг., 406.

Каменецкий — старобельский знакомый Гаршина в 70-е гг., 406.

Каменская, Мария Даниловна — певица, артистка Мариинского театра с 1874 по 1886 г., 36, 71.

Каменский, Андрей Васильевич — приятель Г. И. Успенского, управляющий Бакинским нефтяным обществом, близкий к народническим кругам, 266, 299.

Кант, Иммануил (1724—1804) — немецкий философ, 151.

Каразин, Николай Николаевич (1842—1908) — беллетрист и иллюстратор, с 1862 по 1871 г. служил в войсках туркестанского военного округа; в 70—80-е гг. деятельно сотрудничал в «Деле», выдвинувшись как автор военно-колониальных романов — «В пороховом дыму» («Дело» 1877—1878) и др., 141, 152, 288.

Карамзин, Николай Михайлович (1766—1826) — знаменитый историк, автор официозно-дворянской «Истории Государства Российского», 292.

Карлос, Мария де Лос-Долорес («Дон Карлос») (1848—1909) — герцог мадридский; претендент на испанский престол; глава реакционной партии («карлисты»), поднимавшей восстания в Испании в 1872—1876 гг., 34.

Карнович, Евгений Петрович (1823—1885) — исторический романист и публицист умеренно-либерального лагеря; с 1865 по 1871 г. — сотрудник «Голоса», в 1875—1876 гг. — редактор «Биржевых Ведомостей», 261.

Карпов — техник, петербургский знакомый Гаршина в 70-е гг., 48.

Каррик, Вильям Андреевич (18??—1878) — англичанин, петербургский фотограф-художник 70-х гг., близкий к кругам передвижников; последние работы его собраны в «Альбоме фотографических снимков с картин русских художников» (СПБ. 1879), 47, 59, 61, 62, 64, 96, 168.

Каррик, Григорий («Гриша»), — сын А. Г. Маркеловой, 336.

Каррик, Егор Андреевич — петербургский врач, 72, 74, 170.

Катерина Поликарповна — см. Пузино, Е. П.

Катков, Михаил Никифорович (1818—1887) — публицист, редактор «Русского Вестника» и «Московских Ведомостей», один из идеологов воинствующего национализма и дворянско-крепостнической реакции 70—80-х гг., 243, 295, 296, 487, 516.

Катя — см. Дорфман, Е. Л.

Катя — Катерина Орестовна — см. Мартьянова, Е. О.

Кауфман, Николай Николаевич (1834—1870) — ученый ботаник; профессор Московского университета 60-х гг., автор «Московской флоры», 105, 106, 427, 428.

Квитка, Семен Кузьмич — приятель Гаршина, студент Горного института, история болезни которого использована в рассказе «Трус». Окончил институт в 1879 г. по первому разряду и с 1880 г. состоял в Главном горном управлении с откомандированием на Бакинские керосиновые заводы, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 84, 96, 97, 98, 106, 170, 457.

Кетле, Ламберт-Адольф-Жан (1796—1874) — бельгийский математик и статистик, основатель современной математической статистики, автор книг «Социальная система и законы, ею управляющие» (СПБ. 1866) и «Человек и развитие его способностей или опыт общественной физики» (2 тт., СПБ. 1865), 415.

Кетлинский — студент Горного института в 70-е гг., 74.

Кигн, Владимир Людвигович (1856—1908), псевдонимы «В. Дедлов» и «Единица» — беллетрист, критик и публицист право-народнического лагеря; с 1876 г. — постоянный сотрудник «Недели»; автор книги «Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции» (СПБ. 1888), отрицательно оцененной Г.; впоследствии чиновник министерства внутренних дел и сотрудник официозно-консервативных изданий, 339, 354, 504

Киль, барон — горный инженер, рядовой 4-й роты 138-го Болховского полка в войну 1877—1878 гг., 121.

Кинэ (Quinet) Эдгар (1803—1875) — французский историк и публицист, мелкобуржуазный демократ; противник бонапартистской империи, участник женевского конгресса «Лиги мира и свободы» 1867 г., автор «Le siège de Paris et la Défense Nationale» (1871), 439.

Киреев, Николай Алексеевич (1841—1876) — отставной штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка, лидер петербургских славянофилов, отправившийся добровольцем в Сербию в самом начале сербо-турецкой войны и убитый при штурме турецких позиций у сел. Раковицы, 90, 91.

Кирилл Иванович — квартирохозяин Гаршиных в 80-е гг., 273, 287.

Кирпичников, Александр Иванович (1845—1903) — историк литературы; с 1879 по 1885 г. — профессор Харьковского университета, 219, 489, 490.

Кислаковская, Елизавета Петровна — жена инженера путей сообщения, дальнего родственника Гаршина, 180.

Кислинский, Николай Васильевич — товарищ Е. М. Гаршина, живший с ним на одной квартире, 332, 333, 335, 336.

Клейнгеннги — знакомые Гаршиных 70-х гг., 64.

Клиндворт, Карл — профессор Московской консерватории с 1868 по 1884 г., пианист и дирижер, 164.

Кобеко, Дмитрий Фомич (1837—1918) — историк, деятельный член Комитета Литературного фонда в 80-х гг., впоследствии член Государственного совета и директор Публичной библиотеки, *378*, 512.

Кобылянский, Дидим Павлович — управляющим Новгородской жел. дор. в 80-е гг., 348.

Кок, Поль, де (1794—1871) — французский писатель, автор многочисленных романов из жизни парижского мещанства, студентов, гризеток и пр., 270.

Кокшаров, Николай Иванович (1818—1892) — известный кристаллограф и минералог, директор Горного института с 1872 по 1881 г., 20.

Колударова, Анастасия Андреевна — знакомая Гаршиных в конце 70-х гг., 164, 190, 202, 534.

Коля — см. Акимов, Коля.

Коля — см. Пузино, Н. О.

Комиссаржевский, Федор Петрович (1838—1905) — артист Мариинского театра (лирический тенор) с 1863 по 1880 г,; отец впоследствии знаменитой артистки В. Ф. Комиссаржевской, 404.

Кондратьев — артист Мариинского театра в 70-х гг., 81, 404.

Коновалов, Дмитрий Петрович (1856—1929) — известный химик, товарищ Гаршина по Горному институту. Поступив в институт в 1873 г., окончил последний в 1878 г. с званием горного инженера. В 1880 г. отправился в научную поездку за границу, а по возвращении в 1882 г. был избран лаборантом по кафедре аналитической химии Петербургского университета Д. И. Менделеева, впоследствии директор Палаты мер и весов и академик, 64, 80, 97, 98, 106, 249.

Кононова — старобельская знакомая семьи Гаршиных начала 70-х гг., 427.

Конради, Евгения Ивановна (1838—1898) — публицистка и переводчица. В 1868 г. редактировала «Неделю», а с 1869 г. вместе с П. А. Гайдебуровым и Ю. А. Росселем стала собственницей этой газеты до 1874 г., когда отказалась от участия в ней. Сотрудничала в «Молве» В. А. Полетики (1879—1881), «Вестнике Воспитания и Обучения», «Северном Вестнике» и др. изд., 191.

Константин Николаевич (1827—1892) — великий князь, 388.

Константин Орестович («Костя») — см. Пузино, К. О.

Кончаловская, Серафима Петровна — харьковская акушерка, привлеченная 16. XI. 1879 г. к дознанию о пропаганде среди крестьян Изюмского уезда Харьковской губ.; в 80-х гг. находилась под надзором полиции, 90, 418, 419, 422, 425, 426, 427, 435.

Кончаловский, Петр Петрович (1843—1904) — мировой судья Купянского уезда, Харьковской губ., арестованный в июне 1879 г. за пропаганду среди крестьян. По распоряжению харьковского ген.-губернатора «в виду крайней политической неблагонадежности и вредного

влияния» выслан в Архангельскую губ. и водворен с 19. VII. 1879 г. в Холмогорах; впоследствии известный московский переводчик и издатель, 21, 25, 26, 31, 37, 54, 71, 90, 191, 403, 410, 412, 413, 418, 419, 420, 421, 422, 425, 426—427, 429, 430, 435, 449, 473, 531.

Коппе, Франсуа (1842—1908) — французский поэт, в начале своей деятельности идеологически близкий социалистам-утопистам 40—60-х гг., 299, 301.

Копсович, Николай Альбертович — преподаватель французского языка в I петербургском реальном училище, 417.

Корвин-Круковский, Пьер (1850—1899) — журналист, парижский корреспондент «Голоса», автор пьесы из русской жизни «Les Danicheff» (1875), имевшей большой успех на парижской сцене; он же автор «Le théâtre en Russie depuis ses origines jusqu'à nos jours» (1890), 103, 460.

Короленко, Владимир Галактионович (1853-1921) — беллетрист и публицист народнического лагеря; с осени 1871 г. — студент Петербургского технологического института, а с 1874 по 1876 г. — Петровской академии в Москве; за участие в студенческих кружках в 1876 г. арестован и выслан в Вологодскую губ. После возвращения в Петербург, за связи с революционерами, подвергался арестам в 1878 и 1879 гг., после чего был в ссылке в Вятской губ., в Перми, в Якутской области. Литературную деятельность начал в 1879 г. в «Слове». Автор «Сна Макара» (1885), «Старого звонаря» (1885), «Слепого музыканта» (1886) и других, объединенных в «Очерки и рассказы», кн. 1 (М. 1886), положительно оцененных Гаршиным. Впоследствии член редакции «Русского Богатства» и один из основателей партии «народных социалистов». Автор статьи о Гаршине в «Истории русской литературы XIX в.», 232, 375, 457, 465, 473, 516.

Коропчевский, Дмитрий Андреевич (1842—1903) — антрополог, переводчик Тайлора и Леббона, редактор «Знания» и «Слова». Автор популярных работ по первобытной культуре, с конца 80-х гг. — беллетрист, сотрудник «Наблюдателя», «Труда» и др. 200, 202, 458, 464.

Коротнев, Григорий Николаевич («Гриша») — дальний родственник Гаршина, 165, 176.

Коротнева, Лидия Николаевна (1863—1919) — дальняя родственница Гаршина, встречавшаяся с ним в 1878 г. в «Окуневых Горах» (имение тетки Г. в Орловск. губ.), впоследствии гражданская жена тенора Закржевского; с начала 900-х гг. — член партии социалистов-революционеров, работала в Казани, умерла от тифа в тюрьме (справка О. Н. Хохловой), 242, 487.

Корф, Николай Александрович, барон (1834—1883) — помещик Александровского уезда Екатеринославской губ.; земский деятель умеренно-либерального лагеря, известный организатор народных школ, педагог и литератор, составитель учебных пособий, книг для детского чтения и методических руководств по начальному обучению. Осенью 1882 г. подвергся травле в реакционной печати, как «материалист», «утилитарист» и «безбожник», 275, 279—282, 494, 495—496.

Корш, Валентин Федорович (1828—1883) — публицист либерального лагеря, редактор «СПБ. Ведомостей» с 1862 по 1873 г. и «Заграничного Вестника» (1882—1883); сотрудник «Голоса» и «Вестника Европы», 35, 47, 257, 265, 268, 269, 451, 452, 493.

Косицкая — артистка Мариинского театра в 70-е гг., 36.

Костромитина, Александра Егоровна (ум. в нач. 80-х гг.) — тетка Гаршина по отцу, в имении которой («Окуневы Горы», Ливенского уезда Орловской губ.), вместе с матерью и братом Евгением, Гаршин гостил летом 1878 г., 157, 162, 187, 189, 487.

Котомин, Антон Михайлович (18??—1906) — общественный деятель либерального лагеря, учредитель мастерских для интеллигентных женщин; владелец типографии, где печатались «Рассказы» Гаршина в 1882 г., 37, 492.

Кочубей, Лев Михайлович, князь (род. 1862 г.) — ученик Гаршина, прототип Сицкого в одной из неоконченных повестей, 66, 78, 79, 80, 82, 108, 458.

Краевич, Константин Дмитриевич (1833—1892) — педагог, автор популярных учебников физики и математики, издатель педагогического журнала «Семья и Школа» (1876—1882), 171, 175, 176, 194, 195.

Краевский, Андрей Александрович (1810—1889) — журналист, крупнейший литературный предприниматель второй половины XIX в., редактор-издатель «Отечественных Записок» (1838—1867), «Литературной Газеты» (1840—1846), «Русского Инвалида» (1847—1852), «СПБ. Ведомостей» (1852—1862), «Голоса» (1863—1883); в 60—80-х гг. пользовался репутацией политически беспринципного «литературного промышленника», 93.

Крамской, Иван Николаевич (1837—1887) — знаменитый художник; идеолог и вождь «Артели свободных художников», порвавших в 1863 г. с Академией художеств, а с 1870 г. объединенных в «Товарищество передвижных выставок» (Г. Г. Мясоедов, В. Г. Перов, И. Е. Репин, Н. Н. Ге, Ярошенко и др.), *153—154*, *155*, 157, 393, 467—469, 522.

Красносельский, Адольф Исаакович — критик, сотрудник «Отеч. Зап.» 80-х гг. и «Вестника Европы», автор статьи «Опыт генеалогии современного псевдо-реалистического романа» («Отеч. Зап.» 1884, I и II), 255.

Крачковский, Иосиф Евстафиевич (1854—1914) — художник-пейзажист, с 1871 по 1879 г. — ученик Академии художеств, впоследствии академик, 112, 168, 180, 200.

Кремянский, Яков Семенович — терапевт, профессор Харьковского университета в 70—80-е гг., 223, 226.

Крестовский, В. — см. Зайончковская, Н. Д.

Кривенко, Сергей Николаевич (1847—1906) — публицист народнического лагеря, сотрудник «Отеч. Зап.», где с 1881 г. вел внутреннее обозрение. Сотрудничал в нелегальном «Листке Народной Воли», был одним из организаторов Красного Креста «Народной Воли» и автором нелегальных брошюр «От русских революционеров к русскому обществу» и «Чего ожидать от коронации». Арестованный 3. I. 1884 г. по указанию С. П. Дегаева, в своих показаниях отмежевался от «Народной Воли». По «высочайшему» повелению от 3. VII. 1885 г. был сослан в Вятскую губ. на три года. По возвращении в Петербург принимал ближайшее участие в «Русском Богатстве», на страницах которого одним из первых выступил против русских марксистов, 166, 171, 175, 176, 188, 200, 213, 222, 246, 266, 268, 269, 307, 308, 310, 313, 315, 324, 336, 337, 341, 371, 461, 474, 475, 481, 486, 499, 501, 503, 505, 515.

Кривенко, Людмила Николаевна — жена С. Н. Кривенко, 237, 242, 371, 515.

Кривенко, Надя — дочь С. Н. Кривенко, 175, 208.

Кривкова, Маша — харьковская знакомая Гаршина, 167.

Кронеберг — петербургский чиновник, процесс которого вызвал большой шум в печати 1875 г., 63, 456.

Кудиш — харьковская знакомая Гаршина 70-х гг., 167.

Кузмин — ученик I петербургского реального училища 70-х гг., 426.

Куинджи, Архип Иванович (1842—1910) — живописец-пейзажист; с 1877 г. — член «Товарищества передвижных выставок», автор «Забытой деревни» (1874), «Степи» (1875), «Чумацкого тракта» (1875), «Украинской ночи» (1876) и др., 36, 270.

Кулешов, М. Н. — харьковский литератор-самоучка, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; земляк и сослуживец Гаршина, автор воспоминаний, *143*, 463.

Кулябко-Корецкий, Николай Егорович — помощник редактора киевской газеты «Заря» в 80-х гг., 374, 516.

Куликов — харьковский гимназист 70-х гг., 43.

Курбский, Андрей Михайлович, князь — публицист XVI ст., 185.

Курмаков, Николай Николаевич — горный инженер, уехавший добровольцем в Сербию в 1876 г.; впоследствии директор Горного департамента, 89, 97.

Курочкин, Николай Степанович (1830—1884) — журналист и переводчик, брат известного поэта; сотрудник «Современника» и «Отеч. Зап.», 172, 448, 464, 487.

Кюи, Цезарь Антонович (1835—1916) — композитор и музыкальный критик; член кружка музыкантов, объединявшего М. А. Балакирева, М. П. Мусоргского и Н. А. Римского-Корсакова («могучая кучка»); сотрудник «СПБ. Ведомостей», 47, 63, 69.

Лавров, Петр Лаврович (1823—1900), псевд. Миртов, — публицист и социолог, виднейший теоретик революционного народничества, автор «Исторических писем» (СПБ. 1870; первоначально — в «Неделе» 1868—1869 гг.), член I Интернационала, эмигрант. В 1873—1876 гг. — издатель и редактор эмигрантского кружка «Вперед», в 1883—1886 гг. — соредактор «Вестника Народной Воли», 48, 51, 456, 461.

Лавровская, Елизавета Алексеевна — певица (контральто), пользовавшаяся в 70-е гг. громадной популярностью в России и за границей; впоследствии — профессор московской консерватории, 39, 40.

Ладыженская, Варвара Васильевна, по мужу Сомова (род. в 1854 г., ум. в 18??) — писательница 80-х гг., 213, 214.

Ладыженский, Митрофан Васильевич — брат В. В. Ладыженской, приятель Евг. Мих. Гаршина; служил старшим лесничим в Туле, а в 1884—1886 гг. — начальником отделения Лесного департамента, 319, 331, 332, 481—482.

Ламартин, Марк-Луи-Альфонс (1790—1869) — французский поэт, романтик и политический деятель либерально-буржуазного лагеря; в революцию 1848 г. — министр иностранных дел временного правительства, 228.

Ландсберг, Карл Федорович — прапорщик лейб-гвардии саперного батальона, зарезавший 25. V. 1879 г. ростовщика Власова и его служанку, 184, 472.

Ланской, А. А. — знакомый Г. начала 80-х гг., 268.

Лассаль, Фердинанд (1824—1864) — немецкий публицист и политический деятель, организатор «Всеобщего немецкого рабочего союза» (1863), 34, 420, 421.

Латкин, Василий Михайлович — брат приятеля Гаршина, председатель Усть-Сысольской земской управы, 89, 97, 197, 199.

Латкин, Владимир Михайлович («Володя») (род. 25. VII. 1854 г.) — горный инженер, товарищ Гаршина по реальному училищу и Горному институту, который окончил в 1879 г. по первому разряду; ныне научный сотрудник Палаты мер и весов, 21, 23, 24, 28, 29, 30, 38, 39, 40, 45, 46, 48, 50—54, 57—62, 64, 66, 72, 73, 76, 80—84, 86, 89, 91, 94—99, 102, 105, 106, 108—111, 113, 117, 122—129, 132, 136, 138, 145, 153, 154, 164, 167, 176, 183, 184, 186, 188, 190, 192, 196, 197—200, 211, 212, 222, 223, 224, 226, 235, 238, 241, 249, 251, 252, 256, 268, 269, 270, 271, 274, 282, 289, *292*, *295—296*, 301, *304—305*, *309*, 311, 333, 335, *336*, 337—340, 343, 344, 345, *349*, *350—351*, *352—353*, 354, 356—357, 358—359, 360, 416, 418, 423—431, 433, 434, 436, 437, 442, 443, 460, 527.

Латкин, Вячеслав Васильевич — пианист и художник, двоюродный брат В. М. Латкина, сын богатого золотопромышленника, веселый прожигатель жизни, 45—50, 53.

Латкин, Иван Михайлович — брат приятеля Гаршина, 48, 150, 165, 196.

Латкин, Михаил Михайлович — брат приятеля Гаршина, секретарь Усть-Сысольской земской управы, 25, 88, 91, 97, 146.

Латкин, Михаил Николаевич — отец приятелей Гаршина, 431.

Латкина, Елизавета Ивановна — жена Вас. М. Латкина, разошедшаяся с ним в 1876 г., 32, 88, 91, 92, 94, 99, 102, 423, 435.

Латкина, Магдалина Михайловна, «Линочка» (1861—1911) — сестра приятеля Гаршина, слушательница Высших женских курсов, преподавала в школах для рабочих, впоследствии учительница истории в Саратовском институте и начальница бакинской женской гимназии, 60, 91, 102, 146, 153, 186, 188, 205, 220, 225, 226, 229, 236, 241, 242, 244, 249, 255, 260, 262, 269, 271, 274, 318, 324, 333, 339, 341, 346.

Латкина, Мария Васильевна — жена Мих. Мих. Латкина, 88, 97.

Латкина, Нина Михайловна — см. Герд, А. М.

Латкина, Прасковья Андреевна — мать приятеля Гаршина, 47, 60, 81, 91, 97, 165, 186, 199.

Латышева — содержательница женской гимназии в Петербурге в 70-е гг., 54.

Лашкевич, Валериан Григорьевич (1835—1888) — профессор Харьковского университета, директор терапевтической клиники, 227.

Лебедев — петербургский знакомый Г., 293.

Лебедев, Николай Афанасьевич (1813—1896) — педагог, беллетрист и публицист умеренно-либерального лагеря. Литературную деятельность начал в 1846 г., сотрудничал в «Иллюстрации» Н. Кукольника, «Литературной Газете» и «Иллюстрации» В. Р. Зотова, «Северной Пчеле», «Гражданине», «Русской Старине» и др. С 1877 по 1880 г. исполнял обязанности ответственного редактора «Новостей»; впоследствии — редактор-издатель газеты «Производитель и Промышленник», 380, 519.

Лебедева, Екатерина Эпаминондовна - издательница, 254, 349.

Левандовский, Африкан Гаврилович — прив.-доц. Харьковского университета по кафедре классической филологии; директор III харьковской гимназии в 70 е гг., 51, 90.

Левитов, Александр Иванович (1835—1877) — беллетрист-народник; автор «Степных очерков» (1865) и «Горя сел, дорог и городов» (1874), 333.

Ледебур, Карл-Фридрих (1785—1851) - немецкий ботаник, автор работы о флоре России («Flora Rossica», Штутгарт 1842—1853), 106.

Лейкин, Николай Александрович (1841—1906) — писатель, автор известных юмористических рассказов из купеческого быта, редактор журнала «Осколки», один из деятельнейших участников литературных вечеров Пушкинского кружка и Литературного фонда, 308, 371, 517.

Леонидов — артист Мариинского театра в 70-х гг., 408.

Лермонтов, Михаил Юрьевич (1814—1841) — поэт, 13, 93, 148, 228, 434, 436, 459, 466, 509.

Лессинг, Готгольд-Эфраим (1729—1781) — немецкий писатель, основоположник немецкой буржуазной драмы, автор «Гамбургской драматургии» (1767), высоко ценимый Чернышевским и популяризированный им в России, 198.

Лида — см. Давыдова, Л. К., 364.

Лидтке, Елизавета Федоровна — дочь профессора прикладной математики Московского университета Ф. И. Чумакова, пользовавшаяся пособием от Литературного фонда по представлению Гаршина в 1886 г., 371, 515.

Лиза — см. Пузино, Елизавета Орестовна.

Линда, Дмитрий Иванович — старший ревизор Харьковской контрольной палаты, 202.

Линочка — см. Латкина, М. М.

Липгард, К. И. — бумажный фабрикант, на службе у которого Г. был в 1882 г., 289, 297, 330, 497.

Лисенко, Конон Иванович — профессор Горного института по кафедре химии с 1862 по 1891 г., 151.

Лист, Франц (1811—1886) — пианист и композитор, 46, 56, 76.

Лихачев, Владимир Иванович (1837—1906) — ученый юрист и обще-

ственный деятель, приятель М. Е. Салтыкова; в 70-е гг. был товарищем председателя петербургского окружного суда. В 1876 г. вместе с А. С. Сувориным купил «Новое Время», но вскоре же от участия в газете отошел; впоследствии — сенатор, 67.

Ломоносов, Михаил Васильевич (1711—1765) — поэт и ученый, 441.

Лорис-Меликов, Михаил Тариелович (1825—1880) — генерал-адъютант; с 12 февраля по 6 августа 1880 г. — главный начальник верховной распорядительной комиссии, а с 6 августа 1880 г. по 4 мая 1881 г. — министр внутренних дел, программа которого имела целью ликвидацию революционного движения путем привлечения на сторону правительства умеренно-либеральной общественности, *207*, 471, 475-479, 526.

Любен, А. — немецкий ботаник, труды которого послужили источником «Руководства к систематическому изучению ботаники для школ и самообучения» А. Бекетова, СПБ. 1868, 435, 436.

Людвиг Иванович — см. Прохаско, Л. И.

Людмила Николаевна — см. Кривенко, Л. Н.

Маак, Карл Карлович — преподаватель немецкого языка I петербургского реального училища, 402, 407, 408, 427, 431.

Мавра Федоровна — см. Афанасьева, М. Ф.

Магдалина Михайловна — см. Латкина, М. М.

Мазинг — преподаватель черчения I петербургского реального училища в 70-е гг., 406.

Майков, Аполлон Николаевич (1821—1897) — поэт консервативно-дворянского лагеря, сотрудник «Русского Вестника» и «Гражданина», член Комитета иностранной цензуры, 304, 331.

Макулова, Екатерина Александровна, княжна (1840—1896) — член Слепцовской коммуны, участница нелегального «Рублевого общества», раскрытого в 1868 г., петербургская знакомая Гаршина, 32, 417, 419, 421, 448.

Макухин, Сергей Павлович — генерал-майор, бывший харьковский губернский воинский начальник, впоследствии живший в Петербурге, 100, 105, 152.

Малышев, Иван Егорович (1840—1882) — старший брат художника, банковский служащий, 38, 49, 50, 114, *117*, *123*, 124, *135—136*, *141—142*, 146, 195, 247, 256, 257, 267.

Малышев, Михаил Егорович (1852—1912) — живописец и иллюстратор, один из самых близких приятелей Гаршина. Окончил I петербургское реальное училище, а с 1871 по 1876 г. учился в Академии художеств. Был участником кружка молодых художников («пятницы»), в которые ввел и Гаршина и где завязались знакомства и связи последнего с кругами, близкими к «передвижникам» (Ярошенко, Савицкий и др.). Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., куда последовал вслед за Гаршиным. Первым выступлением Малышева как художника была картина «В Болгарии. Эпизод войны 1877—1878 г.» (1879), приобретенная в Третьяковскую галлерею; в дальнейшем Малышев участвовал на передвижных выставках: 10-й (1882) — картины «На даче»; 16-й (1888) — «Оконченная картина», «Холостяк»; 17-й (1889) — «По дачам»; 18-й (1890) — «Лесник»; 19-й (1891) — «Старинная песенка», «Папины картины»; на академических 1886 г. — «Невеселые думы»; 1887 г. — три пейзажа и жанр «Друзья»; 1893 г. — «Николаевец», «Решительный шаг»; на 7-й выставке «Общества выставок художественных произведений (1883) — «Первый дебют» и др. Оставаясь «экспонентом» у «передвижников», Малышев был членом второстепенного «Общества петербургских художников», на выставках которого, в Петербурге и Москве, он участвовал вплоть до смерти, пытаясь перейти, но неудачно, к исторической живописи. Как иллюстратор, Малышев известен сотрудничеством в «Стрекозе», рисунками к «Капитанской дочке» в изд. Павленкова, к отдельному изданию «Четырех дней»

(1886). Был одним из художественных редакторов сб. «Памяти Гаршина» (1889), где поместил ряд иллюстраций и воспоминания о Г., 22, 23, 24, 27, 28, 34, 36, 38, 39, 44, 81, 89, 98, 112, 137, 142, 148, 151, 168, 174, 175, 178, 189, 192, 197, 214, 221, 222, 227, 229, 233, 247, 253, 257, 262, 265, 267, 287, 293, 294, 295, 296, 297, 299, 300, 316, 346, 347, 463, 475—477, 502.

Малышева, Елизавета Ивановна — учительница, родственница приятеля Гаршина, 90.

Манасеин, Вячеслав Авксентьевич (1841—1901) — известный терапевт, публицист и общественный деятель либерального лагеря, профессор Военно-медицинской академии, редактор газеты «Врач», популярной в 80-е гг.; с 1867 г. — один из деятельнейших членов Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, 329, *366*, 380, 512, 515, 521.

Манн, Ипполит Александрович (1823—1894) — драматург и критик, сотрудник «СПБ. Ведомостей», «Отеч. Зап.» 50-х гг., «Голоса» и др. изд.; автор направленных против «нигилистов» и радикалов комедий «Паутина» (1867), «Говоруны» (1868), «Общее благо» (1870), 403.

Мария Александровна — см. Российская, М. А.

Мария Валентиновна — см. Ватсон, М. В.

Мария Васильевна — см. Латкина, М. В.

Мария Дмитриевна — приятельница А. М. Евреиновой, 384.

Мария Дмитриевна — см. Дебур, М. Д.

Мария Николаевна — см. Александрова, М. Н.

Мария Николаевна (1819—1876) — дочь Николая I; президент Академии художеств и председательница «Общества поощрения художеств», 64.

Мария Петровна — см. Пузино, М. П.

Маркевич, Болеслав Михайлович (1822—1884) — реакционный публицист, автор повестей из великосветской жизни и контр-революционных романов. Служил чиновником особых поручений при министре нар. просв. графе Д. А. Толстом и в 1875 г. был уволен от должности за участие в неблаговидной сделке при сдаче в аренду казенных «СПБ. Ведомостей», 35, 452—453.

Маркелова, Александра Григорьевна (род. ок. 1835 г.—ум. в 1916 г.) — жена В. А. Каррика, переводчица, сотрудница «Дела», «СПБ. Ведомостей» В. Ф. Корша, детская писательница; в молодости член Слепцовской коммуны, с 1865 г. проживала под негласным надзором полиции по поводу «заявления ею учения своего о нигилизме», 26, 46, 47, 54, 59, 166, 191, 336, 409, 417, 419, 420, 421, 423, 428, 435, 436, 439, 448, 455.

Мартьянов, Александр Миронович — петербургский знакомый Гаршина середины 70-х гг., муж Кати Пузино; впоследствии жил в г. Николаеве, 53, 54, 59, 66, 72, 73, 93, 163, 189, 230, 233, 235, 248.

Марцинкевич — содержатель танцкласса, помещавшегося в 70—80-х гг. на углу Гороховой и Фонтанки, 350.

Матильда Борисовна («Маничка») — см. Гинцбург, М. Б.

Матчинский — драматический актер, дебютировавший сначала в Харькове, а затем в Петербурге в 70-х гг., 80.

Маудсли, Генри — английский психиатр, автор книг «Ответственность при душевных болезнях» (пер. под ред. и с доп. О. А. Чечотта, СПБ., изд. ред. журнала «Знание» 1875. Ср. рец. «Дело» 1874, кн. 12; «Голос» 1874, № 343) и «Физиология и патология души» (пер. И. Исаина, СПБ. 1870 и 1871. Ср. рец. «Дело» 1871, кн. 3 и 4), 101, 181.

Медведев, Василий Прокофьевич (ум. в 1878 г.) — петербургский присяжный поверенный, знакомый Г., 53, 57, 59, 169, 403, 407, 410, 413, 415, 417, 419, 423.

Мелиоранский, Михаил Иванович — педагог, сотрудник «Семьи и школы», автор учебников по зоологии и ботанике, 26, 192, 452.

Мелье — петербургский книгопродавец, 105, 198.

Мельникова, Н. — знакомая матери Г., 264.

Мельников, Иван Александрович (1831—1906) — певец (баритон) Мариинского театра, 36, 63, 71, 404.

Менделеев, Дмитрий Иванович (1834—1907) — химик, открывший и обосновавший периодический закон химических элементов; автор классических «Основ химии» (1869); с 1865 по 1890 г. — профессор Петербургского университета. Убежденный враг мистики, Менделеев в 1875 г. возглавил созданную по его же предложению комиссию для исследования «спиритических явлений» при физическом обществе Петербургского университета и на основании работ этой комиссии опубликовал «Материалы для суждения о спиритизме» (СПБ. 1876), 31, 78, 192, 521.

Меньшиков, Михаил Осипович (1858—1919) — критик и публицист; в 80-х гг. примыкал к право-народническому лагерю, сотрудничая в «Неделе»; впоследствии эволюционировал к толстовству, а с нач. 900-х гг. стал одним из вдохновителей «Нового Времени», 366, 511—522.

Меньшикова, Александра Григорьевна (1840—1902) — певица (колоратурное сопрано), артистка Мариинского театра, 80.

Мериме, Проспер (1803—1870) — французский новеллист, автор «Коломбы» (1840), переведенной Гаршиным, 228, 230, 233, 235, 237, 240, 248, 250, 254, 257, 485.

Микобер, мистер и мистрисс — герои романа Ч. Диккенса «Давид Коперфильд», 4 5.

Миллер, Орест Федорович (1833—1889) — историк русской литературы и публицист нео-славянофильского лагеря, деятельнейший член Славянского комитета 70-х гг.; автор книг «О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных» (СПБ. 1858), «Илья Муромец и богатырство Киевское» (СПБ. 1870) и сборника статей «Славянство и Европа» (СПБ. 1877), 89.

Милль, Джон-Стюарт (1806—1873) — английский философ и экономист; позитивист и агностик, вульгаризатор теорий классической школы политической экономии, горячий сторонник женского равноправия, пользовавшийся широкой популярностью в России в буржуазно-демократических кругах 60—70-х гг. Его «Основы политической экономии» были переведены на русский язык Н. Г. Чернышевским с критическими дополнениями последнего, 63.

Милорадович — харьковская актриса 70-х гг., 80.

Минина — оперная артистка 70-х гг., 80.

Минский, Н., псевд. Виленкина, Николая Максимовича (род. в 1855 г.) — поэт, философ, переводчик и публицист, приятель Гаршина. Впервые вступил в литературу в 1876 г., в пору сербо-турецкой войны, опубликовав в «Новом Времени» стих. «Сон славянина». С 1877 г. начал сотрудничество в «Вестнике Европы». Автор поэмы «На родине» (1877) и «Белых ночей» (1879); исторической драмы в стихах «Осада Тульчина». Собрание стихотворений Минского, напечатанное в нач. 80-х гг., было уничтожено цензурой и вышло в свет в измененном виде лишь в 1887 г. («Стихотворения», СПБ.). В 70-е гг., близкий к радикально-народническим кругам, Минский принял участие в нелегальном «Вестнике Народной Воли», поместив там стих. «Последняя исповедь» (1879). В 1884 г. выступил в киевской газете «Заря» (№ 193, от 29 августа) с нашумевшим фельетоном «Старинный спор», в котором прокламировал свой разрыв с «традициями 60-х гг.» и защиту «чистого искусства». Рецензия Минского на стих творения Надсона, явившаяся результатом его новой общественно-политической ориентации, послужила поводом для прекращения его отношений с Гаршиным (см. примеч. 287). В нач. 900-х гг. Н. М. Минский выдвинулся в рядах старшего поколения символистов и был одним из организаторов религиозно-философского общества (вместе с З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковским и В. В. Розановым), 224, 226, *231*, 232, 233, 240, 243, 252, 255, 259, 261, 295, 304, 307, 308, *326*, 327, *338—339*, 340, 341, 344, 345, 356, 487, 497, 498, 500, 502, 506, 509—510, 523.

Миртов — см. Лавров, П. Л.

Миссори, Юлия Степановна — см. Пащенко, Ю. С.

Митрофан Васильевич — см. Ладыженский, М. В., приятель Евг. Мих. Гаршина.

Митрофан Петрович — см. Надеин, М. П.

Михаил Михайлович — см. Латкин, М. М.

Михаил Федорович — см. Никонов, М. Ф.

Михайловский, Николай Константинович (1842—1904) — публицист, социолог и критик, виднейший теоретик народничества, «один из лучших представителей и выразителей взглядов буржуазной демократии» (Ленин). С 1869 г. начал сотрудничество в «Отеч. Зап.», а после смерти Некрасова (1877) до закрытия журнала был одним из трех его редакторов (совместно с Г. З. Елисеевым и М. Е. Салтыковым). Сотрудничал в листках «Народной Воли». С 1885 г. — член редакции «Северного Вестника» (1885—1889), с 1893 г.—сотрудник «Русского Богатства», а с 1895 г.— его руководитель. В 90-х гг. вел ожесточенную полемику с марксистами, 48, 166, 190, 224, 231, 240, 308, 323, 333, 365, 461, 464—465, 469, 486, 500, 501, 503.

Миша — см. Малышев, М. Е., приятель Гаршина.

Млодецкий, Ипполит Осипович — политический ссыльный, стрелявший 20 февраля 1880 г. в начальника верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликова и по приговору Военно-окружного суда повешенный 22 февраля на Семеновском плацу, 207, 208, 475—479.

Модест ⟨Струков?⟩ — старобельский знакомый Гаршина, переехавший в Петербург, 238, 268, 299, 302, 312, 324.

Монюшко, Станислав (1819—1872) — композитор, выдающийся представитель польской национальной оперы, автор «Гальки», 404.

Мопассан, Гюи, де (1850—1893) — французский романист и новеллист натуралистической школы, автор «Une vie» (1883), сочувственно отмеченного Гаршиным; впервые начал переводиться в России с 1880 г. в «Слове», 295.

Морозов, Александр Яковлевич — режиссер Мариинского театра в 70-е гг., 36.

Мюссе, Альфред (1810—1857) — французский поэт-романтик 228.

Мясоедов, Григорий Григорьевич (1835—1911) — живописец-передвижник, один из основателей «Товарищества передвижных выставок», 178, 201.

Н., Прасковья Николаевна — тетка Р. В. Александровой, невесты Гаршина, 52, 61.

Н. Вас. — см. Попова, Н. В.

Надежда Всеволодовна («Надя») — см. Александрова, Н. В.

Надежда Дмитриевна — см. Зайончковская, Н. Д.

Надежда Ивановна — см. Демчинская, Н. И.

Надежда Михайловна («Надя») — см. Гаршина, Н. М. (Золотилова), жена Всев. Мих. с 11. II. 1883 г.

Надеждин, Василий Семенович — студент Института путей сообщения, участник демонстрации на Казанской площади 6. XII. 1876 г., 108.

Надеин, Митрофан Петрович (1836—1916) — издатель и книгопродавец, близкий революционным кругам 70-х гг., сотрудник Ф. Ф. Павленкова в деле организации Книжного магазина для иногородних, 285, 299, 359.

Надсон, Семен Яковлевич (1862—1887) — поэт, подпоручик 138-го Каспийского пех. полка, расположенного в Кронштадте, сотрудник «Отеч. Зап.» (с осени 1881 г.), «Слова», «Устоев», «Северного Вестника». Первая книжка «Стихотворений С. Я. Н.» вышла в марте 1885 г. Тяжелая болезнь (туберкулез легких) заставила Н. жить с осени 1884 г. то за границей, то в Киевской губ., то в Крыму, где он и скончался 19. I. 1887 г. (О дру-

жеских отношениях Г. и Надсона см. примеч.), 287—288, 295, 296, *303—304*, 320, 327, 345, 346, 348, 363, *364—366*, *374—375*, 393, *396—397*, 498, 506, 509, 510, 511, 512—513, 516, 519, 522, 525.

Надя — см. Акимова, Надя.

Налимов, Александр Павлович (1853—1917) — товарищ Гаршина по I реальному училищу. В 1879 г. привлекался к дознанию по обвинению в принадлежности к «противозаконному сообществу», впоследствии — преподаватель русского языка в средней школе, литератор, 24, 36, 48, 115, 435 440.

Направник, Эдуард Францевич (1839—1916) — дирижер и композитор, автор опер «Нижегородцы» (1868), «Гаральд» (1885) и др., 56.

Наталия Павловна — см. Яновская, Н. П.

Наташа — дочь Н. С. Дрентельн, 327, 330, 337.

Наташа — дочь поэта Я. П. Полонского, 272, 312.

Незнакомец — псевдоним Суворина, А. С. (см.).

Неклюдов, Иван Андреевич — петербургский знакомый Гаршина 70-х гг., 419, 422.

Некрасов, Николай Алексеевич (1821—1877) — поэт, 36, 148, 153, 209, 434, 437, 466.

Немирович-Данченко, Василий Иванович (род. в 1848 г.) — беллетрист, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В настоящее время — за границей, 152.

Немчинов, Дмитрий Тимофеевич — сын богатого помещика Симбирской губ., 24 лет, и его жена Мария Павловна — судившиеся с 2 по 10 XII. 1885 г. в I отделении СПБ. окружного суда по обвинению в подлоге. По поручению Немчинова, прожившего стотысячное состояние и сильно нуждавшегося, его жена под чужой фамилией («Н. В. О'Рурк») познакомилась и вступила в переговоры с корнетом кавалергардского полка П. А. Родионовым с целью получить у него место. После нескольких безрезультатных свиданий и переписки, знакомство было прекращено со стороны Родионова, отказавшегося принимать «Н. В. О'Рурк», несмотря на угрозы последней. Тем не менее в нотариальную контору Д. П. Немчиновым был предъявлен фальшивый вексель, выданный якобы Родионовым на имя «Н. В. О'Рурк» на сумму 2000 руб. После судебного разбирательства остался открытым вопрос — кто из супругов был инициатором подлога. М. П. Немчинова судом присяжных была оправдана, а муж ее приговорен к лишению всех прав и ссылке в Сибирь на восемь лет (см. «Новое Время» 1885, №№. 3516 и 3518 от 10 и 12. XII), 360, 510.

Никитина, София Васильевна — деятельница революционного движения, арестованная в Курске в 1879 г., 181.

Никифоров — врач петербургского Николаевского госпиталя, 166.

Николадзе, Николай Яковлевич (1843—1928) — критик и публицист народнического лагеря, автор статьи о первой книжке «Рассказов» Г. в «Отеч. Зап.» 1882 г. Принимал участие в студенческом движении 1861 г.; будучи за границей, сотрудничал в эмигрантской прессе; по возвращении в Россию в 1878—1880 гг. издавал в Тифлисе либеральную газету «Обзор», закрытую правительством. В 1881 г. переехал в Петербург, где служил в Управлении сначала Либаво-Роменской, затем Закавказской жел. дор. В 1882 г. был посредником в переговорах «Священной дружины» с народовольцами, 293, 503.

Николай I (1796—1855) — император с 1825 по 1855 г., 12.

Николай Александрович (1868 — 1918) — сын Александра III, последний император всероссийский, 155.

Николай Александрович — см. Демчинский, Н. А.

Николай Сергеевич — Дрентельн, Н. С.

Николай Степанович — см. Акимов, Н. С.

Николай Федорович — в письмах 70-х гг. — см. Фокков, Н. Ф.

Николай Федорович — в письмах 80-х гг. — см. Никонов, Н. Ф.

Никонова, Софья Васильевна, урожд. Яновская — жена М. Ф. Никонова.

Никонов, Владимир Федорович (1836 — 1904) — дядя Н. М. Гаршиной, б. управляющий петербургской таможней, 287, 293, 294, 300, 322, 335, 381.

Никонов, Михаил Федорович — лейтенант в отставке, командир товаро-пассажирского парохода «Коцебу», 382.

Никонов, Николай Федорович — брат В. Ф. и М. Ф. Никоновых, инженер-технолог, 322, 382, 383, 385, 386, 387 388, 520, 527.

Никонова, Елизавета Федоровна — сестра В. Ф., М. Ф. и Н. Ф. Никоновых, 293, 294, 344.

Нильский, Александр Александрович (1841—19??) — драматический актер; на сцене Александринского театра с 1858 по 1883 г., 77, 420.

Нина Александровна — см. Герд, Н. А.

Нина Михайловна — см. Герд, Н. М., урожд. Латкина, жена А. Я. Герд.

Ниссен-Саломан, Генриетта (1819 — 1879) — знаменитая певица, урожденка Швеции; с 1860 г. — профессор петербургской консерватории, автор труда «Школа пения», 105, 106, 113.

Новиков, Павел Михеевич (1850 — 1902) — харьковский знакомый Гаршина; окончил III харьковскую гимназию и Харьковский университет по математическому факультету со званием кандидата. В 1879 г. жил в Петербурге и был преподавателем в Елизаветинском женском институте, приготовляясь к магистерскому экзамену. Обыскан в ночь на 14. III 1879 г. в связи с покушением Л. Мирского на Дрентельна; при обыске была найдена переписка, показывавшая близкие отношения Новикова с «политически неблагонадежными» Твердометовым, Ф. Рябининым, Вас. Литошенко. Был арестован и содержался в Литовском замке в Петербурге; освобожден на поруки. По распоряжению петербургского генерал-губернатора дело о нем прекращено. Впоследствии — директор таганрогского коммерческого училища, 47, 48, 49, 58, 64, 66, 70, 85, 93, 94, 101, 102, 105, 106, 146, 150, 169, 172, 174, 175, 176, 189, 206, 310.

Новодворский, Андрей Осипович (1853 — 1882) — литературный псевдоним «Осипович» — беллетрист, сотрудник «Отеч. Зап.», «Слова», «Нового Обозрения», 231, 485.

Нотович, Осип Константинович (1849—1914) — публицист умеренно-либерального лагеря; в 1873 — 1874 гг. издатель и фактический редактор «Нового Времени»; с 1876 г. редактор «Новостей»; автор ряда драматических произведений и философско-публицистических трактатов, 112, 146, 148, 190, 330 — 331, 380.

Нурок, М. — автор популярной «Практической грамматики английского языка» (СПБ. 1861; много переизданий) и др. английских учебников, 53.

Оболенская, Александра Алексеевна, княгиня — основательница петербургской женской гимназии ее имени, 146, 347, 386, 519.

Овсянников, Степан Тарасович — петербургский миллионер-хлеботорговец, судившийся за поджог в 1875 г. и сосланный в Сибирь, 39, 453 — 454.

Огаркова, М. В. — вторая жена А. И. Эртеля, 329.

Огранович, Иван Акимович — военный врач, 388.

Ожешко, Элиза (1842 — 1910) — польская писательница, 239, 486.

Окунев, Константин Михайлович — железнодорожный деятель, *566 — 567*, 512 — 513.

Ольга Егоровна — тетка Гаршина по отцу; жила в Ливнах.

Ольга Ивановна — см. Акимова, О. И.

Ольга Орестовна — см. Пузино, О. О.

Омулевский (псевдоним Федорова), Иннокентий Васильевич (1836—1883) — поэт и беллетрист-народник, автор романа «Шаг за шагом»

(первоначально — в «Деле» 1870 г.; в отд. изд. под заглавием «Светлов, его взгляды, его жизнь и деятельность», СПБ. 1871), 424.

Орест Поликарпович — см. Пузино, О. П.

Орлов, Дмитрий Александрович — певец (тенор); на сцене Мариинского театра с 1869 г. до конца 80-х гг., 46, 317.

Орлов, Николай Павлович — московский нотариус, приятель Г. И. Успенского, 328, 329.

Орловский, Владимир Донатович (1842 — 1914) — пейзажист и рисовальщик; с 1874 г. академик, а с 1878 г. профессор Академии художеств, 201.

Осипович — см. Новодворский, 231, 485.

Островский, Александр Николаевич (1823 — 1886) — знаменитый драматург; с 1874 г. — председатель созданного по его инициативе Общества русских драматических писателей и оперных композиторов, 81, 242, 484, 513.

Павел Акинфиевич — см. Хохлов, П. А.

Павел Григорьевич — см. Гельфрейх, П.

Павел Михеевич — см. Новиков, П. М.

Павел Павлович — см. Рислинг, П. П.

Павленков, Флорентий Федорович (1839 — 1900) — издатель, переодчик и общественный деятель, близкий к революционным кругам 60—80-х гг., приятель матери писателя; политический ссыльный с 1868 по 1877 г.; из ссылки возвратился в Петербург в 1881 г.; составитель «Наглядной азбуки» (1873), переводчик «Полного курса физики» Гано, издатель Писарева, Г. Успенского, Белинского и др., а также «Биографической библиотеки» (ок. 150 назв.), 238, 275, 276, *279 — 282*, 288, 296, 297, 298, 299, 309, 328, 378, 379, 494, 495—496, 498, 517, 518.

Павлинские — старобельские знакомые семьи Гаршиных нач. 70-х гг., 424.

Павлов — товарищ Гаршина по реальному училищу и Горному институту, 39, 45.

Павловский, Исаак Яковлевич (1852—19??) — б. студент Медико-хирургической академии, арестован 8. X. 1874 г. и привлечен к дознанию по делу «о пропаганде в империи» («процесс 193-х»). За участие в демонстрации после оправдания В. И. Засулич выслан в Пинегу в апр. 1878 г., откуда бежал 30. V. 1878 г. и эмигрировал за границу; был близок с ренегатом Л. Тихомировым и оказал воздействие на его идейную эволюцию. Впоследствии парижский корреспондент «Нового Времени», автор воспоминаний о Гаршине, 163, 457, 469.

Палечек, Иосиф Иосифович — оперный певец (бас), артист Мариинского театра с 1870 по 1892 г., 80.

Пантелеева, Серафима Васильевна (1846 — 1918) — сестра Вячеслава Латкина, жена Л. Ф. Пантелеева; в 1872 г. была в Цюрихе и слушала лекции на медицинском факультете; в 80-х гг. жила с мужем в Петербурге; автор воспоминаний «Из пережитого в шестидесятых годах» (1911), 111.

Пантелеев, Лонгин Федорович (1840 — 1919) — участник революционного движения 60-х гг., один из организаторов «Земли и Воли» в 1862 — 1863 гг. Был восстановлен в правах и возвратился из ссылки в 1874 г., а в 1876 г. получил разрешение жить в столице; впоследствии известный либеральный издатель и общественный деятель, автор воспоминаний о Гаршине, *395*, *398*, 524.

Пащенко, Владимир Михайлович, муж Ю. С. Миссори, 363, 366.

Пащенко-Миссори, Юлия Степановна — двоюродная сестра Гаршина, богатая помещица, в усадьбе которой (с. Носковцы, Подольской губ.) гостил больной С. Я. Надсон в 1885 — 1886 гг., 344, 345, *354—355*, *363*, 364, 366, 509, 511.

Перл, Людвиг Иванович — петербургский железнодорожный делец 80-х гг., 355.

Петр I (1672—1725)—об увлечении Гаршина Петровской эпохой в связи с планами исторического романа см. примеч. 313, 433, 516, 521.

Петр Гаврилович—см. Попов, П. Г.

Петр Петрович—см. Кончаловский, П. П.

Петров, Осип Афанасьевич (1807—1878)—певец (бас), артист Мариинского театра, 81.

Петрушевский, Федор Фомич (1826—1904)—профессор Петербургского университета, автор «Курса наблюдательной физики», вып. 1 и 2 (СПБ. 1868), 31.

Пиккель—скрипач оркестра Мариинского театра в 70-е гг., 71.

Писарев, Дмитрий Иванович (1840—1868)—критик и публицист, 26, 162, 333, 480.

Писемский, Алексей Феофилактович (1820—1881)—романист и драматург, 216, 498—499.

Платонова, Юлия Федоровна (1841—1892)—оперная певица, артистка Мариинского театра с 1863 до 1876 г., 404.

Плещеев, Алексей Николаевич (1825—1893)—поэт, беллетрист и переводчик; сотрудник «Современника» и «Отеч. Зап.»; был членом кружка М. В. Петрашевского, за участие в котором был приговорен к смертной казни, замененной по конфирмации 19. XII. 1849 г. «лишением всех прав состояния и определением на службу рядовым в Оренбургские линейные батальоны». После амнистии в 1856 г. продолжал литературную деятельность, пользуясь большим уважением в радикальных кругах; с 1885 г. заведывал стихотворным отделом «Северного Вестника», 299, 319, 320, 327, 334, 363, 364, 365, 396, 464, 511, 513, 516.

Плющевский-Плющик, Яков Алексеевич (1845—1916)—юрисконсульт министерства внутренних дел, б. секретарь при прокуроре Харьковской судебной палаты; театральный рецензент «Новостей» и «Нового Времени», 341, 505.

По, Эдгар (1809—1849)—северо-американский поэт и новеллист, один из предшественников символизма, 132.

Поздняков, Николай Иванович (1856—1910)—литератор и педагог, автор рассказов для детского чтения, 326.

Позоровский, Александр Иванович—преподаватель французского языка в I петербургском реальном училище, 440, 441.

Полетика, Василий Аполлонович (1823—1888)—горный инженер, издатель «Биржевых Ведомостей» (1874—1879) и «Молвы» (1879—1881), 67.

Поликарп Поликарпович—см. Пузино, П. П.

Полницкий, Аркадий Ксенофонтович—знакомый Гаршина в 70-е гг.; студент СПБ. историко-филологического института, впоследствии преподаватель русского языка в екатеринославской гимназии, 441.

Полонская, Жозефина Антоновна (1844—1920), урожд. Рюльман—ваятельница-любительница, жена Я. П. Полонского, 272, 273, 275, 278, 282, 284, 285, 288, 318, 322, 338, 339, 377, 494.

Полонская, Наталия Яковлевна, впоследствии Елачич—дочь Я. П. Полонского, 272, 312.

Полонский, Александр Яковлевич («Аля»)—сын Я. П. Полонского, 272, 275, 278, 282, 338, 339.

Полонский, Борис Яковлевич (ум. в 1923 г.)—сын Я. П. Полонского, 272, 284.

Полонский, Яков Петрович (1820—1898)—поэт и беллетрист, автор «Гамм» (1844), «Кузнечика-музыканта» (1859); сотрудничал в «Современнике», «Отеч. Зап.», «Русском Вестнике»; с 1860 г. занимал должность секретаря комитета иностранной цензуры, а с 1864 по 1896 г. был там же цензором. С 80-х гг. систематически собирал на своей квартире литературно-художественные вечера («пятницы»), которые посещались писателями, художниками, артистами и где часто бывал Гаршин, дружески

связанный с семьей Полонского, 233, 272, *283—285*, 311, 312, 318, 338, 339, 360—361, 375, 389, 511, 516, 525.

Полья (Poliat), Луи — французский публицист радикально-республиканского лагеря, 292, 493.

Поляков, Иван Терентьевич — крестьянин Торжского уезда Калужской губ., служивший писарем у земского начальника в Воронеже; собиратель автографов и фотографий современных ему русских писателей, *255—256*, *286*, 492.

Поляков, Самуил Соломонович (1837—1888) — известный железнодорожный предприниматель, 85.

Помазанский, Иван Александрович (1848—19??) — арфист и композитор, 36.

Помяловский, Николай Герасимович (1835—1863) — беллетрист, сотрудник «Современника», «Русского Слова», «Времени», автор «Очерков бурсы» (1862—1863), 333, 434, 436.

Поплавский, Людвиг Людвигович (1852—1885) — живописец; студент Академии художеств с 1868 по 1878 г., 112.

Попов, Петр Гаврилович (1854—19??) — харьковский врач, приятель Н. М. Золотиловой (Гаршиной). Впоследствии служил земским врачом в Изюмском уезде, 214, 215, 216, 253, 316, 482—483, 520—538.

Попов, Феодосий Гаврилович (1852—19??) — врач, харьковский приятель Гаршина. Впоследствии железнодорожный врач и консультант больницы Красного Креста в Таганроге, 110, 150, 170, 182, 183, 185, 205.

Попова, Н. В. — жена Ф. Г. Попова, 182.

Потапов, Александр Львович (1818—1886) — генерал-лейтенант, шеф жандармов и начальник III Отделения с 1874 по 1876 г., 25.

Прасковья Андреевна — см. Латкина, П. А.

Прахов, Адриан Викторович (1846—1916) — археолог и историк искусства; с 1875 г. — преподаватель, а с 1884 до 1887 г. — профессор Академии художеств. Автор «Исследований по истории греческого искусства» (1871) и «Зодчества древнего Египта» (1880). Принимал участие в издании художественного журнала «Пчела». С 1887 г. — профессор Киевского университета, 149.

Пржебора — петербургская знакомая Г. нач. 70-х гг., 416, 418.

Приходьков, Георгий Павлович — сын П. Ф. Приходькова — врач Старобельска, 41.

Приходьков, Константин Павлович — сын П. Ф. Приходькова — земский врач Старобельска, 41.

Приходьков, Павел Федорович — священник Старобельска, знакомый Г., 41.

Протопопов, Михаил Алексеевич (1848—1915) — критик и публицист народнического лагеря, сотрудник «Отеч. Зап.», «Русской Правды», «Слова», «Устоев», «Дела». По обвинению в связях с народовольцами был арестован в 1884 г. и после шестимесячного заключения выслан в Чухлому. Впоследствии сотрудничал в «Северном Вестнике», «Русской Мысли», «Русском Богатстве» и др. изд., 319, 475, 487, 501.

Прохаско, Людвиг Иванович (род. в 1854 г.) — харьковский приятель Гаршина; чех, окончил I харьковскую гимназию в 1876 г.; впоследствии инженер путей сообщения, 89, 91, 96, 104, 138, 141.

Пшерацкий — студент Горного института в 70-е гг., 74.

Пузино, Александра Семеновна — жена П. П. Пузино, 29, 74, 75.

Пузино, Вера Орестовна — дочь адмирала, 34, 39, 163.

Пузино, Владимир Орестович — сын адмирала, 45.

Пузино, Евгения Орестовна («Женя»), 21, 34, 54, 55, 163, 172, 442, 443.

Пузино, Екатерина Орестовна («Катя») — дочь адмирала, впоследствии Мартьянова (см.), 33, 39, 45, 46, 48, 53, 63, 70, 92, 93, 97, 108, 189, 230, 235, 248.

Пузино, Екатерина Поликарповна — дочь П. П. и А. С. Пузино, ученица Г. в 1876 г., 29, 58, 62, 63, 69, 70, 74, 75, 78.

Пузино, Елизавета Орестовна («Лиза») — сестра предыдущих, 29, 33, 34, 39, 40, 45, 47, 53, 55, 108, 115, 163, 325, 443.

Пузино, Константин Орестович («Костя») — сын адмирала, умер в 1884 г., 29, 66, 70, 78, 306, 325.

Пузино, Марья Петровна, — жена В. О. Пузино, 45.

Пузино, Николай Орестович («Коля») — ученик Гаршина в 1875 г., 44, 45, 46, 48, 50, 53, 54, 55, 62, 66, 69, 163.

Пузино, Ольга Орестовна — старшая дочь О. П. и Ш. С. Пузино, 21, 26, 27, 31, 33, 34, 36, 38, 39, 47, 48, 49, 50, 55, 57, 58, 59, 62, 63, 66, 70, 72, 78, 91, 92, 93, 101, 103, 105, 163, 172, 174, 189, 193, 194, 196, 200, 235, 237, 243, 244, 248, 307, 325, 403.

Пузино, Орест Поликарпович (1819—1891) — вице-адмирал, дальний родственник Гаршина по матери, 33, 38, 39, 40, 41, 42, 51, 53, 55, 88, 100, 163, 196, 200, 244.

Пузино, Поликарп Поликарпович — брат О. П. Пузино, 33, 72.

Пузино, Шарлотта Самойловна — жена О. П. Пузино, 33, 39, 45, 47, 48, 63, 88, 102, 105, 244.

Пузино, Юлия Орестовна («Юля») — дочь адмирала, впоследствии Реслер, 34, 54, 55, 66, 70, 72, 105, 163, 172, 306, 307, 325, 346, 403.

Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837) — 13, 68, 71, 111, 148, 378, 387, 411, 415, 432, 455—457, 461, 466, 518.

Пушков, Ф. — поэт и критик, сотрудник «Южного Края» 1881 г., 206, 208, 209.

Пыпин, Александр Николаевич (1833—1904) — историк литературы и критик либерального лагеря; с 1860 по 1866 г. сотрудник «Современника», а с 1867 г. «Вестника Европы»; впоследствии академик, 331, 392, 521

Радонежская, Раиса Родионовна — народная учительница Черниговской губ., автор повести «Отец Иван и отец Степан»; покончила с собой осенью 1884 г. Героиня задуманной Гаршиным повести, 273, 346, 354, 369, 493.

Раевский, Николай Николаевич (1839—1876) — сын приятеля Пушкина, полковник, окончивший физико-математический факультет Московского университета; автор специальных работ по хлопководству и шелководству; участник завоевания Туркестана, основатель и руководитель Туркестанского отдела Общества для содействия русской промышленности и торговли (1870—1874). Отправившись летом 1876 г. добровольцем в сербскую армию, командовал правым флангом последней; убит 20 августа 1876 г. под Адровацом, 91, 459.

Разин, Алексей Егорович (181?—1875) — писатель для юношества, автор «Мира Божьего», выдержавшего ряд изданий, «Рассказов о животных и растениях» (СПБ. 1864), «Настоящего Робинзона» (СПБ. 1880) и др., 13, 318.

Раиса Всеволодовна («Рая») — см. Александрова, Р. В.

Ревякина, Е. П. — петербургская знакомая Г., 389, 520.

Рейнбот, Александр Евгениевич (1858—1918) — харьковский приятель Гаршина. В 1877 г. окончил Александровский лицей, а в 1879 г. Харьковский университет по математическому факультету; был оставлен при университете, но бросил математику и в 1881 г. поступил на медицинский факультет Харьковского университета. В январе 1882 г. принял деятельное участие в студенческих волнениях, после чего вынужден был оставить Харьков и поступить в министерство финансов. Впоследствии — видный статистик, член совета министерства финансов, управляющий Пермской казенной палатой, 228, 246, 264, 265, 267, 269, 483, 489, 493.

Рейнгардт, Николай Викторович (1842—??) — присяжный поверенный в г. Казани, редактор-издатель «Волжского Вестника», автор книжки

«О всесословной волости» (Казань, 1882), сочувственно рецензированной в «Отеч. Зап.» (1882, кн. XI), 323, 502.

Рейф, Ф. — составитель известных «Новых параллельных словарей языков: русского, французского, немецкого и английского» (1862—1865; много переизданий), 227.

Ренненкампф, Николай Карлович — профессор энциклопедии права, ректор Киевского университета, 345, 506.

Рени, Р. Егорович — издатель 70-х гг., 45, 46, 47, 63.

Ренчицкий, Степан Дмитриевич — инспектор старобельской Александровской мужской прогимназии и член уездного училищного совета в 70-е гг., 37, 51, 71, 86.

Репин, Илья Ефимович (1844—1931) — художник, виднейший представитель второго периода «передвижничества», автор «Бурлаков на Волге» (1872), отмечаемых Гаршиным в р. «Художники», «Протодиакона» «Правительницы Софьи» (1879), «Крестного хода» (1883), «Не ждали» (1884) и «Ивана Грозного» (1885). Последние две картины, по отзыву Гаршина, «не имели себе равных в русской живописи». Личное знакомство Гаршина с Репиным началось во второй половине 1882 г.; Репиным написан портрет Гаршина (1883—1884), с него же писался этюд царевича для картины «Иван Грозный», 178, 315, 334, 335, 336, 353, 472, 500, 508, 517, 523.

Реслер, Юлия Орестовна, урожд. Пузино (см.).

Решеткин — член правления Новгородской жел. дор. в 80-е гг., 331, 348.

Решетников, Федор Михайлович (1841—1871) — писатель, автор «Подлиповцев» (1864), сотрудник «Современника», «Русского Слова», «Дела», «Отеч. Зап.», 434, 436.

Риккер, К. Л. — петербургский книгоиздатель и книгопродавец, 198, 347.

Рислинг, Павел Павлович — второй муж Ольги Орестовны Пузино, 235, 244.

Ровинский, Павел Аполлонович (1831—1916) — педагог и общественный деятель; в 1853—1856 гг. преподавал русскую литературу в Казанском университете; в 1862—1863 гг. был членом «Земли и Воли»; с конца 1874 г. — директор земледельческой колонии для малолетних преступников, преемник А. Я. Герда. Впоследствии — известный славист, 24, 449.

Родионова, Варвара Егоровна — тетка Гаршина по отцу, 395.

Родич, Габриель, барон (1813—1890) — австрийский государственный деятель, генерал-губернатор Далмации, 79, 390, 395.

Розалион-Сошальская, Анна Карловна (1861—19??) — женщина-врач, детская писательница, автор «Рассказов для детей» (Полтава 1887) и «Цветов для детей» (СПБ. 1887); харьковская знакомая семьи Гаршиных, 171, 175, 194, 195, 293, 299, 470.

Розанова, Раиса Васильевна — вдова журналиста Николая Семеновича Розанова (ум. 30 июля 1883 г.), провинциального корреспондента «СПБ. Ведомостей», «Голоса» и «Новостей», 367—368, 513.

Розе, Александр Романович — преподаватель немецкого языка I петербургского реального училища, 440.

Росси, Эрнесто (1829—1896) — знаменитый итальянский трагик, впервые посетивший Россию в 1877 г., 111.

Российская, Мария Александровна, родственница А. Я. Герда, слушательница Бестужевских курсов в 80-е гг., впоследствии жена профессора Московского университета Кожевникова, 192, 215, 273.

Россини, Иоахим (1792—1868) — итальянский композитор, автор «Севильского цирюльника» (1816), «Сороки-воровки» (1817), «Вильгельма Телля» (1829), 432.

Рубинштейн, Антон Григорьевич (1829—1894) — композитор и пианист, 76, 308, 348 506.

Рудаков, Александр Павлович (1824—1892) — профессор богословия в Горном институте, автор многих учебников, 75, 84.

«Руслан», псевд. баронессы Икскуль фон Гильдебандт — русско-французская романистка, автор романа «На туманном севере» («Северный Вестник» 1886) и произведений из великосветской жизни, печатавшихся во французских журналах 80-х гг., 366.

Руссо, Жан Жак (1712—1788) — французский философ, романист и публицист, 235, 240, 265.

Савина, Мария Гавриловна (1854—1915) — драматическая артистка; с 1874 г. до конца своей жизни работала на сцене Александринского театра, 21, 199, 288, 289, 485.

Савич, Николай Францевич — издатель журнала «Русское Богатство» в 1876—1878 гг., 264.

Сакс, Юлий (1832—1902) — немецкий ботаник, автор «Учебника ботаники» (пер. С. Розанова и И. Бородина, СПБ. 1871) и других руководств, 31.

Салиас-де-Турнемир, Евгений Андреевич (1841—1908) — исторический романист, автор «Пугачевцев» (1874), «Принцессы Володимирской» (1881) и др.; в юности был близок революционным кругам, встречался за границей с Герценом и Огаревым, принимал деятельное участие в студенческой демонстрации 1861 г., за что был арестован, исключен из университета и подвергнут секретному надзору полиции; впоследствии консервативный журналист, редактор «СПБ. Ведомостей» с 1 января до середины апреля 1875 г., сотрудник «Русского Вестника», «Исторического Вестника», «Русского Обозрения» и «Нивы», 26, 35, 37, 442, 452—453.

Салтыков, Михаил Евграфович (1826—1889), псевд. Щедрин Н., 158, 159, 166, 167, 169, 172, 173, 175, 176, 177, 178, 180, 187, 203, 204, 205, 230, 233, 234, 237, 250, 251, 285, 293, 294, 296, 299, 300, 308, 312, 319, 320, 322, 327, 333, 335, 378, 395, 470, 472, 473, 474, 482, 483, 491—492, 495, 500, 502—503, 516.

Сарду, Викториен — французский драматург, 103.

Сахаров 1-й, Василий Петрович, подпоручик 138-го пехотного Болховского полка: впоследствии генерал-майор, автор воспоминаний о Г., 134, 135, 180, 187, 261, 463, 464.

Сахаров 2-й, Александр Михайлович, прапорщик 138-го пехотного Болховского полка, прототип подпоручика Стебелькова в рассказе «Деньщик и офицер», 124, 134, 135, 463.

Саша — см. Гаршин, А. Г., сын Г. М. Гаршина.

Свешниковы — старобельские знакомые Гаршиных 70-х гг., 419.

Свириденко, Владимир Платонович (1850—1879) — деятель революционного движения 70 х гг., член Николаевской группы «Южных бунтарей», повешен 14 мая 1879 г., 237.

Селиванов — харьковский знакомый Гаршиных 70-х гг., 91, 92, 101.

Семен — см. Квитка, С. К., приятель Гаршина по Горному институту.

Сент-Бев, Шарль Огюстен (1804—1869) — французский поэт и критик, популяризированный в России в 80-е гг. Ср. ст. Угрюмова (Лаврова) «Сент-Бев как человек», — «Отеч. Зап.» 1881, кн. 1 и 2; Брандес, Г., «Сент-Бев и современная критика» — «Русская Мысль» 1887, 258.

Сентянин, Александр Евграфович (1856—1879) — деятель революционного движения второй половины 70-х гг., земляк и товарищ Гаршина по Горному институту, участник убийства шпиона Никонова в Ростове (февраль 1878), член Южного исполнительного комитета (1878); арестован в Харькове 29 августа 1878 г., при аресте оказал вооруженное сопротивление, 164, 469.

Сергей Николаевич — см. Кривенко, С. Н.

Сережа — см. Акимов, Сережа.

Сикорский, Иван Алексеевич (1845—1918) — психиатр, профессор Киевского университета по кафедре нервных и душевных болезней, автор «Воспитания в возрасте первого детства» (СПБ. 1884) и др. работ; рецензент «Красного цветка» в «Вестнике клинической и судебной психиатрии и невропатологии» (1884), 304, 339, 498.

Симашко, Юлиан Иванович (1821—1893) — издатель педагогического журнала «Семья и школа» (1871—1876), преподаватель математики и естествознания; с 1874 по 1884 г. — окружной инспектор по надзору за занятиями малолетних рабочих на фабриках и заводах, 171, 175, 176.

Симонович — петербургский знакомый Гаршина 70-х гг., 59.

Скабичевский, Александр Михайлович (1838—1910) — критик и публицист народнического лагеря; в молодости сотрудник «Современника», а впоследствии «Отеч. Зап.», «Дела», «Слова», «Устоев», «Русского Богатства», «Новостей» и др., 202, 233, 319, 320, 327, 354, 356, 392, 442, 466, 475, 508, 510.

Скадовский, Николай Львович (1846—1892) — художник-жанрист, по направлению близкий к передвижникам, организатор «Общества южнорусских художников» в 1889 г., 180.

Скальковская-Бертенсон, Анна Аполлоновна — певица (сопрано); в 1875 г. актриса Мариинского театра, 46.

Скиндер, Виктор Михайлович — художник, выставлявший свои картины на академических выставках конца 60-х и начала 70-х гг., 240.

Скобелев, Михаил Дмитриевич (1843—1882) — генерал-адъютант, получивший громкую известность в русско-турецкую войну 1877—1878 гг. за бои под Ловчей, Плевной и Шейновым; командовал войсками в Ахал-Текинской экспедиции 1881 г., закончившейся взятием туркменской крепости Геок-Тепе. Смерть Скобелева, отмеченная Гаршиным, последовала в ночь на 26 июня 1882 г. в Москве, 264, 267.

Скопин, Владимир Петрович — преподаватель русского языка I петербургского реального училища в 70-е гг., 407.

Славинский, Николай Евстафьевич — автор «Писем об Америке и русских переселенцах» (СПБ. 1873, первоначально в «Отеч. Зап.» 1871—1872 гг.), 87.

Случевский, Константин Константинович (1837—1904) — поэт и новеллист, один из предшественников символизма; в 1861—1865 гг. учился в Гейдельберге, где принимал участие в общественной жизни русской колонии и являлся одним из организаторов «русской читальни» — пропагандистского центра, связанного с Герценом. Напечатал ряд стихотворений в «Современнике», но затем изменил общественную позицию, выступив с полемическими брошюрами «Явления русской жизни под критикою эстетики» (СПБ. 1866—1867), направленными против Чернышевского и Писарева; впоследствии служил по министерству внутренних дел и был редактором «Правительственного Вестника», *343—344*.

Смирницкая, Надежда Ильинична, вдова поручика; сотрудница Харьковского благотворительного общества в 70-е гг., 43.

Смирнов, К. — автор популярных в 70-е гг. и позднее учебников географии (ср. «Учебная книга географии», изд. 14-е, СПБ. 1874).

Соболев, Владимир Федорович артист Мариинского театра 60—70-х гг., 69.

Соколов, Александр Алексевич (род. в 1840 г.), псевдонимы «Не спрашивай, кто я», «Театральный нигилист» и другие — журналист, драматург и романист; с 1868 г. — редактор «Петербургского Листка», в 80-е гг. — сотрудник «Петербургской Газеты», редактор-издатель театральной газеты «Суфлер» (1882—1885); во второй половине 80-х гг. — заведующий редакцией «Минуты». Автор романа «Театральное болото» (1867), свыше 760 мелких рассказов и повестей, драм, комедий, басен и пр., 375.

Соколов, Виктор Петрович — знакомый Гаршина, автор воспоминаний о нем, 310, 323, 447, 448.

Соколовская, Калерия — петербургская знакомая Г. 70-х гг., 74, 186.

Соловьев, Сергей Михайлович (1820—1879) — профессор Московского университета по кафедре русской истории, автор монументальной «Истории России с древнейших времен», 292, 387.

Софья Васильевна — см. Никонова, С. В.

Софья Ивановна — см. Шах-Назарова, С. И.

Софья Львовна — см. Дорфман, С. Л.

Софья Мартыновна («Соня») — вторая жена Г. М. Гаршина.

Софья Федоровна — см. Спиро, С. Ф.

Спасович, Владимир Данилович (1829—1906) — известный адвокат, ученый и публицист умеренно-либерального лагеря, 63, 331.

Спасский, Василий Лукич (1831—1884) — харьковский педагог, преподаватель истории и географии; член губ. статистического комитета, сотрудник «Харьковских Губернских Ведомостей», автор «Историко-статистического обозрения пятилетия третьей харьковской гимназии» (Харьков 1867) и «Характеристики Харькова по грамотности и просвещению» (Харьков 1874), 49, 58, 72, 141, 456.

Спенсер, Герберт (1820—1903) — английский философ, представитель агностицизма и эволюционизма, пользовавшийся широкой популярностью в России 70—80-х гг.; пытался перенести законы развития организмов на явления общественной жизни. Автор «Оснований биологии», пер. под ред. Ал. Герда (два тома. СПБ. 1870) и «Изучения социологии», пер. под ред. А. Гольдшмита (изд. журн. «Знание». СПБ. 1874). Спорам с теориями Спенсера посвящены статьи Н. К. Михайловского: «Что такое прогресс», «Что такое счастье» и «Записки профана», 25, 333.

Спешнева — содержательница петербургской женской гимназии в 70-е гг., 102, 105.

Спиноза, Бенедикт (1633—1677) — философ, 295.

Спиро, Софья Федоровна, урожд. Никонова — жена врача, тетка Над. Мих. Гаршиной, 382.

Станюкович, Константин Михайлович (1844—1903) — беллетрист, бывший морской офицер. С начала 70-х гг. сотрудничал в «Деле», помещая там рассказы и романы — «Без исхода» (1873), «Два брата» (1880), «Омут» (1881) и др. С 1881 г. соредактор «Дела», а с 1883 г. его собственник; весною 1884 г. был арестован по обвинению в связях «Дела» с революционным подпольем и эмиграцией. Высланный на три года в Томскую губернию, не прекратил литературной деятельности и впоследствии приобрел большую известность своими морскими рассказами, 301, 318, 320, 501, 503.

Стародубов, Н. И. — старобельский знакомый Гаршина 70-х гг., 434, 435, 437, 438, 439.

Стасов, Владимир Васильевич (1824—1906) — историк искусства и художественный критик, пропагандист «передвижничества», 393, 522.

Стасюлевич, Михаил Матвеевич (1826—1911) — публицист и общественный деятель умеренно-либерального лагеря; профессор всеобщей истории Петербургского университета, который демонстративно покинул в связи с студенческими беспорядками в 1861 г.; основатель «Вестника Европы» и его редактор-издатель с 1866 по 1908 г., 204, 208, 502.

Стокальский, студент Горного института 70-х гг., 74.

Стояновская — харьковская знакомая Гаршина 70-х гг., 167.

Страхов, Николай Николаевич (1828—1896) — критик и публицист консервативного лагеря, единомышленник Ап. Григорьева, сотрудник «Времени», «Эпохи» и «Зари». С 1874 г. — член ученого комитета министерства народного просвещения, 300, 304.

Струве Отто Андреевич (ум. в 1912 г.) — инженер путей сообщения, известный железнодорожный деятель, 48.

Струков, Иван Тимофеевич — участковый мировой судья Старобельска в 70-е гг., 157, 167, 169, 172, 177, 201, 239, 253, 268, 295, 296, 300, 301, 302, 497.

Ступишина, Аделаида Ивановна — вдова беллетриста и драматурга Ростислава Дмитриевича Ступишина (1836—1885), сотрудника «Сына Отечества», «Биржевых Ведомостей» и «Петербургского Листка», 368, 513.

Стюарт, Бальфур (1828—1887) — английский физик, автор «Сохранения энергии» (пер. под ред. П. А. Хлебникова. СПБ. 1875) и «Физиологии органов чувств», 101.

Суворин, Алексей Сергеевич (1834—1912) — журналист и публицист, сотрудник умеренно-либеральных «Петербургских Ведомостей» и «Биржевых Ведомостей» 60—70-х гг., резко эволюционировавший вправо с конца 70-х гг., идеолог воинствующего национализма, основатель и вдохновитель «Нового Времени», влиятельнейшей официозно-консервативной газеты 80—90-х гг., 47, 53, 55, 56, 57, 58, 67, 70, 76, 95, *305*, 379, 423, 456, 485, 489—499, 518.

Судейкин, Георгий Порфирьевич, инспектор секретной полиции. Убит 16 декабря 1883 г. на квартире провокатора С. П. Дегаева, при его помощи, народовольцами Н. П. Стародворским и В. Конашевичем, 305, 498—499.

Сумароков, Александр Петрович (1718—1777) — поэт и драматург, 417.

Сухонин, Петр Петрович (1821—1884), псевд. А. Шардин — беллетрист, драматург и публицист умеренно-либерального лагеря; сотрудник «Библиотеки для Чтения», «Отеч. Зап.», «Сына Отечества», «Якоря», «Всемирного Труда», «Дела», «Русской Речи», «Века», «Иллюстрационного Листка» В. Р. Зотова, 372.

Сысоева, Екатерина Алексеевна (1829—1894), урожд. Альмендинген — детская писательница и переводчица, издательница детского журнала «Родник» (с 1881 г.), 378.

Сытин, Иван Дмитриевич (1851—193?) — организатор и владелец крупнейшего издательства и книготорговли, выпускавший ежегодно сотни тысяч массовой популярной литературы по всем отраслям знания, *372—373*, 374, 515.

Сю, Евгений (1804—1857) — французский романист, автор «Парижских тайн» (1842) и «Вечного жида» (1844), 258.

Таганцев, Николай Степанович (1843—1923) — ученый правовед, представитель классической школы уголовного права; с 1868 по 1882 г. — профессор Петербургского университета; в 1877 г. — один из защитников по «процессу 193-х»; принимал деятельное участие в Комитете Литературного фонда в 80-е гг. Впоследствии сенатор и член Государственного совета по назначению. Автор воспоминаний «Пережитое» (1919), *367—368, 371—372, 373—374*, 375—376, 377, *379, 380—381*, 512, 515—516.

Тайлор, Эдуард Бернет (1832—1917) — знаменитый английский антрополог, автор «Первобытной культуры», вышедшей в изд. журнала «Знание», в пер. под ред. Д. А. Коропчевского (два тома. СПБ. 1873), 25.

Тамберлик (1820—1888) — знаменитый итальянский певец (тенор), 317.

Таня — см. Акимова, Т. В.

Тарновский, Ипполит Михайлович (1833—1899) — доктор медицины, петербургский гинеколог и акушер; автор статьи «Об источниках распространения сифилиса» («Врач» от 30 апреля 1887 г., № 18, стр. 363—366), необычайно взволновавшей Г., 363.

Тернер, Чарльз Эдвард (род. в 1832 г.) — англичанин, приехавший в Россию в 1859 г.; с 1862 г. — профессор английской литературы в Александровском лицее, а с 1864 г. — лектор английского языка в Петербургском университете. В 70-е гг. — преподаватель английского языка в Горном институте; автор учебных пособий и руководств по английской литературе и языку («Lessons of English Literature») и др., 54, 227, 230.

Тиме, Георгий Августович — профессор математики и механики Горного института с 1855 по 1910 г., 79, 80, 82, 83, 84.

Тихменев, Михаил Павлович — генерал-майор, командир 1-й бригады 35-й пехотной дивизии в русско-турецкую войну 1877—1878 гг., 117.

Тихомиров, Р. М. — преподаватель I петербургского реального училища в 70-е гг., 441.

Ткачева, Софья Никитична, по мужу Криль (1842—1875) — деятельница революционного движения 70-х гг.; переводчица романа Швейцера «Зима» (1872), 393, 522.

Толстой, Дмитрий Андреевич, граф (1823—1889) — министр народного просвещения с 1866 по 1880 г.; министр внутренних дел с 1882 по 1889 г., один из самых жестких реализаторов политики помещичье-дворянской реакции, 35, 450, 451.

Толстой, Лев Николаевич (1828—1910) — знаменитый писатель. Об отношении Г. к личности, проповеди и художественному творчеству Толстого см. примеч. 132, 280 и 318, 38, 212, 228, 237, 243, 310, 337, 353, 377, 378, 391, 397—398, 403, 480, 487, 507—508, 517, 526.

Томас, Иван Петрович — преподаватель математики I петербургского реального училища, 435, 438.

Трепов, Федор Федорович (1812—1889) — генерал-адъютант, с.-петербургский градоначальник, известный взяточник и мракобес, ушедший в 1878 г. в отставку, после оправдания стрелявшей в него В. И. Засулич, 20, 21, 69, 70, 75, 151, 154, 466—467.

Троллоп (1780—1863) — английская романистка, 318.

Троцина, Елена Дмитриевна — слушательница высших женских курсов, впоследствии (с 1904 г.) жена младшего брата писателя, Е. М. Гаршина; в настоящее время живет в Ленинграде, 273, 276, 313.

Трунева, Елизавета Ивановна — см. Латкина, Е. И.

Тургенев, Иван Сергеевич (1818—1883) — знаменитый писатель, необычайно внимательно относившийся к Г. и его творчеству. Памяти Тургенева посвящен «Красный цветок», 109, 110, 204, 224, 237, 249, 250, 252, 253, 255, 257, 261, 264, 269, 271, 275, 284, 326, 392, 435, 436, 460—461, 474, 480, 481—482, 484, 485, 491—492, 494, 496, 521, 529, 590.

Турчанинов — товарищ Гаршина по реальному училищу, деятельный участник школьного рукописного журнала «Эхо», 154, 156.

Уеллер младший — персонаж «Замогильных записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса, 245.

Уйда — псевдоним английской писательницы Луизы де ла Раме (1840—1908) — автор «Норенбергской печи» и «Честолюбивой розы» — сказок для детей, переведенных Гаршиным, 288, 497.

Успенская, Александра Васильевна (1845—1906) — жена Г. И. Успенского, переводчица, *329*, 371, *389*, 502.

Успенский, Глеб Иванович (1840—1902) — писатель, автор «Нравов Растеряевой улицы» (1866), «Разоренья» (1869), «Власти земли» (1882). Сотрудничал в «Современнике», «Отеч. Зап.», «Русском Богатстве» «Русских Ведомостях», «Русской Мысли» и др. изд.; был близок к кругам революционного народничества, поместив в газете «Вперед!» П. Л. Лаврова статью «Шила в мешке не утаишь» (1876) и поддерживая теснейшие связи с членами «Народной Воли» (Ю. Богдановичем, Желябовым, Кибальчичем и др.); автор статьи «Смерть В. М. Гаршина», 102, 200, 204, 236, 237, 242, 249, 253, 255, 266, 268, 269, 270, 293, 294, 295, *296—298*, 299, 308, 320, 323, 326, 329, *374*, *378*, 397, 434, 436, 460, 462, 474, 475, 477, 483, 486, 487, 491, 497, 498, 500, 503.

Устинья Степановна — см. Акимова, У. С.

Усть-Рецкая — петербургская знакомая Гаршина, сестра А. М. Мартьянова (см.), 59.

Устьянцев, Николай Павлович — журналист умеренно-либерального лагеря; литературную деятельность начал в 1875 г., сотрудник газет «Современность», «Эхо» и «Родина», 377, 517.

Фан-дер-Флаас, Александр Францович — горный инженер, товарищ Гаршина; с 1878 г. пробирер СПБ. пробирной палаты и лаборатории министерства финансов, 267.

Фаусек, Виктор Андреевич (1861—1910) — ученый зоолог, один из ближайших друзей Гаршина; с 1881 г. — студент Харьковского, а с 1884 г. — Петербургского университета, сотрудник «Южного Края», с 1892 г. — приват-доцент, с 1897 г. — профессор зоологии, а впоследствии директор Высших женских курсов в Петербурге, автор воспоминаний о Гаршине, 89, 91, 92, 98, 99, 101, 104, 105, 110, 112, 113, 147, 148, *184—185*, 188, 203, 204, *222*, 223, 224, 225, *228*, 235, *236*, 240, 244, *245—246*, 248, *249*, 250, *258*, 261, 264, *291—292*, 294, *297*, *303*, *309*, 310, 325, 332, *334*, 338, 339, 340, 348, 366, *369*, 370, 381, 384, *391—392*, *394*, *396*, 472, 477, 479—480, 480—481, 489, 500, 505, 507—508, 509, 510, 511, 517, 521, 522—523, 524—525.

Фаусек, Вячеслав Андреевич — младший брат В. А. Фаусек, автор воспоминаний о Гаршине, 206, 392, 448.

Фаусек, Юлия Ивановна — жена В. А. Фаусек, автор воспоминаний о Гаршине, 394.

Федор Васильевич — см. Ган, Ф. В.

Федоров, Михаил Михайлович — преподаватель естественной истории I петербургского реального училища, 14.

Федоров, Михаил Павлович (1839—1900) — псевдоним «М. Михленко», «М. М — нко», «М. Ф.», «Ф.» и «Бес» — драматург и журналист умеренно-либеральной, а впоследствии реакционной прессы. Литературную деятельность начал в 1857 г. в «Северном Цветке», сотрудничал в «Семейном Круге» К. М. Станюкевича, в «Библиотеке для Чтения», «Русской Сцене», «Голосе» «Народном Богатстве», «Петербургском Листке», «Петербургской Газете», «Биржевых Ведомостях»; ответственный редактор «Нового Времени», 366.

Федоров, Степан — рядовой 5-й роты 138-го пехотного Болховского полка, защищая которого, в бою на Аяслярских высотах, был ранен Гаршин. Убит 10 августа 1877 г., 180.

Фельдман, Франц Егорович — управляющий делами общего съезда представителей русских железных дорог, под начальством которого служил Г. с 1883 по 1887 г., 301, 302, 311, 317, 321, 323, 324, 332, 340, 346, 347, 348, *355*, *357—358*, 367, 509.

Феодосий Гаврилович — см. Попов, Ф. Г.

Фидлер, Федор Федорович (1859—1917) — педагог и переводчик русских писателей на немецкий язык. Издатель антологии русской поэзии «Der russische Parnass» (1889; 2 изд. 1903) и «Первых литературных шагов» (Автобиографии современных писателей, изд. Сытина, 1911). Автор воспоминаний о Гаршине и переводчик его рассказов, 311, *315*, 347, 500, 507, 516.

Филатов, А. И. — полковник генерального штаба, впоследствии председатель земской управы, зять А. Я. Герда, 162, 185, 271.

Филатова, Юлия Яковлевна — урожд. Герд, сестра А. Я. Герд, жена А. И. Филатова. 185.

Филипповы — старобельские знакомые Гаршиных 70-х гг., 43.

Философова, Анна Павловна (1837—1912) — известная общественная деятельница либерального лагеря, 237, 485.

Фишер, Куно (1824—1907) — философ, автор известной «Истории новой философии», 162.

Флеровский, В. В. — см. Берви, В. В.

Флорентий Федорович — см. Павленков, Ф. Ф.

Флобер, Густав (1826—1880) — французский романист, высоко ценимый Гаршиным, 257, 295, 508.

Флоринский, Василий Николаевич, подполковник, командир 2-го батальона Болховского полка в русско-турецкую войну 1877—1878 гг., 117.

Фляс, фон-дер — см. Фан-дер-Флаас.

Фокков, Николай Федорович — петербургский окружной инспектор учебных заведений в 70-е гг., 169, 407, 410, 416, 425, 428.

Франк, Альберт Бернгард (1839—1901) — немецкий ботаник, 106.

Франц Егорович — см. Фельдман, Ф. Е.

Фрей, Александр Яковлевич (1847—1899) — врач-психиатр; с 1872 по 1899 г. — директор частной лечебницы для душевно-больных в С.-Петербурге, 42, 202, 358, 482, 484, 527, 532.

Фукс П. — автор учебника английского языка по «Новой методе Оллендорфа», 54, 227.

Фюрер, О. Р. — харьковский оперный артист 70-х гг. (бас), 80.

Хамонтов, Николай Николаевич (1856—1893) — лаборант при физической лаборатории С.-Петербургского университета, 305.

Хвощинская — см. Зайончковская, Н. Д.

Хмелевский — харьковский гимназист 70-х гг., 43.

Хохлов, Павел Акинфиевич (1854—1919) — певец, артист Московского большого театра. Впервые дебютировал на сцене Большого театра в 1879 г., был первым исполнителем Онегина в опере Чайковского на московской сцене и одним из лучших исполнителей Демона в опере Рубинштейна. Известен многочисленными гастрольными поездками по провинции, где давал бесплатные концерты в пользу студенческих землячеств. Оставил сцену в 1900 г. и отдался земской деятельности. (Сообщ. С. Н. Дурылин), 242, 487.

Цертелев, Дмитрий Николаевич, князь (1852—1911) — поэт и публицист консервативно-дворянского лагеря, сотрудник «Русского Вестника» и «Московских Ведомостей», впоследствии — основатель и первый редактор консервативного ежемесячника «Русское Обозрение», 289.

Цитович, Илларион Илларионович — помощник инспектора Горного института, 19, 20, 166.

Цитович, Петр Павлович (1844—1913) — ученый правовед, приват-доцент Харьковского, а с 1873 г. Новороссийского университета, известный публицист реакционного лагеря, увековеченный Салтыковым под именем Искариота («Письма к тетеньке»); редактор официозно-рептильной газеты «Берег» (1880); впоследствии профессор торгового права Петербургского университета и сенатор, 166, 463—470.

Чайковский, Петр Ильич (1840—1893) — знаменитый композитор, автор опер «Кузнец Вакула» (1875), «Евгений Онегин» (1879) и др., 107.

Чаруковский — член правления Новгородской ж. д. в 80-е гг., 348.

Черевин, Петр Александрович (1837—1896) — генерал-майор, помощник шефа жандармов и начальник дворцовой охраны, 227, 484.

Черепов — товарищ Гаршина по реальному училищу, студент Петровской земледельческой академии в Москве, 191.

Черкасов, Борис Иванович (ум. в 1901 г.) — чиновник государственного контроля, харьковский знакомый Гаршина, 89, 338, 339.

Черновский, Н. Ф. — преподаватель I петербургского реального училища в 70-е гг., 195.

Черномадзе — прозвище, вероятно, А. А. Иозефовича, 347.

Чернопольский — прототип одного из задуманных Гаршиным рассказов, 282, 418, 496.

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889) — знаменитый публицист, вдохновитель «Современника» (1854—1862), автор романа «Что делать?» (1863); в 1862 г. был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, а в 1864 г. сослан в Сибирь, где и пробыл до 1883 г.; с 1883 по 1899 г. жил под надзором в Астрахани и в Саратове, 13, 447.

Черняев, Михаил Григорьевич (1828—1898) — отставной генерал-лейтенант, участник «завоевания» Туркестана, деятель «Славянского

общества», редактор-издатель реакционно-дворянской газеты «Русский Мир»; с началом сербо-турецкой войны, вопреки запрещению русского правительства, формально соблюдавшего нейтралитет в войне, выехал в 1876 г. в Сербию и был назначен главнокомандующим главною сербскою армиею. После нескольких месяцев бесславного и бездарного командования был от последнего освобожден, 90, 93, 95.

Черняев, Николай Иванович — критик и публицист консервативного лагеря; сотрудник «Южного Края» и «Русского Обозрения»; автор статей и заметок о Пушкине, 490.

Чертков, Владимир Григорьевич — публицист и переводчик, друг и последователь Л. Н. Толстого, один из организаторов издательства «Посредник», *361—362*, 373, *377*, *381*, 391, *397—398*, 516, 520, 524—525.

Чехов, Антон Павлович (1860—1904) — знаменитый писатель, 517, 523.

Чуйко, Владимир Викторович (1839—1899) — литературный и художественный критик, сотрудник «Голоса», «Новостей», «Вестника Европы», 339, 504.

Шабельская, А., псевд. Александры Станиславовны Монтвид (1855—19??), сотрудничавшей в «Деле», «Отеч. Зап.», «Северном Вестнике», «Вестнике Европы». Автор романа «Горе побежденным» (1881), «Набросков карандашом» (1882) и др., 239, 486.

Шаповалов — старобельский деятель 70-х гг., 80.

Шарлотта Самойловна — см. Пузино, Ш. С.

Шах-Назарова, Софья Ивановна — петербургская знакомая Гаршина 70-х гг., 97, 98, 100, 105, 106.

Шахова, Серафима Васильевна (1854 — 19??) — студентка Цюрихского университета в середине 70-х гг., доктор медицины Бернского университета, впоследствии вольно-практикующий врач в Харькове, 111.

Шебанов, Александр Федорович — правитель канцелярии Горного института, 45.

Шелгунов, Николай Васильевич (1824 — 1891) — публицист, сотрудник «Современника», «Русского Слова», «Дела». Автор революционных прокламаций 1861 г.: «К молодому поколению» и «К солдатам». Неоднократно подвергался арестам и ссылкам; 24. VI. 1884 г. был арестован за допущение сотрудничества в «Деле» революционеров-эмигрантов и выслан под надзор полиции в Смоленскую губ. на пять лет, 330, 333, 493, 503.

Шереметевы — семья, в которой давал уроки В. М. Латкин в 1876 г., 102, 108.

Шершевские — семья, в которой Гаршин давал уроки в 1874 г., 21, 26, 27.

Шефтель, Фелиция Исааковна (род. ок. 1860 г.), деятельница революционного движения 70-х гг., участница демонстрации 6. XII. 1876 г. на Казанской площади. Преданная суду особого присутствия Сената по делу о Казанской демонстрации, признана «виновной в дерзостном порицании установленного государственными законами образа правления» и одной из главных виновниц сопротивления полицейским властям. 25. I. 1877 г. приговорена к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы на 6 лет и 8 месяцев, причем суд ходатайствовал о замене назначенного наказания — лишением всех особых прав и преимуществ и ссылкой на житье в Тобольскую губ.; ходатайство суда было удовлетворено, 108, 460.

Шиманов — старобельский знакомый Гаршина в 70-е гг., 29.

Шимков, Андрей Петрович (1839 —19??) — профессор Харьковского университета по кафедре физики с 1871 по 1899 г.; редактор харьковского журнала «Мир» (1881 — 1882), 220, 226.

Шишкин, Иван Иванович (1831 — 1898) — художник-пейзажист, по направлению близкий к передвижникам, 36.

Шлоссер, Фридрих-Христофор (1776—1861)—немецкий историк, переводившийся в России Н. В. Чернышевским, популярный в радикально-народнических кругах 60—70-х гг.; автор «Истории восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения французской империи с особенно подробным изложением хода литературы» (пер. Н. Г. Чернышевского, 8 тт., 2-е изд. СПБ. 1868—1872), 309, 342.

Шмаков, Н.—критик и публицист, сотрудник харьковского журнала «Мир»; автор критического этюда «Типы Всеволода Гаршина», 338—339, 503, 504.

Шнейдер—парижская актриса легкого жанра, гастролировавшая в Петербурге, 38, 453.

Шопен, Фредерик (1810—1849)—знаменитый польский композитор и пианист, 348.

Шпажинский, Ипполит Васильевич (1844—1917)—драматург 350.

Шпак, Виктор Сильвестрович (1847—1884)—художник-иллюстратор и карикатурист, сотрудник «Стрекозы», «Развлечения», «Живописного Обозрения»; важнейшие работы его собраны в «Альбоме рисунков В. С. Шпака» (СПБ. 1884), 346.

Шпильгаген, Фридрих (1829—1911)—немецкий романист, 424, 425, 427.

Шрамко—товарищ Гаршина по реальному училищу, 50.

Шрейер, Юлий Осипович (1835—1887)—журналист, один из самых ярких представителей петербургской желтой прессы 70—80-х гг., 244.

Шуберт, Франц (1797—1828)—немецкий композитор, 40, 432.

Щапов, Афанасий Прокофьевич (1830—1876)—историк, один из теоретиков народничества. В 1860 г.—профессор Казанского университета; в 1861 г. арестован и лишен кафедры за речь на панихиде по убитым крестьянам во время Бездиинского восстания; в 1864 г. по подозрению в связях с революционной эмиграцией сослан в Сибирь. Автор «Социально-педагогических условий умственного развития русского народа» (СПБ. 1870), 265.

Щедрин, Н.—см. Салтыков, М. Е.

Щеглов-Леонтьев, Иван Леонтьевич (1856—1911)—беллетрист и драматург, 231, 485.

Эберман, Александр Леопольдович—петербургский врач, 72, 74.

Эвальд, Владимир Федорович—директор I петербургского реального училища, 14, 54, 113, 148, 224, 240, 257—258, 408, 421, 426, 438, 439, 440, 443.

Эверарди, Камилл (1835—1899)—профессор петербургской консерватории с 1874 по 1888 г.; знаменитый оперный певец и педагог, 113.

Эркман, Эмиль (1822—1889) и Шатриан, Александр (1826—1890)—французские писатели, работавшие совместно, 434, 436.

Эртель, Александр Иванович (1885—1908)—беллетрист, автор «Записок степняка» (1880—1882), сотрудничал в «Деле», «Вестнике Европы», «Русской Мысли» и др. изд. В литературе выступил в 1879 г. очерком «Два помещика»; с 1879 г. жил в Петербурге, заведуя частной библиотекой; 3. IV. 1884 г. в связи с раскрытием организации так наз. молодой «Народной Воли» («процесс 21») был арестован и пробыл под арестом до 28. VI. 1884 г.; после освобождения подчинен гласному надзору полиции на два года, 209, *213—214*, *307—308*, 317, 319, 324, 329, *330—331*, 332, 337, 468—469, 475, 481, 499, 501.

Эртель, Мария Ивановна—первая жена А. И. Эртеля, 329.

Южаков, Сергей Николаевич (1849—1910)—публицист-народник. С 1878 по 1882 г. был в ссылке в Восточной Сибири; по возвращении

сотрудничал в «Отеч. Зап.», «Деле», «Вестнике Европы», «Русском Богатстве» и др. В 90-е гг. принимал участие в полемике между народниками и марксистами, 320.

Юлия Ивановна — см. Безродная, Ю.

Юлия Ивановна — см. Фаусек, Ю. И.

Юлия Степановна — см. Пащенко, Ю. С., двоюродная сестра Гаршина.

Юлия Яковлевна — см. Филатова, Ю. Я., сестра А. Я. Герда.

Юля — см. Пузино, Ю. О.

Юрий Николаевич — см. Говоруха-Отрок, Ю. Н.

Яблочкин, Валериан Александрович — художник-любитель конца 60-х гг., специально писавший сцены с кошками; вероятный прототип Гельфрейха в «Надежде Николаевне», 112.

Ядринцев, Николай Михайлович (1842—1894) — публицист народнического лагеря, сибирский общественный деятель; привлекался к дознанию по делу «сибирских сепаратистов» 1865 г. и после трехлетнего заключения в Омской тюрьме был сослан в Шенкурск, откуда деятельно сотрудничал в «Деле», «Отеч. Зап.», «Неделе» по вопросам тюрьмы и ссылки. В 1874 г. был восстановлен в правах, поселился в Петербурге, продолжая научно-публицистическую деятельность, 368, 475.

Языков, Н. Н. — внук поэта Н. М. Языкова, племянник В. Е. Родионовой (см.), воспитанник Николаевского кадетского корпуса; впоследствии земский деятель Самарской губ., 390.

Якоби, Валерий Иванович (1836—1902) — исторический живописец и жанрист. Автор картин «Привал арестантов» (1861), «Умеренные и террористы» (1868) и др., 89, 201, 417.

Яковлева, Ю. И. — см. Безродная, Ю.

Якушкина, Е. М. — помещица Орловской губ., знакомая Гаршина, 284.

Яновская, Наталья Павловна, по мужу Драгневич — женщина-врач, работавшая в Петербурге, 169, 188, 470.

Яроцкий, Василий Гаврилович (1855—1917) — товарищ Гаршина по Горному институту, из которого перешел в 1876 г. на юридический факультет Петербургского университета; с 1883 г. — профессор Александровского лицея по кафедре политической экономии; специалист по вопросам рабочего страхования; сотрудник «Северного Вестника», «Русского Богатства» и «Нового Слова», 364.

Ярошенко, Николай Александрович (1846—1898) — живописец-передвижник, жанрист и портретист, приятель Гаршина. Автор «Кочегара» (1879), использованного Гаршиным в «Художниках», «Заключенного» (1879), «Студентов» (1881), «Курсистки» (1883) и др., 90, 92, 395, 524.

Ясинский, Иероним Иеронимович (1850—1931) — беллетрист и публицист; принимал ближайшее участие в «Слове» (1878—1880) и «Новом Обозрении» (1881), в которых выступал с научно-популярными статьями по естествознанию, и где впервые начал работу как беллетрист (под псевд. «Максим Белинский»). Сотрудничал также в «Отеч. Зап.», «Вестнике Европы», «Устоях» и др. изд. и был близок к радикально-народническим кругам. В 1886 г. резко изменил общественно-политическую ориентацию и объявил о разрыве с традициями 60-х гг., перенеся свою литературную деятельность в «Русский Вестник» и «Русское Обозрение». Был редактором «Биржевых Ведомостей» (1898—1902), редактировал и издавал «Ежемесячные сочинения», «Почтальон», «Беседу» (1900—1908). После Октябрьской революции работал в Пролеткульте, вступил в коммунистическую партию и опубликовал мемуарный «Роман моей жизни» (М. — Л., 1926); автор воспоминаний о Гаршине, 230, 231, 233, 239, 327, 340, 344, 345, 374—375, 464—465, 485, 486, 499, 506, 507, 508.

СПИСОК АВТОГРАФОВ, ПОРТРЕТОВ И РИСУНКОВ

1. В. М. Гаршин. — Этюд И. Е. Репина (1883—1884). С оригинала, хранящегося в Государственной Третьяковской Галлерее в Москве. . . . . *Фронтиспис*
2. Автобиография В. М. Гаршина. — Последняя страница. (Собрание С. А. Венгерова в Государственном Институте Книговедения) 14
3. В. М. Гаршин, А. Я. Герд и В. М. Латкин. — С фотографии В. Каррика. 1876 г. (Собрание Н. М. Гаршиной). 64
4. В. М. Гаршин. — С фотографии В. Каррика. 1876 г. (Собрание Н. М. Гаршиной). 96
5. Р. В. Александрова. — С фотографии Н. Дурново. Харьков. 1876 г. (Собрание Н. М. Гаршиной). . . . . —
6. В. М. Гаршин. — С фотографии А. Ясвоина. 27 января 1877 г. (Институт Русской Литературы Академии Наук СССР). . . 144
7. В. М. Гаршин. — С фотографии Людвига Энгеля. 1877 г. (Институт Русской Литературы Академии Наук СССР). . . . . . —
8. В. М. Гаршин в кругу петербургских художников в 1878 г. (В третьем ряду посредине — И. Е. Крачковский; на полу — Е. Е. Волков). — С фотографии в архиве В. М. Гаршина (Институт Русской Литературы). 154
9. В. М. Гаршин. — С фотографии И. Страхова. 2 февраля 1880 г. (Собрание Е. М. Гаршина в Институте Русской Литературы). 208
10. Н. М. Золотилова. — С фотографии А. Ясвоина. 23 февраля 1880 г. (Собрание Н. М. Гаршиной). . . . . —
11. Рисунки В. М. Гаршина. — С оригинала (лист альбомной бумаги) в архиве В. М. Гаршина (Институт Русской Литературы). 272
12. В. М. и Н. М. Гаршины. — С фотографии В. Каррика середины (?) 80-х гг. (Собрание Н. М. Гаршиной). 320
13. В. М. Гаршин и И. Е. Репин. — Карандашный этюд И. Е. Репина к рассказу Гаршина «Художники». (Художественно-литературный сборник «Памяти В. М. Гаршина», СПБ. 1889, лист 20). 336
14. В. М. Гаршин, И. И. Ясинский и Н. М. Минский. Киев. Сентябрь 1884 г. — С фотографии из собрания Т. И. Немчиновой-Ясинской. 344
15. В. М. Гаршин. — С фотографии середины (?) 80-х гг. (Собрание Я. П. Полонского в Институте Русской Литературы). 352
16. В. М. Гаршин. — С фотографии конца 1884 г. (Институт Русской Литературы). . . . .
17. В. М. Гаршин, А. Я. Герд и В. М. Латкин. — С фотографии 1886 г. (Собрание Н. М. Гаршиной). 368
18. Письмо В. М. Гаршина к Н. С. Таганцеву от 4 февраля 1887 г. (Государственная Публичная Библиотека в Ленинграде). 384

19. Письмо В. М. Гаршина к жене от 2 апреля 1887 г. (Собрание Н. М. Гаршиной) 388
20—27. Рисунки В. М. Гаршина. — Из Крымского альбома В. М. Гаршина, хранящегося в Институте Русской Литературы Академии Наук СССР, листы 4, 5, 6, 7, 10, 13, 14, 15. 392
28. В. М. Гаршин (справа, в клетчатой блузе) с матерью, братом Евгением и двумя учениками Е. С. Гаршиной в Сольцах в 1867 г. — С фотографии в собрании Е. М. Гаршина (Институт Русской Литературы) 400
29. В. М. Гаршин. — С фотографии 1887 г. (Собрание Л. Ф. Пантелеева в Институте Русской Литературы) 440
30. В. М. Гаршин в гробу. — Карандашная зарисовка И. Е. Репина. (С оригинала в Институте Русской Литературы Академии Наук СССР) 528

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.:	*Письмо:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
203	186	СПБ $\frac{10}{\quad}$ 80	СПБ $\frac{10}{II}$ 80
379	410	знаменует	находящаяся, знаменует
382	421	собаченька	сабоченька
386	425	собаченька	сабоченька
393	437	И. Ф. Анненский	Н. Ф. Анненский

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Г. Оксман. — От редактора 7

Автобиография В. М. Гаршина 11

Письма 1874—1888 гг.

1874 г. 19
1875 г. 29
1876 г. 59
1877 г. 108
1878 г. 148
1879 г. 171
1880 г. 199
1881 г. 216
1882 г. 235
1883 г. 291
1884 г. 306
1885 г. 352
1886 г. 363
1887 г. 377
1888 г. 394

Приложения

I. Ранние письма Гаршина 401
II. Письмо В. М. и Е. М. Гаршиных 444

Примечания

Автобиография В. М. Гаршина 447
Письма 449

Дополнения к примечаниям

1. Пояснения Н. М. Гаршиной 527
2. Выдержки из писем П. Г. Попова к Н. М. Золотиловой (Гаршиной) о В. М. Гаршине в июле — августе 1880 г. . . 528
3. Библиографический указатель воспоминаний о В. М. Гаршине 534

Указатель адресатов и архивно-библиографические справки о письмах Гаршина 543

Именной указатель к письмам Гаршина 550

Список автографов, портретов и рисунков 595

В. М. Гаршин, А. Я. Герд и В. М. Латкин
С фотографии 1876 г.

Р. В. Александрова
С фотографии 1876 г.

В. М. Гаршин
С фотографии 1876 г.

В. М. Гаршин (в военной тужурке) в кругу петербургских художников в 1878 г.
В третьем ряду посредине — И. Е. Крачковский; на полу — Е. Е. Волков

С фотографии в архиве В. М. Гаршина

В. М. Гаршин
С фотографии от 27 января 1877 г.

В. М. Гаршин
С фотографии конца 1877 г.

В. М. Гаршин
С фотографии от 2 февраля 1880 г.

Н. М. Золотилова
С фотографии от 23 февраля 1880 г.

Рисунки В. М. Гаршина

Музей Института русской литературы Академии Наук СССР

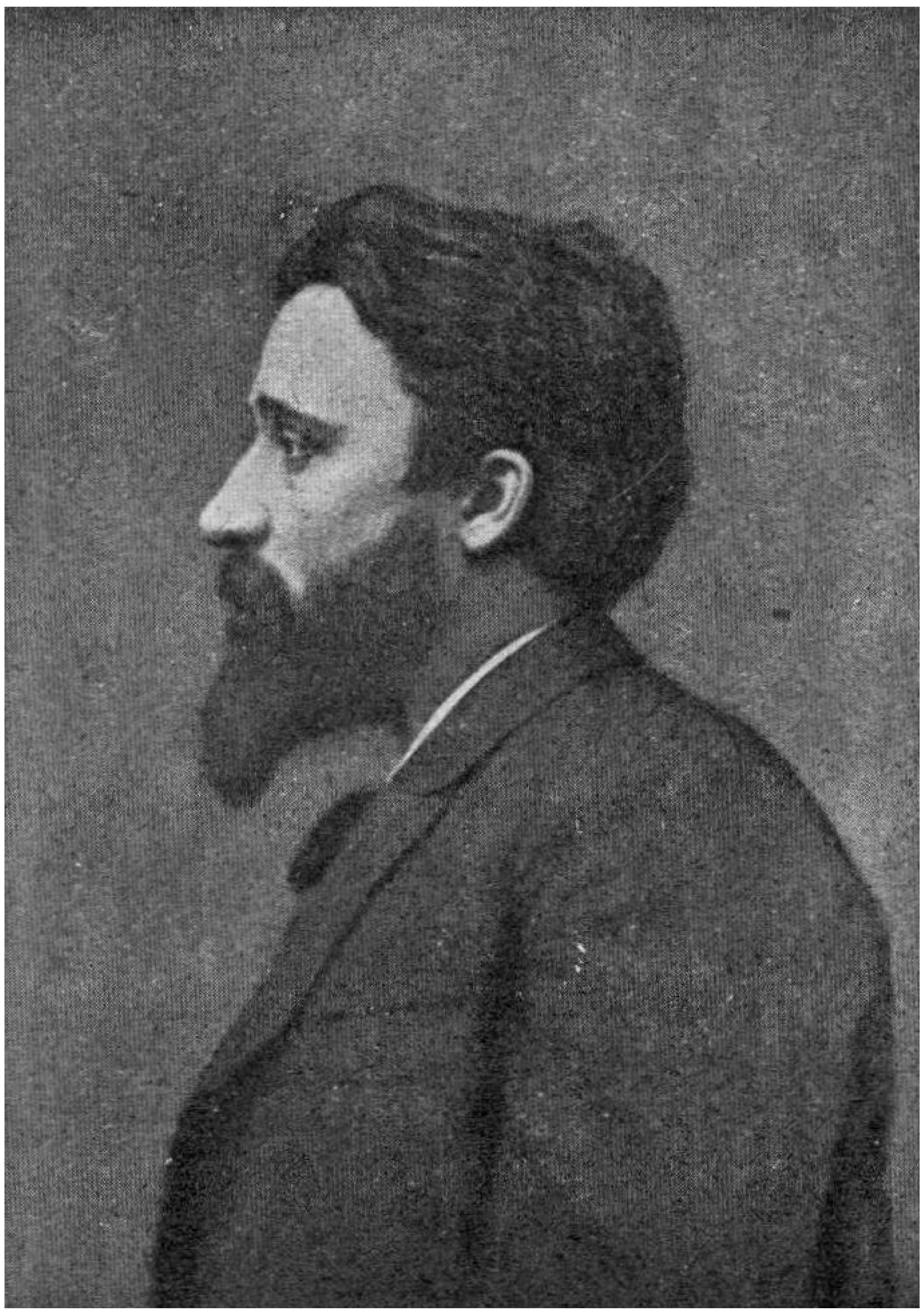
В. М. и Н. М. Гаршины

С фотографии В. Каррика середины 80-х годов

В. М. Гаршин и И. Е. Репин

Карандашный этюд И. Е. Репина к рассказу В. М. Гаршина „Художники“

В. М. Гаршин, И. И. Ясинский и Н. М. Минский
Киев. Сентябрь 1884 г.
С фотографии из собрания Т. И. Немчиновой-Ясинской



В. М. Гаршин
С фотографии середины 80-х годов

В. М. Гаршин
С фотографии конца 1884 г.

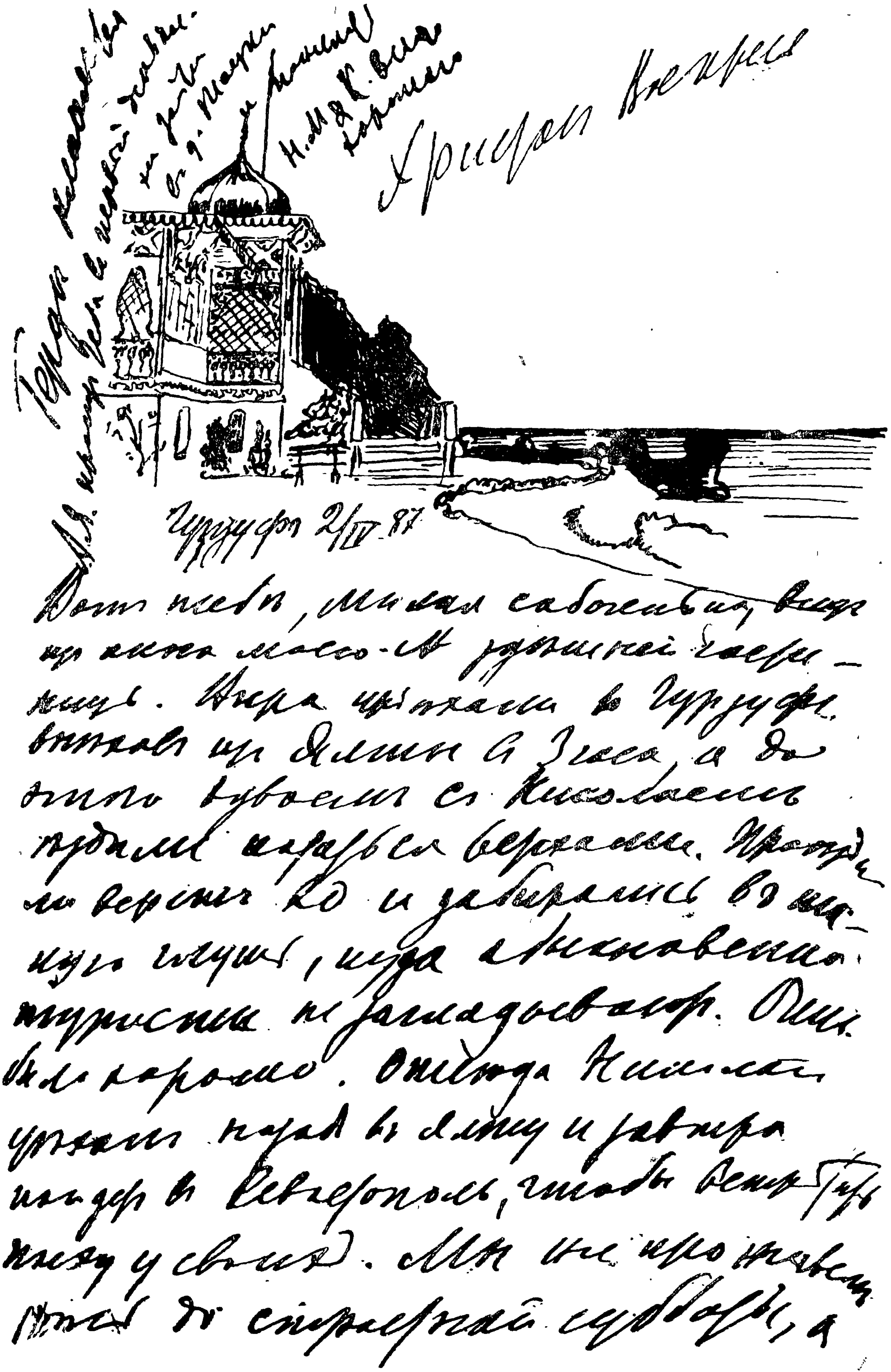
В. М. Гаршин, А. Я. Герд и В. М. Латкин
С фотографии 1886 г.

Многоуважаемый

Николай Степанович!

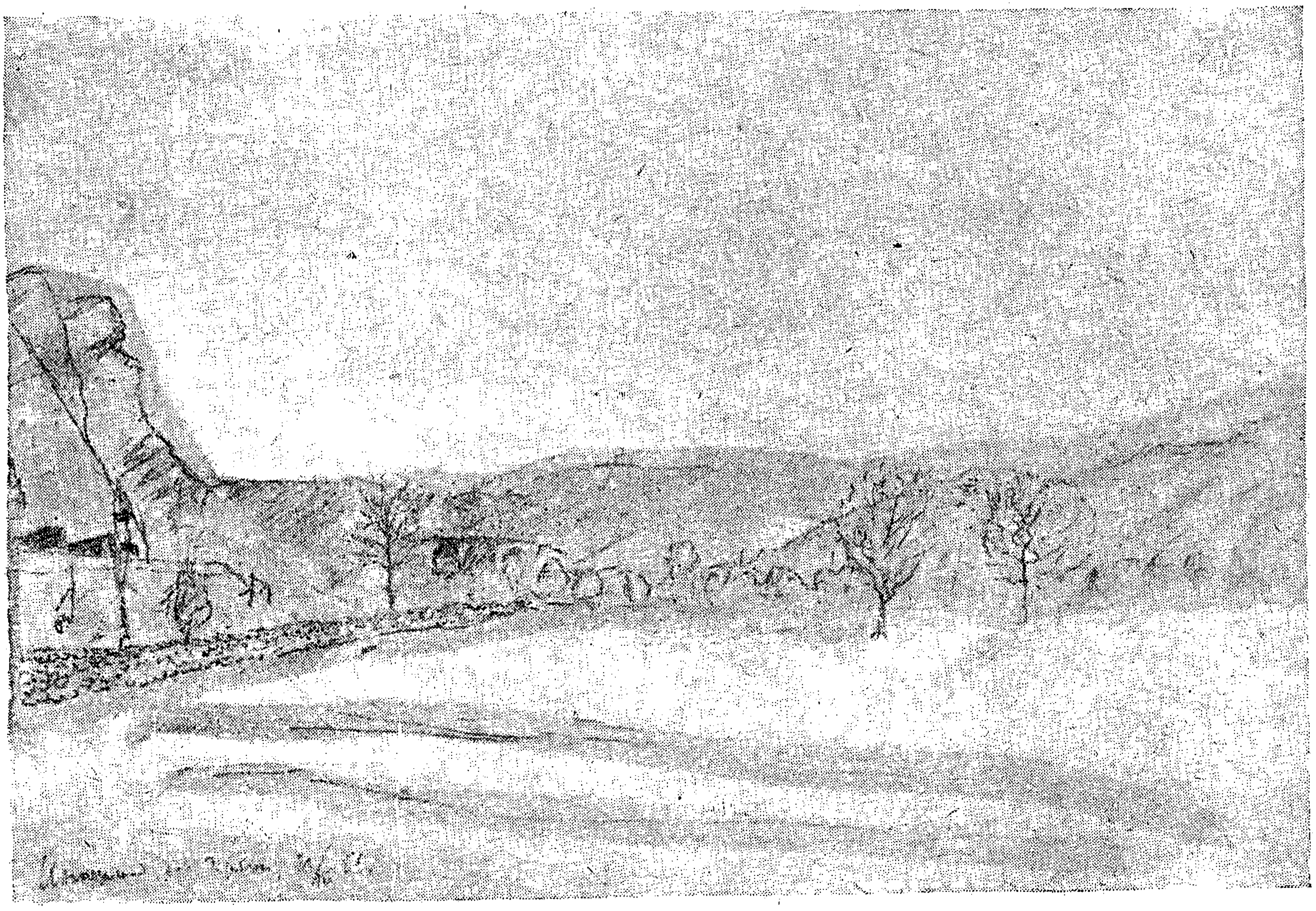
Письмо В. М. Гаршина к Н. С. Таганцеву

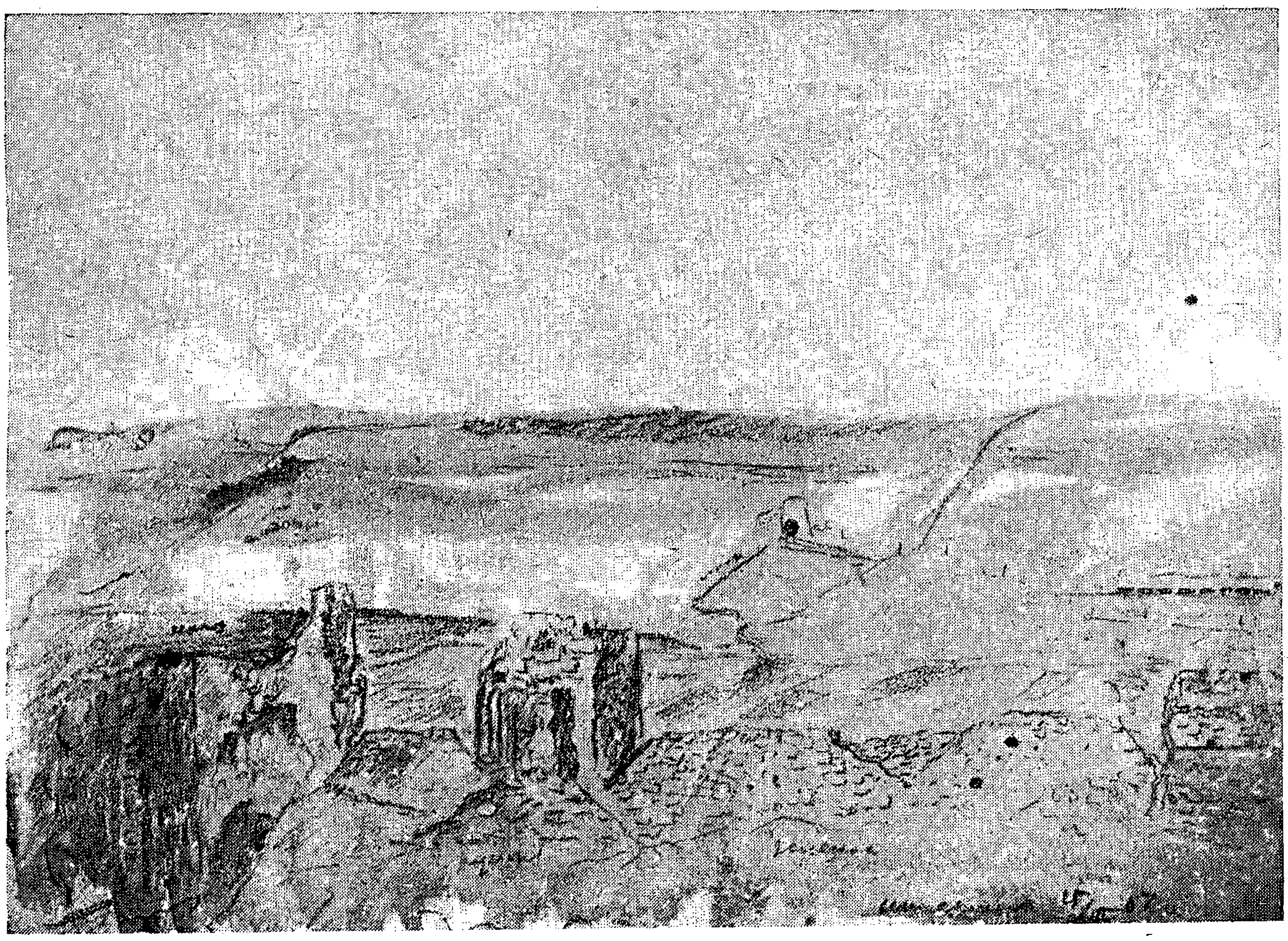
Государственная публичная библиотека в Ленинграде



Письмо В. М. Гаршина к жене

Бумаги Н. М. Гаршиной





Рисунки В. М. Гаршина

Инкерманские пейзажи в альбоме Гаршина, лл. 4 и 5

В. М. Гаршин (справа, в клетчатой блузе) с матерью, братом Евгением и двумя учениками Е. С. Гаршиной в Сольцах в 1867 г.

С фотографии в собрании Е. М. Гаршина

В. М. Гаршин
С фотографии 1886—1887 г.

В. М. Гаршин в гробу

Карандашная зарисовка И. Е. Репина

Редактор Л. Б. Каменев.
Техред Н. Н. Филиппов.

*

Сдана в набор 23.II.1933 г. Подписана к печ. 16.XII. 1933 г. Вышла в свет в декабре 1933 г. Уполномоченн. Главлита Б-24103. Индекс А-О. Изд. № 94. Тир. 5300 экз. Зак. № 541. Бумага 62×94 1/16. Печ. листов 37,5 + 19 вклад. л. Бум. л. 18,75 по 95000 зн.

*

Отпечатана во 2-й тип. треста „Полиграфкнига“ „Печатный Двор“. Ленингр., Гатчинская, 26.

Цена Р. 12.—

Переплет Р. 3.—